КУЛЛИЁТИ ФОЛЬКЛОРИ ТОЧИК

I

СВОД ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА

КУЛЛИЁТИ ФОЛЬКЛОРИ ТОЧИК
I
СВОД ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ЗАБОН ВА АДАБИЁТИ
БА НОМИ РӮДАКӢ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. РУДАКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КУЛЛИЁТИ ФОЛЬКЛОРИ ТОҶИК

ҶИЛДИ I

МАСАЛҲО ВА АФСОНАҲО ДАР БОРАИ ҲАЙВОНОТ

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯИ ҶИЛД
Раҷаб АМОНОВ,
Иосиф БРАГИНСКИЙ, Исидор ЛЕВИН, Абдулқодир МАНИЁЗОВ,
Носирҷон МАЪСУМӢ, Бозор ТИЛАВОВ

ТАРТИБДИҲАНДАГОН
Исидор ЛЕВИН,
Ҷалил РАБИЕВ, Мирра ЯВИЧ

САРРЕДАКЦИЯИ АДАБИЁТИ ШАРҚ
МОСКВА 1981

СВОД ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА

ТОМ I

БАСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ТОМА
Раджаб АМОНОВ,
Иосиф БРАГИНСКИЙ, Исидор ЛЕВИН, Абдулкадир МАНИЯЗОВ,
Носирджон МАСУМИ, Бозор ТИЛАВОВ

ПОДГОТОВИЛИ
Исидор ЛЕВИН,
Джалил РАБИЕВ, Мирра ЯВИЧ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

С (тадж)
С 25

Свод таджикского фольклора. Т. 1. Басни и сказки
С 25 о животных. Подготовили И. Левин, Дж. Рабиев, М. Явич.
М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

389 с., пл.

Публикуемые в томе тексты (на таджикском языке и в русском переводе) сопровождаются подробным научным аппаратом.

С $\frac{70303\text{-}040}{013\,(02)\text{-}81}$ Б3-103-47-79. 4702500000 С (тадж)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

МУНДАРИҶА

Сарсухан 6
Муқаддима 9
Сигнатураҳои матнҳо 75
Харитаи Осиёи Миёна 95
Ҳудуди сабти матнҳо 96
Нақшаи омӯхта шудани маҳалҳо 97
Рӯйхати маҳалли навишти матнҳо 98
Хроносоциограммаи умумии матнҳои T001—T419 100
Матнҳо 105
Рӯйхати ҷамъкунандагони матнҳои чопшуда . . 306
Рӯйхати гӯяндаҳои матнҳои чопшуда 308
Хроносоциограмма ва картограммаҳо 309
Кодификатори услуб 354
Феҳристи услуб 356
Каталоги типҳои афсонаҳо 360
Феҳристи мавзӯъҳо 364

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6
Введение 9
Сигнатуры текстов 75
Карта Средней Азии 95
Территория записи текстов 96
Схема изученности территории 97
Указатель мест записи текстов 98
Общая хроносоциограмма записей текстов T001—T419 100
Тексты 105
Список собирателей публикуемых текстов 306
Список рассказчиков публикуемых текстов 308
Хроносоциограммы и картограммы 309
Кодификатор стилистики 354
Указатель стилистики 356
Каталог повествовательных типов (Typenregister) 360
Указатель мотивов 364

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящей книгой начинается публикация многотомного *Свода таджикского фольклора.*

Значение фольклора для изучения истории каждого народа, для исследования и для развития его культуры является настолько общепризнанным для советской общественности, особенно в свете известных высказываний В. И. Ленина и А. М. Горького, что нет нужды писать об этом в редакционном предисловии. Следует вместе с тем отметить особую ценность материалов *фольклора таджикского народа*, учитывая, что на протяжении многовековой истории (начиная с истории его древних предков, восточноиранских народностей) в этом фольклоре отложились богатые следы многогранных генетических и контактных культурных связей — с Индией, Передней и Юго-Восточной Азией, со Средиземноморьем, с арабским и тюрко-монгольским миром, с Дальним Востоком, с Россией и со многими народами Западной Европы.

С одной стороны, это вызывает большие трудности научного исследования таджикского фольклора, но вместе с тем определяет научную значимость результатов преодоления этих трудностей.

Записи таджикского фольклора начались еще с прошлого века, когда они проводились преимущественно русскими исследователями. Однако небывалого размаха достигла собирательская работа в Советскую эпоху. Без большого вклада энтузиастов, предпринявших, подчас в тяжелых климатических и природных условиях, трудные экспедиции в недоступные селения Таджикистана, было бы невозможным издание Свода. В приложениях к настоящему тому указаны имена собирателей фольклора, а также рассказчиков, живых хранителей народной словесности. В результате накопился большой фольклорный архив, находящийся в настоящее время в распоряжении Института языка и литературы имени Рудаки Академии наук Таджикской Советской Социалистической Республики.

Этот архив коллективным упорным трудом сотрудников Института под руководством заведующего отделом фольклора члена-корреспондента АН ТаджССР Раджаба Амонова и доктора филологических наук Исидора Левина был систематизирован по разработанной последним научной методике, что сделало возможным предпринять издание многотомного Свода.

Научные принципы Свода, равно как и необходимая информация о территории обитания таджиков, демографические данные, сведения по истории языка и письменности, о быте в прошлом и настоящем, излагаются во Введении к Своду, издаваемом отдельно.

Результаты изучения фольклора в свете проводимых для каждого тома типологических, географо-исторических и социологических исследований, соответствующая документация которых содержится в данной книге, предварительно освещаются во Введении к тому, но будут обобщены в завершение всего Свода.

Первый том Свода включает басни и сказки о животных.

При отборе материалов в этот том были учтены следующие требования:

во-первых, не связывая себя определенной теорией жанров, было решено посвятить том одной группе произведений словесности (в данном случае, так называемым басням и сказкам о животных) и по возможности ввести в книгу образцы всех сюжетов;

во-вторых, поставлена задача: добиться максимальной репрезентативности публикуемого материала. Поэтому при наличии нескольких равноценных, нефрагментарных вариантов одного сюжета выбор падал на записи из тех районов, которые представлены реже. В известных случаях, из тех же соображений, подбор текстов для публикации определялся временем записи и возрастом рассказчика. Все это ограничивало субъективизм отбора. По мере возможности будут опубликованы и остальные материалы, которые либо уже имеются в архиве, либо со временем будут включены в результате продолжающейся собирательской деятельности.

Научный аппарат содержит необходимую информацию о *всей коллекции*, а не только о текстах, отобранных для первоочередной публикации. Надо иметь в виду, что оригиналы, хранящиеся в архиве, согласно сигнатурам, всегда доступны исследователям.

Публикуемые тексты сопровождаются научно адекватным переводом на русский язык, сделанным кандидатами филологических наук Миррой Явич и Элеонорой Улуг-заде. Оригинал и перевод печатаются рядом.

Тексты публикуются без эмендации, т. е. без таких исправлений, которые могли бы быть произведены на основе рецензии, т. е. сличения доступных вариантов-пересказов данного сюжета.

Принимая во внимание, что оригиналы нередко находятся в состоянии полевой записи, некоторая корректировка оказалась, однако, необходимой и оправданной с точки зрения издательских требований, которые, — без ущерба для документальности Свода,— учитывались компетентными сотрудниками Института языка и литературы им. Рудаки.

Тексты сверялись и вычитывались Раджабом Амоновым, Бозором Тилавовым, Элеонорой Улуг-заде и Таджигуль Исроиловой. В завершении рукописи активное участие принял Нисор Шакармамадов. В подготовке библиографии публикаций и оформлении исследовательского аппарата принял участие Мардон Негматов. Весь научный аппарат дан на русском языке.

Том подготовлен Миррой Явич и Джалилом Рабиевым под руководством и при непосредственном участии Исидора Левина.

Во Введении к тому, написанном И. Левиным, дается энциклопедический обзор научной литературы о баснях и сказках о животных (до 1972 г.).

Институт языка и литературы им. Рудаки выражает свою благодарность всем участвовавшим в выпуске первого тома Свода.

Редколлегия

ВВЕДЕНИЕ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА СВОДА.
2. ОБЩАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИИ ЖАНРА.
3. ИЗ ИСТОРИИ БАСНОПИСИ.
4. ГЕНЕРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ.
5. ГЕОГРАФО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ.
6. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ.
7. ФИЛОСОФИЯ БАСНИ.
8. ПОЭТОЛОГИЯ.
9. РЕПЕРТУАР И СВОД.
БИБЛИОГРАФИЯ

В настоящем Введении предлагается предварительное определение предмета данного Свода (1), рассматриваются общие и специальные теории, при помощи которых публикуемые тексты могут быть исследованы в их совокупности (2), дается исторический обзор басенных источников и освещается место публикуемых текстов среди памятников мировой словесности (3), обсуждаются основные научные направления в истории басноведения (4—6), резюмируются выводы ученых относительно идейного содержания сюжетов (7) и художественных средств произведений словесности этого ряда (8), а в заключение указываются новые пути к изучению совокупности представленных в Своде текстов и излагаются результаты проведенного анализа документированных в Своде явлений (9).

Введение должно служить сводом фольклористики в целях дальнейшего углубленного изучения свода фольклора.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА СВОДА

Систематизация литературных или фольклорных текстов и их издание представляет собою еще не решенную проблему. В качестве основы для научной классификации произведений словесности могут быть приняты самые разные признаки как историко-литературного, так и эстетического свойства и к тому же разного уровня содержания, формы, морфологии. Совершенно ясно, что одного, пусть самого броского, признака недостаточно для выделения существенной группы. Нужна совокупность разных показателей.

1.1. Из широкой области народной прозы, сказок, относительно легко, опираясь на объем и содержание, исходя из естественных признаков основных персонажей, можно выделить сферу так называемых басен и сказок о животных.

1.1.1. Вполне вероятно, что эти же тексты могли бы быть выделены и при помощи формальных, стилевых, поэтологических черт, присущих рассказам о животных. Возможно, что выделяемые по содержанию и форме рассказы отличаются и функционально, т. е. по назначению и месту в жизни. Не исключено, что группируемые по содержанию, форме или функции народные рассказы о животных могут быть обособлены и по происхождению, т. е. по месту и времени их возникновения.

Из 6557 прозаических текстов, имевшихся в нашем распоряжении, выделено 419 текстов, которые подлежат здесь анализу: из них полностью, в оригинале и переводе, публикуются в данном томе 116 записей.

1.2. Среди этих 419 текстов выделяется вид рассказов, в которых основным считается не сюжет, а структура. Поскольку их отличительной чертой является формальная схема, которая развивается совершенно независимо от содержания, их называют кумулятивными или цепными, «формульными» (Kettenmärchen, Formelmärchen, Formula tales) [Taylor HDM; Perkal 1959, 1961, 1965]. В нашей коллекции наблюдается несколько схем подобных рассказов.

1.3. Выделенные рассказы в народном обиходе обозначаются теперь в таджикском языке как *афсона* или как *масал*. Эти и другие понятия (см. 2.2.4.) здесь не зонируются и используются ныне, видимо, как синонимы. Следует отметить, что *афсона* — слово иранского происхождения и обозначает «сказку», тогда как слово *масал* является широко распространенным на Востоке арабским заимствованием с тем же значением.

1.3.1. Публикуемые в этом томе произведения по-русски обозначены как *басни и сказки о животных* (по-немецки — Tiermärchen, Tierfabeln, Tiersagen, Fabeln, по-английски — fables, animal tales, по-французски — contes animaux). Это означает прежде всего, что основными персонажами этих рассказов являются животные, птицы, реже люди; наряду со зверями подчас речь идет о растениях, еще реже действуют другие, так называемые неодушевленные предметы [Leibfried, 19].

1.4. В общих чертах согласимся с прагматической формулировкой Агнеш Ковач, венгерской фольклористки, которая определяет *сказку о животных* следующим образом:

«Сказка считается животной, если в ней животные, подобно людям, мыслят, говорят и поступают, не вызывая этим поведением у людских персонажей рассказа, у рассказчика или у слушателей ощущения чуда» [Kovács].

Разумеется, вместо *сказка о животных* можно здесь поставить при всех обстоятельствах и слово *басня*.

Каждый филолог и литературовед, не говоря о фольклористах-профессионалах, поймет практическую целесообразность и методическую правомерность выделения какой-то части словесности (в данном случае сказок о животных — AaTh 1—299 и формульных рассказов — AaTh 2000 и далее) как предмета для научной публикации и, соответственно, детального изучения (см. Каталог, стр. 358—361).

Все вопросы, возникающие при попытке научного определения предмета, именуемого обычно *баснями и/или сказками о животных*, составляют так называемую «проблему жанра».

2. ОБЩАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИИ ЖАНРА

Фольклористы вслед за литературоведами склонны считать, что произведения словесности искони принадлежат к определенным жанрам [Frenzel, 80; Fubini].

Гункель, имея дело с древневосточными памятниками, между прочим и с баснописными, утверждал, что литературу можно понять лишь по жанрам. Они могут быть усмотрены там, где одновременно есть в наличии: (1) определенный склад (Schatz) мыслей и настроений; (2) выраженный язык формы, в которой они проявляются; (3) место в жизни (Sitz im Leben), по которому содержание и форма вообще могут быть поняты. Только придерживаясь этих трех критериев, полагал Гункель, можно избежать ошибок.

Сам Гункель подчеркивал, что происхождение жанров может быть устным, долитературным. В этих условиях жанр мог проявиться только как репертуар [Gunkel].

2.1. Жанр в настоящее время рассматривается в теории словесности как строго очерченная модель, которая, по мнению генологов (жанроведов, теоретиков жанра), включает в себя обязательный комплекс *материй* (Stoffe): сюжетов, эпизодов и мотивов (например, персонажей), изображенных определенными языковыми средствами, и эта модель обладает не только своеобразной структурой, но намечает также определенный круг мыслей на уровне воздействия, предполагая у сочинителей и внушая читателям и слушателям определенное мировосприятие. Все эти свойства жанра находятся в такой тесной взаимосвязи, что ни одно из них не может быть заменено или существенно модифицировано. Подобный взгляд привел к тому, что фольклор публикуется и изучается по жанрам, удовлетворительного теоретического определения которых нет [Frenzel; Fubini].

2.1.1. Жанровая модель складывается — как полагают ученые на основе поздних и обозримых процессов в литературе — под воздействием отдельных произведений, ставших образцовыми.

Родоначальником может стать одно удачное произведение, которое, естественно, сочинено определенным лицом, в определенном месте, в определенное время.

Можно предположить, что сама творческая практика приводит к тому, что выдающиеся произведения талантливых мастеров слова становятся образцом для последующих произведений, которые тем самым создают и приобретают признаки жанра [Frenzel].

2.1.1.1. Жанр, по мнению некоторых генологов (но не их критиков), равно как и его слагаемые, имеет свою географию, историю, социологию, психологию и функцию, так как породившее его произведение словесности возникает сперва у одного человека и под его влиянием распространяется, способствуя появлению аналогичных групп произведений на родине, затем в соседних странах и у последующих поколений, сначала в одной социальной группе, позже в других. Таким образом, признание категории жанра методически ничего не меняет в генетической постановке исследования отдельных произведений.

2.1.2. Перри — авторитет в области античной баснописи — пришел к противоположному выводу:

«В применении к литературе, народным сказкам, музыке и пластическому искусству... единственно возможным и практическим подходом для изучения мы считаем номинализм: universalia post rem».

«Противоположный подход, а именно средневекового реалиста universalia ante rem или in re, который часто подсознательно преобладал среди историков литературы, вел к бесконечной путанице и беспорядку

в поисках чего-то, не существующего за пределами ума ищущего...» [Perry].

2.1.2.1. Опираясь на богатейший историко-литературный опыт, Перри считал, что научное, а не просто техническое объединение произведений по каким-то формальным признакам жанра или вида, или по другим качественным чертам, не только невозможно практически, но и несостоятельно принципиально, теоретически:

«„Форма", „жанр" или „вид", если речь идет о качественном содержании группы произведений, есть не что иное, как термины, используемые для удобства...

...„Форма", в этом общем смысле (к этой категории Перри относит и жанр.— *И. Л.*),— понятие весьма полезное до тех пор, пока оно не вводит нас в заблуждение, но в отличие от такого понятия, как „сюжет", оно не имеет двойника в мире объективной реальности...

И поскольку это понятие абстрактное, существующее лишь в мозгу, в то время как реальность, породившая его, уже была создана, то оно не может иметь ни генеалогии, ни развития в литературном или художественном плане. Таковы, на мой взгляд, основные предпосылки для изучения басен и народных сказок, как и литературы вообще» [Perry].

2.1.3. Именно эту концепцию внедрил в фольклористику гораздо раньше основоположник типологического изучения сказок о животных К. Крон [Krohn 1926].

В устном состоянии произведение словесности всегда существует в пересказах, т. е. *вариантах*, которые более или менее близко отражают исходное произведение. Общность, совокупность пересказов воссоздает *т и п* (Typ, Märchentyp). Но эта общность вариантов включает в себя, по мнению генологов, и черты, свойственные жанру. Чем больше у исследователя вариантов, воспроизводящих произведение, тем отчетливее проявится их общность на любом уровне. Произведения, бытующие преимущественно устно, всегда привязаны, таким образом, к типу и жанру. Это положение было бы верно для фольклора, даже если отвергнуть теорию жанров для литературы [Anderson 1935; Anderson HDM; Levin WA].

Нужно оговорить, что пользование понятием *жанр*, *вид* еще не влечет за собою признания жанровой концепции литературы и фольклора, в особенности применительно к исследуемым текстам басен и сказок о животных.

2.1.3.1. Сознательный отказ от модели, новаторство, ввод новых, нетрадиционных персонажей, мотивов или эпизодов, новых сюжетов может в литературе пройти удачно. В фольклоре серьезное нарушение модели, как на уровне типа, так и в пределах группы произведений, приводит к разрушению повествовательных типов и предполагаемого жанра в целом. Поэтому фольклористика обращает основное внимание на изучение о б щ н о с т е й, т. е. типического, а не частных отклонений индивидуального творчества, обнаружившихся в единичном воспроизведении, в отдельном варианте [Anderson HDM, 508].

2.1.4. Такова в самых основных чертах общая теория жанра и вытекающее отсюда определение этого понятия.

Легко заметить, что генология оперирует произведениями, текст которых стабилен и содержание которых ясно. Такие условия налицо в литературе нового времени XVII—XIX вв., их нет в фольклоре, где значение жанровости иное.

Ввиду этого отобранные 419 текстов сведены в аналитической части (стр. 358—361) по типам, а публикуются полностью лишь их 116 образцов (стр. 107—305). Хронологическая, социологическая и географическая документации крупнейших типовых групп даны на стр. 310—353.

2.2. Настоящий раздел посвящен специальной теории жанра басни и сказки о животных, веками занимавшей филологов-востоковедов, классицистов и поэтологов.

2.2.0.1. Если рассказы, выделенные из коллекции по признакам действующих персонажей, определить не только технически, но и н а у ч н о как басни и/или сказки о животных, сразу возникают два предварительных теоретических вопроса: в о - п е р в ы х, принадлежат ли эти рассказы, с точки зрения генологов, к определенному е д и н о м у жанру или виду и, в о - в т о р ы х, является ли этот жанр или вид литературным, художественным по своей сути.

Оба вопроса, как поясняет на ряде примеров Отт, были давно поставлены, и они получали в разное время разное и противоположное решение. Но актуальность для нас сохранил лишь первый вопрос, ибо фольклористы в самых редких случаях осмеливаются отказать в художественности произведениям, записанным из уст народа [Ott].

По первому вопросу следует напомнить, что в настоящее время далеко не все литературоведы признают необходимость категории жанра вообще и, следовательно, не всеми признается самое наличие жанра басни в частности.

Другие, считая несостоятельными традиционные жанровые подразделения, хотя и не отвергая категорию жанра в принципе, отрицают все же реальность жанра сказки о животных и даже басни. Они включают подобные произведения в новые предлагаемые ими кате-

гории, которые либо не вмещают в себя все то, что принято было считать басней и/или сказкой о животных, либо распространяются и на другие произведения, которые не было принято до них считать ни басней, ни сказкой о животных [Harkort 1970].

2.2.0.2. Нет такого совершенно надежного признака — тем более стилистического, формального,— ни для восточной, ни для античной баснописи, при помощи которого можно было бы выделить жанры или виды и отнести к ним прозаическое произведение.

2.2.1. Томпсон характеризует положение, в котором оказывается ученый, так:

«Если кто-нибудь займется изучением всех родов животных сказок в фольклоре Европы и Азии, он будет завален громадным количеством вариантов анекдотов, которые связаны с героями-животными. Это огромное количество анекдотов происходит не только от интереса к природе и поведению данного животного, но также из глубоко укоренившейся привычки создавать сказки о животных, которая обычна для сказителей всех стран. Истории о животных зависят от своего первоисточника и появляются не только благодаря интересу к животным, но и благодаря творческой деятельности талантливых сказителей примитивных племен, благодаря культурным составителям индийских сборников, классических и средневековых басен» [Thompson Ft].

Но, очевидно, не иначе обстоит дело с древнейшими баснописными памятниками.

Перри, создавший свод басен, накопил ценный опыт, с которым необходимо считаться и фольклористу:

«Материалы, составляющие наши древние и средневековые собрания басен... так разнообразны, что никакое точное определение басни, как бы широко оно ни было сформулировано, не в состоянии их охватить. Некоторые из них даже не рассказы, а сравнения или аллегории, которые выходят за пределы основных образцов...»

«То, что составляет эзоповскую басню, под какие бы определения она ни подходила, может быть в то же самое время, с точки зрения ее содержания, сказкой (Märchen), этиологическим мифом, спором между двумя соперниками (Streitgedicht), мифом о богах, новеллой, анекдотом или шуткой...»

«...Басни и пословицы также часто совпадают и сходны по форме, значению и функции. Это особенно справедливо по отношению к греческим и в о с т о ч н ы м пословицам в средние века...» [Perry].

2.2.2. Задача, стоящая перед создателем свода словесности, достаточно ясна, к ее решению ведет путь, указанный Перри вслед за Томпсоном.

«...Примем за аксиому, что единицей делимости повествовательных форм является один рассказ, уникальную ценность которого мы должны считать безусловной, даже если мы не в состоянии определить или почувствовать его исключительность» [Perry].

2.2.2.1. В фольклоре такой подход осложнен еще тем, что перед нами не сами уникальные произведения, а многочисленные, разновременные их пересказы. Генетическая взаимосвязь этих в а р и а н т о в между собой сосуществует с негенетическим отношением п р о и з в е д е н и й между собой как инвариантов.

2.2.3. Неразделимость того, что принято называть пословицами, баснями и сказками о животных, подтверждается не только сюжетом, конкретными памятниками литературы и нынешним положением в фольклоре, но основано также на речевой практике, где все это используется в одинаковых ситуациях и целях.

2.2.4. В семитских языках Востока нет, видимо, особых обозначений для таких современных понятий, нашедших выражение уже в античной риторике, как *парабола*, *аполог* или *аллегория*. Эти и другие виды словесности обозначались семитским словом *машал* и его диалектальными производными *амтал*, *масал*. Гункель под *машал* в Библии разумеет, как и Эйсфельдт, народные пословицы и поговорки, а также Spottlied. Между тем Грессман подразумевал здесь басни о растениях и животных [Fohrer; Gunkel 1925; Eissfeldt; Gressman 1921].

Итак, в семитских языках *мшл* обозначает короткий рассказ, параболу, сравнение. Производное слово *масал* может быть поэтому переведено по-русски словом *притча*, *пример*, что сродни пословицам и поговоркам. Это слово через арабский вошло в употребление народов Средней Азии, как персидско-таджикское *масал* и *зарбулмасал* («приведение примера») [Тилавов]. В среднеперсидском языке имелся собственный термин для обозначения притч, широко использовавшихся манихеями в проповедях: *знд*, *азинд*. Асмуссен считал это слово важным для всей манихейской доктрины [Asmussen]. Уместно отметить, что в арабском языке для обозначения басни используется заимствованное из греческого *устура*, мн. *асатир* (слово того же корня, что и русское *история*).

В древнегреческой ионической литературной традиции, как указывал Хаусрат, сюжеты басен обозначались термином *айнос*, как притча, пословицы и загадки — вообще всякая знаменательная речь. Позже это понятие было сужено и забыто.

В дальнейшем басни вместе со сказками обозначались терминами μῦθος и λόγος. Пер-

вый термин *миф* искони означал всякий рассказ. Второй термин *логос* означает вообще речь. Это обозначение, которое соответствует латинскому понятию *fabula*, а по-русски *басня* (от *баяти*, говорить, рассказывать), Тиле толкует как «беседа, диалог животных», в чем он видит исконный смысл басни вообще.

Тиле указывал на затруднения в обозначении произведений античной литературы, которые с равным успехом могут рассматриваться как сказка, шванк (анекдот) или басня, для чего не было выраженного жанрового названия в античности. Видимо, для обозначения басен и некоторых пословиц и поговорок в позднее время, как указывал Хаусрат, у греков использовался термин *аполог*.

Ученые сходятся на том, что в античности ряд жанров, среди них басня, возможно и сказка, новелла, анекдот, шутка, загадка и пословица, воспринимались как нечто общее, как единый жанр, имеющий отношение скорее к речи, риторике, нежели к искусству, поэзии. Аналогичная ситуация сложилась, как указывал Хертель, и в Индии. Нет оснований полагать, что на иранской почве эти виды словесности когда-либо различались терминологически.

2.2.5. Чтобы избавиться от запутанной традиционной терминологии, ученые предлагают новые термины [Harkort 1970].

2.2.5.1. Ввиду того что «Житие Эзопа» содержало не только басни, но и пословицы и загадки, в науке стали говорить об «эзопическом жанре»; хотя принципиально-терминологически это допустимо, как и любой другой термин, но практически имя Эзопа внушает ряд дополнительных представлений, делающих такой термин неудобным.

«Житие Эзопа», как теперь известно, перенесло на своего героя — греческого «отца басен» — многие детали из так называемой «Книги премудростей Ахикара», легендарного советника ассирийского царя Синахериба (704—681 до н. э.). Эта книга дошла до нас в разных версиях, по-арамейски (отрывок найден в Элефантине, см. 3.9.2.2), по-арабски (Хайкар), по-эфиопски (Хекер), по-гречески (Ахикарос) и на старославянском языке (Акир). Ахикару приписывали авторство многих басен и пословиц, так что этот вид словесности на Востоке мог бы называться «хайкаровским». В арабском мире изобретение басен приписывалось также доисламскому мудрецу Лукману. Впрочем, почти все из его 41 басни известны по сирийскому варианту «Жития Эзопа» [BP 4, 412]. Сами же греки догадывались, что их «эзопические» басни заимствованы у народов Востока, считая и своего Эзопа сирийцем. Ахикар позднее изображался как греческий философ наряду с Гомером [BP 4, 104].

2.2.5.2. Вейнрейх предлагал, учитывая разнородность эзопической литературы, внедрить термин *ареталогия*, который обозначал бы малые произведения словесности, народные по характеру, направленные на развлечение и поучение. Именно сюда относятся и краткие, новеллистические рассказы, впрочем не обязательно с животными в качестве персонажей. Правда, этот термин уже вводили Вернер (1918) и Кереньи (1927), но он не получил тогда широкого распространения (см. также беглые заметки по поводу ареталогии: [Толстой; Weinreich]).

Термин *ареталогия*, обозначавший искони рассказы о чудесах, совершавшихся у святынь, едва ли найдет поддержку в востоковедной практике, хотя есть несомненная генетическая связь между античными ареталогическими произведениями и текстами, записанными в Средней Азии и публикуемыми здесь.

2.2.5.3. Широкауэр, рассматривая проблему жанра эзопической литературы, пришел к выводу, что притча, басня, шванк составляют единство, которое может быть обозначено как «Gebrauchsliteratur», буквально как прикладная, утилитарная литература, отвечающая повседневным потребностям широких слоев населения.

В настоящее время подобную литературу называют «тривиальной», *лубочной*. Там, где доминирует сакральная письменность и классическая, высокая литература, всегда в обиходе и понятие «чтива» для обозначения «низкого». Для фольклора, для устной традиции такое понятие, как Gebrauchsliteratur, Trivialliteratur — лубочная письменность,— неприемлемо [Schirokauer, 188].

2.2.5.4. Леманн считал басни простой разновидностью притчи (параболы). Басню и притчу он относит к разряду Beispieldichtung (парадигматическая поэзия), опираясь при этом на «Риторику» Аристотеля [Lehmann, 30].

2.2.5.5. Харкорт в представленной им диссертации о категориях народных рассказов (как сообщает в некрологе его учитель Курт Ранке — «Fabula» 13 (1972), 182) предложил свои новые категории. Харкорт в опубликованной ранее выдержке из диссертации формулирует свой вывод так: «. . . собственно жанра „народные рассказы о животных“ не существует, надо, напротив, причислять рассказы о животных к другим жанрам фольклора; но под ними я не подразумеваю *сказку*, *предание*, *легенду* и *шванк*, которые вследствие их зыбких критериев не могут образовать жанры, а имею в виду постулированные замкнутые в себе жанры: „Erklärungsvolkserzählung“ (экспликативный, объяснительный народный рассказ), „Beispielsvolkserzählung“ (парадигматический, „примерный“

народный рассказ) и „Irreale *Erlebnisvolkserzählung*“ (ирреальный народный рассказ о пережитом)» [Harkort 1970].

По всей вероятности, предлагаемые в своде рассказы, согласно этой новейшей классификации, опять потеряли бы свое единство, потому что должны были бы быть отнесены как к объяснительным (в силу содержащейся в них этиологии), так и к парадигматическим рассказам.

2.2.5.5.1. Харкорт отвергал уже раньше правомерность понятия «сказки о животных». Во многих случаях неясна исконность животных персонажей в сюжетах, относимых обычно к сказкам и басням о животных, ввиду этого Харкорт ставит под сомнение пригодность основных персонажей в качестве критерия классификации народных рассказов о животных. Персонажи в данном случае не могут определить жанр по признаку оппозиции животные — люди: сказки о животных, или Tierschwank, Tiersage, Tierlegende — сказки [о людях] и т. п. Однако и категории Харкорта не отличаются четкостью оппозиции. Трудно предсказать, в какой мере его посмертные, более конструктивные, предложения будут внедрены в научную практику.

2.2.5.6. Усилия филологов имели главным образом терминологический характер. За этим кроются, конечно, и теоретические поиски. Упомянутые ученые так или иначе старались объединить под одним термином то, что литературно-исторически, да и в фольклоре, сложилось как некая общность.

Выход из жанровых затруднений, предложенный Вейнрейхом, представляется литературно-стилистическим. Выход, предложенный Широкауэром, является скорее социологическим. Выход, предложенный Харкортом, может считаться функциональным. Следовательно, эти термины неравноценны теоретически.

Исследователи повествовательных типов жанровых затруднений не испытывают, и предлагаемые выходы для них иррелевантны.

2.2.6. Перри, как многие его предшественники, несмотря на номиналистические оговорки, отрицающие жанровость, старался тем не менее дифференцировать произведения литературы, по существу безоговорочно придерживаясь сложившейся терминологии. Перри не видел существенных отличий между тем, что именуется басней, и тем, что называется пословицей-поговоркой. Он относит сюда и притчу, сравнение и т. п. Однако он очень резко противопоставлял то, что он как грецист именует басней, тому, что он, вслед за фольклористами, именует сказкой о животных.

«Смешение рассказа о животном с эзоповской басней и в результате — тенденция путать эти два термина преобладала среди ученых, изучающих басню, еще со времен Гримма и поныне является причиной многих недоразумений»,— заявляет Перри [Perry].

Это весьма существенный, но противоречивый момент, и обойти его нельзя.

2.2.6.1. Если подойти к делу прагматически, опираясь на содержание, то недоразумений быть не может. Одни и те же сюжеты могут в разных пересказах быть оформлены по-разному: и как басни, и как сказки, и даже как пословицы.

Фольклорист руководствуется прежде всего сюжетом для реконструкции произведения. Недоразумения возникают однако тотчас, когда, минуя сюжет, из противопоставления так называемых «басен о животных» и «сказок о животных» начинают делать теоретические выводы исторического или социологического характера — о генезисе, времени возникновения и поэтике отдельных произведений. Этого недоразумения не избежал и сам Перри, справедливо критиковавший за то же своих предшественников. Это тем более неубедительно для фольклористов, так как — а это признает и Перри— «. . . то, что является басней в теории, на практике часто превращается в рассказ о животных или этиологическую Natursage». В другом месте Перри как историк литературы констатирует:

«Во времена средневековья коллекции эзоповских басен из Греции и Рима образовали ядро, вокруг которого была собрана с 12-го века и позже в Европе и на Ближнем Востоке большая группа народных сказок и других видов народного творчества. В этом окружении классическая басня часто растворяется в эпосе о животных, снова становясь чисто повествовательным фольклором, из которого как басня она была сформирована, сокращена и упорядочена интеллектуальной культурой древнего мира» [Perry].

Итак, о какой бы то ни было жанровой чистоте уже древнейших литературных сборников не может быть и речи. Такой чистоты не получить при помощи терминологических ухищрений и из устных коллекций. Зачем же вообще возводить в аксиому терминологию и вместе с тем противопоставлять «басню» «сказке», когда все фольклорные и литературные факты доказывают обратное?

2.2.6.2. Перри спасает противопоставление «басни» «сказке», выдвигая еще такой историко-литературный довод:

«Не будем отрицать, что древние греки так же любили шутки и остроумные рассказы всех видов, как и любые другие народы, и что фольклор распространялся среди них устно, но то, что они привыкли слышать и говорить в неофициальных случаях, и то, что они считали нужным отобразить в литературе, сильно отличалось друг от друга».

Этим однако еще не доказано, что отличия между устной и письменной традицией должны привести к противопоставлению «басни» «сказке о животных», как этого добивается Перри.

Такие отличия могли сказаться на композиции или на появлении внефабульной «морали», наконец, на содержании этой морали, но вовсе не обязательно считать, что отличия имеются и в сюжетах и что они могут быть сведены к абстрактной, внеисторической оппозиции: фольклор — литература.

2.2.6.2.1. Если бы басня определенной фабулы встречалась только в письменности, то можно было бы назвать устное состояние сюжета — если бы оно обнаруживалось — «сказкой». Термины «басня» и «сказка» обозначали бы литературность одного вида и изустность другого. Это было бы чрезвычайно удобно и для востоковедов, если бы только такое отношение соответствовало действительности. Между тем, переход из устного состояния в письменное и обратно доказан на многочисленных сюжетах, в том числе публикуемых в этом томе.

2.2.6.3. Если вопрос о том, является ли конкретный рассказ о животных «сказкой» или «басней», вообще научно правомерен и если подобное различение, внедренное в фольклористику, оправдано самим фольклором, то оно, вероятно, не повсеместно и не всегда было одинаково четко выражено, и, по крайней мере, в районе Средиземного моря, Малой и Средней Азии возникшая задача может быть решена разве только слушателями, в зависимости от местной традиции, возраста, развития, начитанности.

В практике библейской письменности, литературы христианского Запада, мусульманского Востока, как впрочем и в буддийском мире, где подобные рассказы искони использовались проповедниками, граница между «сказкой» и «басней», т. е. между фольклором и литературой (конечно, в специфическом понимании этих категорий), мыслима только функционально, она не может быть проведена вне аудитории, еще меньше она может быть реконструирована на основе дошедших до нас литературных памятников и устной традиции.

Критерии, связанные с бытованием, с отношением рассказчика или его слушателей к рассказу, Пейкерт считал менее существенными для филологии, чем, например, признаки происхождения сюжета [Harkort 1970].

Можно прийти к заключению, что понятия *сказка о животных* и *басня* в силу культурно-исторических обстоятельств — синонимы, по крайней мере в Азии. (Поэтому в дальнейшем рассматриваемые здесь рассказы о животных будут называться сказками и баснями).

3. ИЗ ИСТОРИИ БАСНОПИСИ

Сказки о животных, записанные в Таджикистане, почти всегда могут быть прослежены в глубь веков по обозримым литературным памятникам на территории, условно ограниченной Нилом и восточным побережьем Средиземного моря, Каспием и Сырдарьей, Индом, Персидским заливом и Евфратом. Можно вообразить на этом ареале иранский эпицентр, в котором преломлялись культурные излучения, направленные из древних очагов цивилизации по довольно извилистым, испытанным веками торговым путям.

В этом разделе даны некоторые общие сведения о важнейших в историко-литературном отношении баснописных памятниках, вызвавших к жизни целые потоки басенной словесности, об их взаимосвязях (подчас сложнейших и потому еще не вполне выясненных) с иранским миром. Здесь могли быть отмечены лишь основные вехи, насколько это казалось необходимым для ориентации не только во вторичной научной литературе, сложившейся вокруг басен о животных, но и в текстах, образующих данный Свод.

3.1. Самые древние литературные тексты басен или пословиц о животных были обнаружены в раскопках шумерского города Ниппура времен династии Исин (ок. 2950 г. до н. э.).

Едва ли это обусловлено только тем обстоятельством, что именно отсюда дошла до нас и, вероятно, здесь и возникла древнейшая письменность. Незначительная часть этих памятников стала доступна в публикациях Крамера и Гордона [Kramer, Gordon SP].

Для примера приводится сюжет одной басни, которая встречается и ныне:

«Волк разделил баранов — девятерым отдал одного, а себе взял остальных: „вас девять — вы получаете одного барана, я один и беру себе остальных“». Из этого примера видно, как тесно якобы современный юмор абсурда связан с басней и диалогом.

Естественно, что эти открытия произвели переворот в воззрении ученых на историю баснописи [Gordon 1960, 121; Kramer].

Эволюционистские спекуляции, связанные с социально-экономической, стадиально-психологической, логической периодизацией персонажей, и предложенные на этой основе «закономерности развития жанра» оказались, как и следовало опасаться, ввиду их стройности, несостоятельными.

3.1.1. Древнейшей и популярнейшей, но вовсе не единственной формой басни оказалась в аккадской письменности *тенцона* (спор-диалог), арабский термин — *муназара*. В шумерской литературе спорят между собой: лето и зима; овца и зерно; Думузи (пастух) и Энкимду (бог арыков, земледелец); мотыга и плуг; дерево и тростник; благородный металл и медь; рыба и птица [v. Dijk; Lambert].

Каждый спорщик не только как представитель своего рода, но, очевидно, и в переносном смысле, как индивидуальность, старается показать свое преимущество. Этот спор, наподобие судебного, решается божеством.

Уже в древнейших свидетельствах встречаются как абстрактные, так и зооморфные и растительные персонажи, т. е. все разновидности, которые нам и ныне известны вообще в баснях.

3.1.2. Весьма рано была записана уже в клинописи тенцона о споре финиковой пальмы и тамариска, дошедшая до нас в двух списках.

От новоассирийского периода дошла до нас тенцона быка и коня. Выявлена также тенцона ли́са, его спутников и собаки. Эбелинг не сомневался в том, что сюжеты клинописных басен восходят к шумерскому источнику.

Тенцоны засвидетельствованы во всех периодах аккадской литературы, т. е. на протяжении около двух тысяч лет, что значительно дольше всей европейской литературной традиции.

Имеются несомненные свидетельства ряда сюжетов о похождениях лисы, между прочим, о союзе лисы и волка против собаки пастуха, о взаимных обвинениях лисы и волка перед судьей, богом солнца Шамашем.

В клинописи содержатся и другие свидетельства сказок о животных и обычных для нас басен, не только в виде тенцон, но также в сжатой форме, которая близка пословице или поговорке [Ebeling RLA 1957].

3.1.3. Эбелинг, опираясь на многочисленные исследования, приходит к выводу, что тенцона и вообще басни перешли из Вавилонии к соседям, в частности в Персию (имея в виду именно среднеперсидскую тенцону о финиковой пальме и козе, см. 3.9.2), в древний Израиль, к арамейцам (ежевика и гранатовое дерево в романе об Ахикаре), в Армению (спор деревьев из-за царства), в Египет (диалог сикомора с неизвестным деревом, по мнению Вюрфеля, не содержал спора) и, наконец, непосредственно к греческому поэту и собирателю словесности Каллимаху (тенцона о лавре и маслине) [Würfel 1952; Ebeling RLA 1957] (см. 3.9.2.1).

3.1.3.1. Преемственность сюжета сказки о вражде змеи и орла, начиная с древней Месопотамии III тысячелетия до н. э. вплоть до Северной Европы XX в. нашей эры (AaAn 222B), доказал своим исследованием Левин [Levin Etana]. Предположение Перри о связи басни Эзопа (№ 1) об орле и змее с вавилонской легендой об Этане не убедительно. Мнение Францова о связи египетского текста с преданием об Этане не влечет за собою пересмотра датировки [Würfel; Franzow].

3.2. Вопрос о существовании басен и сказок о животных и растениях в древнем Египте давно занимает ученых.

Место древнего Египта в истории баснописи продолжает быть неясным, как это видно из обзора Вюрфеля за 1952 г. [Würfel; Brunner-Traut MdW 1954, 1959].

Из раннего культурного наследия дошли до нас многочисленные изображения, которые представляют животных в несвойственных им видах, в качестве музыкантов, пастухов, слуг. Звери изображены в борьбе, сражении и играх. Эти изображения датируются III тыс. до н. э., что дает некоторое основание признать за Египтом приоритет (хотя записи текстов появились здесь уже на закате древней цивилизации) и тем самым повод для включения Африки в исконный ареал этого, стало быть, семито-хамитского вида словесности.

3.2.1. Эмма Бруннер-Траут, египтолог-рассказовед, своими разысканиями доказала наличие в древнем Египте (периода Рамзеса) множества мотивов и даже некоторых широко известных сюжетов басен.

Диспут головы с телом (или животом) о первенстве записан ученической рукой около X в. до н. э. и обнаруживает аккадское влияние.

На папирусах записаны басни о льве и мышонке; о львенке, искавшем знакомства с «силой» человека; о том, что не надо пренебрегать помощью слабого; что на каждого силача находится еще более сильный противник.

Немало египетских басен дошло до нас в более позднем, греческом изложении. Между прочим, о мышах, спасших египетское войско, когда они перегрызли кожаную сбрую у коней врага.

Этот рассказ обнаружен впоследствии на документе в раскопках Восточного Туркестана, где сохранились и другие баснописные памятники на среднеперсидском языке (см. 3.9.3).

В Египте обнаружены басни о проделках хитрой козы, сумевшей спастись от волка, а также о паломничестве животных (ср. тексты типа AaTh 130) и, между прочим, о войне мышей и кошек (см. здесь T298).

Этот сюжет привлек к себе особое внимание (см. 3.9.2.3).

3.2.2. Египетское наследие сохранилось и на коптском языке. Между прочим — фрагмент знаменитого «Физиолога», где басенные сюжеты поданы подчас как научные описания нрава животных. В христианских так называемых «бестиариях» животные вообще воспринимаются как религиозные аллегории, что отразилось и на иконах. Подобное описание зверей

встречается и в арабской литературе Египта. Образцом может служить «Жизнь зверей» («Хаят ал-хаяван») Дамири XIV в.

В коптском переводе сохранились многие баснописные памятники, вернувшие в Египет кружным путем местные сказки о животных.

Египетско-арабские басни в общем относительно редко находят соответствие в индийских источниках, являясь в основном ближневосточным наследием. Некоторые элементы местного, доарабского, происхождения ученые обнаружили в египетском слое «1001 ночи» (см. 3.7.2.) [Jahn].

Здесь надо обратить внимание на то, что Бруннер-Траут считает возможным переход большого количества сюжетов и басенного жанра в целом на иранскую почву не с Востока (Индия), как обычно полагали, а с Запада (Египет и Месопотамия), что несомненно повышает значение иранского мира для истории этой литературы. Известный востоковед Энно Литтман был склонен увидеть на обложке таджикского журнала «Пионер» № 11 за 1955 г. следы египетской традиции использования кошек и мышей для наглядного изображения арифметических задач [Brunner-Traut 1955, 1071—1078].

3.3. Важную посредническую роль в истории баснописи исполнила в течение двух тысяч лет литература е в р е е в.

Уже в древнейшем составе Библии есть две басни: Книга Судей 9, 8—15, высмеивающая царскую власть вообще, но затем заостренная против претендента на царство, и вторая басня — 4 Кн. Царств 14,9 (вариант: 2 Паралип. 25, 18). Литературное влияние этой книги общеизвестно [Eissfeldt, 7; Gunkel].

3.4. Географо-исторически важным передаточным звеном в истории генетической преемственности пословиц и басен о животных явилась арамейская литература древней С и р и и, в частности книга об Ахикаре Премудром [Дурново 1915; Conybeare; Hausrath 1918; Mayer 1912; Langdon; Gordon 1960; От Ахикара до Джано; Ахикар; Horálek].

3.5. Шумеро-аккадское и египетское наследие в области пословиц и басен о животных и преемственность этих произведений в г р е к о - р и м с к о й, эзопической литературе вырисовывается из беглого обзора Перри так:

Следующие примеры, цитируемые или суммируемые из шумерских текстов Крамера (Kramer), Вавилонского собрания Эбелинга (Ebeling 1927) и арамейского папируса Ахикара в переводе Каули (Cowley), служат иллюстрацией природы басни в древней восточной литературе и ее основного сходства с греческой. Крамер, стр. 157: „Собака кузнеца не смогла опрокинуть наковальню, вместо этого она опрокинула горшок с водой". Там же, стр. 158: „Он еще не поймал лису, но уже делает ошейник для нее"; „Когда я бежал от дикого быка, я столкнулся с дикой коровой..." Эбелинг, стр. 42: "Мышь (?), убегая от..., вошла в змеиную нору и сказала: 'Заклинатель змей послал меня сюда. Приветствую тебя!'" Там же, стр. 43: „Лиса подошла близко к городским воротам, и собаки стали преследовать ее: чтобы спасти свою жизнь, она бросилась прочь, как стрела. Каждый, кто видел ее, принимал ее за бога молний!". Там же, стр. 44: „Крыса (?), убегая от собаки, забежала в водосточную трубу. Собака бросилась за ней и заглянула в отверстие, но тем самым она дала крысе убежать по узкому желобу". Там же, стр. 45: „Бешеная собака, убегающая из города, была схвачена голодным волком, который вонзил зубы в ее горло. Собака сказала: 'Охотьтся за скотом (?); я не утолю твой голод (?)'". Ту же тему встречаем мы у Перри [Perry Aesopica 4, 18 и 134]; здесь, как и в вавилонской басне, речь идет о собаке, пойманной волком. Эбелинг, стр. 45: «Полевая мышь, завидуя городской мыши, советует последней не перебираться в деревню, так как ей нечего будет там есть». Там же, стр. 50: «Комар сел на слона и сказал: „Брат, не тяжела ли ноша для тебя? (Если так), я улечу за пруд". Слон ответил комару: „Я не заметил, что ты сел на меня. Кто ты такой? А если бы ты улетел, я бы и этого не заметил"». Это точно такая же басня, как у Бабрия [Babrius — Perry Aesopica 84; ср. Aesopica 137], и хотя вместо слона там вол, сходство даже словесное. Как замечает Эбелинг, книга басен Бабрия перефразирует вавилонскую.

Ахикар у Каули, стр. 223: «Лев подошел близко к ослу, чтобы приветствовать его, говоря: „Мир тебе". Осел ответил льву...» Там же, стр. 224: «Леопард подошел к козе и увидел, что она замерзла. Леопард сказал ей: „Иди, я прикрою тебя своей шкурой". Коза сказала леопарду: „Что ты хочешь делать со мной, мой повелитель? Не отбирай мою шкуру от меня". Так он приветствует козленка только для того, чтобы выпить его кровь». Там же, стр. 225: «Ежевика послала к гранату, сказав: „Зачем твои шипы для того, кто срывает твои плоды?" ...Гранат ответил: „Ты и есть шипы для того, кто трогает тебя"». Там же, стр. 226: «...один дикому ослу: „Дай мне сесть верхом на тебя, и я покормлю тебя..." — „...(оставь себе) твою пищу и твое седло, но я не увижу, как ты сядешь верхом на меня"». Здесь мы имеем по существу тот же сюжет и ту же мораль, как в басне о (дикой) лошади и олене, которую Стесихор, по Аристотелю, рассказал гимерийцам [Perry Aesopica, 269a].

Составитель свода античных басен Перри пишет:

«Подводя итог, приходим к следующему заключению. Все то, что пришло к грекам от вавилонян и шумеров, состоит из трех взаимосвязанных вещей: 1. независимая литературная форма, которая была названа Rangstreit или Streitgedicht [=тенцона]; 2. риторический метод, известный как басня, являющаяся вымышленной историей или утверждением, рисующим истину метафорически; 3. несколько конкретных басенных типов» [Perry] (см. 3.9.2.1).

3.5.1. Большинство исследователей басни в своих теоретических обобщениях опирались на материалы греко-римской античности, которые достаточно изучены [популярный обзор и тексты см.: Гаспаров].

Греческая баснопись непосредственно оказала воздействие не только на письменность прилежащих к Малой Азии стран Кавказа и далее на литературу русскую, а также западноевропейскую, но и на литературу народов

Средней Азии и Индии, включая весь ираноязычный мир (см. 3.9).

3.6. Баснописные памятники занимают видное место в повествовательной литературе Индии, отчасти входившей некогда в состав Ахеменидской империи. Здесь следует обратить внимание на два главных свода басен: на *джатаки* и на «*Панчатантру*».

3.6.1. Самым выдающимся памятником баснописной литературы считается сборник рассказов на языке пали о перерождениях Будды. Так как, по поверью буддистов, их учитель до своего полного «просветления» рождался в разных обликах свыше 500 раз, то соответственно в сборник вошло столько же повестушек-джатак («рождений»), большинство из которых—басни о животных, распространенные ныне по всему свету; многие из них оказались и в нашем Своде.

3.6.1.1. Все джатаки вложены в уста уже «просветленного» Будды. В предфабульном начале сообщаются обстоятельства, при которых учитель рассказывал их для поучения своих последователей, стесненных монашеской жизнью. Под таким довольно поверхностным предлогом и были включены в сборник бывшие в обиходе сказки о животных, они изложены прозой, нередко сопровождаемой стихами (как полагают, более древними).

Джатаки всегда завершаются зафабульным пояснением о том, что под личиной главного или второстепенного басенного персонажа (например, зайца, попугая и т. п.) жил в одном из своих прошлых перерождений сам Будда, который даже в этой роли проявляет одну из своих десяти добродетелей (впрочем, эти добродетели из поведения персонажа без натяжек выявить никак нельзя). Это показывает, что любые толкования были сомнительны уже в ту пору.

В завершение джатаки рассказчик (он же Будда) приводит свидетельство о благотворном воздействии данного поучения на того или другого ученика. Так, например, под влиянием одного такого наставления некий дикий разбойник будто бы стал смиренным монахом.

Вовсе не все джатаки сложились на Цейлоне, откуда дошел древнейший текст. Джатаки — это устные рассказы, довольно рано попавшие в Индию с Ближнего Востока и из Греции (которая уже в III в. до н. э. имела в Индии посольство) торговыми путями, главным образом через древний Иран. Разумеется, эти дошедшие до нас в священном каноне забавные истории о животных первоначально ничего общего не имели с какой бы то ни было религиозной проповедью, как и сам Будда не сразу приобрел буддийский характер. Известно, что этими притчами пользовались в свое время манихеи, затем и католики, у которых Будда, герой повести, вобравшей в себя басни, под именем Иоасаф был причислен к лику христианских средневековых святых («Варлаам и Иоасаф»).

3.6.1.2. Собранные в каноническую буддийскую книгу «Трипитака», джатаки были в связи с миссионерской деятельностью буддистов рано переведены на китайский язык, получив таким путем распространение на Дальнем Востоке [Chavannes]. Китайский репертуар сказок о животных стал теперь более обозримым благодаря каталогам Эбергарда, по которым определены публикации и советских китаеведов [Eberhard, Fables].

3.6.1.2.1. К китайскому репертуару, а также непосредственно к буддийскому примыкают японские басни о животных. В духовной культуре «бон» в Тибете современные исследователи, как указывал недавно Хоффман, видят иранское влияние. Некоторые предания непосредственно примыкают к текстам, ставшим известными из находок в Восточном Туркестане. Ученый отвергает предположение о непосредственной зависимости тибетского репертуара сказок о животных от индийских источников и джатак, допуская местную, вероятно иранскую, традицию [Chavannes; Hoffmann].

3.6.2. Сборник «Панчатантра» («Пятикнижие») был составлен на санскрите, как полагает Хертель, в Кашмире, вероятно, в III в. до н. э. Это своего рода учебник жизни, но не такой, какой она должна быть, а пожалуй, такой, какова она есть: побеждает и счастлив тот, кто изворотлив. Поражение терпит тот, кто поступает необдуманно или (что неисправимо) глуп по натуре. Для иллюстрации этой основной мысли приводятся забавные рассказы о животных. Они, согласно индийским убеждениям, расположены по назидательным целям. Сборник обрамлен рассказом, из которого мы узнаем, что составитель имел в виду баснями научить уму-разуму неуча-царевича.

3.6.2.1. В I книге рассказано о двух шакалах-министрах при царе Льве (их имена Каратака и Даманака позже превратились в «Калила» и «Димна», дав заглавие переводам всего сборника). Беседы шакалов наставляют в политике. II книга приводит примеры того, что даже слабые, будучи сплочены, могут одержать верх над сильными. Этим дается наставление, как надо подбирать друзей и дорожить ими. В III книге приводятся примеры военной хитрости. Здесь встречается повестушка об осле

в шкуре пантеры, нагоняющем страх на более сильных зверей. IV книга предостерегает: глупый в погоне за большим может потерять то, что уже имеет. V, последняя, книга предупреждает о последствиях необдуманных действий.

Таков был замысел первоисточника знаменитого «Пятикнижия». В дальнейшем, еще в Индии, сборник подвергся сложным переработкам, ставшим даже самостоятельными книгами («Хитопадеша», «Браткатха» и др.). Эти сборники получили широкое распространение в Индии и за ее пределами.

3.6.2.2. Северо-западная версия «Панчатантры» была переведена на среднеперсидский язык (пехлеви) в VI в. н. э. Этот перевод не сохранился, так как пехлеви рано потерял свое значение. Но именно с этого языка около 570 г. книга была переведена на сирийский язык под названием «Калилаг и Дамнаг». Перевод, видимо, был неполон (или сохранился неполностью). Обстоятельным и важнейшим для распространения книги оказался перевод с пехлеви на арабский язык, сделанный Абдаллахом ибн ал-Мукаффой около 750 г. Этот перевод лег в основу многочисленных переделок и переводов на сирийский, греческий, итальянский, старославянский и еврейский языки. Последний перевод послужил основой для латинского, обеспечившего этим басням популярность в Европе.

3.6.2.2.1. Труднообозрима судьба этой книги на иранской почве. Среди стихов, дошедших до нас от «Адама поэзии» Рудаки (X в.), сохранились бейты из стихотворной обработки «Калилы и Димны» (см.: Е. Э. Бертельс,— КСИВ, вып. IX, М., 1953).

В XII в. Насрулла Ширази перевел книгу с арабского на новоперсидский язык прозой. Этот текст изложил вновь стихами поэт Хусайн Ваиз Кашифи, назвавший свое произведение «Анвар-и Сухайли» («Свет Канопа»). Эта версия была в XVI в. уже в Индии (как указывает Е. Э. Бертельс в «Калила и Димна», М., 1957, 10) обработана под названием «Ийар-и даниш» («Пробный камень мудрости»).

3.6.2.2.2. В XIV в. появился и турецкий перевод (с персидского?) Ходжи Месуда ибн Ахмеда, а в XVI в.— чагатайский. Узбекский перевод, который разошелся еще в конце XIX в. в литографиях, сделал Фазлулла ибн Иса Ташкенди. Вне всяких сомнений, все эти переработки оставили также еще ныне ощутимый след и в фольклоре народов Средней Азии.

3.6.3. Сложна история сборника, содержащего между прочим басни о животных, известного с конца X в. н. э. в санскритских версиях под названием «Шукасаптати». Этот памятник литературы уже в XIV в. был переложен на новоперсидском языке. Однако только современник Хафиза поэт Нахшаби в 1330 г. превратил книгу в шедевр персидской литературы под названием «Тути-наме» («Книга попугая»). Отсюда она перешла в турецкую литературу и приобрела известность в Европе. «Книга попугая», подвергшись в XVII в. обработке Кадири, впоследствии стала народной и разошлась в многочисленных литографированных изданиях под названием «Чихиль тути» («Сорок попугаев»).

К индийскому источнику, как полагали, через утерянный пехлевийский перевод восходит и знаменитая арабская «Книга Синдбада».

Перри подверг ревизии литературу о книге Синдбада и пришел к выводу, что «Синдбад-наме» возникло в VIII в. на иранской почве и не является переводом с индийского. Однако «Синдбад-наме» имеет определенное отношение к книге Ахикара. Исследование Перри делает вероятным армянское посредничество в передаче некоторых басен с Ближнего Востока (Сирии и Византии) персам [Perry «Fabula»; Азизкулов]. С «Синдбад-наме» был сделан сирийский перевод, послуживший основой для греческого («Синтипас», XI в.). Еврейское изложение («Сендбар») послужило основой для латинского перевода, с которого эта книга была переведена на западноевропейские языки под названием «История Семи мудрецов». С польского был сделан перевод на русский.

Басни этого сборника распространялись и устным путем, оказав воздействие на фольклор народов Евразии.

Новоперсидский перевод «Синдбад-наме» с пехлеви, осуществленный в Бухаре в 950 г. Абд ал-Феварисом Фенаризи, был, по мнению А. Н. Болдырева, вообще первым художественным произведением новоперсидской литературы. Этот перевод не сохранился, но он успел подвергнуться переработке и войти в состав «Калилы и Димны».

Особого же интереса заслуживает персидская обработка «Синдбад-наме», сделанная Мухаммадом аз-Захири ас-Самарканди (XII в.) и содержащая некоторые басни, отсутствующие в других версиях книги. Сюжеты «Синдбад-наме» встречаются в нашем Своде.

3.6.4. Значение Индии в отношении басен не в приоритете сюжетов (как полагали ученые еще в прошлом веке), а в том, что басни, еще до нашей эры попавшие туда через Малую

Азию, вероятно и через Иран, с Ближнего Востока (в особенности из античной Греции), были собраны индийцами в большие своды. Во многих случаях древнейшая запись публикуемых в этом томе басен дошла до нас именно в индийских литературных памятниках [Hertel; Geissler 1952; Perry «Fabula»] (Индийский древний и современный репертуар сказок о животных легко обозрим теперь по каталогу Бёдкера [Bødker]) [Christensen MdW 271 ff.].

3.7. Арабская письменность занимает выдающееся место в преемственности египетского, месопотамского, в особенности греческого басенного репертуара.

Еще большее историко-литературное значение имели арабские переводы выдающихся индийских басенных сборников, сделанные с пехлеви — языка, потерявшего свое значение вследствие завоевания Ирана арабами. В дальнейшем некоторые индоиранские баснописные памятники, обогатившие арабскую, а через нее и мировую литературу, были переведены на новоперсидский язык.

3.7.1. В Коране [6, 25; 8, 31; 16, 26; 23, 85 и ряде других мест] «басня» обозначается неисконным термином, заимствованным у греков. Однако арабы доисламской эпохи были несомненно знакомы с баснями о животных (*асатир ал-аввалин*, букв. «истории первых»). (Приписывание авторства басен древнему мудрецу Лукману является поздней легендой.)

3.7.1.1. Стремясь обратить евреев, приверженцев древней книжной религии, в свою новую веру, Мухаммад обратился к ним с чисто басенным упреком, сравнивая их с неким ослом, навьюченным книгами [62, 5]. Это показывает, что басенный язык был уже понятен сторонам диспута.

3.7.2. Много сказок о животных содержится в книгах «1001 ночи» — многослойном сборнике, основой которого считают книгу «Хазар афсане» («Тысяча сказаний»), упомянутую известным арабским библиографом ан-Надимом в его «Фихристе» (до 987 г.), но не дошедшую до нас.

В обширную компиляцию этих «Ночей» вошли притчи Ахикара (см. 3.4), перешедшие из Сирии к персам, а также книга «Синдбаднаме» и многое другое, даже из древнеегипетского наследия.

В рамочном рассказе о царе Синдбаде (по немецкому изданию Литтмана I, 27) есть басня о быке и осле. Во II томе содержится целый цикл сказок о животных: птица и черепаха II, 244; лис и виноградник II, 249; ястреб и куропатка II, 257; мышь и дикая кошка II, 268 и ряд других басен, весьма растянуто изложенных.

Все или большинство басен прошли через иранское посредничество.

3.7.3. Ан-Надим выразил, вероятно, общее мнение своего времени, приписывая именно персам изображение животных говорящими. Уместно отметить, что по Корану в животных превращаются люди за свои грехи. Между тем, по преданиям, отраженным в аггаде, понимание языка животных и растений, являясь достоянием выдающихся мудрецов, имеет отношение к сочинительству басен.

Сами арабы охотно воспринимали баснописные памятники, пользуясь ими для своего развлечения, но творчески себя в этом виде словесности не проявили.

3.8. Важным звеном в басенной традиции было восприятие сказок о животных монголами и тюрками, связанное с передвижением этих народов и их контактами с носителями древней книжности. Уже в XIII в. по крайней мере часть басен из сирийской версии «Калилы и Димны» была переведена на монгольский язык (этот перевод не сохранился). Басни другого индийского сборника, «Панчатантры», распространились в монгольском переводе, как указывает Хейсиг, уже в XIV в. [Heissig].

Значение монгольского пути перехода басенного репертуара из Средней в Малую Азию и Восточную Европу учеными прошлого века было сильно переоценено. Для тюркоязычных народов Средней Азии монгольское посредничество не имело решающего значения при усвоении басен. Важнее было их общение с ираноязычными народами. Тюрки восприняли персидскую, а также и арабскую книжность. Но именно тюрки передали это баснописное наследие (конечно, и устным путем) другим народам, в том числе на Балканы, Кавказ и в Поволжье [Spies].

Близость некоторых турецких сказок о животных к их индийским, а не греческим (эзопическим) вариантам находит свое объяснение в иранском, возможно, среднеазиатском посредничестве (например, Perry Aesopica, № 573). На турецкий язык были переведены самые значительные персидские сборники, содержание которых дошло к тюркам раньше устным путем, а также из арабских источников.

Впоследствии, в изменившейся уже исторической обстановке, персидское наследие через тюркское посредничество вернулось отчасти к таджикам и курдам. Весь этот сложный процесс рецепции — из страны в страну, из

одного языка в другой,— протекавший в разное время, в разных направлениях, а также из литературы в устный обиход и обратно, способствовал не только варьированию древних сюжетов и возникновению новых басен, но, быть может, в большей мере и с т а б и л и з а ц и и сюжетов и закреплению всего репертуара, в особенности у таджиков.

3.9.0. Ознакомившись с персидским этапом в распространении крупнейших баснописных сборников, в заключение обзора надо ограничиться лишь указанием на самые ранние памятники древнеперсидской письменности, содержащие несомненные свидетельства о наличии басен на и р а н с к о й почве (исключительно в целях установления terminus a quo).

3.9.0.1. Ценные методологические положения, указания на библиографию по разным аспектам взаимоотношения таджико-персидского фольклора и литературы с марксистско-ленинских, культурно-исторических и литературоведческих позиций содержатся в книге: Брагинский, М., 1956; частные наблюдения см. в работах Р. Амонова, Асрори и Б. Тилавова. Общую информацию о фольклоре и литературе ираноязычных народов можно получить в книге Rypka 1963, и в частности в разделе Cejpek, там же, стр. 541—625 [также: Rypka 1959; Bolte-Polivka 4, 1; Thompson Ft 1951, 7, также Perry «Fabula»].

3.9.1. Основатель древнеперсидского государства К и р, согласно сообщению Геродота (I, 141), обратился перед походом против царя Лидии Креза к эольским и ионическим городам с призывом перейти на его сторону. Однако эти греческие города не последовали призыву Кира. После поражения Креза горожане отправили послов к победителю с просьбой принять их под свое покровительство на тех же началах, на которых они подчинялись Крезу. Выслушав их, персидский царь Кир ответил им иносказательно следующей знаменитой басней:

«Игрец на свирели увидел в море рыб, тогда он посвистел им, надеясь, что они выйдут к нему на берег. Когда он увидел, что его ожидания напрасны, он взял сеть, забросил ее в море и вынул много рыб. Увидев, как они дергаются, он сказал им: „Перестаньте же плясать. Вы не пожелали прийти танцевать, когда я вам играл на свирели!“».

После получения такого ответа от Кира греческие города стали готовиться к войне.

3.9.1.1. Эта басня известна по эзопической литературе как Halm № 27 или Perry Aesopica № 11, Гаспаров 11 (стр. 67). Она подвергалась по многим причинам тщательному исследованию. Крузиус в свое время категорически отрицал самую возможность считать эту басню подлинным «персидским преданием». Последним ученым, занимавшимся ею, был Мейли; видя связь между этой басней и древнеперсидским военным обычаем, он после обсуждения имеющихся доводов приходит к заключению, что Геродот заслуживает доверия и басня действительно содержалась в ответе персидского царя, откуда бы она ни была им заимствована.

Это явилось бы первым более или менее прямым словесным свидетельством наличия басни в Персии [Meuli 1954, 78; Meuli FS, 85; Crusius 1922, 625].

3.9.2. Веху в истории иранской баснописи составляет пехлевийский памятник (как полагают, парфянского происхождения), датируемый по языку III в. н. э., с текстом тенцоны финиковой пальмы и козы («Драхт асуриг уд буз»).

С. Н. Соколов резюмирует содержание басни так: «Пальма хвастает перед козой своими достоинствами: ее плодами питаются, из нее делают корабли и мачты, веники и лопаты; из нее делают палку, которой бьют козу, и веревку, которой привязывают козу, и дрова, на которых жарят козу... Коза в ответ перечисляет свои полезные качества, из которых немаловажно то, что без ее молока нельзя приносить жертвы Ормузду; впрочем, она считает, что растрачивать золотые слова перед пальмой все равно, что метать бисер перед свиньями или играть на чанге перед пьяным верблюдом» [Соколов].

3.9.2.1. Этот ценный текст, привлекший внимание ученых во многих отношениях, помимо основного сюжета содержит упоминание еще двух басен: «Игра на чанге перед пьяным верблюдом» — вероятно, позабытая басня, сохранившаяся в пословице. «Метать бисер перед свиньями» — всемирно известное ныне изречение по Евангелию от Матфея 7, 6. Бенвенист допускал, что это поздняя вставка в парфянском первоисточнике тенцоны. Между тем Асмуссен приводит косвенные доказательства иранского происхождения этой новозаветной басенной поговорки [Asmussen].

Зависимость античной поэзии «прений», споров от древневосточных источников доказал еще Дильс [Diels]. До конца прошлого века это явление считалось грецистами автохтонным [Wagner 27]. К выводам Перри (см. 3.5) надо добавить, что греческая традиция synkriseis побудила римлян сочинять conflictus, которые затем были возрождены в виде итальянских contrasti и восприняты, как полагал Штейншнейдер, при еврейском посредничестве литературой на новых языках Западной Европы. Отголоски этого жанра дошли и к русским («Прение живота со смертью»). В русле этого течения сложились и провансальские «тенцоны», давшие научный термин жанру, не будучи, по мнению Вагнера, вообще характерными для жанра [Wagner]. Допускается, однако, что в Южной Франции тенцоны могли возникнуть раньше, отчасти под влиянием арабских «прений» (*муназарат*), засвидетельствованных начиная с IX в., но достигших расцвета и большей тематической широты в XIII—XIV вв. Эте и Брокельман были склонны видеть в происхождении арабской поэзии «прений» не греческое, а персидское воздействие, считая тенцоны Асади более исконными по форме. Вагнер, посвятивший вопросу специальное исследование, не отрицая большого влияния греческой письменности на арабов, признает самостоятельное развитие муназара у арабов и воздействие последних также в этом виде поэзии на иранцев. Но он вовсе не исключает, что еще до Асади, т. е. в доисламский период, «прения» могли бытовать у персов устно, учитывая, что еще в 1000 г. некий перс (ал-Джахиз?)

сочинил по-арабски «Прение весны и осени». (Похоже, что ему же принадлежит муназара, где о превосходстве спорят любовь мальчиков и любовь девочек.) На новоперсидском языке муназара дошли до нас начиная с XI в.

Если арабские муназарат сложились по иранским образцам, тогда пехлевийский памятник «Драхти асуриг» (который только иранист Унвала считает вторичным, т. е. поздним явлением периода арабского владычества) и в особенности сопутствующая, а то и предшествующая устная традиция приобретают значение еще одного связующего звена в передаче древневосточного наследия средневековой Евразии [Wagner 15, 24].

Надо отметить, что «прения» сочинялись на арабском и персидском, как, впрочем, и на языках западноевропейских народов, вплоть до наших дней. Отсутствие выраженных «прений» в данном томе объясняется установкой современных собирателей считать этот вид поэзии ненародным, а басни и сказки о животных чистой прозой, хотя на таджикском языке известны и песни такого содержания.

По ряду соображений Асмуссен считает «Драхти асуриг» ранним заимствованием из Месопотамии. Географо-историческое начало перехода этого рода басен Асмуссен, как, впрочем, и Бруннер-Траут и Мейли, видит в Элефантине, где по указанию ахеменидского царя Камбиза (525 г. до н. э.) было размещено военное поселение для охраны границы с Египтом. Воины были преимущественно евреи, очевидно любители басенной литературы.

3.9.2.2. Среди папирусов на арамейском языке, найденных там при раскопках, оказались фрагменты книги Ахикара (см. 3.4) и отрывок тенцоны колючки (*с'нэ*) и граната (*римон*) (IV в.).

Материалы по вопросу о генетической преемственности клинописной басни с персидской на примере тенцоны об «Ассирийском древе» («Драхти асуриг») см.: [Брагинский, Сталинабад, 1956, стр. 39, 48 и сл.; также: Брагинский, М., 1956, стр. 223—227]. Новейшую библиографию по сюжету на основе аккадской литературы см.: [Ebeling RLA 1957; 1; Wagner].

3.9.2.3. Здесь же обнаружены следы басни о коте и мыши, которая почти две тысячи лет спустя была использована персидским поэтом Убайдом Закани (ум. 1371) для его пародийной поэмы «Муш у гурба» («Мыши и кот») (см. 3.2.1, ср. здесь T298). Нёльдеке считал этот рассказ персидским произведением, тогда как Бруннер-Траут признает его ранним персидским заимствованием египетского происхождения — либо через еврейских поселенцев, либо окольным путем из Индии [Meuli 1954, 82; Mayer 1912; Brunner-Traut 1959, 167; Nöldeke 1879, 5; Würfel] (см. здесь 3.2).

3.9.3. Важный, полностью еще недооцененный этап в истории передачи басенного репертуара с Ближнего на Дальний Восток и из Центральной Азии обратно в Малую связан с письменностью на парфянском и согдийском языках.

О значении сказок о животных можно заключить по фрагментам рукописей, обнаруженным в Восточном Туркестане (Турфане) и датируемым VIII—X вв. (их оригиналы старше!).

Сюда (к согдийцам) с Ближнего Востока устремились миссионеры манихейства.

3.9.3.1. Основоположник этой религии М а н и (ок. 216—277 гг. н. э.), рожденный от Аршакида-парфянина и сирийки в Вавилонии, собрал в свое учение элементы гнозиса, христианства, зороастризма, митраизма и буддизма. Пользуясь покровительством Сасанида Шапура, он еще при жизни успел распространить свою религию, в особенности среди родственных ему парфян. Но впоследствии царь Бахрам I бросил его в тюрьму, где он и умер. Хотя учение Мани благодаря своему синкретизму способствовало преодолению религиозной вражды, его последователи в дальнейшем преследовались как еретики.

3.9.3.2. Среди манихейских рукописей из Турфана найден фрагмент легендарного жития Будды «Варлаам и Иоасаф», откуда заимствовались притчи для проповедей. Манихейство было книжной религией и последователи его были ценителями литературы, а также изобразительного искусства. Уже на согдийской почве, как указывает Виденгрен, переводческая деятельность манихеев приняла большой размах [Widengren Mani].

Обнаружены согдийские переводы индийских и греческих басен, некоторых джатак, воспринятых, вероятно, через среднеперсидское посредничество.

Хеннинг, видный исследователь согдийской письменности, опубликовал текст басни об обезьяне и ли́се: лис куском мяса заманивает новоизбранного царя, обезьяну, в западню. Сюжет известен по «Эзопу» [= Perry № 81 = = Halm 44], VII в. до н. э. Такой же путь при посредничестве манихеев, пользовавшихся сказками о животных в качестве притч (*азинд*), проложили из Греции и Месопотамии к уйгурам также басня о свинье и овце [Halm 115] и другие сюжеты.

3.9.4. Царь Х о с р о в I (531—579 г. н. э.) послал, согласно легенде, своего придворного врача Бурзое за книгой басен из Индии. Он перевел знаменитый сборник «Панчатантра» [Hertel 362; Perry «Fabula»; Geissler 1954].

3.9.4.1. Во введении Бурзое (или Ибн ал-Мукаффы) содержится, по крайней мере, один рассказ, отсутствующий как в «Панчатантре», так и в джатаках, но который широко бытует и ныне. Это рассказ о том, как собака с костью в зубах, проходя мимо реки, заметила в воде свое отражение и бросилась на него, чтобы

вырвать у той собаки ее кость, потеряв при этом все [Nöldeke 1912].

3.9.4.1.1. Во введении Бурзое/Ибн ал-Мукаффы рассказ этот толкуется аллегорически довольно сложно и произвольно, но его сюжет традиционен и не был вымыслом автора введения [Th Mot. J 1791.4 = Halm 223 = Perry 133 = Гаспаров 133, ср. здесь тип AaTh 92].

Можно считать, что басня здесь уже успела приобрести известность. См. ряд ценных сведений, наблюдений и библиографию о литературных свидетельствах фольклора: [Брагинский, М., 1956, стр. 213 и сл.; Nöldeke 1912; Hertel 1914, 362; Meuli 1954, 66; Widengren, 94—107].

3.9.5. Приведенные примеры дают датируемое свидетельство о наличии басен и сказок о животных на иранской почве (не позже VI в. н. э.). Вопрос об отношениях письменной и устной басенной традиции должен быть решен на основе монографических разысканий, касающихся отдельных произведений.

Бесконечный и все еще продолжающийся обмен словесностью между народами обеспечил удивительную сохранность сюжетов басен на огромной территории Евразии уже в течение многих тысячелетий вплоть до наших дней.

Публикуемый таджикский изустный басенный репертуар может служить знаменательным свидетельством сложного культурного процесса, элементом которого является также собирание и изучение сказок о животных.

Попытки теоретического осмысления басни предприняты в Европе уже в начале XV в. самими баснописцами, старавшимися воплотить свои теоретические представления о басне в практике своего творчества. Эти старания усилились в пору расцвета баснописи, в эпоху Просвещения в XVIII столетии, главным образом в Германии. В этом ряду следует назвать такие имена, как Штайнхёвель (1412—1478), Лютер (1483—1546), отрицавший историчность Эзопа, Готтшед (1700—1766), Бодмер (1698—1783), Геллерт (1715—1769), Лессинг (1729—1781), считавший сущностью басни краткость и наличие поучения, Гердер (1744—1803), наметивший новые пути в поэтологии и отметивший значение древнееврейской библейской поэзии, и Гегель (1770—1831), который снял ряд возникших противоречий в понимании басни. [Steinhöwel; Luther; Gottsched; Bodmer; Gellert; Herder; Lessing; Hegel].

Исследованию текстов и литературной истории старинных баснописных памятников посвятили свои усилия ряд поколений востоковедов и филологов-классицистов. Но многое оставалось неясным, так как литературоведами обычно не привлекались материалы, записанные из народных уст, т. е. так называемый фольклор.

С другой стороны, и фольклористы, которые не смогли воспользоваться результатами востоковедной и классической филологии, сплошь и рядом оказывались несостоятельными в обобщениях.

В следующем ниже басноведческом обзоре будут изложены крупнейшие методологические достижения и упущения литературоведов и фольклористов, занимавшихся сказками о животных, их основные теории в области генетики, географии, истории, социологии, философии и поэтологии басен.

4. ГЕНЕРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ

Для общей теории и истории всякого явления, в особенности столь древнего, как басня, всегда желательно показать, из каких элементов словесности оно образовалось. Сведéние одного явления к другому (тем более одного литературного жанра к другому жанру словесности), письменного к устному, позднего к раннему всегда будет носить гипотетический характер. И ценность подобной концепции прежде всего в том, в какой мере она может служить рабочей гипотезой. Крон выступал против выведения сказок из другого жанра [Krohn 1891, 1926].

4.1. Тиле удалось то, что не удавалось многим до и после него. На основе весьма кропотливых разысканий Тиле открыл для фольклористов значение того более примитивного вида словесности, на грани речи, из которого, как он показал текстуально на ряде примеров, возникла басня. Таким исходным видом словесности, по его мнению, явилась ругань, высмеивающая недостатки собеседника.

Устная брань (монологическая и диалогическая) сатирична и весела, остра и метка, она прародительница тонких диспутов. Если перенести подобные словесные перепалки на животный или растительный мир, получатся те диалоги между отдельными видами зверей, птиц, растений, которые нам теперь гораздо больше, чем Тиле, известны из литературы Древнего Востока как *тенцоны* (см. 3.9.2.1).

Тщательный филологический анализ соответствующей классической греческой литературы показал, что в ранних баснописных текстах колкое собеседование зверей (в виде тенцоны) еще сохранилось. Далее Тиле утверждает:

«Переход от юмористической беседы животных в „животную юмореску“, т. е. к комическим ситуациям, драматическим сценам и шванкам, очень прост и легок, и все эти виды изначально несомненно сосуществовали, но „беседа животных“, развиваясь, перешла в более тонкие формы, т. е. в поучительную басню... В этом процессе грубые, непристойные в культивированном обществе диалоги уступили место ли-

тературным формам, но грубость подчас вновь проникает в басню. Так сосуществуют серьезные диспуты между животными персонажами, наряду с издевательскими пререканиями, высмеиванием недостатков» [Thiele 1908, 326].

4.1.1. Очевидно, теперь следует добавить, что это развитие надо отнести к более ранней фазе баснописи, а именно к Шумеру.

Известная литературность ругательства наблюдается еще в Библии (3 Кн. Царств 9,7; 2 Паралип. 7, 20; Иеремии 24, 9). Термин *шᵉнина* означал, вероятно, «зубоскальство». Лютер переводит это слово термином «Fabel» — «басня» (так же, как понятие «миф»), что опирается на традицию [Eissfeldt].

Близость басни ругательству, порицанию наблюдается в ранних свидетельствах. Там мораль обращена к определенной ситуации и к определенному человеку. В Библии, как подметил и Перри, Натан рассказывает басню, ею вызывает у слушателя (царя Давида) осуждение персонажа басни, и, наконец, он розыгрышем раскрывает слушателю суть: ты есть этот человек!

Не иначе обстоит дело и в ранних греческих памятниках. Здесь стремление задеть, осудить, сделать «притчей во языцех» вполне очевидно.

4.2. Независимо от Тиле, на связь басен и сказок о животных с ругательствами, в которых появляется нелестное сравнение человека именно с животным, натолкнулись в дальнейшем специалисты разных отраслей знаний: теоретик басни Отт, теолог Тиллих и зоопсихолог-этолог Мейссер [Thiele 1908; Ott 256; Tillich 62; Meisser 864]. Совпадание это является знаменательным фактом.

Отт видит в ругани общую тенденцию басен, направленную против идеализации человека, на разоблачение его. Тиллих находит в подобных ругательствах, судя по реакции оскорбленных, показатель силы сравнения человека с животным.

Мейссер в другой связи не считает, что сравнение само по себе оскорбительно, если животному не приписывается отрицательная черта. Как зоопсихолог, он, наоборот, склонен считать человеческие характеристики прежде всего оскорбительными для животных.

4.3. Все компетентные ученые, пожалуй, теперь сходятся на том, что в основе басен лежит определенная бытовая р е ч е в а я ситуация общего значения: поучительная беседа, отличающаяся от ругани лишь темпераментом.

4.3.1. Из обычной беседы басня выделилась определенным н а ч а л о м и к о н ц о м: повторяясь, устойчивая часть поучительной беседы приобрела самостоятельность и, подчиняясь определенным требованиям формы, превратилась в п р о и з в е д е н и е словесности. Наличие формы позволяет произведению выйти за рамки конкретной ситуации и продолжить свой путь в искусстве слова.

Эта антрополого-литературная, в немалой степени психологическая теория «генерирования», зарождения басен из брани оставляет открытыми существенные (хотя и не сугубо литературоведческие, но непременно фольклористические) вопросы: где, когда, в какой социальной среде, в какой форме сложились сказки о животных? Ответ предлагают другие, а именно географо-исторические и социологические теории происхождения басен (см. 5 и 6).

5. ГЕОГРАФО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

5.1. Научное исследование сказок о животных начинается с первой трети XIX в. вкладом братьев Вильгельма и Якоба Гриммов. Они впервые в науке поставили вопрос о п р о и с х о ж д е н и и сказок, в особенности о животных.

Сущность басен они как романтики считали возможным определить, лишь установив и с т о к и этого явления, его самое раннее состояние. Такой *генетический* подход может по своему методу считаться *историческим*. Благодаря привлечению свидетельств письменных и у с т н ы х (это было открытием!) разных времен и на разных языках, исследования Я. Гримма имели выраженный *сравнительный* характер. Это стало поворотным пунктом в истории филологической науки и послужило началом фольклористики [Grimm 1834; BP5, 247].

Колмачевский [1882, стр. 1—53] дает обстоятельный разбор теорий Я. Гримма и ряда других ученых (до 1880 г.); Дашкевич доводит критический обзор литературы, во многом не соглашаясь с Колмачевским, до первых лет XX в. (Некоторые дополнения см. в рецензии Веселовского [Веселовский рец.] и в примечаниях к ней Андреева.)

Дальнейших подобных обзоров на русском языке нет.

Новейшие обзоры проблем и литературы о «животных сказках» и баснях: Meuli 1954; Briegel-Florig; Leibfried; Harkort 1968; Bausinger; Levin 1969; Doderer.

5.1.1. Исходным положением служил Я. Гримму филологический, широкоизвестный факт, что произведения словесности, записываемые из народных уст, существуют, как правило, во множестве пересказов (*вариантов*), число которых может быть увеличено в зависимости от активности собирателей. Это заставило братьев Гримм собирать как можно больше материалов и задуматься об истоках этих произ-

ведений, о необходимости текстуальной реконструкции древних сказок на основе позднейших свидетельств. Деятельность современных собирателей является прямым продолжением начинания Гриммов.

Во времена братьев Гримм эта проблема, помимо ее филологического аспекта, представлялась чисто этнической; вопрос сводился к *атрибуции*, т. е. к тому, какой народ мог бы считаться родоначальником сказок о животных и других сюжетов.

По аналогии с языком, проявляющимся в речи каждого человека как члена коллектива, сказки, записываемые из уст отдельных рассказчиков, также представлялись братьям Гримм частью внеиндивидуального, общенародного достояния, а потому древнего, доисторического наследия.

Поскольку сказки о животных оказались в поле зрения ученых главным образом на индоевропейских языках, преимущественно немецком, то Я. Гримм склонился к выводу, что у немцев лучше сохранилось их древнейшее, так называемое арийское, индоевропейское наследие (*«арийская теория»*).

Современные сказки, общие для «индоевропейских» народов, по мнению Я. Гримма, возникли в те отдаленные времена, когда сложилась и их языковая общность, их праязык.

Таким образом, бытующие среди детей и нянек повестушки представлялись Я. Гримму как осколки пространного произведения, наподобие того, которое было известно из средневековой литературы (как, например, «Роман о Лисе» и т. п.). А это произведение, повествующее якобы о хитрых проделках лисы, о глупости и жадности волка и других зверей, казалось эволюционистски и диалектически мыслящему Я. Гримму исконно чем-то более значительным. Под личиной зверей кроются, по мнению Я. Гримма, божества. Так возникла *мифологическая теория*, согласно которой сказки о животных вышли из «прамифа» как большой *эпос*.

Однако и в дальнейшем эволюция продолжалась. Имело место еще одно развитие: возникшая из таинственного и древнего мифа наивная сказка была затем лишена детской поэтической прелести, высушена и подчинена, наконец, назидательной морали. Так родилась, по мнению Гриммов, басня *эзопического* толка. И как метко писал Перри: то, что Лессинг считал душой басни, а именно краткость, Я. Гримм рассматривал как ее гибель. Под впечатлением своих теорий Я. Гримм пришел к смелому отрицанию предполагаемого всеми его предшественниками ведущего поучительного начала как исконного элемента басни. И в этом Я. Гримм остался прав даже после того, как теории, при помощи которых он пришел к этому выводу, оказались несостоятельными.

В противопоставлении *«басни»* *«сказке о животных»* как жанру, исконно лишенному поучительности и тенденциозности и служащему чистому развлечению, а потому якобы наивному и, следовательно, более древнему, проявилось, по мнению Баузингера, романтическое настроение Я. Гримма как ученого и человека своего времени [Bausinger, 17].

5.1.2. С тех пор возник роковой для исторической этнографии и фольклористики *критерий наивности* как показатель древности. А так как басня о животных и вообще сказки занимали в XIX в. в развитых странах детей, полагали, что они и по происхождению психологически якобы должны соответствовать «детскому возрасту» человечества (*филогенетическая теория*), который повторяется у народов — «детей природы», да и в жизни каждого человека [Jung/Kerényi].

5.1.3. Обладая общим наследием, согласно учению Гримма, индогерманские народы в силу общего *арийского* «народного духа» и в дальнейшем создают схожие (в этом суть его учения) произведения словесности, в частности сказки о животных (*теория ограниченного «полигенеза»*).

5.1.3.1. Эти теории братья Гримм подкрепили дополнительными гипотезами на основе лингвистических фактов, но весьма скудными данными из области фольклора. Но идеи Я. Гримма глубоко соответствовали научному, историческому и эволюционистскому образу мышления прошлого века, а такое соответствие всегда убеждает — в такой же мере, как несоответствие господствующим взглядам вызывает сомнения в истинности аргументаций.

Новизна теорий и многочисленных подкупающих гипотез Я. Гримма заключалась в том, что вопрос об основных, специфических свойствах сказки о животных, о сходстве пересказов у разных народов, наличии в них идей был поставлен на действительно научную, географо-историческую почву и притом в зависимость от определения времени и места возникновения этих рассказов.

5.1.4. Мнение Я. Гримма о происхождении басни из сказки о животных и вообще гипотезы о наличии двух жанров и об их хронологической последовательности ныне считаются в филологической науке несостоятельными, но они продолжают находить сторонников среди фольклористов, менее обремененных текстологией и потому склонных к более широким обобщениям в виде «законов народного творчества» [Perry].

Однако даже неправомерно возникшие вопросы имеют обыкновение сохранять актуальность и после того, как их несостоятельность обнаружена. Пожалуй,

нет такой статьи о «животных сказках» или баснях, где бы не отразились так или иначе теории Я. Гримма, заложившие основу фольклористики [без указаний на источники: Бахтина 1972; Тудоровская; Аникин].

5.1.4.1. Филолог Тиле, отвергая теории, по которым басня выводится из так называемой *сказки о животных*, подвергает специальной критике теорию Вундта, который в своих этнопсихологических трудах опирался на случайно подвернувшиеся под руку тексты африканских и индейских рассказов о животных. Вундт видел те скудные факты, которыми он располагал, в свете теории Гримма и теории Лессинга. Обе теории отвергаются Тиле. Он не видел и не признавал особой разницы между тем, что считалось *сказкой о животных*, и тем, что, по его мнению (а не по мнению Лессинга), в Греции воспринималось как *басня*.

Вопрос о сущности сказок о животных Тиле за недостаточностью фольклорного материала оставляет открытым, что уже было значительным шагом вперед по сравнению с его предшественниками и многими нашими современниками [Thiele 1908; 396; Wundt].

5.1.5. Через многочисленных эпигонов Гримма, у которых Вундт пользовался большим авторитетом, эти этнопсихологические гипотезы внедрились в филологию разных стран как аксиомы, продолжая оказывать влияние и на современную фольклористику. Эти теории сказываются ныне главным образом в двух тезисах: (1) в утверждении д о и с т о р и ч е с к о й древности сказок о животных как свидетельств «пережитков» мифологии, «*первобытного мышления*» (квалифицируемых ссылками на «*тотемизм*», «*анимизм*» и т. п.),— отсюда поиск ключа к пониманию генезиса басни о животных (разумеется, из мифов) и вообще древневосточной литературы у современных «детей природы», у аборигенов Африки и Америки, которые, якобы застряв на «первобытной стадии человечества», могут явить перед учеными необратимое время возникновения басни как жанра и пролить свет на древние, скажем шумерские, басни (которые и теперь понятнее непредвзятому читателю, чем полевые записи европейских ученых, сделанные у озера Чад или на острове Пасхи); (2) в теории об индоевропейском происхождении сказок вообще и о животных в частности (хотя именно сказки о животных чрезвычайно популярны у народов Африки, Австралии и Америки, хорошо известны у тюркских и финноугорских народов Евразии, а басни несомненно возникли уже в Шумере и через семитов перешли к индоевропейским народам позже) (см. 3) [Левин, Этана].

5.1.6. Особое значение теории Я. Гримма имеют для таджикской фольклористики потому, что именно они впервые возбудили интерес к сказкам Средней Азии, в особенности народонаселения, говорящего на индоевропейских языках. В этом отношении ираноязычный повествовательный репертуар приобрел еще большую актуальность в ходе ниспровержения мифологической, арийской теории происхождения сказок о животных. Левин [Levin 1963] указывает на характер влияния теорий Я. Гримма в русской и советской филологии [Bausinger, 17].

5.2. Бенфей, так же как и Я. Гримм, рассматривал Индию и Среднюю Азию как прародину сказок. Однако Бенфей считал их более поздним, средневековым явлением отнюдь не мифологического происхождения. Согласно Бенфею, с индийской прародины сказки в виде п р и т ч распространились в Евразии буддийскими проповедниками, главным образом, благодаря п и с ь м е н н о с т и [Benfey].

Опираясь на исследование книжной истории «Панчатантры», Бенфей разработал общую теорию возникновения и распространения сказок, которую Гейсслер формулирует так: «Сказки имеют родину в Индии и являются формой проявления буддизма. Они сотворены обладавшими богатой фантазией последователями религии, чтобы пояснить учения веры и служить в качестве примеров. Эти сказки просочились в народ и затем они во взаимодействии повлияли на литературу. Этот круговорот длился до тех пор, пока проникшие в народ сказки не сравнялись полностью с уже имевшимися» [Geissler 1954, 662].

5.2.1. Сходство сказок в разных частях света, по мнению Бенфея, объясняется заимствованием, преимущественно литературного происхождения (*теория миграции сюжетов*).

Восточные (сирийские, еврейские, арабские) обработки индийской и персидской письменности были впоследствии переведены и восприняты в Западной Европе. Так Бенфей определил основной поток миграции сюжетов [Perry «Fabula»; Geissler 1954; Benfey].

Что же касается общности сюжетов восточноевропейских народов (например, России) с индоиранскими памятниками литературы, то причина этого сходства кроется не в доистории, а в историческом о б щ е н и и, например в обстановке монгольского владычества над огромной частью Евразии, куда входила территория России и также Ирана, Средней и Малой Азии.

5.2.1.1. Многие тексты «Панчатантры», использованные Бенфеем как доказательство индийского приоритета, оказались после тщательных исследований Хертеля поздними заимствованиями, не слишком популярными в Индии. «Панчатантра» и даже джатаки ничего общего с буддизмом не имели. Однако ошибочные аргументы Бенфея — и в этом их истинная ценность — успели сильно поколебать гриммовскую теорию доисторической древности сказок о животных [Hertel; Geissler 1954; Bolte-Polívka 4, 166 содержит обзор некоторых теорий; Thompson Ft (1951), 367].

Против теории Бенфея выступили с агностических позиций Бедье [Bedier], а также Порке [Porke]. Новейшую оценку теории Бенфея см.: Geissler 1954; Bausinger, 35.

5.3. Общим для Гримма и для Бенфея было навеянное романтизмом стремление найти прародину в с е х сказок, «сказки как таковой», как *жанра*. Оба считали, хотя и по разным причинам, родиной сказки Индию и Среднюю Азию. Но сторонники этих двух теорий («*арий-*

ской» и «*индийской*») сильно расходились в определении времени возникновения и самих истоков сказок.

5.3.1. Сторонники *мифологической школы* не отрицали роли заимствования и миграции, но считали, что одинаковые сюжеты могут возникнуть у родственных народов на основе общего наследия, многократно как проявление народного, коллективного духа (*теория полигенеза*).

Сходство сюжетов является, таким образом, выражением общности человеческого рода, человеческой психики. Эта так называемая «*антропологическая теория*» связана в фольклористике с такими именами, как Бастиан, Тэйлор, Лэнг, и — специально по басням и сказкам о животных — с такими учеными — систематизаторами повествовательного репертуара, составителями сводов сказок о животных, как Дэнгард и Фрэзер. Среди филологов этот принцип, но в модифицированном виде, отстаивал особенно рьяно Бедье [Bastian; Tylor; Lang; Dähnhardt; Frazer].

Все сторонники этой *антропологической теории*, в дальнейшем обновленной психологами Юнгом и Кереньи, признают агностический принцип *полигенеза*, т. е. многократного, независимого возникновения одинаковых произведений словесности, даже таких, как басни или сказки о животных [Crusius 1922, IV; Bastian; Tylor; Gubernatis; Lang; Bedier; Sydow HDM, Jung/Kerényi; Dähnhardt; Frazer].

5.3.2. Сторонники *теории заимствования* утверждали, что сюжеты, встречающиеся многократно в литературе или устной словесности, возникли все же однократно и сходство это свидетельствует о генетической связи (*теория моногенеза*), которую надо искать и заведомо отрицать нельзя.

5.3.3. Особое место в этих теориях занимали публикуемые здесь рассказы о животных. Бенфей был первым ученым-филологом нового времени, который выделил из всего состава сказок некоторую группу, отличающуюся, по его мнению, от всех прочих рассказов, именуемых *сказками*, не только содержанием, но и рядом *стилистических* особенностей. В эту группу и входили так называемые *басни о животных*.

Если родиной «сказки как таковой» Бенфей считал Индию, то прародиной *басни* или *сказки о животных* он считал, вместе со многими филологами, античную Грецию.

5.3.3.1. Греция в качестве родины басен о животных устраивала сторонников и Гримма и Бенфея, так как античные греки, являясь носителями индоевропейского языка, были тем самым обладателями *арийского*, «мифологического» наследия, а значение античной литературы в истории культуры (что чрезвычайно важно для сторонников Бенфея) не подлежало сомнению. Отсюда родился и специфический интерес к фольклору современных греков, как, впрочем, и априорное мнение о том, что сказки о животных, бытующие у тюркского населения Малой Азии, непременно заимствованы у «арийских» греков, а соответственно басенный репертуар тюркоязычного населения Средней Азии заимствован от соседних иранцев, таджиков.

(Подобная модификация индоевропеизма характерна для работ фон Хана [von Hahn 1864], который усердно занимался фольклором населения Греции.)

Приоритет греческих басен поддерживал также Хаусрат, в осторожной энциклопедической статье отвергая гипотезу Маркиано, который под влиянием теории Гримма возводил греческую басню к прагерманской или индоевропейской мифологии, а также и тезис о параллельном, самостоятельном развитии басенного жанра в Греции и Индии на основе их арийской общности [Hausrath RE; обзор проблемы дает Mackensen HDM].

Убедившись еще раньше в несостоятельности теории о греческом происхождении басни, Крузиус вовсе отказался от поисков прародины этого жанра [Crusius 1922].

5.3.3.2. Признавая за категорией басен о животных место происхождения, отличное от других рассказов, Бенфей тем самым допустил для этой группы также и свою особую историю. Таким образом, возник тезис о наличии у этого вида словесности специфических *географо-исторических* закономерностей. В сущности Бенфей писал о баснях как о жанре с особой структурой.

5.3.4. Если Бенфей исключил сказки о животных из своей *индианистской теории*, то Я. Гримм, наоборот, пришел к своей *арийской мифологической теории*, опираясь именно на сказки о животных.

5.3.5. Альтернативно понятый вопрос: следует ли родиной басен о животных считать античную Грецию или Индию, «арийскую» или же более позднюю средневековую,— всесторонне и многократно обсуждался последователями Гримма и Бенфея, стремившимися на основе новых данных к компромиссу.

Эту проблему рассматривали в многочисленных трудах как грецисты, так и индологи, она интересует в особенности иранистов, материалы которых как промежуточное звено имеют очень важное значение [Perry «Fabula»; Christensen MdW].

В середине XIX в., когда возник вопрос о приоритете именно Греции или Индии, аргументами служили только памятники литературы, датировка которых во многих случаях еще была неясна. Роль устной традиции недооценивалась, да и фольклорные материалы огромной территории между Индией и Грецией были очень немногочисленны. Поэтому ученым казалось, что они стоят перед альтернативой.

5.3.5.1. После работ Я. Гримма и Бенфея наступила поляризация не только в общих теориях происхождения, но и в *критериях исконности*.

Вебер, Кёлер, Коскэн и другие признавали индийские варианты старшими, тогда как иные считали греческие варианты тех же произведений более исконными. В зависимости от этого и учитывая наличие других басен в репертуаре, указывали либо на Индию, либо на Грецию как на родину всего *жанра*, или по крайней мере основного ядра [Weber 1855; Keller 1862; Köhler; Cosquin].

Здесь из профилактических соображений интересны не тексты, а лишь критерии, выдвигаемые учеными, да и то в самой общей форме.

Для индолога Вебера «восхитительная форма» греческих рассказов являлась доказательством оригинальности, тогда как менее совершенная форма (если она не является простым искажением литературного текста), по мнению Бенфея, именно и служит доказательством исконности. Ольденберг, например, видел в форме выражение *национального характера*, а потому, по его мнению, форма не может служить каким-либо доказательством древности, поскольку народный характер вообще не меняется, а каждому народу присущ неповторимый характер. Применительно к басне Келлер выдвинул, например, другой аргумент: исконен тот рассказ, в котором лучше отражается действительность природной среды, т. е. исконна такая басня, в которой содержатся реалистические черты жизни животных. И следовательно, народ, живущий ближе к природе, имеет больше оснований считаться родоначальником басни. В этой связи вескую роль в проблематике стали играть зоологические данные о повадке животных. Для басни «ворона и лиса» надо, значит, выяснить, ест ли лиса сыр вообще и откуда мог взяться сыр у вороны. Хотя вовсе не доказано, что отражение местной действительности вообще входило в намерения автора [BP V].

Более надежным критерием служила текстология. Филологам, старавшимся разобраться в вопросе о приоритете сугубо филологическими, а не зоологическими методами, удалось установить, что греческие варианты или параллели т е к с т о л о г и ч е с к и старше и что во всех действительно сопоставимых случаях они лучше передают произведение, чем индийские параллели из «Панчатантры».

Хаусрат дает точную сводку результатов специальных исследований по каждому произведению, засвидетельствованному как в греческой эзопической литературе, так и в индийской буддийской письменности. Приоритет Греций по этим данным представляется и ныне предпочтительней, чем гипотеза индийского происхождения басен [Hausrath RE].

Общность тех тридцати басен, которые встречаются как в греческих, так и индийских источниках, могла, по мнению Хаусрата (которое не оправдалось в дальнейшем), оказаться порождением «*общих идей*», т. е. выйти из общечеловеческого корня. Но там, где генетическая зависимость налицо по соображениям текстологическим, там Хаусрат вместе с Бенфеем специально в отношении древнейших текстов признавал, что Греция была дающей, а Индия заимствующей страной, допуская, однако, что в дальнейшем направление могло измениться.

В завершение своих рассуждений Хаусрат указывает, имея в виду критерий Келлера, что в греческой басне персонажи ведут себя еще как животные, в естественном соответствии с их натурой, тогда как в древнеиндийских источниках персонажи представляются скорее замаскированными людьми. Этот эстетический критерий исконности Хаусрат выдвигает в противовес эстетическим соображениям, высказанным ранее в пользу приоритета Индии. (Этим же сомнительным критерием пользуется для утверждения приоритета русских сказок относительно западноевропейских басен Аникин.)

Тиле, в отличие от других ученых, догматически следовавших за Бенфеем, не считает басни из «Панчатантры» исконными ни по ф о р м е, ни по с о д е р ж а н и ю, так как фольклорная основа в них искажена сложным сцеплением морализации и запутана философией этой книги. И в этом положении кроется еще один актуальный критерий, согласно которому фольклор проще по форме и содержанию и исконнее литературы. Эта концепция получила самое широкое распространение в кругах демократической интеллигенции начала XX в., и между прочим у Горького [Thiele 1908; Christensen MdW].

5.4. Стараясь выделить в огромном мировом повествовательном запасе — устном и письменном — его внутренние виды в целях установления специфических закономерностей для каждой категории, шведский фольклорист Фон Сидов (возможно, под влиянием ботаники) принял в качестве различительного признака строение рассказов, морфологию, структуру. Эта идея, которая до него по тем же соображениям была развита советскими учеными Никифоровым и Проппом, теперь уже достигла своего апогея и идет на убыль в Америке [Пропп 1928; Мелетинский].

Фон Сидов различает прежде всего одно- и многоэпизодные рассказы, независимо от их конкретного содержания.

Рассказы, состоящие из одного эпизода, Сидов называет *баснями* [*Fabeln*], тогда как для рассказов, состоящих из нескольких эпизодов, ученый сохранил название *сказка* [*Märchen*].

Б а с н и, по классификации Фон Сидова, состоят из трех категорий: (1) *басни о животных*, (2) *басни-шутки* (*шванки*, тадж. *латифа*) и (3) *басни-параболы* (*притчи*, тадж. *масал*, *зарбулмасал*).

5.4.1. Классификация Фон Сидова, данная народной прозе, соответствовала практике фольклористов, оперировавших, по тем или иным причинам, сказками о животных как неким комплексом определенных сюжетов. Фон Сидов подвел под эту практику теоретическую, кстати противоречивую и неприемлемую для Таджикистана, морфологическую классификационную базу. Вместе с тем ученый внедрил в фольклористику представление о животных сказках как об о с о б о м жанре (или виде) словесности. Знакомое по случайному составу народных книг родство *басен о животных с баснями-шутками* (латифа) и близость их к *притчам* (в силу поучительного характера рассказа) стали з а к о н о м е р н ы м и в свете классификации Фон Сидова, независимо от побочных гипотез.

5.4.2. Структурная классификация увязана Фон Сидовым также с географией, историей и этнической атрибуцией отдельных категорий, что выходит далеко за рамки методики, переходя в область истории и теории культуры [Sydow FS, 220—242; Sydow 1926, 207; Harkort 1970].

5.4.2.1. По мнению Фон Сидова, только волшебные сказки надо считать индоевропейским (арийским) наследием эпохи мегалита, тогда как *притчи*, по его мнению, возникли на Востоке, у семитов, а у западноевропейских народов они появились в качестве заимствования относительно поздно [Sydow; Christensen MdW].

Итак, в свете *этнологической теории* Фон Сидова, учитывавшего очевидные факты востоковедной филологии, *сказки о животных* в виде *басен* того же содержания возникли на Ближнем Востоке, в Месопотамии, у носителей семитских языков, а оттуда перешли к грекам, далее через Среднюю Азию и восточнее, в Индию. С другой же стороны, из Греции басни о животных перешли к западноевропейским народам, как письменным, так и устным путем (*теория ойкотипов*) [Sydow FS, 44; Sydow HDM].

Против *теории наследия* и *неизменных* этнических форм сказки («ойкотипов») выступил Андерсон [Anderson HessBll. 1955, 118—130; Anderson HessBll. 1956, 111—118].

5.5. Сторонники сравнительного географо-исторического метода в фольклористике (так называемая *финская школа*), отказавшись от теорий Я. Гримма, Бенфея и их последователей, не приняв доктрину Фон Сидова, выдвинули более строгие требования к самой м е т о д и к е определения места и времени происхождения сказок [Anderson HDM].

5.5.1. Доказательство приоритета любой группы произведений зависит от итога анализа значительного и репрезентативного ряда отдельных произведений, составляющих хотя бы ядро этой группы.

Предметом исследования, строго говоря, могут служить только такие произведения, которые встречаются не у одного народа, а у всех претендентов на приоритет (т. е. *повествовательные типы*). Наличие одних произведений в одной стране, а других — в другой, как и «древность» этой страны и ее населения, вопроса решить не могут. Относительная древность литературных свидетельств произведения на одном языке в одной стране, сравнительно с такими же литературными источниками в другой стране на другом языке, делает в какой-то мере вероятным приоритет страны более древнего памятника. Но о к о н ч а т е л ь н ы м доказательством это служить не может, в особенности если взаимная и непосредственная зависимость памятников не доказана. Оба литературных памятника могут восходить к третьему, например устному, источнику на третьем языке.

Дата литературного памятника, так называемого книжного варианта, дает нам лишь terminus a quo, т. е. показывает, что произведение в это время в о о б щ е уже существовало. Устное бытование произведения может быть гораздо старше самого раннего литературного свидетельства. Устное состояние произведения может не только следовать за литературным, но и предшествовать ему, причем и на географически большом отдалении.

Простое хронологическое сопоставление литературных и изустных свидетельств произведения словесности тоже не решит спора о первородстве. Проблема сводится и к общему вопросу о критериях исконности текста конкретного варианта и его элементов. Это методическое требование признавалось грецистами и индологами уже в середине XIX в., но еще недостаточно твердо усвоено фольклористами и в наши дни.

В прошлом веке ученые-филологи оперировали очень ограниченным числом *критериев исконности* и имели дело с небольшим кругом данных для решения этого вопроса.

В настоящее время *географо-историческая школа* в фольклористике, преимущественно занимавшаяся разысканием места и времени происхождения определенных произведений словесности и поставившая проблему географии и истории жанра в полную зависимость от результатов анализа как литературных, так и устных вариантов произведений, выдвинула и на огромном опыте подтвердила более десяти критериев исконности [Anderson HDM].

Наука о м а т е р и а л ь н о й культуре также углубила свою методику определения генетической связи и взаимозависимости внешне идентичных явлений [Schott, 16].

5.5.2. Решающее значение имеет сюжет. Испытанным средством определения исконности служит синопсис мотивов на фоне карто- и хроносоциограммы с учетом ряда качественных и количественных показателей, давно проверенных текстологией. Необходимую таджикскую документацию для решения географо-исторических проблем дает наш Свод.

6. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Отказавшись от поисков е д и н о г о начала в пространстве и времени для басен и сказок о животных в целом, отклонив объяснение их очевидных совпадений е д и н с т в о м человеческой п с и х и к и, проявлением «арийской души», или непосредственным заимствованием, некоторые ученые, отстаивая принцип полигенеза сюжета, считали необходимым установить иную причину, достаточно вескую и универсальную, чтобы приписать ей поразительно одинаковое следствие, в виде «жанра басни» или даже отдельных сказок о животных.

Истоки басни были ими найдены в социально-политической действительности. Эта по своей сути *социологическая теория* отвечает на два вопроса: (а) к а к а я с о ц и а л ь н а я г р у п п а я в л я е т с я р о д о н а ч а л ь н и к о м (*социальная атрибуция*) и (б) к а к о е м е с т о в ж и з н и о б щ е с т в а п р и с у щ е б а с н я м (*функциональный подход*).

6.0.1. Ответ на первый вопрос, по мнению социологов-историков, дают фабула и идейное содержание самых ранних литературных свидетельств жанра и интерпретации этих текстов. Поиски здесь направлены в прошлое, к «истокам».

Однако, если филологи басен обращались к абсолютно (внефабульно) датируемым памятникам (в прошлые века древнейшими считались библейские и греческие, а ныне шумерские и египетские источники), то фольклористы-социологи, напротив, определяют древность относительно, «*стадиально*», непосредственно на основании собственной интерпретации фабулы (хотя бы по тексту из сборника Афанасьева), но в свете эволюционистской периодизации Моргана.

6.0.2. Ответ на второй вопрос достигается независимо от произведений двумя путями: во-первых, информацией о ранних применениях басен в конкретно исторических ситуациях, во-вторых, наблюдениями над использованием, бытованием басен в современном обществе. Русские советские фольклористы доверяют второму пути, пользуясь собственными наблюдениями [Тудоровская; Аникин].

6.0.3. Все эти пути исходят из предпосылки, что литературные произведения принадлежат к *жанру* и что каждому жанру присущи определенный комплекс идей и одно определенное место в жизни, которые неразрывно с ним связаны, и, следовательно, всякое произведение, подчиняясь только одному жанру, выполняет одну определенную функцию (*теория Гункеля*) [Gunkel 1925; Koch 1964].

Смена *места в жизни* и, что равнозначно, *функции*, как и возможность того, что произведение, созданное в одной социальной среде, становится затем достоянием другой общественной группы, даже антагонистической, плохо укладывались в эту концепцию, не терпящую плюрализма. Отсюда возникает для этого направления вопрос о социальном приоритете.

Таким образом, социологическая интерпретация была призвана дать ответ на исторический, даже хронологический вопрос не столько об условиях, сколько о времени возникновения басен.

6.0.4. Дашкевич, Крузиус, советские фольклористы во многих общих высказываниях, наконец, швейцарские исследователи Шперри и Мёйли в специальных работах сочли основной причиной или решающим условием возникновения басен наличие классового антагонизма в обществе: басня — продукт и орудие классовой борьбы [Crusius 1922; Spoerri; Meuli 1954].

6.0.4.1. Социологическая теория Крузиуса, обновленная Мёйли (об эпигонах и общих декларациях можно здесь не писать), утверждает:

1. что сущность басен проявляется как *сущность жанра* в ранних, а именно греческих памятниках;

2. что, в отличие от эпоса, басни, в соответствии с их демократической природой, народны уже по тону, языку;

3. что исконно басня является иносказанием;

4. что иносказания служили орудием для слабых, чтобы довести до сведения сильных то, чего прямо сказать невозможно, а это и предполагает наличие общества, состоящего из антагонистических классов;

5. что басни соответственно выражают мысли угнетенных классов.

Каждый из перечисленных тезисов вызвал критику, основанную на тех же материалах, которые были выдвинуты теоретиками в доказательство, т. е. на базе античной, греческой баснописи. Потому на деталях необходимо остановиться хотя бы вкратце, так как теория, выдвинутая на античном материале, была перенесена затем на другие, в том числе иранскую литературу, и то, что конкретно утверждалось лишь относительно баснописи, было затем перенесено вообще на весь фольклор, на всю художественную литературу, на все виды словесности как аксиома, в доказательстве которой нет необходимости.

6.1. Воплощением чистой басни (в античной, а может быть, и всемирной литературе) Мёйли, в обоснование своей социологической теории, считает *айнос*, т. е. согласно традиционному определению, такой рассказ, который служит дипломатическим посредником, передающим совершенно определенную, неотложную истину, непосредственно обращенную к определенному слушателю в определенный момент, дабы она возымела действие в отдельном конкретном случае [Meuli 1954, 77].

6.1.1. Легко заметить, что большинство басен и сказок о животных плохо подходит для столь узкого определения. Однако Мёйли такой текст *айноса*, который может, по его мнению, считаться «жанровой моделью», нашел в гомеровской «Одиссее», где Одиссей, находясь в бедственном положении, иносказательно с помощью *айноса* дает понять своему хозяину Евмею, что ему требуется теплая одежда, помощь. Мёйли мало смущает тот текстологический факт, что эта басня или притча является единственной в гомеровских эпосах, и потому этот текст мог бы оказаться поздней вставкой.

Казалось бы, что такой пример, взятый из Гомера, не должен служить краеугольным камнем для фундамента под какую бы то ни было теорию, в особенности же социологическую. Между тем, именно это и случилось.

6.1.2. Перри на ныне доступном материале доказал, что сущность басни не проявляется в ранних памятниках и что социально-политические черты некоторых греческих басен не должны быть абсолютизированы ни для восточной, более ранней литературы, ни даже для античной баснописи:

«Тот факт, что басни, о которых говорит Крузиус, были первыми, появившимися в греческой литературе,

не имеет значения для сущности басни в целом или для способа ее создания. Они не имеют традиционной или причинной связи, как образец... басен, написанных по другому поводу и при других обстоятельствах, до или после, в Греции или на Востоке» [Perry].

6.1.3. Ранние памятники баснописи, уже как литературные, по мнению филологов, вообще не могут обнаружить исконную «социальную сущность жанра». Из этого, однако, не следует, что искомая «сущность» может однозначно быть выявлена из поздних изустных записей, как надеялись фольклористы (например, Тудоровская, Аникин).

Как явствует, например, из рассуждений весьма опытного грециста-басневеда Тиле, для понимания смысла конкретной басни и сущности всего этого жанра необходимо сравнить все имеющиеся варианты, расчистить сюжет от искажений, вызванных литературными обработками, и рассмотреть сюжет в его народной, исконной основе, в той социальной среде, где сюжет возник, а вовсе не там, где он использовался в дальнейшем [Thiele 1908; 1914].

6.1.3.1. Предшествующее или, как видно из примеров, также сопутствующее устное состояние басенных сюжетов отличается, по мнению Тиле, от литературной версии, между прочим, в социальном отношении. Устное бытование проходило в крестьянской, сельской среде, тогда как литературная обработка является, как он выразился, «продуктом городской — буржуазной культуры» (он разумел социальную обстановку античного полиса) [Thiele 1908, 381].

«При переходе из народной среды к высшим слоям общества басни о животных подверглись изменениям уже потому, что горожанам многие элементы фабулы не были понятны, так как им не хватало опыта общения с животными и наблюдений над природой»,— ошибочно полагает Тиле. Одновременно, считает ученый, происходило и социальное переосмысление, связанное еще и с потерей исходной простоты, непосредственности стиля, даже юмора, словом, народности. Кроме того, литературная обработка носит на себе и следы индивидуальности автора — положительные или отрицательные [Thiele 1908, 381].

В какой мере подобное уточнение социальной, классовой природы классической баснописи имеет вообще универсальное значение, могут показать лишь тщательные исследования произведений на основе совокупности всех доступных свидетельств. Ряд монографических разысканий, однако, показал, что и в самой литературной традиции (например, средневековья), даже в одной социальной среде наблюдались стилистически совершенно разные версии и толкования одного и того же сюжета.

6.1.4. Классицисты начала века вообще недооценивали значение какой бы то ни было предшествующей традиции, в частности древневосточной. А востоковеды своим чередом недооценивали долитературную традицию. Это завело литературоведов в тупик, когда письменные памятники оказались в значительной мере уже как «литература» подозрительно односторонними.

Тиле на основе текстологических и литературных фактов пришел к выводу, что едва ли не все известные по эзопической литературе басни имели, как он выразился, «*народные предстадии*» [Thiele 1908].

Хаусрат, опираясь на анализ произведений Аристофана, предположил, что греческая басенная литературная традиция вообще восходит к местной фольклорной, устной [Hausrath 1898].

Вскоре такой же шаг к фольклористике был сделан и со стороны востоковеда-библеиста. Гункель выдвинул, а главное, обосновал теорию о непременном долитературном, устном, длительном развитии видов древней литературы, в частности на семитских языках.

К такому же выводу, хотя и не в отношении басен и сказок о животных, своими путями пришли и русские ученые — Веселовский и его многочисленные последователи. С тех пор в академических кругах вообще стало возможно говорить о баснях и сказках, о литературе и фольклоре во взаимодействии. В самой общей форме на устные, народные истоки литературы, опираясь на Веселовского, указывал Горький, и это стало руководящим положением для советских фольклористов. В иранистике эта концепция внедрялась Брагинским и повторялась его многочисленными учениками в Таджикистане. Это придало социологической проблематике совершенно новый оборот. Стало очевидным, что глубинные проблемы словесности должны решаться на конкретном литературном и фольклорном материале. Аристократический отрыв одного, например, письменного состояния произведений от другого, не менее надежного, устного состояния, был и остается для науки роковым [Брагинский М., 1956].

6.2. Опираясь на язык и на общий тон текстов, Крузиус противопоставлял народный демократический стиль ранних басен изысканному стилю гомеровского эпоса, который он считал, разумеется, аристократическим. Так появился стилистический аргумент в пользу атрибуции басен простонародью.

6.2.1. Перри, возражая против оценки «тона» у Крузиуса, применительно к басням писал:

«Тон или содержание басни не зависят от каких-либо социологических или других качеств, присущих басне как форме (как Крузиус, кажется, представляет), а только от того, кто использует ее, и от сущности той мысли, которую он пытается передать. Некоторые басни так же хорошо отражают аристократический образ мысли (*Herrenmoral*), как другие — плебейский (*Sklavenmoral*)» [Perry].

6.2.1.1. Отвергая вообще социологическую атрибуцию тональности и иронизируя по поводу применения ницшеанской терминологии, Перри, вероятно, своими путями, через отождествление басен с пословицами, а последних с риторическими свойствами языка, приходит к итогу, к которому была подведена И. В. Сталиным известная дискуссия 1950 г. о классовости и надстроечном характере языка.

Перри пишет: «Я полагаю, что басня, как риторическая манера разговора, аналогична по своей природе пословице или сравнению, и способы их создания, следовательно, должны быть схожи. Так же как никто

не думает, что пословицы, как таковые, вызваны к жизни какой-либо определенной социальной ситуацией, а не естественной потребностью сказать что-либо эффектное в любом случае, нет нужды делать такие предположения по отношению к басне. Потребность в басне возникла так же, как в пословице и сравнении» [Perry].

Это же утверждают неоантропологи Йоллес, Ранке относительно жанров, которые также искони отвечают разным потребностям *человеческого духа и души* [Jolles; Ranke 1967].

В отношении басен Перри, однако, приходит к выводу:

«Басня по своему происхождению не является независимой литературной формой, созданной, как роман или драма, новым обществом с новой культурой, а только риторическим средством, простым орудием. В таком качестве басня может служить различным лицам с противоположным социальным положением, включая хозяина, раба или подчиненного».

Тем самым отпадает, если стать на точку зрения Перри, возможность принципиально рассматривать басни как некую идеологическую надстройку, связанную через базис с определенным классом.

6.2.1. Несовместимость басни с эпосом объясняется Перри двояко: поэтологически и социально-психологически:

«...Причина, по которой Гомер не использовал какие-либо басни, кроме одной в „Одиссее“ (которая могла появиться позже), заключена в том, что его стиль возвышенно прямой и ясный по мысли и по языку. Он почти никогда не говорит метафорически, а басни есть метафоры по существу».

Перри далее приходит к важному заключению:

«...Главным является то, что в сравнении с Гомером, который с детской простотой и прямотой мысли ...рассказывает о вещах объективно и живо, вавилонский или шумерский школьник эпохи Хаммурапи, вынужденный учить или копировать мудрость тех дней, гораздо более неуловим, искушен и уклончив. И в такого рода обстановке чаще всего и процветала басня» [Perry].

6.3. Вопрос, являются ли сказки о животных вообще иносказаниями и, в частности, какие социологические выводы могут быть сделаны из положительного ответа на него, не получил единодушного решения у филологов и фольклористов.

6.3.1. *Айнос* Одиссея действительно является иносказанием, но может ли этот редкий и сомнительный текст быть типическим воплощением *сущности* басни? Ведь в этом случае всю остальную баснопись, которая отклоняется от этой нормы, надо признать искажением. Мёйли был склонен именно к такому выводу.

Против этого существенного пункта возражает Перри, отстаивая значение предшествующей восточной традиции:

«Как писал недавно Карл Мёйли, басня в „Одиссее“ представляет собой греческую басню в ее первоначальном и чистом виде, „живую“ басню, созревшую на родной почве, так как она социальна по своей функции, в отличие от литературных и схоластических басен позднего периода, которые похожи на сухие листья в гербарии» [Perry].

Перри остроумно парирует:

«Если мы будем сравнивать басню с увядшими листьями, когда ее функция риторическая, а не социальная в том смысле, как его употреблял Мёйли, или поэтически повествовательная, в соответствии со стандартом Гримма и его последователей, то нам придется прийти к заключению, что басня была мертва, начиная с самого раннего периода, с которого мы можем проследить ее» [Perry].

6.3.2. Мысль о том, что литературные басни вообще и поздние в особенности подверглись какому-то искажению, Мёйли, очевидно, воспринял от Тиле, теперь же она стала ходячей у социологов-литературоведов [Thiele 1908, 381].

6.3.3. Есть ли в баснях и сказках о животных поучительная «мораль», превращающая фабулу в иносказание?

Античные теоретики отвечали на этот вопрос положительно. Восточные баснописцы практически своим творчеством укрепляли эту точку зрения. В отличие от античной Греции и ее европейских наследников, в словесности Древнего Востока и у ее преемников противопоставление поучительного, дидактического момента развлекательному не имело места.

Спор о том, является ли басня и сказка о животных иллюстрацией какой-то абстрактной истины, морали или «полноценным» произведением искусства, долго занимал умы исследователей, но, вероятно, мало волновал сочинителей уже в древние времена.

6.3.3.1. Вопреки сложившемуся общему мнению, Перри свидетельствует: «На протяжении веков авторы и составители сборников басен выбирали рассказы, руководствуясь иными побуждениями, нежели сознанием того, что составляет „басню“ в точном или техническом смысле этого слова. Их, естественно, больше интересовал свой предмет как таковой, т. е. его художественные возможности, чем литературная форма, понятие о которой у них было чересчур широким и иногда несколько туманным...»

«...Они ошибочно полагали, что басня — это рассказ, написанный с целью сообщения какой-либо идеи или реального факта в несколько драматической форме, и, положив это в основу, они обычно, хотя и не всегда, добавляли мораль, даже когда сам рассказ не нуждался в этом, и мораль, выведенная таким образом, несомненно была поверхностной или натянутой. Все это они допускают в теории. Однако на практике они склоняются к тому, чтобы как можно больше развлечь читателя чем-нибудь занимательным, остроумным или драматическим, и, преследуя эту ближайшую цель, они часто выбирают рассказ по развлекательности, обращая мало или вовсе не обращая внимания на его философское значение, которое может быть ничтожным или вовсе отсутствовать и не является самоочевидной или реальной целью, с которой рассказ был написан...» [Perry].

Классические басни, античные и восточные, ничем не отличаются в отношении фабулы. Перри по этому поводу метко писал:

«Справедливо, что даже простейшие типы народных сказок, включая Märchen и рассказы о животных, рассказанные только для развлечения, часто заключают в себе философское значение, которое иногда может быть глубоким и поэтическим или тонким и мудрым, но сам рассказчик не старается сознательно донести это внутреннее значение. Главным образом, его интересует драматическое действие, содержание или, самое большее, как в этиологическом мифе, прямо установленная причина. Он философ или носитель общих идей и истин только в том смысле, в каком пчела является математиком при строительстве своего улья: он работает инстинктивно, и его инстинкт, направляемый Природой, часто глубоко верен...» [Perry].

«...в собраниях, составленных в поздней античности и в средние века, мораль басни служит только формальным разрешением поместить басни или народные сказки в книги или прикрытием, под которым, на практике, может оказаться любой вид рассказа, соответственно вкусу и фантазии автора в данный момент» [Perry].

Признаки использования сказок о животных (но не только таких!) для иносказания не дают оснований для социологического объяснения причин такого, гораздо более широкого явления.

Отсутствие явных признаков иносказания в устной традиции и нестабильность имеющихся в баснописи толкований не позволяют считать иносказание спецификой сказок о животных вопреки многочисленным свидетельствам (джатаки, азинд и др.) использования этих сюжетов в аллегорических целях назидания.

(Истолкования басенных животных в богословском духе дают средневековые бестиарии, а в наши дни с социальной позиции, например, Аникин.)

6.4. Сторонники социологизаторской теории утверждали вслед за Крузиусом: главное условие для возникновения басни — такая ситуация, когда слабому невозможно высказать перед сильным свои пожелания прямо и открыто, не прибегая к иносказанию.

Такая ситуация была в Греции и, пожалуй, еще раньше на Востоке. Что и на персидской почве обращались к власть имущим иносказательно, посредством притчи о животных, засвидетельствовано Мас'уди применительно к сасанидскому царю Бахраму II (276—293). Впрочем, этот же рассказ о якобы подслушанной мудрецом беседе сов о разорении обираемых царем сел был отнесен и к султану Махмуду Газневиду. Конечно, сильный, к которому обращаются таким способом, это не обязательно царь-тиран, это может быть и царствующий народ полиса, который приходится урезонивать таким же путем. То, что «народ» может оказаться в роли «сильного тирана», а не в роли «слабого» просителя, уже несколько релятивизирует эту социологическую теорию. Ее общая направленность продолжала внушать доверие и, как отмечалось, издавна признавалась советской фольклористикой.

6.4.1. Сведения об использовании басни в конкретной ситуации, имеющиеся в литературе и так недостающие в фольклоре, ставят под сомнение тезис о баснях *как орудии классовой борьбы* именно в руках угнетенных.

Перри анализирует это положение более широко, чем Крузиус и Мёйли, правильно формулируя их тезис:

«Первоначальная функция басни, согласно Мёйли, который в этом вопросе находится под влиянием Крузиуса, заключалась в том, чтобы служить орудием борьбы для слабых и маленьких людей или жалобой на вышестоящих, или дипломатической просьбой, адресованной тем, кому посчастливилось принадлежать к высшей социальной категории...» [Perry].

Несмотря на убедительную стройность такого классового понимания классической басни, Перри не отказал себе в праве ученого проверить этот тезис на решающих примерах, которыми он его и отводит:

«Согласно Геродоту, Кир после завоевания Лидии ответил на прошение граждан... рассказав басню про рыб».

«...Басня (4 Кн. Царств 14.9) рассказана израильским царем...».

«...Сходные по настроению и краткости басни использовал сириец Ахикар, поучая своего сына Надана, и сюжет такого рода, где учитель или мудрец учат учеников или публику этике и жизненной мудрости, встречается в большинстве басен, дошедших до нас из древней литературы Ближнего Востока... Эти басни адресованы не царю, а его подчиненным, и отец, учитель или автор выше по социальному положению, чем тот, к кому он обращается...» [Perry].

6.4.1.1. Едва ли кто-нибудь станет утверждать, что библейские цари и победоносный Кир были в положении «слабых» и потому обращались иносказательно к сильным, выражая при этом мнение народных масс. Народность этих сильных восточных деспотов столь же проблематична, как и демократизм морали бытующих ныне басен и сказок о животных.

Ранние памятники баснописи не дают оснований считать, что этот вид литературы возник как орудие борьбы угнетенных против угнетателей (скорее наоборот! — считает Широкауэр), хотя в дальнейшем любая социальная группа могла использовать это орудие в своих целях. Однако никакие филологические трудности не удержали от ошибочного социологизаторского приписывания басен угнетенным, хотя и на основе поздних, изустных, преимущественно русских записей сказок о животных [Тудоровская].

6.5.0. Прежде чем обсудить вопрос, чьи мысли и идеологию выражают басни и сказки о животных, необходимо узнать, выражают ли эти произведения вообще специфические мысли, и если да, то можно ли их считать литературными, идеологическими.

Поскольку басни и сказки рассматриваются как произведения словесности, постольку поставленные выше частные вопросы определяют-

ся общими положениями теории литературы об отношении искусства к идеям, к обществу, к действительности.

Идейное содержание произведения словесности может прослеживаться на разных уровнях. В фольклористике говорят как о содержании одного в а р и а н т а, так и о содержании (очевидно, и идейном) целого произведения (*повествовательного типа*), а также отдельных мотивов или других элементов, из которых построено произведение, так как каждый элемент вносит свое в общее идейное содержание целого, подчас не свободное от противоречий.

Необходимо сказать, что только весьма краткое произведение может быть более или менее убедительно сведено к одной определенной идее, которая, однако, не может выразить целую идеологию определенной социальной группы.

6.5.0.1. Общая идея произведения словесности, способы ее выявления и описания не только в целях социальной атрибуции давно занимают литературоведов. Но ни принципиальной, ни методической ясности в этом нелегком деле пока нет.

Некоторые аспекты идейного и эстетического воздействия художественных средств и других элементов строения басен и сказок о животных рассматриваются, соответственно их уровню, в разделах философии (7) и поэтологии (8) басен.

Специфическими попытками самих носителей или сочинителей этих произведений раскрыть смысл сюжета надо считать появление устойчивых элементов, в которых как бы подводится итог и предлагается поучение, в самом тексте (в его начале и в конце). Примеры поучений из нашего Свода приведены в последнем разделе (9.8.2.1.)

6.5.1. Крузиус признал басенный стиль и мораль п л е б е й с к и м и, стоя на точке зрения античного патриция. Тиле считал басню по идее демократически-крестьянской, находясь на позициях горожанина-либерала.

Широкауэр, Отт и Штернбергер увидели в басенной морали ее мещанский, непривлекательный характер, рассуждая, конечно, как критически мыслящие интеллигенты нашего времени.

6.5.1.1. Широкауэр отмечает в эзоповских баснях столкновение персонажей, разных по занимаемому положению, видя в этом нечто демократическое (вероятно, в буржуазном понимании слова): крупные и сильные звери не всегда побеждают малых и слабых, а якобы уже обреченные жертвы могут спастись от гибели, если проявят сообразительность; честный и прямой также бывает одурачен пройдохой и хитрецом. Все имеют, так сказать, равные шансы попасть в беду и выбраться из нее.

История баснописи, с какой бы стороны ее ни рассматривать, ставит под сомнение правомерность поиска общих идей, однако история изучения басни показывает, что усилия, направленные на выявление общей идеологии басен и сказок о животных, все более нарастают, причем исходя из разных позиций.

6.6. Лейбфрид, критикуя социологическую теорию Мёйли и подводя итог дискуссии, полагает, что принципиально невозможно сделать далеко идущее обобщение относительно условий происхождения басни на основе поздних наблюдений.

Несостоятельными считает Лейбфрид выводы об исконности или неисконности п о у ч а ю щ е г о момента, морали в баснях и сказках о животных, как и гипотезы о приоритете «сказки» или, наоборот, «басни» о животных.

Лейбфрид, уточняя функциональную проблему, считает нужным формулировать так: бывают басни, которые обнаруживают такую форму или такой стиль, что они в определенном социальном контексте могут выполнить общественно-критическую функцию. Принципиально, однако, басня не имеет ничего общего с социальной функцией, и сама эта функция ставится вне поэтологической дискуссии.

Критик утверждает, что функцию нельзя включить в состав художественной формы: художественная форма (в данном случае басня как жанр) нейтральна в отношении воздействия, которое она может оказать на общество [Leibfried].

Против исключения социальной функции из эстетики возражают, как известно, литературоведы и фольклористы-марксисты. Они правомерно не могут согласиться с Лейбфридом, когда он объявляет актуальной задачей науки исследование и описание феноменологических и морфологических свойств басен как базы для более надежных теоретических обобщений, а все достигнутое до сих пор — неудовлетворительным.

7. ФИЛОСОФИЯ БАСНИ

Многочисленные тексты басен и сказок о животных прямо сообщают в виде *морали* то, чему они, по мнению сочинителя или носителя, учат. Не мудрено, что у знатоков этих текстов появляется настойчивое искушение подвести итог, с у м м и р о в а т ь эти поучения. В той мере, в какой подобный свод представляет собою простой «указатель поучений» с ссылками на источники, он остается филологическим аппаратом и, пожалуй, не требует теоретического оправдания. Претензии могут быть, главным об-

разом, к систематике. (Для античной басни такой каталог создан Винертом, и польза его несомненна при всех очевидных недостатках) [Wienert]. Образцы поучений из нашего Свода см. 9.8.2.1. Извлечение же морали, поучения, любых «общих истин», вообще «мировоззрения» из литературных текстов в целом (или из их элементов) самим исследователем и системное изложение или интерпретация этих взглядов могут быть названы философией (о философии анекдотов одного города см.: Lützeler 1954).

Отношение басен и сказок о животных к философии двойственное: философия может высказаться о баснях, и тогда сказки о животных становятся объектом философии, но философия может найти выражение в самих баснях, и тогда философия является объектом басни. Новалис (как приводит Леман в статье о басне и притче как предмете литературной образованности) писал: «Басня — это максимум поэтического выражения философии... не исконная поэзия, а искусственная, превращенная в поэзию философия» [Lehmann].

Наряду с филологией сказок о животных мыслима, таким образом, и философия басен. Вероятно, эта область столь же законна, как и *география*, *история и социология* басен и сказок о животных. Философии следует отвести автономный, самый внешний или передовой край сферы компетенции фольклористики.

И не случайно уже со времен Аристотеля баснями и сказками о животных, вообще *герменевтикой* словесности и искусства занимались философы, среди которых Лессинг, Гердер и Гегель заняли видное место [Masing; Lessing; Herder; Hegel].

В следующем обзоре основных мнений «философия басни» обозначает лишь филологию ее идейного содержания.

7.0.1. Отправным пунктом является вопрос об отношении идеи к фабуле (и действительности).

Штернбергер на основе ряда баснописных примеров делает заключение, что поучение отнюдь не способно заменить рассказ, фабулу и даже вовсе не является главным, и следовательно, нельзя принять сюжет басни за простую иллюстрацию, как народное средство сделать мораль более удобоваримой. Сюжет — это плод фабулирования, и тем самым он уже является произведением искусства, изображающим картину действительности. «Эта картина предназначена не только для внешнего восприятия, но и для осмысления, для ориентации в темном мире». В этом, как указывает Штернбергер, вся суть басни, и это высказал уже Лессинг, опираясь на философию Вольфа: «Моральное поучение не скрыто и не замаскировано в действие, а через оное становится доступным созерцающему познанию (anschauende Erkenntniss)» [Sternberger].

Из этих рассуждений Лессинга видно, что вопреки рационалистической установке на примат философского смысла сюжета, он признал, наконец, значение и некоторую автономность *картинной части* произведения, самой фабулы. И следовательно, в басне возможны две философии: одна — вытекающая объективно из «картины», из сюжета, и другая — вложенная в произведение его автором.

Теория автономности сюжета подтверждалась как будто и баснописной практикой нового времени. Сюжеты воспринимались из традиции, а не из действительности. Из истории литературы известно, что запоминался сюжет, а не прикладная мораль к нему, которая подчас менялась. Сам Лессинг, вопреки своей теории о наличии в сюжете басни лишь одной единственной морали, пытался в традиционных сюжетах коренным образом менять ее, облагородить; такая возможность могла бы Лессингу показать, что, кроме нарочитой морали, есть в картине и свое идейное содержание, которое не обязательно совпадает с выводом баснописца или же рассказчика.

Гегель отрицал в баснях примат поучения, придавая значение самому сюжету как художественному вымыслу, включающему уже идею. Всякий рассказ, тем более фиктивный, содержит внутренний смысл и не может считаться воплощением идеи — несколько неожиданный вывод для философа-идеалиста [Hegel].

Подразделение произведения словесности на «картину» и «смысл», на «зримую» и «незримую» части и приписывание первой чисто знакового значения, как это делали в прошлом рационалисты и утверждают ныне семиотики, является большим упрощением, граничащим с заблуждением. Подобная схема может служить полезным отправным пунктом всякой герменевтики искусства, но не может считаться конечным результатом понимания словесности [Masing].

7.1. Необходимое общее поучение, по мнению Лессинга, воплощается в частном случае, кратко изложенном в фабуле басни.

Для Лессинга и многих его последователей вплоть до наших дней казалась несомненной самая возможность выразить «общую истину» через частный случай. Всякая картина воспринимается философами как аналогия чего-то другого. В поэтологии, однако, в отличие от поэзии, приходится знаковое значение сюжета считать все же ограниченным [Fischer].

7.1.1. То обстоятельство, что частный случай, придуманный или реальный, будучи выражен словесно и став литературой, может быть перенесен и расширен, было предпосылкой теоретиков басни и нуждается в доказательстве. Ранние баснописные памятники, например библейские, указывают конкретно, кого имеет в виду басня. Это было, вероятно, еще необходимо для получения эффекта сравнения. Вместо конкретного человека басни стали применяться к человеку вообще. Лессинг уже рекомендует подчинить частный случай общей истине, общему моральному принципу, таким образом, чтобы этот случай носил в себе с достаточной очевидностью сходство и общность с данной моралью.

7.2. В прошлом ученые рассматривали, по крайней мере, зримую часть фабулы в ее отношении к действительности [Röhrich 1956].

Реализм *материи* (Stoffe), правдивость зримой части басни не подвергались сомнению, ибо без показа такой правды не могла быть показана и истина поучения.

7.2.1. Современная теория литературы, как утверждает Френцель, не признает случайности или пассивности материи. Действительность сулит сочинителю необъятный материал. Уже самим избранием одного, исключением другого, усилением третьего и т. д. автор не только определяет свое о т н о ш е н и е к действительности, к многообразному окружающему миру, но совершает акт творчества, который имеет значение для произведения и уже содержит нечто поучительное.

7.2.2. Два вопроса преследуют исследователя на пути к идейному содержанию произведения: каковы объективные свойства материи, включенной в произведение из действительности? Какое значение получила эта материя в художественном произведении и его идейном воздействии?

На первом же шагу в древнюю и до конца не изведанную область герменевтики басен и сказок возникнет предварительный, но методически важный вопрос: о ком, о какой действительности идет рассказ? Первый ответ, который напрашивается после недоумения, будет гласить: эти басни и сказки повествуют о жизни животных!

7.2.3. Что же представляют собою в философском отношении персонажи басен и сказок о животных?

Учитывая, вероятно, все сказанное по этому поводу в научной литературе, начиная с Аристотеля, придется эти фигуры отнести к разряду *репрезентативных символов*, согласно современной терминологии Рэндэлла/Тиллиха. В отличие от *чистых* символов, они не являются произвольной условностью, вроде тех, которыми пользуются в математике. Основные свойства широко используемых в искусстве любых *репрезентативных символов* и, стало быть, фигур животных в баснях таковы:

— они указывают на что-то, находящееся вне их, т. е. они обозначают не только себя, но и что-то другое; эта связь может быть предопределена словесной ассоциацией или же реальностью;

— они принимают участие в реальности того, на что они указывают; они реально представляют то, что они символизируют;

— они не могут быть произвольно изобретены, придуманы и по договоренности пущены в оборот, они должны быть коллективны;

— они обладают способностью вскрывать в действительности то, что осталось бы скрытым;

— они наводят или разрушают какой-то порядок.

Исходя из такой концепции, ф а у н и с т и ч е с к а я с и м в о л и к а и вообще мотивы из животного мира, встречающиеся в фольклоре, оказываются по смыслу единым целым, при всем разнообразии текстов (мифологических, религиозных, басенных, зоологических и т. п.) [Randall/Tillich, 4; Schellhorn].

7.3. Чтобы применительно к басням и сказкам о животных ответить на кардинальный вопрос теории и философии литературы — *об отношении искусства к действительности*, неминуемо необходимо рассмотреть, в какой мере п е р с о н а ж и, изображенные в этих произведениях, отвечают их истинной природе, иначе говоря, в какой мере опыт обращения с животным миром, наблюдения нашли свое отражение в баснях и сказках о животных. Ведь именно животные составляют чуть ли не постоянный и, очевидно, обязательный (и в идейном, эстетическом отношении) элемент всех произведений этого класса [Harkort 1970; Bühler; Röhrich; Glupe; Goldemann; Gubernatis; Hofmiller; Jauss; Rooth; Аникин].

7.3.1. Для определения исходных позиций надо отметить следующие мнения.

Ранние теоретики и Лессинг полагали, что характер изображенных в сказках животных с о о т в е т с т в у е т их истинной природе, что некоторые приключения и ситуации просто отражают подлинную жизнь в лесу, известную людям по опыту общения с животными.

Тиле видел в непосредственном опыте, т. е. в наблюдениях над животным миром и в причудливых объяснениях подмеченных реальных явлений, основу возникновения басни как жанра [Lessing; Thiele 1908, 1914].

По-разному сближали ученые-филологи накопленные знания о природе с тем, что вошло в басни и сказки о животных. Я. Гримм был склонен в памятниках по народной зоологии видеть разрозненные части искомого «животного эпоса», тогда как Тиле отмежевался от этой концепции Я. Гримма и считал, что литературу эту надо просмотреть под зоологическим углом зрения, как отражение накопленного опыта: «басня и популярная зоология обе являются ответвлением одного и того же корня». Эту позицию занял и последний исследователь этого вопроса Харкорт [Thiele 1908; Harkort 1970, 1972].

7.3.2. Современные л и т е р а т у р о в е д ы рассуждают иначе, чем Гримм или Харкорт.

Если присмотреться к облику зооморфных персонажей, то многие распространенные представления никак не смогут найти объяснения как отражение действительности.

Царствование льва, музицирование волка или осла, судейство шакала или лисы, хитрость зайца или воробья, упрямство барана, коварство змеи или, наоборот, ее преданность — никак не являются результатом простого наблюдения. Это мотивы литературы, художественный вымысел. Наблюдения над животными давно уже не питают баснопись, как и фигуры царей в сказках не являются результатом личного общения сказочников с царствующими особами. Персонажи басен и сказок о животных — это фиктивные, условные фигуры.

Тодер исследовал облик льва в пословицах и баснях, ставя вопрос о «царстве льва». Работа его описательная, и обобщений в ней нет. Но становится очевидным, что подобные мотивы, представления и метафоры имеют большую историю, которая не начинается протоколом о помазании льва на царство среди зверей с обоснованием этой кандидатуры.

Царственность льва — это такой же мотив, как трусость зайца в Европе и его хитрость в Африке [Toder 1972; Сумцов; Stephen].

Можно конечно допустить, что исконно басенные фигуры были не пустые маски, но они не были и аллегориями, за которыми скрываются люди.

Это было бы и искажением натуры животных, и упрощением природы искусства.

7.3.3. Широкауэр считал сюжет басен ф и к ц и е й, причем настолько прозрачной, что даже ребенку должна быть ясна метафоричность, иносказательность рассказа [Schirokauer, 183].

Но именно указание, что ребенку ясна метафоричность рассказа, может вызвать возражения со стороны фольклористов, изучающих детский фольклор. Неясно также, в какой мере одинакова и однозначна фиктивность рассказов в разных культурных регионах. Глобальные исследования отдельных сюжетов показывают различия в понимании и метафоричности [Harkort 1970; Ingendahl].

7.4. Считая ф и к т и в н о с т ь персонажей и надуманность ситуаций в картинной части сюжета показателем х у д о ж е с т в е н н о й природы произведений, литературоведы в дальнейшем считали нужным рассмотреть только эстетическое и идейное значение подобного изображения действительности для этой литературы, п о д л и н н о с т ь материи их не интересовала [Pongs].

7.4.1. Отт посвятил большое исследование вопросу об использовании фигур животных в баснях. За этим кроется эстетико-философская проблема баснописи: ради чего повествуется о животных и какое действие это оказывает на восприятие идейного содержания произведений словесности? Вместе с тем это имеет отношение и к области п с и х о л о г и и творчества и может объяснить причины популярности, живучести этой традиции в искусстве не только слова. Какой общий смысл имеет изображение животных?

Над этими вопросами ученые разных областей, кроме фольклористов, серьезно задумывались [Ott; Schwab; ср. Аникин].

7.4.2. Винклер полагал, что вся проблема объясняется просто биологически, врожденным инстинктом людей воспринимать окружающую среду по своему образу и подобию, т. е. в очеловеченном виде. В этом свете басни представляют собою лишь рассказы о подлинных животных, об их жизни, воспринятой человеком по-человечески. Эстетическая проблема, таким образом, либо решается просто, либо исчезает; сказки о животных перестают быть художественным вымыслом, искусством слова [Winkler, 280—306; Harkort 1972].

7.4.3. Между тем психологи Липпс и Фолькельт не ограничились биологическим объяснением и отметили, что на самом деле имеет место перевод ч е л о в е ч е с к и х отношений в картины из жизни животных, т. е. не антропоморфизация, а зооморфизация. А это уже выводит банальные явления из сферы повседневности и придает им, благодаря экзотичности картины, новый, более широкий смысл. Этим достигается э с т е т и ч е с к и й эффект. Человеческие черты становятся в картине, изображающей мир животных, яснее, типичнее [Lipps/Volkelt].

По мнению Лессинга, фигуры животных помогают типизации необходимых черт и освобождают от реальных деталей, которые были бы неминуемы, если бы в качестве фигур (символизирующих людей) были люди с их сложными характерами. Типизация же нужна, по этой теории басни, чтобы через личину зверей выразить общую истину.

Надо отметить, что отсутствие психологических характеристик вообще показательно для фольклора, и не только для сказок о животных, но этого Лессинг мог и не знать.

7.4.4. Таким образом, животные вовсе не воплощают человека, а служат лишь тому, чтобы представить ему человеческое на некотором расстоянии. Это явление принято называть «о т ч у ж д е н и е м», и Брехт в своих теоретических работах видел в этом отчуждении самую суть искусства вообще. Он определял отчуждение как отображение, которое позволяет узнать изображенный предмет, но одновременно показывает его отчужденно, т. е. так же, как этого требовал Лессинг для «частного случая», выражающего в баснях «общую идею».

Как отмечает Дитмар, художественный принцип отчуждения (кстати, играющий столь важную роль в современной материалистической эстетике) был ясен уже Лессингу, который считал такое отчуждение необходимым для того, чтобы исключить сочувствие у человека к басенным животным. Сострадание к персонажам могло бы, по его мнению, затмить восприятие мысли рассудком. И действительно, животные басен не вызывают у взрослых слушателей никакого сочувствия, так как фиктивный характер фабулы для них очевиден, да и поучения обычно свободны от сентиментальности.

Лессинг избегал в собственном творчестве эмоций, потому что, по его мнению, басня — жанр дидактический [Dithmar 1960, 17]. (О наличии сочувствия заявляет Тудоровская [Тудоровская].)

7.4.5. Каково же соотношение человеческого и животного в баснях?

Лессинг, как отмечает с удивлением Отт, вообще не уделяет этому вопросу никакого внимания, как будто перенос людской ситуации на животный мир разумеется сам собою.

Это тем более поразительно, что согласно его теории, глубоко соответствующей духу классической литературы, басня должна избегать сочувствия к животным. По мнению же Аверинцева, классическая литература вообще осуждала сочувствие. Это, возможно, и верно, но недостаточно для объяснения специальной теории басни [Ott; Аверинцев, 256].

7.4.6. Отт поднимает широкий вопрос об отношении человека к животным и о значении этого для басни. Анализируя творчество Лафонтена, ученый сомневается в том, что для баснописи характерно анимистическое восприятие мира, по которому и животные и растения были бы наделены духом и душой. Идея общности человека с животным, как она мыслится ныне под влиянием учения Дарвина, была бы а н а х р о н и з м о м для античности. Наоборот, по мнению Отта, применительно к творчеству Лафонтена как раз полная п о т е р я чувства общности человека с миром животных является п р е д п о с ы л к о й для творчества знаменитого баснописца. Басня, по мнению Отта, произрастает как фикция на почве сознания н е р а в н о с т и человека и животного. Иначе терялась бы фиктивность переноса и не было бы никакого *отчуждения*. Когда идея близости человека и животного стала господствующей (в Европе в связи с развитием естествознания), исчезла автономия человека и угасла баснопись [Ott, 265; Würfel; Harkort 1970; Wiedemann].

Издавна было замечено «человеческое» в животных: некоторые звери вызывают умиление, другие — подчас безобидные — отвращение. Происходит это несознательно, без рационального обоснования, как это бывает в отношениях между л ю д ь м и. Философ-экзистенциалист Ромбах видит в этом проявление «символической силы образа животного», нашедшей, по его мнению, выражение уже в доисторическом изобразительном искусстве.

Просветители же (не только толкуя или сочиняя басни) видят «звериное» в Человеке. Еще знаменитый врач Парацельсий считал, что каждый человек обнаруживает внешнее сходство с определенным животным. Это и теперь является популярным суеизнанием. Физиогномисты, вслед за ними и писатели часто характеризуют людей по их кажущемуся сходству с животными, о которых они придерживаются, впрочем, басенных, ходячих представлений. К этому приему очеловечения животных, даже бабочек, прибегают еще ныне авторы детской литературы. Все это способствовало просветительскому истолкованию басен ради описания и улучшения нравов.

7.4.6.1. Эти рассуждения могут показаться на первый взгляд актуальными лишь для европейской баснописи нового времени. Между тем, басенные сюжеты сложились на Востоке задолго до философской дискуссии о природе животных, об их способностях мыслить и чувствовать.

Важно отметить, что, как указывал Видеман, в ранней арабской литературе не наблюдается никаких следов личного отношения людей к животному миру, в персонифицированном, антропоморфизированном виде и т. п. По Брокельману, в отличие от Отта, подобное отношение необходимо для баснописи, и его отсутствие у арабов показывает, почему этот жанр был ими заимствован из индоиранских источников.

Каково было отношение человека к животным в индоиранском мире — неясно. Однако если даже согласиться с тем, что предпосылкой для возникновения басен является не наличие такого отношения, а скорее его о т с у т с т в и е, то можно прийти к выводу, что вопрос о зооморфности божеств ничего общего не имеет с вопросом об антропоморфности животных в баснях и сказках и что эти оба аспекта отношения человека к животному миру и р р е л е в а н т н ы для фольклориста [Brockelmann; Würfel; Ott; Stephen].

7.4.7. Итак, Отт и другие исследователи установили между баснописцем и его персонажем, т. е. между человеком и животными, диалектическое напряжение. Эстетический эффект сравнения человека с животным обусловлен несравнимостью или неравенством человека и животного, то ли по убеждению баснописца и рассказчика, то ли в восприятии слушателя.

7.5. Ценная *теория отчуждения* объясняет использование облика животных для показа человеческого. Но отсюда вытекает и обратная возможность. Судя по аргументации Отта, показ звериного в человеке является не отражением сознания родства человека с животным, внедренного ныне наукой, а средством п о э т и к и, при помощи которого достигается определенное воздействие басни на человека.

Вопрос, считали ли баснописцы человека более близким животному и воздействовало ли сравнение человека с животным в силу аналогии или контраста, непременно заслуживает внимания.

7.5.1. Отт в очень тонкой и сложной статье, посвященной Лафонтену, пришел к выводу, что эффект, полученный от замены человека животными персонажами, исходит из осознанного фундаментального о т л и ч и я человека от животного: человек действует обдуманно, по собственной воле, тогда как животное ведет себя, согласно своей натуре, и н с т и н к т и в н о. Ввиду этого, думал Отт, вообще не может быть настоящего романа из жизни зверей. Лессинг, по мнению Отта, верно подметил, что животные персонажи избавляют автора от необходимости описывать их характер и потому все внимание может быть обращено на фабулу, на идею. Однако Отт далее указывает, что непостижимым является именно то, что как раз животное, которое действует инстинктивно и бездумно, оказывается удобным для выражения идей с целью воспитания поведения у человека, жизнь которого — именно как человека — как раз начинается там, где кончается в нем животное. За этим, казалось бы, чисто схоластическим противоречием, выявленным диалектически мыслящим человеком, кроется важная этологическая проблема [Ott].

7.5.2. Уже Лессинг старался подробно объяснить, почему именно личина животных отвечает теоретическим требованиям его эстетики. Ответ он думал найти в том обстоятельстве, что животные отличаются п о с т о я н с т в о м своего х а р а к т е р а, и, таким образом, каждая фигура обладает постоянным з н а к о в ы м значением [Fischer].

Против Лессинга выдвигали довод, что его мнение навеяно баснописью и традицией, а не наблюдениями в лесу. Утверждали, что характер животных вовсе не постоянен ни у особи, ни у рода, ни у вида. Или, говоря конкретней, ни волк, ни лиса, ни медведь, ни заяц, ни мышь, ни змея, ни перепелка и ни ворона — никто из излюбленных басенных зверей в действительности не обладает ни теми особенностями, которые приписывает им баснопись, ни вообще выраженным, однозначным характером (см. Указатель мотивов, стр. 362—386).

Однако и этот довод не опирался на опыт: ни Лессинг, ни другие теоретики и практики баснописи, подчас критиковавшие его, не пришли к своим заключениям от наблюдений в лесу.

То, что во времена Лессинга считалось убедительным, глубоко соответствовало господствующим взглядам на природу людей и животных. А в дальнейшем — и особенно в наше время — убедительным, а главное, нужным почему-то считается всякий аргумент, который разрушает мнение предшественников, в особенности современников Лессинга [Bodmer; Briegel-Florig; Edler; Fischer; Glupe; Goldemann; Gottwald; Kayser 1931].

7.5.3. Развивая идею Лессинга об однозначности фигуры животных, Отт утверждал, что переносом ситуации человеческого общества в мир животных достигается и л л ю з о р н о с т ь этой ситуации, а также ее упрощение; возникает схематичный мир, где существуют лишь друзья-помощники или же враги-вредители. Сложные конфликты, будучи перенесены на однозначные взаимоотношения барана и волка, сводятся к простой расстановке сил. Элементарное столкновение объясняет и проясняет самую сложную житейскую ситуацию. Это уже само по себе поучительно, и при этом безразлично, как и чем конфликт кончается [Ott].

7.5.4. Отт отмечает, что в упрощенной ситуации волк остается волком, а баран всегда баран. Это, по его мнению, наводит слушателя на мысль, что силы н е м е н я ю т с я и что т щ е т н о добиваться решительных перемен. Такой вывод представляется Отту доказанным множеством пословиц и поговорок, появляющихся в начале или в конце басен [Ott, 253; Loukatos].

Отт находит незначительное отличие между пословицами и баснями в том лишь, что истина в пословицах представлена как у ж е известная, тогда как в баснях истина обнаруживается в итоге сюжета, как бы эмпирически.

Связь пословиц с баснями, таким образом, по Отту, не является только функциональной или текстуальной, а глубоко идейной.

Обратив внимание на ругательства, с р а в н и в а ю щ и е человека с животным, Отт обобщает их значение для философии пословиц и басен. Они направлены, по мнению ученого, на отрицание благородного возвышенного начала в человеке. И если принять во внимание еще мнение Гегеля, что всякая пословица может быть преобразована в басню, то идейное содержание этих видов словесности оказывается общим и весьма скептическим (см. 4.1).

7.5.4.1. *Предопределенность* выражается, по мнению Отта, в том, что в баснях фигурируют лишь названия разных в и д о в животных. Из этого вытекает представление, во-первых, что мир населен неравными персонажами, что, во-вторых, из этого неравенства вытекает трагический к о н ф л и к т несовместимости их интересов. Достаточно назвать виды персонажей, как тотчас уже ясна основная причина их столкновения и предопределяется исход, хотя бы постоянством характеров и страстей. Этот вывод подкрепляется еще и наблюдением противоречия между зримой и незримой частями содержания.

За мнимой, внешней конкретностью ситуации в сюжетах басен кроется, по мнению Отта, истина, которая стоит над ней и которая пока-

зывает ограниченность значения того, что находится ниже, о чем и рассказано в сюжете.

Тем самым басни и сказки, по мнению Отта, убеждают, что всякая затея, направленная на изменение общей расстановки сил, неминуемо кончится неудачей, а потому такие усилия не только г л у п ы, но и вредны.

Идейное содержание басен и сказок о животных, с точки зрения Отта, глубоко консервативно, допуская удачу только для ловкого хитреца. Так, например, Гейслер по идейному содержанию определяет «Панчатантру» скорее как учебник мошенничества, нежели как руководство для хорошего поведения. И это можно отнести к другим сборникам басен [Geissler 1954, 659]. Прогрессивную классовую борьбу усматривает здесь Тудоровская [Тудоровская].

7.5.4.2. Отт приходит к синтезу философии басен, полагая, что уже одно сравнение человека с животным направлено против идеализации человека и показывает его звериное начало. Это сравнение отрицает всякое превосходство человека, в частности его способность поступать обдуманно (а не инстинктивно, наподобие животного), и разоблачает эгоистическую природу человека как существа, которое, подобно животному, стремится к выгоде за чужой счет, к самосохранению. По Аникину [Аникин] басня это осуждает.

Таков урок «басни как таковой», извлеченный не из сочетания «поучений» отдельных произведений и даже не из фабул, не из конкретных эпизодов, а из несомненно существенного художественного средства, элемента материи — из использования животных для образования фигур басен и сказок. Это определяет уровень исследовательской базы при возможной критике данного вывода.

7.6. К аналогичному заключению пришли Штернбергер и Додерер, отвечая не только на вопрос, чему басни учат, но чем и как они преподают свой урок.

Если в тех случаях, когда в тексте появляется поучительная сентенция, басня и сказка о животных учит с л о в е с н о, проповедью, то в тех случаях, когда таких выводов нет, поучение, по-видимому, достигается иным путем.

Искони ценимым приемом обучения и воспитания был п р и м е р, достойный подражания, реальный или же фиктивный.

Есть ли в баснях и сказках подобные поучительные, образцовые фигуры, достойные подражания? Согласно Тудоровской, пример дают домашние животные, объединенные в союзы [Тудоровская].

Штернбергер, отвечая на этот вопрос, утверждает, что никого из персонажей нельзя считать примером. Додерер демонстрирует на текстах, что в одном и том же сюжете иногда почитается поучительным поведение волка, а иногда судьба его жертвы, отсюда вытекают подчас разные и противоречивые поучения произведения как целого [Sternberger, 10; Doderer; Harkort 1970].

7.6.1. Проблематичность лобовой дидактики может быть проиллюстрирована на примере: надо ли поступать, как волк, который сказал льву правду, что его львица воняет, и быть за это растерзанным или лучше сослаться на мнимый насморк, как сделала лиса, и этим спасти себя? С кого стоит взять пример, решает читатель.

По мнению Штернбергера, персонажи басен преподают не положительные примеры для подражания, а скорее примеры того, как не надо себя вести. Мораль, преподносимая сюжетом, в сущности аморальна. Поучительное содержание басен содержится в факте разоблачения действительности. Изображая то, что есть (конечно, по представлению баснописцев и рассказчиков), басни и сказки о животных указывают, как не должно быть.

Знание первой правды и игнорирование второй истины (а не наоборот), очевидно, расценивается в мире, где басни и сказки пользуются успехом, как высшая мудрость и уж во всяком случае— как ценный житейский урок.

Быть может, приведенная интерпретация верна, возможно, она ошибочна: это вопрос не только философский и педагогический. Правильность некоторых выводов, очевидно, может быть проверена и практикой, научным анализом не словесности, а той определенной действительности, которую она в себя включила [Sternberger, 17].

7.6.2. Поскольку сказки о животных — произведения ю м о р и с т и ч е с к и е, постольку к ним применима всегда жизнеутверждающая, очень терпимая к несовершенству мира «философия юмора» [ср. Lützeler].

7.7. Точно так же, как баснописцы ограничились картинами из жизни животных, отвергнув всю остальную многообразную действительность, можно ограничиться здесь исследованием объективных свойств именно животных, оставляя в стороне другие элементы произведения, отражающие действительность.

Нет возможности привести здесь все новейшие данные этологии (науки о поведении животных и людей) о каждом виде, описанном в баснях и сказках (см. Указатель мотивов, стр. 362—386).

Здесь нужно лишь упомянуть некоторые свежие наблюдения и общие выводы, которые еще, кажется, не успели стать общим достоянием философов словесности.

7.7.1. Не новый вопрос о том, с о о т в е т с т в у е т ли характеристика животных персонажей их подлинной натуре (о растениях и предметах, конечно, прения не возникали), казалось бы бесконечно далекий от поэтики,

весьма серьезно, без всякого юмора, обсуждался учеными.

Классицисты, с детства воспитанные на античной басенной литературе, действительно считали, что лев величествен, змея коварна, а медведь трудолюбив, хотя они их, быть может, никогда в натуре не видели. Общественное мнение, судя по языку газет, не сомневается в подлости стервятника, миролюбии голубя или легкомыслии стрекозы, с симпатией относится ко льву, недружелюбно — к волку, с восхищением — к овчарке.

Дикие звери рисуются по характеру более цельными, умными, нежели домашние животные: корова, осел или баран, за исключением, возможно, коня, причастного к военному делу и, следовательно, к славе.

Как полагает Лоренц, подобное представление обусловлено социально, а именно положением домашних животных как эксплуатируемых трудящихся. Это восприятие, утверждает ученый, предвзято и ошибочно. (Мнения разошлись о сообразительности гусей.) [Lorenz].

Казалось бы, что условность характеристики животных подтверждается ее ошибочностью, и басенные фигуры должны были бы считаться фикцией литературного значения.

Между тем этологи, обратившись к басням и пословицам о животных, отстаивают объективность наблюдений, в них отраженных.

Мейссер сопоставляет ряд пословиц о животных, в которых говорится об их нравах, с наблюдениями современных зоопсихологов, в частности Лоренца, находя у него не только безусловные совпадения в описаниях, но и научное, физиологическое, а не квазиморальное объяснение этого поведения.

Следует отметить, что многие из рассмотренных пословиц имеют соответствия в баснях и сказках о животных, известных уже в античности. С другой стороны, установлены Мейссером и такие случаи, когда наблюдения, отраженные в пословицах, оказались поверхностными.

7.7.2. Важным открытием этологии и персонально Лоренца Мейссер считает доказательство ограниченности выбора поведения у разных видов. Их поведение столь же определенно и ограниченно, как и вариативность внешности, в силу врожденных структур. При этом имеется в виду, что животные не различают добро и зло, и, следовательно, не этим определяется их поведение. Таким путем подтвердился тезис о типичности басенных персонажей [Lorenz; Meisser, 879].

7.7.2.1. Целый ряд так называемых логико-семиотических категорий или тематических групп, обнаруженных в пословицах Пермяковым [Пермяков 1970], но засвидетельствованных еще раньше без претензий на оригинальность у Винерта, оказываются самыми тривиальными правилами поведения животных.

Например: что свой своего щадит; что врожденные качества непреодолимы и т. п. Это не проекция наблюдателя, а принцип поведения наблюдаемых птиц. В этих случаях открытия семиотиков оказываются тривиальными.

Соответствие поведения животного поведению человека, по крайней мере накладывание зоопсихологических наблюдений на человеческое поведение, не составляет для этологов никакой проблемы.

По мнению этологов, человек не может не сравнить себя с животными, когда он их наблюдает и когда ему о них рассказывают, даже если нет никаких побочных стимулов это делать (хотя бы в виде или при помощи «морали»). Так отпадает и проблема сравнимости ввиду отсутствия альтернативы.

Причина схематизации или отбора видов животных в качестве персонажей пословиц и басен объясняется тем, что человек вел наблюдения без цели и плана и был, следовательно, ограничен доступными видами. По этой причине, отмечают этологи, среди этих случайных наблюдений велика роль птиц. Кроме того, бессистемность накопленного опыта привела к тому, что только небольшая его часть вошла в пословицы и басни о животных. Таким образом упрощается вопрос о сознательности отбора элементов действительности, служащих предметом сравнения. Уже самое восприятие животных представляется Лоренцу актом познания. Естественно, что эти знания нашли выражение и в словесности [Lorenz].

Итак, современная этология возвращает теоретиков басен о животных сложным и кружным путем к наивному реализму филологов начала века, что, быть может, является одной из самых поучительных басен за всю историю их существования.

7.8. Чему же учат этологов звери, научный опыт, скрупулезные многолетние наблюдения?

Подобный вопрос совпадает с другим философским вопросом: чему учат басни? Каково их идейное содержание?

Ответ Лейгаузена — разумеется, на первый вопрос — может насторожить ищущих ответ на второй, литературоведческий вопрос и способствовать разминированию поля для встречи и дискуссии между зоологами и толкователями басен, а может быть, оправдать некоторых фольклористов от тяжкого обвинения в неправильном понимании идеологии народного творчества.

«Тому, кто научился видеть взаимосвязи в генетике видов, все изменения в культурной, традиционной, педагогической, религиозной, философской и институциональной установке покажутся лишь кубарением на поверхности. Существенное ядро человеческой натуры и человеческого поведения за всю историю человечества, насколько мы знаем, осталось неизменным» [Leyhausen].

Пословица о животных, по мнению Мейссера, принимающего цитируемый здесь вывод как научную истину, свободную от идеологии, не знает причины каузального соответствия поведения человека поведению животного [Meisser, 885].

Из чисто этологических соображений Мейссер приходит к выводу, что:

«в пословицах о животных в одном предложении находят выражение три момента: (1) дается *правильное* наблюдение поведения животного; (2) это представляет собою исключительное явление в свете науки о

поведении; (3) требование перенесения опыта на человека, а за этим кроется признание и познание *общности* в поведении людей и животных, несмотря на всевозможный философский или антропологический, идеалистический балласт» [Meisser, 871].

Далее Мейссер делает вывод о функции пословиц о животных: через сравнение человека с животным сделать людям предупреждение о возможных последствиях для общества их звериного поведения [Meisser, 885].

Так правильное сравнение переходит в заботу о правильном поведении. И в этом басня и пословица о животных направлена к той же цели, которую преследует и этология, наука о поведении.

7.8.1. Три обстоятельства были, по мнению Лоренца, причиной, мешавшей человеку извлечь урок из своих наблюдений над животными:

во-первых, неприятность вывода из осознания своего происхождения от животных предков;

во-вторых, эмоциональное отвращение к пониманию того, что наше поведение подчинено естественным законам, и

в-третьих, идеалистический предрассудок, по которому природоведческие заключения якобы принципиально свободны от оценочного момента.

Таковы преграды на пути к постижению истины о человеке, по мнению Лоренца.

Именно эти три предрассудка, по мнению Мейссера, совершенно чужды пословицам и басням о животных: они ставят поведение человека рядом с поведением животных, в соответствии с теорией эволюции видов, а не выше животных, как это свойственно идеализму; они показывают, что животными и людьми управляют одни и те же законы, и этот реализм развенчивает всякий идеализм. Все это придает пословицам и басням о животных непреходящую ценность [Meisser, 885].

7.9. В рассуждениях этого раздела должно привлечь внимание то, как философские наблюдения, опирающиеся на определенную интерпретацию произведений литературы, совпадают с выводами, которые делают другие исследователи, этологи, так сказать на жизненном материале из области зоопсихологии. Такие совпадения могли бы воодушевить сторонников басенной теории Аристотеля — Лессинга и глубоко разочаровать тех, кто, видя всю историческую ограниченность этой теории, оказались бы вынужденными вернуться к литературоведческим несостоятельным устарелым доводам под напором свежих зоологических фактов.

Сложность дискуссии с такими аргументами заключается в том, что, будучи сами не свободны от литературного влияния античности, зоопсихологи, которые столь же некомпетентно рассуждают о филологии, как литературоведы о психологии животных, вынуждают теоретиков литературы снова поставить вопрос о значении нелитературной информации вообще (а это приводило обычно к компромиссному выводу о двойственности действительности, об автономности наук и т. д., что открывает двусторонний широкий путь для самых непрофессиональных рассуждений о сложных материях). Преградой могла бы служить лишь обоснованная методология науки, ибо, как известно, правильный ответ может быть получен лишь на правильно сформулированный, конкретный вопрос.

Вопрос же, поставленный в теории баснописи, соответствует ли характеристика животных их натуре и как относится этот вид искусства к действительности, является методически спорным или, по крайней мере, чересчур общим вопросом, литературоведческая важность которого еще не ясна.

Перед нами опять сомкнулись два принципиально разных пути. Материалисты-зоопсихологи, обратившись к пословицам и сказкам о животных, пришли к той же оценке идейного содержания, обусловленного основным свойством этих произведений, а именно использованием фигур животных, что и интуитивисты, считающие персонажи и сюжет чистой фикцией, не имеющей ничего общего с действительностью.

Это уникум, и чрезвычайно знаменательный, в общелитературоведческом отношении. Отныне придется осторожнее формулировать вопросы и внимательнее искать на них ответы у разных наук, заведомо не зарекаясь от непривычных путей.

Науки в настоящее время отличаются не столько предметом (здесь, например, теоретикам баснописи, ее философам пришлось иметь дело с зоологией, а зоопсихологам — с фольклором), сколько методом.

Пока нет надежной методологии исследования идейного содержания произведений словесности, всякие ответы на вопросы, почему взят и что значит тот или другой элемент текста (например, наличие зооморфных персонажей, техника юмора и т. п.), не будут убедительны для фольклористов, а сами вопросы не будут считаться подлежащими компетенции фольклористики. Не всякое значение, не всякий путь и не каждое кем-то достигнутое осмысление текста составляют предмет басноведения. Конформизм интерпретаций этологов и философов во многих отношениях должен слу-

жить серьезнейшим поводом для обсуждения того, что подлежит, а что вообще не подлежит научному описанию и истолкованию в области народной словесности.

8. ПОЭТОЛОГИЯ

Интерес к поэтике, эстетике сказки возрос в фольклористике первой половины XX в. Поэтологический подход к народным рассказам методически еще не окреп. Серьезное изучение формы народных рассказов начинается трудами Петча, который впоследствии пришел к целой системе жанров, и Вебера, работы которого, как и вся *кильская школа*, незаслуженно забыты. Отдельные наблюдения над формой народных рассказов содержатся в трудах других фольклористов, таких, как Панцер, Тимме, Левис оф Менар, Олрик, в особенности Берендзон, Йоллес, Люти. Признан теперь в мировой фольклористике и вклад советских ученых Никифорова, Проппа и др. в постановке и решении частных и общих вопросов формы, структуры сказок. Усилия этих ученых привели многих фольклористов к убеждению, что народный рассказ подчинен каким-то законам формы, которые, очевидно, легко открыть логически и описать схематически, структурно.

За последние десять лет было заявлено не менее тысячи открытий разных закономерностей плана содержания и структуры. Информацию об этом несет огромный поток структуралистских и семиотических работ.

Исследователи формы подвергаются критике по причинам методическим. Прежде всего редко удовлетворяет научная база, количество привлекаемых текстов. Уже Вебер считал для изучения *формы*, стиля достаточным небольшое число сборников, тогда как для изучения содержания он считал необходимым привлечь все доступные свидетельства. Пропп пользовался всего лишь 100 текстами, прошедшими правку. Нет единодушия в том, на каком фактическом материале, на каком уровне вообще обнаруживаются особенности стиля. Неизвестно, можно ли выводить закономерности формы на основе языково ограниченного материала, будут ли выводимые законы иметь значения для всех регионов, всех эпох, всех типов и т. д., хотя «общие законы формы» мыслятся именно универсальными.

Последнее и вызывает критику фольклористов *географо-исторической школы*, которые сами почти полностью устранились от проблем изучения формы, ограничив исследование структуры вариантами отдельного повествовательного типа.

В этом свете и надо расценивать работы в области изучения формы, стиля [Panzer; Thimme; Löwis of Menar; Olrik; Berendsohn 1934; Jolles; Lüthi; Weber 1904; Пропп 1928; Никифоров морф.; Laubscher].

8.0.1. Предметом собственно поэтологического исследования становятся в последние годы внесюжетные показатели, которые присущи любому тексту, всякому произведению словесности. Такие общие признаки и должны быть, строго говоря, названы морфологическими.

Ниже речь могла бы идти о «морфологии» басен и сказок о животных. Однако подобный термин в том смысле, который был определен Гёте, уже вошел в историю рассказоведения благодаря усилиям школы Гюнтера Мюллера и в особенности в связи со вновь прочитанной книгой Проппа 1928. Поэтому предпочтительнее пользоваться понятием «поэтология».

8.0.2. Ни мотивы, ни эпизоды, ни их последовательность, определяющая сюжеты, не могут рассматриваться в поэтологическом разделе. Обсуждению здесь подвергнутся лишь чисто *повествовательные средства*, которые используются не только в материалах этого Свода и не только в баснях и сказках о животных, а вообще в любом рассказе, хотя в каждом, разумеется, по-своему, в разных группах текстов, вероятно, по-разному. Преимущество отдается таким совершенно очевидным и действительно морфологическим явлениям, которые, как это требуется для подобных исследований, не были бы предопределены заведомо языком, допускали бы максимальную широту типологии, были бы достаточно характерны, но не отражали бы, однако, существа произведения в целом, причем конкретное проявление взятых признаков позволило бы сгруппировать произведения и способствовало бы раскрытию своеобразия каждого текста в сравнении с другим [Lämmert].

Предлагаемый Свод делает материал и методику действительно морфологических, или *поэтологических*, исследований доступными.

В этом разделе обсуждаются некоторые, отчасти задокументированные для Свода явления повествовательной техники рассказа как процесса (см. 9).

Внимание уделено рассказчику, началу и окончанию повествования, отношению времени повествования к повествуемому (изображенному) времени и объему рассказа, а также языку, а именно роли прямой речи в повествовательном процессе [Müller 1955; Sengle; Staiger 1963; Lämmert].

8.1. Роль автора-рассказчика в повествовании была особенно актуальна в литературоведении, где личность автора известна заранее. Фольклорист имеет дело не с автором, а с рассказчиком. Отождествление рассказчика и ав-

тора из методических соображений влечет за собою в конечном счете недопустимые упрощения.

8.1.1. Вслед за позитивистами в литературоведении с их повышенным интересом к биографии писателей фольклористы, следуя за М. К. Азадовским, занялись изучением жизни сказителей, отражения лично ими пережитого в ф а б у л е. При этом была упущена из виду роль «рассказчика» в п о э т и к е.

Поэтологическое исследование ведется на основе текста. Анализу подлежит присутствие рассказчика в процессе повествования, выраженное художественными средствами, а не сама личность рассказчика и связь некоторых мотивов с ее биографией.

8.1.2. Вмешательство автора-рассказчика в повествование может как художественный прием найти свое выражение в н а ч а л е, в т е ч е н и и и в о к о н ч а н и и рассказа, в его композиции и членении, в других примененных художественных средствах и их последовательности. Всестороннее выявление «рассказчика» в т е к с т е рассказа в процессе повествования составит, вероятно, в обозримом будущем еще одну кардинальную проблему изучения фольклора вообще [Curtius; Kayser 1971; Müller 1968; Oppel; Sayce].

8.1.2.1. Особое значение имеет, конечно, такое вмешательство рассказчика, когда он в самом н а ч а л е излагает события как им лично виденные, как пережитое. Такое изложение представляет большой интерес для фольклориста, когда в его распоряжении имеются другие варианты этого же произведения, записанные задолго до рождения такого «авторизующего» информатора-мемуариста, или в тех случаях, когда есть несколько вариантов, рассказанных от первого лица, но разными информаторами. Здесь возникает не только специфическая проблема верификации, но обнаруживается возможность изучения подобного метода рассказа в снятом виде на конкретном исконно идентичном материале. Этого почти никогда не бывает в литературе (за исключением мемуарной).

Разновидностью подобного изложения является ссылка рассказчика на третье лицо или передача рассказа как события, случившегося с этим лицом или рассказанного им.

В предлагаемом Своде присутствие рассказчика регистрировалось лишь в началах и окончаниях рассказа, хотя в не меньшей мере это значимо и для текста м е ж д у началом и окончанием.

Это ограничение оправдано двумя соображениями: во-первых, фиксирование позиции в тексте (в начале или окончании) делает данные совершенно сравнимыми, а также доступными для точного количественного анализа. Во-вторых, нет уверенности, что другие вмешательства рассказчика в течение повествования (записанного рефлекторно, а не звукозаписью) вообще фиксировались нашими собирателями, поскольку в фольклористике этим деталям ранее не придавалось значения, а техника звукозаписи стала применяться лишь в самое последнее время. Но это уже не столько повествовательный п р и е м, сколько повествуемый элемент с ю ж е т а.

8.2. Басни и сказки о животных, как всякий другой рассказ, сообщая что-либо, изображая жизнь, излагают х о д с о б ы т и й. Течение жизни не имеет поворотов, нет в нем и остановок. Однако повествование ставит все же ц е з у р ы, делит жизнь, это непрерывное бытие, на отдельные *«события»*.

Разбивая жизненный поток на *фазисы*, повествование формирует, организует материал.

Со стороны содержания, сюжета, такие части фабулы проявляются в виде завершенных *эпизодов*.

На эпизодичность басен обратил внимание в своих морфологических исследованиях уже Фон Сидов. Чисто повествовательная сторона его, однако, не интересовала. Хотя тексты басен и сказок о животных бедны эпизодами, тем не менее ф а з о в о с т ь наблюдается даже в кратчайших повествованиях [Sydow 1934].

8.2.1. Началом повествовательного процесса является выделение фазисов, фиксирование н а ч а л а и образование к о н ц а, к которому устремляется рассказ. Повествуемые события протекают во в р е м е н и, что и создает их последовательность. Дислокация во времени соответствует на уровне сюжета его *композиции*.

Повествуемое время, по мнению Гюнтера Мюллера и его последователей, создает контур произведения, являясь тем же, что костяк для позвоночных. В это повествуемое время вклинивается и момент повествования, что может привести к п р е д в о с х и щ е н и ю или к в о з в р а щ е н и ю событий. В этом раскрывается замысел автора-рассказчика. От дислокации материи (фигур, символов или целых эпизодов) во времени, а следовательно в т е к с т е (это уже *время повествования*), от повторов, от ритма зависит воздействие произведения в целом.

8.2.1.1. Важной чертой басен и сказок о животных является то, что повествуемое (изображенное) время расположено в б и о г р а ф и и, в жизненном цикле персонажей, а именно в неминуемом конце жизни одного из них. Изображенный момент таков, что он может оказаться п о с л е д н и м в жизни одного или всех персонажей. Иными словами, это кульминационный момент для персонажа. Драматизм схватки «не на жизнь, а на смерть» характерен именно для этого вида словесности.

8.2.2. Для басен и сказок о животных характерно членение событий исключительно по временно́му показателю. Хотя всякое событие вообще протекает во времени, особенностью басен и сказок является краткость времени между фазами и интенсивность членения; между этими фазами подразумевается (или произносится) «и тогда». Поэтому не возникает необходимости вмешательства рассказчика.

Фазис начинается как начало события. Не встречались одновременные фазисы (как это бывает в дастанах, где рассказчик или автор испытывал необходимость изобразить два события, которые протекали одновременно, и потому, строго говоря, следовало о них рассказывать одновременно). В таких случаях рассказчик вынужден вмешаться.

Басни и сказки о животных пользуются цепью повествования. Это особенно наглядно проявляется в так называемых *кумулятивных*, *цепных*, *формульных* сказках. Там один фазис служит причиной следующего, одновременность и вмешательство рассказчика исключаются. Эта техника свойственна вообще сказкам о животных. Такое повествование отвечает и другим потребностям.

В отличие от других видов словесности фазисы не подлежат в баснях и сказках о животных перестановке.

Но когда это сознательно совершается, появляется особый вид сказок и басен о животных, а именно *небылицы*; завершительный («релейный») этап кумулятивных сказок уже содержит эту технику [Perkal 1959, 1961, 1965; Sezgin; Haavio; Boratav 1963; Göğceli 1952] (см. 9.8.1).

8.2.3. Ввиду того что автор-рассказчик находится в положении (или считает нужным поставить себя в положение) наблюдателя, уже знающего, что случится, он может это знание выразить повествовательными средствами. Рассказчик может, например, предсказать конец приключения и этим создать или изменить настроение слушателя.

В литературе подобное предвосхищение подчас избегается, а иногда, наоборот, широко применяется уже в заголовке, чтобы заинтриговать читателя. Использование такой возможности зависит от намерений автора.

В баснях мы имеем дело с подобным предвосхищением, когда *резюме* и поучение оказывается не в окончании, а в самом начале рассказа. Такой прием сказывается иначе, чем в тех случаях, когда рассказчик держит слушателя в неведении об исходе. В какой мере эти приемы уже заложены автором, а не внесены рассказчиком в пересказ, еще неясно.

Но вполне очевидно, что опытный рассказчик может воспользоваться самостоятельно методом предвосхищения. Можно предположить, что в живой беседе этим методом пользуются чаще, в зависимости от того, о чем «зашел разговор». Но в записях фольклористов *предвосхищение* наблюдается относительно редко, и не исключено, что это обусловлено у рассказчика книжным влиянием.

8.2.3.1. Появление заголовков в баснях и сказках весьма существенная черта в поэтологическом отношении. Слишком часто подобные названия и заголовки — результат инициативы собирателя.

По этой причине в предлагаемом Своде все заголовки даны в скобках. Но ведь и кроме писаных заголовков, подсказанных возможно расспросами собирателя о том, знает ли собеседник рассказ «про. . .», все же встречаются и явные, сознательные приемы предвосхищения событий в самом начале рассказа. Эти случаи зарегистрированы в Своде, но еще не изучены.

8.3. Леммерт справедливо указывает на необходимость типологии начал и окончаний с повествовательной, морфологической стороны, для литературы. В области фольклора первые шаги были предприняты давно, еще Петчем, который в дальнейшем на этой основе стал развивать общую теорию формы поэзии. В последнее время усилились разыскания в области сказочных формул, в особенности начал и окончаний [Дмитриев 1939, Сакали, Явич, Рошияну, Berendsohn HDM; Curtius; Giese; Heinrichs; Hövelmann; Ipsen; Akidil; Jahn].

В недооценке типичности неформульных начал и окончаний заключается уязвимость многих исследований и непригодность документации для изучения общего процесса повествования, именно формульности начал и окончаний [Lämmert, 163; Petsch 1900; Perry 1940; Pop; Sayce; Schreiber; Schuir, Thompson HDM; Weber-Kellermann 1954].

Другим недостатком всех этих работ является смешение или неразличение содержания и морфологии. Все классификации исходят из содержания формул. Членение же формул по размещению в тексте (на начальные, медиальные и финальные) [Рошияну] способствует лишь их каталогизации. Попытки же семиотического истолкования содержания этих формул с учетом их позиции [Pop] повторяют уже давно известные психологические интерпретации, приводят к отрыву этих явлений от общего процесса повествования и являются поспешными [Levin 1968].

Ввиду всего этого пришлось для данного Свода создать усовершенствованную систему описи на уровне чистого содержания. Однако эта система позволяет сравнить начала и окончания в таких категориях, которые выводят из сферы содержания в область поэтологии и дают возможность количественного, корреляционного анализа, отсутствовавшего ранее (см. кодификатор стилистики, стр. 354—355).

8.4. Повествовательная техника басен и сказок о животных сводится к двум методам.

Эти методы повествования связаны с позицией автора-рассказчика: (а) он может бегло излагать события, как в репортаже, следя за ними вблизи (in statu nascendi); (б) он может, однако, и доложить о тех же событиях, которые уже совершились к моменту рассказа (post factum). При таком докладе рассказчик мо-

жет легче выразить свои соображения или только ограничиться сообщением вывода.

8.4.1. Для басен и сказок о животных характерен метод репортажа, т. е. сценическое изображение как бы проходящих перед глазами рассказчика событий. Оценочные соображения и поучительные сентенции размещаются обычно уже после рассказа, в виде «морали».

8.5. Текстуально выделенная *мораль* может найти себе место:

(а) — либо в самой фабуле, тогда она обычно вкладывается в прямую речь персонажа, в особенности если басня драматизована, т. е. изложена в *диалоге* или (реже) *в монологе*;

(б) — либо вне фабулы, а именно (ба) перед нею (=промифий) или (бб) после нее (=эпимифий). Тогда мораль произносится «от автора или рассказчика».

(а) Мораль в устах персонажа. Перри констатирует:

«Эта форма басни, в которой афористичное выражение с эпиграммным эффектом вложено в уста последнего или единственного оратора, общая в греческих баснях и пословицах классического и более позднего периода, обнаружена уже в шумерских баснях, в начале второго тысячелетия до новой эры» [Perry].

Возможны две позиции морали-реплики персонажа: когда она приводится либо (аа) до, либо (аб) после упоминания персонажа, который ее произносит.

(аа) Обычно в фабуле упоминается (или подразумевается) сперва персонаж, а потом следует его реплика, как в драмах.

(аб) Когда сперва идет короткая реплика, а затем упоминается персонаж и обстоятельства, при которых это было сказано, мы имеем дело с эпилогической пословицей-поговоркой (согласно терминологии Тиле), или (как это принято называть после знаменитого романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба» в честь слуги, ими злоупотреблявшего) «*веллеризмом*». Этот вид словесности старше, чем предполагали [Taylor Prov.].

Басни и сказки о животных теснейшим образом и издавна связаны с подобными пословицами и поговорками, или точнее: между ними нет никакой разницы. Весь сюжет может быть сведен к одной такой фразе.

«Мораль» как сентенция в фабуле, естественно, расположена в самом начале или чаще в конце, получая или придавая этим вес.

(б) Мораль в устах рассказчика.

Появление особой морали, резюмирующей сюжет в конце фабулы, очень легко могло побудить самого рассказчика (или автора) в менее драматических баснях, где нет совсем или есть мало диалогов, сделать поучительное *резюме* от себя. Появляется как бы еще одно действующее лицо — сам рассказчик, а это влечет за собой смену времени и места, что также имеет отношение к идейному воздействию произведения или воспроизведения.

(ба) *Промифий* (=резюме — заголовок перед фабулой).

На основе текстов папируса Райланд, где уже встречается промифий, который всегда пишется с абзаца, отмечая начало новой басни, Перри заключает:

«Это не „мораль“ и не объяснение, а указатель к содержанию басни. Это, очевидно, адресовано писателю или оратору, просматривающему лист с кратким содержанием в поисках подходящей иллюстрации, не собирающемуся полностью читать текст каждой басни, чтобы узнать, может он ее использовать или нет. Автор этой коллекции говорит своему читателю в итоге: „Если вы хотите проиллюстрировать ту или иную идею, вам подойдет следующая басня“».

Ввиду этого в устной словесности подобные заголовки должны бы отсутствовать. Между тем (если это не результат записи и не дополнение собирателей) нечто подобное встречается и в устном обиходе басен и сказок о животных, и не всегда это показатель книжного происхождения (типологию и статистику начал см. в Указателе стилистики).

Итак, функциональные, второстепенные или технические явления текста могут приобрести эстетическое значение общепоэтологического характера.

(бб) *Эпимифий* (=зафабульная поучительная мораль в конце текста).

Греко-латинские памятники не позволяют определить абсолютный возраст *эпимифия*. Нельзя утверждать, что наличие морали в самой фабуле, в устах персонажа, всегда может служить показателем того, что произведение старше других басен, в которых есть эпимифий. Однако этим критерием небезуспешно пользовались в текстологии специально для решения вопроса о предполагаемой народной книге «Житие Эзопа», и этот признак следовало бы проверить и на материале таджикско-персидской баснописи [Thiele 1910; Sayce; Perry 1940].

Перри [Perry, прим. № 49] сообщает, что он провел статистику эпимифия и промифия по сборнику Федра и добился интересных результатов.

Считается установленным, что эпимифий старше промифия, и это должно бы проявиться географо-исторически, вероятно и на синхронном материале данного Свода.

Перри, ссылаясь на статистические исследования конкретных памятников, писал:

«Когда «*промифий*» стал суммарным обобщением содержания басни, его функция была легко смешана с более поздним „*эпимифием*“, который также является итогом, но предназначенным для другой цели: не изложить басню, а объяснить ее значение, даже когда это значение, как часто бывает, уже было подытожено словами последнего оратора. Это смешение „*промифия*“ и „*эпимифия*“ появляется уже у Федра... Афтоний в конце четвертого века не видит другого различия между ними, кроме их положения по отношению к басне...»

«„Эпимифий“ впервые заменил „промифий“, своего предка, когда авторы басенных собраний забыли или игнорировали первоначальную функцию „промифия“ как указателя» [Perry].

Текстологическая сторона эпимифия и промифия и литературная история их смешения имеет, конечно, большое значение для генетики и датировки баснописных памятников, не только античных и средневековых европейских, но и восточных. Однако начало и окончание произведения важны и в стилистическом, чисто художественном, поэтологическом отношении, как это показано в книге Леммерта, независимо от того, что в них утверждается [Lämmert].

8.5.1. Отт со своей позиции указал на и з о л и р о в а н н о с т ь всякого рассказа о животных и отсюда на потребность поставить его в какой-то контекст. Таким контекстом можно считать про- и эпимифий.

Чтобы восполнить изолированность, баснописцы не только прибавляли поучения, но и прибегали к помощи разных формул; например: «Эзоп сказал», «Басня учит» (fabula docet) или просто: fabula, т. е. басня.

8.5.2. Среди эпимифиев видное место занимают юмористические объяснения повадок зверей, их особых примет.

Такие, явно фиктивные, несерьезные разъяснения именуются *этиологиями*. Но появление этиологии придает рассказу идею.

Этиологии, очевидно, сродни мифам, и это закреплено, например в греческом языке, общностью термина *миф* как для серьезных рассказов о происхождении явлений и вещей (например, светил), так и для смешных историй о роковых последствиях для потомков каких-то приключений их предка (например, почему у волка или медведя короткий хвост?).

Тиле различает в баснях два вида этиологий по их п о з и ц и и в тексте: один вид — когда этиология пронизывает весь сюжет, а другой — когда этиология присоединена к окончанию фабулы. Граница между этими видами этиологий смыта, и никаких выводов из этого Тиле не делает. Но для идейного осмысления текста этиология имеет значение, так как подобный элемент становится лейтмотивом [Thiele 1908; 390; Schuir].

8.6. О б ъ е м как основной и решающий показатель принадлежности текста к басням или пословицам рассматривался всеми выдающимися теоретиками баснописи: Гриммом, Крузиусом, Винертом и Лессингом. По литературно-историческим причинам Якобу Гримму и его последователям х о т е л о с ь, как отмечает и Перри, чтобы басня исконно считалась более пространной. Сокращение объема представлялось им результатом позднего развития.

Эти гипотезы вообще не подтвердились фактами текстологии. Здесь представляет интерес не историко-литературная, а поэтологическая, эстетическая сторона объема как средства художественного воздействия.

Еще Гёте, как указывал Гюнтер Мюллер, обращал внимание на значение объема для художественного произведения. Объем как поэтологическую проблему обосновал вслед за ними Сенгле. Леман также возвращается к этому вопросу, напоминая, что краткость (т. е. количественный критерий) всегда играла большую роль в теории басни. Бегло касается вопроса об объеме сказок о животных и Харкорт [Sengle; Lehmann; Harkort 1970].

8.6.1. Для всех басен и сказок о животных характерен малый объем, т. е. краткость в р е м е н и, необходимого для п о в е с т в о в а н и я. Это соответствует краткости *повествуемого времени*, т. е. времени, изображенного в сюжете.

Обычно изображаются моменты. Когда сюжет передает более длительное время, соответственно удлиняется и текст, что бывает довольно редко.

Такое с о о т в е т с т в и е между объемом и содержанием достигается, как отмечают исследователи, при помощи других стилистических средств: усилением драматизма за счет *эпики*, описания событий, сокращением числа персонажей, стабильностью характера, диалогом и др.

Без этих художественных средств трудно было бы уложить значительную фабулу в кратчайший рассказ, который подчас сводится к одной фразе, т. е. к пословице.

8.6.2. Перри приводит поучительный пример басни, которая рассказана двумя способами, длинным и очень коротким:

«. . .Басня может быть распространена введением речей одного или более персонажей или описанием действующих лиц или обстановки, в которой происходит действие; или басня может быть так сокращена, что в итоге она будет состоять из двух или трех строк. Краткая форма почти всегда применялась писателями,

серьезно относящимися к своему предмету, которым было что сказать. . . в то время как распространенные басни. . . использовались ораторами, которые не могли сказать ничего важного, но хотели долго и элегантно говорить о чем-либо, все равно о чем» [Perry].

Перри пришел к выводу:

«В анонимных собраниях прозы, где автор считает себя, в первую очередь, собирателем полезных материалов. . . размер басен находится в постоянной связи с важностью предмета, о котором идет речь. . . Нет ничего ненужного в длинных баснях, как нет и искусственности в коротких. Размер повествования определен природой и сущностью самой басни» [Perry].

Это литературоведческое наблюдение Перри можно легко проверить на материале нашего фольклорного Свода, в котором отмечены неравные по объему пересказы определенной басни.

8.6.3. Поэтологическое значение объема или длительности времени повествования несомненно. Объем, как это видно из историко-литературных наблюдений, а также из фольклорных типологических сравнений, связан с другими явлениями стиля, например с прямой речью, с вмешательством рассказчика и т. п. Однако совершенно неясно, где причина и где следствие: определяет ли объем выбор соответствующих художественных средств или, что вероятнее, эти средства, предопределенные другими причинами, ограничивают объем.

8.7. Между двумя полюсами — драмой и эпикой — следует рассматривать прямую речь: персонажей или самого рассказчика (когда он говорит от себя). Прямая речь в устной передаче произведений словесности играет выдающуюся роль в баснях и сказках о животных.

Прямая речь проявляется здесь реже в виде монолога, а чаще как диалог, как беседа между персонажами (обычно двумя). Устное повествование составляет существо повествовательного фольклора, и соответственно прямая речь составляет главное художественное средство повествования. Поэтологическая особенность прямой речи заключается в том, что событие излагается адекватно. Персонаж говорит — это действие, событие. Рассказчик это событие (реальное или фиктивное) включает в свое повествование.

Всякие другие события *превращаются* в слова, тогда как произнесенные слова как события остаются в процессе повествования словами. Такова формальная особенность прямой речи в любом произведении словесности.

Своеобразие басен и сказок о животных заключается в том, что здесь беседой передается беседа.

Это совпадение изображаемого со средствами изображения имеет большое эстетическое значение. В силу этого рассказчик как передатчик-репортер «исчезает», а слушатель воспринимает событие как бы непосредственно.

Такая непосредственность предполагает также исчезновение дистанции между повествуемым и слушателем, как в отношении места, так, еще больше, в отношении времени.

При передаче прямой речи изображенное (*повествуемое*) *время* совпадает со *временем повествования*: оно длится именно столько, сколько требуется для передачи речи. В других описаниях событий изображенное время обычно длиннее времени, необходимого для передачи его словами. Кроме того, такое событие, как беседа, прямая речь (отвлекаясь от возможности появления указания, кто произносит или произнес эту речь), обычно протекает как бы в *настоящем времени*, эта речь еще как бы «слышна». Это актуализирует событие (т. е. речь) и, следовательно, усиливает эффект воздействия, совершенно независимо от содержания.

Эпический рассказ отдаляет слушателя от действия, от персонажей, и в этой связи возрастает роль рассказчика и меняется повествуемое время, которое отходит в прошлое. Лишь в окончаниях рассказчик вновь приближается к своим слушателям.

Приближение или отдаление слушателя по отношению к действию, к сюжету усиливает или снижает действенность рассказа в целом.

8.7.1. Именно благодаря широкому использованию прямой речи как основного художественного средства басни и сказки о животных отличаются краткостью не в ущерб емкости и реальности. Иногда в пословицах и поговорках о животных прямая речь и название персонажа (перед речью или после речи, как в *веллеризмах*) является единственным художественным средством вообще. Эта техника составляет существо тенцоны, которая признается исследователями исконной формой басен и сказок о животных.

Использование прямой речи подчас дает возможность рассказчику имитировать голоса персонажей, что, естественно, важно для артистизма повествования и тоже оказывает воздействие на слушателя независимо от содержания, открывая простор юмору.

8.7.2. Посредством прямой речи именно в баснях и сказках о животных и в особенности о растениях и неодушевленных предметах проявляется особое напряжение большого эстетического значения: с одной стороны, *прямая речь* усиливает достоверность, а с другой стороны, даром речи здесь наделяют-

ся персонажи, которые (по представлениям слушателей) вообще лишены возможности говорить. А так как обычно (когда повествуется не для детей) рассказчик не пользуется *прямой речью* в сказках для создания образа, а говорит *своим* нормальным языком, то «*достоверность*» прямой речи усиливает фиктивность события. Это противоречие представляет собою художественный прием большого значения для эстетики басни и сказки о животных.

8.7.3. Нарушение соответствия изображаемого средствам изображения, как при передаче беседы разными вставками рассказчика, вроде «сказал он», или «воскликнула она», возвращает рассказчика на открытую позицию между слушателем и событием.

8.7.4. Большое значение имеет в сказках о животных включение (подчас ритмизованных) сентенций дидактического содержания, а также лирических вставок, песенок. Функция этих стихов как *поэтологического* явления еще не совсем ясна. В настоящем томе наличие стихов зарегистрировано (см. кодификатор стилистики, стр. 355). Лирические партии на уровне содержания изучались в монографиях сюжетов, но художественное значение этих вставок, удлиняющих текст, подлежит еще изучению [Kahlo; Жирмунский; Loukatos; Moser; Kovács 1972].

8.7.5. Постоянным видом вмешательства рассказчика, а также нарушения соответствия между изображенным событием (беседой) и средством изображения (диалогичностью повествования) и вместе с тем модификацией прямой речи является *косвенная речь*.

Какие последствия имеет этот широко используемый поэтологический прием для содержания, воздействия и других аспектов художественности повествования, еще неясно.

Представляет интерес языковая сторона дела; чаще ли прибегает тот или другой язык к косвенной речи? Какие социальные группы ею пользуются чаще? Эти и другие вопросы ждут еще ответа.

8.8. Для басен и сказок о животных характерны те же поэтологические элементы, которые вообще существенны для других видов повествований. К такому выводу склоняется Райбле, который с позиций лингвистики текста (Textlinguistik) видит в басне основную структуру вообще всяких рассказов [Raible 3.2, стр. 18]. Специфика проявляется в их сочетании и в доминантности: для басен и сказок о животных характерна непременная событийная последовательность во времени (перестановка событий невозможна!). *Повествуемое время минимально*, и оно принципиально равно *времени повествования*. Приближение слушателя к событиям при помощи диалога персонажей, переводящего события, разыгрываемые в доступном и близком пространстве, из прошлого в настоящее, усиливает иллюзию реальности.

Такая актуализация событий делает их «неожиданными» и в силу этого смешными, а потому и применимыми к слушающим людям и, следовательно, поучительными. Противоречие между реальностью персонажей, обстоятельств, событий, пространства и времени, с одной стороны, и условностью произведения в целом создает очевидное напряжение большого эстетического значения.

9. РЕПЕРТУАР И СВОД

Исследованию подверглись все имеющиеся 419 басен и сказок о животных. Это тексты, записанные в научных целях за период с 1923 до 1966 г. на территории, населенной таджиками (см. картограмму, стр. 97).

Этот материал единообразен по практическому его происхождению; все записи были сделаны собирателями-фольклористами, главным образом в обстановке научной экспедиции. Реакция рассказчиков на внешние условия записи, вероятно, одинакова для всей коллекции. Собранные рассказы, несомненно, бытуют в народе, выполняя некоторую общую, явно развлекательную функцию. Все рассказчики, насколько известно, принадлежат к близким социальным группам населения (см. хроносоциограмму, стр. 100–103).

Итак, эти тексты представляются в отношении места, времени, социальной среды, функционально, психологически, а также по условиям записи некоторой общностью, которую принято называть *репертуаром*.

Фольклорный репертуар внешне складывается как некая механическая совокупность. Как утверждает Вебер-Келлерман, репертуар — это сложная структура, которая отмечена количественными показателями частоты определенных *типов* и *мотивов*, стилевых средств (вероятно, даже идей), в их зависимости от места, пола, возраста рассказчиков (и слушателей) в определенном времени (диахронии или синхронии) [Weber-Kellermann 1967, 218].

Репертуар как *структура* имеет, вероятно, какое-то индикаторное значение для других коррелируемых явлений культуры. Выявление структур оправдано, когда оно направлено на решение основных проблем фольклори-

стики: географической, исторической и социологической.

Оправданность выделения репертуара как нераздельного объекта исследования подтверждается и наличием многочисленных контаминаций, установленных по каталогам повествовательных типов, общностью мотивов.

Так как в территориально ограниченном репертуаре сталкиваются произведения разного географического и исторического происхождения, вероятно, и разной социальной принадлежности и, очевидно, неодинаковые по содержанию и форме, то совпадающие качественные черты легко уплотняются, их доминантность может быть измерена количественно, и тем самым выявляются закономерности, свойственные всей группе текстов.

9.0.1. При изучении репертуара, его типических черт из поля зрения выпадает, коконечно, индивидуальность отдельных произведений, интересующая обычно литературоведов. Однако в фольклоре, где произведения обнаруживаются лишь в записях пересказов, в контаминированных вариантах, заведомо недостаточных для реконструкции заранее неизвестного произведения по причине языковой ограниченности репертуара, элиминация некоторых особенностей отдельного текста в пользу совокупности типических черт всех текстов необходима и вполне оправданна.

Индивидуальность текста, восходящая к индивидуальности автора или рассказчика, а то и к особенности ситуации, момента его возникновения или воспроизведения, обычно не считается вообще предметом фольклористики и не интересует даже социолога литературы.

Эти методологические положения подтверждаются в исследовании группы вариантов одного повествовательного *типа*. Они действенны и в работе над текстами разных произведений, объединенных по каким-то признакам в виде репертуара или специальной коллекции.

От выбора признаков, объединяющих эти тексты, от качества, количества и уровня этих признаков зависит значение результатов исследования такого объекта, как *репертуар*. Признаки, рассматриваемые во всех текстах и в каждом из них, взяты из разных сфер текста: содержание, типология и вариативность определенных эпизодов и мотивов (в частности, персонажи), начало и окончание рассказа, наконец объем и язык (см. указатель мотивов, стр. 364—389 и кодификатор стилистики, стр. 354—355).

Группировка исходного материала вовсе не вызывает необходимости предварительного членения по жанрам или видам, более того, она может успешно быть предпринята при полном игнорировании такой категории, как жанр.

9.0.1.1. Исследование сложившегося репертуара, представляющего локальное или национальное достояние, раскрывает, по мнению Л. Дэг, глобальные, вневременные общенародные черты, весьма существенные для общей теории словесности [Dégh].

9.0.2. Рассмотрение национальных репертуаров как некоего целого практиковалось фольклористами и раньше, но при этом навязывались предпосылки, в силу которых возникали такие понятия, как «*национальная сказка*». Имела место своего рода антропоморфизация национальной сказки, когда шла речь о ее «судьбе». Все эти привнесенные концепции при интуитивной, критически неосознанной методике сводили на нет все объективные возможности, которые сложившийся репертуар сулит исследователю, использующему средства количественного анализа. Вполне естественно, что подобный объект исследования дискредитировал себя в глазах ученых и стал уделом дилетантов, безразлично какого толка: романтически-традиционалистского, вульгарно-социологического, поэтологического или же структуралистского. Это, конечно, не исключает возможности некоторых ценных частных наблюдений и даже находок [Бахтина 1972; Nowak; Jahn].

9.0.3. Каждому отдельному повествованию, конечно, присуща некая целостность. Она достигается интеграцией всех использованных повествовательных средств. Некоторые средства усиливают, дополняют одно другое, некоторые же противодействуют друг другу. Эти отношения, свойственные и репертуару, вскрываются корреляционным анализом.

Признание подобной целостности «органической» способно лишь ввести в заблуждение относительно природы искусства. Неоправданно приписывать светскому тексту, даже обычному рассказу, тем более на зыбкой основе случайных вариантов, строгую, т. е. преднамеренную, системность, что становится предпосылкой современных сторонников гиматрической герменевтики или так называемой семиотики [Гюттгеманс — см. Masing].

Синтез может быть достигнут и осмыслен лишь систематическим рассмотрением разных элементов произведения на всех уровнях, а не ипостасью «сказка», «басня» (в ед. числе).

Синтез никогда не может быть успешно заменен краткой формулой идейного содержания, еще меньше каким-нибудь наименованием, как это принято, например, в неорганической химии или ботанике, но практикуется историками фольклора и считается у них идеалом точности. Произведение словес-

ности не является организмом, и уже потому его идентификация при помощи даже самого искусного наименования (безразлично, из какой номенклатуры: исторической, социологической, психологической или формальной, эстетической) — ошибочна. Нет сомнений, что не только *материя* (сюжет, мотивы), но даже и повествовательные, морфологические средства не лишены идейной выразительности. Но прежде чем об этом судить и пользоваться *идеей* для обозначения произведений, необходимо выявить эти средства, описать их и, по возможности, измерить. Надо исходить из предположения, что любая идеология может быть выражена любыми художественными средствами [Lämmert].

Целостность произведения, тем более репертуара, не может быть выражена оценкой вроде: хорошее или плохое, сильное или слабое, яркое или тусклое, типическое или нетипическое для данного народа, социальной группы или эпохи. Эстетическая критика фольклора, наподобие *литературной критики*, а также истолкование — психологическое, затем идеологическое — повествовательных средств по отдельности или же в сочетаниях — дело самого отдаленного будущего.

Проблема оценки произведений, в особенности устной словесности, совершенно не разработана, хотя в издательской практике оценки даются щедро. Едва ли коллекции, складывающиеся в фольклорных архивах, из которых приходится делать отбор для публикации, свободны от оценок, определивших их достоинство как «народное творчество».

Опыт показал, что собиратели обладают определенными вкусами и представлениями о правильной форме и «народной идеологии», о «национальном характере», а также предвзятым мнением о том, где и от кого, т. е. от лиц какого пола и возраста, общественного положения, надлежит записывать «истинное народное творчество». Репрезентативность репертуара, возникшего из полевых коллекций в итоге экспедиций, и в особенности персональных собраний, всегда проблематична и подлежит статистической верификации, независимо от целей и методов исследования. Нельзя игнорировать ту истину, которую давно заметили историки-источниковеды, а именно, что доставшиеся нам тексты являются не только, а во многих случаях и не столько документами фольклора, сколько памятниками фольклористики, т. е. свидетельствами (впрочем более или менее скрытыми), документацией взглядов и вкусов фольклористов.

9.0.4. Реально существующие произведения, бытующие в устном обиходе во множестве вариантов, имеют свое место и время возникновения, и как исторические, конкретные явления они не могут быть истолкованы вне времени и места. Универсалии филологически иррелевантны.

Литературоведы всегда испытывали затруднения при переходе от отдельных произведений к исследованию разных совокупностей произведений: одного автора, определенного периода или отдельной страны, наконец, мировой совокупности литературы.

В последнее время, как реакция на трудоемкость различных путей компаративистов, усилились тенденции рассматривать совокупность таким же образом, как отдельное произведение. К такому простому подходу ученые приходили разными, подчас сложнейшими, путями. Этот сам по себе довольно спорный метод интерпретации был без надлежащих объяснений перенесен на фольклор, где мы всегда имеем дело не с произведениями, а с их вариантами, а также на репертуар, где мы имеем дело с разными произведениями и их закономерностями.

Есть литературоведы, например Верли, которые открыто признаются в таком методическом подходе, понимая его проблематичность. Однако большинство литературоведов в недавнем прошлом и очень многие фольклористы еще сейчас пользуются подобным методом интерпретации без всяких оговорок, не подозревая сомнительности объекта исследования и спорности его интерпретации [Wehrli].

Между тем в фольклористическом отношении могут быть найдены некоторые методические оправдания в пользу образования совокупности, при условии анонимности, большой синхронности записей генетически заведомо совершенно разных произведений, если признать все записи принципиально равноценными со всеми вытекающими отсюда статистическими выводами. Это и некоторые другие обстоятельства в известных условиях ставят исследователя перед необходимостью изучать совокупность. Эта необходимость, какими бы интересами она ни была обусловлена (типологическими, морфологическими, стилистическими или языковыми, географическими или же историческими и социологическими), возвращает к задаче реорганизации источниковой базы, т. е. самого предмета исследования, применительно к более точным методам его изучения. Такой надежной базой в фольклоре может служить только реальный свод, конкретный репертуар, а не ирреальное импрессионистски воспринятое исследователем сверхпроизведение. В этом понимании *репертуар* существенно отличается от сводной *«сказки о животных»* у исследователей в прошлом.

Данные для верификации должны быть предоставлены вместе с текстами, а обсуждение этого вопроса обязательно должно иметь место во введениях к сводам.

9.1. Уместно кратко осветить историю формирования коллекции и ее изучения. В основу этого тома таджикских сказок положены ма-

териалы рукописного фонда сектора фольклора Института языка и литературы им. Рудаки Академии наук Таджикской ССР (г. Душанбе, пр. Ленина, 21) и немногочисленные публикации (см. Сигнатуры). После того как весь архив, насчитывавший свыше 150 000 страниц и скомплектованный из двух фондов (ФФ и ФД), институтского и приобретенного от проф. Г. А. Дзагурова (г. Орджоникидзе), был просмотрен по описи и de visu Дж. Рабиевым на предмет выявления басен и сказок о животных (в настоящее время это возможно уже проделать при помощи перфорационно-счетных машин), все выявленные на определенный момент (1967 год) тексты были выделены как особая *коллекция*, которая подвергалась составителями Свода всестороннему многократному исследованию.

Для краткости все тексты в их случайном архивном порядке (т. е. в возрастающем порядке *частей* и в каждой части по пагинации) были пронумерованы. Этой нумерацией, с отличительным индексом Т (перед трехзначным номером), мы пользуемся в Своде для ссылок (см. список сигнатур).

9.1.1. Публикация и исследование таджикских басен и сказок о животных начались сравнительно поздно (см. общую хронограмму коллекции), в XX в. Динамика публикаций (П) и исследований (И), отражающая в какой-то мере и общественный интерес к сказкам о животных, наглядно показана на следующей таблице, составленной на основе «Библиографии фольклористики Таджикистана» М. Негматова.

Им учтены раздельно высказывания, заметки и т. п., относящиеся непосредственно к сказкам о животных (И), а также публикации фольклорных текстов (П). Всего в разряде *исследований* оказалось 21 название.

Годы	Вид издания	Абсолютные цифры	% в отношении к числу источников других видов фольклора	% в отношении к числу источников этого вида за все годы
1900—09	И	2	0,92	4,54
	П	5	2,31	2,123
	И+П	7	11,35	15,89
1910—19	И	—	—	—
	П	1	0,463	3,04
	И+П	1	0,463	3,04
1920—29	И	—	—	—
	П	—	—	—
	И+П	—	—	—

Продолжение табл.

Годы	Вид издания	Абсолютные цифры	% в отношении к числу источников других видов фольклора	% в отношении к числу источников этого вида за все годы
1930—39	И	2	0,92	0,38
	П	19	8,8	3,78
	И+П	21	0,172	3,116
1940—49	И	3	1,39	0,348
	П	26	12,04	3,02
	И+П	29	13,43	3,35
1950—59	И	3	1,39	0,2
	П	65	30,1	4,23
	И+П	68	31,4	4,43
1960—69	И	11	5,09	0,44
	П	79	36,6	3,11
	И+П	90	41,15	3,55

Авторы этих работ на отдельных примерах установили наличие сказок о животных в таджикском фольклоре, писали об отдельных чертах этих произведений, об условиях их бытования и давали некоторые интерпретации идейного содержания рассказов, призывая к дальнейшему собиранию и изучению этого вида словесности.

Ценные наблюдения содержались в работах И. А. и О. А. Сухаревых и Р. Амонова. Крупнейшим специальным исследованием таджикских сказок о животных явилась диссертация М. М. Явич, предпринятая специально по программе предлагаемого Свода. Значительные части этого анализа и дополнительные исследования коллекции, проведенные Левиным и Рабиевым, включены в настоящую книгу [Levin 1969; Сухаревы; Амонов; Маъсумӣ].

9.1.2. Статистически коллекция характеризуется следующим образом: 419 текстов составляют в таджикском фольклорном архиве 6,4% всей прозы, насчитывающей 6557 текстов.

Боггс в 1930 г. первым в истории фольклористики провел количественный, сравнительный анализ сказочного репертуара десяти народов Европы на основе доступных ему данных, вытекающих из опубликованных к тому времени каталогов [Boggs 1930].

Абсолютные числа, которыми оперировал Боггс в своей работе, безусловно устарели, но выведенные им относительные величины, выраженные в процентах, остаются, вероятно, в силе.

Боггс отметил степень популярности так называемых сказок о животных у разных народов.

Из десяти народов выделились по степени популярности сказок о животных: лопари (30%), испанцы (15%), финны (14%). Причем второе и третье места разделили народы, живущие на противоположных окраинах Европы. Статистика эта отражает некоторые закономерности, которые еще подлежат осмыслению. Статистический анализ турецкого сказочного репертуара (2556 текстов) был произведен Эбергардом и Боратавом в 1953 г. Ими отмечено слабое распространение

сказок о животных в столице, Стамбуле (0,3%), по сравнению со страной (3,1%) в целом. Ученые склонны видеть в этих региональных особенностях отражение социальных условий [EbBo].

Однако такое же соотношение видов прозы установил Моде в Бангладеш. Статистику арабских сказок дала Новак [Nowak; см. также Jahn.]

Подсчеты индийских басен о животных см. [Bødker]. Вдумчивую статистику персонажей сказок в Китае дал Эбергард [Eberhard 1971].

Общее число таджикских записей басен и сказок о животных в процентном выражении в сравнении с данными о материалах других народов представляется закономерным.

Количество или частоту рассказов о животных в фольклоре отдельного народа Харкорт склонен считать мерилом уровня культуры или цивилизации (при этом *басенная*, литературная форма им не выделяется вообще). Отсутствие сколько-нибудь надежных сравнимых статистических данных и неясность критериев измерения уровня культуры и цивилизации делает эту гипотезу, высказанную неоднократно еще до Харкорта, сомнительной уже по методическим соображениям [Harkort 1970, 14].

9.2. Рассматривая коллекцию как нечто целое, следует остановиться прежде всего на размещении текстов в пространстве (см. основную *общую картограмму* и указатель мест записи, стр. 98—99).

Сказки о животных записывались исключительно в западной части Таджикистана и на восточных окраинах Узбекистана, где проживают таджики. Последнее обстоятельство понятно и не нуждается в комментариях. Что же касается Таджикистана в его нынешних границах, то нет оснований считать, что басни и сказки о животных бытуют только среди населения западной части республики. По всей вероятности, эти рассказы известны и в районах Памира, однако на таджикском языке там не было сделано ни одной такой записи басни.

Получившаяся граница на востоке и на западе не является полностью случайным итогом односторонности собирательской деятельности, поскольку для этой топографии существенным явился язык, на котором записи сделаны.

Эта культурно-историческая причина закономерно сказалась на общей картограмме коллекции. Но это не значит, что не следует в дальнейшем стремиться к более равномерному изучению фольклора населения всей республики, независимо от языка или этнической принадлежности.

Современное единство культуры внутри и вне республиканских границ заслуживает не меньшего внимания, чем историческая общность, которая в данном случае также выходит за границы нынешних административных территорий, национальных республик. Расширение топографии и увеличение источниковой базы — актуальная задача фольклористики, в особенности Средней Азии. От этого зависят успех мировой географии словесности и культуры и выделение *регионов* в практических целях строительства культуры.

9.2.1. Бросается в глаза неравномерность материала и в пределах ограниченной картограммы. Едва ли здесь можно усмотреть проявление исторических, психологических или других объективных причин. Подчас играла роль физическая география местности, людность и доступность. Территория Таджикистана уже в силу природных условий заселена неравномерно.

Совершенно ясно, что частота записей, отклоняющаяся от плотности населения в ту или другую сторону при соблюдении синхронии и правил статистики, имела бы для фольклориста большое значение. Однако от такого сравнения приходится отказаться по не зависящим от фольклористов причинам.

9.3. На вопрос, когда и от лиц какого пола и возраста произведены записи, отвечает *общая хроносоциограмма* (см. стр. 100—103).

Собранный материал обладает в большой степени синхронностью. То обстоятельство, что записи произведены, глядя с культурно-исторической точки зрения, более или менее в одно время, а именно в 40-х, 50-х, 60-х годах XX в., делает их сравнимыми и в некоторых других отношениях, как свидетельство вкусов, состояния культуры повествования и т. п. нашей эпохи.

9.3.1. В настоящее время, за отсутствием раннего сравнимого изустного материала, коллекция в целом почти не поддается *диахроническим* исследованиям, направленным на определение развития какого-нибудь явления во времени.

Неподтвержденной гипотезой остается широко распространенное мнение о баснях и сказках о животных как о стадиально раннем явлении [вновь — Harkort 1970, 19]. Неправомерным было бы приписать коллекции реликтный характер во всемирно-историческом плане.

Особый интерес тем не менее заслуживают в коллекции ранние записи 1923—1928 гг. После них наступает пауза. Значительное количество наших текстов записано в самое последнее время. В этой динамике сказались условия научной работы, интересы фольклористов, в частности, в связи с подготовкой Свода.

Хронология записей, будучи, по всей вероятности, случайной по отношению к фольклору, является все же закономерной хотя бы

с точки зрения развития фольклористики в Таджикистане.

При всех обстоятельствах следует иметь в виду, что как по картограмме, так и по хроносоциограмме нельзя делать убедительных выводов из отсутствия данных. Только положительные факты позволяют делать некоторые обобщения.

9.4. Собиратели интересуют фольклористов как носители социальных признаков группы и в какой-то мере культурно-исторически (см. Список собирателей, стр. 306—307).

Записывали: 303 текста мужчины, 93 — женщины, 23 — пол неизвестен.

Пол и возраст, а в еще большей мере социальное положение и происхождение (территориальное, этническое) собирателя безусловно сказываются на отношении к нему рассказчика, а следовательно, и на выборе материала, на форме и содержании того, что попадает в архив.

Это может заинтересовать специалистов в области психологии коммуникации. Фольклористы до сих пор рассматривали собирателя чисто документалистски. Более глубокое использование этих данных еще предстоит [Maletzke].

9.4.1. Поло-возрастная неравномерность состава рассказчиков на ареале коллекции, по всей вероятности, всецело обусловленная составом собирателей и их взглядами на фольклор, обнаруживается на социограмме текстов, записанных в двух крупных населенных пунктах: в Муминабаде и в г. Ленинабаде.

Возрастные группы	Ж42604 Муминабад		К42ЛНБ Ленинабад	
	м	ж	м	ж
О (возраст неизвестен)	2	0	5	2
I (до 16 лет)	7	0	0	0
II (от 17 до 19 лет)	5	0	1	0
III (от 20 до 29 лет)	2	0	1	1
IV (от 30 до 39 лет)	1	0	2	0
V (от 40 до 49 лет)	0	0	4	1
VI (от 50 до 59 лет)	0	0	1	0
VII (от 60 до 69 лет)	2	0	1	1
VIII (от 70 лет и выше)	0	0	1	0
Итого (количество текстов)	19	0	16	5

В Муминабаде все 19 текстов были, например, записаны только от мужчин. В Ленинабаде же записано от мужчин в три раза больше, чем от женщин.

В Муминабаде записывали со слов молодых людей, а в Ленинабаде преимущественно от старших. Причина кроется, очевидно, в собирателях. Вероятно, и в доступности рассказчиков. В силу случайности и неравномерности выборки имеющийся материал при строгом подходе оказывается непригодным для серьезного социологического анализа и вообще несравнимым, но именно в силу этих недостатков материал представляет ценность для специалистов в области психологии массовой коммуникации. Подобной верификацией определяется степень репрезентативности коллекции и намечается план дальнейшего целевого сбора материалов. От репрезентативности зависит надежность каких бы то ни было выводов о репертуаре.

Анализ обозримых хранилищ фольклора показывает необходимость перехода от стихийных экспедиций к репрезентативным опросам населения.

9.5. Первопричиной появления произведения словесности является его творец. Авторы публикуемых здесь произведений неизвестны. Даже если признать каждое воспроизведение сказки своего рода творением искусства конкретного рассказчика [Маъсумӣ], то и тогда художественным произведением может считаться лишь живой рассказ, но отнюдь не фольклорная запись. Тем самым личность рассказчика теряет во многом свое значение для рассказоведа-филолога. Рассказчик интересует его социологически, как носитель определенных социальных признаков группы, а не как индивидуальность.

Это, однако, не значит, что творческая личность рассказчика не представляет интереса для ученых других специальностей и даже фольклористов, как, впрочем, и для слушателей, получающих большое эстетическое наслаждение от мастера слова.

9.5.1. Если бы в публикуемых произведениях и отразилась личная жизнь рассказчика, то эти элементы, в качестве мотивов, в контексте репертуара утеряли бы биографический индивидуальный характер. Подчинившись сюжету, они предстали бы как общие типические явления.

Прилагаемый указатель рассказчиков (стр. 308) позволяет читателю продолжить усилия по изучению индивидуальности носителей традиционных сюжетов. (См. данные о роли рассказчика при отборе стилистических средств 9.8.5.2.)

9.5.2. К сожалению, о сказочниках известно очень мало. Сведения о социальном положении, об образовании и т. п. имелись не всегда. Из даты записи и возраста косвенно можно сделать вывод и о школьном образовании. Это не может, однако, стать предметом систематического анализа и потому не опубликовано в сигнатурах. Но пол, а также возраст известны были почти всегда, и эти качества непременны для всех людей, их можно было обследовать систематически, и потому они отмечены в сигнатуре. Соответствующие данные содержит общая хроносоциограмма.

9.5.2.1. Даже если неизвестных и детей отнести к женщинам, получится, что бóльшая часть текстов записана со слов мужчин. Это, как показали исследования

Явич, не случайность. Дело в том, что пол рассказчика в значительной степени обусловлен полом собирателя. Небольшое число текстов, записанных от женщин, связано в прошлом с малым числом фольклористок, а это зависело от состояния образования женщин в стране [см. 9.4.1].

9.5.3. Существуют ли «мужские», «женские» или «детские» сюжеты в том смысле, что эти рассказы преимущественно бытуют у определенных поло-возрастных групп населения? Этот вопрос может быть решен только на большом статистическом материале и только на уровне отдельных типов. (Ряд повествовательных типов, засвидетельствованных не менее чем семью вариантами, снабжен отдельными картограммами и хроносоциограммами.) Однако вопрос может быть поставлен и на материале коллекции в целом так: не тяготеют ли вообще басни и сказки о животных к определенному полу и возрасту или наоборот? Общая хроносоциограмма показывает, как сложно дать ответ на этот вопрос.

Наблюдается тяготение пола к определенным сюжетам:

Тип	М	Ж
AaTh 9	18	4
AaTh 20D	12	0
AaTh 56A	10	1
AaTh 61	13	1
AaTh 157	8	0
AaTh 223	11	1
AaTh 275	10	1
AaTh 285D[1]	4	8

В Европе сказки о животных давно именуются детскими, и под это подведена целая теория, а в Малой Азии басни считают сказками старых женщин.

Имеющиеся в научной литературе высказывания по упомянутому вопросу, с точки зрения содержания, формы басен и сказок о животных или психологии их носителей, не опираются на статистику достаточного материала и уже потому заслуживают внимания только как гипотезы [Spiess; Doderer; Harkort 1970].

Общая хроносоциограмма позволяет исследователю легко подобрать синхронные записи отдельных поло-возрастных групп, хотя бы в целях конкретного изучения преемственности поколений.

9.6. Когда в научном обиходе накопилось значительное количество записей сказок (в особенности сказок о животных, число которых все возрастает), стало невозможным для информации о содержании пользоваться схематическими пересказами или условными названиями сюжетов.

В Германии и Западной Европе сказки в научных работах издавно помечались их случайным порядковым номером в знаменитом сборнике братьев Гримм, а для басен — по своду Дэнгарда [Grimm KHM; Dähnhardt]. В России этой же цели служил сборник, изданный Афанасьевым [Аф]. В ряде других стран ученые пользовались для идентификации сюжетов своими представительными изданиями. Постепенно налаживалось некоторое соответствие между номерами разных сборников. На этом этапе возникла мысль о создании *каталога сказочных сюжетов*, уже опознанных учеными, дабы появилась возможность инвентаризовать поступающие их пересказы и информировать об этом ученых, не прибегая к более или менее подробному изложению их содержания. При этом старались придать каждому предполагаемому сюжету (пределы и содержание которых были еще неизвестны) отдельный номер в составляемом указателе [Aarne 1913; Андреев 1922].

9.6.1. Опираясь на самые крупные сборники Гримма и Афанасьева, на работы Гербера, Колмачевского и Крона в области сказок о животных, учитывая большой рукописный материал в фольклорных архивах Финляндии, Антти Аарне разработал каталог сказочных сюжетов. Несмотря на принципиальные недостатки, каталог Аарне стал ключом к крупнейшим хранилищам фольклорных записей [Aarne, FFC N3].

На этой основе возникли национальные и региональные каталоги, между прочим и народов Советского Союза, и в частности указатель Андреева. В дальнейшем Томпсон дважды расширил каталог Аарне, включив в него данные почти всех других указателей, создав таким образом всемирный *каталог каталогов* сказочных сюжетов [Gerber; Колмачевский; AaTh; Krohn 1926; AaAn ср. иную систему: EbBo; Bødker; Nowak]. Важным вспомогательным аппаратом стал индекс мотивов, т. е. произвольно изолированных элементов сюжета, составленный Томпсоном [ThMot]. Каталог сюжетов [AaTh] и индекс мотивов [ThMot] приведены во взаимное соответствие.

9.6.1.1. Идея использования главных признаков персонажей басен для систематики в XIX в. в силу общих положений науки казалась филологам вполне естественной. Ныне она подвергается критике [Harkort 1970].

Принятая Аарне и Томпсоном типология относит сказки о животных к *№ 1—299*. Этот первый раздел каталога подразделяется на следующие группы: *№ 1—99 лесные звери, дикие*, где *1—66* составляют рассказы о *хитрых проделках лисы*; *№ 100—149 — дикие звери и домашние животные*; *№ 150—199 человек и дикие животные*; *№ 200—219 домашние животные*; *№ 220—249 — птицы*; *№ 250—274 — рыбы*; *№ 275—299* — прочие животные и объекты.

К нашему репертуару сказок о животных принадлежат еще и типы 715, 1060, 1122, 1149, приписанные к другим видам сказок; особую группу в каталоге образуют типы *2000—2399*, так называемые *формульные*, *цепные* или *кумулятивные* сказки (о животных).

Следует иметь в виду, что по техническим причинам, дабы присвоить каждому типу самостоятельный номер, пришлось вводить дополнительные номера с буквенными индексами, звездочками и другими подразделами, так как типов оказалось гораздо больше, чем Аарне предполагал.

9.6.1.2. Винерт (1925) независимо от системы AaTh систематизировал значительное количество главным образом античных *басен*, которые до этого (как, впрочем, и позже) в международном обиходе определялись механически по отдельным сводам: Halm, теперь Perry Aesopica [Wienert].

Винерт счел необходимым в классификации басен использовать совершенно разные показатели: формальные, сюжетные (а именно взаимоотношение персонажей между собою), стилевые, композиционные. В итоге он провел двойную классификацию: как по с о д е р ж а н и ю, так и по с м ы с л у. Такой эклектический подход свидетельствует о сложности задачи и самого предмета. Новейшим справочником для басен и притч является индекс Тубаха, который вообще отказался от какой бы то ни было систематики (кроме алфавитного порядка мотивов) [Tubach].

В результате этих трудов в рассказоведении утвердился с ю ж е т как прочная основа для у ч е т а произведений словесности.

9.6.1.3. Для идентификации ряда сюжетов нашего Свода оказалось целесообразным обратиться к национальным каталогам: латышскому Меднэ, румынскому Шуллеруса и венгерскому Ковач и аппарату Бёдкера для индийских сказок о животных, а по региональным соображениям использовать в ряде случаев непосредственно турецкий каталог Эбергарда и Боратава, исключив для *турецких типов* EbBo соответствия по системе AaTh [Medne; Schullerus; Kovács; Bødker, Wienert; EbBo].

9.6.2. Привлечение межрегиональных и региональных или национальных каталогов для определения типов произведений нашего Свода вполне закономерно.

Для идентификации таджикского репертуара потребовалось дифференциально строже сформулировать типы и ввести в каталог Аарне — Томпсона (AaTh) дополнительно всего лишь для нескольких новых номеров индекс (^{t}), акцептованный С. Томпсоном. Эти сюжеты известны, вероятно, и в других странах, AaTh 47D^t: *лев подражает «отцу» и погибает*, AaTh 122*^{t}: *прыгать, как отец, уговаривает волка жертва — и спасается*; AaTh 122 Z^t: *на базар за приправами обещает волку пойти жертва и спасается*; AaTh 285D^t: *мышь-любовница и старик терпят от соперницы*; AaTh 715^t: *стараясь погубить птичку, дразнившую падишаха, проглоченную им, но вылетевшую из него, отрубили ползада падишаху*; AaTh 2025^t (см. T004); AaTh 2028^t: *в тыкве катится мальчик*; Wienert ST21^t: *комочек и листочек, поссорившись, погибают под дождем.*

Распределение сюжетов, содержания репертуара сказок о животных по отдельным типовым группам вариантов имеет большое принципиальное значение. Национальный или региональный репертуар характеризуется частотой типов и, между прочим, наличием или отсутствием тех или иных сюжетов. В этом отношении возможности типологического анализа для науки далеко еще не исчерпаны.

Как *типы*, так и *мотивы* связывают нашу коллекцию с мировым, международным репертуаром. Однако оба уровня имеют и локальный, местный, национальный аспект, который в полной мере сможет проясниться лишь после сравнения с количественными данными других ареалов.

9.6.3. Настоящим ученый мир получает каталог таджикских басен и сказок о животных, опирающийся преимущественно на уточненные каталоги Аарне—Томпсона и Эбергарда—Боратава [AaTh, EbBo].

Фольклористам Таджикистана впервые дается ключ к вполне сопоставимому материалу (опубликованному и рукописному), который был или будет описан той же системой в различных странах мира.

Вместе с тем мировая наука получает достаточную сводную информацию о репертуаре басен и сказок о животных у таджиков. Новый каталог может служить прочной базой для научных контактов между учеными всего мира.

На стр. 360—363 дается типологический анализ коллекции. Для лучшей ориентации типы, засвидетельствованные в семи и более вариантах, задокументированы картограммами и хроносоциограммами, которые могут служить готовой коррелирующей основой при изучении деталей текста. Для этого достаточно наложить прозрачную бумагу на предлагаемые картограммы и пометить наличие в указанных текстах признака, подлежащего специальному анализу. Получаемые конфигурации в их совокупности могут быть географо-исторически интерпретированы, подобно атласам культуры, и позволяют выявить специальные связи между текстами и явлениями.

9.6.3.1. Популярны среди таджиков следующие повествовательные типы (содержание здесь коротко указывается):

AaTh 6: Пленник задает вопрос; чтобы ответить, надо открыть пасть: спасается.
AaTh 9: Недобросовестный дележ урожая.
AaTh 20D*: Хадж (паломничество) животных.
AaTh 56A: Лиса грозится птице свалить дерево, если не получит птенцов.
AaTh 61A: Лис-суфий/исповедник, см. AaTh 20D *; см. AaTh 103.
AaTh 68B: Лиса топит кувшин на голове или хвосте и тонет.

AaTh 92:	Лев бросается на свое отражение в колодце и погибает.
AaTh 102:	Лиса — мнимый скорняк, съедает материал.
AaTh 103:	Дикие животные испугались странного зверя, см. AaTh 61A.
AaTh 122B*:	Молиться перед едой уговаривает волка жертва и спасается.
AaTh 122D:	Привести другого обещает волку жертва и спасается.
AaTh 122N*:	Сесть на себя верхом уговаривает волка осел и спасается.
AaTh 123:	Волк и козлята (29 вариантов).
AaTh 125+126:	Волк бежит от барана, показывающего волчью голову.
AaTh 130:	Жилище животных: прогоняют врагов сообща (22 варианта).
AaTh 155:	Неблагодарная змея спаслась, но попадает вновь в плен.
AaTh 159B:	Вражда льва и человека — рана от топора заживет, обида останется.
AaTh 223:	Накормить, насмешить и напугать ее просит лиса у птицы.
AaTh 275:	Лиса и черепаха бегут наперегонки.
AaTh 278:	Лягушка и мышь привязаны, их уносит ястреб.
AaTh 285D^t	Мышь-любовница и старик терпят от соперницы.
AaTh 715^t:	Стараясь погубить птичку, дразнившую падишаха, проглоченную им, но вылетевшую из него, отрубили ползада падишаху (35 вариантов).
EbBo 1:	Лис и волк в винограднике: волк (или волчица), объевшись, застревает.
EbBo 1 — V:	Крестьянин узнает «тайну» волчицы (что ее покрыл лис).
EbBo 3:	Бесхвостая лиса дурачит медведя и других лисиц.
EbBo 21:	Улитка замужем за мышонком, она падает в водоем, передает весть через прохожего (28 вариантов).
EbBo 24:	Птичка Ibibik застревает в кустарнике (цепная).
EbBo 29:	Старуха отрубает хвост лисе, которая выпила молоко (цепная).
EbBo 30:	Траур (цепная) (18 вариантов).
Schullerus 103 I*	Звери бегут от человека, издающего странный звук сзади.
Wienert ST 21*:	Комочек и листочек, поссорившись, гибнут.

Следует иметь в виду, что в конкретных текстах встречаются различные, более или менее постоянные, *контаминации* выделенных повествовательных типов (здесь иногда помечено плюсом).

История этих произведений и освещение места таджикских вариантов в мировом репертуаре не входили в программу данного Введения. Информацию можно получить по библиографии AaTh, а также по типологическому анализу в ряде сборников серии «Сказки и мифы народов Востока», изданных Главной редакцией восточной] литературы издательства «Наука» в Москве.

9.7. Произведенный анализ убедительно показывает, что репертуар из 419 текстов очень своеобразно группируется и по отдельным элементам, например, по персонажам, вернее, по субъектам или объектам действия, да и по самим действиям, т. е., в общем, по *мотивам*.

[Проблематику определения понятия мотив см. Spieß; Greverus; иррелевантность персонажей утверждал Пропп].

9.7.1. Если выделить из каждого рассказа хотя бы 10 разных деталей, получилось бы в итоге 4000 таких элементов. На самом деле количество деталей легко сокращается за счет того, что в ряде рассказов встречаются одни и те же мотивы, затем список уплотняется вследствие генерализации субъектов или объектов. Этим внешне доказывается общность репертуара по содержанию на уровне мотивов.

На стр. 364—389 дается указатель мотивов, составленный М. Явич при техническом содействии сотрудников Т. Исроиловой и Дж. Рабиева под руководством И. Левина [подробные сведения о принципах составления этого регистра см. Явич].

Этот указатель помогает читателю, не посвященному в типологию сказок, не только отыскать интересующие *мотивы*, *эпизоды* и в конечном счете сюжеты, но он может служить предметом особого изучения (и даже методами количественного анализа, причем без знания языка оригинала) содержания репертуара в разных направлениях.

Для удобства ориентации в регистре мотивов, переданных в переводе, избегая синонимов, в алфавитном порядке, читателю предлагается ключ, открывающий доступ к некоторым тематическим, предметным группам персонажей и других реалий, встречающихся в регистре. Этот ключ составлен без претензий на научность классификации. Полученные из регистра мотивов данные могут быть сопоставлены с аналогичными показателями других ареалов, что поможет установить своеобразие национального репертуара.

В указателе мотивов составители стремились зарегистрировать всех действующих лиц и по возможности больше существенных для действия реалий. Эти основные элементы сюжета извлечены из текста перевода, при этом они не подвергались тематизации.

Абстракции оказывались включенными только в тех случаях, когда они встречаются в тексте. Когда одни и те же субъекты в разных вариантах сюжета встречаются с разными объектами, то в дальнейшем перечисляются варьирующиеся объекты (через /).

Когда субъекты в текстах варьируются в одном и том же эпизоде, персонажи объединяются (через /).

В тех случаях, когда действие в разных текстах переведено или рассказано синонимически или когда вариации незначительны, допускалась генерализация: например, горшок — кувшин = сосуд.

Ввиду алфавитного порядка указателя, мотив формулировался многократно таким образом, чтобы и субъект и объект появлялись в указателе последовательно в начале строки, фразы, например: Волк съел барана в лесу = Барана съел волк в лесу = Лес, в нем волк съел барана.

По этому принципу первичные извлечения из текста размножались механически, а затем предельно генерализировались.

Такие слова, как «козел», «козленок», «козлик», и т. п., не подвергались генерализации (как «козел»), когда они были показательны для типологии сюжета.

Слова местного колорита, будучи сохранены в тексте перевода, оказались и в регистре. Их замещение переводом представилось нежелательным. Интерпретация «мира басен» не входила в задачи Свода.

Следует напомнить, что регистр мотивов указывает на все 419 текстов коллекции, а не только на опубликованные в Своде (номера этих 116 текстов выделены шрифтом).

9.8. Коллекция сказок о животных может быть охарактеризована не только со стороны содержания на уровне сюжета или же мотивов, но и со стороны формы и также на разных уровнях текста. В определении основных стилистических и формальных черт басен исследователи всегда руководствовались, сознательно или несознательно, частотой. Те черты, которые попадали в поле зрения чаще или привлекали внимание по другим соображениям, воспринимались фольклористами как основные, типические. Объективной же статистики не было.

К. Крон был, вероятно, одним из первых, кто, располагая самым большим количеством записей сказок о животных, предупреждал, что черты, встречающиеся ныне чаще других, являясь самыми распространенными, вовсе не обязательно окажутся исконными. Между тем предпринимались даже попытки (интуитивные и поспешные) национальной атрибуции некоторых стилистических черт сказок без всякого учета их доминантности в национальном репертуаре (Löwis of Menar; Spiess].

В таджикской фольклористике количественный анализ некоторых черт стиля сказок о животных впервые был дан в работе М. М. Явич.

Автор предполагает, что национальная специфика, если она существует в этом виде словесности, может быть выявлена в частоте одних явлений и редкости других.

Последний вопрос сигнатуры «*как рассказываются басни и сказки о животных?*» превратился, таким образом, в вопрос «*сколько раз, как часто это так рассказывается* таджиками?». Ответы даны здесь Дж. Рабиевым в виде сводных таблиц (стр. 354—355).

9.8.0.1. Для настоящего Свода были аналитически задокументированы и обследованы (1) начало (Н), (2) окончание (Ф), (3) объем (Б) и (4) язык (Я) всех 419 текстов.

В этих непременных элементах структуры всякого текста словесности была предварительным анализом установлена некоторая типология, изложенная на общем кодификаторе.

9.8.1. Репертуар в отношении стилистики начал обнаруживает значительную типизованность, наличие немногочисленных устоявшихся форм. Неопределенных начал (или окончаний) нет. Лишь косвенно это указывает на адекватность кодификатора.

Около половины всех текстов имеют формульное вступление, короткий *дихлиз*, предфабульный зачин, а именно Н1.4.1: *буд набуд*.

Можно предположить, что эта формула восходит к арабскому сказочному зачину *кан ма кан*, где *ма* исходно не обозначало отрицания, хотя формально оно могло быть истолковано и так. Испанская рецепция этой формулы переводится однозначно: «было, что было». Отрицательное понимание арабской формулы получило выражение в тюркской ее рецепции: *бир вармыш, бир ёкмуш* (= было — не было), что может быть понято как начало знаменитого дихлиза абсурдов, как присказка небылиц и нелепостей, именуемая по-турецки *текерлеме* (ныне по-таджикски *терма*). Этому соответствует в персидско-таджикском фольклоре формула *буд набуд*, или *яки буд яки набуд* (уже с отрицанием!). Асмуссен видит здесь проявление иранской склонности к фабуляции, между тем вероятнее было бы считать отрицательное переосмысление арабской формулы *кан ма кан* в виде *буд набуд* тюркским влиянием, тем более что оно сказалось в дальнейшем даже в арабском [Asmussen; Nowak].

9.8.1.1. Терма Н1.4.1 встречается лишь в 3 текстах следующим образом:

1. *Буд, набуд, будгор буд*: Т002; Т123; Т195
   Было, не было, был бог.
2. *Замин набуд, шудгор буд*: Т002; Т123; Т195
   Не было земли, была пашня.
3. *Як каллаки айёр буд*: Т002
   Был хитрый плешивец.
4. *Тӯқуми вай тайёр буд*: Т002
   Было готово его ослиное седло.
5. *Як коса дуғ буд*: Т002; Т123а
   Была чашка кислого молока.

6.1. [а = *Инам* б = *Ваяшам*] *дурӯғ буд*: Т002; Т123а

6.2. *Хамми гапо дуруғ буд*: Т195
И всё это враки.

9.8.1.2. Другая половина всех текстов басен начинается фабулой. Здесь преобладает экспозиция действий, реже персонажей, что вполне соответствует динамичности и краткости этих рассказов. Лишь 19 текстов начинаются указанием на место действия:

Н2.2. Локализация: типология и частота
[*лес*] — 7 текстов
[*кишлак*] — 2 текста
[*дом*] — 2 текста
[*город*] — 1 текст
[*город Яман*] — 1 текст
[*город Хабаш*] — 1 текст
[*дорога*] — 1 текст
[*степь*] — 1 текст
[*дыра*] — 1 текст
[*берег*] — 1 текст
[*место*] — 1 текст

Таким образом, становится ясно, что нет оснований утверждать, будто сюжет басен о жи-

вотных разыгрывается преимущественно в природе.

31 текст начинается упоминанием в р е м е н и действия Н2.3: типология и частота.

Як рӯз, рӯзе (Однажды) — 20 текстов

Як замоне, маҳалушра (Когда-то) — 3 текста

Дар замонҳои қадим (В древние времена) — 2 текста

Дар замонҳои гузашта (В прошлое время) — 1 текст

Рӯзе шуд, ки (Настал день) — 1 текст

Муддате чанд (Некоторое время) — 1 текст

Вақте ки мо бача будем (Когда мы были детьми) — 1 текст

Дар яке аз рузҳои тобистон (В один из летних дней) — 1 текст

Тобистон наздик мешуд (Приближалось лето) — 1 текст

Как видно, преобладает неопределенное время с формульным оттенком.

9.8.2. В окончаниях приблизительно половина текстов содержит ф о р м у л у Ф1.4.1 «они достигли своих желаний», что в общем по коллекции (но отнюдь не всегда в конкретных текстах) отвечает зачину Н1.4.1 «было не было». Обе формулы одинаково плохо подходят к басням, где они появились в силу общей повествовательной традиции.

Другая половина текстов оканчивается ф а б у л о й. Самым популярным концом является здесь гибель (11,22%) или уход (9,07%) персонажа, как, впрочем, и сообщение о его дальнейшей судьбе (10,98%). Этим заостряется кульминационность повествуемого момента. Лишь в менее четверти всей коллекции завершенность достигается характерной м о р а л ь ю или р е з ю м е, которые приписаны поровну р а с с к а з ч и к у (Ф1.5) или п е р с о н а ж у (Ф2.5).

9.8.2.1. В целях иллюстрации приводится ряд п о у ч е н и й (подчас в виде сентенций, пословиц и поговорок). Они могут быть сгруппированы тематически и обобщены. Однако не поучениями исчерпывается значение сюжетов, хотя м о р а л ь остается характерной с т и л и с т и ч е с к о й чертой басен о животных.

Ф1.5. Поучения от рассказчика:

Т033 <М7 Рубаи маккора фиреб дода, аз фиреби худаш дар бало ғалтид.
(Обманув хитрую лису, он сам попал в беду из-за своего обмана).

Т050 <М0 Аз ин масал гуфтаанд: «Кабӯтар бо кабӯтар ғоз бо ғоз».
(Недаром в поговорке говорится: «Голубь с голубем, лебедь с лебедем»).

Т175 <М0 Хулоса, аз дӯстии одами нодон ҳайвони доно беҳтар.
(Отсюда мораль: лучше дружить с умным животным, чем с глупым человеком).

Т187 <М0 Бинобар ин мегун, ки зур кати мешудагинда шер мекушт, тадбир кати шер кушта шуд.
(Поэтому-то говорят, если можно было бы действовать силой, убил бы лев, а хитростью — так лев оказался убитым).

Т296 <М8 Руба баднафсӣ карда, ҳам аз тую тамошоҳо маҳрум шуд, ҳам ба чунин азобҳо дучор шуд.
(Из-за жадности лиса лишилась удовольствия посмотреть свадьбу и пир и подвергалась таким мучениям).

Т330 <Х0 Сазои касе ки бо ноулфат улфати кунад.
(Горе тому, кто дружит с недостойным).

Т366 <М6 Ана ҳамин катӣ оқубати мовотчи, дуруғгу ҳамту шуда гузашта меравад.
(Таков конец тех, кто преувеличивает и обманывает).

Т367 <М4 Аз ин ҷост, ки аз ҷинси худат дӯст пайдо кардан лозим.
(Отсюда следует, что каждый должен дружить с представителем своей породы).

Т372 <М6 Ана ҳамин хел гург аз дилсиёгеша ҳалок шуд.
(Таким образом волк погиб из-за своей злобы).

Т391 <М6 Аз ин маълум мешавад, ки хақиқат дар ҷои худ мемонад.
(Отсюда ясно, что правда останется на своем месте).

Ф2.5. Поучения от персонажа:

Т022 <М0 Ҳар гул дар буттаи худаш зеб дора.
(Каждый цветок красив на своей ветке [своем месте]).

Т026 <М7 Мо гапи ғаразгуда рафтем, гапи ғаразгуда рафтан лозим не.
(Мы поверили сплетням, не надо было верить сплетням).

Т057 <Ж3 Ҳар ҷинс бо ҷинси худаш ошногӣ кунад.
(Каждый должен дружить с тем, кто из его породы).

Т078 <Ж0 Дурбин он аст, ки донаро не, балки домро бинад.
(Дальновидный тот, кто увидел не зерно, а капкан).

Т086 <М7 Ҳар кас дар ҳавои думба ба дом афтад, Дар гардани ӯ банди беноком афтад.
(Если кто-то из жадности к курдюку по-

падет в капкан, на него несчастье падет).

Т110 Сӯҳбати номуносиб будааст:
<Ж2 Бо нек шинӣ нек шавӣ,
Бо дег шинӣ сиёҳ шавӣ.
(Он оказался неподходящим собеседником:
Посидишь с добрым человеком, станешь добрым,
Посидишь с котлом, станешь черным).

Т169 Таваре, ки ту ба сари ман задӣ захмаш
<М7 рафт, лекин гапи ту аз хотир нарафт.
(Рана на голове от удара твоего топора зажила, но твои слова не забыты).

Т180 Саг [гуфт]:
<М0 Ман нагуфтам, ки одамизот зӯр аст.
(Собака сказала:
— Я не сказала, что человек сильный).

Т192 Бар падари касе лаънат, ки як чиза
<М7 нохӯрда шукр кунад.
(Пусть будет проклят тот, кто еще ничего не съел, а уже молится богу).

Т228 Бо дости додот дарав кун, ёфтагита
<М4 хӯрдан гирдия.
(Коси серпом отца, что нашел, то и ешь).

Т280 Бар падари касе лаънат, ки бо ҷондори
<М6 лалмӣ ошногӣ кунад.
(Будь проклят тот, кто дружит с сухопутным животным).

Т307 Дига ин хел баҳодур нашав, ки бе аҷал
<М6 мурданат мӯмкин.
(Больше не веди себя так по-богатырски, а не то погибнешь понапрасну).

Сущность этих поучений, приведенных для примера, очевидна.

9.8.3. Объем текстов в поэтологическом отношении, как уже отмечалось (см. раздел 8), имеет важное значение.

Если подразделить всю коллекцию по объему текстов (количество букв), то при всей условности градации и самого критерия получается весьма выразительная картина.

Если объединить сверхкраткие тексты с короткими (Б1 + Б2) и сопоставить их сумму с длинными и сверхдлинными текстами (Б3 + + Б4) (см. кодификатор, стр. 355), получится более характерное соотношение: коротких записей в два раза больше, чем длинных.

9.8.3.1. Несмотря на неравномерность поло-возрастной характеристики всей коллекции в целом, нижеследующие социограммы Б1 + Б2 и Б3 + Б4 могут представить интерес.

Возрастные группы	Б1 + Б2		Б3 + Б4	
	м	ж	м	ж
0	40	7	15	5
I	44	18	11	4
II	7	3	7	1
III	23	11	8	5
IV	22	5	8	2
V	10	13	9	4
VI	23	4	12	3
VII	28	8	16	9
VIII	8	3	4	3
Итого (количество текстов)	205	72	90	36

Сравнение этих данных может способствовать постановке экспериментальных исследований в области психологии народного творчества.

9.8.4. В мировом масштабе возникает вопрос о влиянии таджикского и персидского языков на содержание и форму тех произведений, которые либо возникли на этих языках, либо были из них восприняты соседними народами, языки которых по структуре отличались от иранских. Более широко обсуждался в науке вопрос о влиянии басен и сказок о животных на язык, да и сам язык басен.

9.8.4.1. Для данного Свода обследовалась степень литературности языка. Были выделены три группы (индекс Я = язык):

Я1: *диалектный*;
Я2: *литературный*;
Я3: *смешанный*.

При всей условности такого деления с точки зрения лингвиста, такая группировка позволяет фольклористу провести некоторые корреляции, которые способны помочь социологической характеристике репертуара.

Ниже следует статистический обзор Я1, Я2, Я3 раздельно для городов и сельских местностей (объяснение сокращений см. стр. 97).

Я1 = 260 текстов

В городах (в порядке частоты):

Ж42 СМР = 10 текстов
Ж42 РТБ = 8 текстов
Ж42 ТШК = 8 текстов
Ж42 СФР = 7 текстов
Ж41 БХР = 5 текстов
Ж42 ДШН = 4 текста
Ж42 КНБ = 3 текста
К42 ЛНБ = 3 текста
Ж42 ПНД = 2 текста
Ж42 КРГ = 2 текста
Ж42 КЛБ = 1 текст

Итого: 53 текста

В кишлаках:

Ж42 = 173 текста
К42 = 34 текста

Итого: 207 текстов

Я2 = 44 текста

В городах:

К42 ТШК = 16 текстов
К42 ЛНБ = 14 текстов
Ж42 ДШН = 3 текста
Ж42 СМР = 2 текста
Ж42 РТБ = 1 текст

Итого: 36 текстов

В кишлаках:

Ж42 = 8 текстов

Отсюда явствует, что литературные по языку тексты преобладают в городах и относительно редки в сельских местностях.

Я3 = 126 текстов

В городах:

К42 ЛНБ = 15 текстов
Ж42 ДШН = 7 текстов
К42 КНБ = 4 текста
К42 ТШК = 2 текста
К42 СФР = 1 текст
Ж42 СМР = 1 текст
Ж43 КЛБ = 1 текст

Итого: 31 текст

В кишлаках:

Ж42 = 56 текстов
Ж41 = 1 текст
К42 = 38 текстов

Итого: 95 текстов

9.8.4.2 Поло-возрастной анализ состояния языка показан ниже:

Возрастные группы	Я1 (260 текстов)			Я2 (34 текста)			Я3 (125 текстов)		
	М	Ж	?	М	Ж	?	М	Ж	?
0	21	11	11	3	1	1	27	3	4
I	39	15	—	2	—	—	14	7	—
II	8	2	—	2	—	—	4	1	—
III	18	12	—	2	1	—	11	3	—
IV	17	7	—	1	1	—	10	1	—
V	7	13	—	1	—	—	11	4	—
Vi	17	6	—	16	—	—	5	1	—
VII	35	13	—	2	—	—	6	4	—
VIII	5	3	—	1	—	—	6	3	—
Итого (количество текстов)	167	82	11	30	3	1	94	27	4

Результаты этого обследования предупреждают, что существующие представления о закономерностях в этой области, весьма показательной для состояния культуры, нуждаются в пересмотре и уточнении.

9.8.5. Изучение формы повествования, стиля басен и сказок о животных ставит перед фольклористом два кардинальных вопроса: (а) в какой мере стилистические черты вообще заложены уже в произведении, в его исходном тексте, предопределяя стиль его пересказов, (б) в какой мере выбор стилистических художественных средств определяется, сознательно или несознательно, рассказчиком, отражая его личные вкусы или отвечая потребностям его слушателей?

От ответа на эти вопросы будет зависеть релевантность изучения стилистики для фольклориста вообще и определение уровня, на котором подобные исследования возможны, в частности.

В порядке обоснования методики решения поставленных вопросов читателю предлагаются для примера четыре корреляционные таблицы.

9.8.5.1. Ниже дан анализ исследуемых стилистических признаков на основе имеющихся вариантов двух повествовательных типов.

Из приведенных данных видно, что в группе записей одного сюжета (типа EbBo 21) варьируются разные виды начала и окончания, хотя и преобладает H1.4.1 и Ф × 4,

Тип EbBo 21

Текст	Начало	Окончание	Объем	Язык
T009	H1.4.1	Ф2.5	Б1	Я1
T020	H2.1	Ф2.1	Б2	Я1.1
T068	H2.3	Ф2.4.6	Б3	Я1.1
T081	H2.3	Ф1.4.1	Б2	Я3
T085	H1.4.1	Ф1.4.1	Б3	Я1
T104	H1.4.1	Ф2.4.4	Б4	Я3.1
T107	H2.3	Ф1.5	Б2	Я3.1
T112	H1.4.1	Ф2.5	Б3	Я1.1
T128	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1.1
T134	H1.4.1	Ф1.4.1	Б4	Я1.1
T137	H2.4	Ф1.4.1	Б3	Я1.1
T138	H2.4	Ф1.4.1	Б3	Я1.1
T178	H1.4.1	Ф2.1	Б2	Я3
T197	H1.4.1	Ф1.5	Б3	Я1
T207	H1.4.1	Ф2.4.4+1.1.1.	Б3	Я1.1
T226	H2.4	Ф2.4	Б2	Я1.1
T241	H1.3.1	Ф1.4.1	Б2	Я1
T254	H1.4.1	Ф2.4.4	Б2	Я1
T308	H1.4.1	Ф2.1	Б3	Я3.1
T309	H1.4.1	Ф2.5	Б3	Я1
T311	H1.4.1	Ф1.4.1	Б3	Я1
T349	H1.4.1	Ф1.4.1	Б3	Я3
T408	H2.3	Ф1.4.1*	Б3	Я1

Тип AaTh 715t

Текст	Начало	Окончание	Объем	Язык
T001	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1
T007	H1.4.1	Ф2.4.5	Б1	Я1
T010	H2.1	Ф1.7	Б3	Я3
T023	H1.4.1	Ф2.5	Б3	Я1
T028	H1.4.1	Ф2.5	Б2	Я1
T084	H1.4.1	Ф2.4.0	Б2	Я1
T087	H2.1	Ф1.7	Б3	Я1
T095	H1.4.1	Ф2.5	Б2	Я1
T096	H1.4.1	Ф2.4.4	Б3	Я1.1
T102	H2.1	Ф1.4.1	Б2	Я1
T114	H1.4.1	Ф2.4.2	Б1	Я1.1
T121	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1.1
T136	H1.4.1	Ф2.5	Б3	Я1.1
T163	H2.3	Ф1.7	Б1	Я3
T167	H1.4.1	Ф2.4.5	Б2	Я3
T177	H1.4.1	Ф2.4.3	Б1	Я3
T181	H1.4.1	Ф2.5	Б2	Я3.1
T193	H2.1	Ф1.4.1	Б3	Я1.1
T213	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1.1
T248	H2.4	Ф2.4.4	Б2	Я3.1
T253	H1.4.1	Ф2.4.5	Б2	Я1
T268	H1.4.1	Ф2.4.4	Б1	Я1
T310	H1.4.1	Ф2.5	Б4	Я1
T312	H1.4.1	Ф2.5	Б1	Я1
T314	H1.4.1	Ф2.4.2	Б2	Я1.1
T315	H1.4.1	Ф0.0.0	Б2	Я1.1
T316	H1.4.1	Ф2.4.5	Б2	Я3
T334	H1.4.1	Ф2.5	Б1	Я3
T339	H2.4	Ф2.5	Б2	Я3
T357	H2.4	Ф1.5	Б3	Я3
T361	H1.4.1	Ф2.4.5	Б3	Я1
T373	H1.4.1	Ф2.5	Б3	Я1.1
T400	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1
T401	H1.4.1	Ф2.1	Б2	Я1
T406	H2.4	Ф2.4.5	Б2	Я1

но подобная картина наблюдается и в группе записей совершенно другого произведения, а именно типа AaTh 715t.

9.8.5.2. Ниже дан стилистический анализ репертуара двух рассказчиков (мужчины и женщины) на основе записей разных сюжетов: от рассказчика Неъматуллозоды Шоима (16 текстов) и от рассказчицы Мирумаровой Тоджинисо (4 текста) (см. таблицы справа).

Из приведенных двух примеров отчетливо виден субъективный характер выбора стилистических средств: рассказчик обнаруживает склонность к определенным видам начала, окончания и тяготение к определенному объему и языку, независимо от конкретного содержания повествования.

Вполне вероятно, что рассказчик следует вкусам своего времени и среды; это открывает некоторые пути для обобщений культурно-исторического характера.

9.8.5.3. Текстологически правомерный вопрос об исконности начал и/или окончаний

НЕЪМАТУЛЛОЗОДА ШОИМ

(анализ стилистики на уровне его репертуара)

Текст	Начало	Окончание	Объем	Язык
T374	H2.1	Ф1.5+1.1.1	Б2	Я2
T375	H2.2	Ф2.4.6+1.1.1	Б2	Я2
T376	H2.1	Ф2.4.3+1.1.1	Б4	Я2
T377	H2.4	Ф1.4.1+1.1.1	Б2	Я2
T378	H2.4	Ф1.4.1+1.1.1	Б3	Я2
T379	H2.1	Ф2.4.1	Б2	Я2
T380	H2.4	Ф2.5+1.1.1	Б2	Я2
T381	H2.1	Ф2.4.6+1.1.1	Б2	Я2
T382	H2.4	Ф2.4.6+1.1.1	Б2	Я2
T383	H2.4	Ф2.4.3+1.1.1	Б2	Я2
T384	H2.1	Ф2.4.5+1.1.1	Б2	Я2
T385	H2.2	Ф1.4.1+1.1.1	Б2	Я2
T386	H2.1	Ф1.4.1+1.1.1	Б2	Я2
T387	H2.4	Ф1.4.1+1.1.1	Б2	Я2
T388	H2.4	Ф1.4.1+1.1.1	Б2	Я2
T389	H2.4	Ф1.4.1+1.1.1	Б3	Я2

МИРУМАРОВА ТОДЖИНИСО

(анализ стилистики на уровне ее репертуара)

Текст	Начало	Окончание	Объем	Язык
T207	H1.4.1	Ф2.4.4+1.1.1	Б3	Я1
T208	H1.4.1	Ф1.5	Б3	Я1
T213	H1.4.1	Ф1.4.1	Б2	Я1.1
T214	H1.4.1	Ф1.5	Б3	Я1

едва ли имеет шансы на убедительный ответ на основе прозаических текстов, в отличие от стихотворных произведений. Более надежными могут быть результаты реконструкции, установления извода непосредственно зависимых текстов.

При всей относительности определения объема и наблюдаемой его вариативности, даже в пределах группы записей одного сюжета, нормальная длина текста, тем более локальной версии, может быть реконструирована. Значение объема отличается от значения таких признаков, как начало и окончание, хотя между ними также обнаруживается некоторая корреляционная, неожиданная связь [см. Явич].

В приведенных примерах исходный язык также не может быть определен на основе пересказов. Обычно язык прозаического варианта зависит от рассказчика, лишь в редких случаях он предопределен языком источника. Пересказ лучше сохраняет следы извода, в особенности когда устный пересказ непосредственно восходит к литературному, печатному источнику. Особую проблему составляет наличие в рассказе определенных партий, отличающихся по языку от контекста. Такое положение (в коллекции оно наблюдается со стихами в прозаическом кон-

тексте) сулит текстологу дополнительные возможности для определения генетических связей.

9.8.6. Многократное повторение басен и сказок о животных или пословиц оказало и продолжает оказывать какое-то воздействие и на современных людей, и среди них, по крайней мере, на несколько поколений таджиков.

Популярность этих произведений, в особенности среди молодежи, быть может и в силу их использования в дошкольном и школьном воспитании, позволяет считать, что эти рассказы возымели какое-то педагогическое воздействие, тем более, что искони басни использовались на Востоке, да и в Европе в дидактических целях. Однако ни степень, ни даже характер этого воздействия наукой еще не исследовались, и даже еще не наметились методы, при помощи которых это могло бы быть измерено.

По публикуемым произведениям (даже если было бы известно, где, когда и кем они сочинены), так же как и по пословицам и поговоркам этого или другого содержания, было бы неосторожно, как писал Левин, судить о мировоззрении и мышлении носителей, тем более целого народа, которому они принадлежат.

Вполне очевидно, что вообще словесность, еще меньше фольклор, еще меньше один вид литературы и уж, конечно, отдельный сюжет, к тому же вне контекста, не может и не должен был выразить мировоззрение, т. е. совокупность сложнейших идей. Каждое произведение словесности в какой-то мере, но по-разному (в зависимости от места и времени возникновения и других специфических условий), наверное, как-то связано с мировоззрением. Но в какой мере самое мировоззрение связано с поведением или характером человека, отнюдь не ясно. В силу этого необходимо предупредить читателей от достаточно распространенного, даже среди фольклористов, романтического заблуждения рассматривать фольклор, в частности басни и сказки о животных, как материал для характеристики не только отдельных классов, но даже и целого народа, нации.

9.8.6.1. Так как нет национальных истин, а мораль, став исключительно национальной, перестает быть моралью, то в сущности, на высшем уровне содержания произведения, на идейном, как и на уровне воздействия, нет специфически национальных басен, как и нет по той же причине узкоклассовых сказок о животных.

Но это не исключает наличия местного колорита в материи, на уровне *мотивов* и национальных или локальных тенденций в социально-критической приуроченности, в конкретных ситуациях, в *функции*, которая, даже в зависимости от возраста и образованности носителей, меняется. Локальна и национальна, наконец, языковая оболочка. Не как отражение классовых интересов и не как средство их утверждения, да не как выражение весьма проблематичного национального характера, не как источник мудрости поведения имеют значение басни и сказки о животных в нашем обществе. Познавательная ценность произведений, служащих, очевидно, развлечению, не столько в содержащихся в баснях или пословицах «истинах», сколько в самом факте и степени знакомства общества с ними,— с теми, а не с другими произведениями.

Надо познать эти басни и сказки как таковые, а не как аллегорию, или, говоря языком современной риторики, как структуру, т. е. как отражение или выражение чего-то, находящегося вне этих сказок и подлежащего семиотическому истолкованию, будь то ради законных поучений рациональному поведению или для установления поучительных законов филологического созерцания.

9.8.7. Таджикский репертуар басен о животных не только типологически (по содержанию произведений), но и стилистически обнаруживает устойчивость, характерную для исконных ареалов. Тут выявилось соответствие повествуемого художественным средствам повествования. Это всецело обусловлено в региональном, временном и социальном отношениях и отнюдь не представляется глобальным, внеисторическим, т. е. структурным явлением. Поэтому показатели данного Свода в известных условиях, при соблюдении идентичной методики документации и правил статистики, могут в совокупности служить эталоном для выявления и измерения географо-исторически и социально обусловленных отклонений типологически соответствующего репертуара других народов, а также иных сопоставимых видов ираноязычной словесности.

9.9. Предварительной задачей, стоящей перед учеными, владеющими достаточной полнотой материала, а также испытанными методами исследования, является решение следующих основных вопросов: где (по возможности, у какого народа и на каком языке), когда данный рассказ был сочинен? Какими путями, откуда и куда произведение словесности распространилось? Каким изменениям и, по возможности, по какой причине произведение подверглось на пути своего перехода за весь период своей истории? Каков был исконный смысл, вложенный в произведение его автором, и, если возможно, какие переосмысления произошли в дальнейшем? С какой целью произведение было сочинено, какое воздействие ожидалось и какое и чем именно было достигнуто, какие функции оно выполняло в дальнейшем? [Андреев 1922; Anderson HDM; Cosquin; Krohn 1926; Levin WA; Thompson Ft].

Все эти вопросы представляют большой филологический интерес как показатель культурно-исторических взаимоотношений более общего значения.

Этим еще не исчерпаны вопросы, занимающие ученых, но перечисленные неминуемо возникают и непременно должны быть решены, причем всеми доступными средствами, прежде, чем перейти к другим, быть может, не менее важным.

9.9.1. Дабы читатель-нефольклорист представил себе наконец, какими бывают так называемые варианты о д н о г о сюжета, а заод-

но и научную проблематику и значение привлечения и сравнительного изучения всех доступных, в том числе и иноязычных, литературных версий повествовательного типа (хотя бы для углубления понимания даже довольно плохого, изустного, его изложения и культурно-исторической, равно как и эстетической, оценки специфических — но без сравнения незаметных — отклонений), приводится следующий пример.

Текст T054 (тип AaTh 62), публикуемый в Своде, представляет собою вариант сюжета, засвидетельствованного и в арабской литературе. Им занимался Брокельман в статье о баснях и сказках о животных в древней арабской литературе [Brockelmann].

Собака и петух дружны; в отсутствие собаки лис призывает петуха совершить вместе намаз. Но петух говорит, что сейчас придет имам (собака). Тотчас лис пускает ветры, и сказав, что омовение стало недействительным, уходит прочь.

9.9.1.1. Брокельман указывал на единственно известную ему литературную персидскую параллель из книги «Марзубан-наме», известного подражания книге «Калила и Димна». Книга «Марзубан-наме» написана на диалекте, но в 1220 г. она была переведена на литературный персидский язык. Здесь сюжет содержит и мотив *мир среди зверей*, в контексте которого приглашение петуха лисом представляется еще более обоснованным. Древность и восточное происхождение этого мотива не вызывает сомнений у Брокельмана, который имеет в виду библейскую Книгу Исайя 11,6 и еще более ранние свидетельства, отражающие идею *мира среди зверей* в шумерских надписях царя Гудеа.

Руководствуясь лишь хронологией арабского памятника и персидского (сложившегося в Малой Азии) «Марзубан-наме» — причем исключая изустные связи, могущие опрокинуть литературную последовательность, — было бы соблазнительно (в силу глубокого влияния ислама) сделать заключение о зависимости персидской версии от арабской. Но такой вывод был бы по меньшей мере поспешным порождением ограниченности информации.

Отношения этих текстов усложняются еще и тем, что параллель этого же сюжета хорошо известна в греческой эзопической литературе как басня Halm 225 = Perry Aesopica 252 = Гаспаров 264, где дан следующий перевод: «Собака, лисица и петух.

Собака и петух решили жить в дружбе и вместе пустились в дорогу. К ночи они пришли в рощу. Петух взлетел на дерево и устроился в ветвях, а собака заснула внизу в дупле. Прошла ночь, занялась заря, и петух по своему обычаю громко запел. Услыхала его лисица, и захотелось ей его сожрать; подошла она, стала под деревом и кричит ему: „Славная ты птица и полезная людям! Спустись, пожалуйста, и споем вместе ночную песню. То-то приятно будет нам обоим!“ Но ответил ей петух: „Подойди, милая, поближе да окликни там у корней сторожа, чтобы он постучал по дереву“. Подошла лисица, чтобы окликнуть сторожа, а собака на нее как выскочит; схватила она лисицу и растерзала. Басня показывает, что так и разумные люди, когда им что-нибудь угрожает, без труда умеют отплатить врагам».

Брокельман считает, что именно персидская версия перешла в Грецию, а оттуда сюжет перешел на Запад (в роман о Ренаре). Но откуда попал этот сюжет в современный таджикский фольклор, из восточного или западного источника, книжного или устного, а именно мусульманского арабского или домусульманского греческого? Непосредственно из Малой Азии или Азербайджана, быть может, через манихеев-парфян или согдийцев Средней Азии? Чем обусловлены и в каких мотивах проявляются расхождения литературных (греческой, арабской и персидской) версий между собой, а также отклонения таджикской, современной записи T054 от общего повествовательного типа? Каковы причины стилистического своеобразия этого пересказа, нарушающего традиционные повествовательные приемы (например, вводом «размышлений» петушка)? Какой смысл имеет здесь кажущаяся «реалистическая», бытовая актуализация в обоснование старинного, видимо позабытого рассказчиком (или его источником), сюжета (например, упоминание «собрания»)?

Именно к этой проблематике склоняет сравнение конкретных текстов, и ради решения этих вопросов приходится рассматривать целый ряд басен и сказок о животных в их мировом ареале [Schwarzbaum AaTh, 62].

9.9.2. Решение этих и многочисленных других вопросов, уже возникших в рассказоведении, возможно только на основе тщательного исследования совокупности всех источников, свидетельств письменных и устных, прямых и косвенных, независимо от того, где, когда и на каком языке, как и для какой цели они записаны. Причем исследовать надо каждое произведение, т. е. каждую басню и сказку в отдельности, ибо жизнь, история одного произведения может оказаться отличной от истории другого, еще не изученного, хотя обе сказки могут ныне бытовать в одном месте, быть записаны со слов одного рассказчика и войти в один репертуар.

Из этой задачи вытекает для фольклористов прежде всего необходимость выявления и точного, непредвзятого описания достоверных фактов в их взаимосвязи, взятых в конкретных географо-исторических и социальных условиях.

Перед наукой стоит задача заново организовать источниковую базу, установить в ней методами количественного анализа закономерности и затем диалектически осмыслить их совокупность. Этому и служит настоящий Свод.

БИБЛИОГРАФИЯ

ААн.— Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Пг., 1929.

Аверинцев 1971.— С. С. Аверинцев, Греческая литература и ближневосточная «словесность»,— «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира», М., 1971.

Азизкулов.— Дж. Азизкулов, «Синдбад-наме» Захири Самарканди (Исследование и научно-критический текст). Автореф. канд. дисс., Душанбе, 1974.

Амонов.— Р. Амонов, Очерки эҳодиёти даҳанакӣи Кӯлоб, Душанбе, 1963.

Андреев 1922.— Н. П. Андреев, К методике и технике изучения народной словесности,— «Новое дело», III, Казань, 1922.

Аникин.— В. П. Аникин, Русская народная сказка. Пособие для учителей, М., 1959.

Аникин 1969.— В. П. Аникин, Искусство психологического изображения в сказках о животных,— «Фольклор как искусство слова», М., 1969.

Асрорӣ.— В. Асрорӣ, Адабиёт ва фольклор, Душанбе, 1967.

Ахикар.— Мудрость Хикара и басни Лукмана. Пер. И. П. Кузьмина. Предисл. И. Ю. Крачковского, Пг., 1920.

Бахтина 1972.— В. А. Бахтина, Эстетическая функция сказочной фантастики, Саратов, 1972.

Беленицкий — Маршак.— А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак, Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента,— «История и культура народов Средней Азии в древности и средневековье», М., 1976, стр. 75—89.

Бобров 1909.— В. Бобров, Русские народные сказки о животных, Варшава, 1909.

Болдырев.— А. Н. Болдырев, Персидская литература с VIII по начало XIX в., см.: История.

Брагинский, М., 1956.— И. С. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956.

Брагинский, Сталинабад, 1956.— И. С. Брагинский, Очерки из истории таджикской литературы, Сталинабад, 1956.

Брагинский 1972.— И. С. Брагинский, Из истории персидской и таджикской литератур, М., 1972.

Веселовский 1913.— А. Н. Веселовский, Историческая поэтика [под ред. В. М. Жирмунского], Л., 1940.

Веселовский рец.— А. Веселовский, [рец. на: Колмачевский 1882],— Собр. сочинений, т. XVI, М.— Л., 1938, стр. 327; там же коммент. Н. П. Андреева.

Гаспаров.— М. Гаспаров, Басни Эзопа, М., 1968.

Григорьев.— А. Д. Григорьев, Повесть об Акире Премудром,—«Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», М., 1908—1913.

Гюлумянц.— К. М. Гюлумянц, Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах,—«Труды Самаркандского гос. университета». Новая серия, вып. 217. «Вопросы фразеологии», IV, Самарканд, 1971, стр. 109—119.

Дашкевич.— Н. Дашкевич, Вопрос о происхождении и развитии эпоса о животных по исследованиям последнего тридцатилетия,— «[Киевские] Университетские известия» 44(11), Киев, 1904, стр. 1—52.

Дмитриев 1939.— Н. К. Дмитриев, Турецкие сказки,— Турецкие народные сказки, изд. 2, М., 1967, стр. 21 и сл.

Дурново 1915.— Н. Дурново, К истории повести об Акире, М., 1915.

Жирмунский 1958.— В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, М., 1958.

Жирмунский 1967.— В. М. Жирмунский, К вопросу о международных сказочных сюжетах,— «Историко-филологические исследования. Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада», М., 1967, стр. 283—289.

История.— Краткая история литератур Ирана, Афганистана и Турции, Л., 1971.

Калила и Димна.— Калила и Димна. Пер. с арабск. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. Под ред. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е, М., 1957.

Клингер.— В. Клингер, Животное в античном и современном суеверии, Киев, 1911.

Колмачевский 1882.—Л. Колмачевский, Животный эпос на Западе и у славян, Казань, 1882.

Лисевич 1971.— И. С. Лисевич, Сюжет эзоповской басни на Востоке,— «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира», М., 1971.

Левин 1956.— И. Левин, Русская сказка и немецкая басня,— «Ученые записки Ленинградского Гос. Педагогического института им. А. И. Герцена», т. 210 (Л., 1959), стр. 111—136.

Левин Этана.— И. Левин, Этана. Шумеро-аккадское предание. Источниковедческое исследование (автореф. докт. дисс.), Л., 1967.

Лукман см. Ахикар.

Лурье 1939.— И. М. Лурье, Элементы животного эпоса в древнеегипетских изображениях,—«Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа», I (Л., 1939).

Маъсумӣ.— Н. Маъсумӣ, Фольклори тоҷик, Сталинобод, 1952.

Мелетинский.— Е. М. Мелетинский, Структурно-типологическое изучение сказки,— В. Я. Пропп, Морфология сказки, изд. 2, М., 1969, стр. 134—166.

Негматов 1972.— М. Негматов, Таджикская фольклористика (Опыт количественного анализа библиографии) (рук. канд. дисс. и автореф.), Душанбе, 1972.

Никифоров морф.— А. И. Никифоров, К вопросу о морфологическом изучении сказки,—«Сб. в честь акад. Соболевского»., Л., 1928.

Никифоров 1928.— А. И. Никифоров, Народная детская сказка драматического жанра,—«Сказочная комиссия в 1927 году», Л., 1928.

Никифоров карт.— А. И. Никифоров, К вопросу о картографировании сказки,—«Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ», Л., 1927, стр. 60—70.

Никифоров.— А. И. Никифоров, Сказка, ее бытование и носители,— Русские народные сказки. Предисл. С. Ф. Ольденбурга, вступ. статья А. И. Никифорова, сост. О. И. Капица, М.— Л., 1930.

От Ахикара до Джано.— Н. В. Пигулевская, [предисловие к кн.:] От Ахикара до Джано. Сб. переводов сирийской народной литературы, М.—Л., 1960.

Панчатантра.— Панчатантра. Перевод с санскрита. Статья В. В. Иванова, М., 1958.

Пермяков 1970.— Г. Л. Пермяков, От поговорки до сказки, М., 1970.

Пермяков 1972.— Г. Л. Пермяков, Проделки хитрецов, М., 1972.

Потебня.— А. А. Потебня, Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Изд. 3-е, Харьков, 1930.

Пропп 1928.— В. Я. Пропп, Морфология сказки, Л., 1928.
Пропп 1964.— В. Я. Пропп, Принципы классификации фольклорных жанров,— «Советская этнография», 1964, № 4, стр. 147—154.
Рошияну.— Н. Рошияну, Традиционные формулы сказки (автореф.), М., 1967.
Сакали. М. А. Сакали, Туркменский сказочный эпос, Ашхабад, 1956.
Синдбад.— Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди, Синдбад-наме. Пер. М.-Н. Османова, М., 1960.
Соколов.— С. Н. Соколов, Литература древнего Ирана, см.: История.
«Стефанит и Ихнилат».— Стефанит и Ихнилат. Изд. подготовили О. П. Лихачева и Я. С. Лурье, Л., 1969 (комментарий Лурье, стр. 221—244).
Сумцов.— Н. Ф. Сумцов, Тур в народной словесности,—«Киевская старина», 1887, 1; его же, Мышь в народной словесности,—«Этнографическое обозрение», 1891, № 1; его же, Заяц в народной словесности,—«Этнографическое обозрение», 1891, № 3.
Сухаревы.— И. А. и О. А. Сухаревы, Восемь вариантов таджикской версии сказки «Коза и семеро козлят»,— И. А. и О. А. Сухаревы, Материалы по таджикскому фольклору, Самарканд, 1934.
Тилавов.— Б. Тилавов, Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок, Душанбе, 1967.
Толстой.— И. И. Толстой, К содержанию античных терминов «ареталог» и «ареталогия»,— И. И. Толстой, Статьи о фольклоре [отв. ред. В. Я. Пропп], М.— Л., 1966, стр. 175—181.
Тудоровская.— Е. А. Тудоровская, Сказки о животных,— «Русское народно-поэтическое творчество», т. II, кн. 1, М.— Л., 1955.
Чистов 1964.— К. В. Чистов, К вопросу о классификации жанров народной прозы (доклад на VII Междунар. конгрессе антрополог. и этнограф. наук), М., 1964.
Чистов 1967.— К. В. Чистов, Проблема категорий устной народной прозы несказочного характера,— «Fabula», 9 (1967), стр. 13—26.
Шеппинг.— Д. О. Шеппинг, Обозрение звериного эпоса Западной Европы,—«Филологические записки», 1868, 1.
Шукасаптати.— Шукасаптати, пер. с санскрита М. А. Ширяева, М., 1960.
Явич 1969.— М. М. Явич, Таджикские сказки о животных (Опыт количественного анализа) (автореф. и рук. канд. дисс.), Душанбе, 1969.

Aarne 1913.— A. Aarne, Leitfaden der vergleichenden Märchenforschung, Helsinki, 1913 (=FFC 13).
AaTh.— The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC № 3). Translated and Enlarged by Stith Thompson. Second Revision, Helsinki, 1961 (=FFC 184).
AJSL.—«American Journal of Semitic Languages and Literature».
Akidil 1968.— İnci Akidil, Formelhafte Wendungen in deutschen und türkischen Volksmärchen (Diss.), Marburg, 1968.
Amend 1954.— Annelise Amend, Deutsche volkstümliche Tiermärchen und ihre Zyklenbildungen(Diss.), Marburg, 1954.
Andersen 1939.— Erna Andersen, Die Eingänge in deutschen Märchen (Diss)., Frankfurt, 1939.
Anderson 1935.— W. Anderson, Zu Albert Wesselskis Angriffen auf die finnische folkloristische Forschungsmethode, Tartu, 1935 (=Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis [Dorpatensis], B 38, 3).
Anderson HDM.— W. Anderson, Geographisch-historische Methode,— HDM, s. v.
Anderson FFC 141.— W. Anderson. Ein volkskundliches Experiment, Helsinki, 1951 (=FFC 141).
Anderson FFC 168.— W. Anderson, Eine neue Arbeit zur experimentellen Volkskunde, Helsinki, 1956 (=FFC 168).
Anderson HessBll.— W. Anderson, Eine neue Monographie über Amor und Psyche,—«Hessische Blätter für Volkskunde», 46 (1955), 118—130; 47 (1956), 111 f.
Asmussen.— J. P. Asmussen. Der Manichäismus als Vermittler literarischen Gutes,—«Temenos», 2 (Helsinki, 1966), 5—21.
Asmussen 1968.— J. P. Asmussen, Ein iranisches Wort, ein iranischer Spruch und eine iranische Märchenformel als Grundlage historischer Folgerungen,—«Temenos», 3 (Helsinki, 1968), 7—18.
Asmussen, Studies.—J. P. Asmussen, A Judeo-Persian Presedence-Dispute poem,—«Studies in Judeo-Persian Literature», Leiden, 1973, 32—59.
Astour 1965.— M. C. Astour, Hellenosemitica, Leiden, 1965.
Badstüber.— H. Badstüber, Die deutsche Fabel von ihren ersten Anfängen bis auf die Gegenwart, Wien, 1924.
Bang.— W. Bang, Manichaeische Erzähler,—«Muséon», XLIV (1931), 1—36.
Bartlett 1920.— F. C. Bartlett, Some experiments of the reproduction of folk-stories,—«Folk-Lore», 31 (1920), 36—47.
Bastian.— A. Bastian, Der Mensch in der Geschichte, I—III, (1860).
Bausinger.— H. Bausinger, Formen der «Volkspoesie», Berlin, 1968.
Bédier.— J. Bédier, Les fabliaux, Paris, 1893.
Benfey.— Th. Benfey, Pantschatantra, I—II, Leipzig, 1859.
Benfey 1864.— Th. Benfey, Orient und Occident in ihren gegenseitigen Beziehungen, Göttingen, 1862—1864.
Berendsohn 1921.— W. A. Berendsohn, Grundformen volkstümlicher Erzählkunst in den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Hamburg, 1921.
Berendsohn 1922.— W. Berendsohn, Formen volkstümlicher Erzählkunst, 1922.
Berendsohn 1934.— W. Berendsohn, Einfache Formen,— HDM, s. v.
Berendsohn HDM.— W. Berendsohn, Epische Gesetze der Volksdichtung,— HDM, s. v.
Bødker FFC 170.— L. Bødker, Indian Animal tales, Helsinki, 1957.
Bodmer.— Ludwig Meyer von Kronau, Ein halbes Hundert deutscher Fabeln, 1744; J. J. Bodmer, Kritische Briefe 1746, № 9—10, 146—189.
Boggs 1930.— R. S. Boggs, A comparative survey of the Folktales of ten peoples, Helsinki, 1930 (=FFC 93).
Boggs FFC 111.— R. S. Boggs, The Halfchick Tale in Spain and France, Helsinki, 1933 (=FFC 111).
Boor RL — H. De Boor, Formel,— RL, Bd I, 367—370.
Boor 1966,— H. De Boor, Über Fabel und Bîspel, München, 1966.
BP=Bolte-Polívka.— Anmerkungen zu den Kinder- und

Hausmärchen der Brüder Grimm. Neu bearbeitet von Johannes Bolte und Georg Polívka, Bd I—V, Leipzig, 1913—1937.

Boratav 1963.— Pertev Naili Boratav, Le 'Tekerleme',—«Cahiers de la Société Asiatique», XVII, Paris, 1963.

Boratav 1966.— P. N. Boratav, Türkische Volksmärchen, Berlin, 1966.

Briegel-Florig.— W. Briegel-Florig, Geschichte der Fabelforschung in Deutschland, Freiburg/Br., 1965.

Brockelmann.— C. Brockelmann, Fabeln und Tiermärchen in der ältern arabischen Literatur,— «Islamica», vol. II, Leipzig, 1926, 96 ff.

Broich 1967.— U. Broich, Batrachomyomachia etc.,—«Lebende Antike», Festschrift R. Sühnel (Berlin, 1967), 250—257.

Brunner-Traut 1954.— E. Brunner-Traut. Der Katzenmäusekrieg im Alten und Neuen Orient,— ZDMG, N. F., Bd 29 (1954), 347 ff.

Brunner-Traut 1955.— E. Brunner-Traut, Ägyptische Tiermärchen,— ZÄS, 80 (1955), 12 ff.

Brunner-Traut 1959.— E. Brunner-Traut, Ägyptische Tiergeschichte und Fabel. Gestalt und Strahlkraft,—«Saeculum», X, (1959), 124—185; 2. durchgesehene Auflage, Darmstadt, 1968.

Brunner-Traut MdW.— E. Brunner-Traut, Altägyptische Märchen, [Düsseldorf], 1963 (MdW).

Brunner-Traut 1965.— E. Brunner-Traut, Tiergeschichten in Bildern aus dem alten Ägypten,— «ΔΙΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 58 ff.

Bühler.— E. L. Bühler, Über Tiere und Tierdichtung,—«Die Besinnung», 4, 1930, 97 ff.

Chauvin.— V. Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes I—XII, Liège, 1892—1922.

Chavannes.— E. Chavannes, 500 contes et apologues extraits du Tripitaka chinois, 1—3, Paris, 1910—1911.

Chertudi 1965.— S. Chertudi, Contes d'Animaux en Argentine,— «ΔΙΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 72 ff.

Christensen MdW.— A. Christensen, Persische Märchen, Köln, 1958 (MdW).

Conybeare.— F. C. Conybeare etc., The story of Ahikar, 1913.

Cosquin 1891.— E. Cosquin, Quelques observations sur les incidents communs aus contes européens et aux contes orientaux, Paris, 1891.

Cosquin 1922.— E. Cosquin, Les contes indiens et l'Occident, Paris, 1922.

Cosquin.—E. Cosquin, Études folkloriques, Paris, 1922.

Cosquin, Mongols.— E. Cosquin, Les Mongols et leur pretendu rôle dans la transmission des contes indiens ver l'Occident européen, Paris, 1922.

Cox 1870.— G. W. Cox, The mythology of the Aryan nations 1—2, (1870), 1, 99 f.

Cowley.— A. Cowley, Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C., Oxford, 1923.

Crusius 1890.— O. Crusius, Märchenreminiscenzen im antiken Sprichwort,— «Verhandlungen der Philologenversammlung in Görlitz», 1890, 31—47.

Grusius 1922.— O. Crusius, Fragmente aus der Geschichte der Fabel,— C. H. Kleukens, Buch der Fabeln, Leipzig, 1922.

Curtius.— E. R. Curtius, Prologe und Epiloge, «Zeitschrift für romanische Philologie», 63 (1943), 245—255.

Dähnhardt.— O. Dähnhardt, Natursagen, I—IV, Leipzig, 1907—1912.

Dégh.— L. Dégh, Märchenerzähler und Erzählgemeinschaft, Berlin, 1962.

Diels.— H. Diels, Altorientalische Fabeln in griechischem Gewande,—«Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 4 (1910) 993—1002.

v. Dijk.— J. J. A. van Dijk, La sagesse suméroaccadienne, Leyden, 1953, 29 ff.

Dithmar.— Fabeln, Parabeln und Gleichnisse herausgegeben von Reinhard Dithmar, München, 1970 (Einleitung, 11—30).

Doderer.— K. Doderer, Fabeln, Zürich, 1970.

Dröscher 1962.— Vitus B. Dröscher, Klug wie die Schlangen, Hamburg, 1962.

Ebeling 1927.— E. Ebeling, Die babylonische Fabel. Ihre Bedeutung für die Literaturgeschichte,— «Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft», II, 3 (1927).

Ebeling RLA 1957.— E. Ebeling, Fabel,— RLA, III (1957), 1.

Eberhard/Boratav 1947.— W. Eberhard, P. N. Boratav, Sechzig türkische Tiermärchen,—«Annales de l'université d'Ankara», 1947, 253 ff.

EbBo.— W. Eberhard und P. N. Boratav, Typen türkischer Volksmärchen, Wiesbaden, 1953.

Eberhard 1971.— W. Eberhard, Chines Fables & Parables. A Catalogus, Taiwan, 1971, I—XV.

Edler.— O. Edler, Darstellunge und Kritik der Ansicht Lessings über das Wesen der Fabel, 1890.

Eich.— H. Eich, Über das Seelenleben der Tiere,— «Österreichische Rundschau», 26 (1911), 305—309.

Eissfeldt 1913.— O. Eissfeldt, Der Maschal im Alten Testament, Leipzig, 1913.

Eissfeldt.— O. Eissfeldt, Einleitung in das Alte Testament, 1956 ², 40.

Ethé.— H. Ethé. Über persische Tenzonen,—«Verhandlungen des 5. internationalen Orientalisten-Congresses». Teil II, 1. Hälfte, Berlin, 1882.

Etzel 1907.— Th. Etzel, Fabeln und Parabeln der Weltliteratur, gesammelt und mit literar-historischen Einführungen, 1907.

FFC.— Folklore Fellows Communications, Helsinki.

Fischer.— A. Fischer, Lessings Fabelabhandlungen. Kritische Darstellung, 1892.

Fiske 1913.— Christabel Fiske, Animals in Early English Ecclesiastical Literature 650—1500,— PMLA, 28 (1913), 368 ff.

Fohrer,— G. Fohrer, Fabel im AT und NT,— «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», II (Tübingen, 1958), 853 f.

Franzow.— G. Franzow,— ZÄS, 66 (1941), 46 ff.

Frazer.— J. Frazer, The Golden Bough, London, 1907—1915.

Frenzel.— E. Frenzel, Stoff-, Motiv- und Symbolforschung, Stuttgart, 1963.

Fubini.— M. Fubini, Critica e poesia, Bari, 1966 (=Entstehung und Geschichte der literarischen Gattungen, übersetzt und mit einem Nachwort versehen von Ursula Vogt, Tübingen, 1971).

Geissler 1954.— Friedemar Geissler, Das Pañcatantra, ein altindisches «Fabelbuch»,— «Wissenschaftliche Annalen», 3. Jg., Berlin, 1954, 657—668.

Geissler 1960.— Fr. Geissler, Beispiele der alten Weisen, Berlin, 1960.

Geissler 1965.— Fr. Geissler, Das «Pañcatantra» und seine mitteleuropäischen Fassungen,— «ΔΙΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 117 ff.

Gellert.— Chr. F. Gellert, Fabeln und Erzählungen. Schriften zur Theorie und Geschichte der Fabel, 1966.

Gerber.— A. Gerber, Great Russian Animal Tales, Baltimore, 1891 (= PMLA VI).
Giese.— W. Giese, Einleitungs- und Schlussformeln istrorumänischer Märchen,—«Zeitschrift für romanische Philologie», Halle, 1930.
Ginzberg ANET.— H. L. Ginzberg,— Prichard, Ancient Near Eastern Textes Relating to the Old Testament, 2d edition, Princeton, 1955, 429 (Ahikar).
Glupe.— A. Glupe, Die theoretische Biologie von der Tierdichtung aus gesehen.— «Freie Welt», 17 (1936), 118 ff.
Göğceli.— Y. K. Göğceli, Tekerlemeler nerede, nasıl ve ne zaman söylenir, —TFA (İstanbul), 1952, 497—498.
Gökşen 1960.— Enver Naci Gökşen, Folklor ve Masal,— TFA (İstanbul), 1960, 2058—2060.
Goldemann.— E. Goldemann, Das Schicksal des Tieres in der Literatur,—«Die Literatur», 37 (1935), 198 ff.
Gordon 1954.— E. L. Gordon, Biblical Parallels from Sumerian Literature, Philadelphia, 1954.
Gordon JAOS.— E. L. Gordon, The Sumerian Proverb Collections: A Preliminary Report,—«Journal of the American Oriental Society», 74 (1954), 82—85.
Gordon SP.— E. L. Gordon, Sumerian Proverbs, Philadelphia, 1960.
Gordon 1960.— E. L. Gordon, A new Look at the Wisdom of Sumer and Akkad,—«Bibliotheca Orientalis», 17 (1960), 121.
Gottsched.— J. Chr. Gottsched, Versuch einer critischen Dichtkunst, 1962 (Neudruck).
Gottwald.— Heinrich Gottwald, Lessings Fabel als Kunstwerk (Diss.), Bonn, 1949.
Graf FFC 38.— A. Graf, Die Grundlagen des Reineke Fuchs, Helsinki, 1920 (=FFC 38).
Gressmann 1921.— H. Gressmann, Die älteste Geschichtsschreibung und Prophetie Israels,— «Schriften des Alten Testament», II Ab., I Bd, 2. Auflage, 1921.
Gressmann 1925.— H. Gressmann, Israels Spruchweisheit im Zusammenhang der Weltliteratur, 1925.
Greverus.— J.-M. Greverus, Thema, Typus und Motiv. Zur Determination in der Erzählforschung,— «ΛΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 130—139.
Grimm 1834.— J. Grimm, Reinhart Fuchs, Berlin, 1834.
Grimm KHM.— Kinder und Haus-Märchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm, Bd 1—2, Berlin, 1812—1815.
Gubernatis.— A. de Gubernatis, Zoological mythology, London, 1872.
Gunkel 1921.— H. Gunkel, Das Märchen im Alten Testament, 1921.
Gunkel 1925.— H. Gunkel, Die israelitische Literatur,— Kultur der Gegenwart, I, 7: Orientalische Literaturen, Leipzig, 1925 (Neudruck: Stuttgart, 1963), 35—112.
Haas 1970.— A. M. Haas, Georg Rollenhagens Froschmeusler,— Schwab, 1970, 175.
Haavio.— M. Haavio, Kettenmärchenstudien, Helsinki, 1932 (= FFC 88).
Hahn 1864.— J. G. von Hahn, Griechische und albanesische Märchen I—II, Leipzig, 1864.
Hahn 1876.— J. G. von Hahn, Sagwissenschaftliche Studien, 1876, 51—55.
Halm.— K. von Halm, Aisōpeion Mythōn Synagōgē, Lipsiae, 1852.
Harkort 1968.— Fritz Harkort, Tiervolkserzählungen,— «Fabula», 9 (1968), 87—99.
Harkort 1970.— Fritz Harkort, Tiergeschichten in der Volksüberlieferung,— Schwab, 1970, 12—54.
Harkort 1972.— Fritz Harkort. Volkserzählungsgattungen und -formen, 1. Teil. Ms. Diss. (Göttingen, 1972),—«Ranke», 1972.
Hausrath RE.— A. Hausrath, Fabel,—«Realencyklopädie des classischen Altertumswissenschaft», XII (Stuttgart, 1909), 1704 ff; XIX (1938).
Hausrath 1898.— A. Hausrath. Das Problem der aesopischen Fabel,— Neue Jahrbücher fur das klassische Altertum, I (1898).
Hausrath 1918.— A. Hausrath, Achiqar und Aesop, 1918.
Hayn/Gotendorf 1913.— H. Hayn und A. N. Gotendorf, Floh-Literatur (de pulicibus) des In- und Auslandes vom XVI. Jahrhundert bis zur Neuzeit (1913).
HDM.— Handwörterbuch des deutschen Märchens, Berlin, 1931—1938.
Hegel.— G. W. Fr. Hegel, Vorlesungen über die Ästhetik, Bd I (1927), II, Kap. 3.
Heissig.— W. Heissig, Mongolische Märchen, Köln, 1963 (MdW).
Henning.— W. B. Henning, Sogdian Tales,— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», XI (1945), 465—487.
Herder.— J. G. Herder, Sämmtliche Werke (Aesop und Lessing) hg. B. Suphan, Bd 1 (1887), 426; Bd 2 (1887), 188; Bd 15 (1888), 523; Bd 23 (1885), 252.
Hertel.— J. Hertel, Das Pancatantra, seine Geschichte und seine Verbreitung, Jena, 1914.
Hertzberg.— G. W. Hertzberg, Über den Begriff der Fabel und ihre historische Entwicklung bei den Griechen, Halle, 1846.
Hervieux.— L. Hervieux, Les fabulistes latins, Paris, 1884 ff.
Hochfeld.— Hochfeld, Beiträge zur syrischen Fabelliteratur, Halle, 1893.
Hoffmann.— H. Hoffmann, Märchen aus Tibet, Köln, 1965 (MdW).
Hofmiller.— J. Hofmiller, Das Tier in der Dichtung.—«Süddeutsche Monatshefte», 25 (1927/1928), 895.
Horálek.— K. Horálek, Der weise Achikar und verwandte Erzählungen bei den Slaven,—«Folklorica Pragensia», 1, Praha, 1969, 75—123.
Hüsing 1906.— G. Hüsing, Die iranische Überlieferung und das arische System, 1909.
Ingendahl.— W. Ingendahl, Der metaphorische Prozess, Düsseldorf, 1971.
Jahn.— S. A. Jahn, Arabische Volksmärchen, Berlin, 1970.
JAOS.—«Journal of the American Oriental Society».
Jauss.— H. R. Jauss, Untersuchungen zur mittelalterlichen Tierdichtung, Tübingen, 1959.
Johnston.— Chr. Johnston, Beast Fables,— AJSL, 28 (1912).
Jolles.— A. Jolles, Einfache Formen, Halle, 1929; 1956 [2].
Jung/Kerényi 1941.— C. G. Jung und K. Kerényi, Einführung in das Wesen der Mythologie, Bern, 1941.
Kahlo.— G. Kahlo, Die Verse in den Sagen und Märchen (Diss.), Leipzig, 1919.
Kayser 1931.— W. Kayser, Die Grundlagen der deutschen Fabeldichtung des 16. und 18. Jhs.,— «Archiv für das Studium der neueren Sprachen», 160 (Braunschweig, 1931).
Kayser 1971.— W. Kayser, Das sprachliche Kunstwerk, Bern, 1971 (15. Aufl.).
Keller 1862.— O. Keller, Untersuchungen über die Geschichte der griechischen Fabel,—«Fleckeisens

Jahrbücher für classische Philologie», 4. Suppl. Bd, Leipzig, 1862.
Keller.— O. Keller, Die antike Tierwelt, Bd 1—2, Leipzig, 1909—1913.
Kerényi см. Jung.
Koch 1964.— K. Koch, Was ist Formgeschichte?, Neukirchen, 1964.
Klatt 1919.— G. Klatt, Der Vers im Märchen,— «Das literarische Echo», 21 (Berlin 1919), 1523—1529.
Köhler.— R. Köhler, Kleinere Schriften, 1: Zur Märchenkunde (1898); Aufsätze über Märchen und Volkslieder (1894), Weimar — Berlin.
König 1907.— Ed. König, Die Zahl vierzig und Verwandtes,— ZDMG, Bd 61 (1907).
Kovács.— A. Kovács, Magyar Allatmesék Tipusmutatoja, Budapest, 1958.
Kovács 1972.— Kovács Agnes, Fremdsprachige Stereotypen, Spruch- und Gesangeinlagen in Prosatexten der Volksdichtung in der Muttersprache,— «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», Tomus 21 (1—2), 109—125 (Budapest, 1972).
Kramer.— S. N. Kramer, Sumerian Wisdom Literature,—«Bulletin of American School of Oriental Researches», 122 (1951).
Kramer.— S. N. Kramer, From the Tablets of Sumer, Indian Hills, Colorado, 1956.
Krappe 1930.— A. H. Krappe, The science of folklore, London, 1930.
Krohn 1888.— K. Krohn, Bär (Wolf) und Fuchs, Helsingfors, 1888.
Krohn 1891.— K. Krohn, Mann und Fuchs, Helsingfors, 1891.
Krohn 1926.— K. Krohn, Die folkloristische Arbeitsmethode, Oslo, 1926.
Lambert 1960.— W. G. Lambert, Babylonian Wisdom Literature, Oxford, 1960.
Lämmert.— E. Lämmert, Bauformen des Erzählens, Stuttgart, 1955, 1972.
Lang.— A. Lang, Custom and myth, London, 1885.
Langdon.— S. Langdon, Babylonian Wisdom, London, 1923.
Laubscher. — A. Laubscher, Betrachtungen zur Inhaltsanalyse von Erzählgut,— «Paideuma» 14 (1968), 170—194.
Lehmann.— W. R. Lehmann, Fabel und Parabel als literarisches Bildungsgut,—«Studien zur Jugendliteratur und literarischen Bildung» hrsg. von Klaus Doderer, München, 1961, 26—37.
Leibfried.— E. Leibfried, Fabel, Stuttgart, 1967.
Lessing ed. Lachmann.— G. E. Lessing, Sämmtliche Schriften hrsg. von K. Lachmann, Bd 7 (1891), 413—419.
Lessing ed. Stemlinger.— G. E. Lessing, Schriften zur Geschichte der Fabel, hrsg. von Ed. Stemlinger, Bd 15 (1926), 278.
Lessing. — G. E. Lessing, Fabeln, Abhandlungen über die Fabel, Stuttgart, 1967.
Lévêque 1880.— E. Lévêque, Les mythes et les légendes de l'Inde et la Perse, Paris, 1880.
Levin 1959.— Isidor Levin, Lettische Tiermärchen,— «Fabula», 3 (1959), 182 ff.
Levin Grimm.— Isidor Levin, Das russisch Grimmbild,—«Brüder Grimm Gedenken», 1963 (Marburg, 1963), 375—403.
Levin WA.— Isidor Levin, Walter Anderson,— «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», Bd 9, Berlin, 1963, 293—311.
Levin Etana.— Isidor Levin, Die keilschriftlichen Belege einer Erzählung. Zur Frühgeschichte von AaTh 537 (=AaTh 222 * B + 313 B). Eine textkritische Erörterung,—«Fabula», 8 (1966), 1—63.
Levin 1968.— Isidor Levin, Erzählforschung im Pamirgebiet,— «Volksüberlieferung», Festschrift für Kurt Ranke (Göttingen, 1968), 159—163.
Levin 1969.— Isidor Levin, Tiermärchen im Tadschikischen,— «Kontakte und Grenzen», Festschrift G. Heilfurth (Göttingen, 1969), 93—113.
Levy 1959.— The Tales of Marzuban. Translated from the Persian by R. Levy, Bloomington, 1959.
Leyen 1924.— Fr. von der Leyen, Zum Problem der Form beim Märchen,— Festschrift Wölfflin, 1924, 41—46.
Leyen 1953.— Fr. von der Leyen, Die Welt der Märchen, Bd 1, Düsseldorf, 1953.
Leyen/Schier.— Fr. von der Leyen, Das Märchen, Heidelberg, 1958.
Leyhausen см. Lorenz/Leyhausen, Meisser.
Lipps/Volkelt см. Meisser.
Liungman.— W. Liungman, Die schwedischen Volksmärchen, Berlin, 1961.
Lorenz.— K. Lorenz, Über tierisches und menschliches Verhalten, 2 Bde, München, 1965—1966.
Lorenz/Leyhausen 1968.— Konrad Lorenz und Paul Leyhausen, Antriebe tierischen und menschlichen Verhaltens,— «Gesammelte Abhandlungen», München, 1968.
Loukatos.— Démétrios Loukatos, Le proverbe dans le conte,— «ΛΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 229 f.
Löwis of Menar.— A. Löwis of Menar, Der Held im deutschen und russischen Märchen, Jena, 1912.
Lüders.— E. & E. Lüders, Buddhistische Märchen, Köln, 1961 (MdW).
Luther.— Martin Luthers Fabeln. Neu hrsg. von W. Steinberg, Halle/S, 1961.
Lüthi.— Max Lüthi, Märchen, Stuttgart, 1962.
Lützeler.— H. Lützeler, Philosophie des Kölner Humors, Honnef, 1954.
Mackensen HDM.— Lutz Mackensen, Fabel,— HDM, s. v.
Mader 1951.— Ludwig Mader, Antike Fabeln, Zürich, 1951.
Mader 1965.— Der unzufriedene Esel. Fabeln der Antike. Eingeleitet und übertragen von Ludwig Mader, München, 1965 (Einleitung, 5—33).
Maletzke.— G. Maletzke, Psychologie der Massenkommunikation, Hamburg (1963).
Marchiano.— M. Marchiano, L'origine della favole greca e i suoi rapporti con le favole orientali, Trani, 1900.
Markschies 1954.— H. L. Markschies, Lessing und die äsopische Fabel.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig». Sprachwissenschaftliche Reihe, IV (Leipzig, 1954), 129 ff.
Markschies RL 1958.— H. L. Markschies, Fabel,— «Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte», begründet von P. Merker und W. Stammler, Zweite Auflage, hrsg. W. Kohlschmidt und W. Mohr, 1. Bd (Berlin, 1958), 433—441.
Masing.— Uku Masing. De hermeneutica,— «Communio Viatorum» (Praha), 1973.
Massé.— H. Massé, Du genre littéraire «Debat» en arabe et en persan,— «Cahiers de civilisation Médiévale», IV—VI, 1961.
MdW.— Märchen der Weltliteratur, Jena—Köln.
Medne.— A. Medne, Latviešu dzīvnieku pasakas, Rīgā, 1940.
Meisser.— U. M. Meisser, Tiersprichwörter und

Verhaltensforschung,— «Studium Generale», 22 (1969), 861—889.
Meissner.— B. Meissner, Die babylonisch-assyrische Literatur, Potsdam, 1927.
Metzker 1955.— Otto Metzker, Die Gestalt des Tieres in der Literatur etc., Reutlingen, 1955.
Meuli 1954.— K. Meuli, Herkunft und Wesen der Fabel,— «Schweizerisches Archiv für Volkskunde», Bd 50 (Basel, 1954), 65—87.
Meuli FS.— K. Meuli, Ein altpersischer Kriegsbrauch,— «Westöstliche Abhandlungen» Rudolf Tschudi zum 70. Geburtstag überreicht, 1954, 85 ff.
Meyer 1912.— Ed. Meyer, Der Papyrusfund von Elephantine, 1912.
Meyer 1969.— Maurits de Meyer, Iconographie des contes d'animaux indiens,— «Fabula», 10 (1969), 132—141.
Mode.— H. Mode & A. Ray, Bengalische Märchen, Leipzig, 1972.
Moser.— Dietz-Rüdiger Moser, Märchensingverse in mündlicher Überlieferung,— «Jahrbuch für Volksliedforschung», 13 (1968), 85—122.
Müller 1870.— Max Müller, The migration of fables, London, 1870.
Müller 1955.— Günther Müller, Zeiterlebnis und Zeitgerüst in der Dichtung,— «Studium Generale», 1955.
Müller 1968.— Günther Müller, Morphologische Poetik. Gesammelte Aufsätze, Darmstadt, 1968.
Nöldeke 1879.— Th. Nöldeke, Die Erzählung von Mäusekönig und seinen Ministern,— «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften Göttingen», 25, 3 (1879), 5 ff.
Nöldeke 1912.— Th. Nöldeke, Burzōes Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna,— «Schriften der wissenschaftlichen Gesellschaft in Strassburg», 12 (1912), 1 ff.
Nowak.— U. Nowak, Beiträge zur Typologie des arabischen Volksmärchens, Freiburg/Br., 1969.
Olrik.— Axel Olrik, Epische Gesetze der Volksdichtung.— «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur», (Berlin, 1909), 1—12.
Oppel.— H. Oppel, Morphologie der Literaturwissenschaft, 1947.
Østrup.— J. Østrup, Det arabiske 'Der var en gang',— «Festschrift Frants Buhl», 1925.
Ott.— K.-A. Ott, Lessing und La Fontaine,— «Germanisch-romanische Monatsschrift», N. F., Bd IX (Heidelberg, 1959).
Panzer.— Fr. Panzer, Märchen,— «Deutsche Volkskunde», hrsg. von J. Meier, Leipzig, 1926.
Perkal 1959.— J. R. Perkal, A «Clock» Tale and its Related Motif-Complex,— «Fabula», 3 (1959), 254—269.
Perkal 1961.— J. R. Perkal, An Unusual Cumulative Tale and its Related Motif-Complex,— «Fabula», 5 (1961), 228—245.
Perkal 1965.— J. R. Perkal, The Dual Nature of Cumulative Tales, — «ΔΙΑΟΓΡΑΦΙΑ», XXII, Athens, 1965, 338—342.
Perry 1936.— B. E. Perry, Studies in the Text History of the Life and Fables of Aesop, 1936.
Perry 1940.— B. E. Perry, The Origin of the Epimythium,— TAPhA, 71 (1940), 399 f.
Perry Aesopica (=Ae).— B. E. Perry, Aesopica, vol. I, Urbana, 1952.
Perry.— B. E. Perry, The Fable,— «Studium Generale», 12 (1959).
Perry «Fabula».— B. E. Perry, The Origin of the Book of Sindbad,— «Fabula», 3 (1959).
Petsch 1900.— R. Petsch, Formelhafte Schlüsse in Volksmärchen, Berlin, 1900.
Petsch 1929.— R. Petsch, Motiv, Formel und Stoff,— «Zeitschrift für deutsche Philologie», Bd 54 (Stuttgart, 1929), 378—394.
Petsch 1931.— R. Petsch, Der epische Dialog,— «Euphorion», XXXII (1931), 187 ff.
Petsch 1937.— R. Petsch, Wesen und innere Form des Volksmärchens,— «Niederdeutsche Zeitschrift für Volkskunde», Jg. 15 (Bremen, 1937), 1—25.
Petsch.— R. Petsch, Wesen und Formen der Erzählkunst, Halle/S, 1934, 1942.
Pfeiffer 1950,— R. H. Pfeiffer,— Prichard, Ancient Near Eastern Texts, Princeton, 1950.
PMLA.— Publications of the Modern Languages Association of America.
Pongs.— H. Pongs, Das Bild in der Dichtung, Bd I. Versuch einer Morphologie der metaphorischen Formen, Marburg, 1927, 1960.
Pop.— M. Pop. Die Funktion der Anfangs- und Schlussformeln im rumänischen Märchen,— «Volksüberlieferung», Festschrift K. Ranke (Göttingen, 1968), 321—326.
Porke.— A. Porke. Die indischen Märchen und ihre Bedeutung für die Märchenforschung, 1911.
Prym/Socin 1891.— E. Prym und A. Socin, Syrische Sagen und Märchen, Göttingen, 1891.
Quinnam 1966.— Barbara Quinnam, Fables from incunabula o modern picture books. A selective bibliography, Washington, 1966.
Raible.— W. Raible, Textlinguistische Überlegungen zu Neutestamentlichen Texten,— «Linguistische Theologie», hrsg. von U. Gerber und E. Güttgemanns, Bonn, 1972, 18 ff.
Rammelmeyer.— H. Rammelmeyer, Studien zur Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert, Leipzig, 1935.
Randall см. Tillich
Ranke 1958.— Kurt Ranke, Betrachtungen zum Wesen und zur Funktion des Märchens,— «Studium Generale», 11, 1958, 647—664.
Ranke 1967.— Kurt Ranke, Kategorienprobleme der Volksprosa,— «Fabula», 9 (1967).
Ranke 1972.— Kurt Ranke, Fritz Harkort (1927—1972),— «Fabula», 13 (1972), 182 f.
Rescher.— O. Rescher, Einiges über die Zahl «Vierzig»,— ZDMG, 65 (1911); O. Rescher, Einige nachträgliche Bemerkungen zur Zahl 40 im Arabischen, Türkischen und Persischen,— «Der Islam», IV, Strassburg, 1913.
RL.— «Reallexicon der deutschen Literaturgeschichte» hrsg. Merker-Stammler, 4 Bde, 1955.
RLA.— Reallexicon der Assyriologie.
Rohde 1875.— E. Rohde, Über griechische Novellendichtung und ihren Zusammenhang mit dem Orient,— «Verhandlungen der 30. Philologischen Versammlung Rostock», 1875.
Röhrich 1956.— L. Röhrich, Märchen und Wirklichkeit, Wiesbaden, 1956.
Röhrich RGG.— L. Röhrich, Fabel,— «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd 2 (Tübingen, 1958).
Röhrich 1960.— L. Röhrich, Sprichwörtliche Redensarten aus Volkserzählungen,— «Beiträge zur deutschen Philologie/ Volk-Sprache-Dichtung (Giessen, 1960), 247—275.
Röhrich 1973.— L. Röhrich, Lexicon der Sprichwörtlichen Redensarten, Bd 1, Freiburg, 1973.
Romain HDM.— Romain, Formsinn,— HDM, s. v.
Rooth.— A. B. Rooth, Domestic Animals and

Wild Animals as Symbols and Referents in the Proverbs,— «Proverbium», 11 (Helsinki, 1968).
Roscher 1909.— W. H. Roscher. Die Zahl 40 im Glauben, Brauch und Schrifttum der Semiten,— «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der Königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd 27 (Leipzig, 1909).
Ross GRM.— W. Ross, Die «Ecbasis Captivi» und die Anfänge der mittelalterlichen Tierdichtung,— «Germ.- Romanische Monatsschrift», Bd 35 (1954), 266 ff.
Rottauscher 1955.— A. Rottauscher, Altchinesische Tiergeschichten, Wien, 1955.
Ruben 1959.— W. Ruben, Das Pancatantra und seine Morallehre, Berlin, 1959.
Rypka 1959.— J. Rypka, Iranische Literaturgeschichte, Leipzig, 1959.
Rypka 1963.— J. Rypka, Dějiny perské a tádžické literatury, Praha, 1963 [2].
Sayce.— Olive Sayce, Prolog, Epilog und das Problem des Erzählers,— «Probleme mittelhochdeutscher Erzählformen/Marburger Colloquium», hrsg. P. F. Ganz und W. Schröder (Berlin, 1970), 63—72.
Schaeffer 1954.— Deutsche Tierfabeln vom zwölften bis zum sechzehnten Jahrhundert, ausgewählt, in heutige Sprachform übertragen, eingeleitet und erläutert von Richard Schaeffer, Berlin, 1955.
Schaller 1970.— D. Schaller, Lateinische Tierdichtung in frühkarolingischer Zeit,— «Schwab», 1970, 91 ff.
Schellhorn.— L. Schellhorn, Goldenes Vlies. Tiersymbole des Märchens in neuer Sicht, München, 1968.
Schirokauer.— A. Schirokauer, Die Stellung Äsops in der Literatur des Mittelalters,— «Festschrift für Wolfgang Stammler», Berlin, 1953, 179—191.
Schott.— R. Schott, Aufgaben und Verfahren der Völkerkunde,— «Lehrbuch der Völkerkunde», hrsg. von H. Trimborn, Stuttgart, 1971, 1—36.
Schreiber.— H. Schreiber, Studien zum Prolog in mittelalterlicher Dichtung, Würzburg, 1935.
Schuir.— Schuir, Aitiologischer Schluss,— HDM, s. v.
Schullerus.— A. Schullerus, Verzeichnis der rumänischen Märchen und Märchenvarianten, Helsinki, 1928 (=FFC 78).
Schwab.— Das Tier in der Dichtung, herausgegeben und eingeleitet von Ute Schwab, Heidelberg, 1970.
Schwarzbaum.— H. Schwarzbaum, Rez. AaTh,— «Fabula». 6 (1963), 182—194.
Schwarzbaum, Studies,— H. Schwarzbaum, Studies in Jewish and World Folklore, Berlin, 1968.
Schwarzbaum AaTh 62.— H. Schwarzbaum, The Vision of Eternal Peace in the Animal Kingdom (AaTh 62),— «Fabula», 10 (1969), 107 ff; H. Schwarzbaum, Vision of Eternal Peace in Folklore,— YEDA'AM, vol. XVI, № 39—40 (1972), 21—25.
Schwarzbaum 1972.— H. Schwarzbaum, The zoologically tinged Stages of Man's existence,— «Folklore Research Center Studies», vol. III (Jerusalem, 1972).
Sengle.— Friedrich Sengle, Der Umfang als ein Problem der Dichtungswissenschaft,— «Gestaltprobleme der Dichtung», hrsg. R. Alewyn etc., Bonn, 1957, 299—305.
Sezgin.— D. Sezgin, Tekerlemeler,— «Türk dili», VIII, № 88 (Ankara, 1959).
Silcher 1905.— G. Silcher, Tierfabel, Tiermärchen und Tierepos, — Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht der Königlichen Oberrealschule zu Reutlingen (1904/1905).
Solymossy 1923.— A. Solymossy, Verwandtschaft der ungarischen Volksmärchen mit den orientalischen.— «Ungarische Jahrbücher», III, Berlin, 1923, 115.
Spies.— O. Spies, Türkische Volksmärchen, Köln, 1967 (MdW).
Spiess.— K. Spiess, Das deutsche Volksmärchen, Leipzig, 1929 [2].
Spoerri.— Th. Spoerri, Der Aufstand der Fabel,— «Trivium», I, 1 (Zürich, 1942), 32—63.
Staege 1929.— M. Staege, Die Geschichte der deutschen Fabeltheorie, Diss., Basel—Bern, 1929.
Staiger 1944.— E. Staiger, Morphologische Literaturwissenschaft,— «Trivium», II, 3 (1944), 223 ff.
Staiger 1963.— E. Staiger, Die Zeit als Einbildungskraft des Dichters, Zürich, 1963.
Starkloff.— E. Starkloff, Der biologische Standpunkt:Betrachtungen zur Tierdichtung unserer Zeit,— «Die Literatur», 40 (1938), 335.
Steinhöwel ed. Oesterley.— H. Österley, Steinhöwels Äsop,— «Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart», Bd 117 (Tübingen, 1873).
Steinschneider.— M. Steinschneider, Rangstreit-Literatur, Wien, 1908.
Steinthal.— H. Steinthal. Mythos, Sage, Märchen, Legende, Fabel,— Zeitschrift für Völkerpsychologie, 17 (1887).
Stephan.— St. H. Stephan, Animals in Palestinian Folklore,— «Journal of the Palestine oriental society», 8 (1928), 65—112; его же, Palestinian Animal Stories and Fables,— JPOS, 3(1923), 167—190.
Sternberger.— D. Sternberger, Figuren der Fabel, Frankfurt, 1950.
Streitgedicht.— L. Selbach, Das Streitgedicht in der altprovenzalischen Lyrik und sein Verhältniss zu ähnlichen Dichtungen anderer Litteraturen, Marburg, 1886; H. Péres, La poésie andalouse en arabe classique au XI siècle, Paris, 1953; S. Neumeister, Das Spiel mit der höfischen Liebe, München, 1969.
Sydow 1926.— C. W. von Sydow, Folksagan såsom indoeuropeisk tradition,— «Arkiv for nordisk filologi», 42, 1 (1926).
Sydow 1934.— C. W. von Sydow, Kategorien der Prosa-Volksdichtung,— «Volkskundliche Gaben», John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht (1934), 256 ff.
Sydow HDM.— C. W. von Sydow, Anthropologische Märchentheorie, — HDM, s. v.
Sydow FS.— C. W. von Sydow, Das Volksmaerchen unter ethnischen Gesichtspunkt,— Féilscríbinn coin Mic Neill (offprint), 567—580.
Taylor Prov.— Archer Taylor, The Proverb, Copenhagen, 1962.
Taylor HDM.— Archer Taylor, Formelmärchen,— HDM (Berlin, 1935), 164—191.
TFA.— «Türk Folklor Araştırmaları».
Thiele 1908.— Georg Thiele, Die vorliterarische Fabel der Griechen,— «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 21 (Leipzig, 1908), 396 ff.
Thiele 1910.— G. Thiele, Der lateinische Aesop des Romulus und die Prosafassungen des Phaedrus, Heidelberg, 1910.

Thiele 1914.— G. Thiele, Die antike Tierfabel,— «Die Geisteswissenschaften», 1914, Hft 16, 433 ff.
Thimme.— A. Thimme, Das Märchen, Leipzig, 1909.
Th Mot.— Stith Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, vol. 1—6, Copenhagen and Bloomington, 1955—1958.
Thompson HDM.— Stith Thompson, Formel,— HDM, II, 160—164.
Thompson Ft.— Stith Thompson, The Folktale, New-York, 1946, 1951.
Thompson FFC 161.— Stith Thompson, Narrative Motif-Analysis as a Folklore Methode, Helsinki, 1955 (=FFC 161).
Tillich.— P. Tillich, Symbol und Wirklichkeit, Göttingen, 1962.
Todor 1970.— Shimon Todor, The Camel in Animal Proverbs,— FRCS, Vol. 1, 1970, 369 ff.
Toder 1972.— Shimon Toder, The Lion in Proverbs,— FRCS, Vol. III (1972), 229.
Tubach.— Frederic C. Tubach, Index Exemplorum, Helsinki, 1969 (=FFC 204).
Tylor.— E. B. Tylor, Primitive Culture, Vol. 1—2, London, 1871.
Utley.— Fr. L. Utley,— «Speculum», Vol. XLIV (Cambridge Mass., 1969), 498—501.
Varty 1967 (см. Utley).— Kenneth Varty, Reynard the Fox; A Study of the Fox in Medieval English Art, Leicester, 1967.
Vento.— Ü. Vento, Bericht über die statistische Analyse der handschriftlichen Sammlungen in Volkskundearchiv der Finnischen Literaturgesellschaft [Конгресс финно-угроведов в Таллине, 1970].
Wache 1920.— K. Wache, Die Tierfabel in der Weltliteratur,— «Zeitschrift für die deutschösterreichische Gymnasien», 69 (1920), 416 ff.
Wagner.— E. Wagner, Die arabische Rangstreitdichtung..., Wiesbaden, 1963.
Weber 1855.— A. Weber, Ueber den Zusammenhang indischer Fabeln mit griechischen, Berlin, 1855.
Weber 1898.— A. Weber, Vedische Beiträge, VII,— «Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften», Berlin, 1898.
Weber 1904.— L. F. Weber, Märchen und Schwank (Diss.), Kiel, 1904.
Weber-Kellermann 1954.— I. Weber-Kellermann, Die Bedeutung des Formelhaften im volkstümlichen Denken, Berlin, 1954.
Weber-Kellermann 1967.— I. Weber-Kellermann, Probleme interethnischer Forschungen in Südosteuropa, eine methodische Betrachtung,— «Ethnologia Europaea», I (1967), 3, 218.
Weddingen.— Otto Weddingen, Das Wesen und die Theorie der Fabel und ihrer Hauptvertreter in Deutschland, Leipzig, 1893.
Weinreich.— O. Weinreich, Fabel, Aretalogie, Novelle,— «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften», Philos.-hist. Klasse, 21, 7 (1931), 5 ff.
Werner 1963.— J. Werner, Tiergestaltige Heilsbilder und germanische Personennamen,— «Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», Jg. 37 (1963).
Wesselski HessBll.— A. Wesselski, Das Märlein von dem Tode des Hühnchens und andere Kettenmärlein,— «Hessische Blätter für Volkskunde», Bd 32 (1933), 1—51.
Whitesell.— F. R. Whitesell, Fables in Mediaeval Exempla,— «The Journal of English and Germanic Philology», 46 (1948).
Widengren.— G. Widengren, Iranische Geisteswelt, Baden-Baden, 1961.
Widengren, Mani.— G. Widengren, Mani und der Manichäismus, Stuttgart, 1961.
Wiedemann (ср. Brockelmann).— W. Wiedemann, Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften,— «Sitzungsberichte der Phys. med. Sozietät zu Erlangen», Bd 48 (1916).
Wienert.— W. Wienert, Die Typen der griechisch-römischen Fabel, Helsinki, 1925 (=FFC 56).
Williams, Fable.— Ronald J. Williams, The Fable in the Ancient Near-East,— «A Stubborn Faith Papers on Old Testament and Related Subjects», Presented to Honor William Andrew Irvin, Dallas, 1956, 3—26.
Williams 1956.— R. J. Williams, The Literary History of a Mesopotamian Fable,— «Phoenix», 10 (Toronto, 1956), 70—77.
Winkler.— W. Winkler, Das Kunstproblem der Tierdichtung besonders der Tierfabel,— «Hauptfragen der Romanistik», Festschrift für Ph. A. Becker (1922), 280—306.
Wundt.— W. Wundt, Völkerpsychologie, Bd 3, Leipzig, 1919.
Wünsche 1905.— August Wünsche, Die Pflanzfabel in der Weltliteratur, Leipzig und Wien, 1905.
Würfel.— Reingart Würfel, Die ägyptische Fabel in Bildkunst und Literatur,— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig», Jg. 2 (Leipzig, 1952/1953), 63—160.
ZÄS.— «Zeitschrift für Ägyptologie und Semitistik».
ZDMG.— «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft».

(1972) *Исидор Левин*

СИГНАТУРЫ ТЕКСТОВ

ОБЩАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ

ТЕРРИТОРИЯ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

СХЕМА ИЗУЧЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ

ХРОНОСОЦИОГРАММА ЗАПИСЕЙ ТЕКСТОВ
Т001—Т419 (СВОДНАЯ)

ПОЯСНЕНИЯ К СИГНАТУРАМ

Весь рукописный фонд Сектора фольклора был расчленен на равные части из 1—9999 страниц каждая. Таким образом основной фонд фольклора [ФФ] и фонд проф. Г. А. Дзагурова [ФД] теперь состоит из стандартных частей, которые помечаются римскими порядковыми цифрами: ФФ I, ФФ II, ФФ III и т. д.

Свод включает и другие фонды, а также опубликованные тексты (см. индексы): АН = фонд М. С. Андреева в Институте истории АН Тадж ССР; НК = Б. Н. Ниязмухаммедов, Канибадамские наречия таджикского языка,— «Труды Тадж. филиала АН СССР», т. XIII, Сталинабад, 1951; РД = А. З. Розенфельд, Намунаҳои фольклори Дарвоз, Душанбе, 1962; СМ = И. А. Сухарев и О. А. Сухарева, Материалы по таджикскому фольклору, Самарканд, 1934.

Каждый текст получает точную пагинацию. Место текста на странице помечено после запятой, например: ФФ I : 0068,1—0121,0. В целом этот шифр в сигнатуре указывает на место текста в архиве.

Далее сигнатура отвечает на следующие шесть обязательных вопросов, следующих в непременном порядке: г д е запись произведена? к о г д а текст записан? к т о его записал? о т к о г о сделана запись? к а к текст рассказан? ч т о записано?

Для точного ответа на вопрос «где записан текст?» на международных трапециях географической карты (К41, К42, Ж41 и Ж42) были нанесены дополнительные постоянные координаты, образующие девять (1—9) равных квадратов, из которых каждый подразделяется на шестнадцать (01—16) полей; такое поле (ок. 25 кв. км) делится на четыре части: а, б, в, г. Таким образом стало возможным локализовать каждую запись по соответствующему квадрату на карте, например К42 909. В дополнение шестизначного шифра квадрата в сигнатуре отмечается и наименование населенного пункта (кишлака, поселка). Крупные города, куда неселение стекается из разных районов страны и где встречается подчас большая серия записей, выделены как самостоятельные «поля», носящие после начального трехзначного шифра трапеции и квадрата пометку данного города, состоящую из первых трех согласных букв названия города, написанных прописным шрифтом, например: ДШН = Душанбе, РТБ = Ура-Тюбе, СМР = Самарканд, БХР = Бухара.

Административное деление на эти координаты не влияет.

Ответ на вопрос «когда произведена запись?» состоит из двух последних цифр года, так как все записи сделаны в XX в.

В ответ на вопрос «кто записал?» следует фамилия и инициалы собирателя, его пол (м = мужчина, ж = женщина, х = пол неизвестен) и далее возрастная группа (таких групп восемь, они перечислены во Введении), например: м2, ж3 и т. д.

В ответ на вопрос «от кого произведена запись?» следуют после знака < имя и фамилия рассказчика и его поло-возрастные данные.

Ответ на вопрос «как текст рассказан?» определяется согласно кодификатору стилистики, эмпирически разработанному И. Левиным (стр. 354—355); ответ выражается формулой результата стилистического анализа текста, проведенного Дж. Рабиевым, состоящей из четырех элементов: Н (начала), Ф (финала, окончания), Б (объема) и Я (языка) с соответствующим цифровым индексом.

На вопрос «что рассказано?» или «что записано?» в сигнатуре дан детальный типологический ответ по международным каталогам сюжетов (скобки обозначают частичные соответствия сюжетов; знак // указывает на отдаленную параллель) [см. § 9.6.1.1 Введения].

Эти сигнатурные данные систематизированы в целях легкости их использования и для характеристики репертуара в особых сводных указателях.

По согласованию с проф. С. Томпсоном (Indiana University, Bloomington, Ind., USA) в прилагаемом таджикском каталоге предполагаемым локальным версиям присвоен индекс ^{t}, например AaTh 715 ^{t}.

T001
ФФ I : 0344,1 — 0,346,0 Ж42 107г Ургут 1940
О. А. Сухарева ж4 ⁄ ж0
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 715^{t}

T002
ФФ I : 0362,1— 0,392,0 Ж42 107г Ургут 1940
О. А. Сухарева ж4 ⁄ ж0
Н2.1 1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1с
Тип: AaTh285 D^{t}

T003
ФФ I : 0394,1 — 0,400,0 Ж42 107г Ургут 1940
О. А. Сухарева ж4 ⁄ м0
Н1.4.1 Ф2.4.0 Б2 Я1с
Тип: EbBo 30

T004
ФФ I : 0414,1 — 0,418,0 Ж42 107г Ургут 1940
О. А. Сухарева ж4 ⁄ ж1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 2025^{t}

T005
ФФ I : 0418,1 — 0,442,0 Ж42 107г Ургут 1940
О. А. Сухарева ж4 ⁄ х 5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1. 1с
Тип: (AaTh 123)

T006
ФФ I : 0443,1 — 0445,0 Ж42 ДШН 1929
А. П. Колпаков м0 ⁄ Нурмухаммадов м0
Н2.1 Ф2.4.1 Б2 Я1.1ю
Тип: AaTh 285 D^{t}

T007
ФФ I : 0686,1 — 0687,0 К42 СФР 1935
Л. Бузургзода м3 ⁄ Шарифова Шодмонбиби ж0
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б1 Я1с
Тип: (AaTh 715^{t})

T008
ФФ I : 0695,1 — 0695,0 К42 СФР 1935
Л. Бузургзода м3 ⁄ Акрамзода Ходжахон м4
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

T009
ФФ I : 0697,1 — 0698,0 К42 СФР 1935
Л. Бузургзода м3 ⁄ Захробиби ж5
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: EbBo 30

T010
ФФ I : 0857,1 — 0868,0 Ж42 502в Турди 1941
А. Норматов м0 ⁄ Абдуллоева Мухаббат ж1
Н2.1 Ф1.7 Б3 Я3
Тип: (AaTh 715^{t})

T011
ФФ I : 0914,1 — 0916,0 Ж42 601в Ховалинг 1948
х0 ⁄ Мирзоев Абдулхай м2
Н2.2 Ф2.4.5 Б2 Я1. 1ю
Тип: AaTh 3 + AaTh 4

T012
ФФ I : 4547,1 — 4557,0 Ж42 601в Дараи Мири 1948
Р. Амонов м3 ⁄ Салимова Фариштамох ж7
Н1.4.1 1.3.1 Ф2.1 Б4 Я1ю
Тип: AaTh 123

T013
ФФ I : 4653,1 — 4659,0 Ж42 601в Ховалинг 1950
Р. Амонов м3 ⁄ Махмудов Тура м2
Н1.4.1 1.3.1 Ф2.4.9 Б3 Я1ю
Тип: EbBo 24

T014
ФФ I : 4917,1 — 4924,0 Ж42 601в Сумбула 1950
Р. Амонов м3 ⁄ Тиллоев Убайд м0
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б3 Я1ю
Тип: (AaTh 20 D*) + (AaTh 61A)

T015
ФФ I : 5171,1 — 5177,0 Ж42 605 Муминабад 1950
Р. Амонов м3 ⁄ Неъматуллоев Джума м2
Н1.4.1 Ф2.4.7 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 9A + AaTh 275

T016
ФФ I : 5177,1 — 5181,0 Ж42 605 Муминабад 1949
Р. Амонов м3 ⁄ Неъматуллоев Джума м2
Н1.4.1 Ф1.7 Б3 Ж1ю
Тип: (AaTh 223) + AaTh 6

T017
ФФ I : 5245,1 — 5251,0 Ж42 605 Муминабад 1949
Р. Амонов м3 ⁄ Неъматуллоев Джума м2
Н2.1 Ф2.1 Б3 Я1ю
Тип: (EbBo 1 — V) + (AaTh 154)

T018
ФФ I : 5697,1 — 5699,0 Ж42 605в Муминабад 1949
Р. Амонов м3 ⁄ Валиев Мирзо м4
Н2.1 Ф2.4.2 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 15 + // (EbBo 1 — V) + AaTh 36

T019
ФФ I : 5870,1 — 5872,0 Ж42 605в Муминабад 1949
х0 ⁄ Хабибов Хайрулло м0
Н1.4.1 Ф2.5 Б4 Я1ю
Тип: EbBo 21

T020
ФФ I : 5906,1 — 5908,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ⁄ Шоев Қувват м3
Н2.1 Ф2.1 Б2 Я1.1ю
Тип: EbBo 21

T021
ФФ I : 6118,1 — 6120,0 Ж42 605в Муминабад 1949
х0 ⁄ Алиев Бачаджан м0
Н1.4.1 К2.5 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 157)

T022
ФФ I : 6282,1 — 6298,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ⁄ Азизов Бобо м0
Н2.1 Ф2.5 Б4 Я3.2
Тип: (AaTh 233B) + (AaTh 285 D^{t}) + AaTh 285 D; ThMot. J429 + ThMot. U30f.

T023
ФФ I : 6414,1 - 6418,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Одинаев Иброхим м1
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я1ю
Тип: (AaTh 715[t])

T024
ФФ I : 6432,1 — 6434,0 Ж42 605в Муминабад 1950
ж0 ∠ Саидов Раззок м1
Н2.1 Ф2.1 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 130 + // (AaTh 20 D*)

T025
ФФ I : 6438,1 — 6440,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Саидов Раззок м1
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: (AaTh 210)

T026
ФФ I : 6492,1 — 6496,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Расулов Саид м1
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я1ю
Тип: Wienert ET 143

T027
ФФ I : 6500,1 — 6506,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Хафизов Мирзо м1
Н2.1. Ф2.4.4 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 36 + (EbBo 1 — V) + Schullerus 103 — I*

T028
ФФ I : 6555,1 — 6557,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Комилов Давлатхон м1
Н1.4.1 Ф2. Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 715[t])

T029
ФФ I : 6595,1 — 6595,1 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Комилов Давлатхон м1
1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я1ю
Тип: (EbBo 3)

T030
ФФ I : 6991,1 — 6993,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Неъматуллоев Хайрулло м2
Н1.4.1 Ф2.4.6 Б2 Я1ю
Тип: (Schullerus 103—I*

T031
ФФ I : 7081,1 — 7083,0 Ж42 504 Кухнабалджуан 1950
х0 ∠ Каландаров Зайдулло м1
Н2.3. Ф0.0.0 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 9 + AaTh 122 A

T032
ФФ I : 7227,1 — 7235,0 Ж42 601в Дараи Мири 1948
Р. Амонов м3 ∠ Нуралиев Джалил м7
Н2.1 Ф2.1 Б3 Я1ю
Тип: EbBo 3

T033
ФФ I : 7367,1 — 7373,0 Ж42 601в Дараи Мири 1948
Р. Амонов м3 ∠ Нуралиев Джалил м7
Н2.1 Ф1.5 Б3 Я1ю
Тип: (AaTh 20 D*) + AaTh 61A

T034
ФФ I: 7465,1 — 7471,0 Ж42 601 Дараи Мири 1948
Р. Амонов м3 ∠ Нуралиев Джалил м7
Н.2.1 Ф2.4.4 Б3 Я1ю
Тип: (AaTh 56A) + AaTh 6

T035
ФФ I : 8997,1 — 8997,0 Ж42 504 Шайдон 1950
Р. Амонов м3 ∠ Раджабова Галати ж1
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 159B

T036
ФФ I : 9003,1 ∠ 9007,0 Ж42 504 Шайдон 1950
Р. Амонов м3 ∠ Раджабова Галати ж1
Н1.4.1 Ф2.4.7 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 155

T037
ФФ I : 9149,1—9151,0 Ж42 601в Ховалинг 1950
Р. Амонов м3 ∠ Солехов Неъмат м3
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 56A + (AaTh 6)

T038
ФФ I : 9716,1 — 9720,0 Ж42 601в Ховалинг 1950
Р. Амонов м3 ∠ Солехов Неъмат м3
Н2.4 Ф2.4.2 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 61A) + AaTh 20 D*

T039
ФФ I : 9914,1 — 9916,0 Ж42 504 Шайдон 1950
Х. Кароев м0 ∠ Сайдалиев Хикмат м1
Н2.4. Ф2.1 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 103A

T040
ФФ II : 0108,1 — 0117,0 Ж42 504 Оби Сой 1957
А. Рахимов мО ∠ Султонова Сафад ж7
Н2.1 Ф2.1 Б4 Я1ю
Тип: // EbBo 1 — V + (AaTh 1149)

T041
ФФ II : 0466,1 — 0469,0 Ж42 504 Дехтур 1960
А. Рахимов м0 ∠ Хомидов Файзулло м5
Н2.1 Ф2.1 Б3 Я3
Тип: AaTh 130

T042
ФФ II : 2868,1 — 2969,0 Ж42 515б 1960
М. Холов м3 ∠ Алиев Раджаб м6
Н2.3 Ф2.6 Б2. Я1ю
Тип Medne* 68

T043
ФФ II : 2870,1 — 2871,0 Ж42 515б Фархор 1960
М. Холов м3 ∠ Алиев Раджаб м6
Н2.2 Ф1.1.1 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 133*[t]

T044
ФФ II : 4101,1 — 4103,0 Ж42 515б Фархор 1960
Н. Шакармухаммадов м3 ∠ Давлатов Савзали м4
Н2.1 Ф2.4.3 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 154 + (EbBo 1 — V = Schullerus 103 — I*)

Т045
ФФ II : 4207,1 — 4207,0 Ж42 515б Фархор 1960
Н. Шакармухаммадов м3 ∠ Сабзалиев Мирзо м1
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 130

Т046
ФФ II:4209,1 — 4209,0 Ж42 515б Фархор 1960
Н. Шакармухаммадов м3 ∠ Сабзалиев Мирзо м1
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б1 Я1ю
Тип: AaTh 130

Т047
ФФ II: 4868,1 — 4874,0 Ж42 ДШН 1960
Ф. Зехниева ж3 ∠ Муродов Нурали м3
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б4 Я1ю
Тип: (AaTh 123)

Т048:
ФФ II : 4983,1 — 4986,0 Ж42 КЛБ 1960
А. Рахимов м0 ∠ х0
Н2.4 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: // AaTh 133^{*t} + // (EbBo 1)

Т049
ФФ II : 5173,1 — 5174,0 Ж42 515б Фархор 1960
М. Холов м3 ∠ Рахимов Сафарали м4
Н2.4 Ф2.4.4 Б1 Я1ю
Тип: AaTh 68B

Т050
ФФ II : 5481,1—5482,0 Ж42 516а к/х им. Москвы 1960
М. Холов м3 ∠ Махмудов Абдурахмон м0
Н2.2 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: ThMot. J429 + ThMot U31.1

Т051
ФФ II: 5554,1 — 5560,0 Ж42 605в Муминабад 1960
М. Холов м3 ∠ Файзуллоев Абдулло м7
Н2.1 Ф2.4.1 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 61A + AaTh 20D*+ EbBo Anlage C — 7

Т052
ФФ II : 6254,1 — 6256,0 Ж42 503г Махрози 1961
Г. Рахматова ж4 ∠ Пирмуродова Севарой ж1
Н1.4.1 Ф1.5 Б1 Я1ю
Тип: AaTh9 + AaTh 9B

Т053
ФФ II : 6366,1 — 6366,0 Ж42 503в Дукони 1961
К. Хисомов м4 ∠ Гурезов Чилла м7
Н2.1 Ф2.4.5 Б1 Я1ю
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275

Т054
ФФ II: 6367,1 — 6369,0 Ж42 503в Дукони 1961
К. Хисомов м4 ∠ Гурезов Чилла м7
Н2.1 Ф2.4.3 Б2. Я1ю
Тип: AaTh 62

Т055
ФФ II : 6369,1 — 6373,0 Ж42 503в Дукони 1961
К. Хисомов м4 ∠ Гурезов Чилла м7
Н2.4 Ф2.5 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 20 D* + // AaTh 61A

Т056
ФФ II: 6373,1 — 6378,0 Ж42 503в Дукони 1961
К. Хисомов м4 Гурезов Чилла м7
Н2.3. Ф2.4.4 Б3 Я1ю
Тип: // (AaTh 221) + //(Bodker 15) + // (AaTh 222B)

Т057
ФФ X : 8139,1 — 8142, Ж42 516а Московский 1960
М. Холов м3 ∠ Исмоилова Халимамо ж 3
Н.1.1 Ф2.5 Б3 Я2
Тип: AaTh 163A*

Т058
ФФ II: 6385,1 — 6386,0 Ж42 503в Дукони 1961
К. Хисомов м4 ∠ Гурезов Чилла м7
Н2.4 Ф0.0.0 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 130) + AaTh 42

Т059
ФФ II: 6463,1 — 6465,0 Ж42 503г Махрози 1961
С. Махдиев м4 ∠ Беков Мирали м7
Н2.1 Ф.2.4.5 Б2 Я1.1ю
Тип (AaTh 20D*) + (AaTh 61A) + (AaTh 122D)

Т060
ФФ II : 6496,1 — 6498,0 Ж42 503г Махрози 1961
С. Махдиев м4 ∠Фозилов Шомахмад м0
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 Я1.1ю
Тип: (AaTh 123)

Т061
ФФ II : 9433,1—9436,0 Ж42 516а к/х им. Москвы 1960
Р. Амонов м4∠ Окилов Саидамир м6
Н2.1 Ф2. 4.4. Б2 Я1ю
Тип: // (AaTh 154)

Т062
ФФ III : 1478,1 — 1482,0 Ж42 503 Суфиён 1959
Б. Собиров м3 ∠ Шарифов Мирзо м5
Н1.4.4 Ф0.0.0 Б2 Я3
Тип: (AaTh 43)

Т063
ФФ III: 1522,1 — 1524 Ж42 503 Кофарнихон 1959
Б. Собиров м3 ∠ Халова Тошбиби ж5
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 103 + AaTh 130

Т064
ФФ III : 2224,1 — 2224,0 Ж42 502 Хафттахта 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Рахматов Иззат м4
Н2.4 Ф1.4.1 Б3 Я1ю
Тип: EbBo 24

Т065
ФФ III: 2548,1 — 2554,0 Ж42 502б Зидди 1959
Х. Рахматов м3 ∠Мирзоев Зокир м1
Н1.4.1. Ф2.1 Б3 Я1.1ц
Тип: (AaTh 123)

Т066
ФФ III: 2585,1 — 2587,0 Ж42 502б
Х. Рахматов м3∠ Суфиев Ахмад м1
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б2 Я1.1
Тип: (AaTh 43)

Т067
ФФ III: 2912,1 — 2914,0 Ж42 502б Гарав 1959
Х. Рахматов м3∠ Рахимов Саттор м7
Н1.4.1 Ф2.4.3 Б1 Я1ц
Тип: AaTh 122D

Т068
ФФ III : 3445,1 — 3449,0 Ж42 502б Пугузе 1959
С. Мерганов м3 ∠ Бобоев Азим м1
Н2.3 Ф2.4.6 Б3 Я1.1ц
Тип: EbBo 21

Т069
ФФ III : 3517,1 — 3519,0 Ж42 502б Варзоби Қалъа 1959
С. Мерганов м3 ∠ Содикова Кумри ж4
Н2.4 Ф2.4.2 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 9 + (EbBo 1 — V) + AaTh 154

Т070
ФФ III : 3544,1 — 3547,0 Ж42 502б Фанфарок 1959
С. Мерганов м3 ∠ Мирзоев Иброхим м1
Н1.4.1 Ф.2.4.3 Б3 Я1ц
Тип: AaTh 56A + AaTh 122 D*

Т071
ФФ III : 3853,1 — 3860,0 Ж42 502б Зидди 1959
Х. Рахматов м3 ∠ Юсуфов Тагаймурод м8
Н2.4 К2.1 Б3 Я1ц
Тип: EbBo 1 — V = Schullerus 103 — I* + (AaTh 36)

Т072
ФФ III : 3926,1 — 3930,0 Ж42 502б Варзоби Қалъа 1959
Т. Исроилова ж3 ∠ Шарифова Бибигул ж3
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я1.1ц
Тип: (AaTh 123)

Т073
ФФ III: 4194,1 — 4195,0 Ж42 502б Оби Хирф 1959
Т. Исроилова ж3 ∠ Ташрифова Мастура ж3
Н2.1 Ф2.4.6 Б1 Я1ц
Тип: AaTh 126

Т074
ФФ III : 4499,1 — 4503,0 Ж42 502а Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Хомидов Бахриддин м1
Н.1.4.1 Ф2.1 Б3 Я1ц
Тип: (AaTh 125) + AaTh 126 + (AaTh 103)

Т075
ФФ III : 4503,1 — 4503,0 Ж42 502а Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Саидмуродова Хурмат ж2
Н2.3 Ф1.4.1 Б.2 Я1ц
Тип: AaTh 163A*

Т076
ФФ III: 4693,1 — 4694,0 Ж42 502 Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н.П. Рычкова ж0 ∠ Салимов Сунъат м0
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б1 Я1ц
Тип: AaTh 122D + AaTh 122J

Т077
ФФ III : 4694,1 — 4697,0 Ж42 502а Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Салимов Сунъат м0
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я1ц
Тип: (AaTh 123)

Т078
ФФ III : 4697,1 — 4699,0 Ж42 502а Алмоси 1952
Р. Амонов м3 и Н.П. Рычкова ж0 ∠ Салимов Сунъат м0
Н.2.1 Ф.2.5 Б2 Я2
Тип: // (AaTh 238)

Т079
ФФ III: 4705,1 — 4707,0 Ж42 502а Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Саидов Бури м4
Н2.2 Ф2.4.3 Б2 Я3
Тип: AaTh 92

Т080
ФФ III : 4707,1 — 4708,0 Ж42 502а Алмоси 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Саидов Бури м4
Н2.1 Ф.2.4.3 Б1 Я3
Тип: AaTh 122 N*

Т081
ФФ III : 4841,1 — 4844,0 Ж42 501б Каратог 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Муродова Бибималика ж4
Н2.3 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: EbBo 21

Т082
ФФ III : 5798,1 — 5801,0 Ж42 502в Кипчок 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Рахимов Халим м7
Н2.1 Ф2.4.5 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 159 B

Т083
ФФ III : 5801,1 — 5805,0 Ж42 502в Кипчок 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Рахимов Халим м7
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 248A

Т084
ФФ III : 6227,1 — 6229,0 Ж42 502а Косатароши Поён 1960
Ф. Зехниева ж3 ∠ Гулназарова Сайбиби ж3
Н1.4.1 Ф2.4.0 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 715^t

Т085
ФФ III : 6532,1 — 6536,0 Ж42 502а Хафттахта 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Бобоева Иклим ж6
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1ц
Тип: EbBo 21

Т086
ФФ III : 6683,1 — 6685,0 Ж42 502в Лучоб 1960
Т. Исроилова ж3 ∠ Сулаймонов Гани м7
Н2.1 Ф2.5 — 1.1.1 Б2 Я1.1ц
Тип: // EbBo 3

Т087
ФФ III : 6813,1 — 6816,0 Ж42 502а Хафттахта 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Рахматов Иззат м4
Н2.1 $Ф1_{\epsilon}7$ Б3 Я1ц
Тип: AaTh 715^t

Т088
ФФ III : 7201,1 — 7204,0 Ж42 501б Каратог 1951
Р. Амонов м3 и Н. П. Рычкова ж0 ∠ Пиров Азиз м7
Н2.2 Ф2.4.5 Б2 Я2
Тип: (AaTh 92)

Т089
ФФ III : 8011,1 — 8015,0 Ж42 502в Харангони Миёна 1960
Х. Рахматов м3 ∠ Назаров Музаффар м1
Н2.4 Ф2.1 Б3 Я1.1ц
Тип: (AaTh 123)

Т090
ФФ III : 8287,1 — 8288,0 Ж42 502в Туда 1962
А. Назарова ж3 ∠ Абдуллоева Холиса ж3
Н2.4 Ф2.4.4 Б1 Я1ю
Тип: Wienert ET 143

Т091
ФФ III : 8306,1 — 8309,0 Ж42 502 Туда 1960
А. Назарова ж3 ∠ Абдуллоева Холиса ж3
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я1ю
Тип: EbBo 30

Т092
ФФ IV : 0132,1 — 0142,0 Ж42 502в Ханака 1964
А. Назарова ж3 ∠ Муродова Мухаббат м3
Н2.4 Ф2.1 Б4 Я1ю
Тип: AaTh 102 + (AaTh 68B) + (EbBo 3)

Т093
ФФ IV : 1866,1 — 1866,1 Ж42 601в Чукурак 1963
М. Миркамолова ж4 ∠ Дустов Рустам м1
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б1 Я1ю
Тип: Wienert ET 143

Т094
ФФ IV : 1866,2 — 1875,0 Ж42 601в Чукурак 1963
М. Миркамолова ж4 ∠Дустова Гулистон ж1
Н2.4 Ф1.9 Б4 Я1ю
Тип: EbBo 30

Т095
ФФ IV : 1976,1 — 1978,0 Ж42 601в Чукурак 1963
М. Миркамолова ж4∠ Дустов Рустам м1
Н1.4.1 Ф2.5 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 715^t

Т096
ФФ IV: 1994,1 — 1998,0 Ж42 601в Чукурак 1963
М. Миркамолова ж4 ∠ Дустова Хиромонгул ж4
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б3 Я1.1ю
Тип: AaTh 715^t

Т097
ФФ IV: 2933,1 — 2936,0 Ж42 502в Туда 1963
А. Назарова ж3 ∠ Исматов Махмуд м8
Н2.4 Ф2.4.5 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 225)

Т098
ФФ IV : 4318,1 — 4322,0 Ж42 СМР 1956
Б. Шермухаммадов м3 ∠ Шамсиева Максад ж5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1с
Тип : (AaTh 123)

Т099
ФФ IV: 4760,9 — 4762,0 Ж42 СМР 1959
х0 ∠ Ахророва Раъно ж0
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я2
Тип: AaTh 43 + // (AaTh 130)

Т100
ФФ IV : 4902,4 — 4904,0 Ж42 СМР 1958
А. Абдуллоев м2 ∠ Абдуллоев Арслон м2
Н2.4 Ф2.4.5 Б3 Я2
Тип: // (AaTh 103) + // (AaTh 126)

Т101
ФФ IV : 5244,1 — 5244,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Наимов Халим м1
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я1.1 с
Тип: (Eb o 19)

Т102
ФФ IV : 5246,1 — 5246,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Наимов Халим м1
Н2.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: (AaTh 715*)

Т103
ФФ IV : 5248,1 — 5248,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Мавлонова Холида ж1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б1 Я1.1с
Тип: // (EbBo 19)

Т104
ФФ IV : 5302,1 — 5306,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Джалолова Холида ж5
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б4 Я3.1
Тип: EbBo 21 + AaTh $285D^t$

Т105
ФФ IV : 5378,1 — 5384,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Норова Холчучук ж4
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б4 Я1.1с
Тип: EbBo 30

Т106
ФФ IV : 5414,1 — 5416,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Исмоилова Ёкут ж4
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я1.1с
Тип: // (AaTh 285 D^t)

Т107
ФФ IV : 6222,1 — 6224,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Ф. Зехниева ж3 ∠ Найманкулова Шарофат ж3
Н2.3 Ф1.5 Б2 Я3.1
Тип: EbBo 21

Т108
ФФ IV : 6316,1 — 6322,0 Ж42 103в Оксой 1958
У. Тураев м2∠ Рахимов Хаким м6
Н2.3 Ф1.4.1 Б3 Я1.1ю
Тип: (AaTh 125) + (AaTh 126) + (AaTh 130)

Т109
ФФ IV : 6802,1 — 6804,0 Ж42 107а Боги Майдон 1958
Х. Мухаммадиева ж2 ∠ Мухаммадиева Хусния ж2
Н2.1 Ф2.4.3 Б2 Я3
Тип: AaTh 103A* + AaTh 122N*

Т110
ФФ IV : 6944,1 — 6946,0 Ж42 СМР 1959
Р. Ахмадов м3 ∠ Саломова Фотима ж5
Н2.3 Ф2.5 Б2 Я3.2
Тип: AaTh 278

Т111
ФФ IV: 7608,1 — 7610,0 Ж42 СМР 1959
Ф. Зехниева ж3 ∠ Расулова Махкам ж3
Н.1.4.1 Ф1.9 Б3 Я1.1с
Тип: EbBo 30

Т112
ФФ IV: 7682,1 — 7688,0 Ж 42 СМР 1959
Ф. Зехниева ж3 ∠ Расулова Махкам ж3
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я1.1с
Тип: EbBo 21

Т113
ФФ IV : 7744,1 — 7748,0 Ж42 СМР 1959
Ф. Зехниева ж3 ⁄ Хайдарова Мусаввара ж2
Н1.4.1 Ф.2.4.4 Б2 Я1с
Тип: AaTh 2028^t

Т114
ФФ IV : 7988,3 — 7988,0 К42 710 Фориш 1959
Ф. Зехниева ж3 ⁄ Шарифова Норхол ж1
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б1 Я1.1с
Тип: (AaTh 715^t)

Т115
ФФ IV : 8561,1 — 8564,0 К41 912 Газгон 1959
Р. Ахмадов м3 ⁄ Джабборов Бобоназар м7
Н2.3 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 122 N*

Т116
ФФ IV : 8970,1 — 8973,0 Ж42 СМР 1959
Б. Шермухаммадов м3 ⁄ Ахмадов Мамад м1
Н1.4.1 Ф1.1 Б3 Я1с
Тип: EbBo 29

Т117
ФФ IV : 8974,1 — 8975,0 Ж42 СМР 1959
Б. Шермухаммадов м3 ⁄ Ахмадов Мамад м1
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 56A + AaTh 122D*

Т118
ФФ V : 0170,2 — 0170,2 К42 710 Ухум 1959
Х. Бобоев м1 ⁄ Бобоев Хикмат м1
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: EbBo 30

Т119
ФФ V: 0188,0 — 0188,0 К42 710 Ухум 1959
С. Бобоева ж1 ⁄ Бобоева Саломат ж1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: EbBo 19 — IV

Т120
ФФ V : 0676,1 — 0684,0 Ж42 107 Кутарма 1959
М. Худоёров м0 ⁄ Худоёров Махмуд м0
Н1.4.1 — 2.2 Ф1.1.1 Б4 Я3
Тип: AaTh 2045B*

Т121
ФФ V : 0743,1 — 0,746,0 Ж42 110г Варгонза 1959
Р. Ахмадов м3 ⁄ Хикматов Рахматулло м1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1.1с
Тип: (AaTh 715^t)

Т122
ФФ V : 1114,1 — 1115,0 Ж42 110г Варгонза 1959
Р. Ахмадов м3 ⁄ Худойбердиева Зухро ж7
Н2.4 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: AaTh 150

Т123
ФФ V : 1187,1 — 1188,0 Ж42 110г Варгонза 1959
Р. Ахмадов м3 ⁄ Рахматов Ахмад м7
Н1.4.1 — 1.4.1 Ф2.4.7 Б1 Я1с
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275

Т124
ФФ V : 1556,1 — 1558,0 Ж42 103в Оксой 1960
Г. Рахматова ж4 ⁄ Хидирова Гулхоним ж 6
Н1.4.1 Ф2.1 Б2. Я1.1ю
Тип: (AaTh123)

Т125
ФФ V: 1950,1 — 1952,0 Ж42 107а Камонгарон 1960
Ф. Зехниева ж3 ⁄ Шарифова Саломат ж 7
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я1.1с
Тип: (AaTh 285 D^t)

Т126
ФФ V : 1987,1 — 1993,0 Ж42 107а Камонгарон 1960
Ф. Зехниева ж3 ⁄ Эргашева Мукимой ж5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1.1с
Тип: (AaTh 123)

Т127
ФФ V : 2864,3 — 2869,0 Ж42 103в Оксой 1960
М. Миркамолова ж4 ⁄ Хакимова Марзия ж6
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1.1ю
Тип: (AaTh 123)

Т128
ФФ V: 2908,1 — 2910,0 Ж42 103в Оксой 1960
М. Миркамолова ж4 ⁄ Хакимова Марзия ж6
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1.1ю
Тип: EbBo 21

Т129
ФФ V : 4179,1 — 4182,0 К42 710 Фориш 1961
Р. Додоев м0 ⁄ Бобоева Некбиби ж0
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я1с
Тип: (AaTh 102) + AaTh 225 + (EbBo 3) + AaTh60

Т130
ФФ V : 4183,1 — 4184,0 К42 710 Фориш 1961
Р. Додоев м0 ⁄ Рузиев А. м1
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б1 Я1
Тип: (AaTh 223)

Т131
ФФ V : 6591,1 — 6592,0 Ж42 309г Шулмак 1947
Н. Масуми м4, Б. Рахимзода м4, Н. Рахимов м3 ⁄ Имомназаров Х. м0
Н2.4 Ф1.2.1 Б1 Я1ю
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275

Т132
ФФ V : 7533,1 — 7553,0 Ж42 602а Сафедорон 1947
Н. Масуми м4, Б. Рахимзода м4, Н. Рахимов м3 ⁄ Азизов Мухаббат м5
Н.2.4 Ф1.2.1 Б4 Я1ю
Тип: (EbBO 1 — V) + (AaTh 154) + (AaTh 68B) + +(AaTh 223)+(AaTh6) + (AaTh36)+Schullerus 103—I*

Т133
ФФ V : 7589,1 — 7597,0 Ж42 602а Сафедорон 1947
Н. Масуми м4, Б. Рахимзода м4, Н. Рахимов м3 ⁄ Азизов Мухаббат м5
Н2.4 Ф1.4.1 Б4 Я1ю
Тип: EbBo 30

Т134
ФФ VI : 3264,3 — 3270,0 Ж41 БХР 1960
С. Ахророва ж4 ⁄ Музаффарова Малика ж4
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б4 Я1.1с
Тип: EbBo 21

Т135
ФФ VI : 3334,4 — 3336,0 Ж41 БХР 1960
С. Ахророва ж4 ⁄ Абзалова Бахшанда ж5
Н2.4 Ф2.4.0 Б2 Я1с
Тип: EbBo 30

Т136
ФФ VI : 4288,1 — 4292,0 Ж41 БХР 1960
С. Ахророва ж4 ⁄ Шукурова М. ж0
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я1.1с
Тип: (AaTh 715^{t})

Т137
ФФ VI: 4465,1 — 4469,0 Ж41 БХР 1961
С. Ахророва ж4 ⁄ Йулдошев Рахмат м5
Н2.4 Ф1.4.1 Б3 Я1.1с
Тип: EbBo 21

Т138
ФФ VI : 5198,1 — 5205,0 Ж41 БХР 1964
С. Ахророва ж4 ⁄ Йулдошев Рахмат м5
Н2.4 Ф1.4.1 Б3 Я1.1с
Тип: EbBo 21

Т139
ФФ VI : 9142,1 — 9145,0 К42 816 Пули Чукур 1966
А. Бободжанов м0 ⁄ Хусейнова Омина ж8
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б3 Я3
Тип: (AaTh 47C) + (AaTh 122J)

Т140
ФФ VI : 9145,1 — 9147,0 К42 ЛНБ 1966
З. Кодирова ж0 ⁄ Назаров К. м4
Н2.4 Ф2.4.4 Б3 Я1с
Тип: AaTh 122 C

Т141
ФФ VI : 9150,1 — 9155,0 К42 816б Пули Чукур 1966
Н. Максудов м0 ⁄ Сангинова Бихалима ж6
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я3
Тип: (AaTh 111) + AaTh 122 D

Т142
ФФ VI : 9154,1 — 9155,0 К42 909б Ашт 1966
Д. Аюбова ж0 ⁄ ж6
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я3
Тип: AaTh 122F + AaTh 122B* + AaTh 122C + AaTh 122Z + AaTh 122J

Т143
ФФ VI : 9156,1 — 9156,0 К42 913б Махрам 1966
К. Латифов м0 ⁄ Хамрокулова Шарофат ж5
Н1.4.1 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: // Medne** 282

Т144
ФФ VI : 9157,1 — 9158,0 К42 ЛНБ 1966
М. Халилова ж0 ⁄ Обидова Бахри ж7
Н1.4.1 Ф2.4.3 Б3 Я1.1/у/с
Тип: AaTh 2030B

Т145
ФФ VI : 9159,1 — 9159,0 К42 ЛНБ 1966
С. Аброров м5 ⁄ Хомидов Ахрорходжа м5
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б1 Я3
Тип: (AaTh 122N*) + (AaTh 102) + AaTh 47A

Т146
ФФ VI : 9160,1 — 9160,0 К42 816а Ёва 1966
М. Шарифова ж0 ⁄ Баротов Ш. м6
Н2.1 Ф2.4.4 Б1 Я3
Тип: AaTh 122D + AaTh 122J

Т147
ФФ VI : 9163,1 — 9164,0 К42 ЛНБ 1966
Д. Муродов м0 ⁄ Умаров Миркамол м8
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 159B

Т148
ФФ VI : 9165,1 — 9166,0 К42 ЛНБ 1966
В. Хусейнов м0 ⁄ Ахроров Абдумаджид м4
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: // AaTh 122C

Т149
ФФ VI : 9196,1 — 9168,0 К42 ЛНБ 1966
Х. Екубов м0 ⁄ Ёкубов Холик м0
Н1.4.1 Ф1.9 Б2 Я3.1
Тип: EbBo 30

Т150
ФФ VI : 9174,1 — 9176,0 К42 ЛНБ 1966
Т. Эргашева ж0 ⁄ Ахмадов Эргашбой м7
Н1.4.1 Ф2.1 Б3 Я2
Тип: AaTh 9 + // (EbBo 1)

Т151
ФФ VI : 9177,1 — 9178,0 К42 816б Овчи Қалъача 1966
Х. Косимов м0 ⁄ Бобоев Косим м5
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 103A*)

Т152
ФФ VI : 9179,1 — 9179,0 Ж42 РТБ 1966
А. Хусейнов м0 ⁄ Азимов Султонхон м4
Н1.4.1 Ф2.1 Б1 Я3
Тип: // AaTh 130 + (AaTh 2045B*)

Т153
ФФ VI : 9180,1 — 9181,0 К42 812а к/х им. Москвы 1966
Н. Убайдуллоев м0 ⁄ Олимов Ахмад м4
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я3
Тип: AaTh 233A

Т154
ФФ VI : 9182,1 — 9182,0 Ж42 203а Қалъача 1966
Б. Хакимов м0 ⁄ Саидалиев Миркокул м3
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я1с
Тип: AaTh 47 D^{t}

Т155
ФФ VI : 9183,1 — 9183,0 К42 ЛНБ 1966
С. Бободжанов м0 ⁄ Маъруфов Абдухолик м5
Н2.3 Ф1.4.1 Б1 Я3
Тип: AaTh 130

Т156
ФФ VI : 9184,1 — 9184,0 К42 ЛНБ 1966
С. Бободжанов м0 ⁄ Маъруфов Абдухолик м5
Н2.2 Ф1.4.1 Б1 Я2
Тип: AaTh 130 + (AaTh 43)

Т157
ФФ VI : 9185,1 — 9186,0 К42 ЛНБ 1966
Д. Носирова ж0 ⁄ Носиров Абдугаффор м8
Н1.4.1 Ф1.7 Б3 Я2
Тип: // (AaTh 103C*) + AaTh 125B* + (AaTh 1060)

Т158
ФФ VI : 9187,0—9187,0 К42 КНБ 1965
А. Абдугаффоров м0 ⁄ Абдугаффоров А. м0
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: // (AaTh 2030 B)

Т159
ФФ VI : 9188,1 — 9188,0 К42 КНБ 1966
М. Кодирова ж0 ⁄ Холиков Рахматулло м8
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: Wiener ET14[3]

Т160
ФФ VI : 9189,1 — 9189,0 К42 ЛНБ 1966
х0 ⁄ м0
Н2.4 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: Schullerus 157,4 + // (AaTh 157)

Т161
ФФ VI : 9190,1 — 9190.0 К42 ЛНБ 1966
х0 ⁄ х0
Н2.4 Ф2.4.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 130

Т162
ФФ VI : 9191,1 — 9192,0 К42 ЛНБ 1966
х0 ⁄ х0
Н1.4.1 Ф2.4.6 Б2 Я3
Тип: (AaTh 23)

Т163
ФФ VI : 9193,1 — 9193,0 К42 ЛНБ 1966
З. Фозилов м0 ⁄ Хусейнов А. м0
Н2.3 Ф1.7 Б5.1 Я3
Тип: // (AaTh 715[t])

Т164
ФФ VI : 9196,1 — 9197,0 Ж42 203а Ганчи 1966
М. Маруфова ж0 ⁄ Бурхонова Изолат ж4
Н2.3 Ф2.1 Б2 Я2
Тип: (AaTh 103)

Т165
ФФ VI : 9198,1 — 9199,0 К42 ЛНБ 1966
Ш. Файзиева ж0 ⁄ Самадова Бахурмат ж5
Н1.4.1 Ф1.4.1—1.1 Б3 Я3
Тип: AaTh 126 + (AaTh 130) + (AaTh 103)

Т166
ФФ VI : 9200,1 — 9200,0 К42 ЛНБ 1966
Н. Амонова ж0 ⁄ Набиев Саидвали м3
Н1.4.1 Ф2.4.6 Б2 Я3
Тип: AaTh 2028[t]

Т167
ФФ VI : 9201,1 — 9202,0 К42 816 Уинджи 1966
Х. Неъматов м0 ⁄ Каримов Неъмат м7
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 715[t])

Т168
ФФ VI : 9203,1 — 9203,0 Ж42 203в Калъачаи Калон 1966
С. Додобоев м0 ⁄ Абдухакимов Абдуллоджон м1
Н2.2. Ф2.1 Б1 Я3
Тип: // AaTh 122D

Т169
ФФ VI : 9204,1 — 9204,0 К42 816 Румон 1966
Х. Носиров м0 ⁄ Очилов Рауф м7
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: AaTh 159B

Т170
ФФ VI : 9206,1 — 9207,0 К42 816б Овчи Калъача 1966
М. Гафуров м0 ⁄ Рахимов Ходжи м5
Н2.4 Ф2.4.2 Б2 Я3

Т171
ФФ VI : 9208,1 — 9208,0 К42 816а Костакоз 1966
М. Кодиров м0 ⁄ Гафуров Хошим м7
Н1.4.1 Ф1.7 Б1 Я3
Тип: (AaTh 155)

Т172
ФФ VI : 9212,1 — 9213,0 К42 ЛНБ 1966
Х. Абдужабборова ж0 ⁄ Киёматдинова Хуршеда ж3
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: AaTh 2028[t]

Т173
ФФ VI : 9214,1 — 9215,0 К42 ЛНБ 1966
Х. Абдуджабборова ж0 ⁄ Киёматдинова Хуршеда ж3
Н1.4.1 Ф2.4.6 Б2 Я3.3[y]
Тип: AaTh 61B

Т174
ФФ VI : 9216,1 — 9217,0 К42 909б Понгоз 1966
Ф. Курбонов м0 ⁄ Алиматова Гулшан ж8
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: (AaTh 126)

Т175
ФФ VI : 9118,1 — 9218,0 К42 ЛНБ 1966
М. Махкамов м0 ⁄ Рахматов Махкам м0
Н2.3 Ф1.5 Б2 Я1c
Тип: (AaTh 155

Т176
ФФ VI : 9219,1 — 9219,0 К42 ЛНБ 1966
Т. Рузиев м0 ⁄ Турдиев Махкамджон м3
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б1 Я3
Тип: AaTh 56A* + // (AaTh 20E*)

Т177
ФФ VI : 9223,1 — 9223,0 К42 909б Понгоз 1966
А. Абдулхаков м0 ⁄ Иброхимова Очабиби ж7
Н1.4.1 Ф2.4.3 Б1 Я3
Тип: AaTh 715[t]

Т178
ФФ VI : 9225,1 — 9225,0 К42 909б Понгоз 1966
А. Абдулхаков м0 ⁄ Иброхимова Очабиби ж7
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: EbBo 21

Т179
ФФ VI : 9226,1 — 9226,0 К42 816а к/х им. Москвы 1966
Ф. Бахриев м0 ⁄ Рустамов Бахром м3
Н2.2 Ф2.1 Б1 Я3
Тип: AaTh 92

T180
ФФ VI : 9227,1 — 9228,0 К42 816 Кистакоз 1966
А. Рахмонов м0 ∠ Мавлонов Абдурахмон м8
Н2.1 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 157

T181
ФФ VI : 92.31,1 — 92.31,0 К42 ЛНБ 1966
Х. Набиев м0 ∠ Самадова Шарафнисо ж3
Н1.4.1 Ф2.5 Б2 Я3.1
Тип: AaTh 715

T182
ФФ VI : 9232,1 — 9233,0 К42 816 Гозиён 1966
Х. Рахмонов м0 ∠ Юсуфов Абдурахмон м0
Н2.3 Ф2.4.6 Б3 Я3
Тип: (AaTh 122J) + // (AaTh 130)

T183
ФФ VI : 9234,1 — 9234,0 К42 ЛНБ 1966
М. Миркамолов м0 ∠ Курбонов Хайдар м5
Н1.4.1 Ф2.1 Б3 Я3
Тип: EbBo 24

T184
ФФ VII : 2378,1 — 2380,0 Ж42 206в Сангистон 1955
Р. Ахмадов м2 ∠ Мукаррамов Максуд м3
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: (AaTh 103) + AaTh 122N* + // (AaTh 130)

T185
ФФ VII : 2381,1 — 2383,0 Ж42 206в Сангистон 1955
Р. Ахмадов м2 ∠ Кенджаев Камар м1
Н2.3 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 102 + // (AaTh 68B) + EbBo 3

T186
ФФ VII : 2712,1 — 2713,0 К42 СФР 1965
С. Гозиев м0 и А. Гафуров м0 ∠ Наджмиддинходжа м0
Н2.4 Ф1.5 Б1 Я3
Тип: Bødker 15

T187
ФФ VII : 2718,1 — 2719,0 К42 СФР 1955
С. Гозиев м0 и А. Гафуров м0 ∠ Абдукодирходжа м0
Н2.4 Ф1.5 Б1 Я1
Тип: AaTh 51 + AaTh 92

T188
ФФ VII : 2749,1 — 2750,0 К42 СФР 1955
С. Гозиев м0 и А. Гафуров м0 ∠ Богиров М. м4
Н2.4 Ф2.4.4—2.4.3 Б1 Я1
Тип: EbBo 1

T189
ФФ VII : 2751,1 — 2754,0 К42 СФР 1955
С. Гозиев м0 и А. Гафуров м0 ∠ Богиров М. м4
Н2.4 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 155

T190
ФФ VII : 2919,1 — 2922,0 Ж42 206в с/с Рарз 1955
Р. Ахмадов м2 ∠ Назаров Авазбадал м5
Н2.1 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 157

T191
ФФ VII : 3034,1 — 3035,0 Ж42 207г Пастигав 1955
Р. Амонов м3 ∠ Давлатова ж1
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б2 Я3
Тип: // (AaTh 9)

T192
ФФ VII : 3913,1 — 3914,0 Ж42 108 Амондара 1965
Одинаев м0 ∠ Шарифов Абдумухтор м7
Н2.4. Ф2.5—1.1.1 Б1 Я1с
Тип: AaTh 61 + AaTh 122B*

T193
ФФ VII : 4561,1 — 4565,0 Ж42 108 Косатарош 1956
Р. Ахмадов м3 ∠ Холиков Юсуф м7
Н2.1 Ф1.4.1 Б3 Я1.1с
Тип: (AaTh 715[t])

T194
ФФ VII : 7856,1 — 7858,0 Ж42 207б Ростровут 1958
С. Норматов м4 ∠ Неъматуллоев Рахматулло м4
Н1.4.1—2.1 Ф1.4.1 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 47D[t]

T195
ФФ VII : 7866,1—7867,0 Ж42 207б Ростровут 1958
С. Норматов м4 ∠ Неъматуллоев Рахматулло м4
Н1.4.1—2.1 Ф1.4.1 Б2 Я1
Тип: (EbBo 1 — V) + Schullerus 103—I*

T196
ФФ VII : 8376,1 — 8382,0 Ж42 207б Ростровут 1958
С. Маликов м3 ∠ Раджабов Курбонмахмад м3
Н1.4.1 Ф2.4.4—2.4.5 Б3 Я1ц
Тип: (AaTh 3) + (AaTh 4) + (AaTh 9) + (EbBo 1)

T197
ФФ VII : 8610,1 — 8614,0 Ж42 207б Ростровут 1958
С. Маликов м3 ∠ Маликов Суфи м3
Н1.4.1 Ф1.5 Б3 Я1ц
Тип: EbBo 21

T198
ФФ VII : 9327,1 — 9330,0 К42 909б Понгоз 1958
Т. Исроилова ж3 ∠ Одирматова Угулбиби ж5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1.1с
Тип: EbBo 21

T199
ФФ VII : 9424,1 — 9426,0 К42 909б Понгоз 1958
Т. Исроилова ж3 ∠ Одирматова Угулбиби ж5
Н1.4.1 К1.4.1 Б2 Я1
Тип: EbBo 30

T200
ФФ VII : 9564,1 — 9566,0 К42 909б Понгоз 1958
Т. Исроилова ж3 ∠ Дададжанова Зулол ж7
Н2.1 К2.4 Б1 Я1с
Тип: // (EbBo 29)

T201
ФФ VII : 9626,1 — 9628,0 К42 909б Понгоз 1958
Т. Исроилова ж3 ∠ Дададжанова Зулол ж3
Н2.1 К2.4.5 Б2 Я1с
Тип: EbBo 24

T202
ФФ VII : 9628,0—9634,0 К42 909б Понгоз 1958
Т. Исроилова ж3 ∠ Дададжанова Зулол ж3
Н1.4.1 К1.5 Б3 Я1
Тип: EbBo 30

T203
ФФ VIII : 0797,1 — 0800,0 К42 909б Ашт 1958
Р. Ахмадов м3 ∠ Махмудова Юлдузой ж3
Н1.4.1 К1.4.1 Б2 Я1с
Тип: (AaTh 123)

Т204
ФФ VIII : 0959,1 — 0961,0 К42 909б Ашт 1958
Р. Ахмадов м3 ∠ Имомалиева Моинисо ж6
Н2.1 К2.4.4 Б2 Я1с
Тип: Bødker 15

Т205
ФФ VIII : 2524,1 — 2524,1 Ж42 202г Шахристон 1962
Г. Рахматова ж4 ∠ Нурматова Холби ж6
Н2.3 К2.5 Б1 Я1.1с
Тип: // (AaTh 285 D^t

Т206
ФФ VIII : 2696,1 — 2700,0 Ж42 РТБ 1963
Дж. Рабиев м3 ∠ Махмудов Юнус м3
Н1.4.1 К1.4.1 Б3 Я1с
Тип: // (AaTh 64* IIb) + (AaTh 1122)

Т207
ФФ VIII : 3488,1—3493,0 Ж42 РТБ 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Мирумарова Тоджинисо ж7
Н1.4.1 К2.4.4—1.1.1 Б3 Я1.1с
Тип: EbBo 21

Т208
ФФ VIII : 3576,1—3580,1 Ж42 РТБ 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Мирумарова Тоджинисо ж7
Н1.4.1 Ф1.5 Б3 Я1
Тип: AaTh 2031

Т209
ФФ VIII : 3655,1 — 3668,0 К42 909б Понгоз 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Раджабов Нишонбой м5
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б4 Я1с
Тип: AaTh 9 + AaTh 9B + (EbBo 3) + AaTh 68B + + EbBo 1

Т210
ФФ VIII : 3694,1 — 3705,0 К42 909б Понгоз 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Каримов Ашур м7
Н2.1 Ф2.4.6 Б4 Я1с
Тип: AaTh 155

Т211
ФФ VIII : 3771,1 — 3772,0 К42 907а Варзик 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Парпиев Муллокаро м6
Н2.3 Ф2.4.5 Б1 Я1с
Тип: // (AaTh 122 B*)

Т212
ФФ VIII : 3932,1 — 3937,0 Ж42 РТБ 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Мирумаров Мирраби м7
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1.1с
Тип: (AaTh 123)

Т213
ФФ VIII : 3956,1 — 3959,0 Ж42 РТБ 1964
Дж. Рабиев м3 ∠ Мирумарова Тоджинисо ж7
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1.1с
Тип: AaTh 715^t

Т214
ФФ VIII : 3960,1 — 3966,0 Ж42 РТБ 1966
Дж. Рабиев м3 ∠ Мирумарова Тоджинисо ж7
Н1.4.1 Ф1.5 Б3 Я1с
Тип: EbBo 30

Т215
ФФ VIII : 4283,1 — 4283,0 Ж42 303а Сух 1964
Г. Рахматова ж4 ∠ Нишонова Шохлар ж5
Н2.4 Ф2.4.6 Б1 Я1с
Тип: AaTh 35 B* = EbBo 3

Т216
ФФ VIII : 4284,1 — 4284,0 Ж42 303а Сух 1964
Г. Рахматова ж4 ∠ Нишонова Шохлар ж5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1
Тип: (AaTh 50)

Т217
ФФ VIII : 4284,2 —4286,0 Ж42 303а Сух 1964
Г. Рахматова ж4 ∠Нишонова Шохлар ж5
Н2.4 Ф2.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 2

Т218
ФФ VIII : 4383,1 —4396,0 Ж42 303а Сух 1964
Г. Рахматова ж4 ∠ Дадабоев Тоджибой м1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1
Тип: //(AaTh 125) + AaTh 126

Т219
ФФ VIII : 5265,1 — 5267,0 К42 816 1966
Н. Неъматов м0 ∠ Мусоходжаев Иброхим м5
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: // (AaTh 203A*)

Т220
ФФ VIII : 5274,1 — 5275,0 К42 ЛНБ 1966
С. Кенджаев м2 ∠ Кенджаев С. м2
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я2
Тип: // (AaTh 222B)

Т221
ФФ VIII : 5579,1 — 5581,0 К42 811 Пастигав 1965
Дж. Рабиев м3 ∠ Гулов Джумабой м1
Н1.4.1 Ф2.6 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 122J + AaTh 1220 + AaTh 122Z

Т222
ФФ VIII : 5581,1 — 5583,0 К42 811 Пастигав 1965
Дж. Рабиев м3 ∠ Гулов Джумабой м1
Н2.3 Ф2.4.2 Б2 Я1ц
Тип: // (Schullerus 103—1*)

Т223
ФФ VIII : 5746,2 — 5748,0 К42 811 Мастчох 1965
Дж. Рабиев м3 ∠ Хасанов Б. м0
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: (AaTh 225)

Т224
ФФ VIII : 5865,1 — 5865,0 Ж42 207б Метки 1965
С. Норматов м4 ∠ Одинаходжаев Джура м3
Н2.4. Ф1.5 Б1 Я1
Тип: (AaTh 51)

Т225
ФФ VIII : 5871,1 — 5873,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ∠ Шодиев Гаффор м8
Н2.2 Ф2.4.5 Б2 Я1п
Тип://AaTh 122D

Т226
ФФ VIII : 5873,1 — 5875,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ∠ Шодиев Гаффор м7
Н2.4 Ф2.5 Б2 Я1.1ц
Тип: EbBo 21

Т227
ФФ VIII : 5884,1 — 5889,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Мавлонов Субхонберди м6
Н2.2. Ф2.1 Б3 Я1ц
Тип: AaTh 159B

Т228
ФФ VIII : 5007,1 — 5908,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Одинаев Нор м4
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я1ц
Тип: AaTh 122C

Т229
ФФ VIII : 5908,1 — 5910,0 Ж42 207а Угук 1966
С. Норматов м4 ⁄ Почоев Абдусалом м6
Н2.3 Ф1.1.1 Б2 Я1
Тип: AaTh 278

Т230
ФФ VIII : 5910,1 — 5912,0 Ж42 207а Угук 1966
С. Норматов м4 ⁄ Почоев Абдусалом м6
Н2.4 Ф2.1 Б2 Я1
Тип: AaTh 75

Т231
ФФ VIII : 5913,1 — 5914,0 Ж42 207а Угук 1966
С. Норматов м4 ⁄ Почоев Абдусалом м6
Н2.4 Ф2.4.3 Б2 Я1ц
Тип://(AaTh 133*)

Т232
ФФ VIII : 5915,1 — 5917,0 Ж42 207а Угук 1966
С. Норматов м4 ⁄ Почоев Абдусалом м6
Н2.4. Ф1.1 Б2 Я1
Тип: (AaTh 92) + AaTh 34

Т233
ФФ VIII : 5917,1 — 5919,0 Ж42 207а Угук 1966
С. Норматов м4 ⁄ Почоев Абусалом м6
Н2.4. Ф2.4.5 Б2 Я1ц
Тип://AaTh 2045B*; Wienert ST47*

Т234
ФФ VIII : 5919,1 — 5920,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Одинаходжаев Джура м6
Н2.4. Ф1.7 Б1 Я1ц
Тип: Medne* 156A

Т235
ФФ VIII : 5922,0 — 5923,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Одинаходжаев Джура м6
Н2.4. Ф1.5 Б1 Я1ц
Тип://(AaTh 51)

Т236
ФФ VIII : 5923,1 — 5923,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Одинаходжаев Джура м6
Н2.3 Ф2.4.4 Б1 Я1ц
Тип: AaTh 122N*

Т237
ФФ VIII : 5924,1 — 5924,0 Ж42 207б Метк 1966
С. Норматов м4 ⁄ Одинаходжаев Джура м6
Н2.4 Ф1.5 Б1 Я1
Тип: AaTh 9

Т238
ФФ VIII : 6347,1 — 6350,0 К42 909б Ашт 1958
М. Холов м4 ⁄ Мирзоалиев Хаитбой м2
Н2.2 К2.4.4 Б2 Я1с
Тип: AaTh 2030B

Т239
ФФ VIII : 6509,1 — 6511,0 К42 909б Ашт 1958
М. Холов м3 ⁄ Хамроалиев Тухтасун м3
Н2.4 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: // (AaTh 223); AaTh6 + AaTh 122B*

Т240
ФФ VIII : 6573,1 — 6574,0 К42 909б Ашт 1958
М. Холов м3 ⁄ Мирзоалиев Эрали м7
Н2.3. Ф2.5 Б1 Я3
Тип: AaTh 280A

Т241
ФФ VIII : 6706,1 — 6715,0 К42 909б Ашт 1958
М. Холов м3 ⁄ Рахматуллоев Нарзикул м3
Н1.3.1 Ф1.4.1 Б2 Я1
Тип: EbBo 21

Т242
ФФ VIII : 6788,1 — 6794,0 Ж42 108 Амондара 1956
М. Холов м3 ⁄ ж0
Н2.4 Ф2.4.4 Б3 Я3
Тип: AaTh 9 + AaTh 9A + (AaTh 68B) + (AaTh 275)

Т243
ФФ VIII : 6794,1 — 6800,0 Ж42 108 Амондара 1956
М. Холов м3 ⁄ х0
Н2.4 Ф2.4.4 Б3 Я
Тип: AaTh 9 + (EbBo 1 + EbBo 3)

Т244
ФФ VIII : 7829,1 — 7835,0 Ж42 ДШН 1962
Н. Шодиева ж0 ⁄ Шодиев Бароп м3
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б3 Я2
Тип: AaTh 159B

Т245
ФФ VIII : 8006,1 — 8007,0 Ж42 ДШН 1962
Н. Сафоев м0 ⁄ Ризо м0
Н2.2 Ф2.4.4 Б1 Я2
Тип: (AaTh 202)

Т246
ФФ VIII : 8007,1 — 8009,0 Ж42 ДШН 1962
Н. Сафоев м0 ⁄ Ризо м0
Н2.3 Ф1.5 Б2 Я2
Тип: // AaTh 248A

Т247
ФФ VIII : 8116,1 — 8117,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ⁄ Мансуров Ботур м0
Н2.4 Ф2.4.3 Б2 Я3
Тип: (AaTh 223)

Т248
ФФ VIII : 8120,1 — 8122,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ⁄ Мансуров Ботур м0
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 Я3.1
Тип: AaTh 715*

Т249
ФФ VIII : 8196,1 — 8199,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ⁄ Мансуров Ботур м0
Н2.1 Ф2.4.6 Б3 Я3.1
Тип: (AaTh 123)

Т250
ФФ VIII : 8199,1 — 8207,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ⁄ Мансуров Ботур м0
Н2.4 Ф2.1 Б3 Я3
Тип: AaTh 130 + AaTh 122N*

Т251
ФФ VIII : 8207,1 — 8213,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ∠ Мансуров Ботур м0
Н2.3 К2.1 Б3 Я3.1
Тип: EbBo 21

Т252
ФФ VIII : 8237,2—8238,0 Ж42 ДШН 1962
Б. Мансуров м0 ∠ Мансуров Ботур м0
Н2.2 Ф2.4.3 Б1 Я3
Тип: AaTh 92

Т253
ФФ VIII : 8623,1 — 8623,0 Ж42 407 Пасурхи 1958
И. Косимов м3 ∠ Атоев Каххор м1
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 715[t]

Т254
ФФ VIII : 8625,1 — 8627,0 Ж42 407 Пасурхи 1958
И. Косимов м3 ∠ Атоев Каххор м1
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я1с
Тип: EbBo 21

Т255
ФФ IX : 6767,1 — 6801,0 Ж42 ДШН 1960
Ф. Муродов м3 ∠ Хикмат Ризо м7
Н2.1 Ф2.4.6 Б4 Я1ю
Тип: AaTh 159B

Т256
ФФ IX : 6801,1 — 6807,0 Ж42 ДШН 1960
Ф. Муродов м3 ∠ Хикмат Ризо м7
Н2.1 Ф2.5 Б4 Я1ю
Тип: // (AaTh 157); AaTh 2045B*

Т257
ФФ X : 6026,1 — 6027,0 К42 КНБ 1937
Б. Ниёзмухаммадов м4 ∠ Ёкубов Мамаджан м0
Н1.4.1 Ф2.4.3 Б2 Я3
Тип: AaTh 123

Т258
ФФ X : 6028,1 — 6029,0 К42 КНБ 1939
Б. Ниёзмухаммадов м3 ∠ Сангинов м2
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 47D[t]

Т259
ФФ X : 7185,1 — 7190,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Холов Хол м1
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 125 + (AaTh 126)

Т260
ФФ X : 7190,1 — 7193,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Холов Хол м1
Н2.3 Ф2.1 Б2 Я2
Тип://(AaTh 61)

Т261
ФФ X : 7194,1 — 7197,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Холов Хол м1
Н2.3 Ф2.4.1 Б3 Я2
Тип: (Medne* 237) + // (AaTh 222B)

Т262
ФФ XI : 9632,1 — 9633,0 Ж42 РТБ 1953
У. Ахмадова ж3 ∠ х0
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я1
Тип: AaTh 295

Т263
ФФ X : 7199,1 — 7203,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Холов Хол м1
Н2.3 Ф2.4.3 Б2 Я3
Тип: ThMot. K1613 + ThMot.N332 + Medne* 235

Т264
ФФ X : 7203,1 — 7207,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Холов Хол м1
Н2.2 Ф2.1 Б2 Я3
Тип: (AaTh 43) + AaTh 130 + // (Medne **81)

Т265
ФФ X : 7287,1 — 7290,0 Ж42 209а Панджруд 1956
М. Холов м3 ∠ Латифов Забур м5
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я1с
Тип: AaTh 157

Т266
ФФ X : 7705,1 — 7706,0 Ж42 605в Муминабад 1957
С. Фатхуллов м3 ∠ Комилов Давлат м3
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я1ю
Тип: (EbBo 21)

Т267
ФФ X : 8808,1 — 8809,0 Ж42 502 Бобосурхон 1960
Т. Исроилова ж3 ∠ Сайфуллоев Суннатулло м1
Н2.3 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: AaTh 47D

Т268
ФФ XI : 0458,1 — 0458,0 К42 909б Понгоз 1961
Н. Азимов м4 ∠ Машарифова О.ж1
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б1 Я1с
Тип: (AaTh 715[t])

Т269
ФФ XI : 1397,3 — 1399,0 К42 909б Понгоз 1961
Ф. Мирзоахмадов м0 ∠ Турсунматова У. ж7.
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3.1
Тип: (AaTh 285 D[t])

Т270
ФФ XI : 1490,1 — 1491,0 К42 909б Понгоз 1961
М. Шодиматов м0 ∠ Шодиматов М. м0
Н1.4.1 Ф1.4.1—1.1 Б2 Я1.1с
Тип: EbBo 29

Т271
ФФ XI : 1492,1 — 1493,0 К42 909б Понгоз 1961
М. Шодиматов м0 ∠ Шодиматов М. м0
Н2.1 Ф2.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 9 + AaTh 9A + (AaTh 275)

Т272
ФФ XI : 1507,1 — 1508,0 К42 909б Понгоз 1961
М. Худойкулов м0 ∠ Худойкулов Мадамин м0
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: EbBo 21

Т273
ФФ XI : 1520,1 — 1521,0 К42 909б Понгоз 1961
Н. Додоматов м0 ∠ Додоматов Нишонбой м0
Н2.3 Ф2.4.6 Б1 Я3
Тип: AaTh 9 + AaTh 9B

Т274
ФФ XI : 2210,1 — 2212,0 Ж42 303а Сух 1921
Н. Азимов м4 ⁄ Тураев Ботурхон м1
Н2.4 Ф2.4.3 Б2 Я1
Тип: (EbBo 1—V); (AaTh 36)

Т275
ФФ XI : 4189,1 — 4195,0 ДШН 1963
Б. Шермухаммадов м3 ⁄ Умаров Шариф м3
Н1.4.1 Ф2.1 Б3 Я3
Тип: AaTh 130

Т276
ФФ XI : 3941,1 — 3941,0 Ж42 503 Чалджут 1961
Н. Бехбуди м3 ⁄ Насриддинов Камол м0
Н2.4 Ф2.4.6 Б1 Я1ю
Тип: (AaTh 123)

Т277
ФФ XI : 3944,1 — 3945,0 Ж42 503 Кофарнихон 1961
Б. Саъдуллоев м3 ⁄ Холназаров Саид м7
Н2.4 Ф1.5 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 20D *) + AaTh 130

Т278
ФФ XI : 3946,1—3947,0 Ж42 503 Зулфи 1961
Б. Садуллоев м3 ⁄ Ахмадова Хадиса ж3
Н1.4.1 Ф2.6 Б2 Я1
Тип: // (AaTh 285 D^t)

Т279
ФФ XI : 3950,1—3950,0 Ж42 503 Джалджут 1961
Н. Бехбуди м3 ⁄ Насриддинов Камол м0
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б1 Я1ю
Тип: Wienert ET 143

Т280
ФФ XI : 3951,1 — 3951,0 Ж42 503 Джалджут 1961
Н. Бехбуди м3 ⁄ Азизов Хомид м6
Н2.4 К2.5 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 278

Т281
ФФ XI : 3952,1 — 3953,0 Ж42 503 Дашти Бед 1961
х0 ⁄ Мирзоев Куган м0
Н2.1 Ф2.4.5 Б1 Я1ю
Тип: (AaTh 103A *) + (AaTh 20E *)

Т282
ФФ XI : 7000,1 — 7000,0 К42 811г Худгиф 1962
К. Иноятов м3 ⁄ Курбонова Момо ж1
Н2.1 Ф2.4.0 Б1 Я1.1ц
Тип: // (EbBo 30)

Т283
ФФ XI : 7004,1 — 7004,0 К42 811г Худгиф 1962
К. Иноятов м3 ⁄ Назаров Сангин м1
Н2.4 Ф2.6 Б1 Я3
Тип: // (AaTh 285D^t)

Т284
ФФ XI : 7005,1 — 7005,0 К42 811г Худгиф 1962
К. Иноятов м3 ⁄ Амонов Устосаид м8
Н2.4 Ф2.4.3 Б1 Я1
Тип: AaTh 61 + // (AaTh 122 B *)

Т285
ФФ XI : 7103,1 — 7105,0 Ж42 507г с/х им. Ленина 1961
М. Султонов м3 ⁄ Султонов Махмадмурод м3
Н2.1 Ф1.9 Б2 Я1ю
Тип: EbBo 24

Т286
ФФ XI : 7141,1 —7142,0 Ж42 507 г с/х им. Ленина 1961
М. Султонов м3 ⁄ Султонов Махмадмурод м3
Н2.4 Ф2.6 Б1 Я1ю
Тип: // (AaTh 282 C *)

Т287
ФФ XI : 7172,1 — 7173,0 Ж42 507г с/х им. Ленина 1961
М. Султонов м3 ⁄ Султонов Махмадмуров м3
Н2.1 Ф1.5 Б1 Я1ю
Тип: // (EbBo 18)

Т288
ФФ XI : 7173,1 —7173,0 Ж42 507 г с/х им. Ленина 1961
М. Султонов м3 ⁄ Султонов Махмадмурод м3
Н2.4 Ф2.5 Б1 Я1ю
Тип: Kovács 216 *; Wienert ET191; Wienert ET170

Т289
ФФ XI : 7259,1 — 7261,0 Ж42 КРГ 1963
С. Каландаров м0 ⁄ Ёкуб м8
Н1.4.1 Ф1.2.1 Б2 Я1ю
Тип: (AaTh 223) + (EbBo I—V) + Schullerus 103—I *

Т290
ФФ XI : 7275,1— 7276,0 КРГ 1961
Ш. Нуралиев м0 ⁄ Набиева ж8
Н1.4.1 Ф1.5 Б1 Я1ю
Тип: (EbBo 1) + AaTh 36

Т291
ФФ XI : 7891,1 —7893,0 Ж42 507г с/х им. Ленина 1965
М. Султонов м3 ⁄ Султонов Махмадмурод м3
Н2.4 Ф2.4.4 Б1 Я3
Тип: AaTh 122 F

Т292
ФФ XI : 8452,1 — 8456,0 ПНД 1963
З. Ходжиев м0⁄Джалилова Мохира ж1
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я1с
Тип: EbBo 29

Т293
ФФ XI : 8485,1 — 8487,0 Ж42 ПНД 1963
З. Ходжиев м0⁄Джалилова Мохира ж1
Н2.4 Ф.5 Б2 Я1с
Тип: AaTh 125 + (AaTh 126)

Т294
ФФ XI : 8559,1 — 8563,0 Ж42 502 1964
С. Исмоилова ж0⁄Наджмиддинова ж0
Н2.1 Ф1.2.1 Б2 Я1ю
Тип: EbBo 21

Т295
ФФ II : 4953,1— 4959,0 Ж42 КЛБ 1960
А. Рахимов м0⁄х0
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б3 Я1ю
Тип: (AaTh 123) + (AaTh 130)

Т296
ФФ XII : 0160,1 — 0166,0 Ж42 514а к/х им. М. Горького 1958
Р. Ёров м0⁄м8
Н1.4.1 Ф1.5 Б3 Я3
Тип: // (EbBo 29)

Т297
ФФ XII : 0167,1 — 0170,0 Ж42 514а к/х им. М. Горького 1958
Р. Ёров м0/м8
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: Wienert ET143

Т298
ФФ XII : 0198,1 — 0201,0 Ж42 514а к/х им. М. Горького 1958
Р. Ёров м0/Ёрмухаммадиев Раджабали м3
Н1.4.1 Ф2.1—1.5 Б2 Я3
Тип: // (EbBo 12) = (Bødker 246); // ThMot J766.1.

Т299
ФФ XII : 0202,0 — 0209,0 Ж42 514а к/х им. М. Горького 1958
Р. Ёров м0/Мухаммадиев Раджабали м3
Н2.3. Ф1.7 Б3 Я2
Тип: Bødker 15; (AaTh 222A)

Т300
ФФ XII : 0530,1—0539,0 Ж42 502в к/х им. Жданова 1965
Н. Муродов м0/Муродов Нурали м0
Н2.1 Ф2.4.3 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 56A + AaTh 122D *

Т301
ФФ III : 6264,1 — 6264,0 Ж42 502 1960
Ф. Зехниева м3/Толибов Рахмон м2
Н1.4.1 Ф1.5 Б1 Я3
Тип: Wienert ET 143

Т302
ФФ XII : 0671,1 — 0671,0 Ж42 503 Кангурт 1960
С. Хакимов м0/Сабзалиев Саидали м7
Н2.4 Ф2.44—2.4.7 Б1 Я1ю
Тип: AaTh 275

Т303
ФФ XII : 0670,1 — 0670,0 Ж42 503 Кангурт 1960
С. Хакимов м0/Сабзалиев Саидали м7
Н2.2—2.1 Ф2.4.5—1.5 Б1 Я1ю
Тип: (AaTh 225)

Т304
ФФ XII : 0742,1 — 0743,0 Ж42 508а Кангурт 1961
Г. Исоев м3/Исоев Гулом м3
Т1.4.1 Ф.2.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 2025^{t}

Т305
ФФ XII : 1293,1 — 1294,0 К42 811г Мадрушкент 1962
К. Иноятов м3/Нозимов Абдулхафиз м7
Н2.4 Ф1.5 Б1 Я3
Тип: AaTh 2045 B*

Т306
ФФ XII : 1328,1 — 1332,0 Ж42 510а Гозималик 1962
Х. Факиров м0 /Тагойхонов Йулдош м6
Н2.4 Ф2.4.3 Б3 Я3
Тип: (AaTh 102) + // (EbBo 3)

Т307
ФФ XII : 1332,1 — 1334,0 Ж42 510а Гозималик 1962
Х. Факиров м0/Тагойхонов Йулдош м6
Н2.4 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 47D

Т308
ФФ XII : 1600,1 — 1608,0 К42 909б Понгоз 1961
М. Бокиматов м3/Турсунова Ашурджон ж7
Н1.4.1 Ф2.1 Б3 Я3.1
Тип: EbBo 21

Т309
ФФ XII : 2285,1 — 2287,0 К42 909 Бободархон 1961
Н. Мирзоев м0/Усмонова Очабиби ж7
Н1.4.1 Ф2.5 Б2 Я1с
Тип: EbBo 21

Т310
ФФ XII : 2287,1 — 2288,0/ К42 909 Бободархон 1961
Н. Мирзоев м0 / Усмонова Очабиби ж7
Н1.4.1 Ф2.5 Б4 Я1с
Тип: (AaTh 715^{t})

Т311
ФФ XII : 2384,1 — 2387,0 К42 909 Бободархон 1961
Н. Мирзоев м0 / Усмонова Очабиби ж7
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1с
Тип: EbBo 21 + AaTh 285 D^{t}

Т312
ФФ XII : 2562,1 — 2564,0 К42 909 Бободархон 1961
Н. Мирзоев м0 / Хайруллоева Ш. ж5
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я1с
Тип: AaTh 715^{t}

Т313
ФФ XII : 2604,1 — 2606,0 К42 909 Бободархон 1961
Н. Маюнусов м0 / Кобилов Мадамин м0
Н1.4.1 Ф0.0.0 Б2 Я3
Тип: EbBo 30

Т314
ФФ XII : 2688,1 — 2690,0 К42 909 Саро 1962
Н. Мирзоев м0 / Султонова Т. ж0
Н1.4.1 Ф2.4.2 Б2 Я1.1с
Тип: AaTh 715^{t}

Т315
ФФ XII : 2740,1 — 2742,0 К42 901в Ангрен 1961
Р. Масолиев м3 / Халилова Бибинисо ж1
Н1.4.1 Ф0.0.0 Б2 Я1.1
Тип: (AaTh 715^{t})

Т316
ФФ XII : 3067,1 — 3069,0 К42 901в Ангрен 1961
З. Натанова ж0 / Натанова Зоя ж0
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 715^{t})

Т317
ФФ XII : 3078,1 — 3084,0 К42 901в Ангрен 1961
З. Натанова ж0 / Натанова Зоя ж0
Н1.4.1 Ф2.4.9 Б3 Я3
Тип: EbBo 19—IV

Т318
ФФ XII : 3098,2 — 3100,0 К42 901в Ангрен 1961
Р. Холдоров м0 / Холдоров Рахмон м0
Н1.4.1 Ф2.4.6—2.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 56A) + (AaTh 223) + (AaTh 154 — IV)

Т319
ФФ XII : 3106,1 — 3109,0 К42 901в Ангрен 1961
Р. Холдоров м0 ∠ Холдоров Рахмон м0
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я3
Тип: (AaTh 20D *) + AaTh 61A

Т320
ФФ XII : 3124,1 — 3127,0 К42 901в Ангрен 1961
А. Мамадюнусов м0 ∠ Мамадюнусов А. м0
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип://(AaTh 56A) + (AaTh 223) + AaTh 154 — IV

Т321
ФФ XII : 3253,1 — 3254,0 К42 901в Ангрен 1960
Ш. Мирзоалиев м0 ∠ Мирзоалиев Ш. м0
Н1.4.1 Ф2.4.2—2.4.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 20D *

Т322
ФФ XII : 3395,1 — 3401,0 К42 901в Ангрен 1960
Х. Хошимов м0 ∠ Нурматов Хошим м1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я3
Тип: EbBo 29

Т323
ФФ XII : 3401,1 — 3405,0 К42 901в Ангрен 1960
Х. Хошимов м0 ∠ Нурматов Хошим м1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я3.3/y/
Тип: AaTh 122D + (Schullerus 103—I)

Т324
ФФ XII : 3701,1 — 3704,0 Ж42 408 Хуфар 1966
И. Шарифов м4 ∠ Шарифов Исмат м4
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я1c
Тип: ThMot K1771

Т325
ФФ XII : 3705,1 — 3706,0 Ж42 408 Хуфар 1966
И. Шарифов м4 ∠ Шарифов Исмат м4
Н2.4 Ф2.5 Б1 Я1c
Тип://(Kovács 67 *) + (AaTh 175) + ThMot.K525.5

Т326
ФФ XII : 3754,1 — 3757,0 Ж42 408 Нелу 1966
М. Мухибов м1 ∠ Мухибов Махмуд м1
Н1.4.1 Ф1.5 Б2 Я1c
Тип: EbBo 29

Т327
ФФ XII : 3926,2 — 3932,9 Ж42 408 Хуфар 1966
Н. Хидоева ж1 ∠ Хидоева Назокат ж1
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б3 Я3
Тип: (AaTh 15)

Т328
ФФ XII : 4000,1 — 4004,0 Ж42 408 Хуфар 1966
М. Муродова ж1 ∠ Муродова Мухаррам ж1
Н2.2 ФI.4.1 Б3 Я3.1
Тип: EbBo 30

Т329
ФФ XII : 4507,1 — 4515,0 Ж42 408 Нелу 1966
А. Мамадкулов м0 ∠ Мамадкулов Нарзикул м0
Н2.4 Ф2.4.5 Б3 Я3
Тип: EbBo 29

Т330
ФФ VII : 2713,1 — 2714,0 К42 СФР 1955
С. Гозиев м0 и А. Гафуров м0 ∠ х0
Н2.4 Ф1.5 Б1 Я1c
Тип: AaTh 278

Т331
ФФ XII : 4932,1 — 4934,0 К42 902в Чодак 1961
Н. Азимов м3 ∠ Шомуродов Иброхим м1
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я1.1/y/
Тип: AaTh 2025

Т332
ФФ XII: 5132,3 — 5135,0 Ж42 408 Сина 1966
Ш. Тилабов м0 ∠ Курбонов Тилаб м8
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 30

Т333
ФФ XII : 5142,1 — 5147,0 Ж42 408 Сина 1966
Т. Набиев м0 ∠ Усмонов Наби м8
Н1.4.1 Ф1.9 Б3 Я1c
Тип: EbBo 24

Т334
ФФ XII : 5226,0 — 5228,0 Пасурхи 1966
Ш. Асадова ж0 ∠ Мухамадиев Асад м7
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: AaTh 715t

Т335
ФФ XII : 5245,1 — 5246,0 Ж42 407 Пасурхи 1966
Б. Аъзамов м1 ∠ Аъзамов Бахром м1
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я3.3
Тип: AaTh 47E + AaTh 122A + AaTh 122C +
+ (AaTh122F) + AaTh 122Z

Т336
ФФ XII : 5265,1 — 5266,0 Ж42 407 Сариосиё 1966
З. Маджидова ж1 ∠ Маджидова Зухро ж1
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я3
Тип: // Wienert ET 143′

Т337
ФФ XII : 5280,1 — 5281,0 Ж42 407 Сариосиё 1966
Н. Мухиддинов м1 ∠ Мухиддинов Нуриддин м1
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б1 Я1c
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275

Т338
ФФ XII : 5348,3 — 5351,0 Ж42 408 Сина 1966
Б. Рахимова ж1 ∠ Рахимова Барфи ж1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 175

Т339
ФФ XII : 5353,6 — 5354,0 Ж42 408 Сина 1966
Б. Рахимова ж1 ∠ Рахимова Барфи ж1
Н2.4 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 715t)

Т340
ФФ XII : 5395,1 — 5397,0 Ж42 408 Кукабулок 1966
Н. Шохимардонов м1 ∠ Шохимардонов Неъмат м1
Н2.4 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: (AaTh 9) + (AaTh 15)

Т341
ФФ XII : 5414,2 — 5415,0 Ж42 408 Кукабулок 1966
Г. Нарзуллоева ж1 ∠ Нарзуллоева Гулбиби ж1
Н1.4.1 Ф1.1.1 Б2 Я1c
Тип: EbBo 30

Т342
ФФ XII : 5433,1 — 5435,0 Ж42 408 Кукабулок 1966
Б. Дустов м1 ∠ Дустов Бозор м1
Н2.4 Ф2.4.6 Б2^t Я3
Тип: AaTh 2028

Т343
ФФ XII : 5574,1 — 5576,0 Ж42 407 Пасурхи 1966
Д. Обидов м4 ∠ Гаффоров Хурсанд м3
Н1.4.1 Ф2.4.6 Б1 Я1с
Тип: EbBo 24

Т344
ФФ XII : 5580,1 — 5582,0 Ж42 407 Пасурхи 1966
Д. Обидов м4 ∠ Саидов Абдухамид м3
Н1.4.1 Ф2.5 Б1 Я1с
Тип: AaTh 47D^t

Т345
ФФ XII : 6319,1 — 6321,0 Ж42 408 Дехнав 1966
С. Тиллоев м0 ∠ Холова Гулбиби ж1
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 9 + AaTh 9A + AaTh 275

Т346
ФФ XII : 6430,1—6430,1 Ж42 507г с/х им. Ленина 1966
М. Султонов м3 ∠ Султонов Махмадмурод м3
Н1.1.1 Ф2.4.2 Б1 Я3
Тип: ThMot. K1771

Т347
ФФ XII : 7763,1 — 7765,0 Ж42 502 1965
С. Махдиев м4 ∠ Юнусов Ю. м4
Н2.4 Ф2.4.6 Б1 Я3
Тип: // Wienert ST 21 * : 229' — 230' vgl. Fußnote 2;
// BP3, 546

Т348
ФФ XII : 8892,1 — 8893,0 Ж42 309г Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Шарифов Абдурахмон м3
Н1.4.1 Ф2.5 Б2 Я3
Тип: (Schullerus 216)

Т349
ФФ XII : 8894,1 — 8900,0 Ж42 309г Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Сатиров Султон м4
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я3
Тип: EbBo 21

Т350
ФФ XII : 8901,1 — 8907,0 Ж42 309г Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Рахмонов Абдуджаббор м6
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 56A + AaTh 122D *

Т351
ФФ XII : 8911,1 — 8913,0 Ж42 309г Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Комилов Хусайнджон м3
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: AaTh 61 + AaTh 122B *

Т352
ФФ XII : 8914,1 — 8916,0 Ж42 309 Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Девонаев Файзулло м4
Н1.4.1 Ф1.7 Б2 Я3
Тип: AaTh 9B

Т353
ФФ XII : 8917,1 — 8922,0 Ж42 309г Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Давлатов М. м5
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я3
Тип: (AaTh 103) + AaTh 122N *

Т354
ФФXII : 8922,1 — 8933,0 Ж42 309г
А. Шарофов м4 ∠ Косимов Абдурашид м7
Н2.4 Ф2.4.3—2.4.6 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 130 + (AaTh 20D *) + (AaTh 122N *) +
+ AaTh 64 * — IIB

Т355
ФФ XII : 8933,1 — 8938,0 Ж42 309 Кулло 1966
А. Шарофов м4 ∠ Тура м4
Н2.4 Ф2.6 Б3 Я3
Тип: (AaTh 6) + AaTh 223

Т356
ФФ XII : 9184,1 — 9187,0 Ж42 216г Обигарм 1966
А. Шарофов м4 ∠ Хасанов Мирзобоби м3
Н1.3.1 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: AaTh 223

Т357
ФФ XII : 9188,1 — 9193,0 Ж42 216 г Обигарм 1966
А. Шарофов м4 ∠ Шоев Мусамир м3
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я3
Тип: (AaTh 715^t)

Т358
ФФ XII : 9372,1 — 9375,0 Ж42 2076 Ростровут 1966
Суфи Маликов м4 ∠ Маликов Бобошо м5
Н1.4.1 Ф2.4.4 Б2 Я1ц
Тип: // (Medne 281 *)

Т359
ФФ XII : 9392,1 — 9396,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ∠ Гулов Джума м7
Н1.4.1 Ф2.1 Б3 Я1ц
Тип: // (AaTh 56A) + AaTh 122D + AaTh 122D *

Т360
ФФ XII : 9406,1 — 9409,0 Ж42 2076 Ростровут 1966
С. Маликов м4 ∠ Назаров Гоиб м7
Н2.1 Ф2.1 Б2 Я1ц
Тип: // (AaTh 182) = // EbBo 44—V

Т361
ФФ XII : 9410,1 — 9410,0 Ж42 605в Муминабад 1950
х0 ∠ Одинаев Иброхим м2
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б3 Я1ц
Тип: AaTh 715^t

Т362
ФФ XII : 9421,1 — 9429,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ∠ Маликова Ф. ж8
Н1.4.1 Ф2.4.0 Б3 Я1ц
Тип: AaTh 56A + (AaTh 103A *) + // (AaTh 122N *)

Т363
ФФ XII : 9476,1 — 9479,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ∠ Тошев Ходжа м7
Н1.4.1 ФI.5.—2.5 Б2 Я1ц
Тип: AaTh 61A

Т364
ФФ XII : 9480.1 — 9483,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ∠ Тошев Ходжа м7
Н2.4 Ф2.5.7 Б2 Я1ц
Тип: (EbBo 1)

Т365
ФФ XII : 9484,1 — 9490,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ⁄Солеҳова Бибираджаб ж7
Н2.4 Ф2.5.4 Б3 Я1ц
Тип: AaTh 20C + (AaTh 4) + (AaTh 92)

Т366
ФФ XII : 9534,1 — 9540,0 Ж42 207б Ростровут 1966
С. Маликов м4 ⁄Хасанов Одина м6
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я1ц
Тип: // (Wienert ET 61—63)

Т367
ФФ XII : 0356,1 — 0359,0 Ж42 111в Дехнави Боло 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Джумаев Зохид м4
Н2.4 Ф1.5 Б2 Я3
Тип: // (AaTh 285 D^t) + AaTh 278

Т368
ФФ XIII : 0360,1 — 0364,0 Ж41 603б Сангмула 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Хамроев Юсуф м4
Т2.4 Ф1.4.1—2.4.4 Б3 Я1с
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275 + (AaTh 154)

Т369
ФФ XIII : 0365,1 — 0366,0 Ж41 603б Сангмула 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Хамроев Юсуф м4
Н2.4 Ф2.4.2 Б2 Я3
Тип: AaTh 21

Т370
ФФ XIII : 0376,1 — 0382,0 Ж42 111в Дехнави Боло 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Нуриддинов Джалол м6
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 Я3
Тип: // (Wienert ET 508); (Wienert ST 172')

Т371
ФФ XIII : 0383,1 — 0388,0 Ж42 111в Дехнави Боло 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Мирзоев Мухтор м6
Н2.4 Ф2.4.4 Б3 Я1с
Тип: AaTh 47D

Т372
ФФ XIII : 0389,1 — 0392,0 Ж42 111в Дехнави Боло 1958
Р. Кодиров м4 ⁄Мирзоев Мухтор м6
Н2.4 Ф1.5 Б3 Я1с
Тип: AaTh 50

Т373
ФФ XIII : 0393,1 — 0397,0 Ж42 111в Китоб 1957
Р. Кодиров м4 ⁄Обидова Муяссара ж1
Н1.4.1 Ф2.5 Б3 Я1.1с
Тип: AaTh 715^t

Т374
ФД : 0638,1 — 0639,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 Ф1.5—1.1.1 Б2 Я2
Тип: // AaTh 2045 B*

Т375
ФД : 0877,1 — 0881,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.2 Ф2.4.6—1.1.1 Б2 Я2
Тип: // Bødker 741 + // (AaTh 75)

Т376
ФД : 0890,1 — 0901,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 Ф2.43.—1.1.1 Б4 Я2
Тип: AaTh 155

Т377
ФД : 1020,1 — 1025,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.4.1—1.1.1 Б3 Я2
Тип: (AaTh 157) + AaTh 38

Т378
ФД : 1152,1 — 1163,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.4.1—1.1.1 Б3 Я2
Тип: AaTh 51A

Т379
ФД : 1164,1 — 1169,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 Ф2.4.1 Б2 Я2
Тип: Medne ** 232

Т380
ФД : 1196,1 — 1198,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.1.1 Б2 Я2
Тип: AaTh 60

Т381
ФД : 1220,1 — 1222,0 ⁄ К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 Ф2.4.6—1.1.1 Б2 Н2
Тип://Medne * 201B + (AaTh 34)

Т382
ФД : 1223,1 — 1227,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф2.4.6—1.1.1 Б2 Я2
Тип: (AaTh 9) + AaTh 275

Т383
ФД : 1228,1 — 1234,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф2.4.3.—1.1.1 Б2 Я2
Тип: (AaTh 223)

Т384
ФД : 1235,1 — 1239,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 Ф2.4.5—1.1.1 Б2
Тип: (AaTh 110)

Т385
ФД : 1379,1 — 1382,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.1 ФІ.4.1—1.1.1 Б2 Я2
Тип: AaTh 125 + (AaTh 126)

Т386
ФД : 1513,1 — 1519,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.2 Ф1.4.1—1.1.1 Б3 Я2
Тип: AaTh 233 B

Т387
ФД : 1520,1 — 1522,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ⁄Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.4.1—1.1.1 Б2 Я2
Тип: AaTh 278

Т388
ФД : 1523,1 — 1526,0 К52 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ∠ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.4.1—1.1.1 Б2 Я2
Тип: ThMot. J429 + ThMot. U30f

Т389
ФД : 1764,1 — 1772,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ∠ Неъматуллозода Шоим м6
Н2.4 Ф1.4.1—1.1.1 Б3 Я2
Тип: AaTh 9 + (AaTh 9B) + (EbBo Anlage C—7) + + EbBo 1 + AaTh 33

Т390
ФД : 2560,1 — 2564,0 К42 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ∠ Иноятов Собир м5
НІ.4.1 Ф1.4.1—1.1.1 Б3 Я3
Тип: AaTh 102 + // (EbBo 1) + (EbBo 3) + + // (АТ1 68B)

Т391
ФД : 2565,1 — 2570,0 К52 ТШК 1947
Г. А. Дзагуров м6 ∠ Бахруллозода Насрулло м6
Н2.1 ФІ.5—1.1.1 Б3 Я3
Тип: (AaTh 155)

Т392
АН № 7 К42 ТШК 1928
М. С. Андреев м4 ∠ х0
Н2.1 Ф1.9 Б3 Я1ю
Тип: (EbBo 24)

Т393
АН № 12 С12 К42 ТШК 1928
М. С. Андреев м4 ∠ х0
Н2.4 Ф2.4.4 Б2 ЯІю
Тип: AaTh 157 + Schullerus 157,4

Т394
АН № 42 Ж42 503б Ромит 1924
Е. М. Пещерева ж3 ∠ м1
Н2.4 Ф2.4.3 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 102 + AaTh 68B + AaTh 36

Т395
АН № 43 Ж42 503 Вистон 1924
Е. М. Пещерева ж3 ∠ х0
Н2.1 Ф2.1 Б4 Я1ю
Тип: AaTh 20D* + AaTh 61A

Т396
АН № 44 Ж42 503 1924
Е. М. Пещерева ж3 ∠ мІ
Н2.1 Ф2.4.5 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 225

Т397
АН № 67 К42 ТШК 1928
х0 ∠Рашидов Абдусалом м0
НІ.4.1 ФІ.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 125 + (AaTh 126)

Т398
АН № 68 К42 ТШК 1928
х0∠ Рашидов Абдусалом м0
Н1.4.1 ФІ.4.1 Б3 Я1с
Тип: (AaTh 123)

Т399
АН № 69 Ж42 РТБ 1927
х0 ∠ Миррахим м1
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1с
Тип: AaTh 130

Т400
АН № 73 К42 903 Косон 1928
х0 ∠ Мухаммадиев Солеходжи м0
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: (AaTh 715t)

Т401
ФФ VIII : 4305,2 — 4308,0 К42 903 Сабзазор 1964
Г. Рахматова ж4 ∠ Абдуллаева Халима ж5
Н1.4.1 К2.1 Б2 Я1
Тип: (AaTh 715t)

Т402
РД 19 Ж42 602в Ёгед 1949
А. З. Розенфельд ж4 ∠ Аброр Шох м1
Н2.1 Ф2.4.4 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 9 + AaTh 9B

Т403
РД 20 Ж42 604 Сунгад 1957
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Рахимов Парвона м7
Н2.4 Ф2.4.4 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 20D * + AaTh 61A + AaTh 68B

Т404
РД 21 Ж42 604 Сунгад 1957
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Рахимов Парвона м7
Н2.4 Ф1.9 Б3 Я1ю
Тип: (EbBo 29)

Т405
РД 22 Ж42 604 Доршир 1957
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Авазова Савлат ж2
Н2.1 Ф1.2.1 Б3 Я1ю
Тип: AaTh 223 + AaTh 68B + (AaTh 33)

Т406
РД 23 Ж42 604 Доршир 1957
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Акрамова Гулнамо ж1
Н2.4 Ф2.4.5 Б2 ЯІю
Тип: (AaTh 715t)

Т407
РД 24 Ж42 604 Доршир 1957
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Назаров Абдулло м6
Н2.4 Ф2.1 Б2 Я1ю
Тип: AaTh 248A

Т408
РД 28 Ж42 602 Хек 1953
А. З. Розенфельд ж5 ∠ Назарова Нозиямо ж0
Н2.3 Ф1.4.1 Б3 Я1ю
Тип: EbBo 21

Т409
СМ : 0027,1 — 0027,0 Ж42 СМР 1932
И. А. Сухарев м3 ∠ Умарова Р. ж0
Н1.4.1 Ф1.4.1 Б3 Я1с
Тип: AaTh 123

Т410
СМ : 0029,1 — 0031,0 Ж42 СМР 1923
И. А. Сухарев м3 ∠ Раззоков Р. м0
Н2.1 Ф1.4.1 Б4 Я1с
Тип: AaTh 123

Т411
СМ : 0033,1 — 0033,0 Ж42 СМР 1933
О. А. Сухарева ж3 ∠ ж8
Н1.2.1 Ф2.4.4 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

Т412
СМ : 0036,1 — 0036,0 Ж42 СМР 1933
О. А. Сухарева ж3 ∠ Пирмухаммадзода м0
Н1.4.1 ФІ.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

Т413
СМ : 0037,1 — 0038,0 К42 ТШК 1925
О. А. Сухарева ж3 ∠ Раджабов Бобо м1
Н2.4 Ф2.4.9 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

Т414
СМ : 0039,1 — 0040,0 К42 ТШК 1925
О. А. Сухарева ж3 ∠ Бобоев Мансур м0
Н2.1 Ф2.4.2 Б3 Я1
Тип: AaTh 123

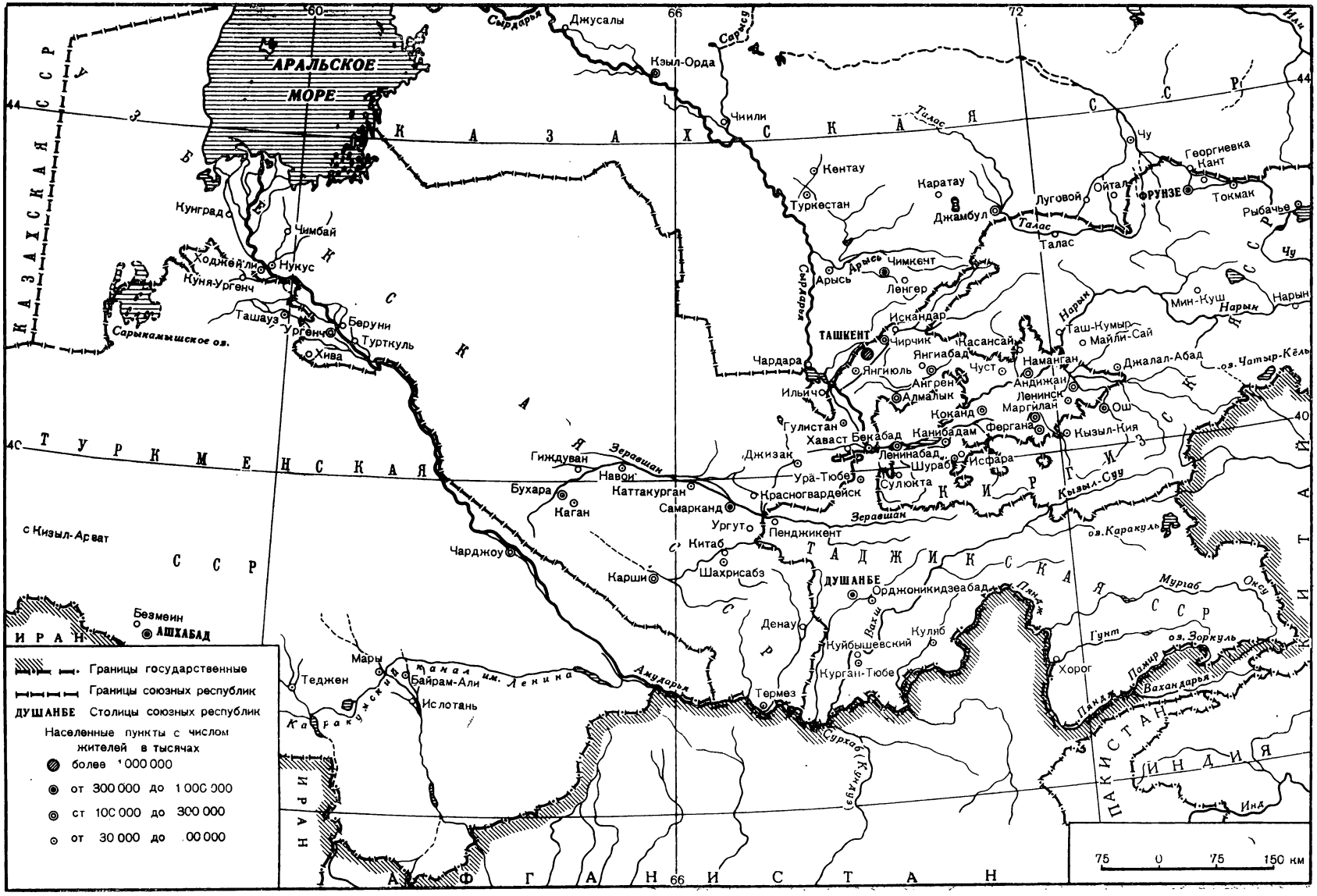
Т415
СМ : 0041,1 — 0042,0 К42 ТШК 1925
О. А. Сухарева ж3 ∠ Йулдошев м0
Н2.1 Ф1.4.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

Т416
СМ : 0043,1 — 0043,0 К42 ТШК 1925
О. А. Сухарева ж3 ∠ м1
Н1.2.1 Ф1.1.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 123

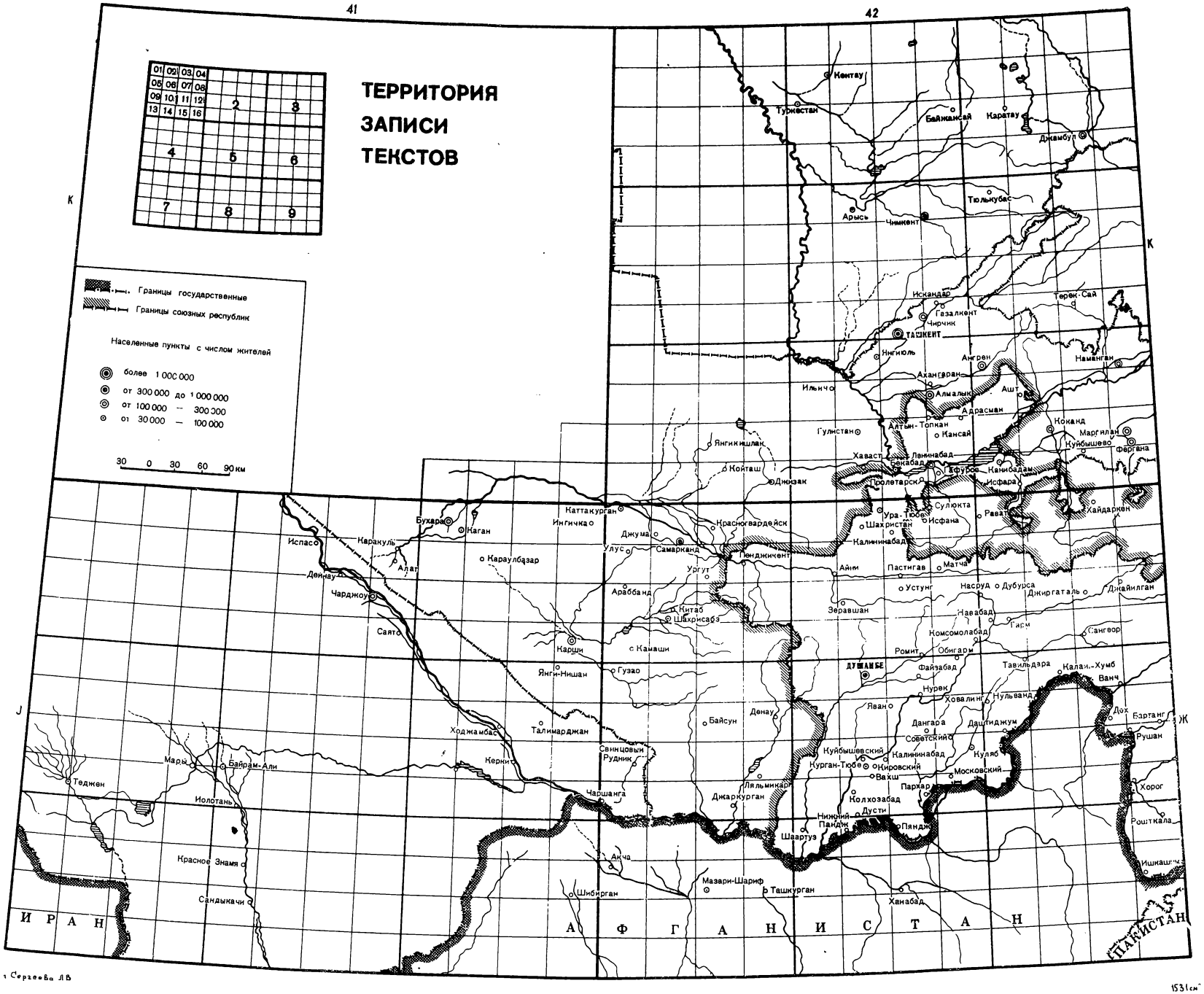
Т417
НК : 0051,1 — 0052,0 К42 КНБ 1936
Б. Ниёзмухаммадов м4 ∠ х0
Н1.4.1 Ф2.4.5 Б2 Я1с
Тип: EbBo 24

Т418
НК : 0052,1 — 0052,0 К42 КНБ 1936
Б. Ниёзмухаммадов м4 ∠ х0
Н1.4.1 Ф2.1 Б2 Я1с
Тип: AaTh 9 + AaTh 9B

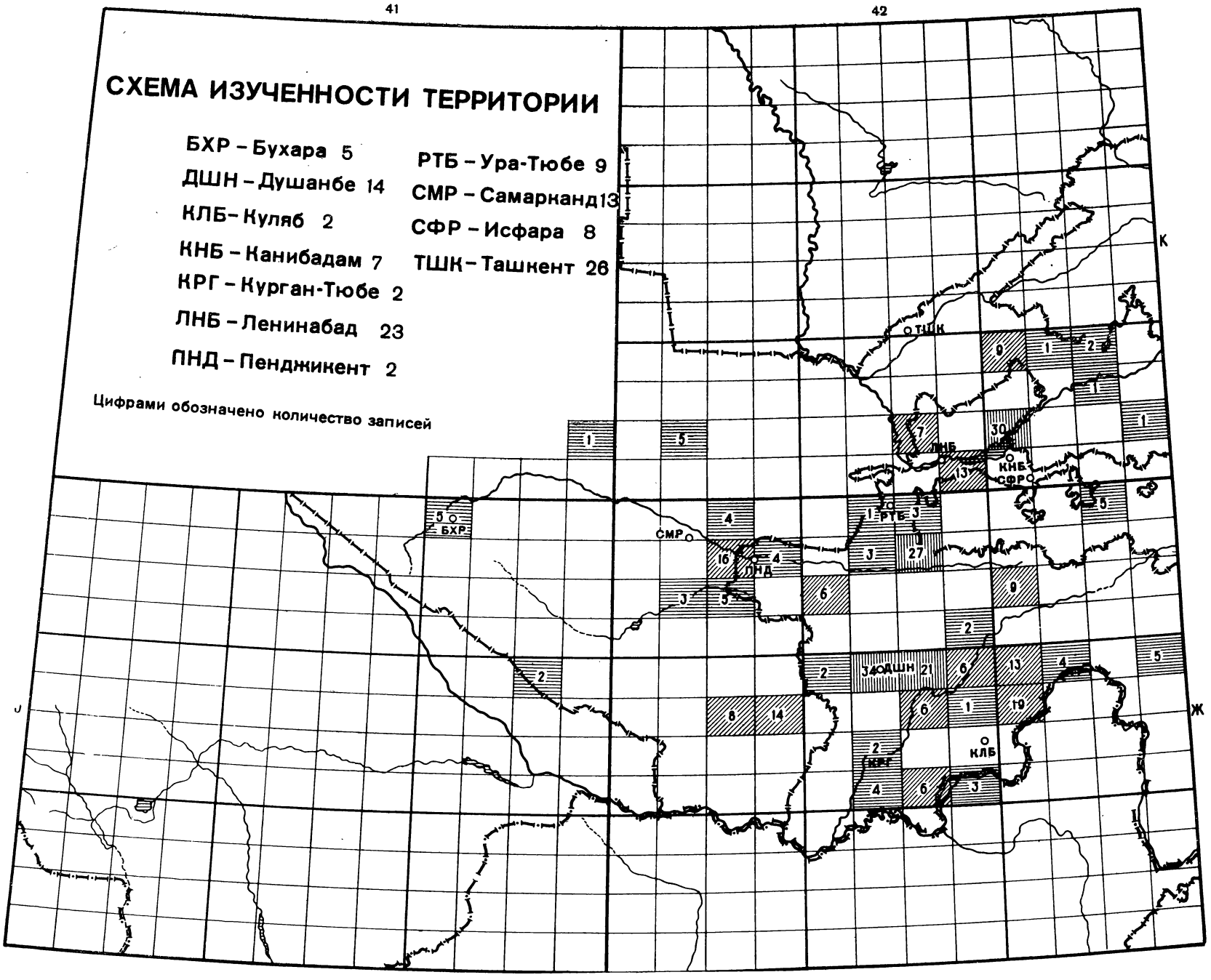
Т419
НК : 0052,2 — 0053,0 К42 КНБ 1936
Б. Ниёзмухаммадов м4 ∠ х0
Н1.4.1 Ф2.4.1 Б2 Я1с
Тип: EbBo 29

ОБЩАЯ КАРТА СРЕДНЕЙ АЗИИ

1 Сергеева ЛВ
153 1 см

41
42
СХЕМА ИЗУЧЕННОСТИ ТЕРРИТОРИИ
БХР – Бухара 5
ДШН – Душанбе 14
КЛБ – Куляб 2
КНБ – Канибадам 7
КРГ – Курган-Тюбе 2
ЛНБ – Ленинабад 23
ПНД – Пенджикент 2
РТБ – Ура-Тюбе 9
СМР – Самарканд 13
СФР – Исфара 8
ТШК – Ташкент 26
Цифрами обозначено количество записей
К
Ж
БХР
СМР
ПНД
РТБ
ТШК
ЛНБ
КНБ
СФР
ДШН
КЛБ
КРГ

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ ТЕКСТОВ
Т001-Т419

К42 710 Ухум (2 текста)
Т118 Т119
К42 710 Фориш (3 текста)
Т114 Т129 Т130
К42 811 Мадрушкент (1 текст)
Т305
К42 811 Мастчоҳ (1 текст)
Т223
К42 811 Пастиғав (2 текста)
Т221 Т222
К42 811 Худгиф (3 текста)
Т282 Т283 Т284
К42 816 (1 текст)
Т219
К42 816 Гозиён (1 текст)
Т182
К42 816 Ёва (1 текст)
Т146
К42 816 Кистакоз (2 текста)
Т171 Т180
К42 816 к/х им. Москвы (2 текста)
Т153 Т179
К42 816 Овчи Калъача (2 текста)
Т151 Т170
К42 816 Пули Чукур (2 текста)
Т139 Т141
К42 816 Унджи (1 текст)
Т167
К42 816 Румон (1 текст)
Т169
К42 901 Ангрен (9 текстов)
Т315 Т316 Т317 Т318
Т319 Т320 Т321 Т322
Т323
К42 902 Чодак (1 текст)
Т331
К42 903 Косон (1 текст)
Т400
К42 903 Сабзазор (1 текст)
Т401
К42 907 Варзик (1 текст)
Т211
К42 909 Ашт (7 текстов)
Т142 Т203 Т204 Т238
Т239 Т240 Т241
К42 909 Бобосурхон (5 текстов)
Т309 Т310 Т311 Т312
Т313
К42 909 Понгоз (17 текстов)
Т174 Т177 Т178 Т198
Т199 Т200 Т201 Т202
Т209 Т210 Т268 Т269
Т270 Т271 Т272 Т273
Т308
К42 909 Саро (1 текст)
Т314
К42 912 Газгон (1 текст)
Т115
К42 913 Махрам (1 текст)
Т143
К42 Канибадам (7 текстов)
Т158 Т159 Т257 Т258
Т417 Т418 Т419
К42 Ленинабад (23 текста)
Т140 Т144 Т145 Т147
Т148 Т149 Т150 Т155
Т156 Т157 Т160 Т161
Т162 Т163 Т165 Т166
Т172 Т173 Т175 Т176
Т181 Т183 Т220
К42 Исфара (8 текстов)
Т007 Т008 Т009 Т186
Т187 Т188 Т189 Т330
К42 Ташкент (26 текстов)
Т374 Т375 Т376 Т377
Т378 Т379 Т380 Т381
Т382 Т383 Т384 Т385
Т386 Т387 Т388 Т389
Т390 Т391 Т392 Т393
Т397 Т398 Т413 Т414
Т415 Т416
Ж41 603 Сангмула (2 текста)
Т368 Т369
Ж41 Бухара (5 текстов)
Т134 Т135 Т136 Т137
Т138
Ж42 103 Оксой (4 текста)
Т108 Т124 Т127 Т128
Ж42 107 Боги Майдон (8 текстов)
Т101 Т102 Т103 Т104
Т105 Т106 Т107 Т109
Ж42 107 Камонгарон (2 текста)
Т125 Т126
Ж42 107 Кутарма (1 текст)
Т120
Ж42 107 Ургут (5 текстов)
Т001 Т002 Т003 Т004
Т005
Ж42 108 Амондара (3 текста)
Т192 Т242 Т243
Ж42 108 Косатарош (1 текст)
Т193
Ж42 110 Варгонза (3 текста)
Т121 Т122 Т123
Ж42 111 Дехнави Боло (4 текста)
Т367 Т370 Т371 Т372
Ж42 111 Китоб (1 текст)
Т373
Ж42 202 Шахристон (1 текст)
Т205
Ж42 203 Ғанчи (1 текст)
Т164
Ж42 203 Калъача (1 текст)
Т154
Ж42 203 Калъачаи Калон (1 текст)
Т168
Ж42 206 с/с Рарз (1 текст)
Т190
Ж42 206 Сангистон (2 текста)
Т184 Т185
Ж42 207 Метк (9 текстов)
Т224 Т225 Т226 Т227
Т228 Т234 Т235 Т236
Т237
Ж42 207 Пастиғав (1 текст)
Т191
Ж42 207 Ростровут (12 текстов)
Т194 Т195 Т196 Т197
Т358 Т359 Т360 Т362
Т363 Т364 Т365 Т366
Ж42 207 Угук (5 текстов)
Т229 Т230 Т231 Т232
Т233
Ж42 209 Панджруд (6 текстов)
Т259 Т260 Т261 Т263
Т264 Т265
Ж42 216 Обигарм (2 текста)
Т356 Т357
Ж42 303 Сух (5 текстов)
Т215 Т216 Т217 Т218
Т274
Ж42 309 Кулло (8 текстов)
Т348 Т349 Т350 Т351
Т352 Т353 Т354 Т355
Ж42 309 Шулмак (1 текст)
Т131
Ж42 407 Пасурхи (6 текстов)
Т253 Т254 Т334 Т335
Т343 Т344
Ж42 407 Сариосиё (2 текста)
Т336 Т337
Ж42 408 Дехнав (1 текст)
Т345
Ж42 408 Кукабулок (3 текста)
Т340 Т341 Т342
Ж42 408 Нелу (2 текста)
Т326 Т329
Ж42 408 Сина (4 текста)
Т332 Т333 Т338 Т339
Ж42 408 Хуфар (4 текста)
Т324 Т325 Т327 Т328
Ж42 501 Каратаг (2 текста)
Т081 Т088

Ж42 502 (3 текста)
Т294 Т301 Т347
Ж42 502 Алмоси (7 текстов)
Т074 Т075 Т076 Т077
Т078 Т079 Т080
Ж42 502 Бобосурхон (1 текст)
Т267
Ж42 502 Варзоби Қалъа (2 текста)
Т069 Т072
Ж42 502 Гаров (1 текст)
Т067
Ж42 502 к/х им. Жданова (1 текст)
Т300
Ж42 502 Зидди (3 текста)
Т065 Т066 Т071
Ж42 502 Кипчок (2 текста)
Т082 Т083
Ж42 502 Косатароши Поён (1 текст) Т084
Ж42 502 Лучоб (1 текст)
Т086
Ж42 502 Пугузе (1 текст)
Т068
Ж42 502 Оби Хирф (1 текст)
Т073
Ж42 502 Туда (3 текста)
Т090 Т091 Т097
Ж42 502 Турди (1 текст)
Т010
Ж42 502 Фанфарок (1 текст)
Т070
Ж42 502 Ханака (1 текст)
Т092
Ж42 502 Харангони миёна (1 текст) Т089
Ж42 502 Ҳафттахта (3 текста)
Т064 Т085 Т087
Ж42 503 (1 текст)
Т396
Ж42 503 Вистон (1 текст)
Т395
Ж42 503 Джалджут (3 текста)
Т276 Т279 Т280
Ж42 503 Дашти Бед (1 текст)
Т281
Ж42 503 Дукони (5 текстов)
Т053 Т054 Т055 Т056
Т058
Ж42 503 Зулфи (1 текст)
Т278
Ж42 503 Кангурт (2 текста)
Т302 Т303
Ж42 503 Кофарнихон (2 текста)
Т063 Т277
Ж42 503 Махрози (3 текста)
Т052 Т059 Т060
Ж42 503 Ромит (1 текст)
Т394
Ж42 503 Суфиён (1 текст)
Т062
Ж42 504 Дектур (1 текст)
Т041
Ж42 504 Кухнабалджуан (1 текст)
Т031
Ж42 504 Оби сой (1 текст)
Т040
Ж42 504 Шайдон (3 текста)
Т035 Т036 Т039
Ж42 507 с/х им. Ленина (6 текстов)
Т285 Т286 Т287 Т288
Т291 Т346
Ж42 508 Кангурт (1 текст)
Т304
Ж42 510 Гозималик (2 текста)
Т306 Т307
Ж42 514 к/х им. М. Горького (4 текста)
Т296 Т297 Т298 Т299
Ж42 515 (1 текст)
Т042
Ж42 515 Фархор (5 текстов)
Т043 Т044 Т045 Т046
Т049
Ж42 516 Московский (1 текст)
Т057
Ж42 516 к/х им. Москвы (2 текста)
Т050 Т061
Ж42 601 Дараи мири (4 текста)
Т012 Т013 Т032 Т034
Ж42 601 Сумбула (2 текста)
Т014 Т033
Ж42 601 Ховалинг (3 текста)
Т011 Т037 Т038
Ж42 601 Чукурак (4 текста)
Т093 Т094 Т095 Т096
Ж42 602 Ёгед (1 текст)
Т402
Ж42 602 Сафедорон (2 текста)
Т132 Т133
Ж42 602 Хек (1 текст)
Т408
Ж42 604 Доршир (3 текста)
Т405 Т406 Т407
Ж42 604 Сунгад (2 текста)
Т403 Т404
Ж42 605 Муминабад (19 текстов)
Т015 Т016 Т017 Т018
Т019 Т020 Т021 Т022
Т023 Т024 Т025 Т026
Т027 Т028 Т029 Т030
Т051 Т266 Т361
Ж42 Душанбе (14 текстов)
Т006 Т047 Т244 Т245
Т246 Т247 Т248 Т249
Т250 Т251 Т252 Т255
Т256 Т275
Ж42 Қуляб (2 текста)
Т048 Т295
Ж42 Курган-Тюбе (2 текста)
Т289 Т290
Ж42 Пенджикент (2 текста)
Т292 Т293
Ж42 Ура-Тюбе (9 текстов)
Т152 Т206 Т207 Т208
Т212 Т213 Т214 Т262
Т399
Ж42 Самарканд (13 текстов)
Т098 Т099 Т100 Т110
Т111 Т112 Т113 Т116
Т117 Т409 Т410 Т411
Т412

ОБЩАЯ ХРОНОСОЦИОГРАММА ЗАПИСЕЙ ТЕКСТОВ Т001—Т419

Год записи	Количество текстов	Возрастные группы									Пол	Количество
		0	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
До 1923	2	Т400								Т159	? М Ж	2
1923	1	Т410									? М Ж	1
1924	3	Т395	Т394 Т396								? М Ж	1 2
1925	4	Т414 Т415	Т413 Т416								? М Ж	4
1927	1		Т399								? М Ж	1
1928	4	Т392 Т393 Т397 Т398									? М Ж	2 2
1929	1	Т006									? М Ж	1
1932	1	Т409									? М Ж	1
1933	2	Т411	Т412								? М Ж	1 1
1935	3	Т008 Т007 Т009									? М Ж	1 2

1936	3	T417 T418 T419									? M Ж	3
1937	1	T257									? M Ж	1
1939	1	T258									? M Ж	1
1940	5	T003 T001 T002 T005	T004								? M Ж	1 4
1941	1		T010								? M Ж	1
1947	19	T131					T132 T133 T134 T375 T376 T377 T378 T379 T380 T381 T382 T383 T384 T385 T386 T387 T388 T389				? M Ж	19
1948	8			T011 T013			T390	T391	T012 T032 T033 T034		? M Ж	8
1949	7	T019	T021 T402	T016 T017	T020	T018					? M Ж	7
1950	18	T014 T022	T023 T024 T025 T027 T028 T029 T031 T039 T035 T036	T015 T030 T361	T037 T038					T026	? M Ж	16 2
1951	9	T076 T077 T078	T074	T075		T079 T080 T081			T088		? M Ж	4 5
1953	1	T408									? M Ж	1

Продолжение

Год записи	Количество текстов	Возрастные группы									Пол	Количество
		0	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
1955	9	Т330 Т186 Т187 Т188	Т184 Т185			Т189	Т190		Т192		? М Ж	1 7 1
1956	10	Т242 Т243	Т259 Т260 Т261 Т263 Т264				Т265 Т098		Т193		? М Ж	 9 1
1957	7		Т373 Т406	Т405	Т366			Т407	Т403 Т404		? М Ж	 4 3
1958	38	Т100 Т299	Т101 Т102 Т241 Т254 Т103 Т253	Т238 Т109	Т196 Т197 Т239 Т298 Т367 Т107 Т200 Т201 Т202	Т194 Т195 Т368 Т369 Т105	Т108 Т110 Т104 Т106 Т198 Т199	Т203 Т370 Т371 Т372 Т204	Т240	Т296 Т297	? М Ж	 25 13
1959	27	Т068 Т120 Т099	Т065 Т066 Т067 Т070 Т116 Т117 Т118 Т121 Т114 Т119 Т191	Т301 Т113	Т071 Т073 Т111 Т112	Т063 Т069	Т062		Т115 Т123 Т122	Т071	? М Ж	 15 12
1960	38	Т048 Т295 Т050 Т321 Т322 Т323	Т045 Т046 Т089 Т267	Т084	Т047 Т057	Т044 Т049 Т064 Т087 Т134 Т135	Т041 Т124 Т126	Т042 Т043 Т061 Т085 Т127 Т128	Т051 Т082 Т083 Т086 Т302 Т303 Т125 Т040	Т255 Т256	? М Ж	2 25 11
1961	40	Т160 Т270 Т271 Т272 Т273 Т276 Т279 Т280 Т281 Т313 Т318 Т319 Т320 Т129 Т136 Т316 Т317	Т130 Т268 Т274 Т331 Т052 Т315		Т285 Т286 Т304 Т278		Т137 Т312		Т053 Т054 Т055 Т056 Т058 Т277 Т269 Т308 Т309 Т310 Т311		? М Ж	 27 13

1962	24	T060 T245 T246 T247 T248 T249 T250 T251 T252 T314	T283 T282		T244 T287 T288 T090 T091 T262			T306 T307 T205	T059 T305	T284	? M Ж	18 6
1963	11		T093 T094 T095 T292 T293		T206 T275	T096				T097 T289 T290	? M Ж	7 4
1964	15	T294	T218		T092		T138 T209 T215 T216 T217 T401	T210 T211	T212 T207 T208 T213		? M Ж	6 9
1965	11	T158 T227 T300	T221 T222		T291	T224	T347		T225 T226 T214		? M Ж	10 1
1966	94	T161 T162 T149 T163 T166 T168 T175 T182 T329 T172 T173	 T326 T335 T337 T340 T342 T327 T328 T336 T338 T339 T341 T345	T220	 T154 T176 T179 T343 T344 T346 T348 T351 T356 T357 T358 T181	 T140 T148 T152 T153 T228 T234 T235 T236 T237 T324 T325 T349 T352 T355 T164	 T145 T151 T155 T156 T170 T183 T219 T353 T354 T165	 T150 T169 T227 T350 T366 T141 T142 T143	 T146 T157 T167 T171 T229 T230 T231 T232 T233 T334 T359 T360 T363 T364 T144 T177 T178 T365	 T147 T180 T332 T333 T139 T174 T362	? M Ж	2 70 22
Итого	419	91	79	15	45	35	51	26	59	18	? M Ж	12 294 113

МАТНҲО ТЕКСТЫ

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Тексты	Название	Стр.
Т001	Тип: AaTh 715^t	
	Гунҷишк	111
	Воробей [перевод М. Явич (далее — Я)]	111
Т004	Тип: AaTh 2025^t	
	Мурғ ва Буйракполвон	113
	Курица и Буйрак [Я]	113
Т011	Тип: AaTh 3 + AaTh 4	
	Ҳикояти гург ва рӯбоҳ	114
	Рассказ о волке и лисе [Я]	114
Т014	Тип: (AaTh 20D *) + AaTh 61A	
	Рӯбоҳи шайтон	116
	Хитрый лис [Я]	116
Т015	Тип: AaTh 9A + AaTh 275	
	Сангпушт, мӯрча ва рӯбоҳ	119
	Черепаха, муравей и лис [Я]	119
Т016	Тип: (AaTh 223) + AaTh 6	
	Рӯбоҳ ва ҷулук	122
	Лис и жаворонок [Я]	122
Т017	Тип: (EbBo 1 — V) + (AaTh 154)	
	Деҳқон ва хирс	124
	Дехканин и медведь [перевод Э. Улугзаде (далее — У)]	124
Т018	Тип: AaTh + 15 // (EbBo 1 — V + AaTh 36)	
	Гург ва рӯбоҳ	126
	Волк и лиса [Я]	126
Т023	Тип: (AaTh 715^t)	
	Кампир ва гунҷишк	128
	Старуха и воробей [Я]	128
Т024	Тип: AaTh 130 + // AaTh 20D *	
	Мурғ ва дӯстони ӯ	131
	Петух и его друзья [Я]	131
Т027	Тип: (AaTh 36 + EbBo 1 — V + Schullerus 103-I *)	
	Рӯбоҳ ва хирс	133
	Лиса и медведица [Я]	133
Т031	Тип: AaTh 9 + AaTh 122A	
	Гург, руба ва уштур	135
	Волк, лис и верблюд [У]	135
Т032	Тип: EbBo 3	
	Афсонаи ҷӯрагии гург ва рӯбоҳ	136
	Сказка о дружбе волка и лисы [Я]	136
Т034	Тип: (AaTh 56A) + AaTh 6	
	Рӯбоҳ ва мурғи нодон	139
	Лиса и глупая птица [Я]	139
Т039	Тип: AaTh 103A	
	Пишак ва руба	142
	Кот и лиса [Я]	142
Т042	Тип: Medne *68	
	Ду рӯбоҳ	144
	Два лиса [Я]	144
Т043	Тип: AaTh 133 *	
	Сазои некӣ ва бадӣ	145
	Цена добра и зла [У]	145
Т044	Тип: AaTh 154 + (EbBo 1 — V = Schullerus 103-I *)	
	Деҳқон, хирс ва рӯбоҳ	146
	Дехканин, медведь и лиса [Я]	146
Т047	Тип: (AaTh 123)	
	Афсонаи «Бузаки чинибинӣ»	148
	Сказка о козочке с фарфоровым носом [У]	148
Т049	Тип: AaTh 68B	
	Рӯбоҳ ва кӯза	151
	Лиса и кувшин [Я]	151
Т052	Тип: AaTh 9 + AaTh 9B	
	Рӯбоҳак ва хирс	152
	Лисичка и медведь [Я]	152
Т053	Тип: (AaTh 9) + AaTh 275	
	Кайкак	153
	Блошка [Я]	153
Т054	Тип: AaTh 62	
	Мурғак	154
	Петушок [Я]	154
Т062	Тип: (AaTh 43)	
	Акка ва гунҷишк	155
	Сорока и воробей [Я]	155
Т064	Тип: EbBo 24	
	Гунҷишкак	157
	Воробышек [Я]	157
Т074	Тип: (AaTh 125) + AaTh 126 + (AaTh 103)	
	Барзагов, қӯчқор, буз ва хурӯс	159
	Бык, баран, коза и петух [У]	159
Т075	Тип: AaTh 163A *	
	Хизмати хирсона	161
	Медвежья услуга [Я]	161

T076 Тип: AaTh 122D + AaTh 122J
Гурги нодон 162
Глупый волк [Я] 162
T079 Тип: AaTh 92
Шер ва ду рӯбоҳ 163
Лев и две лисы [У] 163
T081 Тип: EbBo 21
Қунғузак ва мушак 164
Букашечка и мышонок [У] 164
T083 Тип: AaTh 248A
Бингак, Момочуучук ва қурбоққа . . . 166
Оса Бингак, птица Момочуучук и лягушка [Я] 166
T092 Тип: AaTh 102 + (AaTh 68B) + // (EbBo 3)
Одинамайдаяк 167
Коротышка Одина [Я] 167
T096 Тип: AaTh 715[t]
Хурӯсак 170
Петушок [Я] 170
T100 Тип: // (AaTh 103) + // (AaTh 126)
Паланг, гавазн ва рӯбоҳ 172
Леопард, олень и лисица [Я] 172
T101 Тип: (EbBo 19)
Афсонаи гунҷишкак 173
Сказка о воробышке [Я] 173
T105 Тип: EbBo 30
Афсонаи кайкак 174
Сказка о блошке [Я] 174
T106 Тип: // (AaTh 285D[t])
Ҳезумкаш ва муш 177
Дровосек и мышь [Я] 177
T108 Тип: (AaTh 125) + (AaTh 126) + (AaTh 130)
Пӯсти гург 179
Шкура волка [Я] 179
T113 Тип: AaTh 2028[t]
Кадуча 182
Тыква [Я] . . .; 180
T115 Тип: AaTh 122 N *
Гург ва хар 184
Волк и осел [У] 184
T116 Тип: EbBo 29
Гурба 185
Кошка [Я] 185
T120 Тип: AaTh 2045 B *
Модашер ва шикорчӣ 187
Львица и охотник [Я] 187
T122 Тип: AaTh 150
Се панд 190
Три совета [Я] 190
T133 Тип: EbBo 30
Солчекаку Молчекак 191
Сольчекак и Мольчекак [Я] 191
T140 Тип: AaTh 122C
Буз ва гург 194
Коза и волк [Я] 194
T141 Тип: (AaTh 111) + AaTh 122D
Қиссаи мушу гурба 196
Рассказ о мышке и кошке [Я] 196
T142 Тип: AaTh 122F + AaTh 122D * + AaTh 122C + AaTh 122Z
Барра, кабк, буз, асп ва гург 199
Ягненок, куропатка, коза, лошадь и волк [Я] 199
T144 Тип: AaTh 2030B
Зоғ ва гӯсфанд 201
Ворона и баран [Я] 201
T153 Тип: AaTh 233A
Аҳди дӯстон 203
Договор друзей [Я] 203
T157 Тип: //(AaTh 103C *) + AaTh 125B * + + (AaTh 1060)
Харполвон 205
Осел-богатырь [Я] 205
T174 Тип: (AaTh 126)
Буз, гӯсфанд ва гӯсола 207
Коза, баран и теленок [У] 207
T179 Тип: AaTh 92
Қиссаи харгӯшон 208
Рассказ о зайцах [Я] 208
T186 Тип: Bødker 15
Бум 209
Сова [Я] 209
T187 Тип: AaTh 51 + AaTh 92
Тақсими шикор 210
Дележ добычи [Я] 210
T188 Тип: EbBo 1
Рӯбоҳ ва гурги нодон 211
Лиса и глупый волк [У] 211
T190 Тип: AaTh 157
Кӣ зӯртар аст? 212
Кто сильней? 212
T206 Тип: //(AaTh 64 * — IIb) + (AaTh 1122)
Рӯбоҳи фиребгар 214
Лиса-обманщица [Я] 214
T207 Тип: EbBo 21
Бибиқунғузак 216
Букашечка [Я] 216
T208 Тип: AaTh 2031
Зӯри қадим 218
Силач из древних времен [Я] 218
T211 Тип: // (AaTh 122B *)
Рӯбоҳ ва хурӯс 220
Лиса и петух [Я] 220
T212 Тип: (AaTh 123)
Буз ва ҳафт бузича 221
Коза и семеро козлят [У] 221
T213 Тип: AaTh 715[t]
Чумчуқак 223
Воробышек [Я] 223

T215 Тип: AaTh 35B * + EbBo 3
Рӯбоҳ ва гург 225
Волк и лис [Я] 225
T217 Тип: AaTh 2
Гурги сайёд 226
Волк-рыбак [Я] 226
T225 Тип: // AaTh 122D
Ҳикояти муш ва гурба 227
Рассказ о мышке и коте [Я] 227
T227 Тип: AaTh 159B
Хирс ва бобои хаскаш 228
Медведь и старик-дровосек [У] 228
T228 Тип: AaTh 122C
Гург ва буз 231
Волк и коза [Я] 231
T229 Тип: AaTh 278
Муш ва қурбоққа 232
Мышь и лягушка [Я] 232
T230 Тип: AaTh 75
Муш, сангпушт, зоғ ва оҳу 233
Мышь, черепаха, ворон и газель [Я] . . . 233
T237 Тип: AaTh 9
Ҷӯрагии гургу рӯба 234
Дружба волка и лисы [У] 234
T240 Тип: AaTh 280A
Қурбоққа ва мӯрча 235
Лягушка и муравей [Я] 235
T245 Тип: (AaTh 202)
Шер ва рӯбоҳ 236
Лев и лисица [Я] 236
T251 Тип: EbBo 21
Мушак ва гамбӯсак 237
Мышонок и букашечка [У] 237
T255 Тип: AaTh 159B
Захми табар 239
Рана от топора [Я] 239
T258 Тип: AaTh 47D^{t}
Шер ва рӯбоҳи ҳилагар 242
Лев и хитрая лиса [У] 242
T262 Тип: AaTh 295
Афсонаи нахӯтаку хасаку алобак 243
Сказка о горошине, соломинке и огоньке [У] 243
T279 Тип: Wienert ET 143'
Афсонаи баргаку кулӯхак 244
Сказка о листочке и комочке [У] 244
T280 Тип: AaTh 278
Афсонаи мушу қурбоққа 245
Сказка о мышке и лягушке [У] 245
T284 Тип: AaTh 61 + //(AaTh 122B *)
Рӯбоҳ ва кабк 246
Лиса и куропатка [У] 246
T288 Тип: Kovács 216 *; Wienert ET 191; Wienert ET 170
Хару асп 247
Осел и конь [Я] 247
T291 Тип: AaTh 122F
Ҷанги мӯр ва занбӯр 248
Битва гусеницы с осой [Я] 248
T296 Тип://(EbBo 29)
Қарзи рӯбоҳ 249
Долг лисы [Я] 249
T297 Тип: Wienert ET 143'
Баргак ва кулӯхак 251
Листочек и комочек [Я] 251
T300 Тип: AaTh 56A + AaTh 122D *
Рӯбоҳ ва қалиқарч 252
Лиса и ласточка [У] 252
T305 Тип: AaTh 2045B *
Қумрӣ, мерган ва мор 254
Горлинка, охотник и змея [Я] 254
T320 Тип://(AaTh 56A) + (AaTh 223) + AaTh 154 — IV
Рӯбоҳ ва гунҷишкак 255
Лиса и воробышек [Я] 255
T327 Тип: (AaTh 15)
Афсонаи гург ва рӯбоҳ 256
Сказка о волке и лисе [У] 256
331 Тип: AaTh 2025
Кулча 258
Лепешка [Я] 258
T338 Тип: AaTh 175 + (AaTh 1310)
Рӯбоҳ ва саг 259
Лиса и собака [Я] 259
T346 Тип: ThMot K1771
Деҳқон ва гург 260
Дехканин и волк [Я] 260
T347 Тип: //Wienert ST 21 *: 229' — 230' ср. Fuβnote 2// BP 3, 546
Як гург ва се саг 261
Волк и три собаки [Я] 261
T348 Тип: (Schullerus 216)
Маслиҳати гов, саг ва гӯсфанд 262
Спор коровы, собаки и овцы [Я] 262
T352 Тип: //AaTh 9B
Хирс ва деҳқон 263
Медведь и дехканин [У] 263
T354 Тип: //AaTh 130 + (AaTh 20 *D) + (AaTh 122N *) + AaTh 64 * IIb
Саёҳати хар 264
Путешествие осла [Я] 264
T360 Тип: //(AaTh 182) = //EbBo 44 — V
Мор 267
Змея [Я] 267
T361 Тип: AaTh 715^{t}
Минтанук 268
Минтанук [Я] 268
T362 Тип: AaTh 56A + (AaTh 103A *) + //(AaTh 122N*)
Руби пир 270
Старая лиса [Я] 270

T363 Тип: AaTh 61A
Руби худоҷу 272
Благочестивый лис [У] 273
T365 Тип: AaTh 20C + (AaTh 4) + (AaTh 92)
Рӯбоҳ ва саъба 275
Лис и чиж [Я] 275
T369 Тип: AaTh 21
Рӯбоҳи маккор 278
Хитрая лиса [Я] 278
T371 Тип: AaTh 47D
Ҳунаромӯзии рӯбаҳ 279
Учение лисы [У] 279
T372 Тип: AaTh 50
Ҷӯрагии шеру гургу рӯбоҳ 281
Дружба льва, волка и лисы [Я] 281
T376 Тип: AaTh 155
Ёрдами рӯбоҳ ба бобои уштуракӣ . . . 282
Помощь лисы старику—погонщику верблюдов [Я] 282
T377 Тип: (AaTh 157) + AaTh 38
Ҳикояти шер ва пишак ва деҳқони хушбахт 286
Рассказ о льве, кошке и счастливом дехканине [У] 286
T378 Тип: AaTh 51A
Ҳикояти шер ва пишаки доно 288
Рассказ о льве и умной кошке [Я] . . . 288
T380 Тип: AaTh 60
Ҳикояти лаклак ва рӯбоҳ 291
Рассказ о журавле и лисе [Я] 291
T384 Тип: (AaTh 110)
Ҳикояти пишак ва мушҳо 292
Рассказ о кошке и мышах [Я] 292
T386 Тип: AaTh 233B
Ҳикояти сардори кабӯтарҳо 293
Рассказ о предводителе голубей [У] . . 293
T388 Тип: ThMot J429 + ThMot U30f
Ҳикояти қирғӣ ва кабк 295
Рассказ о ястребе и куропатке [Я] 295
T392 Тип: (EbBo 24)
Афсонаи гунҷишк 296
Сказка о воробье [Я] 296
T393 Тип: AaTh 157 + Schullerus 157, 4
Кӣ аз ҳама зӯртар аст? 298
Кто самый сильный? [Я] 298
T394 Тип: AaTh 102 + AaTh 68B + AaTh 36
Афсонаи рӯбоҳ ва гург 299
Сказка о лисе и волке [Я] 299
T395 Тип: AaTh 20D * + AaTh 61A
Рӯбоҳ 300
Лиса 300
T396 Тип: AaTh 225
Рӯбоҳ ва лаклак 302
Лиса и аист [Я] 302
T399 Тип: AaTh 130
Айшаи гӯшдароз 303
Длинноухий Айша [Я] 303
T412 Тип: AaTh 123
Бузаки ҷингилапо 305
Козочка-мохнатые ноги [О. А. Сухарева] 305

[ГУНҶИШК]

Будас, набудас, якта чумчуқ будас. Якта ғӯза ёфтас. Яктава бурдас.

— Ина каш-каш када те! Каш-каш накунӣ, бачета гирьён мекунам!

Вая каш-каш када додас. Яктава бурдас, ки:

— Ина ҳал-ҳал када те! ҳал-ҳал накунӣ, бачета гирьён мекунам, хонета вайрон мекунам!

Ҳал-ҳал када додас. Яктава бурдас, ки:

— Ина сав-сав када те! Сав-сав накунӣ, бачета гирьён мекунам, хонета вайрон мекунам!

Вай сав-сав када додас. Яктава бурдас, ки:

— Ина сов-сов када те! Сов-сов накунӣ, бачета гирьён мекунам, хонета вайрон мекунам!

Вая сов-сов када додас. Яктава бурдас, ки:

— Ина қай-қай када те! Қай-қай накунӣ, бачета гирьён мекунам, хонета вайрон мекунам!

Қай-қай када додас. Вай пӯшидас, як пошоя бомашба рафтас.

— Ҷоми пошо кӯҳна, ҷоми ман нав,— гуфтас.

Пошо гуфтас, ки:

— Вая дошта тетон манба, ман хӯрам.

Дошта доден, куштас.

— Зинда будам, мурда шудам, зинда будам, мурда шудам,— гуфтас чумчуқ.

Намак кадас.

— Бенамак будам, банамак шудам, бенамак будам, банамак шудам.

Вая бироиден.

— Хом будам, пухта шудам, хом будам, пухта шудам,— гуфт.

Пошо хӯдас.

— Берун будам, дарун шудам, берун будам, дарун шудам,— гуфтас.

[ВОРОБЕЙ]

То ли было, то ли нет, а был воробей. Нашел он коробочку хлопка. Отнес он ее одному человеку:

— Тяни-вытяни его и отдай мне! А не вытянешь, я детей твоих плакать заставлю!

Вытащил тот и отдал ему. Отнес он другому человеку:

— Чисти-очисти его от семян и отдай мне. А не очистишь, я детей твоих плакать заставлю, дом твой разрушу!

Очистил тот от семян и отдал ему. Отнес он другому человеку:

— Пуши-распуши его и отдай мне. А не распушишь, я детей твоих плакать заставлю, дом твой разрушу!

Распушил тот хлопок и отдал ему. Отнес он другому человеку:

— Стели-настели его и отдай мне. А не настелешь, я детей твоих плакать заставлю, дом твой разрушу!

Тот настелил вату для стежки и отдал ему. Отнес он другому человеку:

— Стегай-простегай это и отдай мне. А не простегаешь, я детей твоих плакать заставлю, дом твой разрушу!

Тот простегал халат и отдал ему. Надел он его, взлетел на крышу падишахского дома.

— У падишаха старый халат, а у меня новый,— сказал он.

Падишах сказал:

— Поймайте его и дайте мне, я его съем!

Поймали его и отдали, тот его убил.

— Был я живым, стал мертвым, был я живым, стал мертвым,— сказал воробей.

Посолили его.

— Был я несоленым, стал соленым, был я несоленым, стал соленым,— сказал воробей.

Зажарили его.

— Был я сырым, стал жареным, был я сырым, стал жареным,— сказал он.

Съел его падишах.

Пошо гуфтас, ки:

— Ман риҳам, шумо чопӣ кунетон вая.

Вазиро ошпичоқа гифта, ҳамунҷа истоден. Вай чумчуқ парида рафтас, чопӣ мекадагӣ вазиро куни пошоя чопӣ кадагӣ. Вай чумчуқ бомба бо буромдас:

— Куни пошо қима шуд, баҳри ман кушода шуд, куни пошо қима шуд, баҳри ман кушода шуд! — гуфтас, муроду махсадашба расидас.

— Был я снаружи, стал внутри, был я снаружи, стал внутри,— сказал он.

Падишах сказал:

— Когда я буду испражняться, вы зарежьте его.

Взяли визири секачи и стали там. А тот воробей улетел, а визири, которые должны были его зарезать, отрубили зад падишаху. А тот воробей взлетел на крышу.

— Падишаху зад отрубили, а мне счастье привалило, падишаху зад отрубили, а мне счастье привалило,— сказал он и достиг исполнения своих желаний и стремлений.

[МУРҒ ВА БУЙРАКПОЛВОН]

Будас, набудас, як мурғу як Буйракполвон будас. Мурғ вая гуфтагӣ, ки:

— Рошо, ад дӯнг йӯмала мекуним.

Мурғ мегӯд, ки:

— Кадомамо пеш меғалтем, ҳамунамо рафта дигариамона мехӯрем.

Сонӣ тохта мерӯду мурғ пеш меғалтаду Буйрака мехӯрад. Сонӣ ягҷова мерӯд, чумчуқо будас. Чумчуқоя мегӯд, ки:

— Чумчуқо, шумуҳона мехӯрам!

Сонӣ чумчуқо мегӯн, ки:

— Як-як ҷӯқала мекунем, мемӯрӣ!

Сонӣ тохта мерӯду чумчуқоя мехӯрад. Сонӣ бо рафтан мегирад, рафтан мегирад, ап пешаш мӯл алака мебурод.

Мегӯд, ки,

— Алакаҳо, шумоҳона мехӯрам!

Алакаҳо мегӯн, ки:

— Як-як ҷӯқала мекунем, мемурӣ!

Сонӣ мурғ тохта рафта, алакаҳоя мехӯрад. Бо рафтан мегирад, рафтан мегирад, ап пешаш калзоғ мебурод. Калзоға мегӯд, ки:

— Ман туя мехӯрам, калзоғ!

Калзоғ мегӯд, ки:

— Як ҷӯқала мекунам, мемурӣ!

Тохта мерӯду калзоға мехӯрад.

Сонӣ мерӯд, ап пешаш ким чиқата аровакаш мебурод. Сонӣ аровакашоя мегӯд, ки:

— Мехӯрам шумоҳона!

Аровакашо мегӯн, ки:

— Як қамчинамо катӣ мезанем, мемурӣ!

Сонӣ иноям мехӯрад, мемонад.

Сонӣ айни кампирба мерӯд. Сонӣ кампир мехезаду алов када мешинад. Алов када шиштанба мурғ мерӯд. Сонӣ кампир мегӯд, ки:

— Биё, балам, дардат занад, аловба гарм шав, хорав.

Сонӣ ин кампир корди ошу кафгира аловба мемонад. Сонӣ вай хорафтан бад, кафгира куни мурғба медорад. Сонӣ вай мурға кунаш пат када, кафида мерӯд, ак кунаш аравакашо, чумчуқо, ҳаммеш буромада рафтагӣ. Сонӣ муроду махсаташба расидагӣ.

[КУРИЦА И БУЙРАК]

То ли было, то ли нет, а были курица и Буйрак-богатырь.

Курица сказала ему:

— Пошли кувыркаться с вершины.

Курица говорит:

— Кто из нас первый скатится, тот и съест другого.

Потом они покатились, и курица скатилась первой и съела Буйрака. Потом пошла она в такое место, где были воробьи. Говорит она воробьям:

— Воробьи, я вас съем.

А воробьи тогда говорят:

— Каждый из нас клюнет тебя разок, ты и умрешь!

Тогда побежала она и съела воробьев. Потом пошла она и пошла, а навстречу ей много сорок.

Она и говорит:

— Сороки, я вас съем!

Сороки отвечают:

— Каждый из нас клюнет тебя разок, ты и умрешь!

Тогда побежала курица и съела сорок. И снова пошла она и пошла, а навстречу ей ворон. Вот и говорит она ворону:

— Я тебя съем, ворон!

Ворон отвечает:

— Я тебя разок клюну, ты и умрешь!

Побежала она и съела ворона.

Потом пошла она, а навстречу ей вышло много арбакешей. Потом сказала она арбакешам:

— Я вас съем!

Арбакеши говорят:

— Как ударим мы тебя нашими бичами, ты и умрешь.

Тогда она их тоже съела. Потом пошла она к старухе. Старуха встала и начала разжигать огонь. Курица подошла к огню, чтобы посидеть у огня. Тогда старуха говорит ей:

— Иди сюда, дитя мое, пусть твоя боль падет на меня, иди, погрейся у огня, поспи.

Потом эта старуха накалила на огне секач и шумовку. Курица уснула, а старуха сунула шумовку курице в зад. Зад курицы с треском лопнул, и вышли оттуда арбакеши, воробьи и все остальные. Потом достигли они исполнения своих желаний.

[ҲИКОЯТИ ГУРГ ВА РӮБОҲ]

Дар як роҳе, ки аз ду тараф омада, дар як роҳи калон қати мешид, аз як ҷо гург, аз дигар ҷо руба омаду гуфт, ки:

— Руба, биё, ҳардумон ҷура шавем.

Руба гуфт, ки:

— Ҷура мешем, лекин шиками ман бисьёр гушнаҳай.

Гург гуфт, ки:

— Ма як қишлоқ, ту як қишлоқ рафта, [шикор] карда оварда, дар инҷо мехурем.

Руба гуфт, ки:

— Хуб.

Баъд руба як қишлоқ рафт, гург дига қишлоқ.

Гург рафт, ки саго ура дида, сур када, қапида, хойдан. Гург яке ҳуй карда гурехт. Руба дигар қишлоқ рафта, дар як хона даромада, як халта дуғи чакара гирифта, дар раҳ оварда хурда, дигаша дар саруш тапида, дар сари раи гург лингоша дароз кашида, хоб кард, нолушро сар кард. Гург омад.

— Ҳа ҷон руба, чӣ кардӣ? Мара саго қапида бисьёр ғавҷидан, ҳичи намегуму!

— Мара чунон ғавҷидан, ки мағзи сарум баромадай. Пушти сарум нестай,— гуфт руба.

Гург он дуға хаёли мағзи сари руба карда гуфт:

— Ҷура, туро бисьёр азоб додан. Биё, туро цуштора кунум, гурезем.

Руба гуфт, ки:

— Ма дар болои ту чӣ хелӣ местум, ки ту мара мебарӣ?

Гург гуфт, ки:

— Оста мебарум!

Руба гуфт:

— Хуб.

Руба ба болои гург сувор шид, як чанд рафтан, ки рубара форид ва ҳофизӣ сар карда гуфт:

Гул боғумдае, хирмани гул боғумдае,
Саҳата бубин, болои беморундайе.

Гург гуфт, ки:

— Ҷурай руба, чӣ гуфта истодай?

Руба гуфт, ки:

— Мара сару калама саго хурдан, ақл дар сарам нест, ҳарчӣ ҳавоӣ гуфтайсодам.

Гург хай гуфта, боз чанд роҳе рафт, ки боз руба ҳамин байта гуфт. Гурга қаҳраш омада:

— Паданалъати руба, ту мара фанд мекунӣ? — гуфта, рубара сур кард. Руба гурехта, дар як нови осиёб кашол шид. Гург омада, рубара бигирум мега, ки гург дар нови осиёб

[РАССКАЗ О ВОЛКЕ И ЛИСЕ]

На большой дороге, где сливались две бегущие с разных сторон дорожки, встретились волк и лиса. И сказал волк:

— Эй, лиса, иди, давай с тобой подружимся.

Лиса ответила:

— Подружимся, но только я очень голодна.

Волк сказал:

— Я пойду в один кишлак, ты — в другой, добудем чего-нибудь и здесь поедим.

— Хорошо,— сказала лиса. И пошла лиса в один кишлак, волк — в другой.

Пошел волк, а там увидели его собаки и погнались за ним. Поймали они его и покусали. Вырвался от них волк и убежал. А лиса пришла в другой кишлак, забралась в какой-то дом и утащила мешок с катыком. Притащила она его на дорогу, часть катыка съела, а часть вылила себе на голову, улеглась, вытянув ноги, на дороге и стала громко стонать. Вернулся волк и спросил:

— Эй, лиса-душенька, что случилось? Меня вот поймали собаки, всего покусали, и то я ничего не говорю.

— А меня они так покусали, что мозги вытекли из головы. Нет у меня теперь затылка,— сказала лиса.

Подумал волк на катык, что это и есть лисьи мозги, и сказал:

— Ах, дружок, как они тебя измучили. Давай-ка посажу я тебя себе на спину, и мы убежим.

Лиса сказала:

— Как же я заберусь тебе на спину и как же ты меня понесешь?

Волк сказал:

— Да как-нибудь потихонечку!

Лиса сказала:

— Хорошо.

Села лиса верхом на волка. Проехала она немного, и очень ей это понравилось, и она запела:

В моем саду роза, в моем саду букет роз,
Взгляни, как здоровый едет на больном!

Волк сказал:

— Дружок лиса, что ты говоришь?

Лиса сказала:

— Собаки голову мою сожрали, ума я лишилась, вот и брежу.

— Ладно,— сказал волк и еще немного прошел, а лиса снова повторила тот же байт. Рассердился волк:

— Проклят[illegible]иса, ты меня обманы-

рафта, дар чархи осиёб зада, мембура. Баъд руба:

Гург буд як ҷавони думдароз,
Руба куштуш ура ба ноз,—

— гуфта, ин байтро борҳо такрор карда, баъд рафт ба хонаша.

ваешь,— сказал он и погнался за лисой. Убежала лиса и спряталась в мельничном желобе. Пришел волк, хотел схватить лису, забрался в мельничный желоб, попал под мельничное колесо и умер. А лиса сказала:

Был волк длиннохвостым парнем,
Лиса убила его кокетством, —

— сказав этот байт, она повторила его несколько раз и пошла к себе домой.

[РУБОҲИ ШАЙТОН]

Будай, набудай, як руба будай. Ҳамӣ мардумора чӣ қадаре ҷазир кардай. Ҳамӣ як қишлоқ мардума мурғша бурдай, хурдай. Баъд мусулмоно мурғошона ай дасти рубара дар хонаҳошон маҳкам кадан. Баъд ҳеҷ чи наёфтай, бухра, бисьёр гушна шидай.

Баъд шав шидай, ба даруни мурии тор даромадай, яке ғалтидай дар як хона, кофтай ҳеҷ чи наёфтай, баъд мебуром гуфтай. Дига гушнаҳай, ай ҷо буромада метона? «Мембурум»,— гуфтай. Яке дар даруни як хум ғалтидай, кап-кабуд шидай, баъд у задай, задай буромадай ай хум. Баъд ису усу ниго кадай, ки як тасбеҳ торда кашол. Баъд задасту баромадай дар тор. Баъд рафтай як осиёбда, ки [як кас] гандумша майда мекуна. Тасбеҳаш дар гарданush, у шиштай як канорда.

Баъд як мурғ ним мурғ мардум доштан, ҳуюш кадан. Як хуруз будай, дидай, ки руба [худашро] хумор дохтай, шиштай. Гуфтай:

— Қут-қут-қут, у рубай шайтон, дар гардан тасбе дохтай [мардумро] фан мехоҳад кунад.

Руба хап шудай, шиштай.

— Э руба, чӣ и қада шайтонгарӣ мекунӣ? — гуфтай хуруз.

Руба гуфтай:

— Э хуруз, итарӣ нагу, ма мусулмон шидум, худма Суфимуҳаммад ном кадум, мехоҳум ҳаҷ равум.

Баъд [хурус] гуфтай:

— Валло, ҳамӣ гапут рост боша, ма ҳам мерам!

— Намебинӣ, магам, ма дуруғ мегум, асбоби мара намебинӣ?! Пустина нига кун, тасбеҳа нига кун!

Хуруз бовар кадай, рой шидай, қатиш бурафтай. Чанд роҳ рафтай, ки яке яг будана пуртӣ кадай паридай ай пешшон. Гуфтай:

— У рубай шайтон, фан када хуруза хурданӣ мебара!

Баъд ин руба дам назадаю хуруз гуфтай:

— Ута нагу, ута нагу, ира намебинӣ суфӣ шидай, ҳаҷ мерава, ма ҳам меравум.

Гуфтай:

— Рост мегуй? Ма ҳам мерам.

Баъд қатӣ шидай. Ҳар се рафтан. Чанд рое рафтан, ки яг муллобутбутак вархурдай, баъд гуфтай:

— Э и рубай шайтона бин, хуруза қатӣ будана хурданӣ бурда истодай!

Руба дам назадай, рафтан гирифтай. Иҳо:

— Не, и вақто ай у корош гузаштай, намебинӣ тасбе овехтай, ҳаҷ мерава, мо ҳам ҳаҷ мерем.

[ХИТРЫЙ ЛИС]

Было не было, а был лис. И этот лис очень разорял людей. Сколько ни было у людей в кишлаке кур, всех он съел. Тогда мусульмане стали от лиса запирать своих кур в домах. Тогда лис не нашел ничего, что бы поесть, и очень оголодал.

Наступила ночь, влез лис в печную трубу и упал вдруг в какой-то дом, но сколько он там ни искал, ничего не нашел и решил уже выбираться наружу. Но может ли такой голодный выбраться оттуда? «Помру я здесь»,— подумал он. Упал он в хум с краской, стал синий-пресиний, прыгал-прыгал он в хуме и все-таки выбрался. Посмотрел он туда-сюда, наверху висят четки. Потом прыгнул и выскочил из дома наверх. Потом пошел он на мельницу, где люди мололи пшеницу. С четками на шее сел он в уголок.

А тут люди выпустили оставшихся кур. Был там петух. Увидел он, что в углу сидит томный лис, и сказал:

— Кут-кут-кут, сидит этот хитрый лис с четками на шее и хочет обмануть людей.

Лис сидел молча..

— Эй, лис, чего это ты хитришь?— спросил петух.

Лис ответил:

— О петух, не говори так, я принял мусульманство, теперь меня зовут Суфимухаммад, я собираюсь отправиться в хадж.

Тогда петух сказал:

— О аллах, если ты говоришь правду, я тоже пойду с тобой.

— Да неужто я вру, разве ты не видишь моего снаряжения. Посмотри на мою шкуру, взгляни на четки!

Поверил петух и отправился в путь вместе с ним. Прошли они часть дороги, как вдруг прямо перед ними взлетела перепелка и сказала:

— Это хитрый лис, он обманул петуха и ведет его с собой, чтобы съесть!

Но лис не произнес ни звука, а петух сказал:

— Нет, не говори так, не говори. Разве ты не видишь, что он теперь стал суфием, идет в хадж, и я с ним иду?

Перепелка сказала:

— А ты правду говоришь? Тогда я пойду с вами.

И пошли они дальше втроем. Прошли они часть пути и встретили удода. И говорит он:

— Эге, взгляните на этого хитрого лиса, он ведет петуха и перепелку, чтобы их съесть.

Баъд гуфт, ки:

— Валло, ита боша, ма ҳам қатии шумо мерам.

Баъд чор кас шуда рафтан. Чанд рое рафтан, рафтан, ки шав шид. Баъд иё гуфтан, ки:

— Мо дар адир бестем, ягон ҷондор, ки мора биёва, мехура.

Руба мега:

—Ма як хонаҳаки вайронаи пешина доштум, ҳамуҷада мерем, хов мекунем.

Баъд бурдшон, дари ҳуҷрада туғришон каду гуфт:

— Будроен.

Гуфтан:

— Шумо намедроен?

Гуфт:

— Не, не, шумо меҳмонен, будроен.

Уҳо дуромадан. И таи дарда шишт. Баъд гуфт:

— Ҳичи нақл намедонен?

Гуфтан:

— Худут мора ин ҷо овардӣ, як нақл бикун.

Баъд гуфт:

— Хуруз, ҳеҷ нақл намекунӣ?

Гуфт:

— Нақла шумо кунен, ки мо ай думи шумо омадем, нақл бикунен, ки имшав руз шава.

Баъд гуфт:

— Мо, ки нақл кунем, чида ҳамӣ ними шав мешавад, ки ту фарьёдда медроӣ?! Якта бедор мешава, якӏара хов карданӣ намемонӣ!

Хуруз гуфт:

— Ай и ғабда бигӣ, бухурмон, ҳаҷи мо ҳаминай.

Баъд хесту хуруза ҳот гирифту баъд кушту пар кад, хурдан гирифт. Баъд гуфт: «Як чизе шидум, ҳушум рафта буд, чанд руз ма гушна будум». Буданара гуфтай:

— Будана, чида як мусулмон рафта истодай, пуртӣ мекунӣ, ай таи пош мехезӣ, талхакафуш мекунӣ?!

Будана гуфтай:

— Ай итарӣ бигӣ бухурмон, хуруз, ки ай мо калон буд, хурдиш.

Баъд и дутара хурд, муллобутбутак гуфтак: «Навбатӣ ма шуд».

Руба гуфт: ки:

— Э муллобутбутак, чида бе амри шариат нулта дар замин мезанӣ?!

Гуфтак:

— Ба итариҳо мара хурда наметонӣ, ма ҷуфти гуво дорум!

Руба гуфтак: «Ҷуфти гувоша биёра, ҳарсеша мехурум». Гуфт, ки:

— Ҷуфти гувота биёр!

Гуфт:

Лис продолжал молча идти, а они сказали:

— Нет, те времена уже прошли, разве ты не видишь, что он надел четки и идет в хадж, и мы с ним идем в хадж?

Удод сказал:

— А вы правду говорите? О аллах, если так, я тоже пойду с вами.

Так пошли они вчетвером. Шли они, шли, наступила ночь. И сказали они:

— Если мы останемся в поле, любое животное, которое найдет нас, — съест.

Лис сказал:

— Есть у меня плохонький домишко, пойдемте туда, там и заночуем.

Привел он их к своему дому, выстроил перед дверью своей худжры и сказал:

— Заходите.

Они спросили:

— А вы не зайдете?

Он сказал:

— Нет, нет, вы гости, сначала вы заходите.

Вошли они, а он уселся у дверей и говорит:

— Не знаете ли вы каких-нибудь рассказов?

Они ответили:

— Ты сам нас сюда привел, сам и рассказывай.

Потом сказал:

— Петух, не расскажешь ли ты нам чего-нибудь?

— Нет, вы рассказывайте, ведь мы пришли вслед за вами, так что рассказывайте вы, чтобы ночь быстрей перешла в день.

Потом сказал он:

— Если уж нам говорить, то почему ты всегда подымаешь среди ночи такой крик, что одному спать не даешь, а другого будишь?

Петух сказал:

— Зачем эти слова, возьми да съешь нас. Видно, такой у нас хадж.

Вскочил лис, схватил петуха, убил, ощипал и начал есть. «Теперь стало немного лучше, а то чуть не пропал, ведь столько дней голодал»,—подумал он и сказал перепелке:

— Скажи, перепелка, почему, когда идет по дороге мусульманин, ты выскакиваешь у него из-под ног, взлетаешь и пугаешь его?

Перепелка сказала:

— Скажи попросту, что хочешь съесть меня. Петух был побольше меня, ты его съел.

Съел он и перепелку. И тогда удод подумал: «Ну, теперь пришел мой черед».

Лис сказал:

— Эй, удод, почему ты без разрешения шариата долбишь своим клювом землю?

Удод ответил:

— Даҳани дара маҳкам кадай, ма чӣ тавр миёрум ҷуфти гувома?

Баъд худша бераҳ кад, муллобутбутак буромад, парида рафт. Рафт, ки дар як ҷангале як мардак тозинаш дар дасҭуш шикор када истодай. Рафт, пеши тозинда шишт. Тозина меқапум гуфт, ки париду убартар шишт, бо париду убартар шишт. Ҳамита-ҳамита ба дари руба тозина овард. Тозин дари ҳелча омад, ки бу гирифт, даромад даруни ҳелчада, дига муллобутбутак:

— Ана ҷуфти гувом ҳамиай!—гуфт.

Тозин рубара бурдак, бурдак, ки руба бефара шуд, афтид.

Гуфт:

— Ё Буҳоваддини балогардон, дастум бигир, ки як табақ ҷав назри шумоай!

Баъд тозин ура гумуш кард. Баъд руба дамша ҳот кад. «Ҷав ай куҷо меёвум, ки ба ҳазрати Буҳоваддина метум? Наметум», — гуфта буд, ки тозин яке ёфтак, ай болош омад.

Гуфтак:

— Ё ҳазрати Буҳоваддин, табақота биёр, ҷавта бигӣ!

Дига тозино задан, гирифтан. Соҳиби тозин омадак, пустша гирифт бурафт.

— Ты не можешь меня так просто съесть, у меня есть два свидетеля.

Лис подумал: «Пусть приведет своих свидетелей, я съем всех троих». И сказал:

— Приведи своих свидетелей!

Удод ответил:

— Но ведь ты закрыл выход, как же я могу привести своих свидетелей?

Лис отодвинулся, удод вылетел. Летал он и увидел, что в лесу охотится какой-то человек, который удерживает рукой гончую. Подлетел удод и сел перед гончей. Только собака хотела схватить его, как он взлетел и сел подальше, потом снова взлетел и опять сел подальше. Так постепенно привел он гончую к норе лиса. Подошла гончая к норе лиса, почуяла запах и забралась в нору, а удод сказал:

— Вот пара моих свидетелей.

Гончая стала трепать лиса, совсем он ослабел и упал. Лис сказал:

— О святой заступник Баховаддин, спаси меня, принесу я в жертву тебе целое блюдечко ячменя!

Тогда гончая перестала его трепать. Лис очухался. «Откуда я возьму ячмень для святого Баховаддина? Ниоткуда»,—только успел лис подумать, как налетела на него снова гончая.

И сказал тогда лис:

— О святой Баховаддин, принеси блюдо и получай свой ячмень.

Снова гончая стала его рвать, и он сдох. Подошел хозяин гончей, снял с лиса шкуру и ушел.

[САНГПУШТ, МӮРЧА ВА РӮБОҲ]

Буд, набуд, як мурчаву самбақаву руба буд. Самбақа қатии мурча меҳостан, ки гандум букоран. Як руз рафтан дар як адир гандум пошидану кетман кадан ва гандума кетманкуниша тамом кадан, гандум баланд шид, хишовакунида даромадан. Хишовара тамом кадан. Чанд вақт гузашт, ки гандум ба дарав омад. Ба гандумдаравӣ сар кадан, ки нохост як руба ай куҷое пайдо шид.

— Мара шарик намегирен, ма бисьёр даравгар ва бисьёр коргар ҳастум.

— Хуб рафиққон,— гуфт самбақа,— амра мегирем. Бача, ба гандумдаравӣ сар мекунем.

Гандум дар як ҷои бармоле буд, ки дар у ҷармол як теппаи сафеди калоне буд ва теппаи сафедхок ба руи гандум давидагӣ буд. Руба фарьёд кад мурча ва самбақара:

— Рафиқо, иҷа биёен, гапай. И гап барои ҳамамун даркорай. Агар мо ҳами гандума ба дарав сар кунем, замин ҷумба, сафедхок ба болои мо меоя ва ҳамаи мора мекуша. Рафиқо, иҷа гапай. Шумо даравидан бигиренда ма рафта, сафедхока буқапум, ки,— гуфт руба,— сафедхок нагарда!

— Хуб, рафиқи ҷон,— гуфт самбақа,— майлаш, рафтан гир.

Мурча гашт, гуфт, ки:

— Рости мара ҳам маҳкам буқап! Агар ҳамӣ сафедхок бугарда дар таи чан ман сафедхок мемунум, агар самбақа намбра, ман мембурум.

Руба рафта, дар таи сафедхок дар ҷои салқинӣ хоб кад.

Бегой руз дарав тамом шид. Сару даҳануша сафедхок молида, ба пеши самбақаву мурча омад.

— Рафиқо, ба ма офарин буген, ки ма ҳамӣ руз бутун миёнум шикаст. Барои чира буген? Барои ҳамӣ миёни ма шикаст, ки ҳамӣ руз ҳамӣ куи калони сафедхок дар пушти ма буд.

Самбақа гуфт:

— Хайр, рафиққон, бисьёр хуб кадӣ.

Ба гандумкашӣ ҳамаи иё машғул шидан. Мегуфтан: «Гандум букашем, биёрем, бикувем». Ҳамаи иё ба дарзаи гандумкашӣ рафтан. Дар иҷа майлис кадан, гуфтан, ки:

— Рафиқо, ҳамиҷа як гапай. Руба ай мора калонтарай, кордонай ва коргарай. Бояд, ки руба ҳамӣ гандума бикашаву коруш тамом, мо мекувем, тоза мекунем, ҳискунида биёя.

— Хуб,— гуфта, гандума руба кашид.

[ЧЕРЕПАХА, МУРАВЕЙ И ЛИС]

Было не было, а были муравей, черепаха и лис. Решили как-то черепаха и муравей посеять пшеницу. Пошли они однажды в степь, посеяли пшеницу, окучили кетменем, а когда закончили окучивание и пшеница поднялась, начали ее пропалывать. Кончили они ее пропалывать. Прошло некоторое время, и наступила пора жать пшеницу. Начали они пшеницу жать, как вдруг появился откуда-то лис и говорит:

— Не возьмете ли меня в долю? Я хороший жнец и хороший работник.

— Ладно, дорогой друг,— сказала черепаха,— возьмем тебя в долю. Давай, парень, начнем жать пшеницу.

А пшеница эта была в степи недалеко от большого белого холма. И этот холм из белой глины доходил до самой пшеницы. Лис позвал черепаху и муравья:

— Друзья, идите сюда, есть дело. Разговор этот важен для всех! Если в то время, когда мы будем жать пшеницу, начнется землетрясение, эта белая глина упадет на нас и всех придавит. Так вот, друзья, какое дело: жните пшеницу,—сказал лис,— а я пойду и буду держать белую глину, чтобы она не упала.

— Хорошо, дорогой друг,— сказала черепаха,— иди.

А муравей добавил:

— Держи покрепче и с моей стороны! А то, если эта белая глина обвалится, я останусь под несколькими манами этой глины, черепаха-то, может, и не помрет, а я помру обязательно.

Пошел лис и лег спать в тенистом местечке под холмом. Вечером жатва кончилась. Лис намазал голову и рот белой глиной и пришел к черепахе и муравью.

— Друзья, похвалите меня, ведь я сегодня поясницу себе сломал. Спросите, почему? Да потому моя поясница сломалась, что целый день вся гора белой глины была на моей спине.

Черепаха сказала:

— Молодец, дорогой друг, очень хорошо сделал.

Стали они все перетаскивать пшеницу. Сказали они: «Перенесем пшеницу и обмолотим». Стали они переносить снопы. Устроили собрание и говорят:

— Друзья, дело в том, что лис самый большой, самый опытный и самый работящий из нас. Пусть он всю пшеницу перетащит, и этого с него хватит, а мы обмолотим пшеницу, очистим, а когда начнем делить, пусть он придет.

Ба гандумкубӣ самбақаву мурча сар кадан. Мурча боша, мурчаҳойи ошноша хабар каду гандумора мағиқ када, ай даруни хуша гирифтан. Гандума тамом кадан ва гандума чошт кадан ва рубара фарьёд кадан, ки ҳис кунем. Руба омаду гуфт, ки:

— Рафиқо, гандум камай, ба арзи як одамай. Биёен як кор мекунем. Мерему ай панҷо метир ра пайка медавем, кадомемун пеш омадем, гандум ай ҳаму.

Хестану ба пайкадавонӣ машғул шидан. Ҳама як ҷо шида давидан. Мурча бошад, сипоҳира ай даст надода, ба думби руба часпид. Руба боша, ба суи гандум ба чени қуввати будагиш давид. Омада кунша дар болои тупи гандум монд. Мурча бошад, гуфт, ки:

— Ҳа, ҷураи руба, ту курӣ, ман пеш ай ту омадаму ба болой тупи гандум истодум, ту омада дар болои ма шиштӣ?!

Самбақа бошад, пас аз як соат ба пеши гандум омад ҳашаскунон.

— Ҷонум буромад, рафиқо. Шумо бар зидди ман кор мекунен. Мара даму дилум сухт.

Руба боша, қабул накада гуфт, ки:

— Не, рафиқо, шарти мардум то сера аст. Биёен, бо як бори дига мерем.

Бо ҳамашон гап зада, гап зада, ба ҷои пайкадавонӣ рафтан. Боз ҳам пайка давидан. Мурча и дафъа ҳам сипоҳира ай даст надод, ба думби руба часпида буромад. Руба бошад, ба ҳамаи қувватуш боз ҳам ба суи гандум давид. Омаду ба болой каҳи бодкардагӣ кунша шапид сахт. Мурча бошад, додуш буромад.

— Э руба, ту курӣ, ки ма дар ҳар гуҷое местум, ту ба болои ма мешинӣ?

Руба боша, ин сафар ҳам қабул накада, бозам ба ҷои пайкадавонӣ баргашт. Дидан, ки самбақа дар роҳ ҳашас када омадестодай.

— Ҷураи самбақа, биё, мегардем.

— Чӣ шуд, ҷура?

— Ҳами шуд, ки ма пеш кадум, қабул накад руба. Ин сафар сафари охирин аст. Худо ба касе бития.

Бозам ба ҷои пайкадавонӣ рафтан, ба пайкадавонӣ сар кадан. Руба боша, ба чени қувватуш ба давидан сар кад. Мурча боша, сипоҳира ай даст надода, бозам ба думби руба часпид. Руба бошад, давида омаду ба болои чошти гандум худша партофт. Доди мурча буромад:

— Вой бар ҳоли ман, ки ҳама вақт ба болои ма ту мешини? Ма пеш ай ту омада будум. Ту мара надидӣ, пеш-пеши ту медавидум. Ана ҳозир чӣ мегӯй? Ҳичи намегирӣ ошно!

— Майлаш, гандума бугир!

— Хорошо,— сказал лис и перетаскал пшеницу.

Черепаха и муравей начали молотить пшеницу, а муравей собрал всех своих знакомых муравьев, и они очистили зерна от шелухи. Кончили, ссыпали зерно в кучу и позвали лиса, чтобы начать дележ. Пришел лис и говорит:

— Друзья, а пшеницы-то мало, только на одного из нас хватит. Давайте вот что сделаем. Пойдем и пробежим на соревнование пятьдесят метров, кто придет первым — тому и пшеница.

Поднялись они и начали состязание. Побежали все вместе. А муравей, решив не отдавать победы, прицепился к хвосту лиса. А лис бежал к пшенице что есть силы. Прибежал и сел задом на кучу пшеницы. А муравей и говорит:

— Эй, дружок лис, ты что, ослеп? Я прибежал раньше тебя и сижу на куче пшеницы, а ты прибежал и сел на меня!

А черепаха только через час, задыхаясь, прибежала к пшенице.

— Ох, друзья, чуть душа не выскочила. Вы все это против меня затеяли. У меня прямо сердце сгорело.

А лис не согласился с тем, что муравей победил, и говорит:

— Нет, друзья, люди обычно договариваются состязаться до трех раз. Пошли, еще раз побежим!

Так разговаривая, пошли они снова на место состязания. Снова побежали. И на этот раз муравей, решив не отдавать победы, прицепился к хвосту лиса. А лис снова что есть силы помчался к пшенице. Прибежал и тяжело шлепнулся задом на кучу перевеянной соломы. А муравей закричал:

— Лис, ты что, ослеп, что садишься на меня, где бы я ни стоял?

Лис и на этот раз не согласился, и снова пошли они на место состязания. По дороге встретили задыхающуюся черепаху.

— Подружка черепаха, давай возвращайся.

— Что случилось, дружок?

— Да то, что я пришел первым, да лис опять не соглашается. Побежим в последний раз. Кому бог даст.

Вот снова пришли они к месту состязания и начали состязаться. Лис побежал изо всех сил. А муравей, решив не отдавать победы, снова прицепился к хвосту лиса. Прибежал лис и бросился на кучу пшеницы. Вдруг раздался вопль муравья:

— Ох, горе мне, что это ты все время садишься на меня?! Я пришел раньше тебя! Ты что

Хайр гуфта, гандума мурча гирифт, руба боша, ба ин меҳнати яксолаш гирьён шида, талхаш кафида мурд. Гандума мурча гирифта, бо ҳамроҳии ҳамраи пешинаш самбаҳа ду тақсим када, ба хонашон бурдан.

меня не видел, когда я бежал впереди тебя! Ну что ты теперь скажешь? Ничего ты не получишь, приятель!

— Ладно, бери пшеницу!

Согласился муравей и взял всю пшеницу, А лис заплакал из-за того, что пропал его труд за целый год. Лопнул у него желчный пузырь, и он сдох. А муравей всю пшеницу разделил со своим прежним товарищем-черепахой поровну, отнесли они ее к себе домой.

[РӮБОҲ ВА ҶУЛУК]

Буд, набуд, як руба ва як ҷулук буд. Руба ба ҷулук ошно шида, ба вай гуфт:

— Ошно, маро як марта сер кун, як марта бухандон, як марта бутарсон.

Як руз ҷулук дар сари роҳ нишаста гирифт, нохост якта занак ба роҳ дастуш як табақ ҷурғот мегузашт. Ҷулукро дид, ба вай форидаш. Табақи ҷурғотро ба замин монда, ай думи у барой гирифтануш рафтан гирифт. Ҷулук боша, ба ҳар як қадам пеш рафтан гирифт. Занак ҳам аз ақибуш рафта, нопадид шид. Руба бошад, буромада ба хурдани ҷурғот сар кад. Занак бошад, вай ҷулука дастгир када натониста, барои ҷурғот омад, ай ҷурғот ҳам халос шид.

Руба ба ҷулук якҷоя шид, ҷулук рубара пурсид:

— Ошной руба, сер кадӣ ё не?

Руба ҷавоб дод:

— Ҳа ошно, бисьёр сер кадум.

Як руз ҷулук ба корхонайи устои оҳангар дуромад, ба тори сари шогирди у шишт, зани ин ҷондорра дида, барой гирифтан барой писаруш ҳаракат кад. Аммо ба даст гирифтани ин мумкин набуд, чунки мепарид. Ба суи шавҳаруш гуфт:

— Ҳамина зада, барой писарум те!

Усто боша, путки оҳанира бардошта, ба сари шогирдуш зад, ҷулук боша аз ин ҷо парида рафт.

Руба боша, аз даҳани мурӣ ниго када, хандида, хандида, беҳуш шида монд.

Як рузи дига ба саёҳат баромадан. Руба аз ақиби ҷулук ба болой як теппа баромадан гирифт. Ҷулук пештар рафта, ай ақиби теппа бо як мардак ва ду тозин вохурд. Ҷулук у мардака таъкид кад:

— Даррав биё, ки руба ай ақиби ма омада истодай.

Мардак ҳам даррав ба болои теппа буромад. Руба ҳам ба у вохурд. Тозино рубара пеш кадан гирифтан. Руба боша, сахт тарсида гурехт. Тозино бошан, вайро дастгир када натониста, ба роҳи дига рафтан. Боз руба ба ҷулук во хурд. Руба ҷулука маҳкам қапид. Руба гуфт:

— Ошно ҷулук, ма тура мехурум!

— Ҳа, барой чӣ мара мехурӣ?

— Мара бисьёр тарсондӣ,— гуфт,— мехурум!

Ҷулук ба руба гуфт:

— Ошно, ман барой шумо як савол дорум, агар шумо саволи мара ҷавоб бутен, майлуш, хурен. Саволи ма ҳаминай. Ошно, номи падартона ба ман гуфта бутен, майлуш, баъд мара хурен.

[ЛИС И ЖАВОРОНОК]

Было не было, а были лис и жаворонок. Познакомился лис с жаворонком и говорит ему:

— Эй, приятель, накорми меня разок, насмеши разок и напугай разок.

Однажды жаворонок уселся на краю дороги, вдруг прошла по дороге женщина с блюдом кислого молока в руках. Увидела она жаворонка, и очень он ей понравился. Поставила она блюдо на землю и пошла к нему, чтобы поймать его. А жаворонок тихонечко пошел вперед. Женщина пошла за ним следом, а он исчез. А лис вылез и стал есть кислое молоко. Не смогла женщина поймать жаворонка, вернулась за кислым молоком, но и кислого молока лишилась.

Встретились снова лис и жаворонок и спросил жаворонок лиса:

— Ну как, приятель лис, насытился ты или нет?

— Да, приятель, — ответил лис,— очень насытился.

Однажды жаворонок влетел в мастерскую кузнеца и сел на голову его ученика. Жена кузнеца увидела птицу и бросилась ловить ее для своего сына. Но схватить птицу было невозможно, потому что та каждый раз улетала.

Тогда сказала жена мужу:

— А ну пристукни его и отдай сыну.

Поднял мастер железный молот и ударил по голове ученика, а жаворонок улетел.

Лис смотрел на это через дымоход и так смеялся, так смеялся, что совсем обессилел.

На следующий день пошли они гулять. Лис стал подниматься вслед за жаворонком на холм. Поднявшись первым, жаворонок встретил за холмом человека с двумя охотничьими собаками. Жаворонок предупредил этого человека:

— Скорей иди сюда, за мной следом идет лис.

Мужчина быстро поднялся на холм. И лис с ним встретился. Охотничьи собаки погнали лиса. Лис очень испугался и побежал. Собаки не смогли схватить его и свернули на другую дорогу.

И опять встретились лис и жаворонок. Схватил лис жаворонка и сказал:

— Эй, приятель жаворонок, я тебя съем!

— А почему ты меня съешь?

— Ты очень напугал меня,— сказал лис,— я тебя съем!

Жаворонок сказал лису:

— Приятель, у меня есть к вам вопрос. Если вы ответите на мой вопрос, ладно, ешьте. Вопрос мой такой:

Руба ҷавоб дод:

— Номи падари ман Рубиз.

Ҷулук боша, ба ин гапуш ҳеҷ бовар накада, гуфт:

— Бародар руба, номи падари шумо Рубиз нест. Шумо асосӣ номи падари падартона бугуен.

Руба гуфт:

— Номи падари ма Руба мебошад!

Ҷулук аз даҳани руба худша халос када, парида, чириққос зада рафт.

Руба боша, аз кори худ пушаймон ва ҳайрон шуда монд. Ҳозир ҳам боша, руба бар қасти ҷулук гашта истодай.

— Приятель, скажите имя вашего отца, а потом ешьте меня.

Лис ответил:

— Отца моего звали Рубиз.

Но жаворонок сделал вид, что не поверил ему, и говорит:

— Братец лис, имя вашего отца не Рубиз. Скажите мне точно имя вашего отца.

— Имя моего отца Руба-а!

Жаворонок освободился из пасти лиса и улетел, чирикая.

А лис расстроился, что так поступил, и остолбенел. И теперь еще лис охотится за жаворонком, чтобы отомстить ему.

[ДЕҲҚОН ВА ХИРС]

Як деҳқон буд, шоликорӣ мекард. Шолиёш, ки балан шидан, як хирс миёмад, дар даруни шолиё хов мекард, ҳамаша меғавҷид, мелутид, вайрон мекард. Деҳқон медидша, зуруш намерасид, ки ай даруни шолиё суруш куна.

Баъд шолӣ расид. Деҳқон шолира дуравид, ба хирман оварду куфт. Куфту шолаш зад. Занша ба хонара ба қопча рой кард. Зануш базутӣ наёмаду дар хона хамир кард. Гуфт, ки:

«Ай у сар меём, мепазумуш».

Яке хирс умад:

— Ассалом алекум шарик?

Деҳқон гуфт:

— Воалекут бар салому чӣ зайлӣ шарикӣ?

Хирса қаруш карду гуфт:

— Олӣ ҳамшарикии мара намедонӣ?!

Деҳқон гуфт, ки:

— Ай куҷо медонум, ки як ра тура надидум?!

Хирс рафт ҷои хов кардагиша хов карду гуфт:

— Ма дар амиҷа хов мешидуму гундушкора сур мекардум, олӣ набоша ягон донуш наемонд.

Деҳқон дид, ки ба ҳичиш намешава, гуфт, ки:

— Хай, биё, биравем, ҳис кунем.

Омадан дар хирману деҳқон суни хирс гуфт, ки:

— Биёр ҷогата, ҳақта бутум.

Гуфт, ки:

— Ма ҷога надорум. Ҳақи худта бигиру ҳақи мара дар ами замин мон?

Деҳқон гуфт, ки:

— Бира, ай хунаи ма ам барои худут ҷойга биёру ам барои ма. Хирс гуфт, ки:

— Ма намеравум, ки дар уҷо сагои гандаай.

Деҳқон гуфт, ки:

— Ҳо, ту бишинда, ма рафта, бигирум, биём.

Деҳқон рафт дар хонаву занша гуфт, ки:

— Бира, ай куча гулакора ғун куну як копчада хокистару хоку дар аспе саворшун куну худут пеш-пешу чириғ карда, фарьёд, ки: «Ҳичи хирс ва паи хирс надиден? Ҳичи паи хирси порина, пероринасола надиден?». Баъд ма мегум: «Неву» баъд мегум, ки «Чӣ кор меёя?». Шумо биген, ки: «Духтари почо касал шудасту барои ҳаму доруш гуфтан». Баъд ма мегум, ки: «Ба ҳамита қати як соло як хирс гузашта буд». Баъд ту рафта бигу, ки: «Биёен, ба ами ра қатӣ меравем». Баъд хирс метарсаву мегреза.

Ба ами деҳқон қопчаша гирифту ба и сари хирман умад. Умад, дид, ки хирс кайҳо ба

[ДЕХКАНИН И МЕДВЕДЬ]

Был один дехканин, он занимался разведением риса. Когда посев его взошел, явился медведь, улегся спать на рисовом поле, все помял, поломал и попортил. Дехканин видел это, но у него не хватило сил прогнать медведя с рисового поля.

Вскоре рис созрел. Дехканин собрал его, принес на хирман, смолотил и очистил от шелухи. Жену свою он послал домой за мешком. Но жена долго не возвращалась, так как замесила дома тесто.

— Сначала испеку хлеб, потом приду,— сказала она.

Явился медведь:

— Здравствуй, компаньон!

Дехканин ответил:

— Здравствуй, но какой ты мне компаньон?

Медведь рассердился и сказал:

— Ты до сих пор не знаешь, в чем мое участие?!

— Откуда мне знать, если я тебя здесь совсем не видел?!

Медведь пошел и лег на то место, где он однажды спал, и сказал:

— Вот здесь я лежал и отгонял воробьев, иначе ни одного зернышка бы не осталось.

Дехканин увидел, что делать нечего, и сказал:

— Ладно, пойдем поделим урожай.

Пришли они на хирман, дехканин сказал медведю:

— Принеси свою посуду, и я дам тебе твою долю.

Медведь ответил:

— У меня нет посуды. Ты возьми свою долю, а мою долю оставь на земле.

Дехканин сказал:

— Иди и принеси из моего дома посуду для себя и для меня.

— Я не пойду, там злые собаки,— ответил медведь.

— Тогда ты посиди, а я пойду и принесу,— сказал дехканин.

Пришел дехканин домой и сказал жене:

— Иди, собери на улице детей, посади их на лошадь вместе с мешком пыли, сама иди впереди и кричи: «Видел ли кто-нибудь медведя или его след? Видел кто-нибудь след прошлогоднего или позапрошлогоднего медведя?» Тогда я скажу: «Нет, не видел, а в чем дело?» Ты скажешь: «Дочь падишаха заболела, говорят, это для нее лекарство». Тогда я скажу: «Год назад тут проходил один медведь». А ты

дасташ қати як чуқурӣ барои шолӣ рехтан кандаст.

Пурсид деҳқон, ки:

— Ира чӣ коруш мекнӣ?

Хирс гуфт, ки:

— Шолиҳора амиҷа мерезум.

Деҳқон хай гуфту дар ҳискунӣ сар кард. Як замоне буд, ки зани деҳқон ай суни шаҳр доду фарьёд зада умад. Фарьёд кард, ки:

— Ҳичи хирс надидӣ?

— Неву.

Хирс гуфт, ки:

— Эй ошно, мара ҷогаҳ кун!

Деҳқон гуфт, ки:

— Охир гушот баландӣ мекнан.

Гуфт:

— Эй ошно, доси теза бигир, бибуршун!

Гуфт зани деҳқон, ки:

— Эй ошно, аму ҷо қатӣ ичи хирс нагузаштаст?

Деҳқон гуфт, ки:

— Не.

У занаки фарьёдкун гуфт, ки:

— Чӣ дуруғ мегуӣ,ки пош дар руи шолиёан!

Хирс гуфт, ки:

— Эй ошно, бигӣ, пома бибур.

Деҳқон гуфт, ки.

— Гушота мебрум, пота мебрум, чӣ хел авқот ёфта мехрӣ?!

Хирс гуфт, ки:

— То ами шолиёма мехрум, бо иё сиҳат мешаван.

Деҳқон гирифт бурид поша.

Боз занак гуфт, ки:

— Ҳичи хирси порина — перорсолина нест ами ҷода?

Деҳқон гуфт, ки:

— Нея.

Занак гуфт:

— Чӣ дурӯғ мегӯй, ина калаш чихтай?

Хирс гуфт, ки:

— Эй ошно, бигӣ, калаи мара бибур!

Деҳқон калаи хирса бурид, ҷонуш ай хирс халос шид. Шолиёра бурда, қатии зануш хурда, кайф карда, гаштан гирифтан.

скажешь: «Давайте пойдем по этой дороге». Медведь испугается и убежит.

Дехканин взял мешок и вернулся на хирман. Пришел и увидел, что медведь давно вырыл лапами яму, чтобы ссыпать рис.

Дехканин спросил:

— Что ты делаешь?

Медведь ответил:

— Рис я насыплю сюда.

Дехканин согласился с этим и начал отмерять рис. В это время со стороны города с криком шла жена дехканина. Она закричала:

— Медведя́ не видел?

— Нет.

Тогда медведь сказал:

— Эй, приятель, спрячь меня!

Крестьянин сказал:

— Уши твои будут торчать.

Медведь сказал:

— Эй, приятель, возьми серп и отсеки их!

Жена дехканина спросила:

— Эй, приятель, здесь не проходил медведь?

Дехканин ответил:

— Нет.

Жена его закричала:

— Что ты обманываешь, вон ноги его на рисе.

Медведь сказал:

— Эй, приятель, отрежь мне ноги.

Дехканин спросил:

— Если я отрежу тебе уши и ноги, как ты будешь добывать себе пищу?

Медведь ответил:

— Пока я буду есть этот рис, они у меня заживут.

Дехканин отрезал ему ноги.

Жена его снова спросила:

— Нет ли здесь прошлогоднего или позапрошлогоднего медведя?

Крестьянин ответил:

— Нет.

Женщина сказала:

— Что ты обманываешь, чья это голова?

Медведь сказал:

—Эй, приятель, отруби мне голову!

Дехканин отрубил медведю голову, и медведя не стало.

Он отнес рис домой, и вместе с женой они зажили сытно и счастливо.

[ГУРГ ВА РӮБОҲ]

Як гург буд ва як руба. Як руз шид, ки руба суни гург гуфт, ки:

— Ҷурай гург, пага хунук мешава, раҳ банд мешава, бурав як гуспанда биёр, қайла кунему бухурем.

Гург рафта, як гуспанди калона ай рама гирифта оварду қайла када, дар чахдег пур кадану дар як елча бурда мондан.

Чанд руз истодану руба ба гург гуфт, ки:

— Ҷура, мара хунай почо файрод доран,— ва рафт ай елча қайлара зад, шикамша сер каду омад.

Гург пурсид, ки:

— Ту куҷо рафтӣ ва дар хонай почо чӣ шид?

Руба гуфт, ки:

— Бача шид.

— Чи номуш кадӣ?

Руба ҷавоб дод, ки:

— Хуҷатогулу.

Бо истодан, шави дигар шиду руба боз гуфт, ки:

— Мара хонай почо файрод кадан.

Бо рафт, шикамша сер каду омад.

Гург гуфт, ки:

— Чӣ шид?

Гуфт:

— Бача.

— Чӣ номуш кадӣ?

— Хуҷатомиён.

Бо дар и байн чанд руз гаштану як шав руба гуфт, ки:

— Оҳо, мара бо хонай почо файрод кадан.

Рафт бо шикамша сер каду кузара лесиду омад.

Гург пурсид, ки:

— Чӣ ном кадӣ?

Руба гуфт, ки:

— Хуҷатаглес.

Дар и мобайн чанд руз гаштаку руба гуфт, ки:

— Ҷурай гург, намерем аму қайлара бихурем?

Баъд рафтан, кузара ниго кадан, ҳичи нест.

Гуфт:

— Ҷурай гург, ту ира хурдай!

Гург гуфт:

— Не, ту хурдай!

Дар байнашон ҷанҷол шид ва гург рубара пеш кад. Руба рафта, дар чулхонаи осиёб дуромад. Гургам ай қафош парид, ки руст шид. Руба ай ун тараф буромаду омаду думи гурга канду дар куни худи гург заду буромада рафт. Гург чи хел када халос каду буромад,

[ВОЛК И ЛИСА]

Был волк и была лиса. Однажды лиса сказала волку:

— Дружище волк, завтра похолодает, дорога станет непроходимой, сходи принеси барана, мы приготовим из него кайлу и будем ее есть.

Пошел волк, утащил большого барана из стада и принес. Приготовили они кайлу, сложили ее в котел и опустили в нору. Прошло несколько дней. Лиса и говорит волку:

— Дружище, меня зовут в дом к падишаху.

Пошла она, взяла кайлу из норы, наелась и вернулась

Волк спросил ее:

— Куда ты ходила и что было в доме падишаха?

Лиса ответила:

— Родился мальчик.

— Как ты его назвала?

А лиса ответила:

— Ходжа по горлышко.

Прошло время, наступила следующая ночь, и снова лиса сказала:

— Меня зовут в дом к падишаху:

Снова пошла она, наелась и вернулась.

Волк спросил:

— Кто родился?

— Мальчик родился.

— Как ты его назвала?

— Ходжа до середки.

Так прошло еще несколько дней, и как-то ночью лиса сказала:

— Ого, опять зовут меня в дом к падишаху.

Пошла она, наелась, вылизала кувшин и вернулась.

Волк спросил:

— Как ты его назвала на этот раз?

Лиса ответила:

— Ходжа-вылизанное дно.

Между тем прошло несколько дней, и лиса сказала:

— Дружище волк, не пойти ли нам поесть той кайлы?

Вот пошли они, заглянули в котел, а там нет ничего.

Лиса сказала:

— Дружище волк, это ты съел кайлу!

А волк сказал:

— Нет, это ты съела!

Поссорились они, поругались, и волк выгнал лису. Пошла лиса и залезла в мельничный желоб. Волк тоже полез за ней, да и застрял там. Лиса вылезла с другой стороны, оторвала у волка хвост, ударила его по заду и ушла.

рафт. Рафт, дид, ки як мардак ҷуфт када истодай. Гуфт, ки:

— Эй ҷурай ҷуфтакӣ, ичи дидӣ?

Ҷавоб дод, ки:

— Не.

Ҷуфтакӣ ҷуфтша тамом каду омад. Шав ба зануш нақл кад. Дар ин вақт гург омад, ай даҳани мурии хона гуш кад. Гург гуфт, ки: «Суҳарӣ меравӣ да бухурмут!»

Суҳарӣ ҷуфтакӣ ба ҷуфт рафт, ки гург омаду мардака бо говош хурд.

Волк с трудом вылез из желоба и ушел. Идет он и видит, что какой-то мужик землю пашет. Сказал волк:

— Эй, приятель пахарь, не видел ли ты чего-нибудь?

Ответил пахарь:

— Нет.

Вспахал пахарь пашню, вернулся домой. А ночью рассказал он жене про то, что видел. А в это время пришел волк и стал слушать через дымоход. Подумал волк: «Выйдешь утром, я тебя съем».

Пошел пахарь на пашню, а волк пришел и съел мужика вместе с быком.

[КАМПИР ВА ГУНҶИШК]

Буд, набуд, як кампир буд. У дашткунӣ баромад, дид, ки шамол як кило пахтара овардестодай. Кампир пахтара аз дами шамол гирифт ва ба хонаш рафт, шишта ресмон метофт. Ресмонтовира буд кард: «Бест,—гуфт,—торуш битанум, баъд рафта дашт мекунум». Тораша буд кард: «Бест, —гуфт, —бубофумуш, —баъд мерум, дашт мекунум». Бофтанша буд кард. «Бест, пораш кунум, баъд мерум, дашт мекунум»,— [гуфт]. Пораш кард: «Бест,—гуфт,— будузумуш, баъд дашт мекунум». Куртара дузонд. «Бест,—гуфт,—бупушумуш, баъд мерум дашт мекунум». Куртара пушид ва рафта аз подшоҳ замин талабид, ки дашт кунум. Подшоҳ як ман замина кампира дод. Кампир дашт кард. Ҳар ҷуйчаҳои мезаки кампир як боғ шуд. Кампир рузи дароз боғовонӣ мекард.

Як руз ба пеши кампир як мардак омад, мардак гуфт:

— Мома, ҳо мома, боғта ба боғбон наметӣ?

Кампир гуфт:

— Ҳар рузе чанд хуша—чанд хуша [ангур] мегирӣ!?

Мардак гуфт:

— Ҳар рузе як сабат.

Боз як ғулбук омад. Ғулбук гуфт:

— Мома, ҳо мома, боғта ба боғбон наметӣ!?

— Ҳарузе чиқа [ангур] мехурӣ?

Ғулбук гуфт:

— Ҳаруз як хуша — як хуша.

Кампир гуфт:

— Не, наметум ба ин хел боғбон.

Ҳамин хел ҳамаи ҷондорҳо омадан, баъд гундушк омад, гундушк гуфт:

— Мома, ҳо мома, боғта ба боғбон наметӣ?

Кампир гуфт:

— Ҳарузе чиқа [ангур мехурӣ]?

Гундушк гуфт:

— Ҳаруз як дона — як дона.

Кампир гуфт:

— Ин хел боғбон дар ман даркор не!

Гундушк рафт. Боз [як] гундушк омада гуфт:

— Мома, ҳо мома, боғта ба боғбон наметӣ?

Кампир гуфт:

— Ҳарузе чанд дона — чанд дона [ангур мехурӣ]?

Гундушкак, гуфт:

— Ҳарузе ним дона — ним дона.

Кампир гундушкро боғбон кард.

Як руз подшоҳ як кала ба боғи кампир ба ангур роӣ кард. Кал гуфт: «Нобутуш». Дар боғ даромад, дид, ки ҳич кӣ нестай. Кал гуфт: «Ҳич кӣ нестай, худум мебуром, мечинум».

[СТАРУХА И ВОРОБЕЙ]

Было не было, а была старуха. Вышла она по нужде и видит, что ветер несет кило хлопка. Взяла старуха хлопок, принесенный ветром, пошла домой и села прясть нитки. Спряла она нитки и думает: «Натяну основу, а потом уж пойду по нужде». Натянула она основу и думает: «Кончу ткать, а потом уж пойду по нужде». Кончила она ткать и думает: «Разрежу материал, а потом уж пойду по нужде». Разрезала она материал и думает: «Сошью его, а потом уж пойду по нужде». Сшила она платье и думает: «Надену его, а потом уж пойду по нужде». Надела она платье и пошла к падишаху требовать, чтобы он дал ей земли по нужде сходить. Дал падишах старухе один ман земли. Сходила старуха по нужде. И всюду, куда попала моча старухи, вырос сад. Целый день ухаживала старуха за садом. Однажды пришел к старухе какой-то человек и сказал:

— Матушка, а матушка, не поручишь ли ты свой сад садовнику?

Старуха сказала:

— Каждый день сколько кистей [винограда] будешь ты брать, сколько кистей?

Человек сказал:

— Каждый день одну корзину.

Потом прилетела ворона и говорит:

— Матушка, а матушка, не поручишь ли ты свой сад садовнику?

— Каждый день сколько ты будешь съедать?

Ворона сказала:

— Каждый день одну кисть, одну кисть.

Старуха сказала:

— Нет, не отдам сад такому садовнику.

Так приходили все птицы, и наконец пришел воробей. Воробей сказал:

— Матушка, а матушка, не поручишь ли свой сад садовнику?

Старуха сказала:

— Каждый день сколько будешь съедать?

Воробей сказал:

— Каждый день виноградинку, виноградинку.

Старуха сказала:

— Не нужен мне такой садовник.

Улетел воробей. Прилетел другой воробей и сказал:

— Матушка, а матушка, не поручишь ли ты свой сад садовнику?

Старуха сказала:

— Каждый день сколько ты съешь виноградин, сколько?

Кал дар тори ангур буромад, ҳич кира надид. Як хушара гуфт, буканум-наканум, ки яке гундушк омад, гундушк гуфт:

— Фуро, гум шав, кал!

Кал суни гундушк гуфт:

— Мара подшоҳ ҳукум кардай, ма ҳич ҷо намефуром!

Гундушка қаҳр кард, сари кали ангурчина пуст кард. Кал аз тори ангур омада зад да таҳ, кал гириста-гириста пеши подшоҳ рафт. Подшоҳ кала гуфт:

— Чида гирья мекунӣ?

Кал гуфт:

— Ма рафтум, ҳич кира наёфтум, ба боғшам рафтум, дар боғуш ҳич кира наёфтум, дар тори ангур буромадум, ҳич кира надидум. Як хушара кандум, ки як гундушк омада гуфт: «Ҳо, кал, чӣ кор мекунӣ?» Ма гуфтум, ки: «Ангур мечинум». Гундушк гуфт: «Ҳо кал, фуро». Ма гуфтум: «Мара подшоҳ ҳукум кардай». Гундушка қаҳр кард, сари мара пуст кард.

Подшоҳ да ғазаб шуда, гуфт:

— Бура, гундушка бузан. Кал ғулака гирифта, рафта гундушка зада овард.

Подшоҳ гуфт:

— Гундушка кушта парто!

Гундушк гуфт:

— Ҷондор будум, беҷон шидум.

Подшоҳ гуфт:

— Бигир, парт кун!

Кал хесту гундушка парт кард.

Гундушк гуфт:

— Пардор будум, бепар шидум.

Подшоҳ гуфт:

— Бигир, пустуш кун!

Кал гундушка пуст кард.

Гундушк гуфт:

— Бапуст будум, бепуст шидум.

Подшоҳ гуфт:

— Бигир, намакуш кун!

Кал хеста гундушка намак кард.

Гундушк гуфт:

— Бенамак будум, банамак шидум.

Подшоҳ гуфт:

— Бигир, бупаз!

Кал гирифт, гундушка пухт.

Гундушк гуфт:

— Хом будум, пухта шидум.

Подшоҳ гуфт:

— Мара [деҳ] бухурумуш!

Кал гундушка подшоҳа дод, гундушка подшоҳ хурд. Гундушк гуфт:

— Берун будум, дарун шидум.

Подшоҳ як кордакира аз ин лави кунуш монду, яктай дигарша аз ин лави кунуш монд. Подшоҳ гуфт:

Воробей сказал:

— Каждый день полвиноградинки, полвиноградинки.

Взяла старуха воробья в садовники.

Однажды одного плешивца послал падишах в сад старухи за виноградом. Сказал плешивец: «Будь что будет!» Вошел в сад и увидел, что там никого нет.

Подумал плешивец: «Раз никого нет, я сам залезу и нарву».

Залез плешивец на виноградник и никого не увидел. Собрался только плешивец сорвать гроздь, как пришел воробышек и сказал:

— Слезай, плешивец, проваливай!

Говорит плешивец воробью:

— Меня падишах послал, я никуда не слезу!

Рассердился воробей и содрал кожу с головы плешивца, сорвавшего виноград. Упал плешивец с виноградника, заплакал и пошел к падишаху. Спрашивает у него падишах:

— Почему ты плачешь?

Плешивец ответил:

— Я пошел, никого там не нашел, зашел в сад — там тоже никого не нашел, залез на виноградник — никого не увидел. Только сорвал одну гроздь винограда, как пришел воробей и спросил: «Что ты тут делаешь, плешивец?» — Я сказал: «Рву виноград».— Воробей сказал: «Слезай, плешивец».—Я ответил ему: «Меня послал падишах». Воробей рассердился и содрал кожу с моей головы.

Падишах разгневался и говорит:

— Иди, побей воробья.

Плешивец взял с собой рогатку, побил воробья и притащил его с собой.

Падишах сказал:

— Убей воробья.

Воробей сказал:

— Был я жив, стал неживым.

Падишах сказал:

— Возьми и ощипай его!

Встал плешивец и ощипал воробья.

Воробей сказал:

— Был с перьями, стал без перьев.

Падишах сказал:

— Возьми и опали его.

Плешивец опалил воробья.

Воробей сказал:

— Был с пухом, стал без пуха.

Падишах сказал:

— Посоли его.

Взял плешивец и посолил воробья.

Воробей сказал:

— Был я несоленым, стал соленым.

Падишах сказал:

— Вақте ки ман зур мекунум, гундушк мепарад. Шумо гундушка ба корд бузанен!

Подшоҳ зур кард, гундушк парида рафта, дар сари сафили подшоҳ шишт. Кордакиё дар лавои куни подшоҳ заданд. Лавои куни подшоҳ париданд. Гундушк бошад:

— Подшоҳи яклавакун, нумадак ба дари кун, биёр ангурора буте,— мегуфт.

Подшоҳ бошад, аз шарм худша ба касал андохт. Гундушкак ба боғи момаш парида рафт.

Момаш гуфт:

— Имруз дар куҷо будӣ?

Гундушкак гуфт, ки:

— Подшоҳ ҳамин хел кала роӣ кад, ман ҳамин хел кадум.

— Возьми свари его.

Взял плешивец воробья и сварил его.

Воробей сказал.

— Был я сырым, стал вареным.

Падишах сказал:

— Дай мне, я его съем.

Плешивец дал воробья падишаху. Падишах съел воробья.

Воробей сказал:

— Был я снаружи, стал внутри.

Падишах посадил одного человека с ножом с одной стороны своего зада, а другого — с другой стороны и сказал:

— Когда я натужусь, воробей вылетит, а вы бейте воробья ножом.

Натужился падишах, воробей вылетел и сел на стену падишахского сада, а люди с ножами ударили по ягодицам падишаха. Ягодицы падишаха отлетели.

А воробей сказал:

— Падишах с кривым задом, у тебя кошма под задом, отдай виноград! — Падишах от стыда притворился больным. А воробей полетел в сад к матушке.

Спросила она воробья:

— Ты где сегодня был?

Воробей сказал:

— Падишах послал плешивца за виноградом, а я сделал так-то и так-то.

[МУРҒ ВА ДӮСТОНИ Ӯ]

Як мурғ будаст, ки вай дар вақти ҷавониаш бисьёр фарьёдкуни нағз будаст. Вақте ки пир шудаст, дар хонаи соҳибаш меҳмон омадаст. Соҳиби хона мурғро қасти куштан кардаст. Мурғ аз хона баромада, ҳаҷ рафт, ки дар роҳ як гурбаро дид ва аз гурба пурсид, ки:

— Ту куҷо мерай?

Гурба гуфт, ки:

— Ман дар ҷавониам дар хонаи соҳибам бисьёр муш мегирифтам. Ҳозир, ки пир шудам, мана аз хона бароварда пеш кард.

Мурғ гуфт, ки:

— Биё, қатӣ мерем.

Чанд роҳе рафтанд, ки як хар омад. Хар гуфт, ки:

— Пир шудам, соҳибам маро бароварда пеш кард.

Вайҳо гуфтанд, ки:

— Биё, ҳаҷ мерем.

Чанд роҳе рафтанд, як саг омада истодааст. Саг гуфт, ки:

— Ман дар вақти ҷавониам хонаи соҳибама посбонӣ мекардам. Ҳозир, ки пир шудам, соҳибам маро аз хона бароварда пеш кард. Гуфтанд, ки:

— Биё, ҳаҷ мерем.

Онҳо ба шаҳри Миср рафтанӣ шуданд. Чанд роҳе рафтанд, ки дар таги як чанор шаб шуд, дар ҳамон ҷо истоданд. Шаб ба боло нигоҳ карданд, ки аз як хона чароғ месузад. Дар он ҷо дуздо меистанд. Ба ҳамон даҳани тирезара рафтан. Хар аз поён истод, саг аз болои у, пушук аз болои саг, мурғ аз болои гурба ва яке якбора фарьёд заданд, ки дуздо гурехта рафтанд.

Вайҳо дар хона даромаданд, мурғ гуфт:

— Арзан боша, хурам.

Гурба гуфт, ки:

— Шир боша, хурам.

Саг гуфт:

— Устухон боша, хурам.

Хар гуфт:

— Ҷав боша, хурам.

Ёфтагиашонро хурдану шаб хар дар ақиби дар, гурба дар сари печка, саг дар майдон, мурғ дар болои дарахт хоб карданд.

Дуздо гуфтанд, ки:

— Мо як рафта хонамона бинем, ки чӣ чиз омадаст.

Якташона ба хона фиристоданд. Вай омада, дар хона болои печкаро даст расонд, ки як чиз дар чашмаш часпид, ба қарибӣ дара омад, ки як чиз калтак қати пеш кард. Ба берун омад,

[ПЕТУХ И ЕГО ДРУЗЬЯ]

Был петух, который в молодости хорошо пел. Когда он состарился, пришел к его хозяину гость. Решил хозяин зарезать петуха. Тогда петух убежал из дома и отправился в хадж. По дороге встретил он кошку и спросил у нее:

— Куда ты идешь?

Кошка ответила:

— В молодости я очень хорошо ловила мышей в доме моего хозяина. Теперь, когда я состарилась, хозяин выгнал меня из дома.

Петух сказал:

— Давай пойдем вместе.

Прошли они часть пути и встретили осла. Осел сказал:

— Я состарился, и хозяин меня выгнал.

Они сказали:

— Пойдем с нами в хадж.

Прошли они часть пути, и навстречу им идет собака.

Собака сказала:

— В молодости я сторожила дом моего хозяина. А теперь, когда я состарилась, хозяин выгнал меня из дома.

Сказали они ей:

— Пойдем с нами в хадж.

Отправились они в Египет. Прошли они часть пути, ночь застала их под чинаром. Там и остались они ночевать. Ночью увидели они, что в каком-то доме горит светильник. Там жили воры. Подошли они к окошку этого дома. Осел встал внизу, собака залезла на него, кошка на собаку, петух на кошку, и все вместе так громко закричали, что воры испугались и убежали.

Вошли они в дом, и петух сказал:

— Если найдется пшено, я поем.

Кошка сказала:

— Если найдется молоко, я поем.

Собака сказала:

— Если найдутся кости, я поем.

Осел сказал:

— Если найдется ячмень, я поем.

Поели они то, что нашли, и улеглись спать. Осел у дверей, кошка на печке, собака во дворе, а петух на дереве.

А воры решили:

— Пойдем-ка домой, посмотрим, кто к нам пожаловал.

Послали они одного человека в дом. Пришел он в дом. Только дотронулся руками до печки, как что-то вцепилось ему в глаза. Только добрался он до дверей, как что-то стукнуло его дубинкой. Только вышел во двор, как

ки чизи дига банди поша газид ва аз болои дарахт як чизи дига ҷаноза мехонад.

У мардак ба пеши шарикҳояш рафта, ҳамин воқеара гуфт. Якбора ҳамаи дуздо гурехта рафтанд. Мурғ, саг, гурба ва хар дар ҳамон ҷо сиҳат ва саломат зиндагонӣ карданд.

что-то вцепилось ему в ноги, а с дерева кто-то стал петь по нем заупокойную молитву.

Прибежал этот человек к своим приятелям и рассказал все, как было. Тут все воры сразу разбежались. А петух, собака, кошка и осел зажили в том доме в полном здравии.

[РӮБОҲ ВА ХИРС]

Як хирс буд, ҳафта бача дошт. Як руба омад, әлчашда хирс набуд. Руба гуфт:

— Хирсбачаҳо, хирсбачаҳо, очатон ку?!

Хирсбачаҳо чанд руз ай руба тарсиданд, баазоб шуданд. Як руз хирс омада гуфт:

— Э бачаҳо, чӣ и қадар баазоб шуден?

Гуфтан модаршонда:

— Як руба ҳар руз омада, мора тарс медод, ай барои ҳамин баазоб шудем.

Хирс гуфт:

— То и вақт мара хавар накарден? Ура мекуштум.

Хирс паси бачаҳошда ҷогаҳ шид. Руба омада гуфт:

— Хирсбачаҳо, хирсбачаҳо, очатон ку? Як бухурумуш.

Хирс ай ҷош хеста:

— Агар ту мара мехурӣ, баро ба ҷангам,— гуфта ай пасуш сур када рафт. Руба рафт як осиёба новашда даромада, ай у су баромад. Хирс ҳам ай паси руба даромад. Хирс новада руст шида монд. Руба ай қафош омада, куни хирсда як чув мезанаю баромада мерава.

Як мардак ай поён омад. Хирс фарьёд када гуфт:

— Э мардак, ту биё, мара ай ин нова халос кун. Чизе, ки туда даркорай, ман метум.

Мардак теша гирифта, омада новара тарошид. Хирс баромада гуфт:

— Ма ҳар шав ба ту чорта гуспанд меёруму метум.

Мардак ба хонаш рафт. Баъд гуспанд гирифта, шав оварда фарьёд кард. У ай хона баромад, гуспандора гирифт. Хирс ба мардак гуфт:

— Ба ҳеҷ кас нагу, ки хирс мада шав гуспанд меёра. Агар ма мешунавум, тура мекушум.

Боз шаби дига гуспанд гирифта омаду дар вехи деволаш гуш дохт.

Ҳамон мардак ба зануш гуфт:

— Ту хеста ҳеҷ як чиз намекунӣ? Ҳар шав мада хирс чор-панҷта гуспанд меёра!

И гапа хирс шунавиду гуспандоша гардонда ба хонаш бурду бачаҳошда дод. Пагоҳ руз шуду мардак омад ба сари кор. У мардак ҷуфт када истода буд. Баъд и мардак хонашда ҳар хел авқот хурда буд. Хирс омада гуфт:

— Ту чӣ гуфтӣ шав?

Мардак гуфт:

— Ма ҳеҷ чи нагуфтум,— паноҳ дошт.

Ҳар хел авқоте, ки мардак хурда буд, шикамашда вайрон шуда буд. Шикамаш ҳамов вақтда қрап-қрап мекад пеши хирсда.

[ЛИСА И МЕДВЕДИЦА]

Была медведица и было у нее семеро детей. Пришла как-то лиса к медвежьей берлоге, когда медведицы там не было, и говорит:

— Медвежата, а медвежата, где ваша мать?

Несколько дней медвежата пугались лисы и очень страдали. Вернулась однажды медведица домой и спрашивает:

— Детки, почему вы такие измученные?

Ответили они своей матери:

— Каждый день приходит сюда лиса и пугает нас, вот почему мы такие измученные.

Медведица сказала:

— Почему вы сразу не рассказали мне об этом? Я бы давно ее убила.

Медведица спряталась за своими детьми. Пришла лиса и говорит:

— Медвежата, а медвежата, где ваша мать? Я ее съем.

Поднялась медведица.

— Если ты хочешь меня съесть, то выходи на бой со мной, — сказала медведица и погналась за лисой. Побежала лиса, залезла в мельничный желоб с одной стороны, а с другой вылезла. И медведица вслед за лисой залезла в желоб. И застряла в нем. Тогда лиса залезла вслед за медведицей, воткнула ей палку в зад и ушла.

Пришел снизу мужик. Закричала ему медведица:

— Эй, мужик, иди-ка сюда, помоги мне выбраться из этого желоба. Я дам тебе все, что ты пожелаешь!

Взял мужик тешу и стесал желоб. Выбралась медведица и говорит:

— Каждую ночь я буду приносить тебе четырех баранов.

Мужик ушел домой. Потом медведица раздобыла баранов, притащила их ночью и позвала мужика. Вышел мужик из дома и забрал баранов. А медведица сказала мужику:

— Смотри никому не говори, что медведица ночью приносит тебе баранов. Если я узнаю об этом, убью тебя.

На следующую ночь медведица снова принесла баранов и стала подслушивать под стенкой.

А мужик сказал жене:

— Когда ты поутру встанешь, можешь ничего не делать. Мне медведица каждую ночь приносит по четыре, пять баранов.

Услышала это медведица, забрала баранов, отнесла их домой и отдала своим медвежатам. Наступило утро, вышел мужик на работу. Вспахал поле, а потом пошел домой и поел всякой пищи. Пришла медведица и сказала:

Хирс тарсида гуфт:

— Чӣ бало ҳастай?

Мардак гуфт:

— Хирсшикорчиҳо омадан қариби як ҷангалда, хирс мекован.

Хирс гуфт:

— Ма чӣ кор кунум?

Мардак гуфт:

— Даруни ҷуволи мада даро!

Хирс ҷуволда даромад. Деҳқон ҷувола маҳкам баст. Говоша ай ҷуфт ҳуй каду қатӣ юғ хирса зада-зада дар ҷувол кушт. Хирса пуст када, гирифта бурда дар идора супорид.

— Ты что говорил ночью?

Мужик сказал:

— Я ничего не говорил, — соврал он.

А пища, которую он съел, стала портиться у него в животе. И как раз в это время забурлило у него в животе «крап, крап».

Медведица испугалась и сказала:

— Это еще что за несчастье?

Мужик ответил:

— Это пришли охотники за медведями. Вон они на опушке леса ищут медведей!

Медведица сказала:

— Что же мне делать?

Мужик сказал:

— Залезай ко мне в мешок.

Залезла медведица в мешок. Мужик завязал мешок. Потом он выпряг быков, поднял ярмо и начал бить медведицу, пока не убил. Потом снял с медведицы шкуру, понес и сдал в контору.

[ГУРГ, РУБА ВА УШТУР]

Баъд рузе шидай, ки шутур гандумчошӣ рафтай. Рафта-рафта гандумуш қоқ шидай, калон шидай. Рузе шидай, ки шутур сари гандумуш гандумхурӣ рафтай. Баъд гург ва руба сари чиноғ омадан ва руба гуфтай, ки:

— Бира, бин, аму чӣ хурдестай.

Баъд гург омадай, гуфтай, ки:

— Бахчӣ ту гандуму ҷави мора мехрӣ?

Шутур гуфтай, ки:

— И ай худумай. Агар бовар накнӣ,— даҳанша воз кардай, гуфтай, ки биё, таги забони мара бин, забонхат истодай, гирифта бихон.

Гург сарша да даруни даҳони уштур бурд, ки уштур сарша хойда майда кард. Гург мурдай. Руба ира дида гурехтай. Гуфтай, ки:

— Обо, қозӣ булган тулкини, қочганини курдинг-мӣ, ойбурини қочганини курдинг-мӣ?!

[ВОЛК, ЛИС И ВЕРБЛЮД]

И вот наступил день, когда верблюд пошел жать пшеницу. Постепенно пшеница выросла и созрела. Наступил день, когда верблюд пошел к пшенице, чтобы ее поесть.

Тогда подошли к полю волк и лис, и лис сказал:

— Иди посмотри, кто там ест.

Тогда волк пошел и спросил:

— Почему ты ешь нашу пшеницу и ячмень?

Верблюд ответил:

— Это мое. Если ты не веришь, то посмотри у меня под языком, там лежит письмо, возьми его и прочти,— и верблюд раскрыл рот. Волк сунул голову верблюду в рот, и верблюд разжевал ее. Волк умер. Увидев это, лис убежал, говоря:

— Увы, видел ли ты, как убегает лис, ставший казием, видел ли ты, как убегает волк?!

[АФСОНАИ ҶӮРАГИИ ГУРГ ВА РӮБОҲ]

Як деҳқон буд. Якта боғи нағз дошт, ки тамоми мевае, ки дар дуньё набуд, дар боғи у буд. Гирдо ба гирди боғ ҳам, чӣ қадар сафили маҳкам гирифта, маҳкам кард. Як руба дар боғи у ҷой гирифт. Ҳар шаб меваҳои ира гирифта меомад. Сабзаву себаргаҳора пуштма тоза мекунум гуфта, ғел мезад. Қариби руз шудан, баромада ба маконуш ба хурсандӣ мерафт.

Ҳар руз деҳқон ба боғуш меомад, медид, ки меваҳои боға канда, сабзаҳора поймол кардааст. Дилуш зиқ шуда, ғусса хурда, мерафт. Чанд руз меомад, ҳамин ҳола медид. Дилаш зиқ шуда, як руз якта қапқон гирифту як думбаи гусфанд гирифту сари роҳушда дом соз кард. Мегуфт, ки: «Ба ғайр аз руба ба боғи ман чизи дигар даромада наметавонад. Ман ира ба қап кунум, дар дасти ман буғалтад, аз даҳануш чапша пуст мекунум. Пули меваҳою сабзаҳора аз пусти ин падарлаънат бигирум».

Дом соз кард. Шаб шиду руба сайли боғ омад. Дид, ки дар руи раҳуш дом соз кардагӣ ва дар он як думбай нозанин. Наздики думба омад. Гуфт, ки: «И деҳқона беақлиша бубин, ки мара беақл гумон кардаю дом соз кардай».

Наздик омад, нафсуш ҳаракат дошт, ки аз думба хурад. Ба дилуш ҳаракат дохт, ки: «Э руба, фирефтаи нафс нашав, ки дар и дом гирифтор мешавӣ!» Боз мерафт, ки нафсаш зурӣ кард. Гуфт, ки: «Э руба, ту ин қадар доно бошию аз ҳамин думба нахурӣ, ангури туруш хурда дандонҳои ту кунд шуданд, ин думбэра хурда натавонӣ, вазираи ту чӣ кор меояд?».

Боз руба гашта ба пеши думба омад. Гуфт, ки: «Э нафс, барои ту дар дом меғалтам. Аз ҳамин беҳтар, ки рафта аз ҳамон ангури туруш, меваҳои боғ намонум». Боз рафта дилуш ба думба кашол шуда гуфт, ки: «Агар нахурум, ба ормон мемонум». Боз ба пеши думба омада, тарсида намехурд. Як чанд бор рафта омадан гирифт, ки нисфи шаб шуд. Истода фикр кад, ки: «Ба ин тариқа думбара хурда намешава. Ту доно бошию як думбара хурда натэвонӣ, аз ин мурданат беҳ».

Истода фикр кард: «ба адир равам. Аз гургда аҳмақтар ҷондоре дар дуньё нест. Агар ёбум, ура оварда дар дом меандозуму худум думбара хурда, кайф када, баромада рафтан мегирум»,— гуфта баромада як теппада дид, ки як гург саруш хам, лоқ-лоқ рафта истодааст. Даррав хандида салом дод. Гург гашта нигоҳ кад, гуфт:

— Эй шайтон, барои чӣ ту ҳам салом додию ҳам ханда мекунӣ?

Гуфт:

[СКАЗКА О ДРУЖБЕ ВОЛКА И ЛИСЫ]

Жил дехканин. Был у него прекрасный сад, и всякие фрукты, какие только существовали на свете, росли в его саду. А вокруг сада возвел он крепкую стену. И повадилась в этот сад лиса. Каждую ночь приходила она за фруктами и, чтобы очистить свою шкуру травой и трилистником, каталась по земле. А когда наступало утро, довольная, уходила она к себе домой.

Каждый день приходил дехканин в сад и видел, что фрукты там попорчены, а трава помята. Уходил он расстроенный и опечаленный. Несколько дней подряд приходил он в сад и видел все то же. Расстроившись, взял он однажды капкан, взял бараний курдюк и прямо на дороге установил ловушку. Подумал он:«Кроме лисы, никто не может прийти в мой сад. Я ее поймаю, а когда она попадет в мои руки, сдеру с нее шкуру, начиная с морды. И ценой шкуры этой проклятой возмещу убытки за мои пропавшие фрукты и овощи».

Установил он ловушку. Наступила ночь, и лиса пришла погулять в сад. Увидела она, что на ее пути установлена ловушка, а в ней прекрасный курдюк. Подошла поближе к курдюку. «Посмотри-ка на этого безмозглого дехканина! — сказала она.— Он считает меня глупой и поставил ловушку!»

Подошла она поближе, и жадность стала ее толкать съесть курдюк. Но она, сдерживаясь, сказала:«Эй, лиса, смотри не поддавайся жадности, не то попадешься в ловушку». Походила она, походила и снова заговорила в ней жадность. И она снова сказала: «Эй, лиса, ведь ты такая умница, так неужели ты не сможешь полакомиться этим курдюком? Ты поела кислого винограда, и у тебя затупились зубы. На что вся твоя хитрость, если ты не можешь полакомиться курдюком?»

И снова лиса походила, походила, вернулась к курдюку и говорит: «Эх, жадность, из-за тебя я попаду в ловушку. Уж лучше мне пойти и поесть кислого винограда, пока я и его не лишилась». Снова ушла она, но сердце ее все время тянулось к курдюку. «Нет,— сказала она,— видно, пока я его не поем, не успокоюсь». Снова она вернулась к курдюку, но побоялась его есть. Так несколько раз подходила она к нему и уходила, пока не наступила полночь. И тогда решила она, что таким образом съесть курдюк не удастся. Сказала она: «Ведь ты такая умная, а съесть этот курдюк не можешь! Уж лучше умереть, чем так мучиться».

— Э паҳлавони ҷиёнгир, ман бисьёр гурусnаам, ту паҳлавон ҳастӣ, аз ягон ҷо авқот ёфт кун-да, бо ҳам бухурем. Ма ба ту ошно мешавум, чунки падару бобоҳои мо ҳам ошно будан.

Гург гашта гуфт:

— Ман ҳам фикр када рафта истода будам. Яг гусфанди нағз дида будум, барои ҳамон меравем. Ту дар диёргӣ дар тамошои ма бош, ма якта гусфанди нағз биёрам, бо ҳам бухурем.

Руба гуфт:

— Э ҷура, даҳмардаҳои и рама ҳолӣ саги бисьёр ва мумкин камон ҳам дошта бошан, меравем, ки сагҳои онҳо хабар мешаван, соҳибуш мора мегираду пуст мекуна. Лекин ту ки падарошно ҳастӣ, ма як думбаи тайёр дорум, барои меҳмонии ту нигоҳ доштум. Ма худум хурда сер кардуму аз ту дида дигар касе надорум, биё, бо ҳам равему он думбара бихур! На сагу на одам ҳаст, як боғи хуб ҳам дорум. Боға саёҳат када, мева мехурем, баъд баромада меравем.

Гург гуфт:

— Э руба, ту бисьёр шайтон ҳастӣ, ту дуруғ мегуӣ!

Руба гуфт:

— Биё меравем, дуруғгу маълум мешавад.

Руба пеш-пеш, гург аз думболи у ба боғ омадан. Даруни боғда даромада, саёҳат кардан гирифтан. Руба ғел мезад, хурсандӣ мекард. Гург гумон мекард: «Руба ҳақиқатан рост мегуфтаст».

Ҳар хел меваҳо мехурда ну сайр када мегаштан. Руба гуфт:

— Э ҷура, мешавад. Соҳиби ин боғ омада, моҳора алам мета, биё буравем, дандонамон кунд шудаст. Дандонамона тез када, думбара хурда буравем.

Гург бо ҳамрои руба ба пеши думба омадан. Гурга гуфт:

— Бубин, ки ма дуруғ гуфтум ё рост? Бубин, ки барои ту думба тайёр карда мондум!

Гург бисьёр хурсанд шуда гуфт: «Ҳақиқатан дусти ман будааст, гапаш рост».

Руба гуфт:

— Э гург, бемалол хурдан гир, ман сер шуда, иша барои ту монда будум.

— Хуб,— гуфта гург ҳар ду дасташа бурда мехост, ки думбара ба ҳавас бихурад. Қашқон аз ҳарду банди дасти гург гирифт. Гург дод гуфт:

— Э ҷура, биё, ки пою дасти мара як чиз гирифтай, биё халос кун.

Руба гуфт:

— Ту паҳлавон ҳастӣ, қуввати ту, ки нарасад, ай ма ай куҷо мерасад. Як зур кун, худта парто, пот халос мешава.

Подумала она и решила: «Пойду-ка я в горы. Нет в мире зверя глупее волка. Если мне удастся его найти, я приведу его сюда, посажу в ловушку, а сама, съев курдюк, получу удовольствие и уйду». Поднялась она на холм и увидела, что впереди, опустив голову, ковыляет волк. Тотчас засмеялась она и поздоровалась. Волк обернулся и спросил:

— Эй, хитрая, отчего ты и здороваешься и смеешься одновременно?

Сказала она:

— О могучий богатырь, я очень голодна, а ты богатырь, раздобудь где-нибудь пищу и вместе поедим. Ведь мы с тобой хорошие знакомые, так как еще наши отцы и деды были знакомы.

А волк ответил:

— Бот и я иду и думаю об этом. Видел я хорошего барана, пошли за ним. Ты издали смотри на меня, а я притащу хорошего барана, и вместе поедим.

Лиса сказала:

— Эх, друг, у пастухов, которые охраняют баранов, много собак, а может, даже и ружья есть, мы пойдем туда, а собаки узнают об этом, их хозяева нас схватят и сдерут с нас шкуру. Но ведь ты друг моего отца, у меня приготовлен курдюк, чтобы угостить тебя. А сама я уже поела и сыта; ведь у меня никого нет, кроме тебя, пойдем вместе, поешь этот курдюк. Нет там ни собак, ни людей, а есть у меня хороший сад. Погуляем в саду, поедим фруктов, а потом уйдем.

Волк сказал:

— Эх, лиса, ты очень хитрая, ты все врешь.

Лиса ответила:

— Давай пойдем и станет ясно, вру ли я.

Пошла лиса впереди, а волк за ней. Вошли они в сад, стали прогуливаться. Лиса каталась по траве, веселилась. Волк подумал: «Действительно, лиса правду сказала».

Поели они разных фруктов и погуляли. Лиса сказала:

— Ну, друг, хватит. А то придет хозяин сада и расправится с нами. Давай пойдем, а то у нас зубы совсем затупились. Поточим зубы, съедим курдюк и уйдем.

Пришли волк с лисой к курдюку. И сказала лиса волку:

— Смотри, правду я сказала или ложь? Смотри, я тебе приготовила курдюк!

Очень обрадовался волк и подумал: «Оказывается, она действительно мой друг, правду она сказала».

Лиса сказала:

Гург зур зада аз болои думба дур рафта ғалтид. Ҳар ду дасти гург шикаст. Фарьёд кад, ки:

— Ҳар ду дасти ма шикаста, қувватам нарасид, биё халос кун!

Руба гуфт:

— Э чура, ма барои хурдани думба тура наёварда будум! Барои фирев кардан тура оварда будум!

Руба омаду думбара гирифта, хурдан гирифт, то сер карданша хурду боқиша дар пустинуш молиду баромада як теппада тамошо карда гашт.

Руз шуду соҳиби боғ дома хабар гирум гуфта, ду сагу як таёқи дигар гирифта омад. Дид, ки дар дом як гург задаст.

— Падарлаънат, ту боғи мара ҷазир мекардаю ман аз руба медидум! — гуфта бо ҳамроҳи саго гурга чунон зад, ки вай мурд, аз даҳонаш чанпа пуст карду бозор бурда, пули меваҳора аз пуст гирифт.

Руба хурсандӣ қатӣ монда рафту боз омада, меваҳои боғра хурда гаштан гирифт.

— Эх, волк, кушай спокойно, я сыта, а это я для тебя оставила.

— Хорошо,— сказал волк. Хотел он обеими лапами схватить курдюк, чтобы с удовольствием съесть его, но капкан захватил обе волчьи лапы. Волк закричал:

— Эй, друг, иди сюда, что-то захватило мои лапы, помоги мне их освободить!

Лиса сказала:

— Ведь ты такой богатырь, если у тебя не хватает сил, то неужели же моих сил хватит? Напрягись, прыгни и освободишься.

Волк прыгнул и упал далеко от курдюка. Обе его лапы сломались. Закричал он:

— Обе мои лапы сломались, нет у меня сил, помоги мне освободиться!

Лиса сказала:

— Эх, друг, я тебя привела сюда не для того, чтобы ты ел курдюк. Я привела тебя сюда для того, чтобы обмануть.

Подошла лиса поближе и принялась есть курдюк. Наелась она до отвала, а остаток размазала себе по спине и, выйдя из сада, поднялась на холм, чтобы погулять.

Наступил день. Пришел хозяин сада, чтобы посмотреть ловушку, с двумя собаками и с палкой. Увидел он, что попался волк.

— Это ты, проклятый, разорял мой сад, а я-то на лису думал!— сказал он и вместе со своими собаками так избил волка, что он умер. Потом снял с него шкуру, начиная с морды, отнес на базар и там, продав шкуру, выручил стоимость фруктов.

А лиса веселилась и продолжала приходить и лакомиться.

[РӮБОҲ ВА МУРҒИ НОДОН]

Як руба буду буромада рафт, ки як чинорда як ҷанвари калон бача кардай. Иқа аз дур нигоҳ кад, ки қувватуш ба тори чинор баромадан намерасад. Гашта чанд роҳе рафту ба дилуш гуфт: «Э айёр, ту бачаҳои ҳамин ҷондора агар нахурӣ, айёрии ту ҳеҷ чӣ не!» Аз ҳамон ҷо пашмҳои танаша ҷуз карда, дандоноша гиз карда, ба сари хасу хор парида-парида омадан гирифт. Таи чинорда омаду фарьёд кард:

— Э мурғ, як бачата парто, ман бухурум! Ҳозир дуньё дар назарум ҳеҷ наменамояд. Ман ҳамта паҳлавонум, ки ҳозир чинора гирифта чапша мекунум, хоната вайрон мекунум, бачата мехурум. Зуд бош, дер накун!

Руба зарб додан гирифт. Он ҷанвари бечора дид, тарсида як бачаша партофт, ин руба хурд. Руба баромада бадар рафт. Боз рузи дигар руба омад. Чунон наздики чинор шуда, тез омадан гирифт, хасу хошока ба дандонаш канда партофта, фарьёд кардан гирифт, ки:

— Зуд бош, як бачаи дигартам парто, ки ҳозир чинора решагардон карда мепартом!

Боз у бечора як бачаи дигаршам партофт, руба хурд. Боз руба баромада ба маконуш рафт. Ин ҷанвари бечора ғамгин шиштагӣ буд, ки як ғулба омад. Шуқ гуфт, ай есу парид, шуқ гуфт, ай ису париду болои чинорда шишт.

Ин ҷанвар гуфт:

— Бисьёр шуқ-шуқ накун, ки дилум бисьёр зиқай.

Алака гуфт:

— Барои чӣ дилут зиқай?

Ҷанвар гуфт:

— Ду руз мешавад, ки як паҳлавон аз ҳамин пушта мехамбад, меояд, фарьёд мекунад, ки: «Як бачата парто, хурум, ки чинора решагардон мекунум». Бачама партофтум — хурд, ду бачаи мара хурд, як бачаи дигам мондаст. Имшаб, пагаҳ агар биёяд, мехурад, ман чӣ кор мекунум?

Ғулба гуфт:

—Э аҳмақ, у рубаҳай, ай дастуш ҳеҷ кор намеояд. Ту аз сиёсати у тарсида, бачаҳота барои чӣ партофтай, ки хурдаст? Паго, ки омад, ҳар чанд кард, ту бачата напарто, у ба ин тори чинор баромада наметавонад. У хаса канда наметавонаду чинора аз куҷо меканад, ҳамин қадар ақл надорӣ?! Локин нагӯй, ки ғулба ба ман роҳбарӣ кард, ки у ба ман душманай.

Рузи дигар шуд, ки руба боз омад. Муи танаш ҷуз кардагӣ, дандоноша гиз кардагӣ.

— Зуд бош, бачата парто, бухурум, ки ҳозир чинора решагардон мекунум!

Мурғ гуфт:

[ЛИСА И ГЛУПАЯ ПТИЦА]

Была лиса, пошла она как-то и видит, что на чинаре большая птица вывела птенцов. Сколько ни приглядывалась лиса издали, видела, что не хватит у нее сил взобраться на эту чинару. Ушла она, прошла немного и подумала: «Эй ты, хитрая, коли не сумеешь сожрать этих птенцов, то вся твоя хитрость ничего не стоит». Тут же ощетинилась она, ощерилась и помчалась, перепрыгивая через хворост и валежник. Прибежала она к чинаре, да как закричит:

— Эй, птица, сбрось мне одного птенца, я его съем. Мне сейчас весь мир нипочем. Я такой могучий богатырь, что вот возьму и свалю сейчас эту чинару, разрушу дом, съем твоих птенцов. А ну живо, не медли!

И начала трясти чинару. Увидела это бедная птица, испугалась и сбросила одного птенца. Съела его лиса, а потом ушла прочь. На следующий день снова пришла лиса. Когда приблизилась к чинаре, побежала изо всех сил и стала рвать зубами и раскидывать сухую траву. Закричала она:

— Эй, живо сбрось мне второго птенца, а то я переверну чинару вверх корнями!

И снова бедняжка сбросила птенца. Лиса съела его и ушла к себе. Бедная птица сидела грустная, когда прилетела сорока. Застрекотала сорока с одной стороны, застрекотала сорока с другой стороны и села на чинару.

А птица сказала:

— Не стрекочи так много, мне очень грустно.

Сорока спросила:

— А почему тебе грустно?

Птица ответила:

— Вот уже два дня подряд спускается с того холма богатырь, приходит сюда и кричит: «Сбрось одного птенца, чтобы я его съел, а не то переверну чинару вверх корнями». Сбросила я ему птенца — съел, двух моих птенцов съел, один птенец у меня остался. Если придет он сегодня вечером или завтра, то и этого съест, что я тогда буду делать?

Сорока сказала:

— Эх ты, дура, да ведь это была лиса, она тебе ничего не может сделать. И чего ты испугалась ее угроз и бросила ей птенцов на съедение? Если она придет завтра, то что бы она тебе ни говорила, не бросай ей птенца. Она все равно не сможет забраться на чинару. Неужели ты сама не соображаешь, что раз она и солому-то сломать не может, то как она сломает чинару? Только не говори ей, что это тебя научила сорока, потому что она мой враг.

— О падарлаънати шайтон, ду бачаи мара хурдӣ, як бачаи дигам мондас, наметум!

Руба ҳар чанд, ки сиёсат кард, он ҷанвар бачаша надод. Руба фарьёд кард, ки:

— Рост бигу, ки роҳбарира ба ту кӣ кард?

Гуфт:

— Ба ақли худум, ба ман ҳеҷ кас роҳбарӣ накардааст! Ту руба ҳастӣ, шайтонӣ!

Руба гуфт, ки:

— Ин кор кори ҳамон алакаҳай. Ман ин падарлаъната ба як ҳила нагирум, намешавад!

Рафта, як даруни санговда худша руба мурда карда партофт. Ғулба аз як баландӣ нигаҳ кард, ки руба мурдаст, ховай. Аз ҷояш хеста шуқ гуфта, дар пеши руба шишт. Руба чишмоша маҳкам ҷуқид. Ғулба ай есуни руба парид, ай исуни руба парид, гуфт:

— Рут сиёҳ, падарлаънати шайтон, о зиндай, ба ҳила мара мехурӣ?

Ғулба аз пешуш парида, як баландида истод, рубара нигаҳ кард. Руба ҳам қади му аз ҷояш намеҷунбид. Ғулба дид, ки руба ҳеҷ намеҷунбад. Гуфт: «И падарлаънати айёр сари вақт мурдаст. Ҷанварои дигар хабар нашуда, рафта аз руғануш худум бухурум, сер кунум».

Паррида рафта дар пеши руба шишт. Аз пашмҳои руба ба нулуш кандан гирифт, ки қувватуш нарасид. Гуфт: «Аз думбаш биканум ки унҷаш мулоимтар аст». Аз думбаи руба кандан гирифт. Руба кунаша суст монд, и ғулба калаша он ҷо туқид, ки махкам каллаи ғулбара руба қапид. Қап карда, ғулбара гирифт.

— Падарлаънат,— гуфт,— ту мурға раҳбарӣ кардӣ, ту бачаҳои мурға хурданӣ намондӣ?! Ҳозир ба ҷои бачаи мурғ тура мехурум!

Ғулба гуфт:

— Э ҷура, мара дар як ҷое бухур, ки ҳамин пашмҳои ман бисьёр ғалисай, ҳар ҷондоре бинад, ки ғулбара хурдан, медонад, ки руба хурдааст. Ба ту як айби калон мешавад.

Руба алакара гирифта, ба ҷангал бурд. Мехост, ки бухурад, боз алака гуфт:

— Э ҷура, инҷа ҳезумкун бисьёрай. Мара як ҷои баландӣ бубар, бухур, ки пашмҳои мара ҳеҷ кас набинад.

Руба:

— Хуб, — гуфт, — ҳарчанд, ки кунӣ, ман тура, падарлаънат, мехурум.

Хеста алакара гирифта, ба як куҳ баромад.

Алака гуфт:

— Э ҷура, ман як корда армонӣ шудум.

Руба гуфт:

— Чи корда армонӣ шудӣ?

Гуфт:

На следующий день снова пришла лиса. Шерсть на ней стояла дыбом, пасть оскалилась.

— Живо сбрось мне птенца, чтобы я его съела, а не то я сейчас переверну чинару вверх корнями!

Птица сказала:

— Ах, шайтан проклятый, ты съела двух моих птенцов, у меня только один остался. Не отдам я его тебе!

Сколько лиса ни грозила, птица так и не отдала ей птенца.

Лиса закричала:

— Скажи мне правду, кто это тебя научил?

— Никто меня не учил, сама своим умом дошла. Ведь ты, лиса, настоящий шайтан!

Лиса сказала:

— Нет, видимо, это проделки той сороки. Не быть тому, чтобы я эту проклятую не подловила на какую-нибудь хитрость.

Пошла лиса и легла в пересохшем русле, притворившись мертвой. Посмотрела сорока с пригорочка и видит, что валяется мертвая лиса. Поднялась она, застрекотала и села около лисы. А лиса крепко зажмурила глаза. Подлетела сорока к ней с одной стороны, подлетела с другой стороны и сказала:

— Ах, чтобы тебе пусто было, шайтан проклятый, ты жива и хочешь схитрить и съесть меня.

Отлетела сорока в сторону и села на возвышенность. Посмотрела она на лису, а у той даже волосок не дрогнул. Увидела сорока, что лиса не шевелится, и подумала: «Видно, проклятая бестия давно сдохла. Пока никто не узнал, пойду-ка поклюю ее сальце, да наемся досыта».

Полетела она и села рядом с лисой. Стала она клювом рвать лисью шкуру, да сил не хватило. Решила она: «Попробую-ка поклевать под хвостом, там помягче». Начала она клевать под хвостом. Расслабила лиса свой зад, сунула сорока туда голову, а лиса и ухватила ее. Схватила сороку и говорит:

— Ах, проклятая, это ты подучила птицу и не дала мне съесть ее птенцов. Так я сейчас вместо птенца съем тебя.

Сорока сказала:

— Эй, друг, только ешь меня где-нибудь в другом месте, а то мои перышки несъедобные. Каждый, кто увидит, что съели сороку, сразу догадается, что это сделала лиса. Это будет большим позором для тебя.

Взяла лиса сороку и отнесла в лес. Только хотела она ее съесть, а сорока и говорит:

— Эй, друг, здесь много дровосеков. Отнеси меня лучше на какую-нибудь вершину, там и

— Ҳамин номи аслта бигу, ки ту чӣ ном дорӣ?

Руба ба дастош алакара қапид, даҳанша ҳуй карда гуфт:

— Ман руба ном дорум.

Алака аз минаи дасти руба парид. Руба аз ақиби алака ҳот шуда омад, заминда зад. Рубара ҷонаш камтар монд. Ғулба аз тор хамбида гуфт:

— Ту ба айёрӣ ба ман намерасӣ!

Аз ақиби куни руба канда хурдан гирифт. Руба сараша камтар ҳаракат карда бардошт, гуфт:

— Аз бехи гуши ман хур, ки бисьёр руганӣ аст.

Алака гуфт:

— Э руба, ҳамин наҳорира ай таги думут гирифтум, то бехи гушут мебарум.

Рубара хурдан гирифт.

съешь меня, чтобы мои перышки никто не видел.

— Хорошо,— сказала лиса,— но как ты ни изворачивайся, а я все равно съем тебя, проклятую.

Поднялась она, взяла сороку и забралась на какую-то гору.

Сорока сказала:

— Эх, друг, я только об одном жалею.

Лиса спросила:

— О чем же ты жалеешь?

[Сорока] сказала:

— Скажи мне твое настоящее имя. Как тебя звать?

Схватила лиса сороку лапами, открыла рот и сказала:

— Меня зовут лиса.

Тут сорока и вылетела из лисьих лап. Прыгнула лиса за сорокой и разбилась о землю. Осталось в лисе жизни чуть-чуть. Слетела сорока с вершины и сказала:

— Куда тебе равняться со мной в хитрости!

И стала она клевать лисий зад. Приподняла лиса чуть-чуть голову и говорит:

— Ты ешь мои уши, они у меня очень жирные.

Сорока сказала:

— Эх, лиса, этот завтрак я начну у тебя под хвостом, а потом уж и до ушей доберусь.

И стала она есть лису.

[ПИШАК ВА РУБА]

Яг мард яг пишук доштай. Яг руз пишук ба адир рафтай, ки як руба ай пеш омадай. Руба гуфтай, ки:

— Ҷура, мара намегирӣ?

Пушук гуфтай:

— Мегирум.

Бад руба ҳам хайр гуфтаю пишука гирифтай, бурдай хонаш.

Бад пишук дар хунаи руба чӣ қадар истодай, гуфтай:

— Гушна мондум.

Руба гуфтай, ки:

— Хайр, ту ҳамиҷа бишин, ма рафта як мурғ медузум, омада мехурем.

Руба хестай, раҳакӣ шидай, рафтай. Рафтай, рафтай, чан роҳе, ки яг хирса дидай. Руба гуфтай:

— Минбаъд сини хонаҳои мо нарен.

Хирс гуфтай:

— Бахчӣ?

Руба гуфтай:

— Мири мо омадай, мехуратон.

Хирс гуфтай:

— Ма чӣ хел кунум, мири шумора бинум?

Руба гуфтай:

— Бура, яг ҷувонагова будузд, биёр, бад мебинӣ мири мора.

Хирс хайр гуфтай. Бад рафтай. Усунтар рафтай, ки яг гург омадестодай.

Руба гуфтай:

— Ҷура, дига сини хонаҳои мо нарен.

Гург гуфтай:

— Бахчӣ?

Руба гуфтай:

— Мири мо омадай, мехуратон.

Гург гуфтай:

— Ма чӣ хел кунум, ки мири шумора бинум?

Руба гуфтай:

— Бура, яг гуспанди думбакалона бигӣ, биёр, бад мири мора мебинӣ.

Гург хай гуфтай. Гург як гуспанди чорира гирифта овардай. Хирс яг ҷувонагова овардай. Бад рубара файрод кадан. Омадай, гуфтан:

— Мо ина як буқагов, яг гуспанд овардем.

Руба гуфт:

— Бестен ҳамиҷа, ма рафта мирма бупурсум. Агар кам бошад, мега наёен, агар бисьёр боша, мега биёен.

Руба рафтай, пишук ай думбуш хеста омадан гирифтай. Хирсу гург тарсидан. Гург худша тай барги чормағз кардай. Хирс тори чормағз буромадай, бачо шидай. Пишук омадай хадаҳа гова қапида хурдан гирифтай. Пишук

[КОТ И ЛИСА]

У одного человека был кот. Пошел однажды кот на холмы, и встретилась ему лиса. Лиса спросила:

— Не возьмешь ли ты меня в жены, дружок?

Кот сказал:

— Возьму.

Лиса согласилась, взяла кота и повела его в свой дом.

Пожил кот немного в доме у лисы и как-то сказал:

— Я проголодался.

Лиса сказала:

— Ладно, ты побудь здесь, а я пойду украду курицу, а когда приду, мы ее съедим.

Встала лиса и отправилась в путь. Шла она, шла и увидела медведя. Лиса говорит ему:

— Не ходи теперь к нашему дому.

Медведь сказал:

— А почему?

Лиса ответила:

— Пришел мой повелитель, он вас съест.

Медведь сказал:

— А как бы мне увидеть вашего повелителя?

Лиса сказала:

— Иди укради молодого бычка, приволоки его и увидишь моего повелителя.

Медведь согласился и ушел. Пошла она дальше, а навстречу ей волк.

Лиса сказала:

— Эй, друг, не ходи больше к нашему дому.

Волк сказал:

— А почему?

Лиса сказала:

— Пришел мой повелитель, он тебя съест.

Волк сказал:

— А как бы мне увидеть вашего повелителя?

Лиса сказала:

— Иди притащи барана с большим курдюком, тогда увидишь моего повелителя.

Волк согласился. Притащил волк большого барана. А медведь приволок молодого бычка. Затем позвали они лису. Она пришла, и они ей сказали:

— Вот мы притащили быка и барана.

Лиса сказала:

— Подождите здесь, я пойду спрошу своего повелителя. Если он скажет, что этого мало, вы не подходите к нашему дому, а если скажет, что много, тогда идите.

Ушла лиса, а когда вернулась, кот шел за ней следом. Медведь и волк очень испугались. Волк спрятался под листвой орешника, а медведь забрался на вершину орешника. Кот принялся рвать тушу быка и вдруг увидел,

дидай, ки яг гуши гург ай таи барг диёрай, ҷумбида истодай. Давидай гуфтай: «Мушай, бигирам», ки гург гурехтай. Пишук хиёл кардай, ки: «Сагай мехура», сини тори чормағз давидай». Хирс хиёл кардай: «Ура сур кад, дайров накад, ба сари мара омадай». Худша ай тори чормағз партофт, майда-майда шид. Пишуку руба баҳазур дар ҳамуҷа зиндагӣ кардан гирифтан.

что под листьями орешника волчьи уши двигаются. Подумал он: «Схвачу-ка я мышь», – и бросился туда. Перепугался волк и убежал. Кот подумал: «Собака съест меня», — и бросился на вершину орешника. А медведь решил: «Кот погнался за волком, но не догнал его и теперь пришел за мной». Со страху свалился он с вершины орешника и разбился на мелкие кусочки. А кот и лиса в согласии зажили там.

[ДУ РӮБОҲ]

Яг руз яг шикорчӣ ба шикор мерава, мебина, ки як руба ай сини афтов буромаду яг рубаи дига ай сини афтовшин.

[Ин]руба ба рубаи дигаш мега, ки:

— Ассалому алейкум, ҳазрати зарринпуш.

У мега, ки:

— Алекут ба салом, шулъаи тиллопуш.

Ҳардуш ҳамун ҷа даст метану суҳбат мекунан.

Якташ мепурса, ки:

— Ту гуҷо мегардӣ, ки наметовӣ?

Мега, ки:

— Яг қишлоқ мерафтум, ки ду тозин буромад, сурум кад, ба хонам рафтум, дуромадум, нав буромадум.

Рубаи шулъаи зарринпуш мега, ки:

— Аҳволи мо ҳақатан бадай. Сагам дайров куна мегирву укобаму одаму ҳама. Кори мо доим ба дуздиву гурезай. Ай гурехтана монда шида, забонумон буромадай. Хай, ҷура, паномон ба худо. Лекин боз дар гуҷо вомехурем?

— Э ҷура, насибаи мо ким, ки чияй. Ким, ки дар бозори пустин вомехурем.

[ДВА ЛИСА]

Однажды шел охотник и видит, как один лис идет со стороны восхода солнца, а другой — со стороны захода солнца. И говорит один лис другому:

— Ассалом алейкум, почтеннейший, одетый в золото.

Другой говорит:

— Алейкум вассалом, одетый в золотой блеск.

Пожали они тут же друг другу руки и стали беседовать.

Один спросил:

— Где это ты ходишь, что тебя не видно?

— Да вот пошел я в один кишлак, — сказал лис, — а там выскочили две собаки и погнали меня, ушел я к себе в дом, а потом снова вышел.

Лис, одетый в золотой блеск, сказал:

— Да, дела наши действительно плохи. Собаки нас ловят и хватают, и орлы, и люди — все. Только нам и остается, что воровать да убегать. От беготни устали мы, у нас уж и язык вывалился. До свиданья, друг, пусть нас бог бережет. Когда-то мы с тобой еще встретимся?

— Эх, друг, кто знает, что может случиться. Может, встретимся на пушном базаре.

[САЗОИ НЕКӢ ВА БАДӢ]

Дар як лави ов самбақае мегашт. Каждуме ай саҳро гирьяву нола карда омад пеши самбақа:

— Тақсири кемадор, падару модару акаву додари ма ай у руи дайро мондан, мара бигзарон,— гуфт ба самбақа.

И мега, ки:

— Не, намегзаронумут.

Каждум чунон мегирья, ки ай чишмои у хун сар мекна, ки «бигзаронум».

Ҷигари самбақа ба аҳволи каждум месуза. Бад мега, ки:

— Хай, биё, дар пуштум сувор ша, ай ов бигзаронумут.

Сувор шуда, дар руи дайро мезгарона, ки каждум бисьёр димоғчоқ, вақтуш хушу ай аҳволи гизарондагиш фаромуш мекуна, самбақара мегаза.

Самбақа мепурса, ки:

— Мара чиба мегазӣ, ба ту чӣ гандагӣ кадум?

— Э акаҷон, мара ҳаёти зиндагонӣ маҷбур кард.

Самбақа мега, ки:

— Бе-да, ма ҷазои ҳаёти зиндагонира нишонут битум.

Худша ба дируни ов месихаву яг ду метирра меброя. И дар руи ов мемона, мебараш. Ба ҳами тамом.

[ЦЕНА ДОБРА И ЗЛА]

По берегу реки ходила черепаха. С поля приполз скорпион и с плачем обратился к черепахе:

— Господин лодочник, мой отец, мать и братья остались на том берегу реки, переправь и меня туда, — сказал он черепахе.

Она ответила:

— Нет, не переправлю.

Скорпион так плакал и просил, что из глаз его закапала кровь.

Черепахе стало жаль скорпиона, и она сказала:

— Ладно, садись мне на спину, перевезу тебя на ту сторону реки.

Скорпион сел, и они поплыли. Веселясь и радуясь путешествию, он забыл, что переплывает реку, и ужалил черепаху.

Черепаха спросила:

— За что ты ужалил меня, что я сделала тебе плохого?

— Э, дорогой брат, жизнь заставила меня.

Черепаха сказала:

— Вот я сейчас покажу тебе, как жизнь наказывает.

Она нырнула под воду и выплыла через один-два метра. Скорпион остался на воде, и она его унесла. На этом конец.

[ДЕҲҚОН, ХИРС ВА РӮБОҲ]

Як деҳқон буд, дар бари девор ҷуфт мекард. Рузе шиду ба сари кораш хирсе омад. Ба вай гуфт, ки:

— Ман ҳам шарик.

Деҳқон ҷавоб дод:

— Майлуш, шумо ҳам шарик.

Ба ҳами қатӣ хирс буромада рафт. Деҳқон кишта тамом карда, гандумдаравӣ омад. Гандума даравида, куфта дар хирман чошт кард. Яке буд, ки хирс ай куҷо буромад. Ба деҳқон гуфт, ки:

— Ошнои деҳқон, ман ҳам шарик будум.

Деҳқон тарсида, ба вай ҷавоб гардонд, ки:

— Шумо ҳам шарик будед.

Лекин деҳқон ғамгин шуд. Чӣ карданаша надонист. Оҳ кашида ба раҳ рафт. «Чӣ кунум, и хирс ба ман шарикшавӣ омадай». Нохост аз пешуш руба буромад, гуфт, ки:

— Деҳқон, чӣ зиқ шудай!

— Напурс, ҷура руба, ман зиқ нашавум, кӣ зиқ мешавад? Як сол деҳқонӣ кардам. Хирс як руз омада ба сари корам, ба ман гуфт, ки: «Ман ҳам шарик». Албатта, зиқум.

— Зиқ нашав,— руба ба вай ҷавоб гардонд,— ин хизмата ба ман кун, ма хирса зуд нобуд мекунум. Агар мояҳота мара диҳӣ, ман дар сари як баландӣ буромада, файрод мекунум: «Ҳо, деҳқон ҳиҷ паи хирси куҳнара надидӣ?» Ту ҷавоб бигардон ба ман: «Не, надидум». Баъд хирс мепурсад, ки: «Ма чӣ кунум?» Хирса бугу, ки: «Дар таи каҳ бачо шав».

Пас руба буромада, ба сари баландӣ рафт. Деҳқона файрод кард:

— Ҳо деҳқон, ҳиҷ паи хирси куҳна надидӣ?

Деҳқон ҷавоб гардонд:

— Не.

Баъд хирс гуфт, ки;

— Ҷура, чӣ кор кунум?

Деҳқон гуфт:

— Бура, дар таи каҳ бачо шав!

Хирс рафт, дар таи каҳ даромад. Хирса алов задан. Гандумора деҳқон ҷамъ дошта, ба хонаш бурд. Руба гуфт, ки:

— Корҳо тамом шид. Акнун ваъдаи кардагира буте.

Деҳқон гуфт:

— Майлаш, биё!

Омада дар пеши деҳқон руба шишт, ки шиками деҳқон қурос кард.

— Ҳо, — гуфт, — ин чӣ балоай, деҳқон?

[ДЕХКАНИН, МЕДВЕДЬ И ЛИСА]

Был дехканин, пахал он землю у какой-то стены. Как-то пришел к нему медведь и сказал:

— Я твой компаньон.

Дехканин ответил:

— Ладно, вы мой компаньон.

С этим медведь и ушел. Кончил дехканин сеять, пришло время жать пшеницу. Сжал он пшеницу, обмолотил, ссыпал в кучу. Вдруг, откуда ни возьмись, вышел медведь. Говорит медведь дехканину:

— Дружище дехканин, ведь я твой компаньон.

Испугался дехканин и отвечает:

— Да, вы были моим компаньоном.

Но опечалился дехканин. Не знал, что ему делать. Вздохнул он и пошел, раздумывая: «Что делать, этот медведь хочет быть моим компаньоном». Вдруг идет ему навстречу лиса и говорит:

— Ты что загрустил, дехканин?

— И не спрашивай, друг-лиса, если мне не грустить — кому же тогда грустить? Целый год я работал в поле. А тут пришел однажды медведь и говорит: «Я твой компаньон». Как тут не грустить?

— Не грусти, — ответила ему лиса,— предоставь это дело мне, и я сразу прикончу этого медведя. Если ты обещаешь дать мне яйца, я поднимусь на возвышенность и крикну: «Эй, дехканин, не видел ли ты где-нибудь следов старого медведя?» А ты отвечай мне: «Нет, не видел». Тогда медведь у тебя спросит: «Что мне делать?» А ты скажи медведю: «Спрячься в соломе».

Потом лиса ушла и поднялась на возвышенность. Закричала она дехканину:

— Эй, дехканин, не видел ли ты где-нибудь следов старого медведя?

Дехканин ответил:

— Нет.

Тогда медведь сказал:

— Приятель, что мне делать?

Дехканин ответил:

— Иди спрячься в соломе.

Пошел медведь и залез в солому. Медведя сожгли. А дехканин собрал пшеницу и отвез домой. Лиса сказала:

— Дело сделано, а теперь дай мне то, что обещал.

Дехканин ответил:

— Ладно, иди сюда.

Пришла лиса и села около дехканина, а в животе у того заурчало.

— Эге, — говорит, — это что такое, дехканин?

Дехканин ответил:

Деҳқон ҷавоб дод:

— Ду кутасагай. Тура дидан, ҷанҷол доран: «Мора ҳуй буте, рубара бухурем!»

Рубаи бечора тарсида, гуфт ки:

— Ҳами хизматора бахшидум. Сагора ҳуй нате.

Ба ҳамӣ катӣ руба гурехта рафт.

— Это две огромные собаки. Увидели они тебя и теперь ругаются, говорят: «Выпусти нас, мы съедим лису!»

Испугалась бедная лиса и говорит:

— Свои услуги я тебе дарю, не выпускай только собак.

С этим лиса убежала.

[АФСОНАИ «БУЗАКИ ЧИНИБИНӢ»]

Буд набуд, яг бузаки чинибинӣ буд. Ду бача дошт, бад бачаҳоша гуфтаг, ки:

— Шумо хонада шинед, ман мерам адирда, мечараму бад дар шохум гул меораму дар даҳонум ов меорум, дар пистонум шир меорум ба шимо, бухуред!

Бузаки чинибинӣ буромад, рафт, бачаҳош истода будан хонада, дар ай дарун маҳкам кардагӣ, ки яке рубаҳ омад.

— Ҳалулаку Балулак, дара ҳуй кун!

Гуф, ки:

— Не, ҳуй намекнум.

— Ҳуй кине, — гуфтаг, — ман очатон менам!

— Не, ҳуй намекунум, ту рубаҳӣ, очи мо кабутай.

Хидша рафта, хокистарода шапид, кабут кад, омад:

— Ҳалулаку Балулак, дара ҳуй кун!

— Не, — гуфтаг, — ҳуй нимекнем.

Рубаҳ се бори дигар рафт, хидша хокистарда тар кад, омад, дара ҳуй накардан, гашт рафт.

Бад гург омад:

— Ҳалулаку Балулак, дара ҳуй кун!

— Не,— гуфтан,— ту сурхӣ, очаи мо савзай.

Бад хидша ранги савзда тар кад, омад, гуф, ки:

— Ҳалулаку Балулак, дара ҳуй кун!

Ҳуй накард:

— Очаи мо сиёҳай.

Рафт, хидша сиё кад омад:

— Ҳалулаку Балулак, дара ҳуй кун! Ҳуй накнӣ агар, ҳамта мезанум, ки дартон мешикана.

Гург дур рафт, пеш омад, дара, ки зад, майда-майда шид. Даромад, Ҳалулаку Балулакша хурду баромад рафт.

Бузи чинибинӣ дар шохош алаф овард, дар даҳануш ов овард, дар синаш шир овардаку дид, ки бачаҳош нест.

Рафт, тори боми рубаҳ баромад, гум-гум зад.

Рубаҳ гуфт:

Кияй дар тори боми ларзони мо
Хок мерезона дар руи оши явғонаки мо,
Ошаки мара шур кард,
Чашми меҳмонаки мара кур кард?

Буз гуфт:

Маюм бузаки чинибинӣ,
Ду шох дорум, ду бинӣ.
Ҳар ду шохум кидманӣ,
Ҳар ду биним хидманӣ.

[СКАЗКА О КОЗОЧКЕ С ФАРФОРОВЫМ НОСОМ]

Было не было, а была одна козочка с фарфоровым носом. У нее было двое детей. Однажды она сказала детям:

— Сидите дома, я пойду в поле, попасусь и принесу на рожках цветов, во рту воды, в вымечке молочка, и вы поедите!

Козочка с фарфоровым носом ушла, а козлята остались дома и заперли дверь изнутри. Пришел лис и сказал:

— Халулак и Балулак, откройте дверь!

Козлята ответили:

— Нет, не откроем.

— Откройте, я ваша мать!

— Нет, не откроем, ты лис, а наша мать голубая.

Лис ушел, обвалялся в золе, стал голубым и снова пришел:

— Халулак и Балулак, откройте дверь!

— Нет, — ответили козлята, — не откроем.

Лис, обвалявшись в золе, приходил еще три раза, но козлята дверь не открыли, и он ушел.

Потом пришел волк:

— Халулак и Балулак, откройте дверь!

— Нет, — сказали они, — ты красный, а наша мать зеленая.

Тогда волк выкрасился в зеленый цвет, снова пришел и сказал:

— Халулак и Балулак, откройте дверь!

Они не открыли.

— Наша мать черная.

Волк выкрасился в черный цвет и пришел:

— Халулак и Балулак, откройте дверь! Если не откроете, я так ударю, что дверь ваша сломается.

Волк разбежался и так ударил в дверь, что она разлетелась на куски. Он вошел, съел Халулака и Балулака и ушел.

Козочка с фарфоровым носом принесла на рожках травы, во рту воды, в вымечке молочка и увидела, что детей ее нет.

Она пошла, взобралась на крышу дома лиса и постучала. Лис сказал:

— Кто на моей дрожащей крыше
Сыплет пыль в мою похлебку,
Еду мою сделал соленой,
Гостей моих сделал слепыми?

Козочка сказала:

— Я козочка с фарфоровым носом,
Два рога имею и два носа.
Оба мои рога червивые,
Оба мои носа полны козявок.

Кӣ хурдай Ҳалули ман?
Кӣ хурдай Балули ман?
Кӣ тиру камон дора?
Мерояд ба ҷанги ман?

Рубаҳ гуфт:

Ман нахурдам Алули ту,
Ман нахурдам Балули ту.
Не тиру камон дорам,
Нимероям ба ҷанги ту.

Бад бузак фиромад, тори боми гург рафт. Ису усун сум зад, ки гург биромад:

Кияй дар тори боми ларзонаки ман
Хок мерезона дар руи оши явғонаки ман,
Ошаки мара шур кард,
Чашмаки меҳмонаки мара кур кард?

Буз гуф:

Маюм бузаки чинибинӣ,
Ду шох дорум, ду бинӣ.
Ҳар ду шохум кидманӣ,
Ҳар ду биним хидманӣ.
Кӣ хурдай Ҳалули ман?
Кӣ хурдай Балули ман?
Кӣ тиру камон дора?
Мерояд ба ҷанги ман?

Гург гуф, ки:

Ман хурдам Ҳалули ту,
Ман хурдам Балули ту!
Ман тиру камон дорум,
Ман мером ба ҷанги ту!

Бад фиромадан, омадан. Бузак широи хидша гириф, кулча кад яг синочагда. Гург таҳ давид, боло давид, ай гиҳои худша як синочи дигада гирифт. Арқа кадан, рафтан. Пеши қозӣ мераван.

Пеши қозӣ рафтан, кулчаҳора бузаки чинибинӣ пеши қозида мондак. Қозӣ ҳуй кад, ки кулчаҳои серруғани созе, ки дид, форид қозира. Гирифту ай гурга фармон дод, бурдан ай сари ҷар ҷар кардан.

Бад қозӣ фармон дод, устора ки: «Шохои бузи чинибинира тез кинед!»

Тез кардан. Дандонои гурга чиндан, фундона руст кардан ҷои дандоношда: «Барои, ки буза наканад вахти ҷангда»,— гуфтан.

Буза тори севи ширинаг бировардан, гурга тори севи туршагда. Гург хурдак, ки дандонош кунд шид, даҳанша, ки гиз кад, фундонаҳо ҳамаш рехт.

Бад фиромадан майдонда, гург ду раҳ пеш омад, бузака зад, «ба» гуфт.

Навати буз шид. Буз дур рафт, пеш омад,

Кто съел моего Халула?
Кто съел моего Балула?
У кого есть лук и стрела?
Кто выйдет на бой со мной?

Лис ответил:

— Я не ел твоего Халула,
Я не ел твоего Балула,
Нет у меня ни лука, ни стрелы,
Не выйду я на бой с тобой.

Тогда козочка сошла вниз и взобралась на крышу дома волка. Стала ходить по крыше туда-сюда, пока не вышел волк.

— Кто на моей дрожащей крыше
Сыплет пыль в мою похлебку,
Еду мою сделал соленой,
Гостей моих сделал слепыми?

Козочка ответила:

— Я козочка с фарфоровым носом,
Два рога имею и два носа.
Оба мои рога червивые,
Оба мои носа полны козявок.
Кто съел моего Халула?
Кто съел моего Балула?
У кого есть лук и стрела?
Кто выйдет на бой со мной?

Волк сказал:

— Я съел твоего Халула,
Я съел твоего Балула!
У меня есть лук и стрела,
Я выйду на бой с тобой!

Козочка сошла вниз, взяла своего молочка, испекла лепешки и наполнила ими бурдюк. Волк забегал вниз-вверх и наполнил другой бурдюк навозом. Взвалили они мешки на спину и отправились к судье.

Пришли к судье. Козочка с фарфоровым носом положила бурдюк с лепешками перед судьей. Судья раскрыл бурдюк, увидел пышные масленые лепешки и остался доволен. А бурдюк с волчьим навозом он приказал бросить в пропасть.

Потом судья приказал мастеру:

— Наточи остро рожки козочке с фарфоровым носом!

Он наточил, а волку выдернул зубы и на их место вставил хлопковые зерна, говоря: «Чтобы он не разорвал козочку во время боя».

Козочку он подвел к сладким яблокам, волка — к кислым яблокам. Волк поел, и зубы его притупились, а когда он разинул пасть, все хлопковые зерна высыпались.

ки зад, гурга шикамуш кафид. Ҳалулаку Балулак баромадан.

Бад бузак Ҳалулаку Балулака гирифт:

Ба санги таспон,
Ба сангои Марғелон.
Кафтарбачаи малохзанон,
Гоҳ ба замин, гоҳ ба осмон,

а хонаш омад. Қати бачаҳош ба муроду махсад расид, шумоам бирасед!

Потом они вышли на площадь. Волк разбежался и ударил козочку.

Наступила очередь козочки. Она отошла подальше, разбежалась и ударила волка. Живот его распоролся, и из него вышли Халулак и Балулак.

Козочка взяла Халулака и Балулака:

По горячим камням,
По маргеланским камням,
Как куропатка, клюющая саранчу.
То по небу, то по земле

прибежала домой. Вместе со своими детьми она достигла исполнения желаний, и вы достигайте!

[РӮБОҲ ВА КӮЗА]

Яг деҳқон рузе мерафт ба гандумдаравӣ. Дар яг хурма авқот бурда, дар яг паноӣ бачо кардай. Хам шида, гандум медаравид, ки руба хилбат омада, калаша дар даруни хурма тиқида, авқота хурдан гирифт. Каллаи руба руст монд. Ису, усу чумонд худша, ки нашид. Бад, гуфт, ки:

— Чураи хурма, ҳазлу бозӣ бас аст! Сар те, ма бурам!

Хурма ҳуй надод. Бад, гуфт, ки:

— Ҳозир, ма марги тура метам!

Хурмара бурда, дар дуруни ов ғутонд, ки овда пано шуд, рафт. Олиям рубаи бечора ай ов набуромадай.

[ЛИСА И КУВШИН]

Пошел однажды дехканин жать пшеницу. Взял он с собой кувшин с едой и спрятал его в укромном месте. Согнувшись, жал он пшеницу, а лиса, улучив минуту, сунула голову в кувшин и стала есть. Голова лисы застряла. Стала она мотать головой в разные стороны, но ничего не получилось. Тогда сказала она:

— Приятель кувшин, хватит шутить и баловаться. Отпусти голову, я уйду.

Но кувшин не отпустил. Тогда лиса сказала:

— Сейчас я тебя убью.

Понесла она кувшин, погрузила его в воду, исчез он под водой, утонул. А бедная лиса так и не вылезла из воды.

[РӮБОҲАК ВА ХИРС]

Буд, набуд, яг хирс буду яг рубаҳаг. Иё яг руз дуяшон рафта, кишт мекунану гандум мекоран. Бад гандумшон пухтан бад, рубаҳаг сини хирсаг гуфтай, ки:

— Сар-сари сарша мегирӣ ё ки бех-бехи бехша?

И хирсак гуфтай, ки:

— Бех-бехи бехша мегирум.

Рубаҳак гуф, ки:

— Ма сар-сари сарша мегирум.

Рубаҳак мекута, гандуми қиёмат мегира. Хирсаг мекута, ки ҳичи ҳосилуш нестай, чунки вай ба кишташ меҳнат накард. Бад соли дигар ҳардушон бо пиёз мекоран, ки руба ба киштуш нағз нигоҳубин мекина, хирс боша, фақат беташвиш хов мерава. Ҳосили пиёза гирифтанӣ мешаван, ки бо рубаҳаг ба хирс мега:

— Сар-сари сарша мегирӣ ё ки бех-бехи бехша?

Хирсаг мега, ки:

— Ма сар-сари сарша мегирум.

Рубаҳаг мега, ки:

— Ма бех-бехи бехша мегирум.

Ҳосили пиёза меғундоран, ки рубаҳаг пиёзи қиёмат ҳосил мегирау хирсаг ҳичи ҳосил намегира.

Соли дига бо лавлаву мекоран, вахти лавлавушон пухт, рубаҳаг сини хирс мега, ки:

— Сар-сари сарша мегирӣ ё ки бех-бехи бехша?

Хирсаг мега, ки:

— Бех-бехи бехша мегирум.

Рубаҳак мега, ки:

— Ма сар-сари сарша мегирум.

Ҳосилшон, ки ғун мекунан, ай хирсаг лавлавуҳои бисьёр меша, ай рубаҳак ҳичӣ.

[ЛИСИЧКА И МЕДВЕДЬ]

Было не было, а были медведь и лисичка. Однажды отправились они вдвоем пахать и сеять пшеницу. Когда пшеница созрела, лисичка спросила у медведя:

— Что ты возьмешь: самые-самые вершки или самые-самые корешки?

Медведь ответил:

— Самые-самые корешки возьму.

Лисичка сказала:

— А я возьму самые-самые вершки.

Лисичка намолотила пшеницу и получила ее много-много. А медведь намолотил, но не получил никакого урожая, потому что не работал он на посеве. Вот на следующий год посеяли они лук. Лисичка хорошо ухаживала за посевом, а медведь только спал себе преспокойно. Надо было уже снимать урожай лука, когда лисичка спросила у медведя:

— Что ты возьмешь: самые-самые вершки или самые-самые корешки?

Медведь ответил:

— Возьму самые-самые вершки.

А лисичка сказала:

— А я возьму самые-самые корешки.

Собрали они лук: лисичка — много-много, а медведь — ничегошеньки.

На следующий год посеяли они свеклу. Когда свекла созрела, лисичка спросила медведя:

— Ты что возьмешь: самые-самые вершки или самые-самые корешки?

Медведь сказал:

— Я возьму самые-самые корешки.

А лисичка сказала:

— А я возьму самые-самые вершки.

Когда собрали они урожай, то у медведя оказалось свеклы много-много, а у лисички — ничегошеньки.

[КАЙКАК]

Ҷура, як кайк буд, як руба, ҳардушон шарик шидан. Гандума куфта хирманда тиёр кардану руба гуфт, ки:

— Ҷура, — гуфтак, — аку ҳамин пойга меравем то ҳамунҷара, ҳар касе, ки пеш бирава, гандум ай ҳаму.

Бад кайк рафт мулойим пои рубада часпид. Ҳамин тохта рафтанда руба гуфт бишинум, ки кайк гуфт:

— Ҷура, ҷой намеёвӣ бишинӣ, ки ҳамӣ руи манда мешинӣ?

Руба гуфт:

— Ту кай омадӣ?

— Ман ай ту пеш омада шишта будум, — гуфт кайк.

Бад кайк гандума гирифту руба дур шид.

[БЛОШКА]

Были, друг мой, блоха и лиса, и стали они компаньонами. Обмолотили они как-то пшеницу, сложили ее в кучу, а лиса сказала:

— Давай, дружок, побежим наперегонки до того места. Кто первый прибежит туда, того и пшеница будет.

Блоха тихонечко прицепилась к ноге лисицы. А когда лиса прибежала к назначенному месту и хотела сесть, то услышала, как блоха говорит:

— Что же ты, друг, не нашла другого места, что села на меня?

Лиса сказала:

— Когда ты прибежала?

— Я раньше тебя прибежала и села здесь,— ответила блоха.

А потом блоха забрала пшеницу, а лиса ушла.

[МУРҒАК]

Як мурғак буд. Чолов када исода буд, ки яг руба ай поён умад. И мурғак гуфт, ки: «Ман ҷундори бесара бошум, ҳамита бестам руба биёя, мара мегира, раҳда мераму сари баландида мешинум», — гуфтак.

Бад хуруз сари девор мебуром гуфт, ки руба умад. Бад руба гуф, ки:

— Ҷура, ту ай ма ҳазар кардӣ?

Хуруз гуф, ки:

— Не.

— И ҷидо баланд бурумадӣ-ку?

Гуф:

— Чор тарафи дуньёра ниго карда истодум. Бад хуруз гуф, ки: «Ҳамӣ паданаълад мара поида истода нагира?» Бад хуруз як баланд ниго карду руба гуф:

— Ту киҷода ниго мекинӣ, ҷура?

Бад гуф, ки:

— Ҳамесинда ду тозин омада исодай, нимедонум, ки суни мо меомада боша ё усун мерафта боша? Бад гуф:

— Ҳаму тозиё, ки омада истодан мани бесара омада мегиран,— гуф.

Руба гуф, ки:

— Охӣ, ҷура, ҳамин бега анҷуман шид, ҳамун анҷуманда тасдиқ шид, ки руба қатӣ хуруз бугарда, гург қатӣ гусфанд бугарда, охӣ ту дар анҷуман набудӣ.

Бад гуф, ки:

— Не, ҷура, ман набудум. Ман хавар надорум.

Бад руба гуфт, ки:

— Тозино дар анҷуман набудан, биёян мара мегиран!

Бад хуруз гуф, ки:

— Паданаълад, ман набудум, тозино набудан, ту қатӣ занат анҷуман кадӣ? — гуфту гурехт, ҷони хуруз бад халос шид.

[ПЕТУШОК]

Был петушок. Готовил он себе чолов, когда пришел лис. И подумал петушок: «Я существо беззащитное, если останусь здесь, то придет лис и схватит меня. Взлечу-ка я и сяду куда-нибудь повыше».

Так сказал петушок и только хотел взлететь на стену, как пришел лис. Тогда лис сказал:

— Разве ты боишься меня, друг?

Петушок сказал:

— Нет.

— Чего же ты так высоко взобрался?

Петушок сказал:

— Да вот смотрю на все четыре стороны.

Потом петушок подумал: «Хоть бы этот проклятый лис не схватил меня». Потом петушок огляделся с высоты, а лис спросил его:

— Куда это ты смотришь, друг?

Тогда петушок сказал:

— Сюда бегут две охотничьи собаки, не знаю только, в нашу сторону они направляются или в другую.— И добавил:

— Как бы не схватили охотничьи собаки, которые бегут сюда, меня беззащитного.

Лис сказал:

— Ой, друг, ведь вчера вечером было собрание и там постановили, чтобы лисы ходили вместе с петухами, а волки — вместе с баранами. Разве ты не был на этом собрании?

Петушок сказал:

— Нет, друг, не был. Я ничего не знаю.

Тогда лис сказал:

— Собаки не были на собрании, и если они прибегут сюда, то схватят меня.

Тогда петушок сказал:

— Вот, проклятый, я не был, охотничьих собак не было, только ты со своей женой и был на собрании! — сказал и убежал. Так петушок спас свою жизнь.

[АККА ВА ГУНҶИШК]

Будаст, набудаст, дар марғзоре ду ҷура — ҳалака ва чумчуқе будаст. Онҳо да марғзор чизе, ки пайдо мекардан, бо ҳам мехурдан. Онҳо ба ҳам дустона зиндагӣ карда, ай ҳеҷ чи азов надоштан, ҳатто ай бозҳо ҳам ғофил будан. Дар марғзоре онҳо будан, ки ҳеҷ гоҳ хунукӣ ва сармо нумешид. Аммо соле барф борида, сармо шид. Ҳалака ва чумчуқ ки ба худ хонае надоштан, дар саҳро монда, азов кашидан. Марғзор акнун хазон шида буд, ҷои паноҳ надоштан. Ҳама душмано: боз, лочин, гурба ай паи онҳо афтидан.

Ёрони киромӣ — ҳалака ва чумчуқ рузе бо ҳам нишаста, қавл додан, ки агар буҳор шава, албатта, барои худшон хона месозан ва соли оянда зимистона гармакак ба роҳат мегузаронанд.

Се моҳ гузашта буд, ки шамоли буҳорӣ вазид, аврора руфт ва офтови буҳорӣ ай машриқ сар буровард. Хуллас, буҳор шид. Ҳалака, ки да зимистон бисьёр азов дида буд, ба хонаандозӣ омода шида, ай чумчуқ пурсид, ки:

— Биё, хонаи хубе андозем. Ту хишт рез, ма бошум, чубу санг миёрум.

Чумчуқ, ки акнун умеди дуюмбора омадани зимистона надошт:

— Не, ма хона нумендозум. Ба ма хона лозим нест! Ма агар бо зимистон оя, ба таи нигаси хонаҳои одамо дуромада гармакак ҳовидан мегирум.

Ҳалака:

— Хуб, — гуфту парида ба боғе рафт, ба болои дурахти азиме ҷои хонара зери чашм карда, ба чуву сангу хошоккашӣ сар кад.

Ҳалакаи бечора, агарчи азовам кашида бошад, дар андак муддат хонаи хубе андохта гирифт.

Ҳамин тарз, чан моҳ нагузашта буд, ки бо ҳаво авр карда, шамоли хунук вазидан гирифт. Чумчуқ, ки ба шохи дарахт, бепарво меховид, шав бедор шид, ки барф мебора, вай ай сармо баданш дурақ-дурақ меларза. «Намурум»,— гуфта парида оста-оста ба дари хонаи ҳалака рафт ва дарша тақ-тақ куфт.

— Ҳа ошно, чӣ лозим? — гӯён ҳалака пурсид.

— Эй ҷураҷон, хунук хурдум, хунук! Ҳамӣ я шавак да хонат раҳ те.

— Хайр, якшава будуро,— гуфт ҳалака.

Пугои зимистон чумчуқ, ки шав чӣ ховҳоеро надида буд, ай хови ширин ва парешон бедор шид, ки ҳалака авқот тайёр карда, чой ҷушондай. Бад ай ғусул ҳар ду ҷураҳо ба сари дастурхон шишта, хурок хурдан. Бад ай

[СОРОКА И ВОРОБЕЙ]

То ли было, то ли нет, а были на лугу два друга — сорока и воробей. Все, что находили они на лугу, съедали вместе. Жили они в дружбе и не знали никакого горя, даже о соколах не ведали они. На лугу, где они жили, никогда не было ни морозов, ни холодов. Но однажды пошел снег и стало холодно. Сорока и воробей, у которых не было дома, остались в поле и очень мучились. Везде осыпалась листва, негде было спрятаться. Все их враги: и соколы, и кошки — стали за ними охотиться.

Сидели однажды в поле неразлучные друзья— сорока и воробей — и поклялись, что когда наступит весна, они обязательно построят себе дом и следующую зиму проведут в тепле и покое.

Прошло три месяца, подул весенний ветер, прогнал тучи, весеннее солнце выглянуло на востоке. Одним словом, наступила весна. Сорока, которая за зиму очень намучилась, решила начать строить дом и попросила воробья:

— Давай построим хороший дом. Ты делай кирпичи, а я буду подносить лес и камни.

Воробей не думал о том, что зима придет еще раз:

— Нет, я не буду строить дом. Мне дом не нужен. Если опять придет зима, я спрячусь под крышами людских домов и буду там спать в тепле.

— Хорошо,— сказала сорока и полетела в сад. Там приглядела она на большом дереве место для своего дома и начала таскать лес, камни и высохшую траву.

Хоть и намучилась бедняжка сорока, но за короткий срок построила себе хороший дом.

Не прошло и нескольких месяцев, как снова тучи затянули небо и подул холодный ветер. Воробей, который безмятежно спал на ветке дерева, проснулся ночью и увидел, что идет снег. От холода воробья бросило в дрожь. «Не помереть бы», — подумал он, тихонько полетел к дому сороки и постучался в дверь.

— Эй, приятель, в чем дело? — спросила сорока.

— Ох, подружка, я совсем-совсем замерз. Пусти меня на одну ночь в твой дом.

— Хорошо, на одну ночь войди,— сказала сорока.

Зимним утром проснулся воробей от сладкого и тревожного сна, а ночью чего только ему ни приснилось, и увидел, что сорока уже приготовила поесть и вскипятила чай. Умылись

ношто чумчуқ ай тиреза ниго кад, ки берун андак гарм шидай, рост худша ба берун ҳаво дода, парида рафт.

И шав акнун аёс буд. Ҳалака, ки ай чумчуқ ранҷида буд, дари хонара маҳкам кард, ба у раҳ надод. Чумчуқ парида, ба таи нигаси хонаи деҳқоне рафта буд, ки гурбаи деҳқон пай бурда, шавона, вақте ки чумчуқи коргурези танпарвар дар хов буд, оҳиста-оҳиста ба зинапоя буромада, рост ба нигас часпида, чумчуқа ба чангуш кашида гирифт.

друзья, сели за дастархан и поели. После завтрака воробей выглянул в окошко, увидел, что снаружи потеплело, и тотчас вылетел.

В следующую ночь был снова мороз. А сорока, которая была сердита на воробья, закрыла дверь своего дома и не пустила его. Полетел воробей и устроился под крышей дома дехканина, где его заметила кошка дехканина и ночью, когда лодырь и лентяй воробей спал, тихо-тихо влезла по лестнице и, повиснув на стрехе, схватила когтями воробья.

[ГУНҶИШКАК]

Чумчуқак сари хорда шишт, ки пошда хор зад. Гуфт:

— Ист, ман рафта алова гав занам, ки туя сузона!

Пеши алов рафт. Алов гуфт, ки:

— Кундаҳои арча истодай, ман барои я хори ту саргардон мешам? Намерам!

Гуфт:

— Ист, ман пеши дайро равам, туя омада куша!

Пеши дайро рафт, ки дайро гуфт:

— Пеши ман дашту биёбон сухта истодай намекушаму барои як кундаи арчи ту мерам? Намерам!

Гуфт:

— Ҳозир рафта гова гав занам, ки омада туя дам каша!

Пеши гов рафт, ки гов гуфт:

— Чашмаҳои гарми олуфта истодагӣ, ови дайрои яхови туя мехурам? Намерам!

Гуфт:

— Ҳозир рафта гурга гав занам, ки омада туя хура!

Пеши гург рафт, ки гург гуфт:

— Гуспандои фарбеҳи серравған истодагӣ, ман рафта гови лоғари туя мехурам? Намерам!

Чумчуқак пеши мерган рафт. Гуфт:

— Рав, гурга паррон!

Мерган гуфт:

— Инҷада сайди арасот, кавки арасот истодагӣ, рафта гурги ҳароми туя мепаронам? Намерам!

Чумчуқ пеши муш рафт. Гуфт:

— Рафта киссаҳои мергана қайчӣ кун.

Муш гуфт, ки:

— Хазинаи подшо да инҷа истодагӣ, тангау тиллову ман рафта киссаҳои мергана қайчӣ мекунам? Намерам!

Чумчуқак пеши пишак рафт. Гуфт:

— Пишак, рав муша хур!

Пишак гуфт, ки:

— Гушти гуспанду равғани думба истодагӣ, ман муша рафта мехурам? Намерам!

Чумчуқак пеши кампир рафт. Гуфт:

— Рафта пишака куш!

Кампир гуфт, ки:

— Равам, ман пахта мересам, пахтаҳома шамол мепарона, намерам!

Чумчуқак пеши шамол рафт. Гуфт:

— Шамол, рав, кампира пахтаҳоша парон!

Шамол гапи чумчуқака гирифт, омад, пахтая паронд. Кампир рафт, пишака суронд. Пишак

[ВОРОБЫШЕК]

Сел воробышек на колючку, и она впилась ему в лапку. Сказал он:

— Подожди-ка, вот пойду я к огню и скажу ему, чтобы он тебя сжег.

Пошел он к огню, но огонь сказал ему:

— Я здесь около арчевых пней, так неужели я буду беспокоиться из-за твоей колючки? Не пойду!

Воробей сказал:

— Подожди, я пойду к реке, скажу, чтобы она пришла и потушила тебя.

Пошел он к реке, но река сказала ему:

— Передо мной горят от зноя степь и пустыня, я их не тушу, так неужели я пойду тушить какой-то арчевый пень? Не пойду.

Сказал он:

— Я пойду сейчас к быку, скажу, чтобы он пришел и выпил тебя.

Пошел он к быку, но бык сказал ему:

— Я здесь около чудесных теплых ключей, так неужели я пойду пить холодную речную воду? Не пойду.

Воробей сказал:

— Я сейчас пойду и позову волка, чтобы он пришел и съел тебя.

Пошел он к волку, но волк сказал ему:

— Я здесь около жирных, толстых баранов, так неужели я буду есть твоего тощего быка? Не пойду.

Пошел воробышек к охотнику и сказал:

— Пойди застрели волка.

Охотник сказал:

— Здесь много дичи, много куропаток, так зачем мне идти стрелять в твоего поганого волка? Не пойду!

Пошел воробей к мыши и сказал:

— Пойди прогрызи карман охотника.

Мышь сказала:

— Я здесь около сокровищницы падишаха, полной золота и денег, так зачем мне грызть карман охотника? Не пойду.

Пошел воробышек к кошке и сказал:

— Пойди, кошка, и съешь мышь!

Кошка сказала:

— Здесь у меня баранье мясо и курдючий жир, а я пойду есть мышь? Не пойду.

Пошел воробышек к старушке и сказал:

— Пойди убей кошку!

Старуха сказала:

— Я пряду хлопок, а если я уйду — его унесет ветер. Не пойду!

Пошел воробышек к ветру и сказал:

— Ветер, пойди и развей хлопок старухи.

Послушался ветер воробышка, пришел и

рафт, муша сурронд. Муш рафт, киссаи мергана бурид. Мерган рафт, гурга сурронд. Гург рафт, гова сурронд. Гов рафт, ова хурд. Ов рафт, алова кушт. Алов рафт, хора сухт.

Чумчуқак аз душманаш халос хурд, ба муродаш расид.

развеял хлопок. Старуха побежала, прогнала кошку. Кошка побежала, прогнала мышь. Мышь побежала, прорвала карман охотника. Охотник побежал, прогнал волка. Волк побежал, прогнал быка. Бык побежал, попил воду. Вода побежала, потушила огонь. Огонь побежал, сжег колючку.

Воробышек избавился от своего недруга и достиг исполнения своих желаний.

[БАРЗАГОВ, ҚӮЧҚОР, БУЗ ВА ХУРӮС]

Буд набуд, як рӯзе як мардак якта барзагов дошт. Ва ун мардак гуфт: «Акун имрӯз бозор, гов мекушем». Вай гов фаҳмид, ки соҳибам мана мекуштас. Рӯзи бозор хест, канда карда, гурехт.

Омадасодуд, ки як хонаба якта қӯшқор баста мондагӣ буд. Суни барзагов пурсид, кӯшқор:

— Эй, барзагов, куҷо мерӣ?

Гуфт, ки:

— Эй ҷӯра, чӣ мепурсӣ мана, соҳибам мана мекуштас, бари вай банда канда гурехтам.

Вай гуфт, ки:

— Туям, соҳибат мекушад.

Қӯшқорам канда карду гурехт қатӣ барзагов.

Бо омадан, омадан, ки ба як хона як буз баста мондагӣ. Буз пурсид барзагову кӯшқора:

— Ҷӯраҳо, куҷо меретон?

Барзагову қӯшқор гуфтан, ки:

— Моҳона соҳибомо мекушаду моҳон гурехтем.

Ин бузам канда кард. Сета шудан, гурехтан. Бо омадан, омадан, ки ба дари як хона омадан, як хурӯс баста мондагӣ. Хурӯс пурсид, ки:

— Ҷӯраҳо, куҷо меретон?

Инҳо гуфтан, ки:

— Соҳибомо моҳона мекушаду бари вай гурехтем.

Инам, хесту кулуна кушоду рафт. Чорта шуданд, рафтан-рафтан, ки дар роҳ як пӯсти ёлбарс буромад. Вай пӯста кӯшқор гирифту дар рӯи барзагов партофт. Бо рафтан-рафтан, ки як пӯсти гург буромад. Вай пӯсти гурга гирифта, дар рӯи барзагов партофтан.

Бо рафтан-рафтан, ки як пӯсти рӯбоҳ буромад. Вай пӯсти рӯбоҳа гирифтану рӯи барзагов партофтан. Баъд рафтан-рафтан, ба як чордеволӣ, ки як чироғ милдир-милдир мекунад. Баъд ин чор кас пӯстоя пушти дар мондан, баъд чор кас чордеволӣ даромадан. Дидан, ки як гургу як ёлбарсу як рӯбоҳу шиштаан. Баъд инҳо салом дода, даромадан, инҳоям шиштан. Яке буд, ки рӯбоҳ дойрая гирифт. Дойрая гирифта, ғазал хонд.

Баъд гург аз ҷо хеста, берун баромад. Беруна дид, ки се пӯст, пӯстоя диду тарсида гурехт. Рӯбоҳу ёлбарс хело истодан, ки дараки гург нашуд. Ёлбарс хест аз дар буромад, ваям дид, ки се пӯст, пӯстоя диду тарсида гурехт. Рӯбоҳ хело шишт, ки дараки ёлбарсу гург

[БЫК, БАРАН, КОЗА И ПЕТУХ]

Было не было, а была у одного человека одна корова. Тот человек сказал:

— Сегодня базарный день, зарежем корову.

Корова узнала, что хозяин хочет ее зарезать, разорвала путы и убежала.

Шла она, а в одном доме был привязан баран. Он спросил корову:

— Эй, корова, куда ты идешь?

Она ответила:

— Э, друг, не спрашивай, хозяин хотел меня зарезать, вот я разорвала путы и убежала.

Потом она сказала:

— И тебя тоже хозяин зарежет.

Баран разорвал путы и убежал вместе с коровой.

Шли они, шли, а в одном доме привязана коза. Коза спросила корову и барана:

— Друзья, куда вы идете?

Корова и баран ответили:

— Наши хозяева хотели нас зарезать, а мы убежали.

И эта коза разорвала путы. Их стало трое. Шли они, шли, а в одном доме привязан петух. Петух спросил:

— Друзья, куда вы идете?

Они ответили:

— Хозяева хотели нас зарезать, поэтому мы убежали.

И петух поднялся, развязал узел на веревке и ушел. Стало их четверо. Шли они, шли, а на дороге шкура тигра. Баран взял эту шкуру и набросил на корову. Пошли они дальше, а на дороге шкура волка. Эту шкуру набросили на корову. Шли они, шли, а на дороге шкура лисы. Эту шкуру набросили на корову. Пошли они дальше, а в одном домике светится огонек. Тогда эти четверо оставили шкуры за дверью и вошли в домик. Они увидели, что там сидят волк, тигр и лиса. Тогда они вошли, поздоровались и сели. Так случилось, что лиса взяла бубен. Взяла она бубен и спела газель.

Волк встал с места и вышел. Снаружи он увидел три шкуры, испугался и убежал. Лиса с тигром долго ждали возвращения волка. Тогда встал тигр и вышел. Увидев три шкуры, он испугался и убежал. Лиса долго ждала возвращения волка и тигра. Затем встала и вышла. Увидев три шкуры, лиса тоже испугалась и убежала.

Волк, тигр и лиса пошли втроем. Шли они, шли и остановились под одним деревом. Присев отдохнуть, они стали советоваться:

нашуд. Баъд рӯбоҳам берун буромад, ки се пӯст. Инам дид, гурехт, тарсид.

Инҳо сета гургу ёлбарсу рӯбоҳ рафтан. Рафтан-рафтан, ба як таги савда рафтан. Се дилоя ба замин мондан, маслиҳат кардан, ки:

— Сеи моҳон дарранда бошему вайҳо ҳайвон бошан, моҳо а ҳайвонҳо метарсим-мӣ?

Баъд гург гуфт, ки:

— Шумоҳон истетон, ман мерам.

Инҷа ин бузу гову хурӯсу қӯшқор — инҳо инҷа маслиҳат кардан. Қушқор тарафи хурӯс гуфт, ки:

— Ту ҳадаҳа-ҳадаҳа ҷуғ задан гир.

Тарафи барзагов гуфт, ки:

— Раҳа поида исто, вақте ки гург омад, ту шохат катӣ даст гир.

Баъд яке буд, ки гург омад. Хона даром гуфт, ки барзагов маҳкам даст гирифт. Қӯшқор шохаш қатӣ задан гирифт. Яке рӯбоҳ омад, ки гурга нимкушта кардасодан. Рӯбоҳ гурехт дида. Гург читу кард, ки яке хато хӯрда гурехт. Баъд ин сета рафтан. Ба як дарахт хорафтан сета. Ин хонаба ин чорта зиндагонӣ карда гаштан.

— Мы трое — дикие животные, а они — домашние. Пристало ли нам их бояться?

Волк сказал:

— Вы оставайтесь, а я пойду.

А в доме советовались петух, корова и баран. Баран сказал петуху:

— Ты будешь громко кукарекать.

Корове он сказал:

— Ты жди на дороге. Когда подойдет волк, возьмешь его на рога.

Первым пришел волк. Когда он входил в дом, корова подняла его на рога, а баран стал бить своими рогами. Когда пришла лиса, они уже избили волка до полусмерти. Увидев это, лиса убежала. Волку удалось вырваться, и он тоже убежал. Все трое ушли вместе к тому дереву. А в доме остались жить эти четверо.

[ХИЗМАТИ ХИРСОНА]

Яг рӯз яг боғбон, боғ мебонид. Вай бовақак ҳич кӣ надошт. Як рӯз меваҳош пухт. Бовақак гуфт, ки: «Ман як худам чико мекунам?» Баъд таги ҳамин рӯз бозор рафт. Яке буд, ки аз пешаш як хирси сафед буромад.

— Бова, куҷо мерӣ? — гуфт хирс тарафи бова.

Бовақак гуфт, ки:

— Як дастьёрёвӣ.

Хирс гуфт:

— Мана намебарӣ?

Бовақак:

— Майлаш, — гуфт.

Баъд хирс бовақак қатӣ монда рафт. Меваҳои боғ бисьёр пухт. Як рӯз бовой қатӣ хирс хеста ба дуруни боғҳо рафтан саёҳаткунӣ. Яке дидан, ки як дарахт зардолу бисьёр пухтаст. Аҳ ҳавай хирс бисьёр хӯрд, бовақак дута хӯрд. Баъд дута омаданд хонашон, тарафи хирс бовақак гуфт, ки:

— Ман хо мераму ту пашаҳои мана зада ист.

Бовақак хорафт. Паша бисьёр ғав кард. Хирс ҳиҷ пашаҳоя зада натавонист. Хирс аҷ ҷош хесту рафта ай як кӯҳ як тови калон овард. Баъд дар рӯи даҳани бова монд товая, ки пашаҳо муранд. Хело баъд товая гирифт, ки бова ҳам мурдаст. Бовақака бурд, гӯр кард. Баъд, омад, боғбон худаш гашт ва ба муроду мақсадаш расид.

[МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА]

Однажды садовник сторожил сад. А у старичка не было никого из близких. И вот однажды поспели фрукты, и подумал старичок: «Я ведь один-одинешенек, что мне делать?» К концу дня пошел он на базар. И вдруг вышел ему навстречу белый медведь.

— Эй, дед, куда идешь? — сказал медведь старичку.

Старичок сказал:

— Помощника ищу.

Медведь сказал:

— А меня не возьмешь?

— Хорошо,— сказал старичок.

Потом медведь вместе со старичком пошел в сад. В саду созрело много фруктов. Однажды поднялись старик с медведем и пошли гулять по саду. Увидели вдруг, что на одном дереве созрело много абрикосов. Медведь съел много, а старик — всего две штуки. Потом вернулись оба домой, а старичок сказал медведю:

— Я лягу спать, а ты отгоняй от меня мух.

Старичок лег спать. Налетело очень много мух. Медведь никак не мог их отогнать. Поднялся медведь с места, пошел на гору, принес оттуда большой камень. Положил его на рот старику, чтобы убить мух. А через некоторое время он снял камень, а старик мертв. Отнес он старичка, похоронил. Потом вернулся и сам стал садовником. Так достиг он исполнения своих желаний.

[ГУРГИ НОДОН]

Буд, набуд, яг гург буд. Вай ба роҳи худ рафта истодуд, ки аз пешаш як буз буромад. Гург гуфт:

— Ту ба чанги ман хурдӣ, акнун ман туя мехурам.

Буз гуфт, ки:

— Ту мана хурдан қатӣ сер намешӣ. Ман сета бача дорам. Ман равам, бачаҳоямро биёрам, хурӣ, сер мешавӣ!

Гург розӣ шуд, буз гурехта ба хонааш рафт. Дигар наомад.

Гург бо роҳи худ омада истодуд, ки аз пешаш якта гуспанд баромад. Гург гуфт, ки:

— Ман туя мехурам!

Гуспанд гуфт, ки:

— Мана хурӣ, сер намешӣ. Ман равам ба шаҳр, биринҷ, равған ва савзӣ биёрам, ош карда хурӣ, сер мешавӣ!

Гуспанд гурехта рафт. Дигар наомад.

Гург бо роҳи худ рафта истодуд, ки аз пешаш якта асп баромад. Баъд гург гуфт, ки:

— Ман туя мехурам!

Асп розӣ шуд:

— Майлаш,— гуфт, — аз қафои ман биё. Дар пои чапам якта оҳанай, ҳавая кашида гир.

Гург розӣ шуд. Аз пои қафо омад, асп ба пои чапаш зад, гург ғелон шуда, ҷарида рафт.

[ГЛУПЫЙ ВОЛК]

Было не было, а был волк. Шел он как-то своей дорогой, и вышла ему навстречу коза. Волк сказал:

— Попалась ты в мои лапы, теперь я тебя съем.

Коза сказала:

— Ты меня съешь, а сыт не будешь. У меня есть трое детей. Я пойду приведу к тебе своих детей, ты их съешь и будешь сыт.

Волк согласился, а коза убежала к себе домой. И больше не воротилась.

Шел волк своей дорогой, а навстречу ему овца. Волк сказал:

— Я тебя съем.

Овца сказала:

— Ты меня съешь, а сыт не будешь. Я пойду в город, принесу рис, сало и морковь, ты сваришь плов, поешь и будешь сыт.

Убежала овца. И больше не воротилась.

Шел волк своей дорогой, а навстречу ему лошадь. Затем волк сказал:

— Я тебя съем.

Лошадь согласилась.

— Ладно,— говорит,— заходи сзади. Только у меня на левой ноге подкова, ты ее сначала сними.

Волк согласился. Пошел к ее задним ногам, а лошадь как лягнет его левой ногой, волк покатился и свалился в овраг.

[ШЕР ВА ДУ РЎБОҲ]

Дар як ҷангал бисьёр ҷонварҳо буданд. Масалан: хук, хирс, гург, шағол, рӯбоҳ ва ғайра. Ба ин ҷонварҳо шере омӯхта буд. Ҳар рӯз омада, бисьёрии онҳоро кушта мехӯрд. Ин ҷонварҳо шерро дар байн гирифта, ба маслиҳат омаданд, ки:

— Шумо ин хел накунед, моёнро бисьёр хароб кардед. Шумо ба ҷоятон хоб кунед, мо ҳар рӯз ду нафар шуда, ба пеши шумо меравем, шумо хӯрда, ба ҷоятон хоб кунед.

Дар ин кор маслиҳат бо шер дуруст омад. Пагоҳи рӯз нават ба ду рӯбоҳ расид, рӯбоҳо барои таҳтӯли шер ба роҳ рафтанд. Инҳо дар роҳ бо ҳамдигар бозӣ карданд. Вақти авқоти нимрӯзии шерро гузаронидаид.

Чашмаи обе дар он ҷо диданд. Сурати худашонро диданд дар об. Ду нафар маслиҳат карданд, ки шерро фиреб диҳанд:

— Якеи мо дар ин ҷо пинҳон мешавем, якеи мо ба пеши шер тохта меравем ва мегӯем, ки: «Мо ду нафар барвақт омада будем. Лекин дар роҳ дар даруни чашма як шер дидем, ки вай аз шумо анча зӯртар мебошад. Ба як даҳан якеи моро хӯрд ва ман гурехта ба пеши шумо омадам».

[Ҳамин хел ҳам карданд.]

Шер ба ин гуфт, ки:

— Ту ба ман ҳамроҳ шав, ман рафта бинам, ки вай чи хел зӯровар будааст!

Аз ин ҷо хеста, шер пеш, рӯбоҳ ақиб омада, ба сари чашмаи об омаданд. Рӯбоҳ ба тарафи шер гуфт, ки:

— Ту ба ин чашмаи об назар кун!

Шер ба чашма нигоҳ кард, сояи худро дар чашма дид. Афти худашро дар чашма дида, чунон ба ғазаб омад, ки аррас карда, ба чашма парид. Ин чашма чуқур буд, ғарқ шуда нобуд шуд. Ин ду рӯбоҳ сиҳат, саломат ба ҷангал омаданд, аз ин шери дарранда халос шуданд.

[ЛЕВ И ДВЕ ЛИСЫ]

В одном лесу было много зверей. Например, свинья, медведь, волк, шакал, лиса и другие. На этих зверей охотился лев. Каждый день он убивал и поедал многих из них. Звери окружили льва и дали ему такой совет:

— Не делайте так, вы совсем нас разорили. Вы спите на своем месте, а мы каждый день будем приходить к вам по двое. Вы поедите и снова будете спать на своем месте.

Этот совет понравился льву. На следующий день наступила очередь двух лисиц. Они пустились в путь, чтобы отдать себя на завтрак льву. По дороге они играли друг с другом и таким образом пропустили время обеда льва.

На пути их был источник с водой, там они увидели свое отражение. Обе решили, что надо обмануть льва:

— Одна из нас спрячется здесь, а другая пойдет ко льву и скажет: «Мы обе пришли рано. Но по дороге в источнике увидели другого льва, который намного сильнее вас. Он сразу же проглотил одну из нас, а другая убежала и пришла к вам».

[Так они и сделали.]

Лев на это сказал:

— Пойдем со мной, я посмотрю, как он силен.

Они отправились в путь, лев впереди, лиса за ним, и пришли к источнику.

Лиса сказала льву:

— Посмотри в этот источник!

Лев посмотрел в воду и увидел там свое отражение. Он так разгневался, что зарычал и бросился в воду. Источник был глубок, лев сразу потонул и погиб. Обе лисицы вернулись в лес живыми и невредимыми. Так они спаслись от хищного льва.

[ҚУНҒЎЗАК ВА МУШАК]

Дар даври пеш қунғўзаке буд, вай қунғўзак ба як ҷо рафта истода буд. Дар пеши қунғўзак як подабон баромад.

— Ҳа, бибиқунғўзак, куҷо меравӣ?

— Отет қунғўзак, очет қунғўзак, мана Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш мегўян.

— Ҳа, Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш, куҷо меравӣ?

— Шўковӣ.

— Мана намегирӣ?

— Не, ман туя намегирам.

Ба як ҷои дига рафт.

Аз пешаш як чўпоне баромад:

— Ҳа, момақунғўзак, куҷо меравӣ?

— Э, отет қунғўзак, очет қунғўзак, мана Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш мегўян.

— Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш, куҷо меравӣ?

— Шўковӣ.

— Мана намегирӣ?

— Не, ман туя намегирам.

Боз ба як тарафи дигар рафт. Аз пешаш як муш баромад. Муш гуфт, ки:

— Ҳа, бибиқунғўзак, куҷо меравӣ?

— Отет қунғўзак, очет қунғўзак, мана Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш мегўян!

— Бибисанами Моҳсанами гулгунпўш, куҷо меравӣ?

— Шўковӣ.

— Мана намегирӣ?

— Ту чӣ кор мекунӣ?

— Ман ба думакам дастмол мекунам.

Қунғўзак гуфт, ки:

— Ман мегирам.

Баъд муш қунғўзакро гирифта, ба хонаш омад. Инҳо зиндагонӣ карда гаштан.

Рўз а рўзе шуд, ки подшоҳ тўй кард. Муш хеста ба тўи подшоҳ рафт. Ба лаби ҳавз омад. Ба лаби ҳавзи гулоб ғалтид. Баъд одамҳо хонаи подшоҳба тўй рафтан. Момоқунғўзак ба тарафи ин одамҳо гуфт, ки:

— Мушакро, чамбаршохакро бигў,
Асобадастакро бигў,
Куллобакифтакро бигў,
Момоқунғўзак дар ҳавзи гулоб афтидаст.

Мушак додгуён ва арасанон ба сари ҳавза омад, лек қунғўзак қаҳраш омад, гуфт, ки:

— Ту ба хонаи подшоҳ ба духтари подшоҳба ишрат бинит! Мушак гуфт, ки:

— Ман, агар қатӣ духтари подшоҳ айшу ишрат бинит, санги осиёб ба гарданам пака бинит!

[БУКАШЕЧКА И МЫШОНОК]

В старые времена была одна букашечка. Ползла она куда-то, и ей навстречу вышел пастух.

— А, букашечка, куда ты идешь?

— Отец твой — жучок, мать твоя — букашечка, а меня зовут Бибисанам, Мохсанам в розовом платье.

— Эй, Бибисанам, Мохсанам в розовом платье, куда ты идешь?

— Искать мужа.

— Меня не возьмешь?

— Нет, я тебя не возьму.

Пошла она дальше, а навстречу ей чабан:

— А, букашечка, куда ты идешь?

— Отец твой — жучок, мать твоя — букашечка, а меня зовут Бибисанам, Мохсанам в розовом платье.

— Бибисанам, Мохсанам в розовом платье, куда ты идешь?

— Искать мужа.

— Меня не возьмешь?

— Нет, я тебя не возьму.

Пошла она дальше, а навстречу ей мышонок:

— А, букашечка, куда ты идешь?

— Отец твой — жучок, мать твоя — букашечка, а меня зовут Бибисанам, Мохсанам в розовом платье.

— Бибисанам, Мохсанам в розовом платье, куда ты идешь?

— Искать мужа.

— Меня не возьмешь?

— Что ты будешь делать?

— Буду гладить тебя своим хвостиком.

— Я возьму тебя.

Мышонок привел букашечку к себе домой. Стали они жить вместе.

Однажды падишах устроил пир. Мышонок отправился на пир к падишаху, а букашечка пришла на берег хауза и упала в розовую воду. Мимо проходили люди на пир падишаха. Букашечка сказала им:

— Скажите мышонку, скажите ему
с загнутыми рожками,
Скажите ему с палкой в руке,
Скажите ему с мешком на плече,
Букашечка упала в хауз с розовой водой.

Мышонок с плачем и воплем прибежал к хаузу, но букашечка сердито сказала:

— В доме падишаха ты наслаждался с дочерью падишаха!

Мышонок ответил:

— Если я наслаждался с дочерью падишаха,

Баъд қунғӯзак дасти худро дод. Мушак қунғӯзакро пуштора карда, ба хонаи худ омад. Баъд вайҳо зиндагонӣ кардан. Ба муроду мақсадаш расид.

то пусть мне на голову упадет мельничный жёрнов.

Тогда букашечка протянула ему руку. Мышонок посадил букашечку себе на спину и принес домой. И они зажили вместе и достигли исполнения своих желаний.

[БИНГАК, МОМОЧУЧУҚ ВА ҚУРБОҚҚА]

Як бингак, як момочучуқ, як қурвоқа — сеяш бисьёр бародари хақиқӣ будан, ба якдигар ҷура будан. Ҳар вақт момочучуқ ба як дарахт хона монда, бача мекард. Филе буд, ба дарахт омада, худро мешакид. Бачаҳои момочучуқ ба замин меғалтид, мемурд.

Ба ҳамин аҳвол чандин вақт гузашт. Момочучуқ ҳайрон монд, ки чӣ кунад. Момочучуқ худ ба худ андеша карда, ба пеши бингак рафта, арз кард. Бингак фикр кард, ба худ гуфт:

— Аз мову ту қурвоқа донотар аст. Хез, канӣ, пеши қурвоқа мерем, чӣ маслиҳат метия.

Ҳардуш ба пеши қурвоқа рафта, арз кардан.

Қурвоқа ба ино як фикре дод. Ба бингак гуфт, ки;

— Ба гуши фил даро, бинг-бинг кардан гир. Вақте ки ту бинг-бинг кардӣ, фил гушаша боло карда, болоя ниго мекуна. Вақте ки гушаша боло кард,— гуфт момочучуқда,— ту ба болои қавоқаш шишта нул мезанӣ, ки чашмаш кафа. Чашмаша, ки зада кафондӣ, бингак аз ин гушаш буромада, дар ин гушаш дарод. Ин чашмаша, ки боло кард, ин чашмашам зану кур кун. Гуфтаҳои мана, ки ичро кардетон, бад ба пеши ман биёетон!

Момочучуқу бингак ба фармони қурвоқа ба пеши фил равон шудан. Бингак рафта, ба гуши фил даромад, бинг-бинг кард, ки фил гушаша боло карда истод.

Момочучуқ ба болои қавоқи фил шишта, ята, ки зад ба нинаки фил, чашми филро кур кард. Бингак аз ин гуш буромаду ба ин гуши фил дуромад. Бинг-бинг кардан гирифт. Момочучуқ болои ин қавоқда шишт, ята зад, инашам кур шуд.

Бингак қати момочучуқ омада гуфтан, ки:

— Кур кардем, гуфтаҳота кардем.

Бад қурвоқа гуфт, ки:

— Исунаш тани ман!

Фил дар биёбон чан руз ташнаю гурусна гашт. Қурвоқа ба яг таги ҷари баланде рафт, вақ-вақ карда истод.

Фил ба худ андеша кард: «Кучое қурвоқа ҳаст, ов ҳаст». Ҳамин ақида қатӣ сари ҷар омад. Фил ниго кард, ки қурвоқа аз таг вақ-вақ дора. Фил пои худро ҳавой партофт, ки ба таг зад, гард-гард шуд. Фил мурд.

[ОСА БИНГАК, ПТИЦА МОМОЧУЧУК И ЛЯГУШКА]

Бингак, Момочучук и лягушка — все трое жили как настоящие братья и дружили между собой. Момочучук свила себе гнездо на дереве и растила там своих детей. И был слон, приходил он к дереву чесаться. Дети Момочучук падали на землю и умирали.

Прошло так некоторое время. Огорчалась Момочучук и не знала, что же ей делать. Подумала Момочучук и пошла к Бингак. Пожаловалась ей. Подумала Бингак и сказала:

— Лягушка умнее нас с тобой. Вставай, пойдем к лягушке, что-то она тебе посоветует?

Пошли они к лягушке и все ей рассказали.

Лягушка подала им мысль. Она сказала Бингак:

— Влети в ухо слону и начни там жужжать. Когда ты будешь жужжать, слон подымет уши и посмотрит наверх. А когда он подымет уши,— сказала лягушка,— Момочучук, ты сядь ему на веко и клювом выклюй глаз. Когда ты выклюешь ему глаз, пусть Бингак вылетит из того уха и влетит в другое ухо. И другой глаз, который он подымет вверх, ты тоже выклюй и ослепи. Когда вы все сделаете, как я вам велела, возвращайтесь ко мне.

Момочучук и Бингак по совету лягушки отправились к слону. Бингак залетела слону в ухо, стала жужжать, и слон поднял ухо, прислушиваясь. Момочучук села на веко слона, да как клюнет в глаз — и ослепила его. Бингак вылетела из одного уха, влетела в другое и начала там жужжать. Села Момочучук на другое веко, да как клюнет — и ослепила второй глаз.

Пришли Бингак и Момочучук к лягушке и сказали:

— Ослепили, сделали, как ты велела.

Тогда сказала лягушка:

— Теперь дело за мной.

Слон несколько дней голодный и жаждущий бродил по пустыне. А лягушка залезла под высокий обрыв и заквакала. Подумал слон: «Там, где лягушка, есть вода». Думая так, подошел он к самому обрыву. Слышит слон, что откуда-то снизу квакает лягушка. Ступил он в пустоту, полетел вниз и разбился в прах. Слон погиб.

[ОДИНАМАЙДАЯК]

Як гургу як руба ошнои зур буданд. Гург доим шикор мекард гуспанду гову ҳарчиро, рудаву чизои нодаркориша рубаба медод. Аз худаш чизе, ки зиётӣ кунад, баъд ягон чизи тунуктараша рубаба медод.

Ҳамин хел, чанд сол бо ҳам ҷурагӣ карданд. Ин ҷурагии гург ба руба намефорид, руба мегуфт, ки: «То кай ман зиётии гурга мехурам?» Гург мегуфт, ки: то кай ман шикор мекунаму и муфтхур мехура?»

Як рузи зимистон руба як пустини фасони базеба пушида, пеши гург омад.

Гург, ки пустини рубара дид, бисьёр маъқул шуду хост, ки ҳамин хел пустин дошта боша. Гург хост, ки пустини рубара гира, аммо майдагӣ кард. Гург пурсид:

— Пустина аз куҷо ёфтӣ?

Руба гуфт:

— Ман худам пустиндузам.

Гург хурсанд шуду гуфт:

— Мандаям дуз.

Руба гуфт:

— Ту калонӣ, чор пусти гусфанди думбакалон биёр. Ман пусти онҳоя мегираму туба пустини базеб медузам.

Гург розӣ шуд. Рафта як қушқори калона оварда, дар хонаи руба монд.

Руба гуфт, ки:

— Пустин баъди як ҳафта тайёр мешава, биё, бар!

Гург рафту баъди як ҳафта омад, ки руба гуфт:

— Як остинаш вайрон шуд. Як пуст биёру авқоти маро ҳам биёр, ман чӣ мехурам, пустини туя духта?

Гург рафта, як гуспанду як пусти дигар овард. Руба боша, пустора таги почешда партофта, гушти гуспанда қатӣ думба кайф карда хурда, пуштаҳелак мерафт. Гург бо баъди як ҳафта омада пурсид:

— Ҷура, пустин тайёр шудай?

Руба гуфт:

— Тирезу остинаш мондай.

Гург бо рафта, як гуспанд овард. Як ҳафта паси дигар дар ғазаб омада, гуфт:

— О хунукида мурдам, зимистон гузашт, кай медузӣ?

Руба гуфт:

— Мағзиш мондай. Як ҳафта паси дигар биё.

Гург гуфт:

— Агар ин ҳафта биём, ки тайёр нашудай, дон, ки мурдӣ!

Руба тарсид, барои, ки ҳамаи гуспандора хурда, кайф карда гашта буд.

[КОРОТЫШКА ОДИНА]

Волк и лиса были очень хорошими друзьями Волк постоянно охотился на баранов, коров и других зверей. Кишки и ненужные остатки он отдавал лисе. И вообще, объедки и кусочки поплоше он отдавал лисе.

Так дружили они несколько лет. Эта дружба с волком не очень нравилась лисе. «До каких пор я буду питаться волчьими объедками?» — думала лиса. А волк думал: «До каких пор я буду охотиться, а эта дармоедка — жрать?».

Как-то зимой лиса надела красивую нарядную шубу и пришла к волку.

Когда волк увидел шубу, она ему очень понравилась и захотелось ему иметь такую же шубу. Хотел волк отобрать у лисы шубу, но она оказалась ему мала. Волк спросил:

— Где ты взяла эту шубу?

Лиса сказала:

— А я сама шью шубы.

Обрадовался волк и сказал:

— Сшей и мне шубу.

Лиса сказала:

— Ты большой, принеси мне четыре шкуры больших курдючных баранов. Я возьму эти шкуры и сошью тебе красивую шубу.

Волк согласился. Пошел он и принес большого барана и оставил у лисы в доме.

Лиса сказала:

— Шуба будет готова через неделю, приходи и забирай!

Ушел волк и пришел через неделю, а лиса сказала:

— Один рукав испорчен. Принеси еще одну шкуру, да захвати мне еды, а то что я буду есть, пока шью тебе шубу?

Волк пошел, притащил еще одного барана и шкуру. А лиса расстелила себе шкуру под ноги и, насладившись бараниной и курдюком, развалилась на шкуре. Пришел волк опять через неделю и спросил:

— Дружище, готова ли шуба?

Лиса сказала:

— Остался рукав и один клин.

Снова пошел волк и принес барана. А через неделю пришел он разгневанный и сказал:

— Я от холода умираю, зима прошла, когда же ты сошьешь?

А лиса сказала:

— Одна беечка осталась. Приходи еще через недельку.

Волк сказал:

— Если через неделю к моему приходу шуба не будет готова, знай, что ты умрешь!

Гург омада, ҳамин қадар чеғ мезана, ки руба ҷавоб наметия. Даром мега, ки хонаи руба майдагӣ мекуна. Гург дар ғазаб мешаваду рафта, як кузара оварда, дар дари хонаи руба мемонаду худаш меравад. Ҳар вақте ки шамол мегардад, кузаи холӣ ҳу-ҳу-ҳу мекунад. Руба аз тарсаша дар ҷош тар мекунад, ки ҳоли ҳам гург ура пойда истодааст. Ҳамин хел чанд руз гузашт. Руба бисьёр ташна монд аз гушту равғанхурия. «Биё,— гуфт,— канӣ буром, гург рафтагист». Буромада дид, ки таги дараш торик: «Чӣ бошад»,— гуфта пештар омад, ки як куза. «Оббо,— гуфт, —ин гург мана фиреб дода будасту ман қариб буд, ки аз ташнагӣ мурам».

Кузара гирифта, да думаш басту лаби дарьё обхурӣ рафт. Об хурду кузара да думаш махкам кард, ки об гирифта, хонам мебарам. Куза, ки пур шуд, руба думаша кашид, ки зур омаду думаш аз бех канда шуд. Аз ин кор руба бисьёр хурсанд шуд, барои он ки: «Дигар мана гург намешиносад»,— гуфта.

Руба бозикунон хонеш омада истода буд, ки гург аз пешаш баромаду гуфт:

— А рубаи падарлаънат, дар чангам хурдӣ! Акнун мехурамат! Ту ҳамин қадар мана фиреб дода, гушту пусти мана хурдӣ!

Руба аввал тарсиду баъд гуфт:

— Ту чӣ ин қадар мана дуғ зада истодай? Ошнои ту дум дошт? Мана бин, ман дум надорам. Мо як гуруҳ, қариб чил нафарем, ки дум надорем. Агар ки авлоди моҳона надида бошӣ, оварда нишон метиям.

Гург хай гуфту рубара ҷавоб дод.

Руба рафта, болои як қири баланд буромаду бо овози рубагиш файрод кард. Яке буд, ки чил руба омаданд. Худаш думаша руст карду гуфт:

— Ҷураҳо, дар фалон ҷо як боғ дидам, ҳамин қадар ангураш пухтагӣ, ки боби хурдан. Намеравен? Пеш дароетон, меравем.

Рубаҳои гушна номи ангура, ки шунидан, ови даҳанашон рафтан гирифт.

Ҳамашона пеш-пеш карда оварда, да боғи Одинамайдаҳак даровард. Худаш ҳар руз омада, ангурои ҳамин боға хурда мерафт.

Рубаҳо дар ангурхурӣ будан, ки ин думи ҳамашона дар навдаҳои ангур баст.

Думи ҳамеша басту худаш болои як баландӣ баромада, файрод кард, ки:

— Ҳо, Одинамайдаҳак! Боғата хурдан, лош кардан, даво-о!!..

Одинамайдаҳак овози рубаҳа шунида, як калтаки калона гирифта, давида омад. Расида омад, як-дутеша зад, ки дигашон думашона канда гурехтан. Думи ҳамашон канда

Лиса перепугалась, потому что она съела всех баранов и все это время наслаждалась жизнью.

Пришел волк. Но сколько он ни звал лису, она не откликалась. Хотел он войти, но не смог влезть в дом лисы — дом для него был мал. Разгневанный волк пошел, принес кувшин и поставил его в дверях около дома лисы, а сам ушел. Каждый раз, когда дул ветер, в пустом кувшине завывало: ху-ху-ху! Лиса со страху мочилась. Так прошло несколько дней. От съеденного мяса и жира лису сильно мучила жажда. «А ну-ка,— подумала она,— выйду я, волк, наверное, уже ушел».

Вышла она и видит, что под дверью темно. «Что это там такое?» — подумала она и подошла поближе. Видит, что это кувшин... «О,— сказала она,— оказывается этот волк обманул меня, а я чуть от жажды не умерла».

Взяла она кувшин, привязала к хвосту и пошла на берег реки пить. Попила она воды, а кувшин привязала к хвосту, чтобы набрать в него воды и отнести домой. Когда кувшин наполнился водой, лиса потянула свой хвост, но кувшин стал тяжелый, и хвост у лисы оторвался. Лиса очень этому обрадовалась, решив: «Теперь волк меня не узнает».

Весело резвясь, шла лиса домой, когда навстречу ей волк вышел и сказал:

— А, проклятая лиса, попалась ко мне в лапы! Теперь я тебя съем! Ты обманула меня, сожрав мясо и шкуры баранов!

Лиса сначала испугалась, а потом сказала:

— Да чего ты на меня кричишь! Был ли хвост у твоей знакомой лисы? Посмотри,— у меня нет хвоста. Нас тут целая стая из сорока лисиц, у которых нет хвостов. Если ты еще не видел моих сородичей, я приведу и покажу их тебе.

— Хорошо, — сказал волк и отпустил лису.

Поднялась лиса на высокую гору и закричала по-лисьему. И тут же прибежали туда сорок лисиц. Спрятала лиса обрубок своего хвоста и сказала:

— Друзья, в таком-то месте я видела сад, в котором так много спелого винограда, что только ешь. Пошли туда? Проходите вперед.

Когда голодные лисицы услышали про виноград, у них прямо слюнки потекли.

Она повела их всех и привела в сад коротышки Одины. Сама она каждый день ходила туда за виноградом.

Лисы были так заняты виноградом, что не заметили, когда она потихоньку привязала их хвосты к виноградным лозам.

шуд. Дар ғазаб омада, думашона дар хок молида рафтан, ки думи ваям кандагӣ, чизе нагуфтан. Гург дид, ки як пода рубаи думкалта омадасодиян. «Оббо,— гуфт,— ино дигар будияну ман бечорая туҳмат кардам».

Ҳамин қати гург аз тарси рубаи думкалта гурехта, ба дига ҷо рафт.

Рубаҳо ин рубара ба худ сардор интихоб кардану дар манзили гург кайфу сафо карда гаштан. Ҳар руз пинҳонӣ рафта, аз боғи Одинамайдаҳак ангур мехурдану меомадан.

Привязала она им хвосты, а сама поднялась на возвышенность и закричала:

— Эй, коротышка Одина! Беги-и, твой сад разорили, все поели!

Услышал коротышка Одина крики лисы, схватил огромную палку и примчался. Прибежал он, стукнул одну-двух лисиц, а другие, оторвав свои хвосты, убежали. У всех хвосты оторвались. Рассердились лисы и пошли, потирая о землю остатки хвостов. Но когда они увидели, что у той лисы тоже хвост оторван, ничего не сказали. А волк увидел, что идет целое стадо лисиц без хвостов. «Ого,— сказал он,— это действительно была другая лиса, и я напрасно бедняжку оклеветал».

И, испугавшись бесхвостой лисы, волк убежал в другое место.

А лисы избрали эту лису своим вожаком, а потом легко и весело зажили в прежнем жилище волка. И каждый день ходили они потихоньку в сад к коротышке Одине лакомиться виноградом.

[ХУРӮСАК]

Будаст, набудаст, як хурузак будак, вай як мома дошт. Уҳо ҳичи надоштан. Як руз дар як ҷо ҷаноза мешавад. Момаш:

— Бура, ягон чиз биёр, ки ягон кормона буд кунем,— гуфт.

Хурузак мерава, даҳ тинуш метан. Миёра, подшо ай раҳ, ай дастуш мегира. Хуруз ба хонаш миёя.

Момаш мепурса, ки:

— Чӣ овардӣ?

Мега, ки:

— Даҳ тинум додан, подшо ай дастум гирифт.

Момаш мега, ки;

— Бура, биёр даҳ тина!

Баъд миёя, дар раҳ як ове ай пешуш мебуроя. Мега:

— Ман тура мечиқум!

Мега:

— Наҷику дар кунум будро.

Ов дар кунуш медроя. Бо мерава устар, ки як гург ай пешуш меброя. Мега:

— Ма тура мехурум!

— Мара нахур, дар кунум будро.

Баъд мерава, ки подшо ай пешуш меброя. Мега:

— Даҳ тинма биёр!

Подшо:

— Хуруза дар хонаи симинтӣ маҳкам кунен,— гуфт.

Оварда хуруза [дар] хонаи симинтӣ маҳкам мекнан.

Хуруз мега, ки:

— Ов, ай кунум буро, хонара бузан, тит кун, ма буром!

Ов меброяду хонара тит мекна, хуруз меброя. Мерава суни подшо мега ки:

— Биёр, тинма буте!

Мега:

— Барен ира, дар хонаи қушқордор маҳкам кунен, қушқоро бузанануш!

Мебаран, дар хонаи қушқордор маҳкам мекнан.

Хуруз мега:

— Гург ай кунум бубро.

Гург ай кунуш меброяд қушқорора мехура. Баъд боз мерава пеши подшо.

— Даҳ тинма биёр! — мега.

Подшо мега, ки:

— Буро, тори бонгда буро, баъд даҳ тинта бигӣ.

Хуруз меброя боли бонгда тинора мега, ки:

— Дар кунум будроен.

[ПЕТУШОК]

То ли было, то ли нет, а был петушок, и была у него мать. Не было у них ничего. Однажды в одном месте были похороны. И сказала мать:

— Иди принеси что-нибудь, чтобы уладили мы свои дела.

Пошел петушок, и дали ему десять тин. Понес он их, а по дороге падишах отнял у него. Пришел петушок домой.

Мать его спрашивает:

— Что ты принес?

Петушок говорит:

— Дали мне десять тин, а падишах их у меня отнял.

Мать говорит:

— Иди принеси десять тин!

Идет он дальше, а навстречу ему вода. Вода говорит:

— Я тебя утоплю!

Он сказал:

— Не топи, войди ко мне в зад.

Вошла вода к нему в зад. Пошел он дальше, а навстречу ему волк. Волк говорит:

— Я тебя съем!

— Не ешь меня, войди ко мне в зад.

Пошел он дальше, а навстречу ему падишах. Он говорит:

— Отдай мне десять тин!

Падишах сказал:

— Закройте петушка в цементированный дом!

Привели петушка, бросили в цементированный дом.

Петушок говорит:

— Вода, выйди из зада, дом разбей, разрушь, чтобы я вышел!

Вышла вода, разрушила дом, петушок вышел. Пошел он к падишаху и говорит:

— Отдай мои десять тин!

Падишах говорит:

— Возьмите его и закройте в хлеву. Бараны его затопчут насмерть!

Повели его и закрыли в хлеву.

Петушок говорит:

— Волк, выйди у меня из зада!

Вышел волк из зада, съел баранов. Тогда петушок идет опять к падишаху и говорит:

— Отдай мои десять тин!

Падишах говорит:

— Иди подымись на крышу, а потом забирай свои десять тин.

Поднялся петушок на крышу и сказал тинам:

— Войдите ко мне в зад.

Тино дар кунуш медароян. Тини худашро гирифта, дар нулуш мебroя.

Суни подшода мега, ки:

— Бибин, даҳ тини худма гирифтум.

Баъд ба хонашон миёя, момаш мега, ки:

— Тинора овардӣ?

— Ҳовва, овардум. Мома, дар ҳот бишӣ, доманта будор!

Момаш доманша медора.

Мега:

— Ай кунум буро, ай кунум буро!

Ай кунуш мебroян, ба бори тино момаш ғалтида мембра.

Вошли тины к нему в зад. А свои десять тин взял он в клюв и пошел.

Говорит петушок падишаху:

— Смотри, я взял свои десять тин.

Потом идет он домой, а мать его говорит:

— Принес ли ты тины?

— Да, принес. Мать, сядь повыше и держи подол!

Мать держит подол.

Петушок говорит:

— Выйди из зада, выйди из зада.

Вышли они из зада, а под тяжестью тин мать упала и умерла.

[ПАЛАНГ, ГАВАЗН ВА РӮБОҲ]

Боре паланг дар пастхамии теппае сайру гашт карда мегашт. Якбора дид, ки гавазни хурдакаке дар зери дарахтон дар алаф чарида гаштааст. Гавазн палангро дид ва аз тарс дар ҷояш шах шуда монд. Роҳи гурез набуд. Он гоҳ гавазн тамоми далерии худро ҷамъ намуда, хост палангро ҷиреб диҳад. Вай пай бурд, ки ин паланг то ҳол ҳеҷ гавазни зиндаро надидааст. Барои ҳамин худро чунин нишон дод, ки гӯё палангро намебинад ва рӯяшро гардонда, чаридан гирифт.

Паланг дар тааҷҷуб монд, ки: «Барои чӣ ин ҳайвони аҷоиб намегурезад?» Вай ба гавазн наздиктар шуда пурсид:

— Гӯед азизам, барои чӣ дар болои сари шумо шох аст?

— Барои палангро пора кардан!

— Гӯед, барои чӣ дар биқинатон ин қадар доғҳои сафед бисьёранд? — пурсид боз паланг.

Гавазн ҷавоб дод:

— Ҳар боре, ки ман як паланг хӯрам, дар бадани ман як доғи сафеди нав пайдо мешавад. Ман бародарони туро чунон бисьёр хӯрдаам, ки акнун ҳамаи доғҳои баданамро ҳисоб карда наметавонам!

Паланг инро шунида тарсид ва гурехта рафт. Паланг дар роҳ рӯбоҳро дида монд ва ба ӯ дар бораи тарси худ нақл кард. Рӯбоҳ хандида ҷиристонд.

— Гавазни хурдакак туро ҷиреб кардааст! — гуфт рӯбоҳ.

Вале паланг ба гапи ӯ бовар накард, аз тарс меларзид.

— Хайр, агар ту ин қадар метарсида бошӣ,— гуфт рӯбоҳ,— иҷозат деҳ, ки ман дар пушти ту савор шавам ва мо якҷоя ба пеши гавазни хурдакак рафта, ҳамаашро фаҳмида гирем.

Вақте ки гавазн онҳоро дид, фаҳмид, ки рӯбоҳ ҳамаи ҳақиқатро ба паланг гуфта додааст. Акнун чӣ тавр халос шавад? Якбора ба ӯ бо тамоми овоз фарьёд зад:

— Раҳмат, азизам, хоҳарак-рӯбоҳ! Дирӯз ту ба ман ваъда дода будӣ, ки паланги калонеро меорӣ. Мебинам, ту ба гапат истода метавонӣ! Чи хел паланги зебоеро барои ман овардӣ! Дар вақташ омадӣ, айнан дар вақти хӯроки пешин!

Паланг инро шунида, худро ба қафо кашид ва рӯбоҳи бечораро газида гирифта, бо тамоми қувва гурехта рафт!

[ЛЕОПАРД, ОЛЕНЬ И ЛИСИЦА]

Однажды леопард гулял в ложбинке на каком-то холме. Вдруг он увидел, что на траве под деревьями пасется маленький олененок. Увидел олененок леопарда и от страха замер на месте. Бежать ему было некуда. Тогда олененок собрал все свое мужество и решил обмануть леопарда. Понял он, что этот леопард никогда раньше не видел живого оленя. Поэтому он притворился, что вообще не замечает леопарда, и, отвернувшись от него, продолжал пастись.

Леопард удивился: «Почему это странное животное не убегает?» Приблизившись к оленю, он спросил:

— Скажите, дорогой, для чего у вас на голове рога?

— Чтобы разрывать на части леопардов.

— Скажите, а для чего у вас на боку так много белых пятен? — снова спросил леопард.

Олененок ответил:

— Всякий раз, как съедаю леопарда, у меня на боку появляется новое белое пятнышко. Я столько съел твоих братьев, что теперь всех пятен на моем теле и сосчитать не могу.

Услышал это леопард, испугался и убежал. Встретив по дороге лисицу, леопард остановился и рассказал ей о своем испуге. Лисица засмеялась.

— Это тебя обманул маленький олененок,— сказала она.

Но леопард ей не поверил и продолжал дрожать от страха.

— Ну что же, если ты так боишься,— сказала лисица,— то разреши мне сесть на тебя верхом, мы вместе отправимся к маленькому олененку, и там ты все поймешь.

Когда олененок их увидел, он сразу понял, что лисица рассказала леопарду всю правду. Как же ему теперь спастись?

И вдруг он громко закричал:

— Спасибо, дорогая лисичка-сестричка! Вчера ты мне обещала привести большого леопарда. Теперь я вижу, что ты держишь слово. Какого прекрасного леопарда ты мне привела! Ты пришла вовремя, как раз время обедать!

Услышал это леопард, отскочил и, разодрав бедную лисицу, бросился бежать изо всех сил.

[АФСОНАИ ГУНҶИШКАК]

Якта чумчуққа будас. Як рӯз почешба хол мехалад. Сонӣ пеши якта кампирба мерӯду мегӯд, ки:

— А почем хола гиреду танӯратонба паттоеду нона пазед.

Сонӣ пага мибиёду:

— Якта холама тед,— мегӯд.

— Сӯхт, — мегӯд кампир чумчуққаба.

— Даҳта нонатона гифта мерӯм,— мегӯд.

Сонӣ кампир чумчуқба даҳта нон дод.

Сонӣ якта одам қаймоқ қати қумалоқи гӯспанда хӯрсуд. Сонӣ нонаша митияд. Пага мибиёду:

— Даҳта нонама ёфта те! — мегӯд.

Сонӣ якта гӯспандаша гифта мерӯд. Сонӣ якта гӯспандаша гифта рафтан (мегирад, ки) якта одам тӯйба кучук кушсуд.

— Амак, ина гиреду кушед,— мегӯд.

Сонӣ микушад. Пага мибиёду:

— Якта гӯспандама ёфта тед,— мегӯд.

— Куштем,— мегӯд.

Сонӣ якта келинаша дузда мибиёд. Сонӣ мерӯд, ки якта одам келин кофта гаштас.

— Ана, ин келина гиред,— мегӯд.

Вай кампир мигираду тӯй мекунад.

Пага мибиёду:

— Келина ёфта тед,— мегӯд.

— Тӯй када, фурсондем,— мегӯд.

Сонӣ:

— Якта дуторатона гифта мерӯм,— мегӯд.

Сонӣ дутора гифта мерӯду боли дарахтба мибуроду:

Якта холба даҳта нон,
Чинчила, чинчила, чинчила.
Даҳта нонба якта гӯспанд,
Чинчила, чинчила, чинчила.
Якта гӯспандба якта келин,
Чинчила, чинчила, чинчила.
Якта келинба якта дутор,
Чинчила, чинчила, чинчила.

— гуфта ашӯла хонда мегардад.

[СКАЗКА О ВОРОБЫШКЕ]

Был воробышек. Однажды вонзилась ему в лапку колючка. Пошел он тогда к старушке и говорит:

— Вытащите у меня из лапки колючку, бросьте ее в танур и испеките лепешку.

Прилетел он на следующий день и говорит:

— Отдайте мою колючку!

— Она сгорела,— ответила старушка воробышку.

— Я заберу у вас десять лепешек,— говорит воробышек.

Дала ему тогда старуха десять лепешек. Потом видит он, что какой-то человек ест каймак с бараньим навозом. Дал он ему свои лепешки. Прилетел он назавтра:

— Отдай мне мои десять лепешек! — говорит.

Забрал он у него барана. Идет он с бараном и видит, как какой-то человек убивает собаку для туя.

— Возьмите, дяденька, барана и зарежьте его,— говорит.

Зарезал человек барана. Прилетает назавтра воробышек:

— Отдайте мне моего барана,— говорит.

— Мы его зарезали,— говорит человек.

Тогда воробышек украл у того человека невестку. Идет он и видит, что какой-то человек ищет себе невестку.

— Возьмите эту невестку,— говорит.

Берет ее старуха и устраивает свадьбу. Назавтра прилетает воробышек:

— Отдайте мне невестку,— говорит.

— Мы устроили свадьбу и отправили ее,— говорит старуха.

Тогда воробышек говорит:

— Возьму я у вас дутар.

Воробышек взял дутар, взлетел на дерево:

— За одну колючку — десять лепешек,
Чинчила, чинчила, чинчила.
За десять лепешек — одного барана,
Чинчила, чинчила, чинчила.
За одного барана — невестку,
Чинчила, чинчила, чинчила.
За одну невестку — дутар,
Чинчила, чинчила, чинчила!

— пел он песенку.

[АФСОНАИ КАЙКАК]

Буд, набуд, як шавушак буд. Вай як рӯз шир ҷӯшонсуд, ки ба пешаш кайкак омад. Сонӣ, кайкак омаду кифти оштонба шишт. Шавушак гуфт, ки:

— Бохавар шав, бо дани ширба пиртӣ карда, надарӯй.

Сонӣ шавушак айни ҳамсояшба рафта буд, гашта омаду кайкака ҷеғ зад, ки кайкак нест. Дани дегба нигоҳ кард, ки рӯи ширба мурда хорафтас.

Сонӣ шавушак ина дида, рӯканаку мӯканак шуда, сару сарбандчеша сиё кард.

Акка омад, ки шавушака сару сарбандчеш сиё.

— Чува сару сарбандчет сиё? — гуфт акка.

— Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак ба деги шир афтида мурд.
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё!

— гуфт шавушак.

Сонӣ акка:

— Манам азодор шавам,— гуфта, параша резонд.

Сонӣ акка рафта чинорба шишт, чинор а акка пурсид, ки:

— Чува парад рехтагӣ?

Сонӣ акка гуфт, ки:

— Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас.
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Ман аккаи паррехта.

Чинора баргаш чиррӣ рехт.

Сонӣ буз омад. Буз ҳар рӯз аз барги чинор омада мехӯрд. Буз ач чинор пурсид, ки:

— Чува ҳар рӯз шиками манба яраша мерехтию имрӯз мӯл рехтӣ? — гуфт.

Сонӣ чинор гуфт, ки:

Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Ман чинори баргрехта.

— Манам бузичеки шохшикан шавам,— гуфта буз шохаша мишканад. Сонӣ буз обхӯрӣ рафт, об гуфт, ки:

— Чува шохат шикастагӣ?

Сонӣ вай гуфт, ки:

Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,

[СКАЗКА О БЛОШКЕ]

Было не было, а была тля. Кипятила она однажды молоко, и пришла к ней блошка. Пришла блошка и села около очага. Тля сказала:

— Смотри, когда прыгаешь, не попади в молоко.

Пошла тля к соседке. Вернулась она, позвала блошку, а блошки нет. Заглянула она в котел и видит, что лежит блошка мертвая в молоке.

Увидев это, тля расцарапала себе лицо, вырвала волосы и надела черный платок.

Пришла сорока, видит — тля в черном платочке.

— Почему ты в черном платочке? — спросила сорока.

— А, что ты знаешь?
Блошка упала в котел с молоком и умерла,
Тля в трауре,
В черном платочке,

— сказала тля.

Тогда сказала сорока:

— И я буду в трауре! — И осыпала свои перья.

Потом полетела сорока и села на чинару. Спросила чинара у сороки:

— Почему ты осыпала свои перья?

Тогда сорока сказала:

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка.
Тля в трауре,
В черном платочке,
А я — сорока с выпавшими перьями.

Тут сразу и чинара осыпала свои листья.

Потом пришла коза. А коза приходила каждый день и ела листья чинары. Спросила коза у чинары:

— Почему каждый день ты осыпала столько листьев, сколько нужно моему животу, а сегодня так много?

Тогда чинара сказала:

— Умерла блошка,
Тля в трауре,
В черном платочке,
У сороки выпали перья,
А я — чинара, осыпавшая листья,

— А я буду козой со сломанными рожками,— сказала она и обломала свои рожки. Потом пошла коза пить воду.

— Почему твои рожки обломаны? — спросила вода.

Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Чинори баргрехта,
Ман бузичеки шохшикан.

— Ман обаки лойобак шавам,— гуфта, об лой шуд. Об арзанба рафта даромад. Сонӣ, арзан пурсид, ки:

— Чува ту лой?

— Э, ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Чинори баргрехта,
Бузичеки шохшикан,
Ман обаки лойобак.

— Ношад, манам арзани кун ба кун шавам,— гуфт, кун ба кун шуд.

Сонӣ, як бобой арзанба об дода гашта буд, ки арзан кун ба кун шудагӣ.

— Чува арзани кун ба кун шудӣ? — гуфт бобой.

— Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Чинори баргрехта,
Бузичеки шохшикан,
Обаки лойобак,
Ман арзани кун ба кун,—

гуфт.

— Ман бовои бел ба кун шавам,— гуфта, бобоям белаш кунашба часпид. Сонӣ бобой пеши занашба рафт, занаш чарх ришта шиштуд. Занаш бобоя дида:

— Чува бела кунатба часпондӣ? — гуфт.

Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Чинори баргрехта,
Бузичеки шохшикан,
Обаки лойобак,
Арзани кун ба кун,
Ман бовои бел ба кун.

— Хайр, манам биеки дугбинӣ шавам,— гуфта, кампир дукаша биннешба халонд.

Сонӣ, чӯрӣ хурмая гифта, гавчӯшӣ омад, ки кампир дуга бинешба мондагӣ.

— Чува шумо бинетонба дуга халондед? — гуфта, пурсид чӯрӣ.

Ответила тогда она:

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка,
Тля в трауре,
В черном платочке,
У сороки выпали перья,
У чинары осыпались листья,
А я — коза с обломанными рожками.

— А я стану мутной водой,— сказала вода и помутнела.

Потекла вода к полю с просом. Тогда просо спросило:

— Почему ты такая мутная?

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка,
Тля в трауре,
В черном платочке,
У сороки выпали перья,
У чинары осыпались листья,
У козы обломались рожки,
А я — мутная вода.

— Тогда я стану просом со сцепившимися стеблями. — И сцепилось просо стеблями.

Пришел затем дед пускать воду в просо и увидел, что просо сцепилось стеблями.

— Почему ты, просо, со сцепившимися стеблями? — спросил дед.

Просо сказало:

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка.
Тля в трауре,
В черном платочке,
У сороки выпали перья,
У чинары осыпались листья,
У козы обломались рожки,
У воды помутились струи,
А я — просо со сцепившимися стеблями.

— А я буду дедом с лопатой у зада,— сказал дед и прилепил лопату к заду. Пошел затем дед к жене, которая пряла. Увидела она деда и спрашивает:

— Почему это ты лопату к заду прилепил?

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка,
Тля в трауре,
В черном платочке.
У сороки выпали перья,
У чинары осыпались листья,
У козы обломались рожки,
У воды помутились струи,
У проса сцепились стебли.
А я дед с лопатой у зада.

— Ту ач чӣ хавар дорӣ?
Кайкак мурдас,
Шавушак азодору мазодор,
Сару сарбандчеш сиё,
Аккеки паррехта,
Чинори баргрехта,
Бузичеки шохшикан,
Обаки лойобак,
Арзани кун ба кун,
Бовои бел ба кун
Ман биеки дугбинӣ.

— Манам чӯреки хурма ба сар шавам,— гуфта, чӯрӣ хурмая сарашба пӯшонд.

[Ҳоло] «чӯреки хурма ба сар» ё «чӯреки чоргӯша» ҳам мегӯян.

— Ладно, а я старуха с веретеном в носу,— сказала старуха и воткнула веретено в нос.

Пришла затем служанка с ковшом, чтобы подоить корову. Видит — старуха воткнула веретено в нос.

— Почему вы воткнули веретено в нос? — спросила служанка.

— А, что ты знаешь?
Умерла блошка,
Тля в трауре,
В черном платочке,
У сороки выпали перья,
У чинары осыпались листья,
У козы обломались рожки,
У воды помутились струи,
У проса сцепились стебли,
У деда лопата у зада,
А у меня веретено в носу.

— А я стану служанкой с ковшом на голове,— сказала служанка и надела ковш на голову.

И сейчас говорят: «Служанка с ковшом на голове» или «Служанка с четырьмя ушами».

[ҲЕЗУМКАШ ВА МУШ]

Як ҳезумчӣ будас, ҳар рӯз ад дашт ҳезум чинда оварда, шаҳарба мефурӯхтасу зану бачаҳошба мехӯрондас.

Як рӯз ҳезумаша фурӯхта омада истода буд, ки як муш таги дари хонешба буромада шиштас.

Ҳезумчӣ мушба ошуқ шуду пули ҳезумашба нахӯди бирон, мавиз, ҳар чиз хариду пеши дари мушба рехта:

Муши мушони ман,
Лоларухони ман.
Оҳак таҳак овардам,
Ҳарчи хӯрак овардам,

— гуфт, ки муш буромада, нахӯду мавиза хӯрд.

Ҳар рӯз ҳамин хел карда, муш кати гапзанон карда мешишт. Занаш дид, ки шӯш ҳеҷ чиз намебиёрад.

Як рӯз ҳезумчӣ хонешба бе чиз рафт. Занаш:

— Чӣ овардед? — гуфта пурсид.

Худаша нодониба зада, «ҳу» гуфта сираша нагуфт. Пага занаш пойда омада дид, ки шӯш таги дари мушба шишта мавизу нахӯда рехта:

Муши мушони ман,
Лоларухони ман.
Оҳак таҳак овардам,
Ҳарчи хӯрак овардам,

— гуфта истоду муш буромад, ҳардуяшон чақ-чақ карда шиштан. Занаш ина диду вақти шӯш ҳезумба рафтанба якта кафкира таспонда оварду:

Муши мушони ман,
Лоларухони ман.
Оҳак таҳак овардам,
Ҳарчи хӯрак овардам,

— гуфта буд, ки муш чӣ гуфта буромад. Зани ҳезумчӣ сари мушба кафкири тасфона зер кард. Муш даромада рафт.

Бегонӣ ҳезумчӣ таги дари мушба омаду:

Муши мушони ман,
Лоларухони ман.
Оҳак таҳак овардам,
Ҳарчи хӯрак овардам,

— гуфта, муша чеҳ зад.

[ДРОВОСЕК И МЫШЬ]

Был дровосек. Каждый день собирал он в степи дрова, продавал их в городе и кормил жену и детей.

Однажды, продав дрова, возвращался он домой и увидел, что у дверей его дома сидит мышка.

Влюбился дровосек в мышку. Накупил он на деньги, вырученные за дрова, жареного гороха, изюма и все это высыпал у дверей мышки:

— Мышка моя, мышечка,
Моя тюльпаноликая,
Разные разности я тебе принес,
Всякую еду я тебе принес,— сказал,

а мышка вышла и съела горох и изюм.

Так делал он каждый день и сидел, разговаривая с мышкой. Видит жена, что муж ничего не приносит домой.

Как-то пришел дровосек домой безо всего. Жена его спросила:

— Что вы принесли?

Притворился он, что ничего не знает, и сказал: «ага», так и не открыв своей тайны. Назавтра жена пошла за ним следом и увидела, что муж, сев у дверей мышки, высыпал горох и изюм:

— Мышка моя, мышечка,
Моя тюльпаноликая,
Разные разности я тебе принес,
Всякую еду я тебе принес,— сказал,

а мышка вышла, и они долго сидели, болтая друг с другом.

Увидела это жена, а когда муж ушел по дрова, взяла раскаленную шумовку:

— Мышка моя, мышечка,
Моя тюльпаноликая,
Разные разности я тебе принесла,
Всякую еду я тебе принесла,— сказала,

а мышь пискнула и вышла. А жена дровосека прижгла ей голову раскаленной шумовкой. Мышка убежала.

А вечером пришел дровосек. Подошел он к мышкиной двери:

— Мышка моя, мышечка,
Моя тюльпаноликая,
Разные разности я тебе принес,
Всякую еду я тебе принес,— сказал

и позвал мышь.

А мышка из своего домика:

Муш аз даруни хонеш истода:

Омад зани ғарад,
Зани мочахарад.
Сар биж-бижаку
Кун биж-бижак,

— гуфт.

Ҳезумчӣ хонешба рафта занаш катӣ ҷанг кард.

— Пришла твоя жена-распутница,
Твоя жена — ослица вонючая,
Прижгла мне голову,
Прижгла мне задницу,— сказала.

Пошел дровосек домой и устроил жене скандал.

[ПӮСТИ ГУРГ]

Да замони қадим як гусола касал мешава. Бади касал шидан, вая хуҷаинаш бароварда мепартоя. Бо дуюм хуҷаин як бузи нағз дошт, инам аз даргоҳуш пеш мекуна. Буз уйла када истода буд, ки ап поён як гусолаи касал мебиёя. Аҳ ҳамдигар ҳолпурсӣ кадан. Ҳардуш ах хуҷаиношон норозӣ будан. Буз гусолая гуфт:

— Биё, ҷура, якто будем, дуто шидем, ба як тараф чаро кунем.

Ҳардуш рафта истода будан, ки як гусфанди нимколакур ҳар замон тумшуғи худаша ба замин зада гирифтестай. Рафта аз ин гусола ва буз ҳолпурсӣ кадан. Гусфанд ҷавоб дод, ки:

— Ман ба хуҷаин дар вақти ёшим то панҷ кило пашм медодам, бади пир шидум, мана буроварда пеш кад, акун гиҷо рафтанума надониста, да уйла шиштам.

— Хай, биё ҷура, якта будем, дута шидем, дута будем, сета шидем, чаро када гардем, як гапуш мешава-дия!

Се ҷураҳо рафта истода будан, ки да роҳ як хурузи парош рехтагӣ вохурд. А ин хуруз ҳолпурсӣ кадан, хуруз ин хел ҷавоб дод:

— Соҳиби ман да вахти савдогариш сухдам чуғ мезадам, вай бедор шида, ба савдогарӣ мерафт. Ма у вахт нағз будум, акун пир шидум, товушум хира шид, хуҷаин мана пеш кад.

Буз мега:

— Биё, сета будем, чорта шидем, акун чор ҷура ба як ҷо рафта, чаро кунем.

Чор ҷураҳо рафтан гирифтан. Буз ба ҷураҳош гуфт:

— Эсте, ҷураҳо, ягонта эҳтиётан корд ёбем.

Як корд ёфта, ғилоф када, ба миёни гусола бастан. Як чанд моҳ чаро када гашта будан, ки да як чуқурӣ як гурги калон мурда хорафтай. Ино чорашон аз вай гург тарсидан. Ба ино дилбардорӣ када буз гуфт:

— Эсте, ҷураҳо, чақонӣ када эсте, ман рафта мебинум, агар ҷумма, ман мегирезум, шумоҳо ҳам гурезе. Бо моя алонда худуша дуруға мурдагӣ накада боша?

Буз акун пештара гашти худаша ба руи санго ба ёдуш оварда, чор пои худуш катӣ рафта, ба болои гург зада гузашт, гург наҷумбид. Бад ҷураҳоша хабар кад:

— Ой, биёе, мурдагӣ будай!

Бад ҳамашон ғун шида, дар сари гурги мурдагӣ корда гирифта, даррав пуст када, ба болои гусола партофта, ба раи худ рафтан гирифтан. Як чанд вахт гаштану буза хумори наша гирифту аз як теппа ниго кад, ки аз як ҷо

[ШКУРА ВОЛКА]

В давние времена заболел теленок. Он заболел после того, как хозяин выгнал его. А у другого хозяина была хорошая коза, он ее тоже согнал со двора. Стояла коза в раздумье и увидела она, что идет навстречу больной теленок. Расспросили они друг друга о жизни. Оба были обижены на своих хозяев. И сказала коза теленку:

— Были мы с тобой, друг, одиноки, стало нас двое, пойдем будем вместе пастись.

Пошли они по дороге и увидели — стоит кривой баран и тыкается мордой в землю. Подошли к нему теленок и коза и расспросили его о жизни. Ответил баран:

— В молодости я давал своему хозяину до пяти килограммов шерсти, а теперь, когда я состарился, он выгнал меня. И вот теперь я в раздумье, куда мне идти.

— Ладно, друг, были мы одиноки, стало нас двое; было нас двое, стало трое. Пошли вместе пастись, как-нибудь проживем.

Пошли трое друзей по дороге и встретили ощипанного петуха. Расспросили они петуха о жизни. Петух ответил так:

— Когда-то будил я моего хозяина-купца на рассвете, он вставал и шел по своим торговым делам. Тогда я был хорош. А сейчас я состарился, голос у меня осел, и хозяин выгнал меня.

Коза сказала:

— Ладно, было нас трое, стало четверо. Пойдем теперь вчетвером куда-нибудь пастись.

Пошли друзья вчетвером. И сказала коза своим друзьям:

— Постойте, друзья, поищем на всякий случай нож.

Нашли они нож, засунули его в ножны и повесили на поясницу теленку. Несколько месяцев паслись они вместе и вот однажды увидели в какой-то ложбинке большого мертвого волка. Испугались они все четверо. Но коза, подбадривая их, сказала:

— Подождите, друзья, постойте-ка настороже, а я пойду взгляну на него. Если он пошевелится — я убегу, и вы тоже бегите. А то как бы он нас не обманул, притворившись мертвым!

Вспомнила коза, как некогда прыгала она по камням, вскочила на волка всеми четырьмя ногами — он не пошевелился. Тогда сообщила она друзьям:

— Ну, пошли, он мертв.

Собрались они все около мертвого волка, взяли нож, сняли с волка шкуру и, набросив

дуди маҳин мебуроя. Бад ба ҷураҳош гуфт, ки:

— Гарде, рафта як наша кунем, бо омада чаро мекунем.

Ба вай дуд расидан, ки тавуши курмакбофӣ буромадестай: шиқ-шиқ, шиқ-шиқ, ки дар ин ҷо чор гург: якташ калова кадестай, якташ бофестай, якташ хорафтай. Як дам:

— Асалому алекум,— гуфта даромадан. Пусти гурга да берун партофта даромадан. Гурги хов алег гирифта, ба дигарош фармоид, ки:

— Хезе, зиёрат куне, мемон омад.

Ҳамми ино даррав буромада, мемоноя пешвоз гирифта, ба пешки хона гузарондан. Гурги калон фармоид, ки:

— Рафта аз хона нон биёр!

Якташа нонда фурсонд, вай рафт.

Таклиф кардан, ки мемоно як ашула хонан. Гурги калон гуфт, ки:

— Хондан аввал ас соҳиби хона-дия!

Гурги калон лагана гирифта, ба ашула сар мекунад:

— Ой, ба таги дулона, ой, аз ҷари навдона,
Ҳамин гусфанди думбакалонуш ини мо...

Дуюм гург сар кад:

— Ой, ба таги дарвоза, ой, ба болои болохона,
Ҳамин гусолаи қоқ ини мо...

Сеюм гург хонд:

— Ой, ба таги дуконхона, ой ба таги айвонхона,
Ҳамин бузи шохдораш ини мо...

Акнун лагана ба мемоно дароз кадан. Акун буз ашулая сар кад:

— Ой, сад санга ба санг зада омадему,
Як дараи нагали тагим намоно [?]
Ба бойҳои пустгир сад дона пусти гург шарт када будум,
Наввадунуҳташ ба даст даромада буд,
Мана ай ин дуконхона боз чорта ёфтум.
Ой бо ҳамин даговори кардагим пур мешава.

Ба ҳамин ашулаи буз тамом шид. Бади ашула тамом шидан, гурги калон фармон дод:

— Хез, канӣ бин, вай гичо рафт?!

Дар вақти буромадануш ин гург мебина, ки ба даҳани дар як пусти гург даҳ танов замина гирифта хорафтай. Дуюмуш наомад. Сеюм ҳам ин воқиая дида, гурехта рафт. Охир, худи гург аз наомадани ваё шикоят када, оташин шуда, буромад ва инам пуста дида, чашее на теленка, пошли своей дорогой. Так шли они некоторое время. Захотелось вдруг козе покурить анашу. Посмотрела она с какого-то холма и увидела, что вдали поднимается к небу тонкий дымок. Сказала она своим друзьям:

— Давайте пойдем покурим анашу. А потом вернемся и снова будем пастись.

Подошли они к тому домику, из которого поднимался дым, и услышали шум ткацкого станка. Слышалось оттуда: «шик-шик-шик». Увидели там четыре волка. Один сматывал моток, второй ткал, третий лежал. Вошли они в дом и сказали:

— Ассалому алейкум.

А волчью шкуру они оставили перед домом. Тот волк, который лежал, ответил на приветствие и приказал остальным:

— Вставайте, принимайте, гости пришли.

Все быстро поднялись, приветствовали гостей и усадили их на почетные места. Старший волк приказал:

— Иди и принеси из дома хлеба!

И услал одного из волков за хлебом.

Волки попросили гостей спеть, но старший волк сказал:

— Пусть сначала поют хозяева.

Взял старший волк поднос и начал петь песню:

— Ой, да над боярышником, ой, да из-под молодого деревца
Этот баран с большим курдюком наш...

Второй волк начал:

— Ой, из-под ворот, ой на болохоне,
Этот тощий теленок наш...

Пропел третий волк:

— Ой, в мастерской, ой, да на айване,
Эта коза с рогами наша...

А потом передали они поднос гостям. И коза запела:

— Ой, по ста камням, да по ста камням
Я пришла сюда,
Не осталось ни одного ущелья [?],
Баям, собирающим шкуры волков, я обещала
Сто волчьих шкур!
Девяносто девять уже попались в мои руки.
А здесь, в этой мастерской, я нашла еще четыре.
Ой, да с этими я выполню договор.

На этом песня козы кончилась. Когда песня кончилась, старший волк приказал:

— А ну-ка, сходи посмотри, куда ушел тот волк?

мош торикӣ зад, дар назаруш боз калонтарҳаждаҳ, танов намоид, инам гашта наомад.

Бад буз аз ҷураҳош ҳолпурсӣ кад:

— Аҳвол читу, чӣ хел када мегирезем?

Гусфанд гуфт:

— Да вақти пеш як гирезам, ҳеҷ кас дошта наметонист.

Гусола гуфт:

— Вақти қаталоқ мана аспакӣ дошта наметонист.

Хуруз гуфт:

— Ман ба ҳаво парида мерум.

Ҳар чорашон буромада гурехтан. Дар ҳамон вақт ҳаво камтар барфи тунук борида буд. Да наздики шаҳр расидан, бисьёр ҳалок шидан, ба таги як калтут омада, дам гирифтанӣ шидан, буз фармон дод:

— Бурое ба болои тут, боз ваё омада, моҳоя надоран!

Хуруз парида, ба тепаи тут баромад, бузам як кор када буромад, гусфандам буромад, гусолая як кор када ба душохагии тут буровардан.

Акун аз гурго ҳикоя мекунем.

Гурго аз чуқуриҳо буромада, туп шуда рафтан, неки ба даромадан тарсидан. Бад якташ тарсида-тарсида, рафта аз тешуки чуқурӣ дид, ки ҳеҷ кас нест.

Гурги калон гуфт, ки:

— Ваё моя фан кадиян.

Чор гург баровар изи иноя гирифта медаван ва да таги калтут гум мекунан. Да ҳамин вақт гусола тарсида, ба ҷуммиш дуромад. Ба калтут наздик омадан, ки аз тарса гусола чиқа, ки товуш дошта боша «ва» гуфт. Баровари дод задани гусола, буз аз боло дод зад, ки:

— Калониша дор, калониша дор!

Хуруз қиғоз задан гирифт.

Бо ҳамин гурго хаёл кадан, ки: «Ино моя пойда истода будиян» — гуфта, ба якдигарашон дакка хурда, гурехта рафтан. Бади гурехтани гурго мурғ, буз, гуспанд фуромада дидан, ки пои гусола шикастай. Дарав ба пояш тахтача баста, ба қишлоқ даромадан. Ба муроду мақсадашон расидан.

Когда второй волк вышел, то увидел, что у порога лежит огромная волчья шкура, прикрывая собой десять танабов земли. И второй волк не вернулся. И третий волк, увидя такое, сбежал. Наконец, сам вожак, рассердившись на то, что волки не возвращаются, вышел из дома и тоже увидел ту шкуру. В глазах у него потемнело, и показалось ему эта шкура еще больше на восемнадцать танабов. И он вернулся в дом.

А потом коза стала расспрашивать друзей:

— Ну, как нам теперь поступить, как мы отсюда убежим?

Баран говорит:

— В прежние времена я так бегал, что меня никто догнать не мог.

Теленок сказал:

— Когда я бегал галопом, меня и на коне не догнать.

Петух сказал:

— А я улечу.

Так они убежали все четверо. А в это время шел небольшой снежок. Когда они достигли города, то уже очень устали и, добравшись до обстриженного тутовника, собрались под ним отдохнуть. А коза приказала:

— Давайте заберемся на тут, чтобы они не могли нас схватить, если придут сюда.

Петух взлетел на верхушку тутовника, а коза кое-как вскарабкалась, и баран взобрался, а теленка они подтянули и усадили на развилку тутовника.

А теперь расскажем о волках.

Вылезли волки из низинки, подошли к домику, а войти внутрь боятся. Тогда один волк осторожно со страхом подошел и через узкую щель увидел, что в доме никого нет.

Старший волк сказал:

— Они нас обманули.

И вот четыре волка помчались по их следам. Под обстриженным тутовником следы потерялись. В это время теленок со страху стал дрожать. Подошли волки к тутовнику, а теленок с перепугу заорал во весь голос: «ва-а». Услышав крик теленка, коза закричала сверху:

— Хватай самого большого, хватай самого большого!

А петух стал кукарекать.

Волки подумали: «Видно, они нас здесь подстерегали», — и, расталкивая друг друга, бросились бежать.

После того, как волки убежали, петух, коза и баран спустились с тутовника и увидели, что теленок сломал себе ногу. Они тотчас привязали к его ляжке дощечку и пошли в кишлак. Так достигли они исполнения своих желаний.

[КАДУЧА]

Будас, набудас, як пошо будас. Вай пошоя як писараш як рӯз авкунӣ мерӯд. Ап пешаш як шағол мибурод. Шағола ишкамаш гушна буд.

— Туя ман мехӯрам! — гуфт.

Шағолба ин бача мегӯд, ки:

— Мана нахӯр, ман ав када биём, қати мехӯрем.

Сонӣ шағол мегӯд, ки:

— Ав када биё, ман ниго када мишинам, қати мехӯрем.

Устар мерӯд, ки ап пешаш яг гург мибурод. Гург мегӯд, ки:

— Исто, ман туя мехӯрам!

Бача бо мегӯд, ки:

— Исто, ман ав када биём, дуямо мехӯрем, ишкамат сер мишуд.

Гург розӣ шуда, бачаба ниго када истод. Ҳамаи ҳайвоно мибурон шеру палангу бабр мебурод, бача аллонда, рафтан мигирад. Мерӯду пошобача, як боғба медарод. Даруни вай боғба мошу кадую чизои ошба меандохтагӣ кордагӣ буд. Бача якта кадуя мигираду тешук када, даназа тоза микунаду худаш даромда мишинад. Даруни кадуба шишта ғелда-ғелда мерӯд, ки раба навангӣ ҳайвоноя мибинад, ки инба ниго када шиштен.

Бабр мибинад, ки ҳиҷ пошобача намибиёд. «Як ак кадуча пурсам, канӣ пошобачая медонам-мӣ?» — гуфта ак кадуча пурсид:

— Каду, каду, бачая надидӣ, каду?

— Дарди каду, балои каду,
Бачая кай дидас каду!

— гуфт ад даруни каду пошобача. Каду гузашта ғелда-ғелда рафтан гифт. Рафт, ки ҳолиям паланг ниго када шиштас:

— Каду, каду, бачая надидӣ каду?

Каду мегӯд, ки:

— Дарди каду, балои каду,
Баччая кай дидас каду!

— гуфта ап пеши паланг гузашта, шера мибинаду шер мегӯд:

— Каду, каду, бачая надидӣ каду?

Каду мегӯд:

Дарди каду, балои каду,
Баччая кай дидас каду!

Рафт, рафт, ки шағолам ниго карда шиштас. Шағол кадучая дида, пурсид, ки:

— Каду, каду, бачая надидӣ каду?

Каду:

[ТЫКВА]

Было не было, а был один падишах. Однажды сын этого падишаха пошел на охоту. Вышел ему навстречу шакал. А шакал этот был голодный.

— Я тебя съем,— сказал он.

А этот парень и говорит шакалу:

— Не ешь меня, вот вернусь я с охоты, и поедим вместе.

Тогда шакал говорит:

— Поохотишься и приходи, я тебя подожду, и поедим вместе.

Пошел он дальше, а навстречу волк. Волк и говорит:

— Постой, я тебя съем!

А парень опять говорит:

— Постой, вот вернусь я с охоты, мы с тобой вместе поедим, будешь сыт.

Волк согласился и остался ждать парня. Так повстречался он со всеми зверями: и со львом, и с тигром, и с леопардом — и, всех обманув, пошел дальше. Шел сын падишаха и зашел в какой-то сад. А в саду были посажены и маш, и тыква, и другие овощи, которые кладут в пищу. Выбрал парень тыкву, вырубил в ней отверстие, вычистил внутри и залез в нее. Уселся он в тыкву и покатился по дороге. И встретил он на дороге тех самых зверей, которые сидели и ждали его.

Сначала встретил он леопарда. А леопард, видя, что сын падишаха что-то долго не возвращается, подумал: «спрошу-ка я у тыквы, не видела ли она сына падишаха?»

— Тыква, тыква, не видела ли ты парня, тыква?

— Несчастья у тыквы, беды у тыквы,
Где могла видеть парня тыква? — ответил из тыквы сын падишаха.

Миновала тыква леопарда и покатилась дальше.

Катится, а там сидит и ждет парня тигр.

— Тыква, а тыква, не видела ли ты парня, тыква? — спросил тигр.

— Несчастья у тыквы, беды у тыквы,
Где могла видеть парня тыква? — ответила тыква.

Миновал он тигра и увидел льва. И лев тоже сказал:

— Тыква, тыква, не видела ли ты парня, тыква?

— Несчастья у тыквы, беды у тыквы,
Где могла видеть парня тыква?

Катилась она, катилась и докатилась до

— Дарди каду, балои каду,
Баччая кай дидас каду!

— мегӯд.

Бача: «Ҳарчӣ халос хӯрдам»,— гуфта таги дарашонба ғелда-ғелда мибиёд.

Ин бачая як хоҳари ӯгаяш буд, модарашам ӯгай буд. Ҳамун хоҳараша тӯй кайсудан. Сонӣ очеш мегӯд, ки:

— Ана, ана, каду омад, кадуя бичак микунем,— гуфта давида медароду корди оша гифта мибурод. Корди ош катӣ якта кадуя мезанад, ки бача будагеша намедонаду бача мимурад.

шакала, который сидел и тоже ждал. Увидел тыкву шакал и спросил:

— Тыква, тыква, не видела ли ты парня, тыква?

Тыква:

— Несчастья у тыквы, беды у тыквы,—
Где могла видеть парня тыква?

И сказал парень из тыквы, вкатываясь в свои ворота: «Ну вот и спасся!»

А была у парня сводная сестра и была у него мачеха. И этой его сестре справляли свадьбу. И говорит мачеха:

— А вот тыква прикатилась, приготовим-ка мы из этой тыквы бурчак,— побежала она в дом, схватила секач и полоснула тыкву секачом. Ударила она по тыкве секачом, не зная, что там парень. Парень умер.

[ГУРГ ВА ХАР]

Мо бачча будагӣ вақтба моя алла карданба якта сук мегуфтан. Инҷоба Қурбон Алимех гуфтагӣ кас будас. Вай як дона хар доштаас. Хара барои чарроniданӣ ҳаш келометир дуртар аз қишлоқ ба тарафи боло Фашшод гуфтагӣ коризба бурдас. Ӯнҷаба, барои обшор буданаш, атрофашба аҷирик бисьёр мешавад. Хара ҳамун аҷириқзорба бурда партофтас. Мазкур хар хароб будас. Як рӯз будас, ки якта гург омадас. Гург хара гуфтас, ки:

— Ман туя мехӯрам.

Хар гуфтас, ки:

— Мана ту ҳозир нахур, мана сета ҳунарам ҳаст. Ҳунарҳои мана бин, агар хоҳӣ, доимӣ ман катӣ зиндагонӣ карда мегардӣ. Агар нахоҳӣ, сонӣ мехӯрӣ.

Гург гуфтас:

— Хуб, чӣ ҳунар дорӣ?

Хар гуфтас:

— Биринчи юриш дорам, эккинчӣ юрға дорам, учунчива резачорпо дорам.

Баъд гург гуфтас, ки:

— Хай, биё юрушата бинем канӣ!

Хара болошба сор шудас гург. Юриш карда, тахмин ду келаметр рафтас. Сонӣ гург гуфтас, ки:

— Дуйӯмаш юрғата кун!

Юрғая карда, се чақрим раҳ рафтас. Сонӣ гург гуфтас, ки:

— Акнун сейӯмата бинем канӣ!

Сейӯмаш омда истодагӣ вахтба қишлоқба даромадас. Қишлоқба Корӣ Йӯлдош гуфтагӣ одама ҳавлеш будас. Ҳамун ҳавлиба тӯй будас. Ҳамун тӯйхонаба бисьёр касҳо тӯда шуда, базму тамошо, дойразанӣ карда истодагӣ вахтба хар гурга гирифта, тӯйхонаба даромадас. Ҳамин даромадан баробар, бачаҳо дод гуфтан, ки:

— Гурга бин, гурга бин!

Гург аз хар партофта гурехтас. Сагҳо қатӣ пеш кардем. Саго расида, гург қатӣ афту дарафт карда, гурга ярадор кардас. Гург аз инҳо халос шуда, рафта болои кӯҳба баромада, нола мекардас, ки: «дадем чапандоз буд-мӣ, хара гапашба ахмақ шуда даромада, ҳамин қата абгор шудам?!» — гуфта ба худаш нола мекардас.

Хар ҳамин хел карда, ад душман худаша халос карда, то охири вахташа хӯҷаиношба хизмат кард. Гургам афсӯс карда, ба зиндагонеш рафт.

[ВОЛК И ОСЕЛ]

Когда мы были детьми, нам на ночь рассказывали одну сказку. Был здесь один человек по имени Курбан Алимех. У него был осел. Он водил его пастись за восемь километров от кишлака вверх, в место Фашшод, на пастбище. Это было благодатное место с густой травой. Там, на этой густой траве, он оставлял своего осла. Тот осел был очень тощий. Однажды пришел волк и сказал ему:

— Я тебя съем.

Осел ответил:

— Ты пока не ешь меня, я владею тремя видами мастерства. Испытай их, а потом, если захочешь, будешь всегда жить вместе со мной. Если не захочешь, тогда съешь меня.

Волк сказал:

— Ну хорошо, каким мастерством ты владеешь?

Осел ответил:

— Я знаю, во-первых, иноходь, во-вторых, рысцу, в-третьих, галоп.

Тогда волк сказал:

— А ну-ка, покажи иноходь!

Волк сел на осла, и он прошел иноходью около двух километров. Тогда волк сказал:

— Ну, теперь покажи рысцу!

Рысцой они пробежали три чакрима.

Тогда волк сказал:

— Посмотрим-ка на третье мастерство!

Галопом осел привез волка в кишлак. В этом кишлаке был двор человека по имени Кори Юлдаш. В этом дворе была свадьба. Собралось много народу, все пировали, пели, танцевали. В это время осел внес волка в дом, и дети закричали:

— Смотрите, волк! Смотрите, волк!

Волк спрыгнул с осла и убежал. Собаки бросились за ним. Они догнали волка, напали на него и сильно покусали. Волк с трудом освободился от них. Он взобрался на высокую гору и стал стонать:

— Разве мой отец был искусным наездником, что я, такой глупец, поверил словам осла. И вот теперь я весь избитый?! — и волк снова застонал.

А осел, избавившись таким образом от своего врага, до конца жизни служил своему хозяину. А волк раскаялся и зажил по-прежнему.

[ГУРБА]

Будас, набудас, як кампира сета бачеш будас. Вая якта гаваш будас. Вай яг рӯз гаваша ҷӯшида, шира ҷӯшонда таги саватба монда, бозорба мерӯд, шунав, худи онетдак. Гашта биёд, таги савадба шир нест.

Сонӣ вай аб бачаҳош мипурсад. Бачаҳош:

— Моҳон намедонем,— мегӯн.

Сонӣ майда бачеш мегӯд, ки:

— Якта пишаки алопар хӯрда рафт.

Сонӣ дуйӯм рӯзба гава ҷӯшида, шираша ҷӯшонда, бо таги савадба монда, тӯйба мерӯд.

Мибиёд, мибинад, бо шир нест. Сонишбад бо шира ҷӯшида, ҷӯшонда, таги савадба мемонаду дани оғулба мишинад поида дасташба тавар гифта. Сонӣ якта пишак омада хӯрсагешба якта тавар катӣ думашба мезанад. Сонишбад пишак:

— Думама те! — мегӯд.

Кампир:

— Ширама те! — мегӯд.

Сонӣ пишак пеши гав мерӯду гавба:

— Шир те,— мегӯд,— шира кампирба тиям, кампир мана думама тияд.

Сонӣ мегӯд, ки:

— Манба ду банд алаф оварда те, ман хӯрам,— мегӯд,— сонӣ тува шир метиям.

Сонӣ пишак пеши боғбон мерӯд. Сонӣ боғбонба мегӯд:

— Ту да ман алаф те, алафа гавба тиям, гав да ман шир тияд, шира кампирба тиям, кампир да ман думама тияд!

Сонӣ боғбон мегӯд:

— Аввал да ман об биёр як сатил, сонӣ ман да ту алаф митиям!

Сонӣ пеши машкоб мерӯд, машкобба мегӯд, ки:

— Ту да ман об те, ман оба боғбонба тиям, боғбон да ман алаф тияд, алафа гавба тиям, гав да ман шир тияд, шира кампирба тиям, кампир да ман думама тияд.

Сонӣ вай мегӯд:

— Аввал дута тухум биёр, ман тухума хӯрам, сонӣ ман да ту об митиям.

Гурба пеши мурғ мерӯд, сонӣ мурғба мегӯд, ки:

— Дута тухум те, ман машкобба тиям, вай да ман об тияд, оба боғбонба тиям, боғбон да ман алаф тияд, ман алафа гавба тиям, гав да ман шир тияд, ман шира кампирба тиям, кампир да ман думама тияд.

Вай мегӯд, ки:

— Аввал як қалпоқ дон биёр, ки ман дона хӯрам, сонӣ да ту тухум митиям.

Сонӣ вай айни колхозчиҳо дузида-дузида, як қалпоқ дон када, мурғба митияд, мурғ

[КОШКА]

Было не было, а было у старухи трое детей. И была у нее корова. Как-то подоила она корову, вскипятила молоко, поставила его под корзину и пошла на базар, как твоя мать. Возвращается она с базара, а под корзиной нет молока.

Спрашивает она у детей своих, а те:

— Мы ничего не знаем,— говорят.

А потом младший сын говорит ей:

— Молоко выпила пестрая кошка и ушла.

На второй день подоила старуха корову, вскипятила молоко, снова поставила его под корзину и ушла на туй.

Вернулась она с туя и видит — опять нет молока. Снова подоила она корову, вкипятила молоко, поставила его под корзину, а сама притаилась в хлеву, взяв в руки топор. Пришла кошка и стала пить молоко, а старуха топором отрубила ей хвост.

Потом кошка говорит:

— Отдай мой хвост.

А старуха говорит:

— Отдай мое молоко.

Пошла тогда кошка к корове и говорит:

— Дай мне молока, я отнесу молоко старухе, а старуха отдаст мне мой хвост.

А корова говорит:

— Принеси мне две охапки травы, я их съем, а потом дам тебе молока.

Пошла кошка к садовнику и говорит ему:

— Дай мне травы, я дам траву корове, корова даст мне молока, я дам молоко старухе, а она отдаст мне мой хвост.

Садовник отвечает:

— Принеси мне сначала ведро воды, а потом я дам тебе травы.

Пошла кошка к водоносу и говорит ему:

— Дай мне воды, я дам воду садовнику, садовник даст мне травы, я дам траву корове, она даст мне молока, я дам молоко старухе, а она отдаст мне мой хвост.

Водонос говорит:

— Принеси мне сначала два яйца, я съем яйца, а потом дам тебе воды.

Пошла кошка к курице и говорит ей:

— Дай мне два яйца, я дам их водоносу, он даст мне воды, я дам воду садовнику, он даст мне травы, я дам траву корове, она даст мне молока, я дам молоко старухе, она отдаст мне мой хвост.

Говорит курица:

— Принеси мне сначала тюбетейку зерна, я склюю зерно, а потом дам тебе яйца.

Тогда кошка наворовала у колхозников

вайба тухум митияд, тухума машкобба митияд, машкоб об митияд, оба боғбонба митияд, боғбон инба алаф митияд, ду банд алафа гавба митияд, гав инба шир митияд, шира кампирба митияд, кампир инба думаша метияд. Сонӣ думаша гифта пеши мӯзадӯз мерӯд. Мӯзадӯз мегӯд, ки:

— Ту мӯзадӯз бошӣ, думама дӯз!

Вай сонӣ думаша медӯзад, кунашам медӯзад. Сонӣ пишак шодӣ када, боли дарахба буромда, гелоса хӯрда, ишкамаша дам мукунонад. Сонӣ ах мукунам гӯд, ах када наметонад. Сонӣ пеши мӯзадӯз мерӯду мегӯд, ки:

— Кунама чува дӯхтӣ? — мегӯд.

Вай сонӣ кунаша микишом гуфтанба, ах мукунад, рӯи мӯзадӯзба.

Сонӣ мӯзадӯз ҳавузба дасту рӯша шушта, як пеши домуллои намозхонсагива мерӯд. Сонӣ домулло мегӯд, ки:

— Инҷа чува бӯ гифтагӣ?

Сонӣ мӯзадӯза буровада ҳай мукунан. Сонӣ тамом.

тюбетейку зерна и отнесла зерно курице, курица дала ей яйца, она отнесла яйца водоносу, водонос дал ей воду, она отнесла воду садовнику, садовник дал ей травы, она отдала траву корове, корова дала ей молока, она отдала молоко старухе, и старуха отдала ей хвост. Взяла она хвост и пошла к сапожнику. И сказала она сапожнику:

— Если ты сапожник, то пришей мне хост.

Сапожник пришил ей хвост и зад тоже зашил. Обрадовалась кошка, взобралась на дерево и наелась до отвала черешен, и заболел у нее живот. А потом захотела она опростаться, да не смогла. Пошла она к сапожнику и говорит:

— Зачем ты зашил мой зад?

Только хотел он открыть ей зад, как она опросталась прямо в лицо сапожнику.

Тогда сапожник умылся в хаузе и пошел к домулло, который читал намаз. Домулло говорит:

— Почему так воняет?

А потом он прогнал и сапожника. А потом конец.

[МОДАШЕР ВА ШИКОРЧӢ]

Дар шаҳри Яман будагӣ подшоҳ ба вазираш мегӯд, ки:

— Ту вазири донои ман бошӣ, дар ҳамин шаҳр гузаштагӣ воқиаи модашерро гуфта деҳ!

— Хуб, подшоҳи олам, гӯш кунед: «Дар шаҳри Яман бешазори калоне буд, ки беғарзи модашер ҳеҷ ягонта дигар ҷонивор ё ки дарранда зиндагӣ намекард, чунки вай модашер ҳамчунон бадҷаҳл буд, ки аз ҳар чашми вай хун мерехт. Як нигоҳ кунад, аз чашмаш ӯқи тир мебаромад.

Ҳеҷ ягон дарранда ба назди вай чида карда наметавонист. Даррандаҳо-ҳайвонҳо аз дасти вай модашер ҳама вақт фарьёд мекарданд: «Дод аз дасти модашер!» — гуфта. Қати модашер як қароқулоқ гуфтагӣ ҷонивор буд, вай лаганбардори модашер буд. Вай қароқулоқ аз модашер чунон дар ғазаб буд, ки ҳеҷ тоқати қатӣ модашер гаштанаш намонд.

Қароқулоқ як рӯз ҷавоб пурсид, ки:

— Мана ҷавоб деҳ, ҳамин рӯз ман як дам саёҳат карда биём.

Модашер гуфт, ки:

— Ман хоб меравам, то аз хоб хестанам ту ба ҳаминҷа ҳозир шав, агар ҳозир нашавӣ, аз танаат каллаатро ҷудо мекунам!

Ҳамин, ки модашер хоб рафт, қароқулоқ саёҳатба баромада, рафтан гирифт. Тахмин дусе соат гаштуд, ки як муш як дарахти мевадора решеша хӯрсас. Дарахт ба муш мегӯяд, ки:

— Мана решема нахӯр, мана мевема ҷонивоpo мехӯран, ҳайвонҳо мехӯран, паррандаҳо мехӯран, соемба хоб мерӯн, мана решема хушк накун, туям аз дуньё хушк шав, аз ман батар шав! — гуфт дарахт.

Дар ҳамин вақт як мор омаду муша дошту хӯрд. Қароқулоқ нигоҳ карда истод, ки мор муша хӯрда, ба сояи дарахт кулча зада, хоб рафт. Як хорпуштак омаду мора дошту аз думаш хӯрдан гирифт. Мор худаша ба бадани хорпуштак зада, ҳамчунин яродор шуда, хунашба оқӣ каду ҳамин азоб қати хорпуштак [онро] хӯрду ба ҳамун сояи дарахт хоб кард. Як рӯбоҳ омаду ҳеҷ илоҷи хӯрдан наёфту ба болои хорпуштак мезак кард. Хорпуштак бошад: «Борон борид» — гуфта тумшуқаша буроварда мерӯм гуфта, қадам монд. Рӯбоҳ бошад, хорпуштакро аз тумшуқаш дошту хӯрд. Рӯбоҳ бошад, аста-аста ба кӯҳ баромада рафсуд, ки як бабри гурусна омад, ки ба сояи кӯҳ як рӯбоҳ хоб кардагӣ, дошту хӯрд. Ин воқиаро қароқулоқ дида истодас. Ба болои ҳамин кор як шикорчӣ омаду баброо зада гирифт. Аз гӯшташ пӯсташро ҷудо карда гирифту ба елкаш пар-

[ЛЬВИЦА И ОХОТНИК]

Падишах страны Йемен сказал своему визирю:

— Если ты действительно являешься нашим мудрым визирем, то расскажи о том, что произошло в нашей стране со львицей.

— Хорошо, о падишах мира, слушайте: В стране Йемен был огромный лес, и кроме львицы, не жили там никакие живые существа или дикие звери, потому что была она так свирепа, что из каждого ее глаза текла кровь. А при каждом взгляде из глаз ее вылетали стрелы.

Ни один дикий зверь не мог вынести ее присутствия. Дикие звери и другие животные, все время жалуясь на лапы львицы, кричали: «Спасите нас от лап ее». Всюду за львицей следовал зверек, называвшийся карокулок, он угождал и прислуживал ей. Но даже и он так негодовал на львицу, что не оставалось у него больше терпения быть рядом с ней.

И однажды попросил карокулок отпустить его:

— Отпусти меня, пойду я сегодня погуляю немного и вернусь.

Львица сказала:

— Я пойду спать, но чтобы к тому времени, когда я проснусь, ты был здесь, а если тебя не будет, я оторву тебе голову.

Когда львица уснула, карокулок отправился гулять. Примерно два-три часа гулял он и увидел, как мышь грызет корень плодового дерева. А дерево говорит мыши:

— Не грызи мой корень, моими плодами питаются все живые существа, и звери едят их, и птицы едят их. И отдыхают они в моей тени. Не суши мой корень! О, чтоб ты сама высохла! Пусть будет тебе хуже, чем мне! — так говорило дерево.

В это время приползла змея, схватила мышь и съела. Карокулок стоял и смотрел, как змея, съев мышь, свернулась в тени дерева и заснула. Потом прибежал ежик, схватил змею и начал ее есть с хвоста. Змея стала биться об ежа, вся израненная, изошла кровью. Все-таки еж съел ее и лег спать в тени дерева. Подошла лиса, не нашла способа съесть ежа и помочилась на него. А еж подумал: «Дождик идет»,— высунул мордочку и сказал: «Пойду-ка я»,— и пустился в путь. Лиса схватила его за мордочку и съела. И вот отправилась лиса потихоньку в горы. А в это время появился голодный тигр, увидел он, что в тени горы спит лиса, схватил ее и съел. Все это наблюдал карокулок. А потом пришел охотник и застре-

тофта, қадам мемонам гуфт, ки як аспаки чолбобо омаду:

— Ҳӯ шикорчӣ, ба ман ҳамун пӯста деҳ! — гуфта маҷбур карда, ҳақорат кард. Шикорчӣ надод.

Бобои аспакӣ аз ёнаш қиличро кашида, аз танааш каллаашро ҷудо карду пӯстро гирифта, ба болои асп партофту аспашро як қамчин заду давонд. Асп бошад, тез давида рафтанак, пешпо хӯрду афтида рафт. Бобой бошад, аз болои асп афтида, гарданаш шикасту мурд.

Қароқулоқ бошад, ин воқиаро дида, ҳайрон шуд, ки: «Кӣ ба кӣ ҷабр кунад, ҳамонро медидас»,— гуфта.

Аз ҳаминҷа бозгашт карда, ба пеши модашер рафт. Модашер бошад, ҳолӣ хобба буд. Қароқулоқ бошад, ба болои сари модашер нигоҳ карда шишт. Якбора модашер хест, ки қароқулоқ омадагӣ. Ба модашер қароқулоқ воқиаҳои дидагиашро гуфтанӣ шуд. Модашер бошад, чашмаш ба чор тараф буд.

Қароқулоқ ба модашер ниго карда гуфт, ки:

— Туя чашмат алав, даҳонад хун, ман дидагема гӯм бовар намекунӣ! Ҷаҳлат омада, бо мана нобуд накунӣ? — гуфт.

— Хай майлаш, гӯй.

Қароқулоқ гуфта дод.

Модашер мӯрчая изаш барин ҳам надонист. Модашер аз пеши ду бачеш якбора ба дани бешазор давида рафтан гирифт. Аз қафош қароқулоқ ҳам равон шуд.

Ин модашер як қарои оҳуро дида, бисьёр ба ҷаҳолат шуда, давид. Оҳу ду бачашро хӯрок хӯронда истода буд. Якбора модашерро дида, фарьёд кард. Модашер бошад, ду бачаи оҳуро дошта гирифт. Оҳубачая очаш чунон дуои бад кард, ки:

— Бачаҳои туям мисоли бачаи ман шавад! Худоё, аз бачаҳои манам батар шавад!

Қароқулоқ рафта, ба оҳу чӣ қадар насиҳат дода истода буд, ки модашер бачаҳои оҳуро гирифт, ба тарафи хонаш равон шуд. Кадом вақте ки модашер оҳубача катӣ банд буд, як шикорчӣ омада, ду бачаи модашерро дошта, аз гӯшташ пӯсташро ҷудо карда, гӯшташро партофта рафт.

Модашер омад, ки бачашро гӯшт карда партофтагӣ.

Дидан замоно як уллос кашида, дод зад, ки доди вайба ҳама бешазор торикизор шуд, будагӣ ҳайвоноти аз бешазор баромада рафтагӣ, аз зулми модашер гурехта рафтагӣ ҳайвонотҳо ҳам омада, ҳолпурсӣ ва насиҳатба даромадан. Як кунҷи бешазорба як шағоли пир буд, ҳамун ҳам омада, насиҳат дод, ки:

— Моҳон аз зулми ту гурехта, аз дарахтҳо лил тигра. Отделив шкуру от мяса, он взвалил ее на плечи и только собрался в путь, как показался старик верхом на коне.

— Эй, охотник, отдай мне эту шкуру,— потребовал он и начал ругаться. Но охотник не отдал. Тогда старик вытащил из-за пояса саблю и отрубил охотнику голову. Взяв шкуру, бросил ее на коня и, ударив его веревкой, погнал. Конь помчался, но споткнулся и упал. А старик, свалившись с коня, сломал себе шею и умер.

Карокулок, увидев все это, удивился: «Тот, кто приносит зло другим, сам получает то же»,— сказал он.

И вернулся он к львице. А львица еще спала. А карокулок сидел у ее изголовья и ждал. Как только львица поднялась, она увидела, что карокулок вернулся. Решил карокулок рассказать львице обо всем, что видел, но львица смотрела по сторонам.

Взглянул карокулок на львицу и сказал:

— У тебя из глаз пышет огонь, а изо рта капает кровь, если я расскажу тебе, что я видел, ты не поверишь. Как бы ты не рассердилась и не убила меня!

— Ладно, рассказывай.

Карокулок рассказал ей все.

Но его рассказ произвел на львицу впечатление меньшее, чем муравьиный след. И, оставив своих двух детенышей, львица бросилась в лес. А карокулок побежал за ней следом.

Увидела львица, как промелькнула газель, пришла в ярость и помчалась к ней. А газель в это время кормила своих двух детенышей. Увидела она львицу и тотчас закричала. Но львица схватила обеих газелят. И тогда их мать так прокляла львицу:

— Пусть с твоими детенышами будет то же, что и с моими. О боже, пусть им будет хуже, чем моим.

А карокулок подошел к газели и стал утешать ее, а львица, схватив детенышей газели, потащила их к себе домой. Но в то время, как львица была занята своей добычей, пришел охотник, схватил ее львят, снял с них шкуру, мясо выбросил и ушел.

Вернулась львица и увидела только выброшенное мясо.

Она так взвыла, что от ее рева потемнел весь лес. Тогда все звери, бежавшие когда-то из леса от гнева львицы, вернулись и стали ее расспрашивать и давать ей советы. В лесной глуши жил старый шакал. Даже он пришел к ней с советом:

— Мы, бежавшие от твоего гнета, питаемся теперь плодами, упавшими с деревьев. И ты по-

рехтагӣ меваҳоро авқот карда гаштем, ту ҳам хамин хел карда гард, ба бачаҳои ту ҳеҷ кас зарар намерасонад.

— Хай, бародарҳо, ман ҳам меваҳои дарахтҳоро хӯрда мегардам. Қароқулоқ гуфт, ки:

— Ба ман ҳам ҷавоб те, чан солҳо ба ту хизмат кардам, ман ҳам дилам орзу металабад.

Модашер ба инсоф омаду ҷавоб дод.

Акнун қароқулоқ бо ихтиёри худаш баромада рафтан гирифт.

Гашта-гашта аз бешазор баромад, як бешазори дигарба даромада рафт, ки як боғи нағз намуд. Секин ба боғ даромад, ки анҷирҳо пухтагӣ, меваҳо пухтагию як маймун гаштас. Ба маймун салом дода гуфт:

— Мо як шаба ба шумо меҳмон ҳастем.

— Марҳамат, бародар,— гуфт.

Қароқулоқро бад обу зиёфат кард маймун. Ба болои гап-гап як чумчуқ омад, вай чумчуқро як қирғи қувӣ карда, чумчуқ гурехта-гурехта, ба боғи маймун даромада, руст шуда, халос хӯрд. Баъди анча вахт дамашро гирифт, ба пеши маймун омад.

— Ҳо маймун, ба ман пичи анҷир те,— гуфт.

Маймун бошад, хайр гуфта, як лайлӣ анҷир дод.

Чумчуқ хӯрда гуфт, ки:

— Аз болояш акнун як худам баромада мехӯрам.

Маймун гуфт, ки:

— Ман додагем бас набуд, ки бо аз болош баромада мехӯрӣ?

— Ин боғ азони худам,— гуфт. Ба болои анҷир баромада, хӯрда-хӯрда, шипондан гирифт.

— Ҳа ғазаби худоба гирифтор шав илоҳим, ман ба ту некӣ кунам, ту ба ман бадӣ мекунӣ?!

Бо ҳамин гапу-ҷанҷол шохи анҷир мешиканаду чумчуқ афтида мемурад.

Қароқулоқ ин аҳволро дида, ҳайрон шуда гуфт ба маймун:

— Ҷӯра, «Чоҳкандаро чоҳ дар пеш».

Ҳамин қати ҳикояи модашеру шикорчӣ тамом».

ступай так же, тогда детей твоих никто не тронет.

— Хорошо, братья,— сказала она,— я тоже буду питаться плодами деревьев.

— И меня отпусти, — сказал карокулок,— я столько лет служил тебе, а теперь сердце мое рвется к свободе.

Львица поступила по справедливости и отпустила его. Пошел карокулок по своей воле, куда захотел.

Шел он, шел, вышел из леса, пришел в другой лес и увидел там прекрасный сад. Осторожно зашел он в сад и увидел, что там уже созрел инжир и всякие другие плоды, а по саду разгуливает обезьяна. Поздоровался он с обезьяной и сказал:

— Мы хотели бы пробыть одну ночь у вас в гостях.

— Пожалуйста, брат, — ответила обезьяна.

А потом обезьяна устроила карокулоку угощенье. В то время, когда они болтали, вдруг прилетел воробей. За этим воробьем гнался ястреб, и, удирая от него, залетел воробей в сад к обезьяне и, спрятавшись там, спасся. Отдышался он через некоторое время, пришел к обезьяне:

— Эй, обезьяна, дай мне немного инжира,— сказал он.

Обезьяна согласилась и дала ему блюдо инжира.

Съел воробей инжир и говорит:

— А теперь я сам взлечу на вершину и буду есть.

Обезьяна сказала:

— Разве тебе мало было того, что я дала, что ты хочешь сам взлететь на вершину и есть?

— Это мой собственный сад,— ответил воробей и, взлетев на верхушку инжира, стал клевать ягоды и трясти дерево.

— О, чтоб тебя настиг божий гнев! — закричала обезьяна. — Я тебе сделала добро, а ты отвечаешь мне злом?!

Во время этой перебранки ветка инжира сломалась, воробей упал и умер.

Увидя это, карокулок удивился и сказал обезьяне:

— Друг, тот, кто роет яму другому, сам в нее попадет.

Этим и кончается рассказ о львице и охотнике.

[СЕ ПАНД]

Як сайёд чумчуқеро дошту куштанӣ шуд. Чумчуқ ба сайёд гуфт:

— Маро накуш, се гапам ҳаст, ҳамунро гӯям, баъд майлаш.

— Майлаш, гӯй! — гуфт.

— Сухани якӯмам ҳамин, ки то набинӣ, бовар накун. Дуюмаш ҳамин, ки ба сухани бомуболиға мафтун нашав. Сейӯмашро, агар сар диҳӣ, баъд мегӯям,— гуфт.

Сайёд [гунҷишкро] сар дод. Ба теппи дарахт буромада:

— Э сайёди нодон, маро бекора сар додӣ, [дар] ҷиғилдони ман тухми мурғ барин гавҳар буд.

Ҳамина гуфта буд, ки сайёд аз ҳуш рафт. Пас аз чанд вақте ба худ омад.

Чумчуқ ба ӯ гуфт:

— Ман нагуфтам-мӣ, дар ҷиғилдони ман арзан аранг меғунҷаду тухм барин гавҳар чӣ хел ҷой мегирад?!

[ТРИ СОВЕТА]

Поймал как-то охотник воробья и хотел его убить. Воробей сказал охотнику:

— Не убивай меня, я дам тебе три совета, а уж потом ладно.

— Ладно, говори,— сказал охотник.

— Первый мой совет такой: пока не увидишь — не верь. Второй такой: не верь всяким небылицам. А третий совет я тебе дам, если ты меня отпустишь,— сказал воробей.

Отпустил охотник воробья. Взлетел он на верхушку дерева и сказал:

— О глупый охотник, напрасно ты меня отпустил. У меня в зобу жемчужина величиной с куриное яйцо.

Только сказал он это, как охотник потерял сознание. Пришел он через некоторое время в себя.

Воробей сказал ему:

— Разве я не предупреждал тебя, ведь в моем зобу еле-еле помещается просяное зернышко, как же там могла поместиться жемчужина величиной с куриное яйцо?!

[СОЛЧЕКАКУ МОЛЧЕКАК]

Солчекаку Молчекак осиёб рафтан. Дар осиёб Солчекак дар дул табақчаи ҷавша рехт, ки қати табақча дар дул ғалтид. Ҳар чан мекуна, ай дул бурумада натунаме. Молчекак гирья кара, сару руша канду ай осиёв берун бурума ва гирья каран гирифт.

Яке я ғулба ума. Ғулба гуф, ки:

— Чӣ кор карай, ки мегирьӣ, сару рута кандай?

Молчекак гуф, ки:

— Солчекаки дар дулу
Молчекаки руканда.

Ғулба пароша канда партоф, рафт дар болои я бед шишт. Бед гуф, ки:

— Э ғулба, тефота барой чӣ канда партофтай?

Ғулба гуф, ки:

— Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда!

Бед баргоша резунд. Я бузе ума, баргой беда хурд. Буз гуф:

— Э бед, бай чира баргота резундай?

Бед гуф, ки:

— Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта.

Буз муҳоша резонду рафт, дар лави ов ов хурд. Ов дид, ки буз муҳоша рехтагӣ, гуф, ки:

— Э буз, барой чӣ муҳота резондай?

Буз гуф, ки:

— Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта.

Ов худша лойова кард, рафтан гириф. Да я зумин я деҳқун ов медод. Деҳқун дид, ки ов лойова шия умаа истояст. Деҳқун гуф, ки:

— Э ов, ту чӣ лойова шияй?

Ов гуф, ки:

— Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Ови лойова.

[СОЛЬЧЕКАК И МОЛЬЧЕКАК]

Пошли Сольчекак и Мольчекак на мельницу. Ссыпала Сольчекак в мельничный ящик блюдо ячменя и упала вместе с блюдом в мельничный ящик. Как она ни старалась, не смогла вылезти из мельничного ящика. Заплакала Мольчекак, расцарапала голову и лицо и выбежала с мельницы с плачем.

Прилетела ворона. Ворона сказала:

— Что случилось, что ты
Плачешь и царапаешь голову и лицо?

Мольчекак сказала:

— Сольчекак упала в мельничный ящик.
Мольчекак расцарапала себе лицо.

Ворона вырвала свои перья и села на иву
Ива спросила:

— О ворона, почему ты вырвала и выбросила свои крылья?

Ворона сказала:

— Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
А ворона с вырванным крылом.

Ива осыпала свои листья. Пришла коза, поела листьев ивы.

Коза спросила:

— Ива, из-за чего ты осыпала свои листья?

Ива сказала:

— Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
А ива с осыпавшимся листом.

Вырвала коза свою шерсть и ушла. Стала она пить на берегу реки воду. Увидела вода, что коза вырвала свою шерсть, и спросила:

— О коза, почему ты вырвала свою шерсть?

Коза сказала:

— Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
А коза облысевшая.

Вода замутилась и потекла дальше. Орошал в одном месте дехканин землю. Увидел он, что вода идет мутная, глинистая, и спросил:

— О вода, почему ты замутилась?

Вода сказала:

— Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,

Деҳқун белша дар зумӣ заду қунша дар бел есто.

Зани деҳқун нориш овард, дид, ки шуша бел дар зумӣ заагӣ ва куни шуш дар думчаи бел. Гуфт:

— Э марак, и чӣ кор аст? Думчаки бела дар қунут задай?

У гуфт:

— Э занак, ичӣ медунӣ, ки:
Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Оби лойова,
Деҳқуни белдарқун?

Зани деҳқун кузай ҷирғота дар саруш рехта, бай хунаша мерафт, ки дар дари я хуна я кампир чарха меришт. Кампир пурсид, ки:

— Ҷуни бибӣ, барой чӣ дар сарут ҷурғот рехтай?

У гуфт:

— Э виҷун, ичи медунӣ, ки:
Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Оби лойова,
Деҳқуни белдарқун,
Зани ҷурғотбарсар?

Кампир ҳеҷ чӣ дига накард. Чархара бардошта пушт кард, рафт дар куча, ки як занак алов гирифта бай хунаша мерава. Занаки аловбар, дид, ки кампир чархара дар пушт кардай, пурсид:

— Барои чӣ чархара пушт карда мегардӣ дар куча?

Кампир гуф, ки:

— Ичӣ намедунӣ?
Солчекаки дар дул,
Молчекаки муканда,
Ғулбаяки тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Оби лойова,
Деҳқуни белдарқун,
Занаки ҷурғотбарсар,
Кампири чархадарпушт.

И занаки аловбарам алова дар саруш рехт. Латаш дар гирифт. Дар хунаш дарума. Хушдоманush дид, ки алов дар саруш, латаш сухта истояс, гуф:

Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая.

Дехканин сунул лопату в землю и сел задом на лопату. Принесла жена дехканина завтрак и видит, что муж сунул лопату в землю, а зад мужа на ручке лопаты.

— Эй, муж, в чем дело? Почему ты всадил ручку лопаты себе в зад?

Сказал он:

— Эх, жена, знаешь ли ты, что
Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая,
Дехканин с лопатой в заду?

Опрокинула жена декханина кувшин с кислым молоком на голову и ушла домой, а у дверей одного дома какая-то старуха пряла на прялке. Старуха спросила:

— Душенька моя, почему ты вылила кислое молоко себе на голову?

Сказала она:

— Эй, дорогая матушка, знаешь ли ты, что
Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая,
Дехканин с лопатой в заду,
А жена его с кислым молоком на голове?

Ничего больше старуха не сделала, взяла прялку, взвалила себе на спину и пошла по улице, а какая-то женщина раздобыла где-то огня и возвращалась домой. Увидела женщина, несущая огонь, что старуха взвалила прялку на спину, и спросила:

— Почему ты идешь по улице с прялкой на спине?

Старуха сказала:

— Ничего-то ты не знаешь!
Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая,
Дехканин с лопатой в заду,
Жена его с кислым молоком на голове,
А старуха с прялкой на спине.

— Э сунҳор, ту чӣ кор карай, ки алова дар сарут оварӣ?

Гуфт:

— Э хуштума, ича нашнавидай, ки:
Солчекаки дар дул,
Молчекаки муканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Оби лойова,
Деҳқуни белдарқун,
Занаки ҷурғотбарсар,
Кампири чархадарпушт,
Сунҳори ту аловдарсар?

Хуштумани ин дега зад шикаст. Шуи хуштомани аловдарсар дурума, ки дег шикастагӣ партофтагӣ, пурсид, ки:

— Э занак, барой чӣ дега шикаста партофтай?

Зануш ҷавоб дод, ки:

— Нашнавидай, ки:
Солчекаки дар дул,
Молчекаки руканда,
Ғулбаи тефканда,
Беди баргрехта,
Бузи мупартофта,
Ови лойова,
Деҳқуни белдарқун,
Занаки ҷурғотбарсар,
Кампири чархадарпушт,
Занаки аловбарсар,
Деги шикастагӣ?

Марак давида рафт дар осиёв, Солчекака ай дул кашид, буровард, дид, ки я Молчекак:

— Ту ҳамиқара натонистӣ, ки дусти Солчекака ай дул гирифта бубориш, ки ҳамаи мардум чизҳои худшуна вайрун каран барои Солчекак?

Солчекак ай дул бурума, ҷаваша орд кард, ба хунаша ума. Ба муроду мақсадаш расид, шумо ҳам бирасе.

И женщина, несущая огонь, высыпала его себе на голову. Платок ее загорелся. Вошла она в дом. Увидела свекровь, что огонь у нее на голове и платок горит, и сказала:

— Эй, невестка, что это ты сделала, что опрокинула огонь на голову?

Сказала она:

— О свекровь, разве ты не слышала, что
Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая,
Дехканин с лопатой в заду,
Жена его с кислым молоком на голове,
Старуха с прялкой на спине,
А твоя невестка с огнем на голове?

Свекровь разбила котел. Муж свекрови женщины с огнем на голове вошел и, увидя, что котел сломан и брошен, спросил:

— Эй, жена, почему ты разбила и выбросила котел?

Жена ему ответила:

— Разве ты не слышал, что
Сольчекак в мельничном ящике,
Мольчекак с расцарапанным лицом,
Ворона с вырванным крылом,
Ива с осыпавшимся листом,
Коза облысевшая,
Вода помутневшая,
Дехканин с лопатой в заду,
Жена его с кислым молоком на голове,
Старуха с прялкой на спине,
Женщина с огнем на голове,
А котел разбит?

Побежал муж на мельницу, вытащил Сольчекак из мельничного ящика и увидел Мольчекак:

— Как же ты не могла свою подругу вытащить из мельничного ящика? Столько народа испортило свои вещи из-за Сольчекак!

Выбралась Сольчекак из мельничного ящика, смолола из ячменя муку и вернулась домой. Достигла она исполнения своих желаний, и вы достигайте.

[БУЗ ВА ГУРГ]

Як мардаки қирғиз дар юрташ зиндагӣ мекардасу як бузи зотӣ доштас. Буз ҳар шаш моҳба дута бачадор мешудас. Ҳамин хел ҳафт-ҳашт сол мегузараду буз соҳиби якчанд бачаю набера мешад. Мардак хурсанд, ҳар рӯз бузу бузғолаҳоя чаронданба мебарад. Акнун бузи калони бисьёр пир шуда, чашмаш хира, лоғар мешад. Вай секин-секин алафба мерад, ҳар куҷои баландба намебурод.

Як рӯз мардак подая гифта бурафта истода, як рафиқаша мебинад. Рафиқаша чашмаш бузи пирба меафтаду мегӯд:

— Ин буз пир шудас, дангона намекунимми?

— Майлаш, мекуним.

— Пиру гӯшташ сахт не-мӣ?

— Ҳа, хӯрда шавад, мехӯрим, нашавад, шӯрбоша мехӯриму гӯшташа кучукба метимдия!

Ин гапа буз мешунавад ва бисьёр хафа мешад. Вай сараш хам, дилаш хафа, аз пушти пода мерад. Бузу бузғолаҳои шӯх давон-давон аз якдигар пешгузаронҷак мекунан, аз очашон гузашта меран. Буз бошад, сараш хам роҳи чапа монда, ростба мерад. Вай гумон мекунад, ки бузо пешандаю ҳозир рафта мерасад. Вай рафтан мегирад, ки аз дур як гурги гушна дандонаша сих карда омсос. Буз хаёл мекунаду худ ба худ мегӯд, ки: «Агар гурезам, дошта мехӯрад, равам мехӯрад. Хайр рав, мерам, мана аҷалам расидагӣ, чизе ки шавад, аз пешоним».

Гург бошад, аз далерии буз ҳайрон мешад ва худ ба худ мегӯд, ки: «Ин чи хел буз, ки аз ман натарсида омсос». Буз бошад, пеши гургба мебиёд, мегӯд:

— Ассалому алайкум, шоҳи ҷаҳон!

Гург ҳайрон мешаду мепурсад, ки:

— Ту чӣ хел буз, ки аз мани гург натарсида, омсостӣ ва салом мегӯй?

Буз мегӯд:

— Ман шумоя се рӯз боз кофта гаштиям ва охир ёфтам.

— Хуб, мана мо инҷанда-дия. Худамам се рӯз боз ҳеҷ чиз нахурдиям, чашмам тува чор буд.

— Медонид-мӣ тақсир, ман шумоя чизева кофта гаштиям?

— Не.

— Барои он, ки мана хурид гуфта.

— Хӯш, мана мо тайёр-дия, хӯрданба.

— Медонид-мӣ чува ман пеши шумова худама авқоти шумо кунам гуфта омдам?

— Ман ҳайрон, чизева омдӣ?

[КОЗА И ВОЛК]

Жил в юрте один киргиз, и была у него племенная коза. Каждые шесть месяцев приносила она двух козлят. Так прошло шесть-семь лет, и стало у козы много детей и внуков. Мужик радовался и каждый день выводил коз и козлят пастись. Но вот старшая коза состарилась, глаза у нее ослабели, сама она исхудала. Тихонечко ходила она по траве и не поднималась ни на одну горку.

Однажды мужик гнал стадо и повстречался со своим приятелем. Взглянул его приятель на старую козу и спросил:

— Эта коза совсем состарилась, не зарезать ли нам ее?

— Ладно, зарежем.

— Но ведь она старая, не жестко ли ее мясо?

— Ничего, если его можно будет есть, съедим, а если нет — съедим шурпу, а мясо отдадим собакам!

Услышала это коза и очень огорчилась. С опущенной головой и с огорченным сердцем шла она вслед за стадом. Резвые козлята бежали наперегонки и обгоняли свою мать. А коза, опустив голову, незаметно для себя пошла по другой дороге. Она подумала, что козлята впереди, и она их догонит. Шла она, шла, вдруг издалека показался голодный волк с оскаленной пастью. Подумала про себя коза: «Если я побегу, он догонит меня и съест, если тихо пойду — съест. Видно, пришел мой смертный час. Пусть будет то, что предопределено».

Удивился волк отваге козы и подумал про себя: «Что это за коза, что идет ко мне, не боясь меня?» Коза подошла к волку и сказала:

— Ассалом алейкум, о шах мира!

Удивился волк и спрашивает:

— Что ты за коза, что, не боясь меня, волка, идешь и приветствуешь меня?

Ответила коза:

— Я вас уж три дня ищу и наконец-то нашла!

— Так вот я здесь! Я сам уж три дня ничего не ел, прямо глаза проглядел, разыскивая тебя.

— А знаете ли, господин, зачем я вас искала?

— Нет.

— Чтобы вы меня съели.

— Пожалуйста, я готов тебя съесть.

— А знаете ли вы, почему я решила сама идти к вам, чтобы вы меня съели?

— Я удивлен, зачем ты пришла сюда?

И коза рассказала:

— Я была племенной козой, каждые шесть

Буз нақл мекунад:

— Ман бузи зотӣ будам, ҳар шаш моҳба дута бачадор мешудам. Вақте ки ёш будам, соҳибам мана нағз нигоҳубин мекард, алаф медод, об медод. Мана ман соҳиби як пода бачаю набера шудам. Акнун, ки ман пир шудам, соҳибам ба ман нигоҳ намекунад. Ҳозир вай як рафиқаша дид, рафиқаш гуф, ки: «Буза намекушим-мӣ?» Соҳибам гуфт, ки: «Майлаш, мекушаму гӯшташ сахт, шӯрбоша хӯрда, гӯшташа кучукба метим». Ана, канӣ акун ҳақиқат, раҳмдилӣ? Барои ҳамин ман пеши шумова омдам, ки бекор гушна нагардеду мана хурид гуфта.

Аз ин гург бисьёр хурсанд мешаваду мехоҳад ба буз ҳамла кунад. Аммо буз мегӯд, ки:

— Лекин тақсир, ман як шарт дорам-дия.

— Майлаш, гӯ!

— Шарт ҳамин, ки мана мехурид, лекин воҳимаи ҷонканӣ ганда-дия. Ман мехоҳам, ки қасар-қусур хойдани устухонама нашунавам. Барои ҳамин шумо баланд ашӯла гуид, ки гӯши ман кар шаваду нашунавам.

Гург бо тамоми овозаш уллос мекашад.

Буз мегӯд:

— Бисьёр нағзу лекин ҳамин гӯши ростам сал шунсос, бо як бор ашӯла гӯид.

— Хуб!

Гурги гурусна бори дигар бо тамоми овозаш уллос мекашад. Сараша рост карда мебинад, ки аз дур се кучуки қирғизӣ ба шаст вайба нигоҳ карда омсос. Вай кучукоя дида, ӯташ мекафаду гуҷова гурехтаташа надониста, худаша ҷарива мепаттод. Рост омада меафтад ва миёнаш қарс мешиканад. Вай сараша боло карда нигоҳ мекунад, ки се кучуку буз вайба нигоҳ кардостиян.

Худ ба худ базӯр канда-канда мегӯд: «Эҳ аҳмақ, касби ту-ку қассобӣ, номақул карда ҳофизӣ мекунӣ-мӣ?»

Вай охири ҷумлаша гуфта натониста, мемурад.

месяцев приносила двух козлят. Когда я была молода, мой хозяин хорошо за мной смотрел, кормил меня травой, поил водой. Я принесла ему целое стадо детей и внуков. А теперь, когда я состарилась, мой хозяин на меня не смотрит. Сейчас он встретил своего приятеля, и тот сказал: «Не зарезать ли нам эту козу?» Мой хозяин ответил: «Ладно, зарежем. А если ее мясо будет жестким, мы съедим шурпу, а мясо отдадим собакам». Где же правда? Где милосердие? Вот поэтому-то я пришла к вам, чтобы вы зря не голодали, а съели меня.

Волк очень обрадовался и хотел схватить козу, но коза сказала:

— Но, господин, у меня есть одно условие.

— Ладно, говори!

Условие такое: вы меня съедите, но уж очень противны предсмертные муки. Мне хотелось бы не слышать треска собственных костей, когда вы их будете жевать. Поэтому пойте громко песню, чтобы я была оглушена и ничего не слышала.

Волк завыл во весь голос.

Коза сказала:

— Очень хорошо, вот только мое правое ухо немного не слышит. Спойте еще раз.

— Хорошо!

Голодный волк снова завыл изо всех сил. А когда он посмотрел вперед, то увидел, что издали стремительно приближаются к нему три киргизские собаки. Увидел волк собак, до смерти перепугался и, не зная, куда бежать, прыгнул с обрыва. Свалился он с высоты, и поясница его с треском сломалась. Поднял он морду, взглянул наверх, а там смотрят на него три собаки и коза.

С трудом пробормотал себе: «Эх, дурак, твое дело быть мясником, а ты сдуру занялся пением!»

Не досказал он этих слов и умер.

[ҚИССАИ МУШУ ГУРБА]

Будас, набудас, дар Миср як бой будас. Ваянда якта гурбаш будас. Як рӯз гурба хаёл мекунад, ки: «Чува манам ба дасти худам шикори ҳалол накунам?» Баногоҳ як тӯшука мебенад, сонӣ фикр мекунад, ки: «Мумкин инҷанда муш бошад». Ба ҳамин мақсад, пеши тӯшукба пойда мешинад. Якбора якта муш аз хонаш давида мебурод. Гурба фикр мекунад, ки гӯё худо ба вай як ҷаҳона бахшида бошад. Гурба даррав муша меқапад. Муш бошад, барои аз дасти гурба халос шуданаш, роҳи фиреба пеш мегирад. Муш ба гурба:

— Салом, эй палангчанголи шерҳо, салом эй хоҷаи гурбагон,— гуфта гапаша сар мекунад.

Гурба мегӯд, ки:

— Мурда истодию чива ин қадар ҷоғ мезанӣ?

Муш мегӯд:

— Эй хоҷаи бузургвор, чанд вақт аст, ки мушон дидори муборакатона диданӣ. Барои ҳамин худованд мана пеши шумова ҳозир кард.

Гурба мегӯд:

— Ман туя мехурам!

Муш мегӯд, ки:

— Як мана хӯрданатон катӣ сер намешид. Мана ҷавоб тид, рафта шумова дунба мебиёрам, сонӣ ҳардумо қатӣ мехурем.

Гурба мегӯд:

— Мумкин ту мана фиреб тӣ?!

Муш қасам мехурад:

— Ба ҳурмати сари азизатон, ки мебиёрам.

Гурба муша ҷавоб метияд. Муш ҳамон шаб аз як ҷо як дунба меёвад. Сонӣ пеши тӯшукба омда, як тарафи дунбая ба гурба нишон метияд. Гурба дунбая талаб мекунад. Муш бошад, ба дарунтари тӯшук даромда меистад, ки унҷава дасти гурба намерад.

Гурба мегӯд:

— Дунбаи ваъдагия те, ман хурам!

Муш мегӯд:

— Шумо оё медонед шаҳрба тизе ғавғо гузаштос?

Гурба:

— Намедонам,— гуфта ҷавоб метияд.

Муш нақл мекунад:

— Подшоҳи шаҳрамоя якта писараш будасу вазирашанда духтараш. Як рӯз подшоҳ додарашба мегӯд, ки: «Ҳардуямо қудо мешем». Додараш ба ин розӣ мешад. Рӯзе подшоҳ вақти мурданаш додарашба мегӯд, ки: «Агар ман мурам, ту духтарата писарамба тею худат ба ҷои ман подшоҳ шав». Вақте ки подшоҳ мемурад, додараш духтараша шоҳзодаи шаҳри ди-

[РАССКАЗ О МЫШКЕ И КОШКЕ]

Было не было, а был в Египте бай. И была у него кошка. Однажды подумала кошка: «И почему бы мне самой как следует не поохотиться?» Вдруг увидела она лаз и тогда подумала: «Может быть, там есть мышка?» С этой мыслью села она у лаза сторожить. Вдруг выскочила из своего домика мышка. Обрадовалась кошка так, как будто бог подарил ей целый мир, и сразу же схватила мышку. А мышка, чтобы спастись из лап кошки, пошла по пути обмана. Сказала кошке:

— Привет тебе, о лев с когтями леопарда, привет тебе, ходжа всех кошек! — так начала мышка свою речь.

Кошка сказала:

— Тебе конец пришел, так чего это ты столько болтаешь?

Мышка сказала:

— О могучий ходжа, уж столько времени мыши мечтают увидеть Ваше благословенное лицо. Вот почему бог послал меня к вам.

Кошка сказала:

— Я тебя съем.

Мышка сказала:

— Если вы меня съедите одну, то не насытитесь. Отпустите меня, я принесу вам курдюк, и мы вместе поедим.

Кошка сказала:

— А, может быть, ты меня обманываешь?

Мышка поклялась:

— Клянусь уважением к вашей дорогой голове, что принесу.

Кошка отпустила мышь. В ту же ночь мышь раздобыла где-то курдюк. Потом она пришла к лазу и показала кошке кусок курдюка. Кошка потребовала весь курдюк. А мышь залезла поглубже в лаз, чтобы кошка не могла достать ее лапой.

Кошка сказала:

— Дай курдюк, который ты мне обещала, я его съем.

Мышка сказала:

— А не знаете ли вы, из-за чего в стране поднялся шум?

Кошка ответила:

— Нет, не знаю.

Тогда мышь стала рассказывать:

— У падишаха нашей страны был сын, а у его визиря — дочь. Однажды падишах сказал своему брату: «Давай станем сватами». Брат согласился. А в день смерти падишах сказал своему брату: «Когда я умру, отдай свою дочь за моего сына, а сам будь падишахом». А когда падишах умер, брат решил отдать свою

гарба медодагӣ мешад. Духтар ина фаҳмида рустакӣ писари амакаш қатӣ маслиҳат мекунад, ки шаби келинфурорӣ ҳардуяшон гурезанд.

Баъди ин шоҳи шаҳри дигар бисьёр одамо қати ба ҳавлии духтар мебиёд.

Шаби тӯй писари амаки духтар ду аспи даванда мегираду тӯдаи ин одамова ҳамроҳ мешад. Вақте ки онҳо як ҷова дам мегиран, духтар вақта ғанимат дониста, писари амакаш қатӣ мегурезад. Шоҳзода ина фаҳмида, лашкараша монда, аз пушти вайҳо сур мекунад. Духтару писар бошан, ба лаби як дайрои азим мебиён. Писар як маллоҳба мегӯд, ки: «Моя ӯсуни дайрова гузарон». Маллоҳ ба як дидан духтарба ошиқ мешад. Сонӣ мегӯд, ки: «Аввал духтара мегузаронам сонӣ туя». Писар розӣ мешад. Маллоҳ духтара гирифта мегурезад.

Гурба мегӯд, ки:

— Аввал дунбая те, ман хӯрам, сонӣ ту нақл кун, ман гӯш кунам.

Муш мегӯд:

— Камтар сабр кун, ҳоли фаҳм-чи кор тизе мешад.

Гурба:

— Хайр, тезтар гӯй охир, ман як шабу як рӯз ин ҷониб ҳеҷ чиз нахӯрдиям,— мегӯд.

Муш суханаша давом метияд:

— Сонӣ писари подшоҳ боз як кимкия киро када, аз пушти духтар мерад.

Маллоҳи духтардуз киштиш катӣ як хушкива мебурод. Ба духтар мегӯд, ки табъи дилаша ҳосил кунад. Духтар мегӯд, ки: «Ман ҳар вақт азони ту, лекин ту хушкива бурою барои ҳардуямо хонаю хӯрок ёфта биё». Маллоҳ розӣ мешаду киштия баста, буромада мебуравад. Духтар киштия мекушоду мегурезад. Бурафта меистад, ки тифоқо ба дайро шоҳи як шаҳр барои сайр буромада будас, вай киштии духтарба наздик шуда мебенад, ки як духтари парирӯ киштия ҳай мекунад. Шоҳ ба вай ошиқ шуда, ба болои чил занаш инам мегирад. Як рӯз духтар мегӯд, ки: «Ҳамроҳи чил занатон як сайрба буром?» Шоҳ розӣ мешад. Чилу як зан сайрба мебурон. Як маҳалӣ духтар чил зана обба тела метияду худаш киштӣ катӣ мегурезад. Бурафтан мегирад, бурафтан мегирад. Сонӣ киштӣ як хушкиба мебурод, ки як шаҳри ҷудоям хушрӯ.

Гурба дунбая талаб мекунад.

Муш:

— Ин қадар бесабрӣ, ки камтар тоқат карда наметонӣ! Гӯш кун, ки ҳоли духтар тизе шуд, ҳам ҳоли дигаро тизе шуд,— мегӯд.

Гурба:

— Илоҳӣ, нақлат хушк шавад, илоҳӣ гунг

дочь сыну падишаха другой страны. Когда девушка об этом узнала, она тайно сговорилась с двоюродным братом, что они вместе сбегут в ночь увоза невесты.

А потом шах другой страны со множеством своих людей приехал во двор девушки.

В ночь свадьбы двоюродный брат девушки берет двух быстрых коней и присоединяется к толпе этих людей. Когда они отдыхали, девушка, улучив момент, убежала вместе со своим двоюродным братом. Сын того падишаха, узнав об этом, оставил свое войско и бросился за ними в погоню. А девушка с юношей подъехали к берегу одной великой реки. Юноша сказал корабельщику: «Перевези нас на ту сторону реки». А корабельщик с первого взгляда влюбился в девушку и сказал:

«Сначала я перевезу девушку, а потом — тебя». Юноша согласился. Корабельщик перевез девушку и сбежал с ней.

Кошка сказала:

— Дай мне сначала курдюк, я поем, а потом ты будешь рассказывать, а я — слушать.

Мышь сказала:

— Потерпи немного, сейчес узнаешь, что еще случилось.

Кошка сказала:

— Ладно, рассказывай быстрей, а то ведь я целые сутки ничего не ела.

Мышь продолжала:

— Тогда сын падишаха нанял кого-то и пустился вслед за девушкой. Корабельщик, укравший девушку, добрался вместе со своим кораблем до суши и попросил девушку, чтобы она погасила жар его сердца. Девушка ответила: «Я всегда твоя, но ты сначала выйди на сушу и подыщи для нас дом и пищу». Корабельщик согласился, привязал корабль и ушел. А девушка отвязала корабль и уплыла. Плывет она, а в это время по реке катался шах одной страны. Приблизился он к кораблю девушки и видит, что корабль ведет периликая девушка. Влюбился в нее шах и взял ее в жены сверх своих сорока жен. Однажды девушка говорит: «Можно ли мне пойти погулять вместе с вашими сорока женами?»

Шах согласился. Отправились сорок одна жена на прогулку. Вдруг девушка сталкивает сорок жен в воду, а сама уплывает на корабле. Плывет она, плывет, потом подплывает к суше и видит необычайно красивую страну.

Тут кошка стала опять требовать курдюк.

Мышь говорит:

— Что ты так торопишься, не можешь потерпеть немного? Послушай лучше, что

шав, тезтар гӯю тамом кун! — гуфта дуои бад мекунад.

Муш суханашба давом мекунад:

— Сонӣ тифоқо подшоҳи ин шаҳр мурдагӣ будас. Подшоҳ вақти мурда истоданаш вазирошба гуфтагӣ будан, ки: «Ҳар кас баъди мурдани ман аввал шаҳрба биёд, ҳамона подшоҳ интихоб кунитон». Ҳамин вақт саҳарӣ аввал духтар шаҳрба мебиёд. Вая одамо бардорбардор карда, тахтба мешинонан. Духтар подшоҳ мешад.

Гурба аз гушнагӣ танг шуда мегӯд:

— Илоҳӣ, гунг шав, охир, аз гушнагӣ мурдам-ку!

Муш:

— Ҳолӣ гӯш кун, духтар якта шаҳрба подшоҳ шуд. Духтарҳои инвақта аз ӯҳдаи чӣ хел корҳо намебурон? Гӯш кун, ки оқибати вайҳо тизе мешад. Сонӣ ғайр аз ин дунба, бо нӯҳ дунбаи дигар ҳай, ваям тува метиям,— мегӯд.

Гурба бо ғазаб:

— Тезтар тамом кун, илоҳӣ, як бори дигар дастамба фуро! — мегӯд.

Муш гапаша давом мекунад:

— Баъди подшоҳ шуданаш духтар фармон метияд, ки ҳар кас гузарад, оварда меҳмон кунан. Як рӯз шоҳзода, писари амакаш, маллоҳ, шоҳи чилзана духтара кофта тифоқо ҳамин шаҳрба мебиён. Духтар аз байни вайҳо писари амакаша ҷудо када мемонаду мондагии ҳарсеи дигарашона қатл мекунад».

Гурба дунбая талаб мекунад. Муш дунбая надода, хонашба медароду мебуравад. Гурба бошад, ҳақорат када, ҳақорат када, ноумед шуда, мебуравад.

случилось с девушкой и что случилось с другими.

— О боже, чтоб рассказ твой иссяк, о боже, чтобы ты онемела! Говори уж, да скорей кончай! — стала проклинать ее кошка.

И мышь продолжала:

— А в это время неожиданно умер падишах этой прекрасной страны. А когда падишах умирал, он сказал своим визирям: «Того, кто первым войдет в страну после моей смерти, и выбирайте падишахом». А в то утро первой вошла в город эта девушка. Люди ее подняли на руки и усадили на трон. Девушка стала падишахом.

От голода кошке совсем стало плохо, и она сказала:

— О боже, чтоб ты онемела, ведь я умираю с голоду.

А мышь:

— Так вот, слушай, стала девушка падишахом этой страны. С какими только делами ни справляются теперешние девушки? Так слушай же, что случилось со всеми в конце. А кроме этого курдюка у меня есть еще девять курдюков, я их тоже отдам тебе.

Рассердилась кошка и говорит:

— А ну, кончай живей, дай бог, чтобы ты мне еще раз попалась в лапы!

А мышь продолжает свой рассказ:

— После того, как девушка стала падишахом, она отдала приказ: кто бы ни проходил мимо страны, пусть всех приглашают в гости. Однажды сын падишаха, ее двоюродный брат, корабельщик и падишах с сорока женами, разыскивая девушку, попадают в эту страну. Девушка выбрала из них двоюродного брата, а остальных троих — казнила.

Тут кошка опять потребовала курдюк. Но мышь не дала ей курдюк и ушла в свой дом. А кошка ругалась, ругалась и, отчаявшись, ушла.

[БАРРА, КАБК, БУЗ, АСП ВА ГУРГ]

Як барра дар қир алаф хӯрда мегашт. Аз дур баррая гург дид, секин-секин ба пеши барра омада гуфт:

— Уй барра, ман туя мехӯрам!

Барра ба гург гуфт, ки:

— Майлаш, хӯр, аммо гӯшти мана ҳамту худаша хӯрӣ, маза намекунӣ, агар ба гӯшти ман зирапиёз зада хурӣ, маза мекунӣ. Гург пӯрсид, ки:

— Зирапиёз дар кучо мешавад?

Барра гуфт:

— Рав ба бозор, дар бозор зирапиёз мефурӯшанд, аз он ҷо камтар талабӣ, медиҳанд.

Гург ба ин розӣ шуда, барои овардани зирапиёз рафт, барра вақтро ғанимат дониста, гурехта рафту аз гург халос шуд. Гург зирапиёзро гирифта, ба ҷои барра истодагӣ омад ва дид, ки барра нест, ба ҳар ҷо нигоҳ кард, кофт, барра нест. Гург донист, ки барра вайро алда кардааст. Баъд қаҳраш омада гуфт, ки: «Боз агар ба ман вохӯрӣ, даррав мехӯраму мегирам». Гург ғурунг-ғурунгкунон ба даруни кӯҳсор даромада мерафт, ки баногоҳ овози кабкро шунид ва дид, ки дар болои санге як кабки фарбеҳ мехонад. Гург ба замин ёзида-ёзида, оҳиста-оҳиста ба кабк наздик шуда, ногоҳ хез карда кабкро ба даҳон гирифт. Кабк дид, ки дар даҳони гург истодааст. Кабк гуфт:

— Бале, гургполвон, ман парранда бошам ҳам, ту маро қапидӣ, ба ин кори ту ман ва ҳама таҳсин мегӯяд. Барои ҳамин устогӣ ва чолокият як худоро шукур гӯ!

Гург ба таърифи кабк ошуфта шуда, даҳанашро калон кушода:

— Худоё шукур,— гуфта буд, ки кабк аз даҳонаш парид. Гург хеле дар ғазаб шуда, ба роҳаш боз равона шуд.

Ба як ҷои дигар омад, дид, ки як буз чарида гаштааст. Гург гуфт: «Ана ин бузро мехурам».

Ба буз наздик мерафт, буз бошад, ба тарафи гург саломкунон меомад. Гург ба буз гуфт, ки:

— Ман туя мехӯрам, ту бошӣ, ба пеши ман саломкунон меоӣ?

Буз гуфт:

— Ман ҳам шумо мана хуред гуфта омада истодаам-дия! Шунидам, ки шумо ҳофизи зӯр ва овози хушу форам доред, чӣ мешад, ки як ҳофизӣ кунеду ман маст шуда, ғалтида монам, баъд шумо маро хӯрдан гиред.

Гург гуфт, ки: «Ин дар назди ман истодааст, чӣ зарар дорад, як ҳофизӣ кунам, баъд мехӯрам». Ба буз гуфт:

— Майлаш, гуфти туро мекунам.

Гург чунон нуя кашид, ки овози гургро дар

[ЯГНЕНОК, КУРОПАТКА, КОЗА, ЛОШАДЬ И ВОЛК]

Ягненок ел траву на холме. Издали ягненка увидел волк, тихонечко подошел к нему и сказал:

— Эй, ягненок, я тебя съем.

Ягненок сказал волку:

— Ну что же, ешь. Но если ты меня съешь просто так, то мое мясо тебе не понравится, а если ты будешь есть его с тмином и луком, то получишь удовольствие.

Волк спросил:

— А где есть тмин и лук?

Ягненок сказал:

— Сходи на базар. Там продают тмин и лук, попроси немного, и тебе дадут.

Согласился волк и пошел за тмином и луком, а ягненок, улучив время, убежал и так спасся от волка. Взяв тмин и лук, волк пришел туда, где оставил ягненка, но никого там не нашел. Стал искать его, смотреть во все стороны, но ягненка нигде не было. Понял волк, что ягненок обманул его. Рассердился волк и сказал: «Если я встречу его еще раз, то сразу съем». Ворча, ушел волк в горы, как вдруг услышал голос куропатки и увидел, что на камне распевает жирная куропатка. Волк, прижимаясь к земле, тихо-тихо подполз к ней, а потом вдруг прыгнул и схватил куропатку пастью. Увидела куропатка, что попалась волку в пасть, и говорит:

— Ну что же, волк-богатырь, хоть я и птица, но тебе удалось меня поймать. За это я и все другие будут восхвалять тебя. Так поблагодари же бога за данные тебе умение и сноровку!

Обманутый похвалой куропатки, волк открыл рот и только произнес: «Благодарю бога»,— как куропатка выпорхнула у него из пасти и улетела. Волк очень рассердился и снова пошел своей дорогой.

Пришел он в другое место и увидел, что там пасется коза. Волк сказал: «Вот козу я съем».

Подошел волк к козе, а коза пошла навстречу волку, приветствуя его. Сказал волк козе:

— Я собираюсь тебя съесть, почему же ты идешь ко мне и приветствуешь меня?

Коза сказала:

— А я как раз для того и иду, чтобы вы меня съели. Я слышала, что вы очень талантливый певец, и у вас прекрасный голос. Что, если вы мне споете, а я, опьянев, упаду, а потом вы меня съедите.

Подумал волк: «Ведь она стоит рядом

ин гирду пеш будагӣ сагҳои чорводорон шунида, ба тарафи гург давиданд. Гург дид, ки сагони хеле зӯри бисьёре давида омада истодаанд, гурехт ва буз ба тарафи рамаи худ рафт.

Гург овора шуда, монда ва гурусна ба тарафи саҳро рафт, ба як теппагӣ баромада, ба дур нигоҳ кард ва дид, ки дар як майдон як асп алаф хӯрда истодааст. Ноилоҷ ба пеши асп рафт, дид, ки аспи калони фарбеҳро бо арғамчини дароз баста мондаанд. Гург ба пеши асп омада, гуфт:

— Ман туро мехӯрам, аз куҷоят сар карда туя хӯрам?

Асп гуфт:

— Ту мебинӣ, ки ман бо арғамчин бастагӣ, ба ҳеҷ ҷо намеравам. Рав ба ақиби ман, аз поям сар карда хӯрдан гир!

Гург ба ақиби асп гузашта, хост, ки ба рони ӯ даҳон андозад, дар ин вақт асп ба фуки гург чунон бо лағад зад, ки ҷоғи гург шақарас зада шикаст, гург бошад, ба замин ғалтид ва баъд аз андак фурсат мурд.

со мной, ничего не случится, если я сначала спою, а потом съем ее!» И сказал он козе:

— Ладно, я выполню твою просьбу.

Волк так громко завыл, что все собаки пастухов, которые были в окрестностях, услышав его, бросились к волку. Увидел волк, что бежит к нему много сильных собак, и убежал, а коза пошла в свое стадо.

Расстроенный, усталый и голодный, волк пошел в поле. Поднялся он на холм, посмотрел вдаль и увидел, что на каком-то участке поля пасется лошадь. Не найдя иного выхода, подошел он к лошади и увидел, что большая жирная лошадь привязана на длинной веревке. Подошел волк к лошади и сказал:

— Я тебя съем. Откуда мне начинать тебя есть?

Лошадь ответила:

— Ты видишь, я привязана веревкой и никуда не уйду. Иди назад и начинай меня есть с ног.

Волк обошел лошадь сзади и хотел вонзить зубы ей в ляжку, но лошадь в это время так лягнула волка в морду, что его челюсть с хрустом сломалась. А волк упал на землю и вскоре умер.

[ЗОҒ ВА ГӮСФАНД]

Будас, набудас, як зоғи бефам будас. Як рӯз вай шохи чинорба шинад, таги чинорба яг гӯспанд барги чинора хӯрсодагӣ будас. Зоғ гӯспанда гуфтас, ки:

— Юҳ ман туя мехӯрам!

Сонӣ гӯспанд гуфтас, ки:

— Аввал даната чақонда биё-де.

Сонӣ зоғ дайрова лабашба рафтасу байт хондас:

Бергин су,
Чайқай оғиз,
Олай семиз,
Ман ҷиман,

— гуфтас.

Сонӣ дайро гуфтас, ки:

— Ягон чиз биёру об гиру сонӣ даната чақон.

Сонӣ зоғ сари кулӯлба рафтасу бо байт гуфтас:

Бергин кӯгача,
Олай су,
Чайқай оғиз,
Олай семиз,
Ман ҷиман,

— гуфтас.

Усто гуфтас:

— Хок биёр!

Зоғ пеши хок рафта, гуфтас:

Бергин тупроқ,
Қилсун кӯгача,
Олай су,
Чайқай оғиз,
Олай семиз,
Ман ҷиман.

Хок:

— Ягон чиз биёру тарошда гире! — гуфтас.

Сонӣ сари шохба рафтасу гуфтас, ки:

Бергин шох,
Олай турпоқ.
Қилсун кӯгача,
Олай су,
Чайқай оғиз.
Олай семиз,
Ман ҷиман.

Вай шох гуфтас, ки:

— Тавар-мӣ, теша-мӣ биёру бурда баре!

Сонӣ зоғ сари оҳангарба рафтасу гуфтас:

Бергин ӯрок,
Олай шох,
Олай турпоқ,

[ВОРОНА И БАРАН]

То ли было, то ли нет, а была бестолковая ворона. Однажды сидела она на ветке чинары, а под чинарой баран поедал листья. И сказала ворона барану:

— Хочешь, не хочешь, а я тебя съем.

А баран ответил:

— Ты сначала пополощи рот, а уж потом приходи.

Затем ворона пошла на берег реки и спела бейт:

Дай воды,
Пополощу рот,
Возьму жирного барана
И съем его.

А река ответила:

— Принеси что-нибудь, чтобы набрать воды, а потом полощи рот.

Затем ворона пошла к гончару и опять спела бейт:

Дай кувшин,
Возьму воды.
Пополощу рот,
Возьму жирного барана
И съем его.

Гончар сказал:

— Принеси глины.

Ворона пошла к глине и сказала:

Дай глины,
Он сделает кувшин,
Возьму воду,
Пополощу рот,
Возьму жирного барана
И съем его.

Глина сказала:

— Принеси что-нибудь, накопай и бери.

Затем пошла она к ветке и говорит:

— Дай мне ветку,
Возьму глину,
Он сделает кувшин,
Возьму воду,
Пополощу рот,
Возьму жирного барана
И съем его.

Ветка сказала:

— Принеси топор или тешу, а потом бери.

Потом ворона пошла к кузнецу и говорит:

— Дай серп,
Возьму ветку,
Возьму глину,

Қилсун кӯгача,
Олай су,
Чайқай оғиз,
Олай семиз,
Ман ҷиман.

Оҳангар гуфтас, ки:

— Оҳан биёр, ман чизи даркорита сохта тиям.

Зоғ сари оҳанба рафт, аг гуҷо оҳана гифта, рафта оҳангарба додас. Оҳангар дос сохта додас. Зоғ доса гифта, сари дарахтба рафтас, сонӣ шоха бурда шох катӣ хока тарошда гифта, сонӣ сари кулӯлба бурдас, кулӯл сонӣ кӯгача када додас, сонӣ лаби дайрова бурда, об гифтасу даҳаназа чақондас. Сонӣ акун ҳама кораша шуда, шодикунон: «Акун ман гӯспанда маза када мехӯрам»,— гуфта сари чинорба рафтас. Ниго кадас, ки алакай гӯспанд нест.

Он сделает кувшин,
Возьму воду,
Пополощу рот,
Возьму жирного барана
И съем его.

Кузнец сказал:

— Принеси железо, я сделаю то, что тебе надо.

Пошла ворона за железом, взяла где-то железо, принесла и дала кузнецу. Кузнец сделал серп и дал ей. Взяла ворона серп и пошла к дереву, там отрубила ветку и этой веткой накопала глины. Отнесла глину к гончару, гончар сделал кувшин и дал ей. Потом она пошла к реке, взяла воды и пополоскала рот. Затем, сделав все, она радостно подумала: «Теперь я съем барана с аппетитом»,— и пошла к чинаре. Посмотрела, а барана уже нет.

[АҲДИ ДӮСТОН]

Ду бедона рӯзе бо ҳам ошно шуданд. Онҳо дар байни худ аҳду паймон бастанд, ки бо ҳам ҳамеша дӯст бошанд ва ба якдигар дар вақти мушкилӣ ёрӣ расонанд.

Ҳарду рӯзе ба сайру гашт баромада, ба ҷои бисьёр хушҳаво, ки он дар саҳрои васеъ воқеъ гардида буд, рафтанд. Дар ин ҷо хело арзанҳои тиллоранг пухта хоб рафта буданд. Ҳардуяшон шиками худро сер карда, сурудхонӣ карданд ва ба хонаи худ баргаштанд. Онҳо аҳд карданд, ки ҷои арзанро ба дигар ҷӯраҳояшон хабар надиҳанду ҳар рӯз ҳардуяшон омада, шиками худро сер карда раванд.

Яке аз ин бедонаҳо аҳди ҷӯрагиро вайрон карда, чунин фикр мекунад: «Агар худам танҳо ба он ҷои арзанзор равам, шиками худро хуб сер карда, ҳам миқдоре ба хонаи худ гирифта меорам». Ӯ ба гуфтаи худ амал кард.

Намошомӣ, ки акнун офтоб нурашро пароканда мекард, ин бедона ба ҷои дирӯза равон шуд. Аз донаҳо аввал хуб шиками худро сер карда, ба хониш даромад, вай бо завқ дона мечид.

Дар ҳамин вақт деҳқоне овози бедоная шунида, ба ин ҷо меояд. Бедона ҳеҷ парвое надошт, деҳқон бошад, тӯр партофта, бедоная дастгир кард. Бедона ба ин аҳвол мондани худро нафаҳмида монд, ба деҳқон зорию тавалло кард, ки озод кунад, ки вай ҳозир рафта ҳама ҷӯраҳоша мебиёраду баъд деҳқон соҳиби хеле зиёди бедона хоҳад шуд. Ин таваллои бедоная деҳқон гӯш накарда, ба хонаи худ бурда, ба тӯркаду андохт.

Модари бечораи ин бедонаи асиргашта фарзанди худро хеле поид, вале аз ӯ дараке набуд. Ҳамин хел ду-се рӯз гузашт, дар охир меҳри модарӣ маҷбур кард, ки фарзандашро ҷӯён шавад. Бедонае, ки бо фарзанди ин бедона ошноӣ дошт, дирӯза сайру гаштро ба хотир мебиёрад ва барои ҷустуҷӯи ошноят мешитобад. Ӯ хеле мекобад, аммо ҳеҷ не, ки ёбад. Ногоҳ овози ҷӯрааш ба гӯшаш мерасад ва ба он сӯ парида меравад.

Мебинад, ки ҷӯрааш асир шудааст, ба пеши вай рафта аҳволпурсӣ мекунад. Ҷӯрааш мегӯяд, ки:

— Ту аҷаб хушбахт ва озодӣ, ман бошам, асирам.

Ин бедона мегӯяд, ки:

— Ту худат ба ин ҳол афтоданат сабабгорӣ, ту аҳди дӯстиро вайрон кардӣ, худат танҳо ба сайр баромадӣ!

Бедонаи асиргашта ин айбаша ба каллаи худ мегирад, аз бедонаи озод маслиҳат мепур-

[ДОГОВОР ДРУЗЕЙ]

Познакомились однажды две перепелки. И договорились они между собой, что будут всегда дружить и помогать друг другу в трудное время.

Как-то полетели они на прогулку на чудесное место, расположенное в широком поле. Много спелых золотистых просяных зерен лежало там. Обе они наелись досыта, попели песни и возвратились домой. Они договорились, что никому из друзей не расскажут о том месте, где есть просо, а будут сами летать туда каждый день и наедаться.

Но одна из перепелок, нарушив договор о дружбе, подумала так: «Если я одна полечу на просяное поле, то и сама наемся досыта и кое-что принесу домой». Так она и сделала.

К вечеру, когда солнце садилось, эта перепелка отправилась на вчерашнее место. Сначала она досыта наелась зернышками, а потом начала петь, с наслаждением собирая зерна.

В это время дехканин услышал голос перепелки и пришел туда. Перепелка ни о чем не подозревала, а дехканин бросил сеть и поймал перепелку. Перепелка поняла, в какое положение она попала, и стала молить крестьянина, чтобы он ее отпустил, а она полетит и приведет всех своих друзей, и дехканин станет обладателем многих перепелок. Но дехканин не стал слушать мольбы перепелки, а отнес ее домой и посадил в клетку, сделанную из тыквы.

А бедная мать попавшей в плен перепелки долго ждала своего ребенка, но от него не было никаких известий. Так прошло два-три дня. Материнская любовь заставила ее пойти на поиски своего ребенка. Перепелка, которая дружила с дочерью этой перепелки, вспомнила вчерашнюю прогулку и поторопилась на поиски своей подружки. Она долго искала, но никого не нашла. Вдруг услышала она голос своей подруги и полетела в ту сторону.

Увидела она, что ее подруга попала в плен. Подлетев к ней, стала она ее расспрашивать. Подруга сказала ей:

— Ты очень счастлива и свободна, а я пленница.

Та перепелка сказала:

— Ты сама виновата в том, что попала в это положение, ты нарушила наш договор дружбы и полетела одна на прогулку!

Признала свою вину пленная перепелка и стала просить совета у свободной перепелки. Свободная перепелка дала ей такой совет:

— Ты не должна петь для своего хозяина,

сад. Ин бедонаи озод чунин маслиҳат медиҳад:

— Ту набояд барои соҳибат суруд хонӣ, худатро доимо ба касалӣ андоз, ана баъд туро соҳибат озод мекунад.

Ҳақиқатан ҳоли ин бедонаи бечораро деҳқони мӯйсафед дида, раҳмаш меояд ва ӯро ба киштзор бароварда, сар дод.

Бедона худро озод ҳис карда, акнун қадри дӯстӣ ва озодиро донист, ба хонашон омаду модарашро хело хурсанд кард. Боз ду ҷӯра ба ҳам ошнои ҷонӣ шуданд ва аҳд карданд, ки доимо бо ҳам дӯст ва маслиҳатчӣ бошанд.

притворяйся всегда больной, тогда твой хозяин тебя освободит.

И действительно, увидел старый дехканин, в каком состоянии эта несчастная перепелка, пожалел ее и выпустил в поле.

Почувствовав себя свободной, перепелка узнала цену дружбы и свободы, вернулась домой и очень обрадовала свою мать. Снова обе подруги стали верными друзьями и договорились всегда дружить и советоваться друг с другом.

[ХАРПОЛВОН]

Будааст, набудааст, дар деҳае як кампире зиндагонӣ мекардааст. Ӯ на шавҳар, на фарзанд доштааст. Дар хона фақат як хар ва яг гови чӯшоӣ доштаасту халос. Ҳар рӯз говро чӯшида, шири онро чурғот мехобондааст, то рӯзи бозор чамъ карда, баъд чурғотҳоро ба хар бор мекардаасту худаш ҳам ба болои хар савор шуда, ба бозор меомадааст. Харашро дар сарой, дар офтоби гарм ба мех мебастаасту ба пешаш обу алаф ҳам намемондааст. Хари бечора дар офтоби гарм аз пагоҳ то бегоҳ гуруснаю ташна меистодааст. Аммо кампир чурғотҳоро фурӯхта, нони ширмол, нишоло ва дигар хӯрокҳои болаззат харида, мехӯрдаасту шикамашро сер карда, баъд ба болои хари ташнаю гурусна савор шуда, ба хонааш меомадаасту роҳат карда, хоб мерафтааст. Солаш дувоздаҳ моҳ азоби хар ҳамин хел кори кампир ҳамин хел будааст.

Як рӯз ин кор ба дили хар бисьёр зада будааст, ки чӣ хел карда аз кампир халос шавад. Дар пеши охури худ, дар хаёл будааст, ки мушаке аз сӯрохӣ баромада, ба хар гуфтааст, ки:

— Хар, чаро димоғат сӯхтагӣ?

Хар чавоб додааст, ки:

— Кампир мана бисьёр азоб медиҳад. Бинобар он аз дасти вай халос шуданиам, аммо роҳи халосиро намедонам.

Мушак чавоб додааст, ки:

— Роҳи ту лаб-лаби дарьё, дар вақти ба бозор рафта истодан дар чои хоктӯдадори кӯча лағатғурронӣ куну кампирро аз болоят парто, вай ба хок ғелак зада, гирья карда, хоб мерад. Ту аз дарьё гузар, дар он сӯи дарьё марғзоре ҳаст, ки алафи сабз ва ширин дорад. Ана, хӯрда мегардӣ!

Ҳамин хел ҳам кард ва дар марғузор алаф хӯрда истода буд, ки ду гург ӯро дида, давон ба пеши хар омаданд. Хар онҳоро дида, чурғотҳоро дар як тараф гӯр кард ва чули лахталахтаашро ба тарафи дигар гӯр кард. Баъд худашро паҳлавонона нигоҳ дошта истод. Гургҳо омаданд:

— Мо туро мехӯрем,— гуфтанд.

Хар сухани онҳоро писанд накард.

— Ман шарте дорам,— гуфт,— агар шартро бурред, шумо маро мехӯред, ва агар ман шартро буррам, ман шуморо мехӯрам.

Гургҳо гуфтанд, ки:

— Майлаш, он шартро ба мо гӯй!

Хар гуфт, ки:

— Ҳар кадоми мо заминро се лағат мезанем. Пешоби заминро мебурорем. Агар набурорем бой медиҳем.

Ба гургҳо маъқул шуд. Гургҳо се лағатӣ

[ОСЕЛ-БОГАТЫРЬ]

То ли было, то ли нет, а жила в деревне старуха. Не было у нее ни мужа, ни детей. Были у нее в доме лишь осел да дойная корова и все. Каждый день доила она корову, заквашивала молоко и собирала его до базарного дня, а потом грузила кислое молоко на осла, сама тоже садилась верхом и ехала на базар. Осла она привязывала к гвоздю на постоялом дворе на самом солнцепеке и даже не оставляла ему ни воды, ни травы. Так, голодный и жаждущий, простаивал бедный осел с утра до вечера под жгучим солнцем. А старуха, продав кислое молоко, покупала себе сдобные лепешки, нишаллу и другие сласти и наедалась досыта. А потом она садилась верхом на голодного и жаждущего осла, возвращалась домой и ложилась спать. Так мучился осел и так поступала старуха двенадцать месяцев в году.

Однажды все это так надоело ослу, что он стал думать, как бы ему избавиться от старухи. В то время, как он размышлял об этом у своего стойла, из дыры вылезла мышка и сказала ослу:

— Осел, из-за чего ты расстроился?

Осел ответил:

— Меня страшно мучает старуха. Вот и хочу я избавиться от нее, а пути к спасению не знаю.

Мышка ответила:

— Дорога твоя проходит по берегу реки. Когда идешь на базар, сбрось с себя старуху в мусорную кучу на улице. Она будет кататься по пыли, плакать и останется лежать на земле. А ты переплыви реку. На том берегу реки есть луг, на котором растет сладкая зеленая трава. Вот и поешь!

Осел так и сделал. Ел траву на лугу, когда увидели его два волка и бросились к нему. Когда осел увидел волков, он закопал кислое молоко в одном месте, свою оборванную попону — в другом месте и мужественно остался стоять. Подошли волки и сказали:

— Мы тебя съедим.

Но осел не испугался их слов.

— Давайте заключим пари,— сказал он,— если вы выиграете, вы меня съедите, если я выиграю, я вас съем.

— Ладно, скажи нам свое пари! — сказали волки.

Осел сказал:

— Каждый из нас стукнет ногой по земле три раза. Будем выбивать из земли мочу. Тот, кто не выбьет, проиграет.

Понравилось это волкам. Ударили волки

заданд, аз замин чизе набаромад. Навбат ба хар омаду заминро се лағат зад, ки ҷурғотҳо фалақ-қас карда баромаданд.

— Ана пешоби замин! — гӯён ба гургҳо хитоб кард.

Гургҳо хостанд, ки гурезанд, аммо хар гуфт, ки:

— Истед, боз як шарти дигар дорам. Боз се лағатӣ зада рӯдаи заминро мебаровардагӣ!

Гургҳо се лағатӣ заданд, аз замин чизе набаромад. Вақте ки хар се лағад зад, ресмонҳои кӯҳнаи ҷул дароз-дароз шуд.

— Ана, рӯдаи замин! — гуфта ба гургҳо хитобкунон нишон дод.

Гургҳо: «Акнун хар моро мехӯрад» — гӯён ба тарафи кӯҳ нигоҳ карда гурехтанд. Хар қоҳ-қоҳкунон хандид. Дар ин вақт дар болои дарахте мурғе буд, ки ба кори гургҳо нигоҳ карда меистод. Вақте ки хар шартро буриду гургҳо гурехтанд, мурғ аз болои дарахт истода:

— Қандатро зан, харполвон, хақиқатан полвон будаӣ! Аз гургҳо ғолиб баромадӣ!

Аз ҳамон рӯз сар карда номи хари кампир хар не, харполвон шуд.

три раза по земле, но из земли ничего не показалось. Пришла очередь осла. Ударил он три раза по земле, и кислое молоко выплеснулось из земли.

— Вот это моча земли! — сказал волкам осел. Хотели волки убежать, но осел сказал им:

— Подождите, у меня есть еще одно предложение. Давайте еще три раза стукнем по земле и выбьем кишки земли!

Стукнули волки три раза, но из земли ничего не показалось. А когда осел стукнул по земле три раза, показались из земли длинные нити от старой попоны.

— Вот это кишки земли! — показал на них осел.

— Теперь осел нас съест,— сказали волки и бросились бежать в сторону гор. А осел громко хохотал. В это время на дереве сидела птица, которая наблюдала за волками. Когда осел выиграл, а волки убежали, птица с дерева сказала:

— Молодец, осел-богатырь, ты, оказывается, настоящий богатырь. Победил волков!

С того дня осла старухи стали называть не просто «осел», а «осел-богатырь».

[БУЗ, ГӮСФАНД ВА ГӮСОЛА]

Буд, набуд, як Нормад қассоб гуфтанӣ одам буд. Кори вай фақат гову бузу гӯсфанд куштан буд. Як рӯз Нормад қассоба яктоҳ бузаш буд, ҳамонро куштанӣ шуд. Акнун дасти пояшро баста, кордро тез карда истода буд, ки якбора буз пояшро кушода гурехт. Буз росткӯчая монда, ба чапкӯча давида, ба як ҷо рафт, ки як гӯсфандро дида монд. Сонӣ дид, ки дасту пои вай ҳам бастагӣ, баъд буз дасту пои вайро кушода, баромада рафтанд. Дар ҳамин вақт буз гуфт, ки:

— Яктоҳ будем, дутоҳ шудем,— гӯён баромада рафтанд.

Ба як ҷои дигар рафтанд, ки дар он ҷо гӯсола ҳам пою дасташ бастагӣ. Вайро ҳам кушода:

— Яктоҳ будем, дутоҳ шудем, ана сетоҳ шудем,— гӯён баромада рафтанд, ки аз як хона дуд баромада истодаст. Баъд буз гуфт, ки:

— Рафта он ҷойро дидан даркор аст.

Баъд рафта, аз ойнак диданд, ки се гург ҳаст. Сонӣ маслиҳат карда медаромадагӣ шуданд. Буз дарро кушода, салом гуфта даромад. Сонӣ гургҳо:

— Биётон,— гӯён аз ҷояшон хеста, ба инҳо ҷой доданд.

Буз бошад, ба боло баромад. Гӯсфанд бошад, ба лаби суфа нишаст. Гӯсола ҳам ба паҳлӯи гӯсфанд нишаст. Баъд гургҳо гуфтанд, ки:

— Биётон, як ашӯла мехонем,— гуфтанд бузу гӯсфанд. Гӯсола бошад, аз тарса майлаш гуфт.

Гургҳо дуторро гирифта, ашӯла гуфтанд:

— Дунбакалонаш ани ман.

Баъд дигарӣ гург гирифта гуфт:

— Шохдораш ини ман.

Ҳамин хел карда, вай гурги мондагӣ ҳам гуфт:

— Гӯшдарозу почакалонаш ини ман,— гӯён тамом кард.

Акнун навбат ба буз, гӯсфанд, гӯсола омад.

— Аз Нормад қассоб чордаҳ пӯст қарздор будам, ёздаҳ пӯст дар берун, сеташ дар дарун, да-динг,— гӯён ашӯларо тамом карданд, ки гурги калонӣ ба хурдӣ гуфт:

— Баромада нигоҳ кун, рост-мӣ ё дурӯғ?

Баъд баромада дид, ки ҳақиқат рост будааст. Сонӣ гурехта рафт. Сонӣ дигар гург баромада дид, ки рост, ин ҳам гурехт. Баъд гурги калонӣ баромада дид, ки ҳақиқат рост будааст. Ин ҳам гурехту рафт.

Охирон ин хона ба буз, гӯсола, гӯсфанд монд. Онҳо дар ин ҷо зиндагонӣ мекунанд.

[КОЗА, БАРАН И ТЕЛЕНОК]

Было не было, а был один мясник по имени Нормад. Он только и делал, что забивал коров, коз и баранов. Однажды мясник Нормад решил забить свою единственную козу. Связав ей ноги, он принялся точить нож, но коза освободилась от пут и убежала. Обходя прямые улицы, она бежала закоулками и в одном месте встретила барана. Она увидела, что ноги его тоже связаны. Тогда коза освободила его, и они ушли. В это время коза сказала:

— Были мы одиноки, стало нас двое.

В другом месте они увидали теленка со связанными ногами. И его освободили:

— Были мы одиноки, стало нас двое, а теперь уже трое,— сказав это, пошли они дальше и увидели, что из одного дома идет дым. Тогда коза сказала:

— Нужно пойти и посмотреть, что там.

Подойдя к дому, они увидели в окно, что там три волка. Посоветовавшись, они решили войти. Коза открыла дверь, поздоровалась и вошла. Тогда волки, сказав: «Входите!» — встали с мест и усадили их. Коза прошла вперед, баран сел на край суфы, а теленок устроился рядом с бараном. Тогда волки сказали:

— Давайте споем песню.

Коза, баран и теленок из страха согласились. Взяв дутар, один волк запел:

— С большим курдюком — мой.

Другой волк взял дутар и запел:

— С рогами — мой.

Оставшийся волк тоже спел:

— С длинными ушами и большими ногами — мой.

Пришла очередь козы, барана и теленка.

— Мясник Нормад задолжал четырнадцать шкур, одиннадцать шкур мы оставили снаружи и три шкуры в доме,— спели они.

Старший волк сказал младшему:

— Выйди и посмотри, так ли это.

Тот вышел, увидел, что это правда, и убежал. Второй волк вышел, увидел, что это правда, и тоже убежал. Тогда вышел старший волк и увидел, что это правда. И он тоже убежал.

В конце концов этот дом достался козе, барану и теленку. Они стали там жить.

[ҚИССАИ ХАРГӮШОН]

Дар бешазоре буданд харгӯшон. Дар ҳамин бешазор буд шоҳи дарандаҳо шер. Шер ҳар рӯз харгӯшҳоро дошта мехӯрд. Дар охир ду харгӯш монд. Ҳардуи ин харгӯш аз воҳимаи шер тарсида, аз бешазор баромада мераванд. Дар роҳ бо рӯбоҳе вомехӯранд. Ҳодисаи шер чӣ тавр тамоми харгӯшонро хӯрдагиашро ба рӯбоҳ мегӯянд. Дар ҳамин вақт рӯбоҳ роҳи фиребро ба харгӯшҳо ёд медиҳад. Харгӯшҳо ба пеши шер омада, салом медиҳанд ва мегӯянд, ки:

— Эй паҳлавони рӯи замин, аз ту ҳам зӯртар шер будаст ва он худро бисьёр таъриф кард!

Шер ба ин гапи харгӯшҳо даромада, ба роҳ медарояд. Рафта-рафта ба назди чоҳе меоянд ва шер ба даруни чоҳ нигоҳ карда, афти худро дар об мебинад ва ҳамоно дар об будагӣ шерро ба ҷанг таклиф мекунад, аммо аз об ҳеҷ ким намебарояд. Боз як бор шер пойҳои пешашро ба чоҳ монда фарьёд мекунад, ба чоҳ пояш ғеҷида меғалтад ва аз ҳамон рӯз харгӯшҳо боз озод зиндагӣ ба сар мебаранд.

[РАССКАЗ О ЗАЙЦАХ]

Жили в лесу зайцы. И в этом же лесу шах хищных зверей — лев. Каждый день ловил лев зайцев и пожирал их. Наконец, осталось два зайца. Оба зайца из страха перед львом ушли из лесу. По дороге встретили они лису. Рассказали они лисе о льве, о том, как он съел всех зайцев. Тогда научила лиса зайцев, как обмануть льва. Пришли зайцы ко льву, поздоровались с ним и говорят:

—О богатырь мира! Есть лев даже сильнее тебя, и он очень восхваляет сам себя.

Поверил лев словам зайцев, и пошли они вместе. Шли они, шли и подошли к колодцу. Заглянул лев в колодец, увидел свое отражение и стал того льва, который был в воде, вызывать на бой, но из воды никто не выходил. И снова лев, поставив свои передние лапы на колодец, заревел. Передние лапы льва поскользнулись, и он упал в колодец. С тех пор зайцы снова стали жить свободно.

[БУМ]

Бума авқоташ фақат зоғ будас. Вай фақат зоғҳоя хӯрда мегаштас. Як рӯз инҳо маслиҳат карданду зоғҳо бумҳоба понздаҳ-шонздаҳ зоғ медоданд ҳар сӯткаба. Вазири зоғ як маслиҳата ёфта гуфт, ки:

— Ин бумҳо моя хӯрда тамом мекунанд, биёед, як тадбир кунем. Шумҳон мана дасту пояма канда, ба макони бумҳо партоетон, сонӣ баъзе вақт аз ман хабар гирифта истетон.

Зоғҳо бурда партофтанд. Бумҳо вая ин ҳолба ёфта, аз вай ҳол пурсиданд.

Зоғ гуфт, ки:

— Ман тарафи шумҳоя гирифта: бумҳо зӯр, бо вайҳо муросо кардан даркор гуфтам. Вайҳо мана ҳамин аҳволба карда, оварда партофтанд.

Бумҳо вая тарбият карда, саҳат карданд. Вай саҳат шуда, як рӯз ба пеши зоғон парида рафта гуфт, ки:

— Фалон ҷойба ҳезум ҷамъ кунетон!

Зоғҳо қарибиҳои хонаи бумба ҳезум ҷамъ карда, оташ заданд. Бо ҳамин бума несту нобуд карданд.

Аз ин ҷо: «Зӯрӣ кор набиёд агар, тадбир кор мебиёд. Душмана хуртаракишба эътимод карда намешад, фиреби душманба эътимод карда намешад»,— мегӯянд. Агар буромда ҷанг мекард, зӯр қати ҳазорташ ҳам якта бума кушта наметавонист.

[СОВА]

Сова питалась только воронами. Она ела только ворон. Однажды они договорились, что вороны будут отдавать сове каждые сутки по пятнадцать-шестнадцать ворон. Как-то вороний визирь в поисках какого-нибудь выхода сказал:

— Эти совы всех нас съедят, надо найти какой-нибудь выход. Сломайте мне руки, ноги и бросьте меня в тех местах, где водятся совы, а потом справляйтесь обо мне.

Вороны отнесли его и бросили там. Нашли его в таком положении совы и спросили, что с ним.

Ворон сказал:

— Я был за вас и говорил, что совы сильны и надо с ними примириться. Вороны за это привели меня в такое состояние, притащили сюда и бросили.

Совы за ним ухаживали и вылечили его. Поправившись, однажды прилетел он к воронам и сказал:

— Соберите в таком-то месте дрова!

Вороны собрали дрова и зажгли поблизости от дома совы костер. Этим они уничтожили сову.

Вот поэтому и говорят: «Там, где сила не поможет, там поможет хитрость. Не следует пренебрегать и маленьким врагом. Не следует пренебрегать обманом врага». А если бы вороны вышли и попытались начать войну, то и тысяча ворон не смогла бы убить одну сову.

[ТАҚСИМИ ШИКОР]

Шер, гург, рӯба — ҳарсеяш маслиҳат мекунан барои сайд кардан.

Ҳарсеяш шикорба мерану шикоранда як шутур, як хар, як буз шикор мекунан. Сонӣ шер [ба гург] гуфт, ки:

— Ту тақсим кун!

Сонӣ тақсимба омдагинда:

— Аз ҳама калон шумоба шутур, манба хар, рӯбаба буз,— мегӯд. Сонӣ шер гурга даррав, ҳамоно мекушад.

— Нафси худадба кашидӣ,— гуфта. Сонӣбад гурга куштанбад шер рӯбаба мегӯд, ки:

— Тақсим кун!

Рӯба мегӯд, ки:

— Ҳамаш азони шумо, монад муҳон мехурим, намонад не! — мегӯд.

Сонӣ руба мегӯд, ки:

— Ин сайдҳо азони шумо шуд, манам азони шумо, акнун инчанда якта шер ҳай, ҳамуна нобуд кардан даркор. Набошад ин сайдҳо аз даст мебуравад.

Сонӣ шера мебараду як чоҳа нишон медиҳад. Чоҳба сурати худаша бенда, мепартояду сонӣ мемурад. Рӯба шод шуда, ҳамаша мехӯрад. Бинобар ин мегӯн, ки: «Зур кати шудагинда шер мекушт, тадбир қати шер кушта шуд».

[ДЕЛЕЖ ДОБЫЧИ]

Лев, волк и лиса решили пойти поохотиться. Отправились они все трое на охоту и добыли верблюда, осла и козу. Тогда сказал лев волку:

— А теперь ты дели!

Начал волк делить добычу и говорит:

— Вам самого большого верблюда, мне — — осла, а лисе — козу.

Тогда лев сказал:

— Ты разделил в свою пользу! — И тут же убил волка.

После того, как он убил волка, лев сказал лисе:

— А теперь ты дели!

Лиса ответила:

— Все принадлежит вам! Если останется, я поем, а не останется, то нет.

Потом лиса добавила:

— И эта добыча ваша, и сама я принадлежу вам. Но здесь есть другой лев, так вот, его надо бы уничтожить, не то вы потеряете свою добычу.

Потом она повела льва и показала ему глубокий колодец. В колодце лев увидел свое отражение, прыгнул и умер. Лиса обрадовалась и съела всю добычу. Поэтому и говорится: «Лев убивает силой, а льва убивают хитростью».

[РӮБОҲ ВА ГУРГИ НОДОН]

Рӯба як боғба даромаду ду дона ангура гирифту тешуки бинишба тиқӣ карду кӯчаба баромада, рафта-рафта истода буд, ки аз пешаш гург баромад:

— Эй рӯба, ман туя мехӯрам! — гуфт.

Рӯба гуфт, ки:

— Эй гург, ман туя як боғба барам, меремӣ, ангур мехӯрӣ. Ана мана бин, аз ангурхӯрия ангур аз биниҳоям баромада рафт,— гуфт.

Гург розӣ шуд. Рӯба гурга гирифта як боғба дароварду аз болои дарахт хуб ангур канда партофтан гирифт. Гург хӯрдан гирифт. Ҳамин мобайнба хӯҷаини боғ омада монд. Рӯба гурехта рафту гург монд. Гург, ки аз ангура бисьёр хӯрданаша варам карда буд, аз мӯрии обдаро бурӯмда натонист. Ису давид, усӯ давид гург, бурӯмда натонист. Соҳиби боғ як калтак қатӣ хуб гурга зад. Бо ҳамин гург мурду рӯба аз дасти гург халос шуд.

[ЛИСА И ГЛУПЫЙ ВОЛК]

Лиса зашла в один сад, сорвала две виноградины и засунула их себе в ноздри. Потом она пошла по улице и повстречала волка.

— Эй, лиса, я тебя съем! — сказал волк.

Лиса ответила:

— Эй, волк, я тебя отведу в один сад, там ты наешься винограда. Посмотри на меня, я так объелась, что виноград вылезает у меня из ноздрей.

Волк согласился. Лиса повела волка в сад, влезла на виноградник и стала сбрасывать вниз виноград. Волк принялся его есть. В этот момент появился хозяин сада. Лиса убежала, а волк остался. Он съел много винограда, раздулся и не смог пролезть через отверстие для арыка. Бросился он туда-сюда, а выйти из сада не смог. Хозяин сильно избил волка палкой. Так волк умер, и лиса спаслась от него.

[КӢ ЗӮРТАР АСТ?]

Як шер буд, он як бачае дошт. Ҳеҷ одамро дидагӣ набуд, шабу рӯз ба зӯрии худ ғарқа шуда [ме]гуфт:

— Ҳамин кӯҳ, даст дошта бошад, гирифта ҳаво метиям, ки осмонба мечаспад!

Падараш мегуфт, ки:

— Ҳоли ту ба дасти одамизод наафтидӣ!

Бачаш дар ғазаб шуда, мегуфт, ки:

— Барои чӣ ту одамизодро ба ман пеша мекунӣ? Одамизод чӣ хел аст?

Додош гуфт, ки:

— Қади одамизод ду метр, якуним метр, ду дасту ду пой дорад.

Бачаш гуфт, ки:

— Гирифта ҳаво метиям, осмонба мечаспад.

Бачаи шер гуфт, ки:

— Ман саёҳатба мебуром.

Шербонба шер гуфт, ки:

— Бохабар шав, дасти одамизодба нағалтад,— гуфт.

Ино саёҳатба буромадан, чанд рӯз саёҳат карда гаштан, шербача бо ҳамроҳии шербон. Як чӯле рафтан, як хар ҳангасзанон омад.

— Хар, — гуфтан, — ҳа чӣ гап шуд ба ту?

Хар гуфт, ки:

— Мана напурс.

— Хайр, канӣ гап зан,— гуфт шербача.

— Гап ҳамин, ки аз дасти одамизод гурехта омадисодам.

— Барои чӣ гурехта омадисодӣ? — гуфт шербача.

Гуфт, ки:

— Аз пагоҳӣ то намози дигар панҷ пуд бор дар болом рафта омадисодиям, рафта омадисодиям. Одамизод хоб рафт. Барои шодиёнаи ин ашӯла хонда омадисодиям.

Баъд:

— Рафтан гир, одамизодро мебинӣ,— гуфт хар ва гузашта рафт.

Инҳо ба тарафи одамизод рафтан гирифтан, ки як одамизод пушташба ҳезуму дову даҳаная гирифта, омадисодас. Дар наздики шер одамизод омада истод. Шербача пурсид:

— Ту кӣ?

Гуфт, ки:

— Ман одамизод ҳастам. Падари ту гуфт, ки: «Ман як писар дорам, ҳаминба як иморат андохта те». Ҳамин чӯбу тахтаро барои иморат бурда истодаам. Иҷозат те, ки ман ҳаминҷо иморат созам. Ман аз дасти ту халос хӯрда наметавонам.

Шербача иҷозат дод:

— Хонаро соз,— гуфт.

[КТО СИЛЬНЕЙ?]

Жил лев и был у него сын, который никогда не видел человека. Днем и ночью похвалялся он своей силой и говорил:

— Если бы у горы была петля, ухватившись за нее, я так швырнул бы гору, что она прилепилась бы к небу!

Отец говорил:

— Не попал ты еще в руки человека!

А сын, рассердившись, сказал:

— Что ты мне тычешь человеком? Какой из себя человек?

Отец сказал:

— Рост человека полтора-два метра. У него две руки и две ноги.

Сын сказал:

— Схвачу я его и так швырну, что он к небу прилепится!

Сын сказал:

— Пойду погуляю.

Сказал отец льву, который присматривал за львенком:

— Смотри, чтобы он не попал в руки человека.

Пошли они гулять. Гуляли они несколько дней, львенок со львом, который за ним присматривал. Пришли в степь и видят, что идет к ним ревущий осел.

— Осел, что с тобой случилось? — спросили они.

— И не спрашивай,— ответил осел.

— Да ладно тебе, говори,— сказал львенок.

— Дело в том, что я бегу от человека.

— Почему ты бежишь от него? — спросил львенок.

Осел сказал:

— С раннего утра до вечернего намаза я все ходил и ходил с пятью пудами груза на спине. А когда человек отправился спать, я пришел сюда и пою от радости.

Потом:

— А ты иди дальше и увидишь человека! — сказал осел и ушел.

Пошли они искать человека, идет человек, взвалив на спину дрова, доски и всякий инструмент. Подошел человек ко льву и остановился. Львенок спросил:

— Кто ты?

Он сказал:

— Я человек. Твой отец сказал мне: «У меня есть сын, построй для него помещение». Эти доски и бревна я несу для постройки. Разреши мне здесь построить для тебя дом. Ведь убежать от тебя я не смогу.

Львенок дал свое согласие:

— Строй дом,— говорит.

Ин хеста, як қафаси кори калон сохт. Шербачая гуфт, ки:

— Канӣ полвон, дарунашба даромада хабар гир, канӣ танг-мӣ калон-мӣ?

Шербача дарунашба даромад. Даҳони қафаса махкам кард одамизод.

Шербон гуфт, ки:

— Ҳӯй полвон, дар вақташ гуфта будӣ, ки: «Одамизодро ба ҳаво ҳаво метиям», акнун чанголи одамизодба ғалтидӣ,— гуфт.

Одамизод қафасро бардошта рафтан гирифт.

Человек взял и построил очень крепкую клетку. И говорит львенку:

— А ну, богатырь, войди внутрь да посмотри, не мала ли она, не велика ли?

Львенок вошел внутрь. Человек закрыл клетку.

Лев-хранитель сказал:

— Эх, богатырь, хвалился ты: «Я человека в небо заброшу!» — а вот сам попал к нему в руки.

А человек поднял клетку и пошел.

[РӮБОҲИ ФИРЕБГАР]

Будагӣ, набудагӣ, як занаку як мардак будагӣ. Вай яг рӯз мӯсафедаш аз дашт рӯбо қапида омадагию занашба гуфтагӣ, ки:

— Ина то намозигара яг шӯрбои бамазза карда мон!

Занаш:

— Хуб,— гуфтагӣ.

Намозигариба занаш қимма карсодагиба, монда шудас. Рӯбо гуфтас, ки:

— Мана сар те, туба ёрдам метиям.

Занак:

— Не, —гуфтас.

Бо гуфтас рӯбо. Занак ахир сар додас. Сонӣбад кордиоша бардошта, ҷои қиммакуниба сари занакба якта мезанад, занак мемурад. Аг гӯшти занак шӯрбо мекунад. Мардак мебиёд. Шӯрбоя кашида медарод. Мардак комчак зада, занакба мегӯд, ки:

— Бисьёр шӯрбои нағз шудас.

Рӯбо механдаду думаша буроварда, нишон метияду гирехта мерад. Мардак гера карда истодагишба як садо мебурод. Вай қуян буд. Қуян мардака мепурсад:

— Чӣ ко кард? — мегӯд қуян.

Мардак мегӯд, ки:

— Рӯбои фиребгар зани мана кушт.

Қуян гуфт, ки:

— Ман вая танобаша мекашам!

Қуян яг таги деволба самбӯса хӯрда мешинад. Рӯбо вая мебенаду:

— Ушқун манба те,— мегӯд.

Қуян рӯбоба мегӯд, ки:

— Ин чӯбама то ҳо ана вай куя бурда те! — мегӯд.

Рӯбо бурда метияд. Қуян мегӯд, ки:

— То ана вай куя бурда те, мӯлтар метиям. Рӯбо:

— Хӯб! — гуфта бурда метияд. Назикишба мерад, ки қуянча чахмоқа дар гиронда пушти рӯбоба мерасонад. Рӯбо ғелида-ғелида ак ку меғалтад.

Бади якчанд рӯз хони қуянба бо рӯбо мерад. Қуян рӯбоба мегӯд:

— Даштба меравӣ?

Рӯбо:

— Не, не! — мегӯд.

Бо қуян мепурсад:

— Некисам дайроба маҳиқапиба меравӣ?

Рӯбо мегӯд:

— Бале, ин гапат дига, инҷаба меравим! — мегӯд.

Рӯбо ал лой кема месозад, қуян ач чӯб. Сал ал лаби дайро дуртар меран. Рӯбо:

— Бас-мӣ? — мегӯд.

[ЛИСА-ОБМАНЩИЦА]

То ли было, то ли нет, а были баба и мужик. Однажды старик поймал в степи лисицу, пришел домой и сказал жене:

— К вечернему намазу свари из нее вкусную шурпу!

— Хорошо,— сказала жена.

Но когда пришло время вечернего намаза, жена устала рубить мясо. Лисица попросила:

— Отпусти меня, и я тебе помогу.

— Нет,— сказала баба.

Но лисица снова попросила, и наконец баба отпустила ее. А потом лисица подняла секач и вместо того, чтобы рубить мясо, ударила бабу по голове. Баба умерла, а лиса сварила из ее мяса шурпу. Пришел мужик. Подала она ему шурпу. Мужик попробовал шурпу, чмокнул и сказал:

— Шурпа получилась очень вкусная.

Засмеялась лисица, выпростала свой хвост, показала его и убежала. Заплакал мужик и вдруг услышал чей-то голос. А это был заяц. Спросил заяц мужика:

— Что случилось?

Мужик ответил:

— Лиса-обманщица убила мою жену.

Заяц сказал:

— Я ее пристрою.

Сел заяц под стеной и стал есть самбусу. Увидела его лиса и попросила:

— Дай и мне немного.

А заяц отвечает лисице:

— Возьми дрова и отнеси-ка вон к той горе!

Лисица отнесла.

— А теперь,— говорит заяц,— отнеси дрова вон к той горе, я тебе больше дам.

— Хорошо,— ответила лисица и отнесла. Приблизилась она к зайцу, а он высек искру и пустил ее на шкуру лисы. Лисица перекувырнулась и полетела с горы.

Через несколько дней снова пришла лисица к дому зайца.

— Пойдешь в степь? — спросил у лисицы заяц.

Лисица говорит:

— Нет! Нет!

А заяц снова спрашивает:

— Тогда пойдешь ловить рыбу на речку?

Лиса сказала:

— Ага, это другое дело. Туда пойдем.

Построила лисица плот из глины, а заяц построил плот из дерева.

Отплыли они немного от берега, лисица и спрашивает:

— Хватит, что ли?

Қуян мегӯд, ки:

— Не, миёнатарашба равим, маҳӣ мӯл!

Рӯбо:

— Хай, —гуфта меравад.

Миёнашба рафтан бад кеми рӯбо тешик шуда мечӯкаду мемурад. Қуян шодӣ карда, хонашба омада, зиндагонӣ карда мегардаду ҳамин катӣ ба муроду махсадаш мерасад.

А заяц отвечает:

— Нет, на середину реки поплывем, там рыбы больше.

— Хорошо,— сказала лисица, и они поплыли дальше.

Достигли они середины реки, плот лисы прохудился и потонул, а лисица умерла. А заяц обрадовался, вернулся домой и стал там жить-поживать и достиг исполнения своих желаний.

[БИБИҚУНҒУЗАК]

Будагӣ, набудагӣ, як қунғузак будагӣ, шӯ надоштагӣ. Яг рӯз вай шӯковӣ буромадагӣ. Раба ягта подачия дидагӣ, вай пурсидагӣ, ки:

— Бибиқунғузак, о Бибиқунғузак, гуҷо рафтосид?

— Шӯковӣ!

— Манба мерасид? — гуфтас чӯпон.

— Қаратон биёд, чӣ катӣ мезанид? — гуфтас Бибиқунғузак.

— Ба ҳамин таёқи подабоним,— гуфтас подабон.

— Озорам, безорам,
Тоқати ин хел шӯ надорам!

— гуфтас.

Бо рафтан гирифтас, рафтан гирифтас, ки раба якта аспакия дидас, ки бурафтос.

— Ҳа Бибиқунғузак, гуҷо рафтосид? — гуфтас аспакӣ.

— Шӯковӣ,— гуфтас Бибиқунғузак.

— Манба мерасид? — гуфтас аспакӣ.

— Қаратон биёд, чӣ катӣ мезанид? — гуфтас Бибиқунғузак.

— Ҳамин қамчинама обба тар карда мезанам! — гуфтас мардак.

— Озорам, безорам,
Тоқати ин хел шӯ надорам!

— гуфтас Бибиқунғузак.

Бо рафтан гирифтас, рафтан гирифтас, раба яг муша дидас. Муш гуфтас, ки:

— Бибиқунғузак, Бибиқунғузак, гуҷо мерид?

— Шӯковӣ,— гуфтас Бибиқунғузак.

— Манба мерасид? — гуфтас муш.

— Қаратон биёд, чӣ кати мезанид? — гуфтас Бибиқунғузак.

— Ба ҳамин думам силла карда мемонам!— гуфт.

Боби дили ман будид,
Давои дили ман будид,

— гуфт Бибиқунғузак. Сонӣ ҳардошон зану шӯ шудан.

Як рӯз духтари пошшоя шӯба додану тӯй шуд. Сонӣ муш гуфт:

— Ту ҳаминҷаба наҷумида шин, ман рафта ах хони пошо ҳар чиз, тагу рӯи духтари пошоя мебиёрам,— гуфт муш.

Муш рафта буд, ки Бибиқунғузак ташна монду обхурӣ буромад. Об мехурам гуфта шулӯппӣ карда, обба афтид. Сонӣ дид, ки яг гала одамо саллаю ҷомаҳои нав пӯшида, тӯи духта-

[БУКАШЕЧКА]

То ли было, то ли нет, жила Букашечка, и не было у нее мужа. И вот отправилась она однажды искать себе мужа. Встретила она на дороге пастуха. Спросил у нее пастух:

— Букашечка, о Букашечка, куда вы идете?

— Мужа искать!

— А за меня пойдете? — спросил пастух.

— А чем вы будете меня бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Вот этим пастушьим посохом,— ответил пастух.

— Измучена, страдаю я,
Но муж такой не для меня,—

сказала Букашечка.

Пошла она дальше. Шла она, шла и увидела на дороге всадника.

— Эй, Букашечка, куда вы идете? — спросил ее всадник.

— Мужа искать,— ответила Букашечка.

— А за меня не пойдете? —спросил всадник.

— А чем вы будете меня бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Намочу эту нагайку в воде и отстегаю тебя, — ответила всадник.

— Измучена, страдаю я,
Но муж такой не для меня,—

сказала Букашечка.

Пошла она дальше. Шла она, шла и увидела на дороге мышонка. Спросил ее мышонок:

— Букашечка, а Букашечка, куда вы идете?

— Мужа искать,— ответила Букашечка.

— А за меня не пойдете? — спросил мышонок.

— А чем вы меня будете бить, если рассердитесь? — спросила Букашечка.

— Да поглажу тебя вот этим хвостом,— ответил мышонок.

— Вы радость моего сердца,
Вы лекарство моего сердца! —

ответила Букашечка. А потом они стали мужем и женой.

Однажды выдавали дочь падишаха замуж и устраивали свадьбу. Мышонок сказал:

— Ты посиди здесь и никуда не ходи, а я пойду и принесу из дома падишаха всякой всячины и вещи дочери падишаха.

Ушел мышонок, а Букашечке захотелось пить, и пошла она напиться. Только собралась она попить, как поскользнулась и упала в воду. Потом увидела она, как целая толпа людей в чалмах и новых халатах направляется на свадь-

ри пошоба рафтосиян. Ҳамуноба ниго карда гуфт:

Тақ-тақасувор, ман ба ту мегӯм,
Ҷомашгулинор, ман ба ту мегӯм.
Мушакро равӣ гӯ,
Гандаришакро равӣ гӯ.
Саночбапуштакро равӣ гӯ.
Маҳу маҳпарчӣ вай дар об.
Маҳу шамчироғи вай дар об.
Дар ҳавзи гулоби подшо афтидас.
Рӯҳо сиё, мӯҳо тунук,
Чишмо таги сангба булӯққӣ!
Мушакро равӣ гӯ.
Гандаришакро равӣ гӯ.

Сонӣ ин одамо тӯи пошоба рафта дидан, ки як мушак да пушташ саночу дарунбаю берунба [даромадаю] баромадаю гаштас. Сонӣ гапи Бибиқунғузак ёдашонба омада, гуфтиян, ки:

— Ин ҳамун мушаки Бибиқунғузак гуфтагӣ набошад?

Ин гапа мушак шунида, давон-давон омадас, ки Бибиқунғузак обба афтидагӣ.

— Дастата те кашам,— гуфтас муш.

— Дастаком шикалале,— гуфтас Бибиқунғузак.

— Почиката те,— гуфтас муш.

— Почикаком шиқалале,— гуфтас Бибиқунғузак.

Сонӣ мушак ягта чӯба овардас, Бибиқунғузака кашида буровардасу гирди оштонба монда, алоб кардас, ки хушк кунам гуфтаю худаш ҳезумба рафтас. Бибиқунғузак алобба афтида, сӯхта мурдас. Сонӣ муш омада, вая гӯр карда, болои гӯрашба як каф маизу якта қурута монда, гуфтас, ки:

— Ҳар кас ҳамин қурута хурад, ҳам ак кунаш гап занаду ҳам ад даҳанаш.

Худи муш рафта, азодор шуда, шиштас. Яг мардак аспба сувор шуда, омада истода будас, қурута нағз медидас, гирифта хӯрдасу бади хӯрдан аспаша «чу» — гуфтас, кунашам «чу» гуфтас. Ҳайрон шуда, «Бу нима бало»,— гӯд агар, кунашам: «Бу нима бало»— гуфтас. Ат тарси ҷонаша то хонаша тез рафта, дари хонаша кушода, даромадасу инам талхакафид шуда мурдас. Тамом.

бу дочери падишаха. Взглянула она на них и сказала:

— Так-так, всадник, я тебе говорю,
В халате с вытканными цветами граната, я тебе говорю.
Пойди и скажи мышонку,
Пойди и скажи тому с худой бороденкой.
Пойди и скажи тому с торбой на спине,
Что луна и луноликая его в воде,
Что луна и светильник его в воде.
Что упала она в хауз с розовой водой падишаха,
Лицо ее потемнело, волосы рассыпались по воде,
А глаза вылезли из орбит.
Пойди и скажи мышонку,
Пойди и скажи тому с худой бороденкой.

А потом эти люди пошли на свадьбу к падишаху и увидели, что там повсюду ходит мышонок с торбой на спине. Вспомнили они слова Букашечки и сказали:

— Не тот ли это мышонок, о котором говорила Букашечка?

Когда мышонок услышал этот разговор, он сразу побежал к месту, где упала Букашечка.

— Дай мне свои ручки, я тебя вытащу,— сказал мышонок.

— Ручки мои поломаны,— ответила Букашечка.

— Дай мне твои ноженьки,— сказал мышонок.

— Ноженьки мои поломаны.

Потом принес мышонок палку и вытащил Букашечку. Потом он зажег в очаге огонь, чтобы высушить ее, а сам пошел за дровами. Букашечка упала в огонь и сгорела. Потом вернулся мышонок, похоронил ее, положил на ее могилку горсть изюма и курут и сказал:

— Пусть, кто съест этот курут, заговорит ртом и задом.

Мышонок пошел и сел в трауре. Приехал мужчина верхом на лошади. Он любил курут и съел его. А после того, как съел, сказал лошади: «Чу»— и зад его сказал: «Чу». Удивился он и сказал: «Что за несчастье?»— и зад его сказал: «Что за несчастье?» Испугался он, поскакал и мчался до самого дома. Открыл он дверь, вошел, лопнул у него желчный пузырь, и он умер. Конец.

[ЗӮРИ ҚАДИМ]

Будагӣ, набудагӣ, яг чумчуқак будагӣ. Сонӣ вай яг рӯз боли яхба шиштасу ғеҷида, почикаш шикастас. Сонӣ яхба гуфтас, ки:

— Ях, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки болотба шинам, меғалтонию бо почикама мешиканӣ?

Ях гуфтас, ки:

— Ман агар зӯр бошам, офтоб мана об мекунад-мӣ?

Сонӣ чумчуқак пеши офтобба рафта гуфтас:

— Офтоб, офтоб, ту ҳамиқада зӯр-мӣ, ки яха об мекунӣ?

Офтоб гаштасу гуфтас, ки:

— О, агар ман зӯр бошам, авр пеши мана мегирад-мӣ?

Сонӣ чумчуқак пеши аврба рафтасу гуфтас:

—Авр, авр, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки пеши офтоба мегирӣ?

Авр гуфтас, ки:

— Ман агар зӯр бошам, мана барфу борон шикоф карда, мегузарад-мӣ?

Сонӣ чумчуқак пеши барфу боронба рафта, гуфтас, ки:

— Шумуҳон ҳамиқа зӯр-мӣ, ки авра шикоф карда, мегузаронитон?

Барфу борон сонӣ гуфтиян, ки:

— О, агар муҳон зӯр бошим, замин муҳона мебардорад-мӣ?

Сонӣ пеши заминба рафтасу гуфтас, ки:

— Замин, замин, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки барфу борона мебардорӣ?

Замин гуфтас, ки:

— Агар ман зӯр бошам, савзу сақалоқо мана шикоф карда мегузарад-мӣ?

Сонӣ чумчуқ пеши савзу сақалоқо рафтасу гуфтас:

— Э савзу сақалоқо, шумуҳон ҳамиқа зӯр-мӣ, ки замина шикоф мекунитон?

Савзу сақалоқо гуфтиян, ки:

— О, муҳон агар зӯр бошим, муҳона барру бузғолаҳо каллакан кара мехуран-мӣ?

Сонӣ чумчуқак пеши барру бузғолаҳоба рафта пурсидас, ки:

— Барру бузғолаҳо, барру бузғолаҳо, шумуҳон ҳамиқа зӯр-мӣ, ки савзу сақалаҳоя каллакан карда мехуритон? — гуфтас.

Сонӣ барру бузғолаҳо гуфтиян, ки:

— Муҳон агар зӯр бошим, гург муҳона шикамомоя кафонда, мехурад-ми?

Сонӣ чумчуқак пеши гург рафта, пурсидас, ки:

— Гург, гург, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки барру бузғолаҳоя мехурӣ? — гуфтас чумчуқак.

— О, агар ман зӯр бошам, мерган мана милтиқаш катӣ мекушад-мӣ?

[СИЛАЧ ИЗ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН]

То ли было, то ли нет, а был один воробышек. Как-то сидел он на льду, поскользнулся и сломал лапку. И говорит он льду:

— Лед, лед, ты такой сильный, что, когда я на тебя сел, ты меня повалил и сломал мне лапку?

Лед сказал:

— Если бы я был сильный, разве могло бы меня растопить солнце?

Пошел тогда воробышек к солнцу и говорит:

— Солнце, солнце, ты такое сильное, что можешь растопить лед?

А солнце ответило:

— Если бы я было сильное, то разве могла бы меня закрыть туча?

Пошел тогда воробышек к туче и говорит:

— Туча, туча, ты такая сильная, что можешь закрыть солнце?

Туча отвечает:

— Если бы я была такая сильная, то меня бы не могли разорвать дождь и снег.

Пошел тогда воробышек к снегу и дождю и говорит:

— Вы такие сильные, что можете пробиться сквозь тучу?

Тогда ответили снег и дождь:

— Если бы мы были такие сильные, разве могла бы нас выдержать земля?

Пошел тогда воробышек к земле и говорит:

— Земля, земля, ты такая сильная, что можешь выдержать дождь и снег?

Земля ответила:

— Если бы я была такая сильная, разве могла бы пробиться сквозь меня трава?

Пошел тогда воробышек к травам и говорит:

— О, травы, вы такие сильные, что пробиваетесь сквозь землю?

— Если бы мы были такие сильные, разве могли бы нас вырывать и поедать ягнята и козлята?

Пошел тогда воробышек к ягнятам и козлятам и спросил их:

— Ягнята и козлята, ягнята и козлята, вы такие сильные, что вырываете и поедаете траву?

Ответили тогда ягнята и козлята:

— Если бы мы были такие сильные, нас не мог бы задрать и съесть волк.

Пошел тогда воробышек к волку и спрашивает:

— Волк, волк, неужели ты такой сильный, что пожираешь ягнят и козлят?

— Если бы я был такой сильный, разве мог бы охотник убить меня из ружья?

Сонӣ чумчуқак пеши мерган омадас:

— Мерган, мерган, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки гурга милтиқат қатӣ зада мекушӣ? — гуфтас.

Мерган гуфтас, ки:

— О, агар ман зӯр бошам, доруи милтиқи мана чумалӣ мекашонад-мӣ?

Сонӣ чумчуқ пеши чумалиба рафта, гуфтас, ки:

— Чумалӣ, о чумалӣ, ту ҳамиқа зӯр-мӣ, ки доруи мергана мекашонӣ хонатба?— гуфтас.

Сонӣ чумалӣ гуфтас:

— Ҳа, ман зӯри қадим будам! Агар миёнамба арғамчин бошад, куҳа кашола мекардам.

Сонӣ ҳама инба қоил шудиян.

Пошел тогда воробышек к охотнику и спрашивает:

— Охотник, охотник, неужели ты такой сильный, что убиваешь из ружья волка?

Отвечает охотник:

— Если бы я был такой сильный, мой порох не растаскивали бы муравьи.

Пошел тогда воробышек к муравью и говорит:

— Муравей, муравей, неужели ты такой сильный, что перетаскиваешь порох охотника к себе домой?

И ответил тогда муравей:

— Да, я силач из древних времен. Если бы была у меня на пояснице веревка, я бы и гору с места сдвинул.

Тогда все были восхищены этим.

[РӮБОҲ ВА ХУРӮС]

Яг рӯзи, ки як тулки овба буромадас. Овба бурод, як хурӯз учрамиш кардас. Тулкӣ даҳанаш қатию дасташ қатӣ хурӯза қаппидас.

— Бородар, ман туя мехурам! — гуфтас.

Хурӯз гуфтас, ки:

— Э бородар, мана барои чӣ мехурӣ?

— Туя хӯрданам ҳамин сабаб, ки ҳама махлуқо ягта занаш бошад, тунда да-дувозда занат мешад. Дуйӯмаш, мардумона айни хоби қизиқашва бемаҳал мечиғӣ, барои ҳамин ман туя мехурам!

Хурӯз гуфт, ки:

— Набошад, як дастата бардошта омин гӯ, бад хуриям майлаш!

Тулкӣ «оллоҳу акбар» гуфта, хурӯза сар дод, хурӯз парриду бурафт.

[ЛИСА И ПЕТУХ]

Отправился как-то лис на охоту. Пришел на охоту и встретил петуха. Схватил его лис пастью и лапами.

— Я тебя, братец, съем! — сказал он.

Петух сказал:

— Ах, братец, за что же ты собираешься съесть меня?

— А съем я тебя за то, что у всех живых существ одна жена, а у тебя десять-двенадцать жен. Во-вторых, съем я тебя за то, что ты так рано будишь людей от самого сладкого сна.

Петух сказал:

— Так ты хоть руку подыми и скажи: «аминь», а потом, уж ладно, ешь меня!

Говоря «Аллах велик», лис выпустил петуха, тот и улетел.

[БУЗ ВА ҲАФТ БУЗИЧА]

Будас, набудас, як бузак будас. Вай Алӯл доштас, Булӯл доштас, Пуштакидар доштас, Хумчиякизар доштас, Хокистарлӯтак доштас, Мехчапарак доштас, Токчапарак доштас.

Сонӣ ҳар рӯз даштакоба мерафтасу алаф мехӯрдас, пуштакашба алф мегирифтас, кунакашба гӯз мегирифтас, синиякошба ширу қаймоқ гирифта, оварда бачаҳошба медодас. Сонӣ вай як рӯз даштба буравад агар, гургак омадасу гуфтас, ки:

— Пуштакидар, дара кушо! — гуфтас.

Сонӣ вай дара кушодас. Сонӣ даромадас, вайҳо дидиян, ки гургак омадас. Ҳамаш рус шудас. Токчапаррак токчаба, Мехчапаррак мехчаба рус шудас, Хокистарлӯтак хокистарба рус шудас. Пуштакидар пушти дарба рус шудас, Хумчиякизар хумчаи зарба рус шудас. Алӯлу Булӯл хоная миёнашба мондас. Сонӣ гург омадасу хӯрдасу мондас бурафтас. Сонӣ ино дара рус карда шиштиян. Бузак омадас.

— Пуштакидар, дара кушо! — гуфтас.

Дара кушод. Даромад, ки Алӯлу Булӯл нестас. Вайҳо гуфтан, ки:

— Алӯлу Булӯла гургак омаду хӯрду бурафт.

Даррав пуштангӣ алафаша монд, синиякошба шир буд, шираша монд, кунакашба гӯз буд, гӯзаша монду давида боми гургакба рафт.

Гурга бомашба дукур-дукур кард, эсун рафт, дукур-дукур кард, ӯсун рафт. Гург гуфт, ки:

— Кист-кист дар ин бомаки ларзонаки мо?
Хок мерезад да оши явғонаки мо?
Ошакамо шӯр шуд,
Меҳмонакамо кӯр шуд.

Ин бузак гуфт:

— Манам, манам бузаки чиннӣ,
Ду шох дорам, ду биннӣ.
Алӯлакам ту хӯрдӣ,
Булӯлакам ту хӯрдӣ!
Буро ба ҷанги шохи ман!

— гуфтас.

Бо гургак гуфтас, ки:

Алӯлатам нахӯрдиям,
Бӯлалатам нахӯрдиям,
Намебуром ба ҷанги ту,

— гуфт.

Бо бомашба дукур-дукур кара давид, бо дукур-дукур кара давид.

Бо гуфт, ки:

[КОЗА И СЕМЕРО КОЗЛЯТ]

То ли было, то ли нет, а была одна козочка. У нее был Алюль, был Булюль, был Пуштакидар, был Хумчиякизар, был Хокистарлутак, был Мехчапарак и был Токчапарак.

Каждый день она уходила в степь, ела траву и приносила детям на спинке траву, в заду воздух, в вымечке молоко и сливки. Однажды, когда она ушла в степь, пришел волк и сказал:

— Пуштакидар, открой дверь!

Он открыл дверь. Волк вошел. Увидев его, все спрятались. Токчапарак — за ставнями, Мехчапарак — на гвоздике, Хокистарлутак — в золе, Пуштакидар — за дверью, Хумчиякизар — в золотом хуме. А Алюль и Булюль остались посреди дома. Тогда волк съел их и ушел. Остальные закрыли дверь и стали ждать. Пришла козочка.

— Пуштакидар, открой дверь! — сказала она.

Дверь открылась, она вошла и увидела, что Алюля и Булюля нет. Козлята сказали:

— Пришел волк и съел Алюля и Булюля и ушел.

Козочка быстро сбросила траву со спины, в вымечке было молоко, его вылила, в заду был воздух, его выпустила, побежала и взобралась на крышу дома волка.

На крыше она застучала копытами; в одну сторону пошла и постучала, в другую сторону пошла. Волк сказал:

— Кто это?
Кто на моей дрожащей крыше?
Сыплет пыль в мою похлебку?
Еда моя стала соленой,
Гости мои ослепли.

Козочка сказала:

— Это я, фарфоровая козочка,
Два рога имею и два носа.
Алюля моего ты съел,
Булюля моего ты съел!
Выходи на бой с моими рогами!

Волк снова сказал:

— Алюля твоего не ел я,
Булюля твоего не ел я,
Не выйду я на бой с тобой.

Снова козочка забегала по крыше и застучала, забегала и застучала.

Волк снова спросил:

— Кто-кто на моей дрожащей крыше?
Сыплет пыль в мою похлебку?

Кист-кист дар ин бомаки
ларзонаки мо,
Хок мерезад дар ин ошаки
явғонаки мо?
Ошакамо шӯр шуд,
Меҳмонакамо кӯр шуд.

Боз ин мегӯяд, ки:

Манам, манам бузаки чиннӣ,
Ду шох дорам, ду биннӣ,
Алӯламам ту хӯрдӣ,
Булӯламам ту хӯрдӣ,
Буро ба ҷанги шохи ман!

Сонӣ мебурод, сонӣ ҷанг мекунан. Така-така гурс карда мезанад, така-така гурс карда, мезанад бузича, сонӣ дандонои бузича мешиканад, шохои бузича мешиканад. Дандонакои гург мешиканад. Сонӣ ҳардуш устоба меран. Дарав бузича мебиёд, а хонаш қаймоқоя мегирад, фатирои қаймоқин мекунад.

Гург мепурсад, ки:

— Ту чӣ кардӣ?

Ин мегӯд, ки:

— Як нӯмол тапак.

Гург яг нӯмол тапака баста мегирад. Бузича нонои қаймоқина баста мегираду пеши устоба мерад

Усто даррав фатирчая мегираду мехурад, тапакои гурга мегираду таги оштонба партофта алоб мекунад. Сонӣ бузибача дандони пӯлотин мекунад, гургакба дандонаи чигитин мекунад.

Ҳардуш мебиёду ҷанг мекунан. Сонӣ:

— Об хурим,— гуфта бузича унту нӯлаша обба дошта меистад, нахӯрда. Гургак оба мехураду мехураду мехурад, варам мекунад. Сонӣ ҳардуш ҷанг мекунад, гург вазбен мешавад, бузича хез мекунаду мезанад, шохаш кати шикамаша мекафонад, сонӣ Алӯлу Булӯлаша мегираду хонашба мебиёд, ба муроду махсадаш мерасад.

Еда моя стала соленой,
Гости мои ослепли.

Ответила козочка:

— Это я, фарфоровая козочка,
Два рога имею и два носа,
Алюля моего ты съел,
Булюля моего ты съел,
Выходи на бой с моими рогами!

Тогда волк вышел, и они сразились. Козочка разбежалась — и ударила волка рогами, разбежалась — и снова ударила. Зубы у козочки сломались, рожки у козочки сломались. Зубы у волка тоже сломались. Тогда они оба пошли к мастеру. Козочка быстро побежала, принесла из дома сливки и испекла сладкие лепешки. Волк спросил:

— Что ты сделала?

Она ответила:

— Целый платок кизяка.

Волк наполнил платок кизяком. Козочка завернула сладкие лепешки и пошла к мастеру. Мастер взял лепешки и съел, а кизяки волка бросил в печь и сжег. Затем он сделал козочке стальные зубы, а волку из хлопковых семян. Оба сошлись и стали драться. Потом козочка сказала:

— Давай напьемся воды. Она опустила морду в воду и так подержала, не глотая воды. А волк пил, пил воду, пока не раздулся. Потом они снова стали драться. Волк отяжелел, а козочка стала на него нападать и бить. Рожками она распорола ему живот, взяла Алюля и Булюля и пошла домой. Так она достигла исполнения своих желаний.

[ЧУМЧУҚАК]

Будас, набудас, як чумчуқак будас. Сонӣ вай якта ғӯза, ёфтас, вая пеши Маъсумаойба бурдас.

— Ина каш-каш карда метӣ, наметӣ? Кашкаш карда натӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам. Аюбату Башората гирьён мекунам! — гуфтас.

Сонӣ ваё тарсида гирифтияну вая даррав каш-каш карда додиян. Сонӣ вай пеши Мусавира овардас. Вайба овардасу гуфтас, ки:

— Ина ҳал-ҳал карда метӣ, наметӣ? Агар ҳал-ҳал карда натӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам. Мусанида катӣ Азизҷона гирьён мекунам! — гуфтас.

Вай даррав гирифтасу ҳал-ҳал карда додас.

Сонӣ ап пеши вай пахтая гирифтасу пеши Мушарафойба даромадасу гуфтас, ки:

— Ина рес-рес карда метӣ, наметӣ? Агар карда натӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам. Рауфҷону Расулҷона гирьён мекунам! — гуфтас.

Вай тез рес-рес карда додас. Сонӣ а унча пеши апи Солиҷонба даровардас, ки:

— Ина боф-боф карда метӣ-мӣ, наметӣ-мӣ? Агар боф-боф карда натӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам. Солиҷону Наимата гирьён мекунам? — гуфтас.

Ваё гирифта, даррав боф-боф карда додиян.

А унча пеши апи Барною Гулчеҳра даромадасу гуфтас:

— Ина бур-бур карда метӣ, наметӣ? Агар бур-бур карда натӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам, Барною Гулчеҳрая гирьён мекунам!

Сонӣ ап пеши ваё пеши апи Воҳидҷонба даромада, гуфтас, ки:

— Ина дӯз-дӯз карда метӣ, наметӣ? Дӯз-дӯз накунӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам, Воҳидҷона гирьён мекунам!

Вай даррав гирифта, дӯз-дӯз карда додас.

А унча пеши амми Бӯрӣ рафтасу гуфтас, ки:

— Ина пӯш-пӯш карда метӣ, наметӣ? Пӯш-пӯш накунӣ, хоната вайрон мекунам, пушташа гудон мекунам, Иҷобатоята гирьён мекунам!

Аммӣ Бӯрӣ даррав гирифта пӯш-пӯш карда додиян.

Пӯш-пӯш карда лаби боми подшоба рафтас.

Пошои нимчакун,
Намачат дар дари кун,

[ВОРОБЫШЕК]

То ли было, то ли нет, а жил воробышек. Нашел он как-то коробочку хлопка и отнес ее тетушке Маасуме. И говорит:

— Вытянешь ли ты это мне или нет? Если не вытянешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю, а детей твоих Аюба и Башорат плакать заставлю.

Испугалась она, взяла коробочку хлопка, вытащила хлопок и отдала воробью. Тогда отнес воробей хлопок Мусавире. Отнес он ей и говорит:

— Распутаешь ли ты это мне или нет? А если не распутаешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю. Мусаниду и Азизджона плакать заставлю.

Сразу взяла она хлопок, распутала и отдала ему. Тогда он взял у нее хлопок, пошел к тетушке Мушаррафе и говорит:

— Спрядешь ли ты это мне или нет? А если не спрядешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю, Расулджона и Рауфджона плакать заставлю.

Она быстро спряла нитки и отдала ему. Воробей пошел оттуда к матери Солиджона и говорит:

— Ты мне это соткешь или нет? Если не соткешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю, Солиджона и Наима плакать заставлю.

Она взяла, быстро все соткала и отдала.

Пошел он оттуда к матери Барно и Гульчехры и говорит:

— Ты мне это разрежешь или нет? А если не разрежешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю, а Барно и Гульчехру плакать заставлю.

А от нее пошел он к матери Вахидджона и говорит:

— Ты мне это сошьешь или нет? А если не сошьешь, то я твой дом разрушу, за домом уборную сделаю, Вахидджона плакать заставлю.

Она быстро взяла и сшила все.

Отправился он тогда к тетушке Бури и говорит:

— Наденешь ли ты на меня это или нет? Если не наденешь, я дом твой разрушу, за домом уборную сделаю, твоего Иджобата плакать заставлю.

Тетушка Бури быстро надела на него платье.

Оделся он, сел на крышу падишаха и запел:

Полузадый падишах,
Кошма у зада,

Ман лолои нав дорам,
Ту надория!
— гуфтас.

Пошо гуфтас:

— Э, вай кӣ? Вай милтиқа буроритон, вай чӣ гуфтос? — гуфт.

Милтиқа овардан, ки вай парриду бурафту муроду махсадашба расид.

У меня новая одежда,
А у тебя нет!

Падишах говорит:

— Кто это? Эй, принесите-ка мне ружье, что это он такое говорит?

Принесли ружье, а воробей вспорхнул и улетел. Так он достиг исполнения своих желаний.

[РӮБОҲ ВА ГУРГ]

Яг рӯба рӯзе зиндагиковӣ рафта меистад, ки яг дарахтба яг бурда гӯшту қапқон мондагӣ. Буромада, ҳайрон шуда меистад, ҳамтунда гург омада, вомехурад рӯбава. Сонӣ гуфтас, ки:

— Имрӯз рӯзи ҷумаю рӯза будам, акун ҳу унҷанда гӯшт будас, рафта ту хур!

Вай мераду гифта мехурам гӯяд, қапқонба қава мемонад, гӯшт заминба меғалтад.

— Акун рӯзи ҷума тува гузашт, ту рӯза шудӣ, — мегӯду гӯшта гирифта мехурад, мебиёд.

[ВОЛК И ЛИС]

Бежал как-то лис в поисках пропитания и увидел, что у дерева стоит капкан с мясом. Подошел он и остановился пораженный, а в это время пришел туда волк и встретился с лисом.

И тогда сказал лис:

— Сегодня пятница, я пощусь, а вон там лежит мясо, иди поешь!

Пошел волк, хотел взять и съесть мясо, а капкан захлопнулся, и мясо упало на землю.

— Теперь у тебя пятница, теперь ты постишься, — сказал лис, взял мясо, съел его и ушел.

[ГУРГИ САЙЁД]

Яг гург дума даруни дайрова тиқа кара шиштас, ки: «Маӣ дар монад, гирифта мехурам». Сонӣ рӯба омадасу дида гуфтас, ки:

— Бештар, ҳама думата тиқа кун, агар бисьёр маӣ дар монад, манам ёрӣ метиям.

Вай дума дурни обба тиқа кунад, дурни обба ях кара мондас. Рӯба гашта шаҳарба омада, одамова гуфтас, ки:

— Ман гурга обба ях кунонда омадам, рафта, пӯсташа канда, гирифта биётон.

Сонӣ одамо аспову лангара гирифта биён, гург тарсида, шарти думаша канда, гурехта меравад, дум дарни дайрова мемонад.

[ВОЛК-РЫБАК]

Сидел волк, опустив хвост в реку. «Когда рыба ухватится за хвост, я ее поймаю и съем»,— думал он. Потом пришла лиса, увидела его и сказала:

— Ты лучше весь хвост опусти в воду, если прицепится очень много рыбы, я помогу тебе.

Он засунул весь хвост в воду, и хвост замерз в воде. А лиса пошла в город и сказала людям:

— Я заморозила волка в воде, а вы идите и сдерите с него шкуру.

А потом взяли люди орудия всякие и цепи и пошли, а волк, испугавшись, оборвал хвост и убежал, оставив хвост в реке.

[ҲИКОЯТИ МУШ ВА ГУРБА]

Хуни яг шахсеба яг гурба будас. Яг гурба будасу ҳамун соҳиби гурба гурбаба чанд вахт афқот надод. Яг руз гурба гуф, ки: «Ман панҷаи шерам бошад, қувватам бошад, ман ҳаминба муҳтоҷ шуда мегардам-мӣ? Мераму шикор мекунаму ақ қуввати сарупанҷаи худам руз мегузарунам». Ҳамту гуфту яг ҷо рафт, ки ду-се сурохӣ, дани яг сурохира гирифту истод, ки ина ак кадумаш муш бурод.

Буд, ки як муш бурумад. Муш бурумад, ки хез карду муша чангол карду қаппид. Муша қаппид, ҷудо вахташ чоқ шуд, гуфт, ки:

— Маҳ ҳамиқа дар интизори ту будам, акун ту умадӣ, худо манба дод.

Муш гуфт, ки:

— Э, султони ҷанваро, ман иққа гуште дорам, ки ту мана хурда, бад вақтат чоқ мешад? Мана сар те, ман равам, ба мушо, ба ҳар куҷо таърифи тура кунам,— гуфт,— ман аз худои таоло талабам ҳамин буд, ки тура ба ман расунад, акун тура худо манба расунд,— гуфт,— ат талаби худам расунд,— гуфт,— мана сар те, ки ман рафта, мушоба таърифи тура кунам, беринба туй гуфта, гирифта биёрам, бад ту қаппида хурдан мегирӣ, бад мебинӣ, ки ам ман чиққа нағзӣ мебинӣ.

Гурба гуфт, ки:

— Боз барои худата халос кардан дуруғ нагуӣ?

— Не,— гуфт муш,— ман дуруғ намегум, ҳамин нағзии ту кардистодагира ман ах хотирам бурорам, бат ту руи манба туф кун.

Гурба муша сар дод. Ду руз — се руз ҳамунҷаба мунтазир шуда шишт, муш набурумад. Сунӣ ҳамунҷаба ои сар кашида буд, ки муш ад дарин гуфт, ки:

— Ҳа, чиба ои сар мекашӣ бо?

Бад гурба гуфт, ки:

— Чиба алда, фиреб карда рафтӣ?

Бад муш гуфт, ки:

— Аҳмақ набошӣ, мананда аг куҷо тую тамошо, ки ман мушора туйба хабар мекардияму бо ту мушора мехурдӣ, ту гурби ҳези кундарида,— гуфта таъна карда, дарумада бурафт.

[РАССКАЗ О МЫШКЕ И КОТЕ]

Был в доме одного человека кот. Был кот, но хозяин дома долгое время не давал ему еды. И подумал однажды кот: «У меня лапы льва, и сила есть, так неужели же я должен так нуждаться? Пойду-ка я на охоту и силой своих лап и головы стану добывать себе пропитание». Подумал так и пошел туда, где было несколько щелей. Остановился около одной щели, подождал, когда выйдет оттуда мышь.

И вот одна мышь вышла. Как только мышь высунулась, кот прыгнул и схватил ее. Схватил он мышь, очень обрадовался и сказал:

— Я так долго ждал тебя, наконец-то ты появилась. Это бог дал тебя мне.

А мышь сказала:

— О султан зверей! Во мне так мало мяса, что если даже ты съешь меня, то разве будешь доволен! Лучше отпусти меня, я пойду к мышам и буду хвалить тебя всюду. Я просила всевышнего, чтобы он прислал тебя мне, и теперь, когда бог тебя прислал, по моей просьбе прислал, ты меня отпусти, чтобы я тебя хвалила. Я скажу им, что наверху туй, и приведу их сюда, а ты их схватишь и съешь. Вот увидишь, как много ты получишь от меня пользы.

— А не врешь ли ты, чтобы спастись? — спросил кот.

— Нет,— ответила мышь,— я не вру, если я забуду все то добро, что ты для меня сделаешь, то плюнь мне в лицо.

Отпустил ее кот и сидел там несколько дней в ожидании. Но мышь так и не вернулась. Тогда вздохнул он громко, а мышь говорит из норы:

— Ты чего так вздыхаешь?

А кот отвечает:

— Почему ты обманула меня и убежала?

А мышь отвечает:

— Не будь дураком, откуда у меня всякие развлечения да туй, чтобы я могла приглашать сюда мышей тебе на потребу, эх ты, кошачий евнух с рваным задом,— так обругала его мышь и убежала.

[ХИРС ВА БОБОИ ХАСКАШ]

Ҳолагӣ як қишлоқанда гуему мунем-дия. Яг қишлоқанда яг бобои хаскаш будиян. Фақат касмаш ҳамин буд, ки ҳар руз яг пуштора хасса оварда, бозорба мефурушад, пули ҳавайба, мисол, таматтуъи рузгораш шуда меистад. Яг руз ҳамин ҳезума пуштора баста истода буд, ки гушашба яг шарфа дарумад. Сунӣ ниё кард, ки яг хирс умадистодас, ки худи бало борин.

— Оббо,— гуфт,— ҳамту дар ҳаминҷа хурда бурафтам, ки мурдама ҳиҷ кас наёфт-дия. Дар ҳамин ҳолат буд, ки хирс:

— Ассалому алекум, бобо,— гуфт,— шумо аз ман натарсед, ман рузҳои дароз, моҳҳои дароз дар ҳамин тааҷҷуби ташвиши шумо, ба шумо раҳмам умаду хостам ба шумо ёрӣ расунам. Акнун ман ҳезума мегирам, пуштора карда, назди қишлоқтун бурдан мегирам, шумо сарфи рузгортун кардан гиред.

Хирс ҳезуми бисьёрера карда, пуштора гирифт:

— Акун шумо пеш-пеш шудан гиред,— гуфт.

Наздики қишлоқба оварда, ҳезума мунду боз худаш бароби ку рафт, гуфт, ки:

— Ҳар руз ҳамунҷаба рафтан гиред, ман ҳезума тайёр карда мегирам, пуштора карда, назди қишлоқатунба оварда мундан мегирам.

Ҳамин хел бобои хаскаш меран ҳезум тайёр, пуштора карда, бозорба бурда, фурухта, рузгораша нағз карда, рафтан мегирад.

Як руз бобои хаскаш занашба мегӯяд ки:

— Э занак, як ҷураи ҷунӣ дорам, аш шарофати вая ҳамиққа рузгорамо тинҷ шуд, ҳамин бозор яг харид карда биёрам, ҳавая яг мемун кунем.

Занаш мепурсад:

— Ҷуратун чӣ хел одам?

Шавҳараш мегуд, ки:

— А аҳмақ, биёд мебинӣ-дия!

Рафта аб бозор ним кел руғани думба, як кел гушти гусфанд харида мебиёрад, заната шурбо мефармояд, худи бобо барои даъват кардани хирс ку меравад. Пеши хирсба рафта мегуяд, ки:

— Э бародари азиз, ҳамиққа манба нағзӣ кардед, яг аз хуни мо ҳаққи намак шавед.

Дар ҷавоб хирс мегӯяд, ки:

— Одамӣ иққа бафо надорад, ман хизмати холис карда мегардам.

Бобо ба ҷону ҳолаш намунда, хирса гирифта мебиёрад, заната мегуяд, ки:

— Ҷо тайёр кун, ҷури ман умад.

Занаш ҷо тайёр мекунад, «Яг бинам, ки

[МЕДВЕДЬ И СТАРИК-ДРОВОСЕК]

Теперь расскажем-ка об одном кишлаке. В одном кишлаке был старик-дровосек. Он только тем и занимался, что каждый день приносил вязанку хвороста, продавал на базаре и на эти деньги кормился. Однажды нес он на спине дрова и вдруг услышал какой-то шорох. Посмотрел и видит, что идет медведь, как сама беда.

— Ого,— подумал он,— медведь меня съест, и никто не узнает о моей смерти. В это время медведь сказал:

— Здравствуйте, дедушка. Не бойтесь меня, я уже многие дни и месяцы удивляюсь вашим хлопотам. Мне стало жаль вас, и я хочу вам помочь. Теперь я буду взваливать дрова себе на спину и относить в кишлак, а вы будете этим жить.

Медведь взвалил на спину много дров и сказал:

— А вы идите впереди меня.

Подойдя к кишлаку, медведь положил дрова, а сам пошел в горы, сказав:

— Приходите сюда каждый день. Я буду заготавливать дрова и на спине приносить к кишлаку.

Так старик-дровосек приходил, взваливал на спину готовые дрова, относил на базар, продавал и стал хорошо жить.

Однажды старик-дровосек сказал жене:

— Эх, жена, есть у меня дорогой друг. От его благородства наша жизнь стала такой благополучной. В базарный день я сделаю покупки, и мы пригласим его в гости.

Жена спросила:

— Что за человек твой друг?

Муж ответил:

— Ах, глупая, вот придет, тогда увидишь!

Старик принес с базара полкило сала, кило бараньего мяса и приказал жене сварить суп, а сам пошел приглашать медведя. Явился к нему и сказал:

— Дорогой брат, столько вы мне сделали добра, что я прошу отведать в моем доме хлеб-соль.

Медведь сказал в ответ:

— Люди не знают такой верной дружбы, а я служу тебе бескорыстно.

Но старик настоял на своем и силой повел медведя к себе в дом. Там он сказал жене:

— Приготовь место, мой друг пришел.

Жена все приготовила и вышла из дома, говоря: «Я только посмотрю, что за человек его друг». Выходит она и видит у дома безобразное существо, покрытое шерстью.

ҷураш чӣ хел одамас» — гуфта мебуровд. Мебуровд, ки дарба як махлуқи пашмини безеб истодас. Ягбора:

— Э, ҷурат сиё, афту башараш сиё, ҳамина ҷура кардӣ?!— гуфта ақиб мегардад.

Сунӣ бобо бурумада:

— Марҳамат кунед, буродар, марҳамат кунед!— гуфтан мегирад.

Хирс мегуяд, ки:

— Ҷура, ҳиччи табар дорӣ?

Бобо мепурсад:

— Табара чо мекунӣ?

Хирс мегӯяд, ки:

— Даррав, даррав ёфта биё, агар бошад!

Бобо табара гирифта мебиёд, хирс сараша хам карда мегӯяд, ки:

— Акун бо ҳамин табар ягта ба сари ман зан!

Бобо мегуяд, ки:

— Дастам шиканад, ки ман тура занам!

Хирс мегӯяд, ки:

— Зан гуфтам, зан, агар назанӣ худата, заната, хуну дарата лах-лах карда мебуравам.

Бобо уйла мекунад, ки: «Агар назанам, намешавад, биё ҳамту занам, ки мағзи сараш бурод». Бобо табара гирифта, ба тезии табар ҳамту дар фарқи сари хирс мезанад, ки табар то мураша ғутида мерад. Хирс мегуяд, ки:

— Акун кашида гир, табара!

Бобо зур зада, табара ас сари хирс кашида мегирад. Хирс хунрезу хунчош бароби ку бурумада мебуравад.

Бобо як чанд руз уйла мекунад, рузгорашанда будагӣ чизҳо адо мешад. Боз хаскашӣ шуру мекунад, машғул мешад. Акнун ба ҷои ҳезум ба унҷоҳо намерад, бо дига ҷоҳо мерад, ҳезум кам, яг култуқ базур меёбад. Ин мабайн ба як моҳ мегузарад. Тамум мардак хароб шуда, нуни хурданам намеёбад. Маҷбур мешад, боз ба ҳамун ҷои қадима «хирс мурдагис-дия» мегуду мерад. Мерад, ки ҳамун ҳезумои пештара ҳоло ҳам хирс туп кардагӣ истодас. Аз ҳамун ҳезумо пуштора бастан мегирад. Бобо ниё мекунад, ки хирс умада истодас. Бобо мегуяд, ки «оббо, ин дафъа мурдам» гуфта, дар ҷои худаш шах шуда меистад, ки хирс хурсандона:

— Ассалому алейкум, бобо, чиба дараката-тун не, яг ма боз камнамо шуда мундед,— мегӯяд ва вохурдӣ мекунад бо бобо.

Бобо мепурсад, ки:

— Э бародари азиз, саратун саҳат шудмӣ?

Хирс мегӯяд, ки:

— Вот этот черный, с черной мордой есть твой друг?! — закричала она и ушла в дом.

Потом вышел старик:

— Пожалуйста входите, брат, пожалуйста входите! — говорил он.

Медведь спросил:

— Друг, есть ли у тебя топор?

— Зачем тебе топор? — спросил старик.

Медведь ответил:

— Скорей, скорей давай, если есть!

Старик принес топор, а медведь склонил голову и сказал:

— А ну-ка ударь меня по голове этим топором!

Старик ответил:

— Пусть сломается моя рука, если я тебя ударю!

— Говорю тебе, бей. А если не ударишь, я растопчу и тебя, и твою жену, и твой дом!

Старик подумал: «Если не ударю его, все пропало. Сейчас так стукну, что мозг вытечет из его головы». Взяв топор, он так ударил острием медведя по голове, что топор вонзился по самую рукоятку.

Медведь сказал:

— А теперь вытаскивай свой топор!

Старик приложил все силы и вытащил топор из головы медведя. Весь в крови, медведь ушел в горы.

Несколько дней старик дома сидел и думал, а тем временем все запасы кончились. Тогда он снова взялся за сбор хвороста. Но теперь он не ходил в те места, а отправился совсем в другое место, где дров очень мало. С трудом собирал он по одной вязанке и приносил домой. Так прошел месяц. Старик совсем отощал, не ел хлеба досыта. Волей-неволей пошел он на то старое место, подумав: «Ведь медведь, конечно, умер». Приходит и видит, что медведь по-прежнему ломает дрова. Взвалил старик вязанку себе на спину и увидел, что медведь подходит к нему. Старик подумал, что на этот раз он пропал, и застыл на месте. А медведь радостно приветствовал его:

— Здравствуйте, дедушка, почему вас не видно, целый месяц пропадали!

Старик спросил:

— Дорогой брат, зажила ли ваша голова?

— Да, зажила, вот посмотрите сами,— ответил медведь.

Старик взглянул и увидел, что никаких следов топора на голове у медведя нет. Он обрадовался, а медведь сказал:

— Ҳа саҳат шуд, мана худатун бинед, сари мана.

Бобо мебинад, ҳиҷ-чи осори табар дар сари хирс не. Бобо хурсанд мешад, хирс мегӯяд, ки:

— Дидед-мӣ, ҳиҷ осори табаратун мундагӣ нест, лекин захми гаппи занатун дар дили ман ҳай, ҳолиям саҳат нашудас.

Сунӣ хирс мегӯяд, ки:

— Буродар, ҳиҷ ам ман наҳаросед, пештара борин умада қезума бурдан гиред, ман аш шумо хафа не.

Бобо боҳ ҳамун қадима борин ҳезумои хирс ҷамъ кардагира бурда рузгораша тинҷ карда гаштан мегирад.

— Видите, следов от топора не осталось, но рана, нанесенная мне словами вашей жены, до сих пор не зажила в моем сердце.

Потом медведь добавил:

— Не бойтесь меня, брат, как прежде приходите сюда и забирайте дрова, я на вас совсем не сержусь.

Старик по-прежнему каждый день уносил заготовленные медведем дрова и зажил благополучно.

[ГУРГ ВА БУЗ]

Буд, набуд, дар яг дашт яг қутан мол буд. Яг вахт яг буз ақ қатори мол мунд, чупун надид, шаб торик буд. Ба ҳаму буз гург во хурд. Гург ба буз гуфт, ки:

— Акун ман туя мехурам!

Буз гуфт:

— Майлаш, яг шарт дорам, ҳамуна кунӣ, мана хур.

Гург гуфт:

— Чӣ хел шарт?

Буз гуфт:

— Аз аму шерои падарат яг-дута хун, бад мана хурӣ, майлаш.

Гург каллаша бароби оспун карда, уёк мекашад. Дар ҳамин вахт қутан назик буд, уёки гурга фамида, кучуко тохта мебиёну гурга пеш карда, гирифта мебураванд. Буз гашта ба қутани мол мебиёд. Гург мегуд, ки:

— Ман чӣ, шерхунӣ чӣ? «Бо дости бобо, додот дарав кун», ёфтагита хурдан гир-дия!

[ВОЛК И КОЗА]

Было не было, а паслось в степи стадо. Как-то одна коза отстала от стада. Ночь была темная, и пастух ничего не заметил. Повстречался этой козе волк. Сказал волк козе:

— Теперь я тебя съем.

Коза сказала:

— Ладно, но с одним условием, выполнишь — тогда и ешь меня.

Волк спросил:

— Какое условие?

Коза сказала:

— Прочти сначала несколько стихов твоего отца, а потом, уж ладно, ешь меня.

Поднял волк морду к небу и завыл. А в это время стадо было совсем близко. Услышали собаки волчий вой, прибежали и прогнали волка. Коза вернулась в стадо, а волк подумал:

— Какое отношение имею я к чтению стихов? «Коси косой предков», попалось что-нибудь в руки, надо есть сразу.

[МУШ ВА ҚУРБОҚҚА]

Яг рузӣ муш мебиёд, ки қурбоққа дуруни ҳавзба хундистодас. Гуш медорад, ҷо табушаш гушашба мефорад. Мегуд: «Аттанг, ки ман таги заминбаю ин даруни ҳавзба». Сунӣ яг руз [муш] бурумад, ки қурбоққа хониш кардистодас. Қурбоққа хонишаша тамом кард. Муш ба қурбоққа гуфт:

— Ошно,— гуфт,— ман табуши туба бисьёр ишқам ғалтидас, неки бисьёри вахт бехабар мемунам ах хуниши ту. Чунки ман хунам таги замин, чуту куним, ки дар вақти хуниши ту манам ҳар доим ҳозир шавам.

Қурбоққа гуфт:

— Ман аз ҳовизӣ кардан ҳиҷ ҳикмати дигар намедунам, ба тубуши ман хушдор бошӣ, ҳисобата худат ёб.

Муш рафт, яг кампира ас сабаташ яг дук респуняша дуззид. Оварду респуни дароз танид, ба лаби ҳавз рафт, бурумад, ки қурбоққа хуниш дорад. Қурбоққа хунишаша тамом карду муш ба қурбоққа гуфт:

— Буродар,— гуфт,— ҳамин як нуги респуна ту ба гарданад мебандӣ, яг нугаша ман ба гарданам мебандам, ман акун ба хунам меравам, кадум вахт вахти хунданат шавад, ҳамин респуна мекашӣ, ман хабардор шуда, лаби ҳавзба мебиём, гуш медорам,— гуфта ҳардуш аҳд карданд.

Пагоҳ вахти хундани қурбоққа шуд, респуна кашид, муш барумад, ба лаби ҳавз, қурбоққа хунданаша сар кард. Муш ба хундани қурбоққа хомуш буд, ки қуше аз аво дид, ки лаби ҳавзба яг муш истодас. Қуш ғурумада муша бардошт. Дар ҳаво бардошта буд, ки қурбоққаям ба респун ба ҳаво бурумад. Анчаяг баланд бардошта буд, ки респун канда шуда, ба замин ғалтид. Қурбоққа гуфт:

— Бар падари каси наълад, ки аз ҷинси худаш дигар кас қати ошногӣ кунад.

Қурбоққа чанд вақт беҳуш хорафт, боз хеста ба ҳавз дарумаду аз тарс хунданаша гум кард, вассалом дига не.

[МЫШЬ И ЛЯГУШКА]

Пришла как-то мышь к хаузу, а там пела лягушка. Послушала ее мышь, и очень ей понравилось лягушиное пенье. И сказала мышь: «Как жаль, что я живу под землею, а она в хаузе». Пришла однажды мышь к хаузу, а лягушка поет. Лягушка кончила петь. Мышь сказала лягушке:

— Приятельница,— сказала она,— очень мне полюбился твой голос. Но часто я не знаю о том, что ты поешь, так как мой дом под землей. Как сделать, чтобы, когда ты поешь, я всегда была здесь.

Лягушка ответила:

— Кроме пенья я ничего не умею. Если тебе нравится мое пенье, ты сама придумай что-нибудь.

Пошла мышь и украла у старухи из корзины моток ниток. Принесла она моток, размотала длинную нить и пошла на берег хауза, где в это время пела лягушка. Лягушка кончила петь, а мышь ей сказала:

— Подружка, привяжи один конец этой нитки к своей шее, а другой конец я привяжу к моей шее. Я пойду сейчас домой, а когда ты соберешься петь, потяни за нитку, так я и узнаю, приду на берег хауза и буду тебя слушать.

Так они договорились.

Утром наступило время пения лягушки, потянула она за нитку, и мышь пришла на берег хауза. Лягушка начала петь, а мышь затихла, слушая ее. В это время орел, пролетая, увидел на берегу хауза мышь. Опустился орел и схватил мышь. Поднялся он с ней в воздух, а лягушка на нитке тоже поднялась в воздух. Она поднялась уже довольно высоко, когда нитка оборвалась, и лягушка упала на землю.

— Да будет проклят отец того, кто свяжется с кем-то из чужих, — сказала лягушка.

Некоторое время лягушка лежала без сознания, а потом поднялась и прыгнула в хауз. Но со страху она лишилась голоса. Вот и все.

[МУШ, САНГПУШТ, ЗОҒ ВА ОҲУ]

Яг овуи ҷавон бо яг дараи сабзаи сероб, хушаво ҷой гирифта, ризқу рузӣ мегузаронд, ки дар он ҷо рузӣ яг муш пайдо шуд. Рузӣ ба муш суҳбат гузаронда истода буд, ки яг зоғ умад паррида, зоғи сиё. Чашмои овуба хушдор шуд, лофи ошногӣ зад, боз яг тошбоққа ба овуя гаштош хушдор шуд.

Як рузи сайёд умаду дид, ки дар ҳамин сой як ову гаштас, нишонба гирифт. Зоғ бохабар шуд, хабар ёфт аз умадани сайёд. Зоғ гуфт овуро, ки:

— Бохабар шав, сайёд умад!

Зоғ гуфт:

— Ман паррам ба ҳаво.

Муш гуфт:

— Ман ба замин медаром, ба яг сурохӣ медаром.

Тошбоққа ҳайрон шуду гуфт:

— Ман ба гуҷо равам?

Муш гуфт:

— Асли ту ба мо гаштанат хоҷат набуд.

Зоғ гуфт:

— То умадани сайёд, туям ҳаракат карда, яг ҷоба панаҳ шав.

Андак ҷой гирехта рафтанд, тошбоққа ақиб монд. Сайёд умаду тошбоққаро дид, ки яг мунанди коси нахшин ба замин истодас. Тошбоққаро гирифту ба турбаш андохт: «Даркор мешад» — гуфт. Муш ай яг зери санг ниё кард, ки тошбоққа ба даст афтод. Сайёд андак ро рафту турбаашро ба замин монду аз ақиби ову пеш кард. Зоғ ҳар замун ба пушти ову паррида савор шуда, рафтан гирифт. Сайёд аз ҳолат рафт, мунда шуд, ову ан назари сайёд ғоиб шуд. Сайёд гашта ба тарафи турбаш умад. Омада дид турбаша, ки риштаи банди турбаш буррида шуда, тошбоққа нест.

Муш банди турбаро қайчӣ карда, тошбоққаро бурда ба яг ҷо монду ба суроҳи оҳу рафт. Сайёд ҳайрон шуду аз бурридани банди турба, набудани одам тарсид, ки: «Дар ин ҷо одамӣ несту кӣ буррид банди турбара, магар ин ҷо ҷои беҳикмат не, ҷои ҷин ва аҷина будас, дигар дар ин ҷо ман ба шикор намебиём»,— гуфта рафт.

Боз зоғ, муш, тошбоққа дар он ҷо бо ушьёрии якдигар руз гузаронда гаштанд.

[МЫШЬ, ЧЕРЕПАХА, ВОРОН И ГАЗЕЛЬ]

Молодая газель поселилась в зеленой полноводной и солнечной долине и жила там, отыскивая себе пропитание. Как-то появилась в долине мышь. Однажды, когда газель беседовала с мышью, прилетел туда черный ворон. Влюбился он в глаза газели и приветливо заговорил с ней. А еще черепаха влюбилась в походку газели.

Однажды пришел охотник и увидел в долине газель. Стал он в нее целиться. Узнал ворон о том, что пришел охотник, и сказал газели:

— Знай, охотник пришел!

Ворон сказал

— Я взлечу ввысь!

Мышь сказала:

— Я спрячусь в какую-нибудь норку в земле!

А черепаха расстроилась и сказала:

— А я куда убегу?

Мышь сказала:

— А тебе вообще не следовало быть с нами.

А ворон сказал:

— До прихода охотника и ты поторопись и спрячься куда-нибудь.

Все они разбежались, а черепаха отстала. Пришел охотник и увидел черепаху, которая стояла на земле, как разрисованная чаша. Взял он черепаху и засунул в мешок, подумав: «Она мне пригодится». Мышь видела из-под камня, что черепаха попалась. Походил еще немного охотник, а потом положил свой мешок на землю и погнался за газелью. А ворон то садился на спину газели, то улетал. Охотник устал, выбился из сил, а газель убежала и скрылась из виду. Охотник вернулся к своему мешку. Пришел и увидел, что веревка, перевязывавшая мешок, разорвана, а черепахи нет.

Мышь перегрызла веревку, помогла выбраться черепахе и отвела ее в укромное место, а сама пошла искать газель. Удивился охотник тому, что вокруг не было людей, а кто-то разорвал веревку на мешке, испугался и сказал:

— Ведь здесь никого нет, кто же мог разорвать веревку на мешке? Очевидно, это место не простое, здесь, наверное, живут злые духи, никогда не приду я больше сюда охотиться,— сказал и ушел.

А ворон, мышь, газель и черепаха продолжали там дружно и счастливо жить.

[ҶӮРАГИИ ГУРГУ РУБА]

Гургу руба ҳардуш ҷура мешад, ҳардуш мехоҳанд, ки деҳқунӣ кунанд, ҳардуш холагӣ ба назди яг йиғу умоч мебиёянд. Руба мегуяд ба гург:

— Ҷури гург, ту отанги танги танга мегирӣ, ё умочи субуки субуки субукро?

Ба гург умочи субук маҳқул шуд. Ба гург умоч расиду ба руба отанг. Руба отанга гирифту тез ба сари замин рафт, гург умочи вазмина гирифта мурдаю мубтало базур сари замин рафт. Деҳқунӣ карданд, шалғаму сабзӣ коштанд. Кишт ба сабил расид. Руба ба гург гуфт:

— Ҷури гург, бехии талхи талха мегирӣ ё шалғами ширини ширина.

Гург гуфт:

— Шалғами ширини ширина мегирам.

Окубат шалғам ба гург мунду бехӣ ба руба. Руби маккор гурги бечораро фиреб дод.

[ДРУЖБА ВОЛКА И ЛИСЫ]

Волк и лиса стали друзьями, и оба захотели заняться земледелием. Оба они подошли к ярму и плугу. Лиса сказала волку:

— Волк, дружок, ты возьмешь тугую-претугую веревку или легкий-прелегкий плуг?

Волку понравился легкий плуг. Волку достался плуг, а лисе — веревка. Лиса взяла веревку и быстро побежала по полю. Волк же, взяв тяжелый плуг, еле-еле, с большим трудом, потащился по полю. Они вскопали землю и посадили репу и морковь. Посевы взошли. Лиса сказала волку:

— Волк, дружок, горькие-прегорькие корни возьмешь или сладкую-пресладкую ботву?

Волк сказал:

— Сладкую-пресладкую ботву возьму.

Итак, ботва досталась волку, а корни — лисе. Хитрая лиса обманула бедного волка.

[ҚУРБОҚҚА ВА МӮРЧА]

Як вақте қурбоқа вақ-вақ карда истода будааст. Мӯрча донаеро гирифта, мерафтааст. Шабу рӯз меҳнат карда, дар хонааш хӯроки яксолаашро ҷамъ мекардааст. Вале қурбоқа тамоми баҳор меҳнат накарда, дар ҳар ҷо бо вақ-вақкунӣ баҳорро мегузарондааст. Дар зимистон қурбоқа барои хӯрдан хӯрок наёфта, ба хонаи мӯрча рафта, хӯрок талабидааст.

Мӯрча гуфтааст:

— Ту ҳам дар баҳор вақ-вақ накарда, хӯрок ҷамъ кун буд.

[ЛЯГУШКА И МУРАВЕЙ]

Одно время лягушка квакала, а муравей носил зерна. Так дни и ночи работал он и собрал у себя дома запас пищи на год. А лягушка всю весну не работала, а только квакала повсюду и так провела весну. Зимой лягушка не смогла найти себе пищу, пошла в дом к муравью и попросила у него поесть.

А муравей сказал:

— Тебе бы тоже надо было не квакать весной, а собирать пищу.

[ШЕР ВА РӮБОҲ]

Дар яке аз шохобҳои дарьёи Сурхоби Ғарм як роҳи гузар буд, ки ҳайвонот ва одамони қадим ба болои сангҳо бо эҳтиёт парида-парида аз дарьё мегузаштанд.

Нохост рӯзе дар байни дарьё аз ин тарафу он тарафи санги калони байни дарьё будагӣ шер ва рӯбоҳ ба муқобили якдигар меоянд ва ҳардуи онҳо ба якдигар роҳ додан намехоҳанд.

Шер мегӯяд:

— Эй рӯбоҳи аҳмақ, қафо гард, ман гузарам, баъд ту мегузарӣ, набошад ба болоят паррида, туро мачақ мекунам!

Рӯбоҳ дар ҷавоб мегӯяд:

— Эй саллакалони аҳмақ, ин ҷои зӯрӣ нест, агар ту қафо нагардӣ, ҳозир туро ғарқи дарьё мекунам!

Азбаски шер ба суханҳои рӯбоҳи маккор тоқат накард, якбора бо тамоми қувват ба болои рӯбоҳ партофт. Рӯбоҳ ҳам ба муқобили шер ҷаҳида, худашро ба пойҳои шер печонд. Дар ин вақт, ки онҳо дар болои санги хурде буданд, пойҳои шер лағҷида, ҳардуи онҳо ба даруни об ғалтиданд ва то ҳол рафта истодаанд.

[ЛЕВ И ЛИСИЦА]

На одном из притоков Гармского Сурхаба была переправа, где животные и старые люди переходили реку, осторожно перепрыгивая с камня на камень.

Однажды посреди реки вдруг оказались на огромном камне и встали друг против друга лиса и лев, и ни один из них не хотел уступить дорогу другому.

Лев говорит:

— Эй, глупая лисица, отойди назад! Я перейду, а потом уж и ты сможешь перейти, а не то я прыгну на тебя и раздавлю тебя!

А лиса в ответ говорит:

— Эй, дурак в огромной чалме, здесь дело не в силе, если ты сейчас же не повернешь обратно, я тебя утоплю!

Так как лев не мог спокойно слушать слова коварной лисы, он изо всех своих сил прыгнул на лису. А лиса бросилась на льва и запуталась у него в ногах. В это время, так как они стояли на маленьком камне, ноги у льва поскользнулись, и они оба упали в воду и до сих пор там находятся.

[МУШАК ВА ГАМБӮСАК]

Рӯзе гамбӯсак ба роҳ баромада, ба як чӯпон во хӯрд. Чупон гуфт:
— Бибигамбӯсак, куҷо меред?
Гамбӯск гуфт:
— Дадед гамбӯск, онед гамбӯск, ман чиба гамбӯск будем!
Чӯпон гуфт:
— Хай, шумоя чӣ гуем?
— Мана «Шотирниёз, кавши пиёз, хирмани гул куҷо меред?» — гӯй,— гуфт.
Чӯпон гуфт:
— Шотирниёз, кавши пиёз, хирмани гул, куҷо меред?
Гамбӯск гуфт:

Ҳайту ҳуйт кардан мерӯм,
Тақлити шӯ кардан мерӯм.
Боло мерӯм, ӯрди боло,
Поён мерӯм, ӯрди поён,
Миннати кас намешунавам.

Чӯпон гуфт:
— Ба ман мерасед-мӣ?
Гамбӯск гуфт:
— Қарад биёд, катӣ чӣ мезанӣ?
Чӯпон гуфт:
— Бо таёқи дастам.
Гамбӯск гуфт:

— Ибӣ, ки тобаш надорам,
Ибӣ, ки тобаш надорам.

Гамбӯсак бо муш во хӯрд. Муш гуфт:
— Бибигамубӯсак, куҷо меред?
Гамбӯск гуфт:
— Дадед гамбӯск, онед гамбӯск, ман чиба гамбӯск будем?!
Муш гуфт:
— Хай, шумоя чӣ гӯям?
Гамбӯск гуфт:
— Мана «Шотирниёз, кавши пиёз, хирмани гул, куҷо меред?» — гӯй.
Муш гуфт:
— Шотирниёз, кавши пиёз, хирмани гул, куҷо меред?
Гамбуск гуфт:

— Ҳайту ҳуйт кардан мерӯм,
Тақлити шӯ кардан мерум.
Боло мерӯм, ӯрди боло,
Поён мерӯм, ӯрди поён,
Миннати кас намешунавам.

Муш гуфт:
— Ба ман мерасед-мӣ?
Гамбӯск гуфт:
— Агар қарад биёд, бо чӣ мезанӣ?

[МЫШОНОК И БУКАШЕЧКА]

Однажды отправилась букашечка в путь и повстречала пастуха. Он сказал:
— Букашечка, куда вы идете?
Букашечка ответила:
— Отец твой — жучок, мать твоя — букашечка, а мне зачем быть букашечкой?
— А как же вас называть?— спросил пастух.
— Говори: «Нияз-скороход, в кафшах-луковицах, поле цветов, куда идете?» — ответила букашечка.
Пастух сказал:
— Нияз-скороход, в кафшах-луковицах, поле цветов, куда идете?
Букашечка ответила:

— Пойду и буду громко кричать,
Пойду и буду мужа искать.
Пойду наверх, в верхний дворец,
Пойду вниз, в нижний дворец,
Добро людей не буду помнить.

Пастух сказал:
— Пойдете за меня?
Букашечка ответила:
— Когда рассердишься, чем будешь меня бить?
Пастух сказал:
— Моим посохом.
Букашечка сказала:

— Это не для меня,
Это не для меня.

Повстречалась она с мышонком. Он спросил:
— Букашечка, куда вы идете?
— Отец твой — жучок, мать твоя — букашечка, а мне зачем быть букашечкой?— сказала букашечка.
— А как же вас называть?— спросил мышонок.
— Говори: «Нияз-скороход, в кафшах-луковицах, поле цветов, куда идете?»
Мышонок сказал:
— Нияз-скороход, в кафшах-луковицах, поле цветов, куда идете?
Букашечка ответила:

— Пойду и буду громко кричать,
Пойду и буду мужа искать.
Пойду наверх, в верхний дворец,
Пойду вниз, в нижний дворец,
Добро людей не буду помнить.

Мышонок спросил:
— Пойдете за меня?
Букашечка ответила:

Муш гуфт:

— Қарам биёд, думама тар карда хор-мол мекунам.

Гамбӯскак ба мушак расид. Муш бо гамбӯсак ҳаёт гузаронд. Рӯзе мушак ба тӯй рафтанӣ шуд, ба пеши гамбӯскак об, нон монда таъин кард, ки аз хона набарояд. Баъд аз муш рафтан се рӯз гузашт. Дили гамбӯскак заф карда, берун баромад. Аз ҷӯй об гирифт ва ба об ғалтид, дар таки кӯпрук ба хошок андармон шуда истод. Як вақт аз болои кӯпрук аспакиҳо гузашта тӯй рафтанд. Гамбӯскак гуфт:

— Эй тӯқ-тӯқсаворон,
Гӯш монетон, ман чӣ мегӯям:
Мушакро бигӯй,
Ҳассодапуштакро бигӯй,
Тӯрбаи ҳуштакро бигӯй,
Шами вай дар об,
Шамчироғи вай дар об,
Як даста гулу химчамиёни вай дар об.
Агар нагӯетон ба намад часпетон!

Аспсаворон рафта, ба мушак хабар додан. Муш як тӯрба биринҷро гирифта, омад. Пеши гамбӯск омад. Гамбӯск гуфт:

— Риши ту, бурути ту, ҷои дигар какрабакур карда бошӣ (яъне ҷои дигар зан гирифта бошӣ), — гуфт.

Муш қасам ёд кард, ки:

— Риши ман, бурути ман, ҷои дигар какрабакур карда бошам!

Пас муш гуфт;

— Дастата те!

Гамбӯскак гуфт:

— Наметиям!

Охир зану шӯй хона рафтан, ҷои баланде партофтан. Муш хоб рафта, гамбускакро таклиф кард:

— Биё, болои сарам хо рав!

— Шабушкако газид-газид бошад, читу алла?!

— Биё, поёни поям хо рав.

— Ибӣ, хунук-хунук бошад, читу алла?!

— Биё, пуштакам хо рав!

— Ибӣ, хунук-хунук бошад, читу алла?!

— Хай, биё бағалам хо рав.

— Ибӣ, бағал канӣ, бағал канӣ?! — гуфта ҳар ду хоб рафтанд.

— Когда рассердишься, чем будешь бить меня?

— Когда рассержусь, смочу хвост в воде и поглажу.

Букашечка вышла за мышонка, и они стали жить вместе.

Однажды мышонок собрался на свадьбу. Оставив букашечке воду и хлеб, он наказал ей не выходить из дома. После ухода мышонка прошло три дня. Букашечка не выдержала и вышла из дома. Она хотела попить воды из ручья и упала в воду. Под мостом застряла в тине. По мосту скакали всадники на свадьбу.

Букашечка сказала:

— Эй, тук-тук, всадники,
Послушайте, что я вам скажу:
Скажите мышонку,
Скажите ему с посохом на спине,
Скажите ему с мешком на спине,
Свеча его в воде,
Светильник его в воде,
Букет цветов его с гибкой талией в воде,
Если не скажете, приклеитесь к войлоку!

Всадники поскакали и сообщили об этом мышонку. Взяв мешок с рисом, он пришел к букашечке. Она сказала:

— Борода твоя, усы твои, не взял ли ты себе жену в другом месте?

Мышонок поклялся:

— Борода моя, усы мои, возьму ли я себе жену в другом месте!

Потом он сказал:

— Дай руку.

Букашечка ответила:

— Не дам!

В конце концов муж с женой пошли домой и расстелили высокую постель. Мышонок лег спать и пригласил букашечку:

— Иди ложись над моей головой!

— Вши будут кусать, как я усну?

— Иди ложись у моих ног,

— Будет холодно, как я усну?

— Иди ложись мне на спину!

— Будет холодно, как я усну?

— Ну, ладно, иди ложись ко мне на грудь.

— Где твоя грудь, где твоя грудь? — говорили они, и оба уснули.

[ЗАХМИ ТАБАР]

Як пир буд, як кампир. Ино фарзанди бисьёре ёфтану майда-майда ҳамаш нобуд шид, бе фарзанд мондан. Пирам маслуқ шид, дига ҳайрон монд, яг банд дар миёни пир, буромада ба саҳро ҳезумда мерафт. Руз ба руз, руз ба руз бисьёр авҳолуш бад шид, як ҷангаледа рафт, шохчаҳои таи буттаҳоро шикаста-шикаста, майда-майда қучоқушда, қултуқушда гирифт, ура болои бандушда мемонд, кузала-кузала чан бор меғалтид, бо [аз] сар тиёқча дар даст, мехест. Мурда-мурда, ба намози шома як аловӣ [ҳезум ҷамъ карда], ба хонаш меёмад ё намеёмад, гоҳ саҳрода мемонд.

Руз ба руз ҳолаш бад шид, як руз як хирсе буромад, тамошо кард, авҳоли пира бисьёр бад дид. Хирс омад гуфт:

— Эй падар, эй бобӣ, ту [дар] чӣ ҳол? — гуфт.

— Ҳол ҳамин, ки мо як пирем, як кампир, фарзанди бисьёре ёфтему ҳамаш майда-майда нобуд шид, ба мо ҳиҷ намонд, бисод дур шид, қувват ай дасти мо рафт, имруз чашмо хира, зонуҳо шал, миён шал руз намезгарад. Ман ҳезумда меём, ҳамин як чанд хаса кофта-кофта ба намози шома ҳеле мебарум.

Хирс бисьёр заҳир шиду гуфт, ки:

— Падар, пагоҳ як панҷ-шаш хар гирифта биёр, ман ҳезум бор менум!

— Э бародар, —гуфт, — ма хара ай гуҷо миёвум?!

— Охӣ, — гуфт, — ҳиҷи ҳамсоя надорӣ, бачагита ягон каса ягон даҳан намакай, нонай додай ё надодай? Охӣ, ҳичи хешу қавм дорӣ? Ҳаму қавма гав зан, албатта охӣ ягонта раҳмдор ҳастай!

Пир омаду дуруни қавмда хар талбид, ки охӣ қавм будагида якта-дута, сета-чорта, даҳ хар шид, гирифт, рафт. Ним руз нашида буд, ки ҳаму хирс ҷангала канда, шикаст, майда кард, баст, дарзача-дарзача кад, харора ҳамаша пешандози пир кард. Пир гирифт, омад ба хонаш.

Кампир ай пеш буромад, ҳайрон монд, ки:

— Ту охӣ и харора ай гуҷо бор кардӣ, чӣ ҳол дорӣ, чӣ қувват дорӣ?

Гуфт:

— Ҷои гап нест. И гапа нагуву сира бой нате!

Бурда фуровард, ҳамита, руз ба руз як сол гузашт, ки пир бисьёр бадавлат шид. Баде, ки соҳиби дуньёӣ шид, қувват гирифт, сохти бачаи ҳафтсола роҳ мегарда.

Яг руз рафт ҷангал, бист хара бурд, хирс бор карду хирса гуфт, ки:

[РАНА ОТ ТОПОРА]

Были старик и старуха. Родилось у них много детей, но все они умерли один за другим. Остались они без детей. Старик совсем отощал, замучился. С веревкой на поясе ходил он в поле за дровами. День ото дня становилось ему все хуже. Пошел он как-то в лес. Наломал нижние ветки у кустарника; измельчил их на мелкие кусочки, обвязал веревкой, а потом с трудом, спотыкаясь и падая, поднялся, оперся на палку. Так, помирая каждый раз, собирал он вязаночку дров для очага к вечернему намазу, приходил домой, а иногда, так и не добравшись до дому, оставался в поле.

День ото дня становилось ему все хуже. Однажды вышел медведь, посмотрел на него и увидел, как худо старику. Подошел к нему медведь и сказал:

— Эй, отец, эй, дед? Как дела?

— Мы совсем одинокие старик со старухой, раньше было у нас много детей, а все постепенно умерли, никого у нас не осталось, имущество ушло, сил в руках не осталось, глаза не видят, слезятся, колени дрожат, поясница отнялась, жить нечем. Вот хожу за дровами, раздобуду несколько колючек и с трудом к вечернему намазу отношу их домой.

Пожалел его медведь и говорит:

— Отец, завтра возьми пять-шесть ослов и пригони сюда, а я нагружу их дровами.

— Эх, брат,— отвечает старик,— откуда я достану ослов?

— Да неужто нет у тебя соседей, разве не делился ты в детстве с кем-нибудь хлебом да солью? Разве нет у тебя родственников? Попроси у кого-нибудь, уж, наверно, кто-нибудь из родни тебя пожалеет.

Пришел старик и попросил у родни осла. Дали ему одного, двух, трех, четырех, стало десять ослов. Взял он их и пошел. Не прошло и половины дня, как медведь наломал лес да нарубил дров, навязал вязанок, навьючил их на ослов и поставил погонщиком старика. Взял их старик и вернулся домой.

Вышла навстречу старуха и удивилась:

— Где это ты раздобыл этих ослов, да откуда у тебя сила взялась их навьючить?

Старик ответил:

— Здесь не место разговаривать. Помолчи, да, смотри, никому не проболтайся про эту тайну.

Сгрузил дрова. И так день за днем прошел целый год, и старик очень разбогател. После того как он разбогател, и сил у него прибавилось, стал он ходить, как семилетний мальчик.

— Бародар, чӣ мешавад, ки яг руз ба хонамон меҳмон шавӣ?

— Э падар, — гуфт,— мо ҷондори саҳроӣ, шумоҳо халқ, инсон, мора чӣ, ба хонаи шумо рафтан чӣ?! Ман раҳмум омад, ҳамӣ шумора як некӣ карда истодам, ҳамӣ бас!

Гуфт:

— Не, не, то намаки мара, ки нахурӣ, ма мурданум беҳ. И қадар хизмате, ки дар ма кадӣ, ма ба давлат расидум, худи ҳамӣ бачадор ворин шидум!

— Хуб, хуб,— гуфту харора бор каду гуфт, ки:

— Албатта, пага биё, бад мерем.

Пир овард, бист хара фуроварду суни кампир гуфт, ки:

— Аку кампир, чӣ қадар таом соз мекунӣ, хонара тартиб метӣ, ки ҷураи ма миёя, ман як ҷура дорум.

Кампирам ита кампири баде набудай, миёна будай, ки не, хест, хонара тартиб дод, нону таома тайёр кад, сара зад шона, ра ба раи пиракию ҷураш истод, яке рузи дига харо сар карду борора фуровард.

Бад гуфт:

— Ҷурат-ку?

— Ҷурам аку ҳозир ай дум миёя,— гуфт.

Буд, ки хирс лопа-лопа, лопа-лопа сар дар пашм пано, омад, як хирси бадвоҳима. Мӯйсафед гуфт:

— Марҳамат!

Хирс гуфт будуром, ки кампир гуфт, ки:

— Охӣ, ҷурат-ку?

— Ҷурам охӣ, ҳаминай!

— О,— гуфт, — ношугрии ҷураи пашминут. Ҳамӣ, ҷурат, ки боша, ношугрии худтаму ай ҷуратам, худо ҳардута бигира!

И гапа хирс шунид, хирс зад уйла, чиқа фигр кад, зону зад, шишту гуфт, ки: «Агар ман и таома нахурум, бурам, бисьёр куфри таом мешава. Биё, таома бухуруму бад чизе шава, шава». Таоми мусафеда хурду хирс хайру хуш кард, бад муйсафед буромад, гуфт:

— Паго харора бигӣ биё!

Пагоҳ бист хара гирифта рафт, хирс аз дуруни муш сарша берун кард:

— Ҳой падар,— гуфт,— инҷа биё!

Муйсафед рафт.

Гуфт:

— Таварчара бигӣ биё!

Тавара бурд.

— Мӯйсафед,— гуфт [хирс],— аку чиқа қувате дорӣ, ба дами ҳамӣ тавар дар байни ҳар ду гуши ма, дар тори сари ман мезанӣ!

Муйсафед гуфт:

— Не хирс! Ин гапа нагу, охи намаки ту

Однажды пошел он в лес и привел с собой двадцать ослов. Нагрузил их медведь, а старик и сказал медведю:

— Брат, а что если ты как-нибудь придешь ко мне в гости?

— Эх, отец,— ответил медведь,— мы существа дикие, а вы народ, люди. Что мы из себя представляем и как можем прийти к вам в дом? Я пожалел вас и делаю вам добро, и хватит!

— Нет, нет,— сказал старик,— если ты не попробуешь моего угощения, мне лучше умереть. Ты так много сделал для меня добра. Благодаря тебе я разбогател, у меня как будто теперь есть дети.

— Хорошо, хорошо, — сказал медведь. Навьючил ослов и сказал:

— Ладно, приходи завтра, а потом пойдем к тебе.

Привел старик двадцать ослов, снял с них груз и сказал старухе:

— Теперь, старуха, готовь побольше угощения, приведи в порядок дом, ко мне в гости придет мой друг, у меня ведь есть друг.

Старуха была не так уж плоха, так—средняя, встала, прибрала дом, приготовила угощение, расчесала волосы, стала смотреть на дорогу, по которой должны были прийти старик со своим другом. Когда на следующий день старик привел ослов и снял с них ношу, старуха спросила:

— А где твой друг?

— Друг мой сейчас придет следом.

А тут пришел медведь, переваливаясь-переваливаясь, голова в шкуре, страшный медведь. А старик сказал ему:

— Пожалуйста!

Хотел медведь войти, а старуха сказала:

— Да где твой друг?

— Это и есть мой друг.

— О,— сказала она,— что это у тебя за никудышный друг в шкуре! Но если уж у тебя такой никудышный друг, то пусть вас бог обоих заберет!

Услышал это медведь, думал он, думал, сел и решил: «Если я сейчас уйду, не поев, то грех будет. Ладно, поем, а там будь что будет». Поел он старикову пищу, попрощался со стариком. Вышел старик, а медведь сказал:

— Возьми завтра ослов и приходи.

Назавтра взял тот двадцать ослов и пошел. Расправил медведь шерсть у себя на голове и говорит:

— Эй, отец, иди сюда!

Подошел старик.

Сказал он:

дар даҳани ма ҳай! О, охӣ ма, ки мезанум ту мемурӣ, дига мурдани худум беҳ.

— Не, не падар, — гуфт, — гапи ма якта, ма ҷондори саҳроюм, ма ҷурагиям надорум. Худое, ки мову шумора халқ кардай, агар ба ҳамӣ тавар назанӣ, ҳамиҷа мепартом, мурдата шағола мехура.

Муйсафед тарсиду ҷон тангӣ кад, тавара гирифта, лава таи дандон када, дудаста, ки зад, хирс як худша ҷинҷ каду тавара кашид гирифт, хесту худша дар мулк кашид.

Муйсафед гашта харора холӣ ҳай када, гириста-гириста ба хунаш омад, сира намедуна, ки чӣ гап боша. И сол гузашт, соли дига гузашт, чан вахте гузашт, ки бо и давлат ай даст рафту муйсафед бо ҳаму пири нотувону бо ҳаму банди миён. Кампирам намефаҳмад и сираву и ҳам намефаҳмад, яг миюнбанд дар миён рафт, ки хирс яке буромад.

— Ҳой падар, инҷа биё! — гуфт.— Саломатӣ ҳолиям?

Гуфт:

— Саломатум.

— Падар, — гуфт, — ҳамӣ сари мара нигаҳ кун, ҳичи пай мебинӣ?

Нигаҳ кард, гуфт:

— Ҳичи пай нестай.

Се бор фармудаш, ки:

— Нигаҳ кун.

Гуфт:

— Ҳичи пай намебинум.

Гуфт, ки:

— Гап ҳамӣ, ки ай сари мо ҳаму захми тавари задагии ту мебинӣ, ки саҳат шуду рафт, неки гапи ҳаму зани ту, гапе, ки дар [ҳаққи] ман гуфтай дар дили ма мондай, намерава. Ба ҳамӣ ҷурагии мову ту тамом. Облоҳ акбар, падар, аку паноҳи ту ҳам ба худову ай мо ҳам. Мо ҷондори саҳроӣ, ту бура. Аку ҳаму гапи ганда,— гуфт,— дар дили мо монд, ҳазмуш ба қиёмат, облоҳу акбар,— гуфт.

Гашт муйсафед, гириста-гириста ба хонара омад.

— Принеси топор.

Принес топор.

— Старик,— сказал медведь,— а теперь изо всех сил ударь топором по моей макушке, между ушами.

Старик сказал:

— Нет, медведь, не говори таких слов, ведь у меня во рту твое угощение. Ведь если я тебя ударю, ты умрешь, а по мне лучше самому умереть.

— Нет, нет, отец,— сказал он,— у меня слово крепко, я животное дикое, дружбы не знаю. Клянусь богом, который сделал нас с вами народом, если ты не ударишь меня этим топором, я тебя здесь свалю, и труп твой сожрут шакалы.

Испугался старик, и сжалось у него сердце. Взял он топор обеими руками, закусил губу и как стукнет. Медведь только зажмурился, вытащил топор, поднялся и пошел к себе.

Ушел и старик, гоня перед собой ненагруженных ослов. Плача, пришел он домой, так и не поняв, в чем дело, не узнав тайны. Прошел год, прошел другой, много времени прошло, ушло богатство из рук, и снова старик дряхл и немощен и та же веревка на пояснице. Старуха не понимала, в чем тайна, и он не понимал. Пошел он с одним поясным платком на пояснице и встретил вдруг медведя.

Медведь сказал:

— Отец, иди сюда, как твое здоровье?

— Я здоров.

— Отец,— сказал он,— взгляни на мою голову, не заметишь ли ты на ней какого-нибудь следа?

Посмотрел старик и говорит:

— Никакого следа нет.

Три раза заставлял он его:

— Посмотри лучше.

— Никакого следа не вижу.

Сказал он:

— Вот в чем дело, видишь — рана от удара твоего топора зажила, но слова, сказанные твоей женой, слова, что были сказаны обо мне, остались у меня на сердце и не проходят. Вот из-за этого и кончилась между нами дружба. Аллах велик, теперь, отец, и ты ищи защиты у бога — и я. Мы животные дикие, а ты уходи отсюда. Эти злые слова,— сказал он,— останутся у меня в сердце до страшного суда, аллах велик.

Ушел старик и, горько плача, пришел домой.

[ШЕР ВА РӮБОҲИ ҲИЛАГАР]

Будаст, набудаст, як рӯбоҳи ҳилагар будааст. Як рӯз рӯбоҳ барои авқот пайдо кардан, сӯи ҷангал равон шуд. Рӯбоҳ наздик ба ҷангал расида буд, ки аз рӯ ба рӯяш як шер баромад.

Рӯбоҳ шерро дида, хеле тарсида, чӣ кор карданашро надониста, зуд ба болои як харсанги калон баромада, гирья кардан гирифт.

Шер ба пеши рӯбоҳ омада:

— Ҳа рӯбоҳи ҳилагар, чаро дар ин ҷо шиштаӣ? — гуфта пурсид шер.

Рӯбоҳ камтар фикр карда:

— Ман шумоя дида, падаратон ба хотирам омаду хафа шуда шиштаам,— падаратон раҳматӣ аз ҳамин ҷарӣ хез мекарданд, канӣ шумо ҳам ҷои падаратонро гирифта метавонед ё не? — гуфта пурсид.

Шер бошад, ба ин ганҷои бардурӯғи рӯбоҳ бовар карда, аз ҳамин ҷарии калон хес мекунам гӯён ба даруни ҷарӣ сарнагун афтида, ғӯта зада мурда рафт.

Рӯбоҳи фиребгар ин дафъа ҳам монанди пештара нафақат аз мурдан худашро халос кард, балки бо фиреби худ, ба мурдани душманаш ҳам роҳ пайдо кард.

[ЛЕВ И ХИТРАЯ ЛИСА]

Было ли не было, была одна хитрая лиса. Однажды лиса отправилась в лес, чтобы добыть себе пропитание. Лиса уже приближалась к лесу, когда навстречу ей вышел лев.

Увидев льва, лиса очень испугалась и, не зная, что делать, быстро взобралась на большой камень и начала плакать.

Лев подошел к лисе:

— Ну, хитрая лиса, чего ты здесь сидишь?— спросил лев.

Лиса немного подумала:

— Увидев вас, я вспомнила вашего отца и расстроилась. Ваш покойный отец перепрыгивал через это ущелье. А ну-ка, сможете ли вы, как ваш отец? — спросила она.

Лев поверил лживым словам лисы и попытался перепрыгнуть через большое ущелье, но упал вниз, разбился и умер.

Хитрая лиса на этот раз, как и прежде, не только спаслась сама, но обманным путем добилась смерти своего врага.

[АФСОНАИ НАХЎТАКУ ХАСАКУ АЛОБАК]

Будас, набудас як кампир будас. Вай як рўз як дег нахутро бирьён мекунад. Вақти авқот пухта истодан якта нахўтак аз даруни дег парида меғалтад. Сонӣ бурафсодагишба дар роҳаш якта хасака мебинад. Мегўд, ки:

— Хасакҷўра, биёед гурехта меравем, наравем, аз дасти ин девкампир халос шуда наметавонем, мана мехўраду туя месўзад.

Хасак розӣ мешавад. Як вақт алобак мебинад, ки ҳар дуи инҳо рафта истодиян, ғелида мебиёду:

— Ҳуй, ҷўраҳо, ба куҷо рафтоситон? — мегўяд.

Ино мегўян, ки:

— Мо аз дасти девкампир гурехта рафта истодем, ту ҳам хоҳӣ, биё.

Баъд алобакам иноба ҳамроҳ мешаваду се кас гурехта рафтан мегиран.

Рафтан мегиран, ки аз пешашон як ҷўйҷа мебурод. Маслиҳат мекунан: «Чи хел аз унҷа гузарем!» — гуфта. Баъд хасак мегўяд, ки:

— Ман дар болои ҷўй кўпрук мешавам, аз болои ман ҳар дуи шумо гузашта раветон.

Аввал нахўтак мегузарад. Акнун навбат ба алобак мерасад. Вақте ки алобак ба ними болои хасак мебиёд, якбора хас месўзаду ҳардуш даруни обба меғалтад. Нахўтак афсўс хўрда, бо чашми ҳасрат нигоҳ карда мемонад.

[СКАЗКА О ГОРОШИНЕ, СОЛОМИНКЕ И ОГОНЬКЕ]

То ли было, то ли нет, а была одна старуха. Однажды жарила она горох в котле. Пока еда поспевала, одна горошина выпала из котла. Она покатилась по дороге и увидела соломинку.

Горошина сказала:

— Соломинка, друг, давай убежим вместе, иначе мы не сможем спастись от этой злой старухи. Меня она съест, а тебя сожжет.

Соломинка согласилась. Пошли они вместе и увидели огонек, который катился им навстречу.

— Эй, друзья, куда вы идете? — спросил он.

Они ответили:

— Мы убежали, чтобы спастись от злой старухи. Если хочешь, пойдем с нами.

Огонек присоединился к ним, и они пошли втроем.

Шли они, шли, вдруг на пути у них оказался ручеек. Стали они советоваться: «Как переберемся через него?» Тогда соломинка сказала:

— Я перекинусь через ручей как мост, а вы оба перейдете по мне.

Сначала перешла горошина. Потом настала очередь огонька. Когда огонек дошел до середины соломинки, она загорелась и они оба упали в воду. Горошина расстроилась и с печалью в глазах уставилась в одну точку.

[АФСОНАИ БАРГАКУ КУЛУХАК]

Буд, набуд як баргак буд бо як кулухак. Ҳар дуи ино ошно шудан. Чандин муддат ошногӣ гузаронда, гуфтай, ки чӣ кор кардан даркор? Баргак суни кулухак гуфт, ки:

— Рузе, ки шамол шава, шумо боли ман бурое, ки мана шамол набарат.

Кулухак суни баргак гуфт, ки:

— Ҳамта, ки боша, рузи борон шумо болои ман бурое, ки ман лой нашавум.

Ҳардуи ино чандин муддат ҳамӣ хел зиндагонӣ гузарондан, ки яг рузе шуд, ҳам шамол шуду ҳам борон.

Баргака шамол гирифт, буррафт. Кулухака борон зад, лой шуд.

[СКАЗКА О ЛИСТОЧКЕ И КОМОЧКЕ]

Было не было, а был один листочек и один комочек. Они познакомились друг с другом. Дружили они долго и однажды подумали, что бы им сделать? Тогда листочек сказал комочку:

— Когда подует ветер, вы сядете на меня, чтобы ветер меня не унес.

Комочек сказал листочку:

— Если так, то во время дождя вы прикройте меня собой, чтобы дождь меня не размыл.

Так прожили они некоторое время, пока не наступил день, когда был и ветер, и дождь. Ветер унес листочек, а дождь размыл комочек.

[АФСОНАИ МУШУ ҚУРБОҚҚА]

Яг мушу яг қурбоққа бо якдигар инҳо яг рузе шид, ошногӣ пайваст карданд. Ошногӣ пайваст карда, бо якдигар ба яг офтовру баромада, суҳбат гузаронидан.

Гуфтан, ки:

— Аку, мо ҳамӣ қадар ҷура шудим, чи кор карданамон даркор.

Бад муш суни қурбоққа гуфт, ки:

— Ҷӯра, ман хонаи кампир даромада,— гуфтак, —яг дук ресмон меёрум. Ресмона танову дароз метанему дар поомон мекнем. Рузе, ки бо якдигар дидорбинӣ шидем, танова мекашем, омада, да ҳамин афтовру суҳбат мегзаронему бад аз суҳбат шумо ба даруни ҳавзот дароет, ман ба ҳичаи худмон меравам.

Ҳамин хел карда ино чандин руз суҳбат гузаронида, яке як руз мушак тани афтовру баромада, худша афтов медот, ки мушакхураке ай ҳаво, аз осмон нишев шуда, муша гирифта, дар осмон баровард. Қурбоққа ай думи муш ай даруни ҳавз баромада, осмонӣ шид. Бад аз ин танов канда, қурбоққа омада, дар таги замин зада, пачак шида мегут, ки:

— Бар падари ҳаму касе ланат, ки ба ҷондори лалмӣ ошногӣ кунад!

[СКАЗКА О МЫШКЕ И ЛЯГУШКЕ]

Однажды подружились мышь и лягушка. Подружившись, вышли они на солнышко и стали беседовать:

— Теперь, когда мы стали такими друзьями, что нам делать?

Тогда мышь сказала лягушке:

— Подруга, я пойду в дом старухи и принесу веревку. Этой веревкой мы свяжем себе лапки. Когда нам захочется увидеть друг друга, потянем за веревку, вызовем один другого, выйдем на солнышко и будем беседовать. А после беседы вы вернетесь в свой хауз, а я в свою норку.

Так порешив, они несколько дней встречались и беседовали. В один из дней, когда мышка грелась на солнце, с неба спустился ястреб, схватил мышь и поднялся с ней в небо. Лягушка потянулась вслед за мышкой, вылезла из хауза и тоже поднялась в небо. Но веревка оборвалась, и лягушка шлепнулась на землю, говоря:

— Проклятие тому, кто заведет дружбу с тем, кто другого рода.

[РӮБОҲ ВА КАБК]

Ҳамин як қади соянда як рӯбоҳ оҳиста-оҳиста рафта истода буд, ки сари санг як кабки хондаистодаро гуфт:

— Дар овозат мурам, хуш овози хубе доштӣ! Раҳматӣ бобоятам,— гуфт рубоҳ,— ранги ту мехонду аммо вай чашмаша пӯшида баъд мехонд.

Баъд кабк чашмоша пӯшида хонда буд, ки рӯбоҳ оҳиста рафта ӯро қапида, гуфт, ки:

— Акнун мехӯрамат, чо мекунӣ?

Кабк гуфт, ки:

— Майлаш, мехӯрӣ-ку аммо ту ҳам монанди бобот. Бобот чизе, ки меқапид, аввал бисмилло гуфта, баъд мехӯрд.

Рӯбоҳ кабка сар дода, бисмилло гӯям гуфта буд, ки кабк фир гуфта сари санга гирифт, аз дасти рубоҳ халос шуд.

[ЛИСА И КУРОПАТКА]

По тенистой дорожке медленно шла лиса, подбираясь к камню, на котором сидела куропатка и пела. Лиса сказала:

— Какой у тебя чудесный голос, умереть можно. Твой покойный дедушка тоже пел, как ты, но всегда прежде закрывал глаза, а потом пел.

Тогда куропатка стала петь, закрыв глаза, а лиса осторожно подошла и схватила ее, говоря:

— Теперь я тебя съем, что будешь делать?

Куропатка ответила:

— Ладно, ешь меня, только так же, как твой дедушка. Твой дедушка, поймав кого-нибудь, сначала читал молитву, а потом уже ел.

Лиса хотела прочесть молитву и выпустила куропатку, а куропатка, обманув лису, взлетела и села на камень. Так она спаслась от лисы.

[ХАРУ АСП]

Хару асп ро мерафтанд, хар ба асп ниго мекард, дар пушти асп зину авзоли нағз, ба даҳонаш лаҷом. Хар оҳи сард кашид, ки:

— Асп аз ман зеботар будай.

Асп ба хар гуфт, ки:

— Зину авзори ман ба ту бошад, як руз тоқат намекунӣ!

Хар гуфт, ки:

— Ман аз ту зуртарам, барои чӣ тоқат намекунам?

Марди мусафед аспро фурухту ба даҳони хар лаҷомро зад, зину авзора ба пушташ партофт ҳар вақт, ки лаҷомро мекашад, даҳони хар дар меёбад, хар уфтас мезанад, пушаймон мехурад: «Ақатанда аз манда асп зур будаст».

[ОСЕЛ И КОНЬ]

Шли по дороге конь и осел, посмотрел осел на коня, на спине его прекрасное седло и сбруя, а во рту уздечка. Тяжело вздохнул осел:

— Конь красивей меня.

А конь сказал ослу:

— Если бы мое седло и сбруя были на тебе, ты бы и дня не выдержал!

Осел сказал:

— Ведь я сильнее тебя! Почему не выдержал бы?

Продал старик коня, надел на осла уздечку, а седло и сбрую положил ему на спину. Когда натягивал он уздечку, ослу было больно. Вздыхал осел и раскаивался: «Конь действительно сильнее меня!»

[ҶАНГИ МӮР ВА ЗАНБӮР]

Мури сабзакӣ бечор мегашт дар шохи дарахти ангур, дар ин дам омад ба пешаш гундушк, гуфт:

— Э мур, ман туро мехурам.

Мур гуфт:

— Аз хурдани ман ту сер намешӣ, биё, маро дам назан, ман боз як мои тобистон хурам, фарбе шавам, бад омада маро хурӣ, ба ту мезебад.

Гундушк розӣ шуд, парвоз карда рафт, боз ба ҳамон шохи ангур соче омад, мурро дид, ба мур гуфт:

— Ман туро мехурам.

Мур гуфт:

— Ба хурдани ман ту ҳарбе намешай, биё ман як мои дигар хурам, ҳарбе шавам.

Дар ин дам занбур омад, ба назди мур, занбур гуфт:

— Акнун ту аз дасти ман бе аҷал мемурӣ.

Мур гуфт:

— Барои чӣ, ман ҳеҷ гуно надорам?

— Чӣ хел гуно надорӣ, ту хонаи маро вайрон кардай, дар шохи ангур ман доимо оби ангур мехурдам.

Дар ин вахт занбур ба мур ҳамла овард, шудан тан ба тан муру занбур. Якдигарро канда, ба замин афтидан, оқибат занбур мурро кушт, занбур рафт.

Якбора гундушк омад, дид, ки мур нест, ба худ гуфт, ки: «мур маро фиреб додаст». Гундушк парида рафт, соч омад, ниго кард мур нест, гуфт: «Мур маро фиреб додаст». Заминро ниго кард, ки мур мурдаст, фаромада ба назди мур гуфт:

— Агар ту намемурдӣ, насиби ман намешудӣ, хубаст, ки акнун мурдат ба ман расид, ман туро мехурам.

Мури мурдаро соч хурд.

[БИТВА ГУСЕНИЦЫ С ОСОЙ]

Ползла как-то гусеница по виноградной лозе, в это время появился перед ней воробей и сказал:

— Эй, гусеница, я тебя съем.

Гусеница сказала:

— Ты все равно не наешься мной. Не трогай меня сейчас, я поем еще один летний месяц, растолстею, а потом ты придешь и можешь меня съесть, это тебе больше подойдет.

Согласился воробей и улетел. И прилетел на эту виноградную лозу скворец, увидел гусеницу и сказал:

— Я тебя съем.

Гусеница сказала:

— Съев меня, ты не растолстеешь, лучше будет, если я еще месяц поем и растолстею.

В это время прилетела к гусенице оса и говорит:

— Сейчас я тебя прикончу безо всяких разговоров.

— За что?— спросила гусеница.— Ведь я ни в чем не виновата.

— Как так ни в чем не виновата? Ты разрушила мой дом на виноградной лозе, где я всегда пила виноградный сок.

И тотчас напала оса на гусеницу. Сцепились гусеница и оса и упали на землю. Наконец, убила оса гусеницу и улетела.

Прилетел воробей, видит, что гусеницы нет. Подумал воробей: «Видно, гусеница обманула меня». Воробей улетел, прилетел скворец, видит, что гусеницы нет, и подумал: «Видно, гусеница обманула меня». Потом взглянул он на землю и видит, что гусеница умерла. Слетел он к гусенице и говорит:

— Если бы ты не умерла, то не досталась бы мне, хорошо, что ты наконец умерла и досталась мне. Я тебя съем.

И съел скворец мертвую гусеницу.

[ҚАРЗИ РӮБОҲ]

Будааст, набудааст, дар як шаҳр як подшоҳе будааст. Ӯ рӯбоҳро вазири худ интихоб карда будааст. Рӯзе подшоҳ тӯй мекунад ва ба рӯбоҳ мефармояд,[s] ки ах хонаи кампири ҳамсоя барои орд шаъл намудан, элак биёрад. Рӯбоҳ розӣ шуда, ба хонаи кампир меояд ва ба ӯ мегӯяд:

— Ҷаноби шоҳ фармуданд, ки элаки орд шаъл мекардагиро диҳед.

— Ҳо дар он кунҷи хона, дар болои косаи шир истодааст. Рафта гиру лекин эҳтиёт бош, ки ширро нарезонӣ!

Рӯбоҳ вақте ки элакро мебардорад, чуноне ки мегӯянд: «Нафси бад балои ҷон», чашмаш ба косаи шири қаймоқин меафтад. То хабар шудани кампир косаро мелесад. Вақте ки кампир ширхӯрии рӯбоҳро пай мебарад, ба ӯ ҳуҷум карда мегӯяд:

— Аҳ бачат бимура, элакбиё!

Рӯбоҳ мегурезад. Кампир аз оқиби рӯбоҳ табарро ҳаво медиҳад, табар ба думи рӯбоҳ расида, нисфи думашро мебуррад. Рӯбоҳ бе дум монда, шарм медорад, ки ба пеши подшоҳ равад. Ӯ боз гашта, ба назди кампир омада, илтимос мекунад, ки думашро боз гардонда диҳад. Кампир қатъӣ ҷавоб дода мегӯяд:

— То як коса шир оварда надиҳӣ, аз думат хотирҷамъ бош!

Рӯбоҳ ноумед шуда, барои шир талабидан ба назди буз мераваду мегӯяд:

— Эй буз, ту ба ман шир, шир ба кампир, кампир ба ман дум, дума ба дум, хонаи шоҳ тӯй, ман элакда омадаам.

— Оё чашмат кӯр аст, намебинӣ, ки ман дар бехи як дарахти хушк баста шудаам, аз куҷо ба шиками гурусна шир ёфта ба ту диҳам. Агар ба ту шир лозим бошад, рав, алаф гирифта биёр, ман хӯрам, шир кунам, ту дӯшида бар.

Рӯбоҳ ба назди замин рафта мегӯяд:

— Эй замин, ту ба ман алаф, алаф ба буз, буз ба ман шир, шир ба кампир, кампир ба ман дум, дума ба дум, хонаи шоҳ тӯй, ман элакда омадаам.

Замин дар ҷавоб чунин ҷавоб медиҳад:

— Ту рав, ҷӯй кан, обро ба ин дашти хушк биёр, ман об хӯрам, алаф кунам, баъд ту даравида бурда ба буз деҳ.

Рӯбоҳ:

— Хуб,— гӯён аз назди замин ба пеши дарьё рафта, мегӯяд:

— Эй дарьё, ту ба ман об, об ба замин, замин ба ман алаф, алаф ба буз, буз ба ман шир, шир ба кампир, кампир ба ман дум, дума ба дум, хонаи шоҳ тӯй, ман элакда омадаам.

[ДОЛГ ЛИСЫ]

То ли было, то ли нет, а был в одном городе падишах. Назначил он лису своим визирем. Однажды устраивал падишах туй и приказал лисе взять у соседки-старухи сито, чтобы просеять муку. Лиса согласилась, пошла к старухе в дом и говорит:

— Господин падишах приказали, чтобы вы дали нам сито просеять муку.

— Да вон оно, в том углу комнаты на косе с молоком. Пойди и возьми да смотри, будь осторожна, не пролей молоко!

Когда лиса поднимала сито, то по поговорке «Алчность — несчастье для души» заглянула в косу. Приглянулось ей молоко с пенками. И вылизала она косу, пока старуха не видела. Когда старуха увидела, что лиса вылакала молоко, она напала на нее с криком:

— Чтоб твои дети сдохли, ситоноска.

Лиса бросилась бежать, а старуха бросила вслед ей топор. Топор попал лисе в хвост и отрубил половину хвоста. Оставшись без хвоста, лиса постыдилась пойти к падишаху. Вернулась она опять к старухе и стала просить, чтобы та вернула ей хвост. Но старуха наотрез отказала ей и сказала:

— Пока не принесешь косу молока, и думать о хвосте забудь!

Расстроенная лиса пошла к козе за молоком и сказала:

— Эй, коза, дай мне молока, я дам молоко старухе, она мне отдаст хвост, я пришью хвост к хвосту, в доме у падишаха туй, а я пошла за ситом.

— Ты что, ослепла, не видишь, что меня привязали к сухому дереву! Да откуда я на голодный желудок дам тебе молока? Если тебе нужно молоко, иди принеси мне травы, я поем, у меня появится молоко, ты меня подоишь и возьмешь молоко.

Пошла лиса к земле и говорит:

— Эй, земля, дай мне травы, траву я дам козе, коза даст молока, молоко я дам старухе, старуха отдаст мне хвост! Я пришью хвост к хвосту, в доме у падишаха туй, а я пошла за ситом.

Земля ответила ей так:

— Пойди вырой канаву, приведи в эту сухую степь воду, я напьюсь, выращу траву, ты ее скосишь и отдашь козе.

— Хорошо,— сказала лиса,— пошла к реке и сказала:

— Эй, река, дай мне воды, воду дам земле, земля даст мне травы, траву дам козе, коза даст мне молока, молоко дам старухе, старуха

Дарьё мегӯяд:

— Эй рӯбоҳ, ман бо дилу ҷон ба ту ёрӣ мерасонам, ин баландию пастиро намебинӣ, ки дар пеши роҳи мо хобидааст. Ту рав, белу каланд гирифта биёр, ки баландию пастиҳоро текиз намуда, аз миёнаш ҷӯй канӣ, он гоҳ ман ба ту ёрӣ расонида метавонам.

Рӯбоҳ ба назди белу каланд омада гуфт:

— Эй белу каланд, шумо ба ман ҷӯй канед, ҷӯй ба ман об диҳад, об ба замин равад, замин алаф кунад, алаф ба буз равад, буз шир кунад, шир ба кампир равад, кампир ба ман дум диҳад, дума ба дум кунам, ба хонаи шоҳ элаки тӯй барам.

Белу каланд ба рӯбоҳ гуфтанд:

— Эй рӯбоҳи бечора, намебинӣ, ки мо бе даста, занг задагӣ, кундала ҳастем, ба ин аҳвол кор кардан номумкин аст. Ту рав аз бед даста пурс, шояд ӯ ба ту раҳм карда, даста диҳад.

Рӯбоҳ ба пеши бед рафта гуфт:

— Эй бед, ту ба ман даста, даста ба кетману бел, кетману бел ба ма ҷӯй, ҷӯй ба замин об, замин ба ман алаф, алаф ба буз, буз ба ман шир, шир ба кампир, кампир ба ман дум, дума ба дум, хонаи шоҳ тӯй, ман элакда омада будам.

Бед гуфт:

— Ман дарахт ҳастам, ба ту даста гирифта дода наметавонам, ту рав ба пеши одам, ӯ ба ту, албатта, ёрӣ мерасонад.

Рӯбоҳ ба пеши одам омада гуфт:

— Эй одам, ту ба бед, бед ба ман даста, даста ба каланду бел, каланду бел ба ман ҷӯй, ҷӯй ба замин об, замин ба ман алаф, алаф ба буз, буз ба ман шир, шир ба кампир, кампир ба ман дум, дума ба дум, хонаи шоҳ тӯй, ман элакда омада будам.

Одам гапи рӯбоҳро гирифта, ба пеши бед омада, аз бед даста мегирад. Дастаҳоро тарошида ба ҳамроҳии рӯбоҳ ба белу каланд меандозад. Ҳарду омада ҷӯй мекананд. Об мебарояд. Замин об хӯрда, алаф мекунад. Рӯбоҳ аз алафҳо як дарза чида, ба буз мебарад. Буз алафро хӯрда, шир мекунад. Рӯбоҳ ширро ба кампир мебарад, кампир думи рӯбоҳро медиҳад, рӯбоҳ думашро гирифта, ба хонаи шоҳ меравад. Азбаски то омадани рӯбоҳ як маҳ гузашта буд, аз изи пои аспи тӯякиҳо нишон ҳам намонда буд. Рӯбоҳ баднафсӣ карда, ҳам аз тӯю тамошо маҳрум ва ҳам ба чунин азобҳо дучор гардид.

отдаст мне хвост, пришью хвост к хвосту, в доме у падишаха туй, а я пошла за ситом.

Река говорит:

— Эй, лиса, я бы от души помогла, но разве ты не видишь эти холмы и низины, что лежат у меня на пути? Иди, принеси лопату и кетмень, выровняй эти холмы и низины, вырой канал, тогда я смогу тебе помочь.

Пошла лиса к лопате и кетменю и сказала:

— Эй, лопата и кетмень, проройте мне канал, канал даст мне воды, вода пойдет к земле, земля родит траву, трава пойдет козе, коза даст молока, молоко пойдет старухе, старуха отдаст мне хвост, хвост я пришью к хвосту и отнесу в дом шаха сито для туя.

Лопата и кетмень сказали лисе:

— Эй, бедная лиса, разве ты не видишь, что мы без ручек, что мы совсем заржавели и затупились. В таком состоянии работать нельзя! Пойди, спроси у ивы ручку, может, она сжалится над тобой и даст тебе ручку.

Пошла лиса к иве и говорит:

— Эй, ива, дай мне ручку, ручку дам лопате и кетменю, кетмень и лопата выроют канал, канал даст земле воду, земля даст мне траву, траву дам козе, коза даст молока, молоко дам старухе, старуха отдаст мне хвост, пришью хвост к хвосту, в доме падишаха туй, а я пошла за ситом.

Ива говорит:

— Ведь я дерево, не могу я дать тебе ручку, иди к человеку, он, конечно, поможет тебе.

Пошла лиса к человеку и сказала:

— Эй, человек, пойди к иве, ива даст мне ручку, ручку я дам лопате и кетменю, лопата и кетмень выкопают для меня арык, арык даст земле воду, земля даст мне траву, траву дам козе, коза даст молоко, молоко дам старухе, старуха мне — хвост. Хвост пришью к хвосту, в доме у падишаха туй, а я пошла за ситом.

Послушался человек лису, пошел к иве, сделал из ветки ручки. Обстругал ручки и вместе с лисой прикрепил их к лопате и кетменю. Выкопали они арык. Пошла вода. Напилась земля воды и вырастила траву. Лиса скосила траву, отнесла козе. Поела коза травы и дала молока. Лиса отнесла молоко старухе, старуха отдала лисе хвост. Взяла лиса хвост и пошла к падишаху. Но так как за это время прошел целый месяц, то не осталось даже следов от коней пировавших. Так лиса из-за своей жадности лишилась туя и пережила такие мучения.

[БАРГАК ВА КУЛӮХАК]

Буд, набуд, як баргаку як кулӯхак буд. Онҳо бо ҳам чунон дӯст буданд, ки дӯстиашон ҳамто надошт. Дар рӯзҳои барфу борон баргак болои кулӯхакро мепӯшонид ва хоб мерафтанд. Дар рӯзҳои қарасон ва шамол кулӯхак болои баргакро мепӯшонид. Онҳо ҳамин тариқ, аз ҳар хатарҳо худро муҳофизат мекарданд. Ин дӯстии инҳоро рӯбоҳ, ки дид рашкаш омад. Ӯ дар ҷустуҷӯи роҳи аз якдигар ҷудо сохтани баргаку кулӯхак даромад. Як рӯз бо ҳамин мақсад ба назди кулӯхак омада гуфт:

— Эй кулӯхак, ту бо баргак дӯст ҳастӣ?

— Оре, — гуфт кулӯхак сарашро ҷумбонида.

— Минбаъд ба баргак дӯстӣ накун, ӯ туро фиреб медиҳад.

— Не, ӯ ҳеҷ вақт манро фиреб надодааст!

— Бовар намекунӣ? — гуфт рӯбоҳ ба кулӯхак. Набошад ба ман диққат намо. Дар рӯзҳои шамол ва қарасони хунук тамоми баданат аз хунукӣ ях мебандаду, аммо баргак дар таги ту гарм шуда мехобад. Боз фиреб надодааст мегӯия, каллакаду! Он тарафашро худат фикр кун, ман рафтам, кори заруре дорам!

Рӯбоҳи фиребгар рост ба пеши баргак рафта гуфт:

— Эй баргак, ту ба кулӯхак дӯстӣ дорӣ?

— Оре, — ҷавоб дод баргак.

— Эй баргаки нодон, минбаъд ба кулӯхак дӯстӣ накун, ӯ туро фиреб медиҳад, ман фиребгарии ӯро дида, ба ту раҳмам омад. Омадам, ки туро огоҳ кунам.

— Чӣ хел манро кулӯхак фиреб медодааст?

— Сабр кун, ҳамаашро мегӯям,— гуфт рӯбоҳ ба баргак,— худат фикр кун, ту як зимистон дар зери барфу борон истода кулӯхакро бонӣ мекунӣ, то ин ки ӯ тар нашавад. Аммо ӯ бошад, дар навбати ту, туро, бо як тарафаш зер карда меистаду халос. Ту аз ин ҳеҷ фоида намебинӣ. Мон, ӯ ҳам дар рӯзҳои борон хунук хӯрда, тар шавад. Худатро минбаъд ин хел азоб надеҳ! Хайр, ман рафтам.

Рӯбоҳ рафт. Баъд аз рафтани рӯбоҳ, чунон борону шамоли сахт гирифт, ки онро тасаввур кардан мушкил аст. Дар ин борону шамол баргаку кулӯхак ба якдигар ёрӣ нарасониданд. Шамол баргакро гирифта бурд. Борон кулӯхакро лой гардонид. Баргакӯ кулӯхаки бечора ба фиреби рӯбоҳ гирифтор шуда, нобуд шуда рафтанд.

[ЛИСТОЧЕК И КОМОЧЕК]

Было не было, а были листочек и комочек. Они так крепко дружили, что дружба их не знала себе подобной. Когда шел дождь или снег, листочек прикрывал собой комочек, и так они спали. А в ветреные и морозные дни комочек прикрывал листочек. Так защищали они себя от любой опасности. Заметила их дружбу лиса, и стало ей завидно. Стала она искать способ разлучить листочек с комочком. С этой целью пришла она как-то к комочку и сказала:

— Эй, комочек, ты листочку друг?

— Да,— кивнув головой, ответил комочек.

— Так ты больше не дружи с листочком, он тебя обманывает.

— Нет, он никогда не станет меня обманывать!

— Ты что, не веришь? — спросила лиса у комочка.— Так послушай меня. В ветреные и очень морозные дни, когда ты леденеешь от холода, листочек спокойно спит в тепле под тобой. А ты, пустая голова, говоришь еще, что он тебя не обманывает. Обдумай все это, а у меня важные дела, я пошла.

Пошла обманщица-лиса прямо к листочку и сказала:

— Эй, листочек, ты комочку друг?

— Да,— ответил листочек.

— Эй, глупый листочек, не дружи больше с комочком, он тебя обманывает, а я, увидев его обман, пожалела тебя. Вот и пришла, чтобы рассказать тебе об этом.

— Да как меня комочек обманывает?

— Потерпи, я тебе сейчас все расскажу,— ответила лиса листочку.— Да ты сам подумай, всю зиму ты стоишь под дождем и снегом и оберегаешь комочек, чтобы он не размок. А когда приходит его черед, он прижимает тебя с одной стороны и все. Нет тебе от этого никакой пользы. Пусть и он померзнет и помокнет в дождливые дни. Не стоит тебе больше так мучиться! До свидания, я пошла.

Лиса ушла. А после ее ухода начался такой сильный дождь и ветер, что даже представить себе трудно. В этот дождь и ветер листочек и комочек не помогли друг другу. Ветер подхватил листочек и унес. А дождь превратил комочек в глину. Обманутые лисой, пропали бедные листочек и комочек.

[РӮБАҲ ВА ҚАЛИҚАРЧ]

Қалиқарче буд, ки ҳар сол дар тори дарахти дулона ҳеча мекард, ба рузи умед бача мекард. Рубаҳе омухта шид, ки ҳар сол вахти бачабурори қалиқарч мешид, миёмад:

— Қалиқарч бачата парто бухурум, агар партой хуб, напартой мерам, бачаҳотам мехурум, хуттам мехурум.

Қалиқарч метарсид, ҷони худуш ширинӣ мекард, худма нахура гуфта бачаҳоша мепартофт. Рубаҳ мехурд, мерафт. Қалиқарч ба даргоҳи худо нола мекард, мегуфт: «Худоё, худовандо, ма ай чанги и бадбахт кай халос мешида бошум?» — гуфта нола мекард.

Бо соли нав омад. Қалиқарч хона кард, бача кард, бачаҳош қариб парончак шидиян қалиқарч шаву руз ҳолуш гуйра. Қалиқарч дар тори дулона нола кардесода буд, ки зоғе ба ҳаво гузашт. Зоғ барои гуйраҳои қалиқарч раҳмаш омад, гашта ба пеши қалиқарч омад, пурсид:

— Қалиқарч, чӣ иқа нолаҳои талху зор мекунӣ?

Қалиқарч гуфт:

— Ма нола накунум, ки ҳар сол ба рузи умед бачe мекунум, рубаҳ меёя, мега: «Қалиқарч, бачата парто бухурум! Партой парто, напартой, мерам, хуттам мехурум, бачаҳотам мехурум», — мега, метарсум, бачаҳома мепартом, мехура, мерава. И солам боша, қариб бачаҳом парончак шидиян, имруз ё пагаҳ меёя, бачаҳома мехура, барои и бачаҳом нола мекунум.

Зоғ гуфт, ки:

— Ма ба ту я насиҳат мекунум. Насиҳати мара бигӣ.

— Хуб, — гуфт қалиқарч.

Зоғ гуфт:

— Агар рубаҳ омад гуфт: «Қалиқарч, бачата парто, бухурум», бугу: «Гуҳма хурдӣ!» Баъд мега: «И насиҳатора кӣ кардут?» — бугу: «Бобои зоғум». Ма кори рубаҳа мекунум.

Зоғ парид, рафт. Я руз ду руз нагузашта буд, ки рубаҳ омад:

— Қалиқарч, бачата парто, бухурум!

Қалиқарч гуфт:

— Гуҳма хурдӣ!

Рубаҳ гуфт:

— Ҳа, қалиқарч, и насиҳатора кӣ кардут?

Қалиқарч гуфт:

— Бобои зоғум.

Рубаҳ гуфт:

— Хайр, кори зоға кардум, мекунум, накардум кори зоға рубаҳ нестум.

Рафт, дар як параи афтову зур кард, ку-

[ЛИСА И ЛАСТОЧКА]

Была одна ласточка, которая каждый год вила гнездо на вершине боярышника и в день надежды выводила птенцов. Лиса узнала, что ласточка каждый год выводит птенцов, и пришла к боярышнику.

— Ласточка, сбрось своих птенцов, я их съем. Сбросишь — хорошо, а не сбросишь, я приду, съем и их и тебя.

Ласточка испугалась, своя жизнь была ей дороже всего, и она, чтобы лиса ее не съела, сбросила ей своих птенцов. Лиса съела их и ушла. Ласточка пожаловалась богу, говоря:

— О боже, как мне избавиться от этого несчастья?

Снова наступила весна. Ласточка свила гнездо, вывела птенцов. Птенцы выросли, скоро могли уже летать, а ласточка плакала день и ночь. Когда она сидела на верхушке боярышника и стонала, мимо пролетал ворон. Ему стало жаль плачущую ласточку, он подлетел к ней и спросил:

— Ласточка, почему ты так горько плачешь?

Ласточка ответила:

— Как мне не плакать, если каждый год я в день надежды вывожу птенцов, а приходит лиса и говорит: «Ласточка, сбрось своих птенцов, я их съем! Сбросишь — хорошо, а не сбросишь, я приду, съем и тебя и твоих детей». От страха я сбрасываю ей птенцов, она их съедает и уходит. В этом году мои птенцы скоро начнут летать. Не сегодня-завтра придет лиса и съест их. Поэтому я и плачу.

Ворон сказал:

— Я дам тебе один совет, послушайся его.

— Хорошо,— ответила ласточка.

Ворон сказал:

— Если придет лиса и скажет: «Сбрось своих детей, я их съем», ты отвечай: «Съешь мой навоз!» Тогда лиса спросит: «Кто тебе дал такой совет?» Ты отвечай: «Мой дед ворон». А потом я знаю сам, как поступить с лисой.

Ворон улетел. Не прошло и двух дней, как пришла лиса:

— Ласточка, сбрось своих детей, я их съем!

Ласточка ответила:

— Съешь мой навоз!

Лиса спросила:

— Эй, ласточка, кто тебе дал такой совет?

Ласточка ответила:

— Мой дед ворон.

Лиса сказала:

— Ну ладно, не будь я лиса, если не проучу ворона.

Лиса пошла, легла на солнце, потужилась,

танша буровард, тунук кард, худша ба мурда андохт. Яке зоғ ба ҳаво гузашт, ки лови рубаҳа дид, баъд фуромад, дар гирди рубаҳ бозӣ кардан гирифт. Ҳарчан бозӣ кард, ки рубаҳ нағунбид. Баъд зоғ кутани рубаҳа зад нул, нағунбид. Бо зад нул, рубаҳ камтар худша кашид, бо зад нул, рубаҳ кашид, и карат нул зада буд, ки рубаҳ яке кашида-кашида даровард, сари зоғ дар куни рубаҳ руст шид. Рубаҳ хест, зоға маҳкам қапид:

— Ана, ҳамита мегирумта! — гуфт.

Зоғ гуфт:

— Ё рубаҳи нодон, ай хурдани ма чӣ мешай, ма я ҷондори мушти пар! Биё, мерем, ай сари куҳи адири баланд ма мепарум, парам гушт мешава, гуштом руған, баъд мара бухур.

Рубаҳ қабул кард, хестан ба сари куҳи баланд рафтан. Зоғ парид, рафт, дар куни дара, худша мурда кард. Рубаҳ дид, ки зоғ тунук:

— Оҳ, — гуфт, — зоғ мурдай. Рубаҳ таҳ давид, боло давид, ки раҳи фуромадан наёфт, бад чашмои мубораки худша қоқ пушид, парид рафт, дар пеши зоғ зад, задан баровар майда-майда шид. Зоғи ҳилагар хест, нигоҳ кард, ки рубаҳ майда-майда шидай.

Хест ба пеши қалиқарч омад:

— Ана душманта нобуд кардум, хез бурем, бинем.

Қалиқарч қати зоғ омад, дид, ки рубаҳ майда-майда шидай, мурдай, ховай. Қалиқарч ай зоғ ай замин то осмона минатдор шид, гашта ба пеши бачаҳош омад, қати бачаҳош вахтхуш шида гашт.

«Рузи бад нек мешава, одами бад не». Қалиқарч нек, ки буд, ай чанги рубаҳ халос шид, рубаҳ бад, ки буд, ба бадӣ мурд, рафт.

Қалиқарчи бечора, чор бачаи хуб дора, зоғ омаду якбора ай чанги золим халос кард уҳора.

вытянула из зада кишки и притворилась мертвой. Пролетавший ворон увидел уловку лисы, спустился вниз и стал прыгать вокруг лисы. Сколько он ни прыгал, лиса не двинулась с места. Тогда ворон клюнул лису в кишки, она не шелохнулась. Еще раз клюнул, лиса немного втянула в себя кишки. Ворон снова клюнул, и лиса опять втянула. Так ворон клевал, а лиса втягивала в себя кишки, пока не втянула совсем. Тогда голова ворона скрылась в заду лисы. Лиса встала и схватила ворона.

— Вот я тебя и поймала! — сказала лиса.

Ворон сказал:

— Эх, глупая лисица, какой тебе от меня прок, ведь я маленькая бедная птичка. Давай пойдем на высокую гору, я брошусь с вершины вниз, полетаю, тогда мясо мое станет мягче и жирнее и ты меня съешь.

Лиса согласилась. Пошли они на вершину высокой горы. Ворон бросился вниз, упал на дно ущелья и притворился мертвым. Увидев это, лиса сказала:

— Ох, ворон умер!

Стала она бегать туда-сюда, но не смогла спуститься с горы. Тогда, закрыв глаза, она бросилась с вершины вниз, упала около ворона и разбилась. Хитрый ворон встал и увидел, что лиса разбилась. Тогда он пошел к ласточке:

— Ну, вот, я погубил твоего врага, вставай, пойдем посмотрим.

Ласточка полетела вместе с вороном и увидела, что лиса лежит на земле мертвая. Она была очень благодарна ворону, с радостью вернулась к своим детям и зажила с ними счастливо.

Несчастливый день становится счастливым, а плохой человек не становится хорошим. Ласточка была доброй и спаслась от когтей лисы. Лиса была злой и погибла. Бедная ласточка имела четырех хороших птенчиков. Пришел ворон и спас их всех от лапы злодея.

[ҚУМРӢ, МЕРГАН ВА МОР]

Қумриеро боша пеш карда умад. Қумрӣ дар шохи дарахт шишта буд, ки мерган камунро пеш гирифта, ба тарафи қумрӣ умад. Акнун умада гуфт, ки қумриро меандозам. Қундоқи камунро бардошта, синаи қумринда тӯғрӣ кард. Қумрӣ нигоҳ кард, ки мерган меандозаташ, агар паррам гуяд, боша мегирататаш, агар напаррад мерган меандозаташ.

Дар таги пои мерган море буд. Мор пои мерганро газид. Газида буд, ки дасти мерган ларзида, тир ба боша расид. Қумрӣ дар ҳаво хесту гуфт:

— Дусад шукри худо, ки як тан мурда зисту ду тан зинда мурд.

Яъне қумрӣ, ки мурда истода буд, зинда монд ва бошаю мерган ҳарду ҳалок шуданд.

[ГОРЛИНКА, ОХОТНИК И ЗМЕЯ]

Кречет гнался за горлинкой. Горлинка сидела на ветке дерева, когда к ней приблизился охотник с луком в руках. Пришел он и хотел застрелить горлинку. Поднял он лук и нацелился прямо в грудь горлинки. Увидела горлинка, что хочет охотник ее подстрелить. Если она взлетит, то ее схватит кречет, если не взлетит, подстрелит охотник.

А под ногами у охотника была змея. Змея ужалила охотника в ногу. Когда она его ужалила, его рука дрогнула и стрела попала в кречета.

Взлетела горлинка и сказала:

— Двести раз благодарю господа за то, что одно мертвое тело стало живым, а два живых — мертвыми.

То есть горлинка, которая должна была умереть, осталась жива, а кречет и охотник — оба погибли.

[РӮБОҲ ВА ГУНҶИШКАК]

Будис, набудис, як руба ва як гунҷишкак будис. Як гунҷишкак буд, вай ҳар сол бача мекард, дар парончак шудани ин гунҷишкак як руба аз таги дарахт туқ-туқ мезад.

— Ҳо гунҷишкак, бачаҳоятро ба ман деҳ, ман хурам.

Вай гунҷишкак гуфт:

— Ман туя бо моҳӣ сер мекунам.

Руба: «Майлаш»,— гуфт.

Рубая вай ба пеши як аробакаш овард, вай аробакаш дар бочка моҳӣ мебурд. Вай ба қари худ гунҷишкакро заданӣ шуд, вале гунҷишкак парид. Вай аробакаш калтакро ба даҳони бочка зад, бочка кушода шуд, баъд моҳиҳо аз даруни бочка афтод, баъд руба хурдан гирифт. Баъд гунҷишкак парида ба лонаи худ омад, руба ҳам омад, туқ-туқ зад.

— Ҳо гунҷишкак, бачаҳоятро парто, ман мехурам,— гуфт руба,— агар напартоӣ, худатро ҳам мехурам, бачаҳоятро ҳам мехурам!

Гунҷишкак гуфт:

— Ман туро ба асал сер мекунам.

— Майлаш,— гуфт руба.

Гунҷишкак ба як ҷо меравад, ки духтаракон дар як сатил асал бурда истодаанд, гунҷишкак ба пеши вайҳо омада, ҷаҳида роҳ рафт ва як духтарак вайро пеш кард. Баъд гунҷишкакро қапида натавонист. Руба хурда, сер шуд, баъд гунҷишкак ба лонаи худ парида омад, руба ҳам омад, туқ-туқ зад.

— Ҳо гунҷишкак, бачаҳоятро парто, ман хурам, агар бачаҳоятро напартоӣ, худатро ҳам, бачаҳоятро ҳам мехурам,— гуфт руба.

Руба гуфт: — Акун маро хандон.

— Майлаш, —гуфт гунҷишкак.

Ба якҷо омад, ки як кампир модаговро меҷӯшид ва дар ин ҷо як чол ҳам буд, баъд вай гунҷишкак ба сари кампир нишаст ва чол гунҷишкакро мезанам гуфта, ба сари кампир зад, руба каҳ-каҳ хандид, баъд гунҷишкак ба лонаи худ парида омад, руба ҳам омад. Руба гуфт, ки:

— Акун маро тарсон.

Рубая гунҷишкак рост ба пеши шикорчиён оварда сагҳои ин шикорчиён рубая пеш кардан, руба гурехт, базур ба хонаи худ расида ва худ ба худаш гуфт, ки:

— Оҳ, чашмони ман, чашмони ман, шумо намебудед, ман чӣ мекардам? Роҳро намедидам. Оҳ, поҳои ман, поҳои ман, шумо намебудед, ман чӣ мекардам? Бепо роҳ рафта наметавонистам. Оҳ, думҳои ман, оҳ думҳои ман, шумо намебудед, ман чӣ мекардам? Ҳеҷ чиз ҳам намекардам, майлаш гиритон сагҳо думи маро хуретон!

Ва сагҳо думи рубая кашида хурданд.

[ЛИСА И ВОРОБЫШЕК]

То ли было, то ли нет, а были лиса и воробышек. Воробышек каждый год выводил птенцов. До того как птенцы начинали летать, приходила лиса под дерево и начинала стучать «тук-тук».

— Эй, воробышек, сбрось мне твоих птенцов, я их съем.

Воробышек сказал ей:

— Я тебя накормлю рыбой.

Лиса согласилась.

Тогда повел он лису к арбакешу. Тот арбакеш вез в бочке рыбу. Хотел он, рассердившись, ударить воробышка, но воробышек улетел. Арбакеш ударил палкой по бочке, и бочка открылась. Затем рыба вывалилась из бочки, и лиса начала ее есть. А воробышек полетел и вернулся к себе в гнездо. Вернулась лиса, постучала «тук-тук» и сказала:

—Эй, воробышек, сбрось мне твоих птенцов, я их съем, а не сбросишь, я и тебя съем и твоих птенцов.

Воробышек сказал:

— Я тебя накормлю медом.

— Ладно,— сказала лиса.

Пошел воробышек куда-то, а две девушки несли одно ведро меда. Воробышек выскочил вперед и запрыгал перед ними на дороге, а одна из девушек погналась за ним. Но не смогла она поймать воробышка. Лиса поела, насытилась, и воробышек улетел в свое гнездо. Пришла опять лиса и постучала «тук-тук».

— Эй, воробышек, сбрось мне твоих птенцов, я их съем, а не сбросишь, я и тебя съем и твоих птенцов,— сказала лиса.

— А теперь насмеши меня,— сказала лиса.

— Ладно,— сказал воробышек.

Пошел он куда-то, а там старуха доила корову, и был там старик. Воробышек сел на голову старухи, а старик, решив убить воробышка, ударил старуху по голове. Лиса очень смеялась, а воробышек полетел к себе в гнездо. А лиса опять пришла и сказала:

— А теперь испугай меня.

Воробышек привел лису прямо к охотникам. Собаки этих охотников погнали лису. Лиса убежала. С трудом прибежала она к своему дому и сказала сама себе:

— О глазки мои, глазки, если бы вас не было, что бы я делала? Я бы не видела дороги. О ножки мои, ножки, если бы вас не было, что бы я делала? Я бы не могла без ног идти. О хвосты, мои хвосты, если бы вас не было, что бы я делала? Ничего бы я не делала, ладно, собаки, берите мой хвост и ешьте его!

И собаки съели хвост лисы.

[АФСОНАИ ГУРГ ВА РӮБОҲ]

Будай, набудай, дар замони қадим яг гурге будай. Вай рузе аз рузҳо ба саҳро баромадай, яг руваакро дидай. Ҳардуяшон вохурдӣ карда, ба пурси пос даромадай. Аз иру уру гавҷанон кардаю баъд руваак гуфтай, ки:

— Биё, ҳардуямон ҷура шавем.

Баъд ҳардуяшон ҳам ин гапро маъкул донистаанду ҷура шудаанд. Вайҳо яг хона сохтанд ва дар он ҷо истиқомат мекарданд. Яг руз ҳар ду ҷураҳо ба шикор баромаданд. Руваак яг хурус оварду гург яг гуспанд. Гург гуфт:

— Биё, ки қавурдоқ карда мемонему худамон гандум мекорем.

Ин гапро рува майлаш гуфт. Хурусу гуспандро қавурдоқ карданд. Ҷураҳо ҳар руз ба кор мерафтанд. Гандумдарав шуд. Гург ба руваак гуфт, ки:

— Биё акнун дарав кунем.

Руваак майлаш гуфт. Онҳо рафта ба дарав кунӣ даромаданд. Рува, ҳалок шуд, у-уу-ун гуфта, як дод зад. Гург пурсид:

— Чаро дод мегуӣ?

Рубаи фиребгар бо фиреб гуфт, ки:

— Зани подшоҳ зоидаст, ҷеҳ зада истодааст, ки биё, номашро ту мон. Гург ҷавоб дод. Руваак рафт, ҳамон қавурдоқро гирифт, канда нимашро хурд ва боз омад. Гург пурсид:

— Чӣ ном мондӣ?

Руваак гуфт, ки:

— Конкани конбоз.

Руваак ҳам даравро сар кард. Боз руваак монда шуда, у-у-ун-ун гуфта, дод зад. Гург пурсид:

— Чаро руваак, боз бонг задӣ?

Руваак ҷавоб дод, ки боз гашта ҷуғ зада истодай, ки омада, номашро соз монад.

Дар ин гапҳои рувааки маккор гурги сода боз руваакро ҷавоб дод. Руваак омаду мондагӣ қавурдоқро хӯрд ва лесид ва боз баргашта ба пеши гург омад. Гург пурсид, ки:

— Чӣ ном мондӣ?

Руваак гуфт:

— Лесу налес.

Даравро боз даравидан гирифт, ки боз ҳам ҳалок шуд, ин марта ҳам тамоми овозашро бароварда чириғ кард. Гург пурсид:

— Боз чӣ гап?

Руваак дар ҷавоб:

— Номашро вайрон мондӣ гуфта боз ҷуғ зада истодааст, ки омада гашта мон.

— Руваак боз рафта, ин марта чизе, ки дар хона буд, хурда ишкамашро сер карду даруни кузаи қавурдоқ бударо аз пору и ху-

[СКАЗКА О ВОЛКЕ И ЛИСЕ]

Было ли не было, в старые времена был один волк. Однажды он пошел в поле и встретил одну лису. Оба поздоровались и принялись расспрашивать друг друга о здоровье. Поговорив о том, о сем, лиса сказала:

— Давай станем друзьями.

Потом оба согласились с этим, стали друзьями. Они построили дом и стали там жить. Однажды оба друга вышли на охоту. Лиса поймала одного петуха, а волк — одного барана. Волк сказал:

— Давай пожарим мясо и спрячем его, а сами посеем пшеницу.

С этими словами лиса согласилась. Мясо петуха и барана они пожарили. Друзья каждый день ходили работать. Настала пора жатвы. Волк сказал лисе:

— Давай теперь начнем жать.

Лиса согласилась. Они пошли и принялись жать. Лиса утомилась и стала громко кричать. Волк спросил:

— Почему ты кричишь?

Обманщица-лиса сказала:

— Жена падишаха родила ребенка и зовет меня, чтобы я дала ему имя.

Волк отпустил лису. Лиса пошла, взяла жареное мясо, съела половину и вернулась. Волк спросил:

— Какое имя ты дала?

Лиса ответила:

— Рудокоп.

Лиса тоже принялась жать. И снова лиса устала и начала громко кричать. Волк спросил:

— Чего ты, лиса, опять кричишь?

Лиса ответила, что ее снова зовут, чтобы она подыскала и дала подходящее имя. Эти слова коварной лисы обманули наивного волка, и он снова отпустил лису. Лиса пошла, съела оставшееся мясо, вылизала всё до дна и снова вернулась к волку. Волк спросил:

— Какое имя ты дала?

Лиса ответила:

— Лижи не лижи.

Снова принялась она жать. Потом она опять устала и на этот раз закричала во весь голос. Волк спросил:

— Ну, что еще?

Лиса ответила:

— Опять зовут, говорят, что я неправильно дала имя и должна дать другое.

Лиса снова ушла и на этот раз съела все, что было в доме, пока не насытилась. Кувшин, где раньше лежало жареное мясо, она напол-

даш пур карду даҳони кузаро гил карду боз баргашта ин ҷо омада расид.

Боз гург пурсид, ки:

— Чи ном мондӣ?

Руваак гуфт, ки:

— Гил-гили гил ном мондем.

Ба ҳамин дарав тамом шуд. Акнун руваак гуфт:

— Биё, рафта, қавурдоқро хурем.

Гург гуфт:

—Майлаш.

Ҷӯраҳо баргашта, ба хона омаданд. Руваак ба гург гуфт:

— Кузаро биёр! Гург оварда, канда дид, ки аҳволи кузааш бад. Гург ҳайрон шуда, ба руваак нигоҳ карда, гуфт, ки:

— Инро кӣ хӯрд? Руваак ба гург нигоҳ карда:

— Ту хурдӣ,— гуфт.

Ҷанҷол шуд. Ҳардуяшон хеста, ба пеши қозӣ рафтанд, аҳволу ҳолашонро гуфта доданд. Қозӣ гуфт, ки:

— Рафта, дар як руи тови тасфон хоб кунед, маълум мешавад.

Гургу руваак рафта, дар руи як товаи тасфон хоб карданд. Гург, ки бисьёр кор карда буд, тез хобаш бурд. Руваак, ки ба фиреб мегашт, хобаш набурд. Камтар хоб карда руваак равғане, ки дар таги пои хобаш буд, гирифта ба таги пои гург монд. Қозӣ омада дид, ки равған дар таги пои гург, гуфт, ки:

— Қавурдоқро гург хӯрдааст.

Бо ҳамин ба охир расид.

нила своим навозом и горлышко залила глиной. Потом она вернулась обратно.

Снова волк спросил ее, какое она дала имя. Лиса ответила:

— Мы дали имя глиняная глина.

На этом жатва была окончена. Теперь лиса позвала волка есть жареное мясо. Волк согласился. Друзья вернулись домой. Лиса сказала волку:

— Принеси кувшин!

Волк принес кувшин, покопался в нем и увидел, что дело плохо. Волк удивился, посмотрел на лису и спросил:

— Кто съел мясо?

Лиса сказала, глядя на волка:

— Ты съел.

У них возник спор. Тогда оба пошли к судье и рассказали, как было дело. Судья сказал:

— Идите и лягте оба на горячую сковороду, тогда все выяснится.

Волк с лисой пошли и легли на горячую сковороду. Волк много потрудился и поэтому сразу уснул. Лиса же хитрила и не могла уснуть. Немного погодя она встала и переложила жир из-под своих ног под ноги волку. Пришел судья и увидел, что жир под ногами волка. Он сказал:

— Жареное мясо съел волк.

На этом дело кончилось.

[КУЛЧА]

Будас, набудас, як занак будас, вай як рӯз кулча пухтас, вая якташ ғалтида ғел зада, бирафтас. Роҳанда кулчава заргӯш пеш омадас.

— Туя мехурам! — гуфтас.

Кулча:

— Мана нахур, ман туба шеър хонда метиям,— гуфтас.

— Канӣ, хон-чӣ,— гуфтас заргӯш.

Кулча хондас:

— Кулча, кулча, ман кулча,
Отамдану онамдан,
Қочуб кетган ман кулчак.

Сонӣ бо ғел зада рафтас. Як ҷова равад як гург пеш омадас.

— Кулча, кулча, ман туя мехурам! — гуфтас гург.

— Не, мана нахур, шеър хонда метиям,— гуфтас.

— Боли бомба буро,— гуфт гург.

Кулча тез давида баромад. Гург аффӣ кара хӯрд.

[ЛЕПЕШКА]

То ли было, то ли нет, а была одна женщина. Однажды пекла она лепешки, и одна упала и укатилась. По дороге встретился ей заяц.

— Я тебя съем,— сказал заяц.

Лепешка ответила:

— Не ешь меня, я тебе спою песенку.

— А ну-ка спой,— сказал заяц.

Она и запела:

Кулча, кулча, я кулча.
От папы и от мамы я ушла,
Я кулча.

А потом снова покатилась. Покатилась она дальше, и встретился ей волк.

— Лепешка, лепешка, я тебя съем! — сказал волк.

— Нет, не ешь меня, я песенку спою,— сказала лепешка.

— Поднимись на крышу,— сказал волк.

Лепешка быстро взобралась на крышу. А волк рявкнул и тут же съел ее.

[РӮБОҲ ВА САГ]

Буд, набуд, як деҳқон буд. Ҳар солӣ вай харбуза мекорид. Як рӯз аз хонеш омад, ки нисфи харбузеш нест. Як рӯз поид, ки як рӯбоҳ омада, ним ними харбузаро хӯрд.

Бобо гуфт: «Ман инро дастгир карданам даркор».

Баҳад гифту рӯзи гармӣ буд, сақичи сиёҳро овард, қарашқул карду ба як паноҳӣ поида истод. Баҳад рӯбоҳ омадаст, ки дар минаҷои харбуза як одам истодаст. Рӯбоҳ ҳам поида истод, он одам ҳеҷ нарафт. Рӯбоҳ рафта гуфт, ки:

— Э, тез рав, набошад, рафта мезанам,— гуфта дӯғ зад.

Вале он аз ҷояш наҷунбид. Рӯбоҳ ногоҳ як почикаш ки зад, пояш часпида монд. Рӯбоҳ дӯғ зад, ки:

— Поямро сар деҳ, набошад, ин поям ки мезанам,— гуфт,— баҳад ин пояш ки зад, ки ин пояшам часпида монд. Рӯбоҳ дӯғ зада, гуфт:

— Поямро сар деҳ, ду пои дигарам ҳаст,— гуфту пои ақибаш ки зад, ин пояшам часпида монд. Рӯбоҳ дӯғ зада, гуфт:

— Сар деҳ почикама, як почики дигем ҳаст! — гуфт, инта кард, ки ин почикашам часпида монд.

Баҳад бобо омаду рӯбоҳро гирифта бурду ба занаш гуфт:

— Имрӯз кайф мекунем!

— Чува? — гуфт занаш.

Бобо ҷавоб дод:

— Як рӯбоҳ овардам.

Баҳад рӯбоҳро ба сабат андохтану болояшро маҳкам кардану баҳад ба ҳезум рафтан. Хона хилбат шуд, рӯбоҳ чирас зад, кучук давида омад. Рӯбоҳ гуфт:

— Ана ман ба соҳибат домот мешавам. Ту ҳамин қадар сол гаштию домот нашудӣ, ман омадаму домот шудам. Бе, ту да ҷои ман домот шав, — гуфт рӯбоҳ.

Кучук саватро чашпа гардонд, ба ҷои рӯбоҳ кучук даромад, дари саватро рӯбоҳ маҳкам карду монду рафт.

Соҳиби хона омад. Дид, ки рӯбоҳаш калон шудас, яки гирифта дид, ки кучукаш. Кучукро гирифту кӯфту кӯфту сур кард, бо ҳамин ба муроду мақсадаш расид.

[ЛИСА И СОБАКА]

Было не было, а был дехканин. Каждый год сажал он дыни. Однажды вышел он из дома и видит, что половины дынь нет. Однажды он проследил и увидел, что пришел лис и съел половину дынь.

Дед сказал:

— Надо мне его поймать.

И вот взял он в жаркий день черную смолу и сделал пугало, а сам засел в укромном месте и стал следить. Пришел потом лис и видит, что среди дынь стоит человек. Постоял лис и подождал, а человек никуда не уходит. Подошел лис к нему и стал ругаться:

— Эй, убирайся отсюда, а то я тебя изобью!

Но тот даже не пошевелился. Лис ударил его ногой, и нога прилипла. Еще больше стал ругаться лис:

— Отпусти мою ногу, не то я тебя другой ногой ударю!

Тогда лис стукнул другой ногой, и другая нога прилипла. Тут снова стал лис ругаться:

— Отпусти мою ногу, у меня еще две ноги есть!

И ударил он задней ногой. И эта нога прилипла. Опять стал лис ругаться:

— Отпусти мои ноги, у меня еще одна нога есть!

Сказал он это и ударил так, что и та нога прилипла. Потом пришел дед, отклеил лиса, отнес жене и говорит:

— Сегодня гуляем!

— Как? — спросила жена.

Дед ответил:

— Я притащил лиса.

Потом положили они лиса в корзину, крепко ее закрыли и пошли за дровами. В доме никого не осталось. Лис закричал, прибежал пес. Лис сказал:

— Вот я стану зятем твоего хозяина. Ты столько лет живешь в доме и не стал зятем, а я только пришел и сразу стал зятем. Иди сюда на мое место — и ты станешь зятем.

Пес опрокинул корзину и залез на место лиса. Лис крепко закрыл дверцы корзины и ушел. Пришел хозяин, видит — «его лис» вырос. Открыл он корзину, и увидел, что там пес. Схватил он пса, бил его, бил и выгнал. Так достиг он исполнения своих желаний.

[ДЕҲҚОН ВА ГУРГ]

Оварданд, ки деқоне ду буз дошт. Як суҳар гург ба хони деқон даромад, деқон гургро дида, тиёқашро гирифта, аз паи гург сур кард. Гург рафта, дар хонаи худаш даромад. Деқон ба даҳани хонаи гург рафта истод, ҷуволро бо даҳани хонаи гург соз карда, ғайрод кард писарашро:

— Рафта дар хона ҷӯбор бикан, обьёрӣ кун, дар паи ҷӯй бед шинон, бед калон шавад, дастак гир, ба бел даста кун, белро оварда мон, хонаи гургро вайрон кунам, гургро кушам.

Гург суханони деқонро гӯш мекард, ба худаш гуфт: «То писараш меравад, ҷӯбор меканад, обьёрӣ мекунад, дарахт мешавад, дарахт даста мекунад, аз вай даста гирифта белро даста мекунад, ман дар ин ҷо мемурам. Аз ҳамаш хуб, ки сари вақт ман гурезам».

Гург давида аз хонаш баромад, ки дар даруни ҷувол афтид. Деқон ҷуволро баста, чунон гургро зад, ки гург бимурд. Деҳқон пӯсташро гирифт.

[ДЕХКАНИН И ВОЛК]

Говорят, что было у дехканина две козы. Как-то поутру волк залез к дехканину в дом. Увидел тот волка, взял палку и погнался за ним. Убежал волк к себе в нору. Остановился дехканин у входа в нору; привязал он у входа в нору мешок и нарочно громко велит сыну:

— Пойди домой, выкопай арык, пусти воду, на берегу арыка посади иву, вырастет ива, сруби ветку, сделай ручку для лопаты, принеси мне лопату, разрушу я дом волка, а волка убью.

Услышал волк слова дехканина и подумал: «Пока его сын выроет арык, пустит воду, пока вырастет дерево, даст ветки, пока из ветки сделает ручку для лопаты — я здесь умру. Лучше всего мне вовремя убежать».

Выскочил волк из норы и попал прямо в мешок. Завязал дехканин мешок и так бил волка, что волк умер. А дехканин взял его шкуру.

[ЯК ГУРГ ВА СЕ САГ]

Як вақто як гург ба наздики қишлоқ омада, гуспанди бойро дузида, гирифта мебарад. Аз қафой гург се саг давон-давон сур карда мераван. Баъд гург дар ҷой худ меистаду мега, ки:

— Шумо сагой кӣ ҳастед?

Ягташ мега, ки:

— Ман саги кулолгарум.

— Шумо саги кӣ ҳастед?

— Ман саги бофанда ҳастум.

Дигарша мега:

— Шумо саги кӣ ҳастед?

— Ман саги бой ҳастум!

— Эй ошной саги кулолгар, ман кулолиҳои соҳиби тура нахурдам-ку! Ҳой ошной саги бофанда! Ман карбосои соҳиби тура нахурдам-ку, ту ба ман чӣ кор дорӣ?! Ман гуспанди боя хурдам, мон, мара саги бой пеш кардан гирад.

Дар ин ҳолат саги кулолгар, саги бофанда аз роҳ гашта, ба қишлоқ омадан. Саги бой бошад, тарсида, аз раҳи худ бозгашт.

[ВОЛК И ТРИ СОБАКИ]

Как-то волк подошел к кишлаку и утащил барана бая. Бросились за ним в погоню три собаки. Остановился тогда волк и спросил:

— Вы чьи собаки?

Одна собака сказала:

— Я собака гончара.

— А вы чья собака? — спросил он у другой собаки.

— А я собака ткача.

Спросил он у третьей собаки:

— А вы чья собака?

— Я собака бая.

Тогда волк закричал:

— Эй, друг, собака гончара, ведь не съел же я кувшины твоего хозяина! Эй, друг, собака ткача, ведь не съел же я карбос твоего хозяина? Что же тебе от меня надо? Я съел баранов бая, так пусть меня и гонит собака бая!

Так собака гончара и собака ткача вернулись в кишлак. А тут собака бая испугалась и тоже повернула обратно.

[МАСЛИҲАТИ ГОВ, САГ ВА ГУСФАНД]

Буд, набуд, як гову як сагу як гусфанд буд. Онҳо доимо худро таърифу тавсиф мекарданд. Рузе саг ба гусфанд таъна зада, чунин гуфт:

— Аз ҳамаи шумо дида, соҳибамон манро дуст медорад.

Гапи инро ҳануз нафаҳмида, гусфанд таъриф кард, ки:

— Ман барои соҳибам аҳамият дорам, чунки ягон меҳмон шавад, гушти манро ба он сарф мекунад.

Гов инро шунида, худро таъриф кардан гирифт, ки:

— Ман барои соҳибам аҳамият дорам, чунки ширу қаймоқ, дуғу ҷурғот, гушту пусти ман барои соҳибам лозим мебошад.

Аз ҳама бисьёртар саг таъриф кардан гирифт, у чунин мегуфт:

— Аз ҳамаи шумо дида, манро соҳибам дуст медорад, чунки дару деворро ман бонӣ мекунам.

Дар ҳамин асно соҳиби онҳо омада, ҷанҷоли онҳоро хомуш карда гуфт:

— Ҳар кадоматон барои ман дар вазифаи худ лозим ҳастед.

[СПОР КОРОВЫ, СОБАКИ И ОВЦЫ]

Было не было, а были корова, собака и овца. Всегда они выхвалялись друг перед другом. Однажды собака, упрекая барана, сказала:

— Хозяин любит меня больше, чем всех вас.

А овца, даже не дослушав этих слов, хвалилась:

— Я очень дорога хозяину, потому что, когда приходят гости, он угощает их моим мясом.

Услышав это, корова стала хвалиться:

— А я потому дорога хозяину, что ему нужны мои молоко и сливки, кислое молоко и сыворотка, мясо и шкура.

Но больше всего похвалялась собака, она говорила так:

— Больше всех хозяин любит меня, потому что я охраняю его дом.

В это время пришел хозяин и положил конец их спору:

— Каждый из вас нужен мне по-своему.

[ХИРС ВА ДЕҲҚОН]

Буд, набуд, як деҳқони камбағали фарзандоре буд, ки рузи оилаашро ба зур мегузаронд. Рузе аз рузҳо хирс ба пеши деҳқон омада, хоҳиш кард, ки якҷоя киштукор карда, ҳосилашро ҳис кунанд. Хирс бо тамоми қувваташ кор мекард, то ин ки кишт ба охир расид ва шалғам кориданд, чунон ҳосили калон дод, ки замину осмон пур шуданд, локин пеш аз коштани шалғам онҳо байни ҳамдигар шарт монда буданд, ки, решаҳо аз ману баргҳо аз ту.

Дар вақти ҳис кардан, решаҳо ба деҳқон расиданду баргҳо ба хирсбобо.

Соли оянда хирс боз бо ҳамроҳи деҳқон чизи лозимӣ коштанӣ шуданд.

Хирс ба деҳқон чунин гуфт:

— Ин дафъа решаҳо аз ману баргу поя аз ту.

Деҳқон ба ин шарти хирс розӣ шуда, гандум кориданд. Чунон ҳосили калон дод,ки илоҳо тавба, ғалларо даравиданд, дар хирман куфтанд, дар вақти ҳис баргу поя ба деҳқону решаҳо ба хирс расиданд.

Хирси бечора ин дафъа ҳам фиреб ҳӯрда, дар замистон аз ҷиҳати хурдани решаи гандум ба мурдан наздик шуд, аз ҳамон вақт ин ҷониб байни хирсу деҳқон низоъ ба вуҷуд омада, ба як дигар зид мебошанд.

[МЕДВЕДЬ И ДЕХКАНИН]

Было не было, а был один бедный многодетный дехканин, который с трудом зарабатывал на жизнь. В один из дней к дехканину пришел медведь и предложил вместе сеять, а потом поделить урожай. Медведь трудился изо всех сил до конца сева. Они посадили репу и вырастили такой большой урожай, что заполнили землю и небо. Однако еще до того, как посадить репу, они условились, кто возьмет корни, а кто листья. При разделе урожая корни достались дехканину, а листья — медведю.

На следующий год, когда они снова решили вместе сеять, медведь сказал дехканину:

— На этот раз корни мои, а листья твои.

Дехканин согласился на это условие медведя. Они посеяли пшеницу и вырастили такой урожай, что все удивлялись. Они сжали пшеницу и смолотили. А при разделе урожая стебли и листья достались дехканину, а корни — мед ведю.

Бедный медведь и на этот раз обманулся, а съеденные корни пшеницы так ему повредили, что зимой он чуть не умер. С тех пор дружба медведя с дехканином дала трещину, и они стали противниками.

[САЁҲАТИ ХАР]

Як хари пир пуштуш яра шуд, баъд хар гуфт: «Ман то хонаи Каъбаро набинам, намемонам».

Баъд хар барои зиёрати Каъба ба роҳ даромад. Хар дар роҳ мерафт, дид, ки як гусфанд дар даруни як рушқа гирья мекунад. Хар ба у гуфт:

— Ту чува гирья мекунӣ?

Гусфанд гуфт:

— Маро соҳибам барои меҳмони дар хона будагӣ куштанӣ аст, ман нагирьям, кӣ мегирьяд?

Хар гуфт:

— Биё, қати ба зиёрати хонаи Каъба меравем.

Ҳар ду ба роҳ баромадан, рафта-рафта ба як хурус во хурдан. Хурус гуфт:

— Акоҳо, куҷо мерен?

Хар гуфт:

— Мо ба зиёрати хонаи Каъба рафта истодаем.

Хурус зорӣ карда:

— Манам намебарен? — гуфт.

Хар гуфт:

— Ҷуни тура бигирад аҳмақ, ту чӣ азов дорӣ, ки мерай?

Хурус гуфт:

— Мана соҳибум куштанӣ аст.

Баъд ҳар се ба роҳ баромадан. Ино рафтан, рафтан, ки аз пеши роҳ як курмуш баромад ва гуфт:

— Акоҳо, куҷо мерен?

Ҳар гуфт:

— Мо ба зиёрати хонаи Каъба мерем.

Курмуш гуфт:

— Мана намебарен?

Рафиқо ҷавоб додан:

— Ту чӣ алам дорӣ?

Муш гуфт:

— Охир, аламе, дар манай, дигар дар ҳеҷ кас нест!

— Чӣ хел?

— Ман ба ҳамин ҷисмам хок бароварда, хок бароварда, хона месозам. Як барзагов дар болои хонам пой монда, хонама мегардуна. Ана ман безор шудам, мана баре.

— Хайр, биё!

Ҳар чорашон ба роҳ баромадан. Рафта-рафта ба як калкутак во хурдан, калкутак гуфт:

— Ҳой акоҳо, куҷо мерен?

— Мо ба саёҳати хонаи Каъба мерем!

Калкутак зораи бисьёре карду ба онҳо ҳамроҳ шуд. Панҷ каси инҳо рафтан, ки офтоб шишт, шав шуд, баъд онҳо дар таги куҳ хоб

[ПУТЕШЕСТВИЕ ОСЛА]

Старый осел с израненной спиной подумал: «Пока я не увижу Каабу, я не успокоюсь».

И отправился тогда осел поклониться Каабе. Шел он по дороге и увидел, что в клевере плачет какой-то баран.

Осел спросил:

— Почему ты плачешь?

Баран сказал:

— Хозяин хочет меня зарезать, чтобы накормить гостей. Кому же плакать, как не мне?

Осел сказал:

— Пойдем тогда со мной поклониться Каабе.

Пошли они вместе. Шли, шли и встретили петуха.

Петух сказал:

— Братцы, куда идете?

Осел сказал:

— Мы идем поклониться Каабе.

Стал петух умолять:

— А не возьмете ли вы и меня?

Осел сказал:

— Чтоб ты сдох, дурак, что у тебя за горе такое, что ты хочешь идти с нами?

Петух сказал:

— Хозяин хочет меня зарезать.

И пошли они втроем. Шли они, шли и вот встретился им на дороге крот и сказал:

— Братцы, куда идете?

Осел сказал:

— Мы идем поклониться Каабе.

Крот сказал:

— А не возьмете ли вы меня с собой?

Друзья ответили:

— А у тебя какое горе?

Крот ответил:

— Да у меня такое горе, что ни у кого такого нет.

— А в чем дело?

— Я такой маленький, а столько земли перекапываю, столько земли перекапываю и строю себе дом. А тут приходит бык, наступает на мой дом и разрушает его. Вот почему я расстраиваюсь. Возьмите меня с собой.

— Ладно, пошли.

Пошли они вчетвером. Шли они, шли и встретили дятла.

Дятел сказал:

— Эй, братцы, куда идете?

— Мы идем поклониться Каабе.

Долго умолял их дятел и пошел вместе с ними Пошли они впятером. Когда солнце село и наступила ночь, решили они переночевать у гор, а наутро идти дальше. Сказав, «утром пойдем дальше», дошли они до гор, легли там и уснули. Пришла туда волчица, у которой были волчата, и увидела осла. А осел был ей должен семь пудов мяса. Увидела она осла, обрадовалась и сказала:

кардан. «Пагоҳ меравем» — гуфта, ба таги куҳ омада хоб карда будан, ки як гурги бачадор ба ин ҷо омада, хара дид. Хар аз гург ҳафт пуд гушт қарздор буд, харро дида, хурсанд шуду гуфт:

— Ҳой ҷураи хар, қарзро наметӣ? Ё аз ман наметарсӣ?

Хар гуфт:

— Ҳой лаънатӣ, ту аз ман наметарсӣ?

Гург гуфт:

— Ман аз ту чӣ метарсум?!

Хар гуфт:

— Ман ҳозир чизе дорум, ки болиға барин мезанад.

Хар ин хел гуфта буд, ки гусфанд давида гургро чунон зад, ки гург дар замин ғелид.

Хар гуфт:

— Боз наметарсӣ? Ҳозир одаме дорум, ки нола дора.

Хурус қу-қу-қу-у-у гуфта нола мекард. Гург аз тарс меларзид. Хар гуфт:

— Ҳозир чизе дорум, ки тахтаҳота метароша.

Калкутак дар кут-кут даромад.

Хар гуфт:

— Ҳозир чизе дорум, ки қабрат мекана.

Курмуш дар қабрканӣ даромад. Гург аз тарс «ва» гуфту гурехт.

Пагоҳӣ инҳо хеста, ба хар гуфтан:

— Мо дигар бо ту ҳамроҳ намешавем, ҳама душмани туян.

Инҳо гаштану хар рафтан гирифт. Рафт, рафт дар як ҷой расид, ки себарга болои обу об болой себарга мезад. Ҷои шукорҷои шер буд ин ҷо. Хар се руз дар ин ҷо истод, ки яке шер умад, хара диду гуфт:

— Ту кистӣ, ки дар ин шикорҷои ман мегардӣ?

Хар гуфт:

— Ту кистӣ?

Шер гуфт:

— Ту кистӣ?

Ин қуфт:

— Ту кистӣ?

Вай гуфт:

— Ту кистӣ?

Се шабу се руз [саволу ҷавобашон] давом кард, ҳеҷ кадомаш номша нагуфт, баъд шер фикр кард, ки: «Ин номша намега, ман номма бугум». Баъд гуфт:

— Ман шер ном дорум.

Хар гуфт:

— Ман шерҳанг ном дорум.

Шер гуфт: «Шеруш номи ман, ҳангуш аз ман зиёд!» Шер гуфт:

— Ку як ҳанг бузан, ман бубинум.

— Эй, друг осел, не отдашь ли ты мне свой долг? Или ты меня не боишься?

А осел сказал:

— А проклятая, ты что, меня не боишься?

Волчица сказала:

— А чего мне тебя бояться?

Осел сказал:

— У меня теперь есть такое, что бьет, как молот.

Как только осел это сказал, баран разбежался и стукнул волчицу так, что она покатилась по земле.

Осел сказал:

— Ну что, ты все еще не боишься? У меня сейчас есть тот, кто покойников отпевает.

Петух закукарекал. Волчица от страха так и затряслась.

Осел сказал:

— Есть у меня тот, кто доски для твоего гроба стругает.

Дятел начал стучать.

Осел сказал:

— Есть у меня и тот, кто выкопает тебе могилу.

Тут начал крот могилу копать.

От страха волчица взвыла и бросилась бежать Назавтра проснулись они и сказали ослу:

— Мы больше с тобой не пойдем, все вокруг твои враги.

Ушли они. А осел пошел в одиночестве. Шел он, шел и пришел в такое место, где трилистник над водой колышется, а вода над трилистником струится. А в этих местах обычно охотился лев. Провел там осел три дня. А на четвертый день пришел туда лев, увидел осла и сказал:

— Ты кто такой, что ходишь по местам моей охоты?

Осел сказал:

— А ты кто такой?

Лев сказал:

— А ты кто такой?

А он сказал:

— А ты кто такой?

А тот сказал:

— А ты кто такой?

Три дня и три ночи продолжали они спрашивать друг друга, и никто из них не называл своего имени. А потом лев подумал: «Он не говорит своего имени, а я скажу». И сказал он:

— Меня зовут лев!

Осел сказал:

— А меня зовут ревущий лев!

Подумал лев: «Он не просто лев, а еще ревущий»,— и сказал:

— А ну зареви, а я послушаю!

Прижал осел уши, да как заревет; испугался лев и подумал: «С таким могучим животным лучше быть в дружбе». Потом он сказал ослу:

— Пойдем с этого места в другое место моей охоты.

А другое место было на том берегу реки. Дошли

Хар ҳар ду гушаш[ро] хобонда, як ҳанг зад, шер тарсид, баъд шер гуфт: «Ба ин хел ҳайвони зур ҷура шудан даркор». Баъд ба хар гуфт:

— Биё, аз ин шикорҷо ба шикорҷои дигари ман мерем.

Шикорҷои дуюми вай аз дарьё он су буд. Хар ва шер ба лаби дарьё расидан, хар фикр кард, ки: «Аз ин дарьё ҳеҷ гоҳ гузашта намешад». Баъд ба шер гуфт:

— Бугзар!

Шер бо як паридан обро гузашт. Хар дар лаби об боло ва калапо мерафту меомаду ҳиъҳиъ мекард. Баъд шер гуфт:

— Биё!

Хар гуфт: «Агар ба об надаром, шер мехурад».

Баъд ба об даромад, ки об харро бурда, дар як тангови зад, ки дастуш боло баромад.

Шер гуфт: «Ягон чиз дидагист». Баъд шер парида, харро бароварду гуфт:

— Чува аз об дер баромадӣ?

Хар гуфт:

— Ҷонта бигира, ман дар ин ҳавз моҳӣ дидум, гуфтум, ки биё моҳира қапем, наомадӣ.

Шер якбора тарсиду гурехт.

Хар рафта, дар чарогоҳи дуйуми шер хурда, гаштан гирифт. Як руз аз хурсандӣ хар имкон надошт, ки худро нигоҳ дорад, якбора:

— Ҳар-ҳар-ҳар,— гуфтан гирифт.

Яке овози харро гург шунид, ба овози хар омада, дид, ки хоб аст. Гург як қоҳ-қоҳ зада хандиду ба хар гуфт:

— Ҳой хар, гушти қарзиро наметӣ?

Хар тарсида, ба гург гуфт:

— Эй аҳмақ, як умр дар куҳу дар дашт пои пиёда мегардӣ, биё, ба пушти ман савор шав.

Гург ба пушти хар савор шуд, хар гуфт:

— Ман се хел роҳ дорум, якум юрға, дуйум дук-дук, сейум бошад, чорхез. Даркуҷое, ки гуфтам: «Чашмота пуш, ки вақти чорхези ман омадаст», пуш, ки чашмот об гирифта, наафтӣ!

Хар роҳи якӯм ва дуйӯмро гашт карда буд, ки дар роҳ як туда одам ва сагҳоро дид. Гургро гуфт:

— Чашмота пушида, маҳкам буқап!

Гург чашмоша пушида, маҳкам қапид. Хар гургро дар мобайни мардум бурд, паронданд. Хар аз ачал озод шуд, ба суи қишлоқ, ба хонаи соҳибаш рафт.

осел и лев до реки, осел подумал: «Через эту реку мне ни за что не перебраться». Тогда сказал он льву:

— Переходи!

Лев одним прыжком перепрыгнул через реку. А осел, приговаривая «хи-кхи», стал прохаживаться по берегу.

Тогда лев сказал:

— Переходи!

Осел подумал: «Если я не войду в воду, лев меня съест». И вошел в воду. Вода потащила осла в какой-то омут, и начал он бить передними ногами по воде. «Наверно, он увидел что-то», — подумал лев. Прыгнул лев, вытащил осла и сказал:

— Почему ты так долго не выходил из воды?

Осел сказал:

— Черт тебя побери, я увидел в этой реке рыбу и звал тебя, чтоб мы вместе ее поймали!

Испугался лев и убежал.

Отправился осел один и стал пастись на этих львиных угодьях. Не было границ его радости, и однажды он не выдержал и закричал:

— Хар-хар-хар!

Услышал ослиный крик волк. Пришел он на крик и увидел, что осел спит. Засмеялся волк и сказал:

— Эй, осел, не отдашь ли мне мясо, которое должен?

Испугался осел и сказал:

— Эх ты, дурак, всю жизнь ходишь пешком по горам и долинам, садись-ка на меня верхом.

Сел волк верхом но осла, а осел сказал:

— Я скачу тремя способами, первый — рысью, второй — галопом, а третий — карьером. Когда я тебе скажу: «Закрой глаза, потому что теперь я поскачу карьером», закрой глаза, иначе твои глаза зальются слезами, и ты упадешь.

Побежал осел первым способом и вторым, а потом увидел на дороге толпу людей с собаками. Тогда он сказал волку:

— А ну, закрой глаза и держись покрепче!

Закрыл волк глаза и схватился крепко. А осел прискакал с волком к людям, и они его застрелили. А осел, избавившись от смерти, отправился в кишлак в дом к своему хозяину.

[МОР]

Як морбоз буд. Рузаш морбозӣ қати мегузашт. Морора қапида, рум мекард. Бад бурда ҳар гужонда морбозӣ карда, пулу чиз туп мекард. Ҳамин зайлӣ зиндагиша карда гашт. Як морбачара қапида, зараша резунду рум карда, калун кард. Шабуно ин мора бағалашанда гирифта хоб мерафт.

Як шаб мардак хоб рафта буд, ки аз ти дастшу як мор бурумада, хунара чарх заду дуруни сабати нунба дарумад. Чени хурдагиш хурду мундагӣ нунба зараша чошида бурумада бурафт. Якке мори рум фишшасти вая фамида, бедор шуду ниё кард, ки мор аз сабат бурумада бурафтистодас. Хеста рафта гуфт, ки:

— Э номард, чиза хурда, зарата чошида бурафтӣ! Ту одамизотба зарарата нарасун, аз одамизот гандагӣ намебурод. Ман ишқинак будам, мана оварда, калун кард, бағалашанда гирифта хоб мерад.

Мори зар чошидагӣ гуфт, ки:

— Ҳа, ҳа, одамизот ҷудо нағз шуд? Чиба, ки очата кушт, додота кушт, тура оварда, дандунота кашида гирифт, забуната қантар зад! Сарата гаранг кард. На рои рафтата медунӣ, на кори кардата. Саратба нухта зада, туро бозӣ дошта, худашба пул туп карда гаштас. Ту як майминию вай майминбоз. Ҳолӣ ниё карда исто, ин одамӣ тура чиё мекунад!

— Мана чиё мекунад охир? — пурсид мори рум.

— Тура мекушад, бад халос мешӣ.

— Э ҷура, унту бошад, ман чуту мекунам?

— Коре куну мардака кушта, сарата гиру гурез.

Якке морбоз бедор шуда, пала гашта буд, ки мори рум хап шуду мори бегуна хунашба дарумада бурафт. Дили мори румба алоб ғалтид, ки: «Акун мана ин мекуштас». Ина газаму кушам гуд, зар надорад. «Акун чуту мекунам? Таваккал хафа карда мекушам»,— гуфт.

Мор аста-аста гардани соҳибашба печиду ғиҷим кардан гирифт. Якке нафаси мардак қиста шуда, хиррасба дарумад. Мардак қариб мурда буд. Хир-хири мардака гурба шунида умад, ки мор гардани соҳибашанда. Гурба аз калли мор зер карда буд, ки мор мурду аз гардани мардак суст шуда ғалтид.

Бад мардак хеста, ин воқиара дида, гуфт, ки:

— Э атана, «душман дуст намешад, ишкамма гушт намешад» мегуфтиян рост будас-дия!

Бад морбозира партофта, деқунӣ карда гашт.

[ЗМЕЯ]

Был заклинатель змей. Занимался он заклинанием змей. Поймав змею, он приручал ее. Потом он повсюду выступал с ней и зарабатывал деньги и всякие вещи. Так он и жил. Поймал он как-то змеиного детеныша, лишил его яда, приручил и вырастил. По ночам он спал, положив змею себе за пазуху.

Как-то ночью, когда человек спал, из умывальника выползла змея. Покружив по комнате, заползла она в корзину для хлеба. Все, что могла, — съела, а оставшийся хлеб отравила своим ядом и уползла. Прирученная змея, услышав шорох и свист, проснулась и и увидела, как та змея выползла из корзины. Приподнялась она и сказала:

— Эх ты, подлая, что же ты все поела, а остальное отравила! Не причиняй зла человеку, человек не делает ничего дурного. Я была крошкой, когда он взял меня, вырастил и воспитал. А ложась спать, он кладет меня себе за пазуху.

Ядовитая змея сказала:

— Да, да, человек очень хороший? Зачем же он убил твою мать и отца, притащил тебя сюда, вырвал у тебя зубы и укоротил твой язык? Видно, он совсем сбил тебя с толку. Не знаешь ты ни дорог пройденных, ни дел сделанных. Он тебя приручил и зарабатывает на тебе деньги. Ты просто дрессированная обезьяна, а он — дрессировщик обезьян! Подожди, ты еще увидишь, что он в конце концов с тобой сделает!

— А что он в конце концов со мной сделает? — спросила прирученная змея.

— Убьет он тебя и на этом с тобой покончит.

— Эх, друг, если это так, то что мне делать?

— А ты что-нибудь придумай, убей этого человека и убеги.

В это время укротитель змей проснулся и перевернулся на бок; прирученная змея замолчала, а чужая змея убежала в свою нору. Пало пламя на сердце прирученной змеи, думала она: «В конце концов он меня убьет». Хотела она его укусить и ужалить, но не было у нее яда. «Как же мне теперь поступить? Рискну и придушу его», — подумала она.

Тихо-тихо обвилась она вокруг шеи хозяина и начала его душить. Дыхание его прервалось, и он чуть не задохнулся. Человек чуть не умер. Услышала его хрипы кошка, прибежала и увидела, что змея обвилась вокруг шеи хозяина. Кошка придавила змеиную голову, и та умерла и упала с шеи хозяина.

Поднялся человек и, увидев, что произошло, сказал:

— Оказывается, недаром говорят, что «враг не станет другом, а брюхо — мясом». И это верно.

Бросил он заклинание змей и стал заниматься земледелием.

[МИНТАНУҚ]

Буд, набуд, якта хуруз буд. Апаи ура почои хурузо ба занӣ гирифта буд. Як руз хуруз ба момош гуфт:

— Барои ман панҷ-шашта кулча бикун.

Момаш барои хурузак хесту кулча кард. Хурузак рафта гирифту рафтан гирифт. Чан раҳе рафт, ки дар сари раҳ хунаи мурчуко ҳаст, ҳеҷ гузашта намешава, истод хурузак, фикр кард: «Бест,— гуф,— ман ҳамӣ мурчукора бихурам, баъд меравам».

Мурчукора хурузак хурду рафтан гирифт. Рафт, рафт, ки дар лави як дайро расид. Гуфт:

«Эй худо, ман аз ин дарьё чӣ хел мегузарам?»

Хурузак дарьёра хурд ва рафтан гирифт.

Рафт, рафт, ки ба дари дарвозаи почо расид. Дар сари сафили почо баромаду гуфт:

— Почо, ҳо почо, биёр, Минтанукма бите!

Почо гуфт: «Минтанукаш чӣ бошад?

Ҳар руз хурузак фарьёд мекард:

— Почо, ҳо почо, биёр, Минтанукма бите!

Почо гуфт:

— Равен, гирифта биёренуш!

Рафта хурузакро овардан. Почо гуфт:

— И хурузи паданалата бурда дар даруни кулий арзан будозенда бумурад!

Хурузакро гирифта бурдан, дар даруни кулий арзан дохтан. Хурузак мурчукора рид, арзаной кулигира ҷо ба ҷо хурдан. Саҳарӣ почо омада гуфт, ки:

— Хуруз мурдааст?

Дидан, ки хурузак зинда аст.

— Ҳу паданалати хуруз намурдааст!

Боз почо ҳукум кард, ки:

— Хурузакро гирифта, дар даруни гуспандо партоен, ки гуспандо чуқида кушан!

Хурузакро бурда, дар даруни оғули гуспандо партофтан, хурузак гургро рид, гург гуспандора ҷо ба ҷо хурд. Почо гуфт:

— Акнун хурузак кушта шудааст.

Почо омаду дари оғала яла карданӣ шуд, ҳами қадар, ки почо дара яла карда натонист. Почо фарьёд зад:

— Биёен, ки [ба] дари оғали мо чӣ воқеа шудаст!

Гург гуспандора гирифта, аз даҳони дар то тори коса тал кард. Мардум давида омадан, ки почо ҳамӣ қадар, ки мекунад, дара ҳуй карда наметона. Мардумо дара ҳуй кардан. Дидан, ки хурузак зиндааст, боз дидан, ки яг гурги калони бур дар болои гуспандо хоб рафтаст. Гург дид, ки мардумо бисьёр шудан, ба муричаи оғул худаша партофт, хурузак боша, пари-

МИНТАНУК

Было не было, а был петух. Сестру его падишах петухов взял в жены. Однажды сказал петух матери:

— Сделай мне пять или шесть лепешек.

Встала мать, испекла петуху лепешки. Пошел петух по дороге. Прошел он часть пути и увидел на дороге муравейник, который кишмя кишел муравьями, и никак его нельзя было обойти. Остановился петух и стал думать. «Погоди! — подумал петух,— съем-ка я этих муравьев и пойду дальше».

Съел петух муравьев и пошел дальше. Шел он, шел и дошел до берега реки. Подумал петух: «О боже, как же я перейду через эту реку?»

Выпил петух реку и пошел дальше. Шел он, шел и дошел до ворот падишаха. Влез он на падишахскую стену и сказал:

— Падишах, эй падишах, отдай мне Минтанук!

Падишах сказал: «Что такое Минтанук?» Каждый день кричал петух:

— Падишах, эй падишах, отдай Минтанук!

Падишах сказал:

— Идите и притащите его сюда.

Пошли и притащили петуха. Падишах сказал:

— Возьмите этого проклятого петуха и бросьте его в закрома, полные проса, чтобы он там сдох.

Схватили петуха и бросили в закрома, полные проса. Петух изрыгнул муравьев, и они съели все просо. Пришел утром падишах и спрашивает:

— Умер петух?

Посмотрели, а петух жив.

— Вот проклятый петух, оказывается, он не сдох.

Снова приказал падишах:

— Схватите петуха и бросьте к баранам, чтобы они его до смерти затоптали.

Схватили петуха и бросили в хлев к баранам. Изрыгнул петух волка, и волк съел всех баранов.

А падишах сказал:

— Ну, теперь-то петух убит.

Пошел падишах и хотел открыть дверь хлева. Но как он ни старался, не мог открыть дверь. Падишах закричал:

— Идите сюда, посмотрите, что случилось с дверью в моем хлеву?

А волк уложил баранов от двери до самой крыши. Прибежали люди и увидели, что как

да дар сари сафили почо нишаста, фарьёд мекунад, ки:

— Почо, ҳо почо, биёр, Минтанукма бите!

Почо гуфт:

— Биёрен и падаиалата да ма, уро кушта бихурам.

Хурузакро оварда куштан, дар параи чагдон партофтан, хурузак мишт, ки хонаи почора ов бурд, хурузак парида дар сари сафили почо фарьёд кард, ки:

— Почо, ҳо почо, биёр, Минтанукма бите!

Почо дар ҳайрат шуд, ки: «Минтанук чӣ бошад?»

Яке зани почо хест, гуфт, ки:

— Минтанукуш маюм.

Хуруз апаша аз дасти почо гирифта рафт.

падишах ни старается, дверь открыть не может. Открыли люди дверь и увидели, что петух жив, а еще увидели, что огромный волк спит на куче баранов. Увидел волк, что собралось много людей, и выпрыгнул через отверстие в крыше сарая, а петух вылетел, сел на падишахскую стену и закричал:

— Падишах, эй падишах, отдай Минтанук!

Падишах сказал:

— Притащите сюда этого проклятого петуха, я его убью и съем.

Притащили петуха, зарезали и бросили в печь. Петух выпустил воду и затопил весь дом падишаха. Потом взлетел петух на падишахскую стену и закричал:

— Падишах, эй падишах, отдай Минтанук!

Удивился падишах: «Что же это такое Минтанук?»

Вдруг встала жена падишаха и сказала:

— Минтанук — это я.

Взял петух у падишаха свою сестру и ушел с ней.

[РУБИ ПИР]

Буд, набуд, як руби пир. Руба иққа мадори кучагардӣ надошт. Худаша доим назикӣ қишлоқба мезад. Шабуна куча ба кучи қишлоқ мегашт.

Як шаб ҳавли як одамба дарумад, ниё кард, ки айвунанда мисича чуҷош қати хоб рафтас. Рафту худаша посутуми айвунба молидан гирифт, мисича бедор шуд. Ниё кард, ки як чизи зарди калун посутумба часпида истодас. Мисича тарсиду лаби хунашба умад. Руба гуфт, ки:

— О мисича, чуту хурамат? Бурумада аз хунат партом майда-майда шӣ ё башкунат а мепартоӣ, [ки] хураму худата нахурам?

Мисичи увол аз худаш тарсида, гуфт, ки:

— Башкунама партом, худама намехурӣ охир?

Руба гуфт, ки:

— Не, худата намехурам.

Мисича гуфт, ки:

— Набошад, қасам хур, ки худама намехурӣ, бад башкунама мепартом.

Руби пир гуфт, ки:

— Агар тура хурам, ақ қавми дуруғгуҳо, ақ қавми фиребгаро шуда бошам.

Мисичи увол башкунаша партофт. Руби пир башкуни мисичара хурд. Ниё кард, ки чакки айвунанда як қафасанда кабк истодас. Рафту пеши қафасанда поида истод. Соҳиби хунанда як гурба буд. Гурбу кабк ҳардуш рум шуда, ҳамдигараш қатӣ бозӣ мекардан. Кабк хиёл кард, ки гурба умад. Каллаша аз обхурак буроварда буд, ки руба қаппиду кашола карда буровард. Кабк патар-патар карда буд, ки соҳиби хуна бедор шуда бурумад. Ниё кард, ки як чиз дарвозара хато шуд. Аз ақибаш милтиқа гирифта тамма кард. Руба гурехта ақ қишлоқ бурумада бурафт. Рафту як ҷонда дилаша афтобба дошта, хоб рафт. Як туда кафтар паррида ба болои сараш гузашт. Руба худаша начуммунд. Кафтаро: «ин мурдас» гуфта, умада рушба шиштан. Анча шиштан, начуммид. Яке ҳарду дасташ қатӣ дутӣ-чорта, ҳарду пош қати дутӣ-чорта, данаш қатӣ дута, дата кафтара қапид. Ҳамун соҳиби кабк поида-поида умад. Вай аз руба бехабару кафтарора дида, андохта буд, ки руба хеста гурехт. Ниё кард, ки як заргуш гурехтистодас, заргушба қатӣ шуду рафта, хуни заргушба дарумад. Хуни заргушанда ҳаф заргуш буд. Ҳаф руз, ҳар руз яктӣ хурда, аз хуна берун набурумад. Баъди ҳаф руз аз хуна берун бурумад, ки як хар алаф хурда гаштас. Пеши хар рафту:

[СТАРАЯ ЛИСА]

Было не было, а была старая лиса. Не было у нее сил ходить далеко. Всегда околачивалась она поблизости от кишлака. А ночью бродила по улицам кишлака.

Как-то ночью зашла она в дом одного человека и увидела, что на айване спит горлинка с птенцами. Пошла она и стала тереться о столб айвана. Горлинка проснулась. Увидела горлинка, как что-то большое желтое трется о столб. Испугалась горлинка и вышла из своего дома. Сказала лиса:

— Эй, горлинка, как мне тебя съесть? То ли сбросить тебя, и ты разобьешься на мелкие кусочки, то ли бросишь мне своих детей, я их съем и тогда не трону тебя.

Горлинка, испугавшись за себя, сказала:

— А если я сброшу тебе моих детей, ты меня и вправду не съешь?

Лиса сказала:

— Нет, я тебя не съем.

Горлинка сказала:

— Коли так, поклянись, что ты меня не съешь, тогда я сброшу тебе моих птенцов.

Старая лиса сказала:

— Если я тебя съем, то пусть тогда стану я из рода обманщиков и лжецов.

Горлинка сбросила своих птенцов. Старая лиса съела птенцов горлинки. Посмотрела она и увидела: в уголке айвана стоит клетка с куропаткой. Пошла она, остановилась около клетки и стала подкарауливать куропатку. А у хозяина дома была кошка... Кошка и куропатка были ручные, играли друг с другом. Куропатка подумала, что это пришла кошка. Только высунула она голову из чашечки с водой, как лиса схватила ее и потащила. Начала куропатка биться, проснулся хозяин дома, вышел на айван. Видит — кто-то проскользнул в ворота. Взял он ружье и бросился вслед. А лиса убежала, ушла из кишлака. Шла она, шла, потом легла погреть брюхо на солнышке. Пролетала над ее головой стая голубей. Лиса не шевелилась. Голуби подумали, что она мертвая, и сели на нее. Сидят-сидят, она не шевелится. А потом обеими руками схватила четырех голубей, обеими ногами схватила четырех голубей, ртом схватила двух голубей — десять голубей схватила. Пришел, крадучись, хозяин той куропатки. Не заметил он лисы, увидел только голубей и выстрелил, а лиса вскочила и убежала. Смотрит она, видит — бежит заяц. Побежала она за зайцем, пришла к нему в дом. У зайца в доме было семь зайчат. Семь дней ела она зайчат, каждый день по одному, не выходя из дома. Через семь дней вышла она из дома, видит, осел щиплет траву. Пошла она к ослу.

— Бог в помощь,— сказала она.

Осел подумал, что это волк, и отскочил от нее.

— Не бойся, друг, я тебя не съем, — сказала лиса. Пошла она и стала кататься под ногами осла.

— Ҷура, омин,— гуфт.

Хар хиёли гург карда, як қад паррид.

— Ҷура, натарс, ман тура намехурам, — гуфт,— рафта ти пои харба ғел зад. Хар ин гург будас гуфта тарсида ҳангас зад.

Руби пир гуфт, ки:

— Ҷура, ман тура намехурам, ман пир шудагӣ, тура манба худо расунд. Суворат шуда мегардам.

Руби пир хара сувор шуда, ку ба ку гашт.

Як руз сари як теға бурафтистода буд, ки якке гург либ гуфта бурумад. Руба гурга диду:

— Ҳа, ҷури гург, юл бусун? — гуфт.

— Шикор рафтистода будам, ҳарди тура худо расунд,— гуфт гург.

Хар ҷо ба ҷо ҷошанда мезид. Руба гуфт, ки:

— Э ҷури гург, медунӣ, ман фамидам, ки турам пир шудӣ, иққа мадори равӣ надорӣ, ман ҳамин хара рафта овардам, ки ту сувор шуда гардӣ. Шикора бо худо метияд. Биё, ина сувор шав, ҳарсемо шикор мерем.

Гург гуфт, ки:

— Ҷура, ту аз ҳад баақл будӣ, ин маслиҳатат манба маҳқул шуд. Худат хара сувор шуда ра равун, манам ҳамрои шумо.

Руба хара ҳай карда бурафт. Якҷо рафтан як ялангӣ қутан.

Руба гуфт, ки:

— Ҷури гург, хара ҳамин ялангиба мемунему ҳардумо ду тарафба шикор мерем. Ҳарчи ки худо тияд, оварда ба ҳам мебинем.

Гург:

— Майлаш,— гуфт.

Хара мунданду ҳардуш ду чаккаба бурафтан. Руба як ҷоба рафт, ки лаби як зови бетаг. Худаш қатӣ гуфт, ки: «Агар як кор карда, ин гурга накушам, як руз хара мехурад, бад пиёда мемунам». Оқиб умаду қутананда шишт. Сару руша як хор қати тарошиду хин кард. Яке гург як оҳура вазза карда фурумад. Ниё кард, ки сару руи руба ҳину ба ҳузир партофтагӣ. Сари рубара бардошта истода буд, ки руба чашмаша кушод. Гург гуфт, ки:

— Ҷура, туба чо кард? Тура кӣ зад?

Руба гуфт, ки:

— Э ҷура, наков! Як сайда қаппидам, ҳар думо як ма мехурдем. Ҳар думо часпу талош кардем, аз дастам халос шуду як ҷучара гузашт. Ҳамиққа часпу талош кардем, ки дига мадорам нашуд. Сару руҳома канда, хин кард.

Гург гуфт, ки:

— Гужонда?

Руба хесту уреб шуд. Назики ҷарба умада будан, ки гурга гуфт, ки:

— Ҷура, ту исто, ман рафта бинам, бад умада, туба хабар метиям.

Осел подумал, что это волк, испугался и заревел.

Старая лисица сказала:

— Не бойся, друг, я тебя не съем, я стала совсем старая, мне тебя бог послал. Я буду ездить на тебе верхом.

Села старая лиса на осла и стала ездить на нем по горам.

Однажды поднялись они на какой-то холм, и как раз в это время поднялся на него и волк. Увидела лиса волка и сказала:

— А, друг волк, куда путь держишь?

— Да вот отправился на охоту, а тут как раз вас обоих мне бог послал,— сказал волк.

Осел тут же от страха обмочился. А лиса сказала:

— Эх, друг волк, а знаешь, я сразу поняла, что и ты состарился, и нет у тебя сил идти по дороге, вот и привела я сюда этого осла, чтобы ты мог ездить на нем верхом. А охоту тебе бог даст. Давай садись на него, и мы все трое отправимся на охоту.

Волк сказал:

—Подруга, ты очень умна, твой совет мне понравился. Садись на осла и отправляйся в путь, и я с вами.

Лиса погнала осла вперед. Приехали они к большому пастбищу.

Лиса сказала:

— Друк волк, давай оставим осла на этом пастбище, а сами отправимся на охоту. Что бог пошлет, то и притащим сюда и вместе съедим.

Волк сказал:

— Хорошо!

Оставили они осла и отправились в разные стороны. Лиса пошла в одно место, которое было на краю бездонной пропасти. И подумала она про себя: «Если я чего-нибудь не придумаю и не убью волка, то он в один прекрасный день съест осла, и я останусь пешей». Вернулась она и уселась на пастбище. Расцарапала она себе голову и морду в кровь колючкой. Пришел волк, притащил антилопу. Увидел он, что вся морда лисы в крови и сама она без чувств. Поднял он голову лисы, та открыла глаза.

Волк сказал:

— Подруга, что с тобой? Кто тебя побил?

Лиса сказала:

— О друг, и не спрашивай. Я схватила такую дичь, что ее бы нам обоим на месяц хватило. Сцепились мы с ней, она выскользнула из моих рук и ушла на ту сторону ручейка. Мы так с ней боролись, что у меня никаких сил не осталось, она разодрала мне всю морду в кровь.

— Где она?

Лиса поднялась и пошла. Подошли они к обрыву, лиса сказала волку:

— Друг, ты подожди здесь, я схожу посмотрю, а потом вернусь и расскажу тебе.

Пошла она, вернулась и сказала волку:

— Лежит там и стонет. Ты постой здесь, а я подойду

Рафту умада гурга гуфт, ки:

— Нолида хоб рафтас. Ту ҳамин ҷотанда исто. Ман назикшба мераму як бор тубушама мебурорам. Тубушама, ки буровардам, рав. Худама нишун метиям. Худама, ки дидӣ, чашмата пушу худата ғуррун, рафта болошба меғалтӣ. Бад мегирему мебиёем.

Руба лаби ҷар рафту худаша пана карда, тубушаша буровард. Гург давид. Гург лаби ҷарба умада буд, ки руба худаша нишун дод. Гурги нодун чашмоша пушида, худаша ғуррунда буд, ки рафта як лахти шахба зад, майда-майда шуда, ти ҷарба ғалтид. Бад руба хотираша ҷамъ карда, бурумада хара сувор шуда, ушулла гуфта, гашт. Яг ҷо рафту яг мурға қапид. Аз пои мурғ басту харба сувор шудагишанда мурға сарашба мемунад. Раравун мегуфт, ки:

— Подшои кулли ҷанваро умад!

Кую дашту саҳронда чан ҷанваре, ки буд: «Подшои кулли ҷанваро умадас»,— гуфта пешвоз мебурумад. Гирд гирди руби пир саттадусатта ҷанваро ғун шуда мегаштан. Ҳар боре, ки гушна мешуд, нофамун карда, якташа мехурд.

Ҳаминзайлӣ карда, давраша рунда гашта буд, ки ин ҳавоза ҳама ҷоба паҳн шуд, ки: «Подшои кулли ҷанваро умадас, сарашанда қуши соябун, тагашанда ҷанвари рум». Ин хабар қишлоқобам расид. Гову хару аспу бузу гуспандорам бетоқат шудан, ки: «Як бор рафта, подшои кулли ҷанварора бинем».

Саг гуфт, ки:

— Э буродаро, истед. Истед, ман як рафта бинам, ки вай чизалӣ подшо. Агар подшои ростӣ бошад, ҳаммаҳомо рафта зиёрат мекунем. Агар ягун найрангбози фиребчӣ бошад, ҷазоша метиям!

Саг хеста, суроқ ба суроқ рафта, руби пира ёфт. Ниё кард, ки як руби пир ҳаминзалӣ ҳашам карда гаштас. Нархи пиёза напурсиду рафту аз гули руби пир хаффа карда, таги пошба кашид. Хуб хоида-хоида, ғижмолакаша буроварда, дилаша хунук карда, рубара кушт, мурға сар дод. Хара оварда соҳибашба дод. Бад ин воқиара ҳамаба гуфта дод.

поближе и подам голос. Как только я подам голос, ты иди, а я сама тебе покажусь. Как только ты меня увидишь, закрой глаза и бросайся на нее сверху. Потом мы возьмем ее и пойдем.

Подошла лиса к обрыву, спряталась и подала голос. Волк побежал. Подбежал волк к обрыву — лиса показалась. Глупый волк закрыл глаза, бросился вниз, разбился о скалу на мелкие кусочки и скатился на дно пропасти. А лиса, успокоившись, вышла, села верхом на осла, затянула песню и поехала. Поехала она в одно место и поймала там птицу. Привязала она птицу за ногу и, сев на осла, посадила себе птицу на голову. Ехала она по дороге и говорила:

— Приехал падишах всех зверей!

В горах, в полях, в степях — всюду все звери, какие только были, закричали: «Прибыл падишах всех зверей!» — и вышли его встречать. Вокруг старой лисы собралось сто-двести зверей. Всякий раз, когда она чувствовала голод, она незаметно съедала одного из них.

Так наслаждалась она, весело проводила время, и весть об этом распространилась повсюду: «Прибыл падишах всех зверей, голову его осеняет орел, а под ним прирученный зверь». Достигла эта весть и кишлаков. Коровы, ослы, лошади и бараны стали волноваться: «Тотчас пойдем глянем на падишаха всех зверей».

— Подождите, братцы,— сказала собака.— Подождите, я сначала пойду, взгляну, какой там падишах. Если он настоящий падишах, то мы все пойдем и будем приветствовать его. А если это какой-нибудь обманщик или плут, то я ему задам!

Поднялась собака, искала-искала и нашла наконец старую лису. Посмотрела и видит, что эта старая лиса очень важничает. Недолго раздумывая, схватила она лису за горло и сбила ее с ног. Стала она ее кусать, всю разодрала на кусочки. Успокоила она свою душу, убила лису, птицу отпустила, а осла отвела к его прежнему хозяину: А потом рассказала всем эту историю.

[РУБИ ХУДОҶУ]

Буд, набуд, яг руба буд. Руба макру ҳели нокардаш намунд.

Яг руз худаш қати гуфт, ки «Акун дурӯни одамзотанда мегардам».

Як шаб ниспи шаб қишлоқба дарумаду яг ҳавлиба дарумад. Соҳибои ҳавлӣ айвунанда хоб рафта будан. Секинак рафту либосои мардака дузиду бурумад. Либосора пушиду рафту мачидба дарумада, як чеканда намоз хунда шишт. Суфии мачид умад, ки яг одам аз вай пешумада, намоз хунда шиштас. Суфӣ: «Ин мусофир будас, имшаб ҳаминҷа хоб рафтас»,— гуфта, рафту аз хунаш дута нуну як чойник чой овард. Руба чою нуна хурда, бо намоз хундан гирифт. Одамо аз намоз фориғ шудану суфӣ пеши рубаба умад. Руба худаша гунг рос карда, дасташ қатӣ ишора кард, ки ман забун надорам. Суфӣ: «Ин бечораи мусофир безабун будас»,— гуфта хунашба гирифта рафт. Рубаба обу зиёфат дод. Руба чор чаки ҳавлира ниё карда, зен мунд, ки ҳавлинда си-чилта мурғ гаштас. Катаки мурғорам дида, пилунаша гирифт. Шаб рафту мачитанда шишт. Одамо намози хуфтана хунда, бурафта будан, ки руба ҳам аз оқиб пойда-пойда умад. Катака даррунду худаша даруни катакба гирифт. То руза ҳамми мурға каллу поча карда, пеш аз вахти намоз умада мачитанда шишт. Суфӣ умад, ки руба намоз хунда шиштас. «Ин ҷудо марди худоҷу будас» — гуфта суфӣ ҳамми одамои мачидба гуфт. Одамои мачид яг бор — яг бор рубара мемун кардан. Руба ҳамун қишлоқанда ягун мурғ намунда шабохун зад. Яг шаб руба хуни имуми мачид рафта, мурғоша мехурам гуфта буд, ки саги имум хабар ёфту рубара сур кард. Руба гурехта, мачид умад. Имум аз ақиб ҳалтанг-палтанг давида умад, даромад, ки руба алакай либосоша пушидасту намоз хунда шиштас. Кучуки имум аррас зада дарумад. Саг рубара шинохта, тарафаш тохт. Имум сагаша зада пеш кард, ки:

— Дузза наёфтӣ, ин марди шабзиндадори худоҷуба корат чӣ?

Як саҳар мардум аз намоз набурумада, мачитанда гап зада шиштен. Руз рушан шуд. Ҳамун мардаки либосаша гум кардагӣ ниё кард, ки либосош тани як одаманда. Ун одам чашмоша зиғерак карда, одамора ниё дорад. «Либосома ёфтам, дуза қапидам»,— гуфта тарафи руба рафт.

Суфию имум гуфтан, ки:

— Номаҳкул кардӣ, ин як марди худоҷу, ин безабун!

Мардак хеста рафту:

[БЛАГОЧЕСТИВЫЙ ЛИС]

Было не было, был один лис. Не осталось больше хитростей и козней, которые бы он не проделал. Однажды лис сказал себе, что теперь будет жить среди людей. Раз в полночь он пошел в кишлак и вошел в один двор. Хозяева двора спали на террасе. Лис осторожно подкрался, украл одежду одного мужчины и вышел. Эту одежду он надел, вошел в мечеть, сел в уголок и стал читать намаз. Пришел суфий мечети и увидел, что какой-то человек пришел раньше него и читает намаз. Суфий, сказав: «Это странник, который ночевал здесь эту ночь»,— принес из дома две лепешки и чайник чаю. Лис поел хлеб, запил чаем и продолжил чтение намаза. Когда люди закончили намаз, суфий подошел к лису. Лис притворился немым и сделал знак рукой, что не имеет языка. Суфий подумал: «Этот бедный странник без языка»,— и повел его к себе домой. Дома он угостил лиса. Лис внимательно осмотрел все четыре угла двора и заметил, что по двору ходят три-четыре курицы. Приметив курятник, лис составил план. Вечером он пошел в мечеть и сел там. Люди прочли перед сном намаз и разошлись по домам; лис пошел вслед за ними. Проделав дыру в курятнике, он проник туда. До наступления дня он ощипал всех кур и до утреннего намаза вернулся в мечеть. Пришел суфий и увидел, что лис читает намаз. Суфий решил: «Это очень благочестивый человек»,— и сказал об этом всем, кто был в мечети. Люди по очереди пригласили лиса в гости. Лис по ночам совершал нападение, и в кишлаке не осталось ни одной курицы. Однажды ночью лис решил пойти в дом имама за курами, но собака имама почуяла его и прогнала. Лис убежал и вернулся в мечеть. Имам впопыхах прибежал вслед за ним и увидел, что лис уже в одежде и читает намаз. Собака имама с лаем вбежала в мечеть, узнала лиса и бросилась на него. Имам побил собаку и прогнал, говоря:

— Ты не нашла вора, что же ты бросаешься на этого благочестивого человека, всю ночь читавшего молитвы?

Однажды ранним утром люди не разошлись после намаза, а остались побеседовать в мечети. Когда совсем рассвело, человек, у которого пропала одежда, увидел ее на том другом человеке. Тогда он внимательно осмотрел его. «Я нашел свою одежду и сейчас схвачу вора»,— подумал он и направился к лису.

Суфий и имам сказали:

— Ты поступаешь нехорошо, нападая на благочестивого и немого человека!

— Ин чапуни ман, ин курти ман,— гуфта бардошта буд, ки якбора курту чапун аз сари руба ғалтид.

Мардум қиғғу-биғ карда будан,ки руба фирт гуфту буромаду бурафт. Бад мардум ҳамидан, ки тухми мурға пок кардагӣ ҳамин «марди худоҷу» будас.

Но тот человек поднялся и подошел к лису:

— Это мой халат и моя рубашка,— говоря это, он сдернул с него одежду.

Люди зашумели, а лис стремительно выбежал из мечети. Тогда люди поняли, что воровал и поедал кур этот «благочестивый человек».

[РӮБОҲ ВА САЪБА]

Руба шабакӣ як ҷо умад. Унҷа аз қишлоқ берун буд, яг сабзагӣ-дия! Лулиё чодар зада, хоб рафта будан. Харои лулиё сар додагӣ буд, хурда гашта будан. Руба умаду яг хари нағзи маста аз нухташ кашола карда бурду яг пинегиба баст. Худаш умаду алоби лулиёнда мезид, фассу фусси алоб бурумад. Хокистарора бод кард, туману торик шуд. Ру-руи лулиё хез зада гашт. Лулиё бедор шудан, ки қиюмат қоил шудас. Саросема хеста, ниспи чизошуна гирифта, ниспаша нагирифта, бурафтан. Аз оқиби лулиё руба хара оварду майду чайди лулиё партофтагира бор карду харба сувор шуда, тоқиша лаби қошашба мунда, ушулагуюн уреб шуд. Аз пешаш яг хирс бурумад. Хирс гуфт, ки:

— Ҳа, ҷура, юл бусун?

Руба гуфт, ки:

— Ҷура, яг ун дуйно рафта, зиёрат карда биём!

Хирс гуфт, ки:

— Ун дуйнонда чиз будас, ки зиёрат мерӣ?

Руба гуфт, ки:

— Ҷура, гапа наков, ун дуйнонда кор нест, меҳнат нест, ҳамаи чиз тайёр, хурда хоб мерӣ!

Хирс гуфт, ки:

— Ҷура, набошад, манам бар, хурда гардам?!

Руба гуфт, ки:

— Э ҷура, ту ман қатӣ тоқат карда, рафтан наметоӣ, раҳанда қинигиҳои бисьёр ҳаяд.

Хирс гуфт, ки:

— Ҳар чи, ки ту мефармоӣ ба ҷуну дилам мекунам. Мана бар, ман аз ун дуйно намебиём, ҳамунҷанда мегардам!

Руба гуфт, ки:

— Набошад, қасам хур, ки аз хати кашиди ман намебурой!

Хирс касам хурд. Ҳардуш ҳамро шуда, равун шудан. Як ҷо рафта будан, ки як хоктуданда хар хоб рафта, ғел зад.

Руба гуфт, ки:

— Ҷури хирс, мана акун аз ун дуйно мундем, хари ман касал шуд, дили ман дард дорад, равӣ наметом.

Хирс гуфт, ки:

— Ҷура, парво накун, то харат саҳат шудана ман тура пуштора мекунам.

Хара пеш-пеш карда, хирс рубара пуштора карда, уреб шуд. Руба пуштори хирсанда ушуллагуюн бурафт. Хирс гуфт, ки:

— Ҷура, чизо гуфсодӣ?

Руба гуфт, ки:

[ЛИС И ЧИЖ]

Пришел как-то вечером лис в одно место. А было оно за кишлаком, среди зелени. Там стоял шатер, а в нем спали цыгане. Ослы цыган не были привязаны и паслись на лугу. Пришел лис, потащил за узду одного упитанного осла и привязал его в укромном месте. А сам пошел и помочился в костер цыган. Зашипел огонь, развеялась зола, стало темно. Прыгнул лис на цыган. Проснулись цыгане и подумали, что пришел день страшного суда. Растерялись они, вскочили, захватили половину своих вещей, а половину оставили и убежали. Убежали они, а лис привел осла, нагрузил на него брошенные цыганами вещи, сел сам, надвинул тюбетейку на брови и поехал, распевая. Навстречу ему медведь. Медведь сказал:

— Здравствуй, дружок, куда путь держишь?

Лис сказал:

— Да вот, дружище, собираюсь я совершить паломничество на тот свет.

Медведь сказал:

— А что хорошего на том свете, что ты собираешься совершить туда паломничество?

Лис сказал:

— Не спрашивай, дружище, на том свете нет ни забот, ни труда, там все готовенькое, только ешь, да спи.

Медведь сказал:

— А что, дружок, не возьмешь ли ты меня с собой?

Лис сказал:

— Да нет, дружище, сил у тебя не хватит идти со мной, а дорога туда трудная.

Медведь сказал:

— Я с радостью буду делать все, что ты мне прикажешь. Возьми меня с собой, а я оттуда уж не вернусь, там и останусь.

Лис сказал:

— Тогда поклянись, что не выйдешь из повиновения!

Медведь поклялся. Пошли они вместе. Пришли они в одно место, а там осел лег на землю и стал кататься в пыли.

Лис сказал:

— Эх, дружище, не попадем мы теперь на тот свет, заболел мой осел. А у меня живот болит, не могу я идти.

Медведь сказал:

— А ты не огорчайся, дружок, я повезу тебя на своей спине, пока твой осел не поправится.

Погнали они осла вперед, а лиса медведь

— Э ҷура, ҳиши мана ун дуйно бурдас. Ягун-ягун ҳишам рафта, овлоӣ мегум.

Ҳардуш бурафтистода будан, ки аз пеш яг гург бурумад.

— Ҳа, ҷураҳо, юл бусун? — гуфт.

Руба гуфт, ки:

— Э ҷури гург, ман ун дуйнора яг зиёрат рафтистода будам. Ин ҷури хирсам бурумада «манам бар» гуфт, аз руи ин нагузашта, овардам. Намедунам ина ра метиян ё не?

Гург гуфт, ки:

— Ун дуйнонда чиз будас?

Руба гуфт, ки:

— Барраҳои бирьюн, пухтагӣ, хумаш дар як тарафи дига алоқа кардагӣ, ошои палоб дам кардагӣ, ҳазор-ҳазор гову аспо хурда гаштиян, аз кадумиш ки хурӣ, мехурӣ. Кор нест, меҳнат нест, ҳиш ки ба ҳиш ки кораш не!

Гург оби данаш рехту гуфт, ки:

— Ҷура, манам бар!

Руба гуфт, ки:

— Не, ҷура, намешад.

Гург зорӣ карда гуфт, ки:

— Ман туба хизматгор мешам, ҳарчи, ки гуӣ қабул мекунам, манам бар!

Руба уй карда истоду гуфт, ки:

— Буродар, ман одами сахӣ, раҳмдил, хайр аз руи турам намегузарам, неки ин ра раи қин аст, тоқат кунӣ, мебарам!

Гург гуфт, ки:

— Ҳарчи фармоӣ, мекунам.

Руба гуфт, ки:

— Қасам хур, ки аз хати кашиди ман намебуроӣ!

Гург қасам хурд. Як дам дам гирифта шиштан. Руба гуфт, ки:

— Пом дард мекунад, миюнам дард мекунад.

Гург гуфт, ки:

— Набошад, чури хирс, ту мунда шудӣ, акун ман ягдам беозор пуштора гирам.

Гург рубара пуштора гирифт, ҳарсеш уреб шудан. Як ҷоба рафтан, ки як дайро умад. Руи дайронда яг чуб партофта, пул кардагӣ. Руи чуб қатӣ гузаштан намешад.

Руба гуфт, ки:

— Аз руи ҳамин пул гузарем, ун дуйноба назик мерем!

Руба авал хара пеш-пеш карда, аз оқибаш гурга рупару карда буд, ки хар чорхез заду аз руи тахта гузашт. Рубара хирс пуштора гирифта, миюнҷои дайроба умада буд, ки руба хирсба сурати ҳардуша нишун дода гуфт, ки:

— Дидӣ, ана ваё қалобурои ун дуйно, агар ҳаваёра кушем, раи ун дуйно бехаф мешад.

посадил себе на спину и пошел следом. Сидит лис на спине у медведя и песни поет.

Медведь сказал:

— Ты что там бормочешь, дружок?

Лис сказал:

— Эх, дружище, все мои мысли о том свете. То и дело я забываюсь и начинаю бредить.

Пошли они дальше, как вдруг навстречу им волк.

— Эй, друзья, куда путь держите? — спросил волк.

Лис сказал:

— Да вот, друг, отправился я в паломничество на тот свет. Да повстречался мне по дороге медведь и говорит: «Возьми меня с собой». Я и взял его с собой. Не знаю только, пустят ли его туда?

Волк сказал:

— А что хорошего на том свете?

Лис сказал:

— Готовые зажаренные барашки, сырое мясо лежит отдельно от вареного, упревший плов, пасутся тысячи коров и коней, ешь кого хочешь. Ни забот, ни труда, и никому ни до кого дела нет!

У волка даже слюнки потекли, сказал он:

— Возьми меня с собой, дружок!

Лис сказал:

— Нет, друг, не выйдет.

Стал волк умолять и просить:

— Я тебе слугой буду, все, что велишь, сделаю, только возьми меня с собой!

Подумал лис и сказал:

— Эх, брат, я человек добрый, мягкосердечный, ладно, не могу я тебе отказать. Но только смотри, дорога очень трудная. Коли вытерпишь, я тебя возьму!

Волк сказал:

— Все, что прикажешь, я сделаю.

Лис сказал:

— Поклянись, что не выйдешь у меня из повиновения!

Волк поклялся. Отдохнули они немного, посидели, и сказал лис:

— У меня ноги болят, поясница болит.

Волк сказал:

— Дружище медведь, ты устал, теперь я осторожненько понесу его на себе.

Посадил волк лиса себе на спину, и пошли они втроем. Пришли они к месту, где течет река. Через реку переброшено бревно вместо моста. Но пройти по нему нельзя.

Лис сказал:

— Вот перейдем через этот мост, а там уже и тот свет близко!

Погнал лис сначала осла, а следом послал

Ягбора хирс худаша ҷуши дайроба партофта буд, ки об кулулаҳелун карду бурд. Руба гурга тубуш карда гуфт, ки:

— Вай қалобурои ун дуйнора кушт, турам дав.

Гургам худаша ҷуши дайроба партофт, об кулулаҳелон карду бурд. Хирсу гург мурд. Руба хотираша ҷамъ карду хара сувор шуда, уреб шуд. Яг ҷо умаду яг алафзорба хара сар доду худаш хоб рафт. Хар хурда, хурда, лаби як ҷарба рафт. Руба хест, ки қариб афтоб шиштас. Пеши хараш рафт. Ниё кард, ки тани ҷарранда як хуни саъба ҷуҷаҳош қатӣ хоб рафтас, гурдаш заминанду поҳошун қарқара бароби оспун. Руба саъбара тубуш кард:

— Ҳо ҷури саъба!

Саъба ниё кард, ки сари ҷаранда руба истодас.

— Ҳа, чиз мегуӣ? — гуфт.

— О, чиба поҳота бароби оспун карда, поскуно хоб рафтӣ? — гуфт руба.

Саъба гуфт, ки:

— Э ҷура, ту ҳоли аз дуйно бехабар будӣдия?!

Руба гуфт, ки:

— Дуйно чиз гап?

Саъба гуфт, ки:

— Шаб оспун меҳалтад, ман бари ҳамин чаппа хоб рафтиям, ки поҳом қатӣ оспуна ниё медорам.

Руба тарсиду гуфт, ки:

— Набошад, мана ягун ҷоба руст кун, оспун ҳалтидагинда зерам накунад.

Тани ҷарранда як хуни куни саъба буд. Саъба гуфт, ки:

— Ҷура, худата ҳаво те ҳамин хунаба фурумада меистӣ, бад шаб ман тура ниё медорам.

Руба аз бими ҷуначе худаша ҳамун хуни саъбаба ҳаво дод. Пои руба хунаба нарасида, чошу пош шуд. Руба фурумада, яг сангба зад, маҳзои сараш чошу пош шуд. Бад пеши хирсу гург рафта, уй дуйонда зиёрат карда гашт.

волка. Осел в четыре прыжка перебежал через мост. Медведь посадил лиса на спину, дошел с ним до середины моста, тут лис показал медведю на их отражение в воде и сказал:

— Посмотри-ка, вон там стража того света, если мы их убьем, то путь на тот свет станет совсем безопасным.

Медведь тотчас бросился в бурное место реки. Вода подхватила его и унесла. Подозвал лис волка и говорит:

— Он убил стражу того света, теперь прыгай ты.

Прыгнул волк в реку, вода подхватила его и унесла. Волк и медведь умерли. А лис успокоился, сел верхом на осла и поехал. Приехали они на поляну. Отпустил лис осла и лег спать. Пасся осел, пасся и дошел до края обрыва. Поднялся лис, когда солнце уже садилось. Пошел он к ослу. Посмотрел и увидел в овраге гнездо с птенцами чижа. А сам чиж лежит на спинке, а лапки подняты к небу. Крикнул лис чижу:

— Эй, дружок чиж!

Посмотрел чиж, видит, что на краю оврага стоит лис.

— В чем дело? — спросил он.

— Почему ты спишь, подняв лапки к небу? — спросил лис.

Чиж сказал:

— Эх, друг, да неужто ты не знаешь, что в мире делается?

Лис сказал:

— А что в мире делается?

Чиж сказал:

— Дело в том, что в эту ночь небо упадет, вот я и сплю так, чтобы лапками поддержать небо.

Испугался лис и сказал:

— Тогда спрячь меня куда-нибудь, чтобы не придавило меня небо, когда упадет.

А в том овраге было старое гнездо чижа. Чиж сказал:

— А ты, друг, прыгай в мое гнездо, а ночью я тебя посторожу.

Опасаясь за свою жизнь, лис прыгнул в гнездо чижа, но не успел он коснуться гнезда лапой, как оно рассыпалось. Свалился лис, ударился о камень, и разлетелись у него мозги в разные стороны. И отправился он в паломничество на тот свет к медведю и волку.

[РӮБОҲИ МАККОР]

Рӯбоҳе як рӯз дар даруни як чаҳ хари мурда хоб кардагия мебинад. Вай ба даруни чаҳ медароду ишками хара мекафонад. Рӯдаҳои хара кашида гирифта, ба тагаш монда, гӯшти хара канда хӯрдан мегирад. Як вақте як гург омада, ин ҳам гӯшти хара мехӯрад. Баъд аз тамом шудани гӯшти хар рӯбоҳ ба гург:

— Эй ошно, ман сер нашудам, акнун рӯдаҳома канда мехӯрам,— мегӯду аз тагаш рӯдаҳои хара канда хӯрдан мегирад.

Гург ин кори рӯбоҳа дида, ҳаракат мекунад, ки рӯдаҳоша канда хӯрад. Ҳамин қадар зӯр мезанад, лекин ҳеҷ рӯдеша канда наметонад. Баъд вай ба рӯбоҳ муроҷиат карда мегӯд:

— Ошно, ту ба рӯдаканӣ усто будӣ, ман ҳам аз ин гӯшти хар сер нашудам, биё, рӯдаҳои мана канда те, хӯрам.

— Ҷонат дард мекунад-дия,— гуфт рӯбоҳ.

— Майлаш, дард кунад ҳам, тоқат мекунам,— гуфт гург.

— Набошад, чашмата пӯшида, дандонҳота зич гир,— гуфт рӯбоҳ.

Гург дароз хоб рафту чашмҳоша пӯшида, дандонҳоша зич кард. Рӯбоҳ ишками гурга, ки мекафонад, ҳамун замон гург мемурад мемонад. Ана ҳамин тавр, рӯбоҳи маккор гурга фиреб дода мекушад.

[ХИТРАЯ ЛИСА]

Однажды увидела лиса в яме мертвого осла. Залезла она в яму и разорвала живот осла. Вытащила она из живота кишки, сунула под себя, а сама принялась есть мясо осла. Через некоторое время пришел туда волк и тоже стал есть мясо осла. После того как мясо кончилось, лиса сказала волку:

— Эй, приятель, я не наелась! Вытащу-ка я свои кишки и поем,— сказав это, она вытащила из-под себя кишки осла и стала их есть.

Увидел это волк и тоже попытался вытащить из себя кишки, чтобы поесть. Но как он ни старался, не мог их вытащить. Тогда попросил он лису:

— Эй, приятельница, ты, видно, большой мастер вытаскивать кишки, я тоже не наелся. Вытащи, пожалуйста, мои кишки и дай их мне, чтоб я мог их съесть.

— Только тебе будет очень больно,— сказала лиса.

— Ничего,— сказал волк,— если и будет очень больно, я потерплю.

— Ну тогда закрой глаза и сожми зубы,— сказала лиса.

Волк растянулся на земле, закрыл глаза и стиснул зубы. Лиса разодрала ему живот, и волк тут же подох.

Вот так хитрая лиса, обманув волка, убила его.

[ҲУНАРОМӮЗИИ РӮБАҲ]

Як рӯз як рӯбаҳ бо як шер ҷӯра даромад. Ҳар дуяшон дар як ҷо авқот мекардан, дар хони шер зиндагонӣ мекардан.

Шер ба шикор мерафту рӯбаҳ бошад, хонапоӣ мекард. Вай аз авқотҳои шер ёфтагӣ кайф карда мехӯрд.

Шер ҳар рӯз ягон ҷондори фарбеҳа бардошта меомад. Рӯз аз рӯз гузашту моҳ аз моҳ. Як рӯз рӯбаҳ аз ҷӯреш илтимос кард, ки вая ҳам ба шикор бараду ҳунари шикорчигеша ба вай ёд тияд. Шер аввал розӣ нашуд.

— Шикорчигӣ ҳунари рӯбаҳ не,— гуфт шер.

Рӯбаҳ боз илтимос кардан гирифт. Охир шер розӣ шуд. Ҳар дуяшон ба як дашт буромадан. Шер ба рубаҳ як аспа нишон дода мегӯд:

— Ана ҳамун аспа ман ҳозир мегирам. Ту ана аз ҳамин ҷо истода тамошо кун, ки ман чӣ хел шикор мекунам.

Рӯбаҳ дар як таги вот бусӣ карда нигоҳ карда меистад. Шер бошад, оста-оста ишкамаш қатӣ раҳ гашта ба асп наздик мешавад.

Вақте ки ба асп наздик мешуд, рӯбаҳ мебинад, ки думи шер кач мешуд, гӯшҳош чур, чашмҳош мисли оташ суп-сурх мешун. Ана дар ҳамин вақт шер як ҳаллос зада, худаша ба болои асп мепартоду аспа аз ҳалқаш гирифта мекушаду мемонад. Сонӣ рӯбаҳа ҷеғ зада:

— Дидӣ-мӣ? — мегӯяд.

Вай:

— Иҳа, шикорчигӣ осон будас-ку! — мегӯд.

Як рӯз рӯбаҳ як рӯбаҳи челоқа дида мемонад. Рӯбаҳи челоқ ин рӯбаҳа дида, тамоман ҳайрон мешуд. Мебинад, ки рӯбаҳ ҳиммас мезанад, аз баданаш рӯған мечаккад.

— Ҳа ҷӯра, ту аз куҷо ин қатар фарбеҳу тоза шудӣ? — мегӯд.

Рӯбаҳ саргузашташа мегӯду боз дурӯғаша ҳамроҳ мекунад. Вай дурӯға мегӯд, ки аз шер шикора ёд гирифтаасту ҳар рӯз шикор карда, гӯштҳоя хӯрда, ана ҳамин хел фарбеҳ шудааст.

Вай аз рӯбаҳ илтимос мекунад, ки ҳунараша нишон тияд. Ҳардуяшон ба таги кӯҳ меруӣн, ки як аспи фарбеҳ алаф хӯрда гаштас. Рӯбаҳи фарбеҳ мегӯд:

— Ана, ҷӯра, бин, ман ҳозир қилиқои шера карда аспа мекушам, ту тамошо кун.

Ҳар ду ғеҷон-ғеҷон ба қафои асп рафтан. Кае ки вай рӯбаҳ ба асп наздик шуд, аз рӯбаҳи челоқ пурсид:

— Ҷӯра, думи ман кач шуд-мӣ?

Ҷӯреш:

— Не, — мегӯд.

Боз ба асп ҷафстар шуда:

[УЧЕНИЕ ЛИСЫ]

Однажды одна лиса и один лев подружились. Они вместе ели и жили в доме льва.

Лев ходил на охоту, а лиса домовничала. Лев приносил еду, и лиса ела в свое удовольствие.

Каждый день лев приносил тушу какого-нибудь жирного животного. Проходил день за днем, месяц за месяцем. Однажды лиса попросила своего друга, чтобы он взял ее с собой на охоту и научил искусству охотиться. Лев сначала не согласился.

— Охота — занятие не для лисы,— сказал лев.

Лиса снова стала просить. Наконец, лев согласился. Оба отправились в степь. Лев показал лисе одну лошадь и сказал:

— Вот эту лошадь я сейчас поймаю. Ты стой здесь и смотри, как я буду охотиться.

Лиса остановилась на меже и стала смотреть. Лев же осторожно, поджав живот, стал приближаться к лошади.

Когда лев приблизился к лошади, лиса увидела, что хвост льва изогнулся, уши встали торчком, а глаза стали багровыми, как огонь. В это время лев прыгнул, вскочил на спину лошади, схватил ее за горло и убил. Затем он позвал лису:

— Ты видела? — спросил он.

— Ой, охотиться, оказывается, легко,— сказала она.

Однажды лиса повстречала хромую лису. Хромая лиса, увидев эту лису, очень удивилась, потому что, когда она напряглась, из тела ее закапал жир.

— Эй, подруга, как тебе удалось так растолстеть? — спросила она.

Лиса рассказала свою историю и, конечно, приврала немного. Она наговорила, что научилась у льва охотиться и теперь каждый день убивает зверей, ест мясо и поэтому стала такой жирной.

Хромая лиса попросила научить ее этому искусству. Обе отправились к подножию горы и увидели, что там пасется жирная лошадь. Жирная лиса говорит:

— Смотри-ка, подруга, я сейчас сделаю так, как делал лев, и убью лошадь, а ты посмотри.

Обе осторожно подкрались сзади к лошади. Когда та лиса приблизилась к лошади, она спросила хромую лису:

— Подруга, хвост мой изогнулся?

— Нет, — сказала ее подруга.

Еще ближе подошла она к лошади:

— Ҷӯра, гӯшҳои ман чур шудан-мӣ? — мегӯд.

Ҷӯри челоқаш:

— Не, ҷӯра, ҳоли чур нашуден,— мегӯд.

Ба суми қафои асп наздик шуда:

— Чашмҳоям сурх шудан-мӣ? — гуфта мепурсаду аз ҷояш мехезам гуфтан замоно, асп бо суми почеш ба сари рӯбаҳ як мезанад, қапқоқи сараш мешиканад. Рӯбаҳ дароз кашида, питаррас мезанад. Ина ҷӯри челоқаш дида:

— Эй ҷӯра, думат каҷ шуд, гӯшҳот чур шудан, эҳе чашмҳот ҳам сурх шудан,— мегӯд.

Як қоти рӯбаҳи челоқ бинад, ки ҷӯреш мурда мондас.

— Подруга, уши мои встали торчком?— спросила лиса.

Хромая лиса ответила:

— Нет, подруга, еще не встали торчком.

Подойдя к задним ногам лошади, лиса спросила:

— Покраснели ли у меня глаза? — Но когда она захотела двинуться дальше, лошадь копытом так ударила лису по голове, что череп ее раскололся. Лиса вытянулась на земле и застонала. Увидев это, хромая лиса сказала:

— Эй, подруга, вот теперь хвост твой изогнулся, уши встали торчком и даже глаза покраснели.

И тут хромая лиса увидела, что ее подруга умерла.

[ҶӮРАГИИ ШЕРУ ГУРГУ РӮБОҲ]

Шеру гургу рӯбоҳ ба ҳамдигар ҷӯра шуданд. Ҳар вақт, ки шер аз биёбон ҷониварҳоро сайд мекард, ҳамроҳи гургу рӯбоҳ мехӯрд. Ба ҳамин аҳвол инҳо якчанд вақт зиндагӣ карданд.

Рӯзе шер нохост касал шуду чор-панҷ рӯз хоб кард. Гург ба як тараф рафта, поида хоб кард. Вай хаёл мекард, ки шер мемураду гӯшташа мехӯрад. Рӯбоҳ бошад, аз пагоҳӣ то бегоҳӣ аз қишлоқ ба қишлоқ, аз майдон ба майдон гашта, барои шер авқот ёфта меомад. Вай аз ақиби мурғон медавид. Мардум пеш мекарданд, кучукҳо аз омадани вай бохабар шуда, медавиданд. Ҳамин тавр, рӯбоҳ ҷонаша ая накарда, ба ҷӯреш хӯрок меовард. Як рӯз як илоҷ кард, якто мурғ овард, ки шер аз гушнагӣ чашм кушода наметавонад. Мурға ба шер дод. Вай хӯрду камакак ҷон гирифту пурсид:

— Ту аз гург хабар дорӣ, вай дар куҷо? Ман касал шудан эрӯ надидем.

Рӯбоҳ гуфт:

— Гург, хӯ ана дар паси вай бур поида хоб кардаст.

Шер гуфт:

— Вай чия поида хоб кардаст?

Рӯбоҳ гуфт:

— Мурдани туя.

— Барои чӣ? — гуфт шер.

— Барои он, ки ту мурию гӯшти туя хӯрад,— гуфт рӯбоҳ.

Ин гапа шунида шер дар ғазаб шуду аз ҷояш хестанӣ шуд, лекин хеста натонист. Сонӣ ба рӯбоҳ ин гапа ёд дод.

— Ҳозир,— гуфт,— вай ман гурга ҷеғ мезанаму аз ту мепурсам, ки: «Ба дарди ман чӣ даво бошад?» Ту бошӣ: «Пӯсти мазкур мегӯй». Ана ун тарафаша худам медонам.

Рӯбоҳ:

— Ҷонам катӣ,— гуфт.

Шер гурга ҷеғ зад. Гург омаду:

— Ҳа чӣ мегӯй? — гуфту шишт.

Шер аз рӯбоҳ:

— Ба ҳамин дарди ман чӣ дору бошад? — гуфта мепурсад.

Рӯбоҳ:

— Пӯсти мазкур, ҷаноб,— мегӯяду гурга нишон метияд.

Инро шунидан замоно шер як чанг мезанаду гурга аз пӯст мебурорад.

Ана ҳамин хел гург аз дилсиёгеша ҳалок шуд.

[ДРУЖБА ЛЬВА, ВОЛКА И ЛИСЫ]

Подружились как-то лев, волк и лиса. Всякий раз, когда лев приносил из пустыни добычу, он съедал ее вместе с волком и лисой. Так жили они некоторое время.

Однажды лев заболел и вынужден был дней пять-шесть лежать. Волк ушел куда-то в сторонку и улегся там, выжидая. Он думал, что лев скоро умрет, и он сможет его съесть. А лиса с утра до вечера рыскала по кишлакам и по полям, добывая для льва пищу. Она охотилась за курами. Люди ее гнали, собаки, узнав о ее приближении, гонялись за ней. Таким образом, лиса добывала пищу для друга, буквально не щадя своей жизни. Однажды удалось ей раздобыть курицу и принести ее льву. А тот от голода не мог уже открыть глаз. Дала она курицу льву. Съел он курицу и, придя немного в себя, спросил:

— А ты не знаешь, где волк? Я его не видел с того самого времени, как заболел.

Лиса ответила:

— Волк? А вон там он, за тем холмом, лежит и ждет.

— А чего же он ждет? — спросил лев.

— Твоей смерти.

— Зачем? — спросил лев.

— А чтобы сожрать тебя, когда ты умрешь,— сказала лиса.

Услышал это лев и так рассердился, что попытался даже подняться, но не смог. Тогда он научил лису:

— Сейчас,— сказал он,— я позову волка и попрошу у тебя лекарство от моей болезни. А ты скажи, что его шкура поможет мне от болезни. А что делать дальше, я уж сам знаю.

— С удовольствием,— ответила лиса.

Позвал лев волка. Пришел волк, сел и спросил:

— В чем дело?

Тогда лев спросил у лисы:

— Какое есть лекарство от моей болезни?

Лиса ответила:

— Шкура вот этого, господин,— и указала на волка.

Услышав это, лев в тот же миг ударил лапой и вытащил волка из его шкуры.

Вот так из-за своей подлости погиб волк.

[ЁРДАМИ РӮБОҲ БА БОБОИ УШТУРАКӢ]

Буд, набуд, як уштуракӣ буд. Касб ва кори вай ҳар доим ҳезумчинӣ буд. Ҳезумро аз чӯл, аз саҳроҳо чинда, дар бозор бурда, фурӯхта, таматӯи рӯзгор мекард.

Як рӯз барои ҳезумчиндан дар биёбон буромад. Дар наздикии биёбон як корвонсарой буд. Ҳамин шаб дар ҳамин сарой роҳгузар корвониҳо фуромада, барои авқот пухтан алав гиронда, авқотҳоро пухта хӯрдан. Имшаб тамом шудан бад, пагоҳ ҳамма корвониҳо баромада, дар паи кори худ меравand.

Аз ҳамун алав як чӣ мемонад. Бад аз рафтани корвониҳо як шамоли бисьёр сахт мешавад. Ҳамун алав дар як банди хошок расида, хошок дар гирифта, ҳамон корвонсарой батамом сӯхта, тамом мешавад.

Дар ҳамин вақт бобои уштуракӣ дар корвонсарой расида, мебинад, ки корвонсарой сӯхта, тамом шудаст. Дар мобайни алов як мор чир зада, дод гуфта истодааст.

Бобои уштуракӣ ин аҳволи морро дида, раҳмаш омада, гуфт, ки: «Мор душмани одамизод ва газанда мебошад. Бо вуҷуди ҳамин ҳам маҳлуқи безабонро аз ҳамин бало халос кунам»,— гуфта як ходаи дарозро ёфта омад. Дар нӯги хода як халтаро даҳанашро яла карда, баста, дар қониби мор дароз кард. Мор аз поён истода, сарашро дароз карда, худашро дар даруни халта гирифт. Аз даруни алав кашида, морро дар берун гирифт. Бобои уштуракӣ даҳани халтаро яла кард, гуфт, ки:

— Э қонвар, ту газанда, душмани одамизод, бо вуҷуди ҳамин ҳам дар ту раҳм кардам, аз даруни алав халос карда гирифтам, акнун ҳар куҷое мехоҳӣ, рав!

Дар ин ҷавоб мор гуфт, ки:

— Ҳеҷ як вақт дар нағзӣ нағзӣ намебиёяд. Ту дар ман нағзӣ кардӣ, ман дар ту бадӣ мекунам!

Ҳар қадар бобои уштуракӣ дод ва фарьёд кард, мор гӯш накарда, дар гардани бобои уштуракӣ печида гирифт. Мор гуфт, ки:

— Розӣ шав, ман туро ҳалок мекунам. Аз қадим вақт мондагӣ: «Дар ҳар як некӣ албатта бадӣ кардан даркор». Агар бовар накунӣ, дар роҳ равона шав, се нафар шоҳид ёфта, мепурсем. Агар гапи ман тӯғрӣ бошад, ман туро ҳалок мекунам, агар тӯғрӣ набошад, ту маро ҳалок кун.

Мор дар гардани бобои уштуракӣ сахт печида буд, [ки] қариб дар мурдан расида буд. Ба ҳамин тариқа барои шоҳид кофтан дар роҳ равона шуданд. Чандин соат роҳ рафтанд, аз пеш як ҷӯи калон баромад, об равон шуда ис-

[ПОМОЩЬ ЛИСЫ СТАРИКУ ПОГОНЩИКУ ВЕРБЛЮДОВ]

Было не было, но жил на свете погонщик верблюдов. Занимался он сбором хвороста. Собрав в степях и на полях хворост, отвозил он его на базар и там продавал. Этим он добывал себе средства на пропитание.

Однажды он отправился за хворостом в пустыню. На краю той пустыни стоял караван-сарай. А в ту ночь остановились в этом караван-сарае проходившие мимо караваны. Зажгли они огонь, чтобы приготовить пищу. Приготовили еду, поели, а когда прошла ночь, наутро все караваны поднялись и ушли.

И осталось там немного огня от костра. После их ухода поднялся сильный ветер, пламя попало на вязанку хвороста, хворост загорелся и сжег весь караван-сарай.

Как раз в это время старик погонщик верблюдов подошел к караван-сараю и увидел, что весь он сгорел. А посреди пламени, извиваясь, шипит змея.

Старик погонщик, увидев несчастье змеи, пожалел ее. «Змея, конечно, враг человека и существо жалящее. И все же я спасу это бессловесное существо от гибели»,—решил он. Старик нашел длинную палку, привязал к концу мешок и открытым отверстием протянул змее. Змея поднялась, вытянула голову и скользнула в мешок. Вытащил змею из огня старик и сказал:

— О живое существо, хоть ты и враг человека и жалишь его, но все же я пожалел тебя и спас из пламени, а теперь ты можешь отправляться, куда хочешь.

На это змея ответила:

— За добро никогда не платят добром. Ты сделал мне добро, а я отплачу тебе злом!

И сколько ни кричал, ни молил старик погонщик верблюдов, змея, не слушая, обвивалась вокруг его шеи. И сказала она:

— А теперь соглашайся, я тебя убью. Ведь с древних времен принято: «За добро надо платить злом!» А если ты мне не веришь, пойдем найдем трех свидетелей и спросим у них. Если я окажусь правой — я убью тебя, а если не буду правой — убей ты меня!

Змея так туго обвилась вокруг шеи погонщика верблюдов, что он был уже близок к смерти. И отправились они в путь искать свидетелей. Много часов шли они, пока не дошли до реки, в которой текла вода. Старик погонщик и змея остановились на берегу и спросили воду:

— Надо ли за добро платить добром?

тода буд. Бобои уштуракӣ ва мор омада, дар лаби ҷӯй истода, аз об пурсидан, ки:

— Дар некӣ ҳам некӣ кардан даркор-мӣ?

Об ҷавоб дод, ки:

— Дар некӣ кардан некиро ҳеҷ як маротиба ман надидам, хусусан, аз одамизод дар некӣ некӣ намебарояд, чунки ман — об дар тамоми дуньё мегардам, тамоми ҷалокат ва ҳаромҳои одамиро ҳалол мекунам. Ҳатто кун ва дигар ҷойҳояшонро мешӯям, дасту рӯйро тоза мекунам. Дар вақти гашта рафтан, ҷалокатҳо, бинии худро дар рӯи ман меафшонанд, боз дар рӯи ман туф ҳам карда мераванд. Ман дар одамизод ҳамин қадар некӣ мекунам. Одамизод дар ҳаққи ман ҳамин қадар бадӣ мекунад. Бинобар, дар некӣ некӣ кардан лозим нест, хусусан дар одамизод.

Ин ҷавобро аз об бобои уштуракӣ ва мор гирифта, дар раҳ равона шуданд. Бисьёр роҳ рафтанд, дар як гӯшаи биёбон расиданд. Дар ҳамун гӯшаи биёбон як дарахти сафедор буд. Чор тарафаш сесангӣ, ҳеҷ як қишлоқ ва шаҳр буданаш маълум набуд. Дар таҳти ҳамин дарахт рафта истодан. Аз ҳамон дарахт пурсиданд, ки:

— Дар некӣ некӣ кардан даркор-мӣ ё немӣ?

Дарахт ҷавоб дод, ки:

— Дар некӣ ҳеҷ некӣ кардан лозим не, хусусан дар одамизод, чунки ман дар ҳамин гӯшаи биёбон, дар сесангӣ чор атрофи ман шаҳр, қишлоқ ва дарахт нест. Аз ҳамин чор тараф ҳам кас биёяд агар, дар таки ман фуромада, истироҳат карда, дам гирифта, ҳалокии худашро бароварда, ҳамин қадар аз ман фойда мебарад. Бо вуҷуди ҳамин вақти рафтан дар ман ҳар кадомашон нигоҳ карда, аз дил мегузаронад, ки: «Ваяш дар дастаи табар боб будаст, ваяш дар дасти теша боб будаст» — гуфта, ҳар кадомаш як химча аз ман шикаста гирифта мераванд. Аз ман ҳамин қадар фоида мебаранд, боз дар ҳаққи ман ҳамин қадар ҷавр карда мераванд. Бинобар, дар ҳаққи одамизод нағзӣ кардан даркор нест.

Ин суханро аз дарахт шунида, боз дар роҳ равона шуданд.

Бисьёр роҳ рафтанд. Дар лаби як кӯл расиданд. Дар лаби кӯл як модагови бисьёр хароб ва пир буд. Ба ғайр аз ҳамин модагов дигар ҳеҷ як ҷон ва ҷонвар ва одамизод набуд. Дар наздикӣ ҳамин модагов расида, аз модагов пурсиданд, ки:

— Дар некӣ некӣ кардан даркор-мӣ ё немӣ?

Модагов ҷавоб дод, ки:

— Дар некӣ ҳеҷ як некӣ кардан лозим нест, хусусан дар одамизод, чунки ман даҳ сол дар

Вода ответила:

— Я никогда не видела, чтобы за добро платили добром. А особенно люди, никогда они не платят добром за добро. Ведь я — вода, теку по всему свету, очищаю всю человеческую скверну, даже омываю их зады и другие места, омываю их руки и лица. А они сморкаются в меня! Да еще плюют на меня. Я так много добра делаю людям, а они так много делают мне плохого. Поэтому за добро не следует платить добром, а особенно людям.

Получив этот ответ у воды, змея и старик погонщик отправились дальше. Долго шли и пришли в пустыню. А в той пустыне рос тополь. И на все четыре стороны от тополя на расстоянии трех сангов не было ни городов, ни кишлаков. Остановились они под этим деревом и спросили у него:

— Надо ли за добро платить добром или нет?

И ответило дерево:

— За добро никогда не следует платить добром, а особенно людям. Вот я стою в пустыне, и на все четыре стороны от меня на расстоянии трех сангов нет ни городов, ни кишлаков, ни других деревьев. И со всех четырех сторон всякий, кто приходит отдыхать в моей тени, получает от меня столько пользы! И несмотря на это, уходя, человек оглядывает меня и, решив: «Вот эта ветка подойдет для ручки топора, а вот та ветка пригодится для ручки теши»,— обрубает мои ветви. Люди имеют от меня столько пользы, а платят мне таким злом. Нет, не следует делать людям добро.

Выслушали они слова дерева и пошли дальше.

Долго шли они и дошли до какого-то озера. У озера увидели они очень старую тощую корову. И не было там, кроме той коровы, ни одного живого существа. Подошли они к корове и спросили:

— Надо ли за добро платить добром или нет?

Корова ответила:

— За добро не следует платить добром, а особенно людям. Десять лет служила я людям и за эти десять лет столько я дала им молока, простокваши, масла, а сколько я за эти десять лет родила им телят. Так много пользы я принесла людям. Наконец, я не смогла работать, состарилась, исхудала, не стало у меня молока. Тогда меня выгнали в пустыню, чтобы я там сама добывала себе пропитание. Несколько месяцев питалась я здесь у этого озера. Поправилась я и потолстела, и вот мой хо-

ихтиёри одамизод будам, дар мобайни даҳ сол чӣ қадар шир, ҷурғот ва равғани маро гирифт, дар даҳ сол бача зоида додам, ҳамин қадар дар рӯзгори одамизод фоида расонидам. Оқибат аз кор баромадам, пир шудам, хароб шудам, ширам намонд. Маро бароварда, дар биёбон пеш кард, ки худат худатро таъмин кун. Чандин моҳ боза дар лаби ҳамин кӯл авқот хӯрдам, аҳволам нағз шуд, як қадар фарбеҳ шудам, боз кадом рӯз соҳиби ман як қассобро оварда, маро нишон дод, ки: «Ин модагови маро бинед, фарбеҳ шудааст-мӣ? Куштан лозим-мӣ?» Қассоб ин сухан аз соҳиби ман шунид. Тамоми ҷои маро даст-даст карда дида, ҷавоб дод, ки: «Нағз фарбеҳ шудаст, куштан мумкин». Соҳиби ман ин суханро аз қассоб шунид, гашта дар паи кори худ рафт. Паго ё фардо маро, албатта, мекушад. Ман дар одамизод ҳамин қадар некиҳо кардам. Одамизод оқибат дар ҳаққи ман ҳамин қадар бадиҳо карда, боз маро дар куштан лозим ёфт. Бинобар дар одамизод некӣ кардан ҳеҷ лозим намебошад.

Аз ин се гувоҳ ҳамин хел ҷавобро мор ва бобои уштуракӣ шунида, мор гуфт, ки:

— Акнун гапа худат шунидӣ, ҳеҷ дар некӣ некӣ нест. Розӣ шав, ман туро ҳалок мекунам.

Бобои уштуракӣ бисьёр зорӣ ва тавалло карда, аз мор пурсид, ки:

— Се нафар гувоҳ ба розигии ту буд, як нафари дигар ба розигии ман гувоҳ ёфта мепурсем, вай гувоҳ ҳам ҳамин хел ҷавоб тияд, сонӣ ман розӣ, ҳар чизе, ки мехоҳӣ дар ҳаққи ман кун.

Мор ин сухан аз бобои уштуракӣ шунид. Қабул карда, дар роҳ равона шуданд. Бисьёр роҳ рафтанд, аз пеш як рӯбоҳ баромад, аз рӯбоҳ пурсиданд, ки:

— Дар некӣ некӣ кардан даркор-мӣ, ё не-мӣ?

Рӯбоҳ ҷавоб дод, ки:

— Дар некӣ некӣ кардан ҳеҷ даркор нест.

Мор ин сухан аз рӯбоҳ шунид, дар бобои уштуракӣ гуфт, ки:

— Ҷавоби шоҳиди чаҳорӯмро ҳам шунидӣ. Маълум шуд, ки дар некӣ некӣ нест. Розӣ шав, ман туро ҳалок мекунам.

Рӯбоҳ ин сухан аз мор шунид. Сабаби некӣ ва сабаби ҳалок кардани бобои уштуракиро аз мор пурсид. Мор корвонсаройро сӯхта, дар мобайни алав монда, аз мобайни алав хода қатӣ дар халта андохта, бобои уштуракӣ халос карда ва тамоми шуда гузаштагӣ аҳволро дар рӯбоҳ як ба як баён кард. Рӯбоҳ ин суханҳо аз мор шунида, гуфт, ки:

— Ин суханҳои туро ман ҳеҷ бовар намекунам, чунки ту мегӯи, ки: «Маро аз мобайни зяин привел сюда мясника и, показав меня, сказал: «Взгляни на мою корову, нагуляла ли она достаточно мяса? Можно ли ее зарезать?» Мясник, ощупав меня всю, ответил: «Она нагуляла достаточно мяса, ее теперь можно зарезать». Услышав ответ мясника, хозяин ушел. А завтра или послезавтра меня обязательно зарежут. Так много добра я сделала людям, а они так много сделали мне зла, а теперь решили меня еще и зарезать. Нет, людям не следует делать добро.

Выслушав ответы трех свидетелей, змея сказала:

— Ну что ты теперь скажешь, ты все слышал — за добро никто не платит добром. Соглашайся, я тебя убью.

Долго умолял старик погонщик и наконец сказал змее:

— Ты выбирала этих трех свидетелей, давай найдем хоть одного по моему выбору, если этот свидетель ответит так же, тогда я соглашусь на все, делай со мной что хочешь.

Выслушала старика погонщика змея и согласилась с ним, снова отправились они в путь. Долго шли они и встретили лису. Спросили они у лисы.

— Надо ли за добро платить добром или нет?

Лиса ответила:

— Никогда не следует за добро платить добром.

Выслушав лису, змея сказала старику погонщику верблюдов:

— Вот ты и услышал ответ четвертого свидетеля. Теперь ясно, что за добро не следует платить добром. Соглашайся, я убью тебя.

Услышала лиса эти слова змеи. Спросила она змею о добре и почему она хочет убить старика погонщика верблюдов. Змея рассказала ей о том, как сгорел караван-сарай, как она оказалась в пламени и как старик погонщик спас ее, вытащив из огня в мешке. Так змея рассказала лисе обо всем, что произошло. Выслушав змею, лиса сказала:

— Я не верю тебе! Ты говоришь, что старик погонщик верблюдов спас тебя из огня, засунув в мешок? Покажи мне этот мешок, чтобы я могла на него взглянуть.

Змея показала лисе тот мешок. Увидев мешок, лиса сказала:

— И все же ты врешь, ты в этом мешке не поместишься. Если ты говоришь правду, залезь в этот мешок, я посмотрю и только тогда поверю, что все, что ты рассказала, — правда.

алав дар халта андохта, бобои уштуракӣ халос [карда] гирифт». Ту ҳамон халтаро дар ман нишон деҳ, ман бинам.

Мор ҳамон халтаро дар рӯбоҳ нишон дод. Рӯбоҳ халтаро дида, гуфт, ки:

— Ҳама суханҳои ту дурӯғ, чунки, дар ин халта ту намебарӣ. Агар суханҳои ту рост бошад, ту дар даруни ҳамин халта даро, ман як бинам, сонӣ бовар мекунам, ки ҳама суханҳои ту тӯғрӣ будаст.

Мор ин сухан аз рӯбоҳ шунид, аз гардани бобои уштуракӣ ҷудо шуда, дар халта даромад.

Мор дар халта даромадан баробар, рӯбоҳ дар бобои уштуракӣ гуфт, ки:

— Даҳани халтаро маҳкам банд, ба зудӣ ин морро зада куш! Оянда дар газанда ҳеҷ як вақт некӣ накун!

Ба ҳамин тариқа, бо ёрдами рӯбоҳ бобои уштуракӣ халос шуда монд.

Услышав слова лисы, змея отпустила шею старика погонщика и скользнула в мешок.

И как только она оказалась в мешке, лиса сказала старику:

— Завяжи мешок и скорей убей змею! И никогда больше не делай добра тем, кто жалит!

Так с помощью лисы спасся старик погонщик верблюдов.

[ҲИКОЯТИ ШЕР ВА ПИШАК ВА ДЕҲҚОНИ ХУШБАХТ]

Подшоҳи калони тамоми ҳайвонҳо шер буд. Ҳар доим ав ва шикор аз ҳайвонҳо мекард ва мехӯрд. Аз одамизод ҳеҷ як маротиба ҳам шикор накарда буд. Аз гӯшти одамӣ нахӯрда буд.

Як рӯз як камбағал деҳқон аз бозор тахминан ду ним сер орд харида омад. Дар занаш гуфт, ки:

— Имрӯз шумо аз орди гандум як нон пазед сер шуда хурем.

Зани деҳқон гуфт, ки:

— Дар хона барои нон пухтан ҳезум нест. Ман хамирро тайёр карда мемонам, шумо рафта ҳезум чинда биёред.

Деҳқон табарчаро гирифта ба ду дона фонаро ҳам гирифта дар биёбон барои ҳезумчиндан баромада рафт. Дар биёбон як дарахти тол буд. Дар болои ҳамин дарахт баромада хушк шудагӣ танаҳоро зада истода буд.

Дар ҳамин вақт шер дар биёбон кор карда гашта буд. Аз пеши шер як пишак баромад. Шер мехост пишакро хӯрад. Пишак гурехт. Шер аз ақиби пишак пеш карда ба азоби тамом даст гирифт. Пишак бисьёр зорӣ ва тавалло кард. Шер ба пишак гуфт, ки:

— Ман дар тамоми умрам аз гӯшти одамизод як бор ҳам нахӯрдем. Гӯшти одамизод чӣ хел мешуда бошад гуфта аз пишак пурсид.

Пишак дар шер гуфт, ки:

— Аз гӯшти одамизод ширинтар дигар чизе дар дуньё нест.

Шер ин сухан аз пишак шунид. Гуфт, ки:

— Ту одамизодро дар ман нишон те. Ман туро аз банд халос мекунам. Наёбӣ, нишон надиҳӣ ман туро ҳозир мехурам.

Пишак аз шер ин сухан шунида гуфт, ки дар болои он дарахт як одамизод ҳезум карда истодааст. Гирифта шерро бурда нишон дод. Шер дар наздики дарахт рафта дар одамизод гуфт, ки:

— Аз дарахт фуро, ман дар ту кор дорам.

Одамизод гуфт, ки:

— Ман аз дарахт намефуром. Чунки зани ман дар хона хамирро тайёр карда мондагӣ. Дар ман интизор шуда истодааст. Ман ҳезумро мебарам. Зани ман нон мепазад. Ба ҳамин сабаб ман аз дарахт намефароям.

Дарахт бисьёр калон буд. Дар қултуқ намебурд. Шер ҳарчанд ҳаракат карда дарахтро қултуқ мекард, дар дарахт баромаданӣ мешуд, дарахт дар қултуқи шер намебурд. Дар болои дарахт баромадан ҳеҷ илоҷ нашуд. Деҳқон тамоми танаҳои дарахтро зада калак кард, ҳамон ду дона фонаро дар болои дарахт монда

[РАССКАЗ О ЛЬВЕ, КОШКЕ И СЧАСТЛИВОМ ДЕХКАНИНЕ]

Падишахом всех зверей был лев. Все время он охотился на животных и поедал их. Но на человека он ни разу не охотился. Человеческого мяса никогда не ел.

Однажды один бедный дехканин купил на базаре и принес домой около двух с половиной сера муки. Жене своей он сказал:

— Испеките сегодня из этой пшеничной муки лепешки и наедимся досыта.

Жена крестьянина сказала:

— В доме нет дров, чтобы испечь хлеб. Я приготовлю тесто, а вы идите нарубите дров и принесите их.

Крестьянин взял топорик, два клина и отправился в степь, чтобы нарубить дров. В степи росла ива. Взобравшись на иву, он стал срубать сухие ветки.

В это время в степи охотился лев. Перед ним появилась кошка. Лев хотел съесть кошку. Кошка убежала. Лев бросился за кошкой и с большим трудом поймал ее. Кошка очень сильно плакала и жаловалась. Лев сказал кошке:

— За всю свою жизнь я никогда не пробовал мяса человека. Какое может быть человеческое мясо?

Кошка сказала льву:

— Слаще человеческого мяса ничего нет на свете.

Услышав эти слова от кошки, лев сказал:

— Ты покажи мне человека, и я тебя освобожу. А если не найдешь и не покажешь мне, я тебя сейчас съем.

Услышав эти слова от льва, кошка сказала, что на том дереве один человек срубает ветки на дрова. Она повела туда льва и показала ему. Приблизившись к дереву, лев сказал человеку:

— Слезай с дерева, у меня к тебе дело.

Человек сказал:

— Я с дерева не слезу, так как моя жена дома приготовила тесто и ждет, когда я принесу дрова. Она будет печь лепешки. Поэтому я не слезу с дерева.

Дерево было очень большое, обхватить его было невозможно. Лев сколько ни старался, не мог обхватить дерево и взобраться на него. Не было никакой возможности взобраться наверх, так как крестьянин срубил все ветки и оголил дерево. На верхушке он всадил в дерево два клина и ударил топором. Дерево раскололось надвое. Лев снова попытался взобраться на дерево. В это время две лапы льва

табар катӣ зад. Дарахт ду були баробар шуда кафид. Шер боз дар болои дарахт баромаданро ҳаракат кард. Дар ҳамин вақт ду дасти шер дар ковокии дарахт даромада монд. Деҳқон фонаҳоро аз дарахт кашида гирифт. Ду дасти шер дар мобайни дарахт часпида монд. Илоҷи кашида гирифтан набуд. Шер сарашро дар дарахт зада дод ва файрод мекард. Аз дарди даст ҳеҷ тоқат карда наметавонист. Деҳқон аз болои дарахт фаромад аз чӯбҳои дарахт чандон дона ҷудо карда гирифт. Ҳамин чӯбҳо қатӣ шерро чунон зад, ки устуғонаш реза-реза шуд. Ба чӣ азобу уқубат мурд. Деҳқон аз мурдан халос шуд. Ҳезум дар хонаи худ гирифта омад.

Зани деҳқон шоду хуррам нонро пухт. Ба муроду мақсади худ расид.

застряли в расщелине. Крестьянин вытащил клинья, и две лапы льва защемились. Вытащить лапы не было возможности. Лев стал биться о дерево и кричать. Боль в лапах была нестерпима. Крестьянин слез с дерева, взял несколько веток и так избил льва, что кости его поломались. В мучениях и страданиях лев умер. Крестьянин же спасся от смерти. Вернулся он домой с дровами.

Жена дехканина, радостная и довольная, испекла лепешки. Он достиг исполнения своих желаний.

[ҲИКОЯТИ ШЕР ВА ПИШАКИ ДОНО]

Шер подшоҳи тамоми ҳайвонҳо буд. Аз фуқароҳои худаш, яъне аз ҳайвонҳо, ҳар рӯз чандин дона гирифта мехӯрд. Ин кори мекардагии шер дар тамоми ҳайвонҳо маъқул нашуд, ки: «Шер подшоҳи моён бошад, ҳар рӯз аз моён чандин дона гирифта хӯрад, дар ҷои нуфузи моёнро зиёд кардан кам мекунад».

Тамоми ҳайвонҳо дар як ҷой [ҷамъ] шуда, маҷлис карда, шерро аз вазифаи подшоҳӣ бекор кардан.

Ба ҳамин тариқа аз мобайн бист рӯз гузашт, аз гушнагӣ шер бутун дар ҳалокат расид. Даҳани шер бӯй гирифта буд, чунки чандин рӯз авқот накарда буд. Дар ҳамин вақт як уштур аз роҳ гузашта, рафта истода буд, ки шер уштурро ҷеғ зада, дар пеши худ гирифта, гуфт, ки:

— Ту даҳани маро бӯй карда бин, чунон бисьёр дард мекунад.

Уштур даҳани шерро бӯй карда, гуфт, ки:

— Пуф, пуф, даҳани шумо чунон бӯй гирифтааст, ки дар хаёли ман аз даҳани шумо ҳафт хари мурдагиро бӯяш мебиёд.

Ин гапи уштур дар дили шер бисьёр сахт расид. Тамоми ҳайвонҳоро ҷеғ зада, маҷлис карда пурсид, ки:

— Ман подшоҳи тамоми ҳайвонҳо будам. Ман чандин рӯз боза касал, ин уштурро ҷеғ зада, сабаби касалии худро пурсидам. Дар ман ҷавоб мегӯяд, ки: «Аз даҳани шумо бӯи ҳафт хари мурдагӣ мебиёд». Ман ҳамин қадар дар вазифаи калон будам, подшоҳ ном доштам. Дар ман ҳамин қадар беҳурматӣ кард. Дар ҳаққи ҳамин уштур чӣ ҷазо додан лоиқ бошад, ман аз шумоён мепурсам?

Тамоми ҳайвонҳо дар маҷлиси худ ҷавоб додан, ки:

— Ин уштурро ба ғайр аз куштан дигар чора нест.

Маҷлис тамом шуд, тамоми ҳайвонҳо дар кори худ рафтанд. Як худи шеру уштур монданд. Шер уштурро баста, ғалтонда кушт. Гӯшти ҳамин уштурро чандин рӯз авқот ҳарда гашт. Ба ҳамин тариқ, аз мобайн бист рӯз гузашт, гӯшт тамом шуд, аз гушнагӣ қариб аз ҳалокат рафт: «Боз чӣ ранг найранг қатӣ, сабаби авқот карданро мекарда бошам»,— гуфта, ӯйла карда истода буд.

Дар ҳамин вақт аз роҳ як фил гузашта рафта истода буд.

Шер филро ҷеғ зада, гуфт, ки:

— Ту даҳани маро бӯй карда бин, аз даҳани ман чӣ навъ бӯй мебиёд?

[РАССКАЗ О ЛЬВЕ И УМНОЙ КОШКЕ]

Лев был падишахом всех зверей. Из своих подданных, то есть из зверей, каждый день он съедал нескольких. Очень это не нравилось зверям: «Лев — наш падишах, а каждый день съедает кого-нибудь из нас. Вместо того, чтобы увеличивать наше население, он его уменьшает».

Собрались все звери, устроили собрание и освободили льва от должности падишаха.

Так прошло двадцать дней, и лев от голода чуть не умер. Стало у льва вонять из пасти, так как он несколько дней ничего не ел. В это время проходил по дороге верблюд. Призвал его к себе лев и сказал:

— Понюхай, чем пахнет у меня из пасти, а то мне очень больно.

Понюхал верблюд в пасти у льва и говорит:

— Уф, уф, у вас из пасти воняет, как воняют семь дохлых ослов.

Очень рассердился лев на верблюда за эти слова. Созвал он всех зверей, устроил собрание и сказал:

— Я был падишахом всех зверей. Проболев несколько дней, позвал я этого верблюда и спросил у него о причине своей болезни. В ответ сказал он: «Из вашей пасти воняет семью дохлыми ослами». Я занимал такой высокий пост, звался падишахом, а он так оскорбил меня. Так вот я спрашиваю вас, какое наказание подобает этому верблюду?

Все присутствующие на собрании звери сказали:

— Нет этому верблюду другого наказания, кроме смерти.

Закончилось собрание. Все звери разошлись по своим делам. Остались только лев и верблюд. Лев связал верблюда, повалил его и убил. Несколько дней питался он мясом этого верблюда. Так прошло двадцать дней, мясо кончилось, и лев чуть не умер с голоду и подумал он: «Какой бы еще хитростью раздобыть мне пищу?»

В это время по дороге проходил слон. Позвал лев слона и говорит:

— Понюхай, чем пахнет у меня из пасти.

Понюхал слон львиную пасть и говорит:

— Ох, ох, как хорошо пахнет. Прямо духами и розовой водой.

Слон подумал: «Когда верблюд понюхал в пасти у льва и сказал, что от него дурно пахнет, собрание приговорило его к смерти; лучше мне сказать, что у него из пасти веет ароматом, и тем спастись от смерти». Вот так

Фил даҳани шерро бӯй карда дидан баробар, гуфт, ки:

— Оҳ, оҳ, як бӯи бисьёр нағз мебиёд, ба мисли атр ва гулоб мебошад.

Фил ӯйла карда буд, ки: «Уштур даҳани шерро бӯй карда, бадбӯй гуфт, уштурро маҷлис карда, ба куштан қарор доданд, акнун бояд ман хушбӯй гӯям. Аз мурдан халос мешавам» — гуфта ба ҳамин ӯйла даҳани шерро хушбӯй гуфт.

Шер ин сухан аз фил шунид, гуфт, ки:

— Дар чӣ сабаб ту дар ман гапи дурӯғ мезанӣ? Дар дурӯғ гуфтан, албатта, ҷазо додан даркор!

Имрӯз ҳам тамоми ҳайвонҳоро ҷӯғ зада, маҷлис карда, шер гуфт, ки:

— Ман собиқ подшоҳи тамоми ҳайвонҳо будам. Ба кирдори худам ва ба хоҳиши тамоми ҳайвонҳо маро аз вазифаи подшоҳӣ бекор карда бошанд ҳам, ман дар худам обрӯй ва иззат дорам. Сабаб чист, ки фил дар ман баҳои дурӯғ медиҳад?

Ҳайвонҳо аз шер пурсиданд, ки:

— Чӣ баҳо дод?

Шер гуфт, ки:

— Аз даҳанам меомадагӣ бадбӯиро хушбӯй гуфта, дар ман ҷавоб мегӯяд, дар ҳамин гуна гунаҳгории ин фил чӣ чора диданро ман дар ин маҷлис аз шумоён мепурсам.

Дурӯғ гуфтани фил маълум шуд, филро дар куштан қарор доданд. Маҷлис тамом шуд. Ҳайвонҳо дар паи кори худ рафтанд.

Шер худ филро дасту пояшро баста, бардошта, дар замин зада, кушт. Гӯшти филро ҳам тахминан бист рӯз авқот кард. Ба ҳамин тариқа дар рӯи дуньё чӣ қадаре, ки ҳайвон бошад, бо навбат ҷеғ зада, бӯи даҳани худро мепурсид. Бадбӯй гӯянд ҳам, маҷлис ҷеғ зада, дар куштан қарор медод, гӯшти ҳамин ҳайвонро чандин рӯз авқот мекард. Агар хушбӯй гӯяд ҳам: «Дурӯғ гуфта, гунаҳгор шудӣ»—гуфта маҷлис ҷеғ зада, куштани ҳамон ҳайвонро мепурсид. Ба ҳамин тариқа, аз тамоми ҳайвонҳо пурсид, кадомаш чӣ хел ҷавоб дода бошад, дар ҳамун ҷазои куштан дода шуд.

Охир, ин рӯз аз роҳ як пишак гузашта истода буд. Шер пишакро ҷеғ зада, дар пеши худ гуфт, ки:

— Даҳани манро бӯй кун, бӯи чӣ мебиёд?

Пишак дар шер гуфт, ки:

— Ман аз модар таваллуд шуданамро бист сол шуд. Дар мобайни ҳамин бист сол як маротиба ҳам бадбӯи ва хушбӯиро нафаҳмидем, намедонам ҳам, чунки дар вақти таваллуд шуданам модари ман аз хусуси бӯй кашидан, бадбӯй ва хушбӯйро донистан бар ман таълим на-

подумал слон и сказал, что пасть у льва благовонная.

Услышал эти слова лев и сказал:

— Почему ты мне врешь? За ложь тебя следует наказать!

И в этот день созвал лев всех зверей на собрание и сказал:

— Я раньше был падишахом всех зверей. И хотя за свои поступки я был по желанию всех зверей освобожден от должности падишаха, у меня есть своя честь и гордость. Так почему же этот слон льстит мне и говорит неправду?

Спросили звери у льва:

— Что он сказал о тебе?

Лев ответил:

— Вонь из моей пасти он назвал благовонием. Так вот спрашиваю я у вас на этом собрании, как следует наказать слона за это преступление?

Ложь слона стала для всех очевидна, и звери постановили убить слона. Собрание кончилось. Звери ушли по своим делам. Лев связал слону руки и ноги, повалил его на землю и убил. Мясом слона питался он дней двадцать. Таким образом, звал он к себе по очереди всех зверей, которые только были на земле, и спрашивал у них, как пахнет у него из пасти. Если они говорили, что плохо, он созывал собрание, и оно решало убить. И лев питался мясом этого зверя несколько дней. А если они отвечали, что хорошо пахнет, лев говорил: «Это ложь, ты преступник»—и, созвав собрание, требовал смерти этого животного. Так спрашивал он у всех зверей, и кто бы какой ответ ни дал, бывал он в наказание убит.

Наконец, шла как-то по дороге кошка. Дошла очередь и до кошки. Призвал лев кошку к себе и спрашивает:

— Понюхай мою пасть, чем оттуда пахнет.

Сказала кошка льву:

— Вот уж двадцать лет прошло, как родила меня моя мать. И за все эти двадцать лет ни разу не могла я разобраться в том, что хорошо и что плохо пахнет. Я даже не знаю, что это такое, так как моя мать не научила меня нюхать и разбираться в том, что хорошо пахнет, а что плохо.

Так сказала кошка и тем спаслась от смерти.

Таким образом, провел несколько дней лев голодным и жаждущим. Созвал он всех зверей и обратился к ним с просьбой:

— Даю я зарок, что не буду больше пожирать зверей, прошу вас, примите мой зарок и назначьте меня снова на должность падишаха.

Все звери согласились и назначили льва падишахом с условием, чтобы он не ел зверей.

додааст, бинобар ман намедонам,— гуфта пишак худаша аз мурдан халос кард.

Ба ҳамин тариқа, дар мобайн шер гушна ва ташна чандин рӯзро гузаронид. Тамоми ҳайвонҳоро ҷеғ зада, маҷлис карда пурсид, ки:

— Акнун ман тавба кардам. Ҳайвонҳоро намехурам, тавбаи маро қабул карда, боз дар вазифаи подшоҳӣ таъин карданро аз шумоён мепурсам.

Дар тамоми ҳайвонҳо маъқул шуд, шерро дар вазифаи подшоҳӣ таъин карданд, ба ҳамин шарт, ки аз ҳайвонҳо намехӯрад. Агар хӯрад, аз вазифаи подшоҳӣ бекор карда, худи шерро дар куштан қарор медиҳанд.

Шер дар вазифаи подшоҳӣ чандин вақт давом кард, аз гушнагӣ ҳеҷ тоқат карда натавонист. Як дона аспро гирифта хӯрд. Ин хабар дар ҳайвонҳо расид, тамоми ҳайвонҳоро ҷамъ карда, маҷлис карда, сабаби шартномаро вайрон кардан ва аспро хӯрданро аз шер пурсиданд.

Шер дар тамоми ҳайвонҳо бисьёр узр ва маъзур карда, кардагӣ гуноҳашро ба гардан гирифта, аз онҳо авф пурсид:

— Дубора агар ман боз хилофи ваъда кунам, шумоён дар ҳаққи ман чизе, ки мехоҳед [чора бинед], ман розӣ ҳастам,— гуфта, тавба кард.

Тавбаи шерро тамоми ҳайвонҳо қабул карданд, аз гуноҳи шер гузаштанд.

Аз мобайн чанд рӯз гузашт, шер аз гуштагӣ тоқат карда натавонист, як дона рӯбоҳро гирифта хӯрд.

Ин хабар дар ҳайвонҳо расид, умумӣ маҷлис карда, шерро аз вазифаи подшоҳ бекор карданд, дар куштан қарор карданд.

Ҳамин қарорба биноан шерро тамоми ҳайвонҳо кӯпкорӣ карда, ба азоб ва машаққати бисьёр куштанд.

Баъд аз шерро куштан, дар тамоми ҳайвонҳо бутун озодӣ шуд, ҳеҷ як хавфу хатар набуд. Ҳар кадомаш ба хоҳиши худаш сайр ва тамошо карда, ба муроду мақсадаш расид.

А если он будет их есть, то звери сместят его с должности падишаха и самого убьют.

Так провел лев некоторое время в должности падишаха, но не мог больше терпеть голод и съел лошадь. Узнали об этом звери. Собрались они, устроили собрание и спросили у льва, почему нарушил он зарок и съел лошадь. Лев очень извинялся перед зверями, признался, что совершил преступление, умолял простить его, дал зарок:

— Если я еще нарушу свое обещание, можете делать со мной, что хотите, я согласен.

Все звери приняли зарок льва и простили его.

Прошло еще несколько дней. Лев не мог больше терпеть голод и съел лису.

Узнали об этом звери, устроили общее собрание и постановили освободить льва от должности падишаха и убить.

Основываясь на этом постановлении, все звери устроили козлодрание со львом и с огромным трудом его убили.

После того как лев был убит, все звери стали свободными и не было больше ни опасности, ни страха. Каждый разгуливал, где хотел, достиг исполнения своих желаний и стремлений.

[ҲИКОЯТИ ЛАКЛАК ВА РӮБОҲ]

Лаклак бо ҳамроҳии як рӯбоҳ ошно шуда, чандин вақт рафт ва омад карда, ҳамдигарро зиёфат мекарданд.

Навбати зиёфат дар лаклак расид, ҳар хел таомҳои гуногун — мор ва ҷонварҳоро оварда, рӯбоҳро зиёфат кард. Рӯбоҳ лаклакро фиреб дода, нағз зиёфат намекард. Ин фиреб додани рӯбоҳро лаклак донист. Рӯбоҳро бо ҳамроҳии ҷӯраҳош дар меҳмондорӣ хабар кард. Аз ҷӯраҳои лаклак ҳам чор-панҷ нафар буд. Лаклак авқотро тайёр кард, дар пеши тамоми рӯбоҳҳо дар идиши даҳанаш танг андохта, оварда монд.

Рӯбоҳҳо авқотҳоро мелесиданд, хӯрда натавонистанд, чунки нӯли рӯбоҳҳо дар тешуки идиш намебурд. Лаклакҳо:

— Дар авқот марҳамат кунетон,— мегуфтанд.

Рӯбоҳҳо хӯрда наметавонистанд. Лаклакҳо ханда карда, мегуфтанд, ки:

— Моён ҳама авқот кардем, сабаб чист, ки шумоён намехӯретон.

Рӯбоҳҳо ҳам лашкарҳоро як рӯз дар меҳмондорӣ хабар карданд. Ҳар хел авқотҳо тайёр карданд, фақат аталаро дар пеши лаклакҳо дар табақҳо мекашиданд. Лаклакҳо нӯлашонро дар табақ метиқонданд. Атола дар нӯлашон банд намешуд. Ҳамин қатӣ гушна ва ташна дар хонаи худ гашта омаданд.

Лаклак алоқаи дӯстиро аз рӯбоҳ гирифт.

[РАССКАЗ О ЖУРАВЛЕ И ЛИСЕ]

Познакомились журавль и лиса, некоторое время ходили они друг к другу в гости и устраивали друг для друга угощение. Когда приходила очередь устраивать угощение журавлю, он готовил различные блюда: змей и всяких животных — и угощал лисицу. А лисица обманывала журавля и не устраивала ему хорошего угощения. Узнал об обмане лисы журавль и пригласил лису с ее друзьями в гости. Были там и пять-шесть друзей журавля. Приготовил журавль пищу и подал ее лисицам в посуде с узким горлышком.

Попробовали лисицы лизать еду, но есть не смогли, так как их морды не проходили в отверстие посудины. Журавли говорили:

— Кушайте, пожалуйста.

А лисицы не могли есть. Журавли смеялись и говорили:

— Мы все едим, а почему же вы не едите?

Однажды и лисицы пригласили журавлей в гости. Наготовили они всякой еды, но поставили перед журавлями на блюдах только похлебку. Потыкали они клювами в блюдо. Но похлебка в клювы не попадала. Голодные и жаждущие вернулись они домой.

И журавль перестал дружить с лисицей.

[ҲИКОЯТИ ПИШАК ВА МУШҲО]

Як пишак буд, ба ғайр аз муш дигар ҷонварро ов намекард. Пишак як вақт дар як ҷой рафта истода буд. Дар ҳамон вақт аз каламушҳо яктеш тӯй карда истода буд. Дар як хона ҳафт муш буданд маслиҳат карда, дар тӯй лаълию дастурхон карда, дар роҳ равона шуданд.

Омадани мушҳоро пишак дида, як хез карда, ду мушро дар ду чанголаш гирифт. Як мушро дар даҳанаш газид, як муши дигар ярадор шуда монд. Чор нафар муш тӯй нарафта, гашта дар хонаи худ омаданд. Ярадор шудагӣ муш ҳам баъди се рӯз мурд. Тамоми мушҳо ҷамъ шуда, дар пеши подшоҳи мушҳо рафта, аз дасти пишак дод гуфта, арз карданд, ки:

— Ҳамин пишак ҳар доим ба ғайр аз муш дигар чиз ов намекунад. Бисьёр безор шудем. Агар якчанд вақти дигар ҳамин пишак зинда бошад, аз моён як дона ҳам намонда, тамом мекунад.

Подшоҳи мушҳо ин суханҳоро шунида, ҳамаи мушҳоро хабар карда, майлис ороста, дар майлис қарор карданд, ки:

— Ҳамон пишакро гирифта, оварда куштан даркор.

Яктаи дигараш гуфт:

— Пишакро оварда, дар гарданаш зангӯла овехта, сар додан даркор, ки дар ҳар куҷо роҳ равад, аз овози зангӯла дар моён маълум мешавад, моён фаҳмида мегурезем. Аз мурдан халос мешавем, ба ғайр аз ҳамин дигар илоҷ нест.

Дар ин масъала ҳама мушҳо розӣ шуда, даст бардоштанд ва қарори майлисро тасдиқ карданд. Боз як муши дигар хеста гуфт, ки:

— Ҳамон пишакро кадом муш рафта, даст гирифта, дар гарданаш зангӯларо мебандад?

Аз ҳамин мушҳо яктешро нишон додан, дар ин масъала ҳама мушҳо розӣ шуда, даст бардоштанд. Баъд аз майлис тамом шудан як муши дигар гуфт, ки:

— Пишакро даст гирифтани моён ҳеҷ мумкин нест. Вай душмани моён мебошад, дидан баробар чангол зада, гирифта мехӯрад.

Дар ин масъала ҳам мушҳо розӣ шуда, даст бардоштанд.

Имрӯз ҳеҷ як масъаларо ҳал карда натавонистанд. Тамоми мушҳо дар паи кори худ рафтанд.

[РАССКАЗ О КОШКЕ И МЫШАХ]

Была кошка, которая ни на кого, кроме мышей, не охотилась. Как-то шла кошка куда-то. А как раз в это время какая-то крыса устраивала туй. В одном доме жили семь мышей; посоветовались они, завернули блюдо с угощением и отправились на туй.

Увидела их кошка, прыгнула, схватила двух мышей когтями. Одну мышь разгрызла зубами, а другую мышь поранила. Не пошли четыре мыши на туй, а вернулись домой. Через три дня раненая мышь тоже умерла. Собрались все мыши и пошли к падишаху мышей с жалобой на кошку:

— Эта кошка ни на кого, кроме мышей, не охотится. Очень она нам досаждает. Если она еще поживет, то всех нас прикончит.

Выслушал это падишах мышей и созвал всех мышей. Все пришли, устроили собрание и постановили:

— Эту кошку следует поймать и уничтожить.

А одна из мышей сказала:

— Надо поймать эту кошку и повесить ей на шею колокольчик, а потом отпустить, чтобы по звону колокольчика мы могли бы узнавать, где она, убегать и так спасаться от смерти. Другого выхода у нас нет.

Все с этим согласились и проголосовали и утвердили решение собрания. Поднялась другая мышь и спросила:

— А кто из мышей поймает кошку и повесит ей на шею колокольчик?

Выбрали одну мышь, и все как одна проголосовали за нее.

После собрания одна из мышей сказала:

— Но ведь никто из нас не может поймать кошку. Она наш враг, как только увидит кого-нибудь из нас, сразу схватит и съест.

И с этим все мыши согласились и проголосовали.

В этот день так и не смогли они решить этот вопрос и разошлись по своим делам.

[ҲИКОЯТИ САРДОРИ КАБУТАРҲО]

Дар як шаҳр як рамма кабӯтар буд. Ҳамин кабӯтарро дар ҳамин шаҳр чандин сол истиқомат мекарданд. Як вақте дар ҳамин шаҳр бутун қиматӣ шуд. Чандин вақт барф ва борон наборид. Ғалла ва экинҳо кабуд нашуда монд. Халқи ҳамон шаҳр аз гушнагӣ қариб дар ҳалокат расиданд. Кабутарҳо якбора дар пеши сардори кабутарҳо рафта арз карданд, ки:

— Дар ин шаҳр аз беавқотӣ бутун дар ҳалокат расидем. Агар розигӣ тед, аз ин шаҳр кӯчида, бо ҳам дар як шаҳри дигари дон ва авқот доштагӣ равем.

Сардори кабутарҳо гуфт, ки:

— Агар ризқ ва насибаи моён бошад, дар ҳамин шаҳр ҳам шуданаш даркор буд. Агар набошад, дар кадом шаҳр равем ҳам, ба мисли ҳамин шаҳр хорӣ ва зорӣ мекашем.

Кабутарҳо гуфтанд, ки:

— Насиба гуфта дар як ҷой нишинем, ҳеҷ як кас, ҳайвон ва ҷонварҳо дар моён авқот оварда намедиҳад. Ҳаракат бошад, баракат ҳам мешавад. Тараддуд карда, барои ҳаёту зиндагониро нигоҳ доштан, дар як шаҳри обод ва ҳосилдор рафтан даркор.

Дар ин суханони кабутарҳо сардори кабутарҳо ноилоҷ розӣ шуда гуфт, ки:

— Ман ба шумоён як маслиҳат медиҳам, агар қабул кунетон ва аз ҳамин сухани ман набароетон, ман бо ҳамроҳии шумоён меравам.

Кабутарҳо пурсиданд:

— Чӣ маслиҳат медиҳед?

Сардори кабутарҳо гуфт:

— Шумоён чандин вақт боз гуштна, аз инҷа дар ҳаво парида, то дар дигар шаҳр расидан дар роҳ чандин-чандин сайёдҳо дар ҳар куҷо — ҳар куҷо тузоқ шинонда, дон пошида мемонанд. Шумоён, албатта, дар ҳолати гушнагӣ дар ҳамон доми сайёд аз барои дон нараветон агар, ман бо ҳамроҳии шумоён меравам.

Кабутарҳо ҷавоб доданд, ки:

— Шумо сардори моён, ихтиёр ба шумо мебошад. Бе ихтиёри шумо моён ҳеҷ як кор намекунем.

Ба ҳамин шарт тамоми кабутарҳо якбора дар ҳаво парида, бисьёр роҳ рафта, дар наздикии як шаҳр расиданд. Ҳамон вақт дар ҳамон ҷой як сайёд тузоқ шинонда, дон пошида мондагӣ буд. Якбора чашми кабутарҳо дар ҳамон дон афтод. Дар гушнагӣ ҳеҷ тоқат карда натавонистанд. Дона-дона шуда, дар ҷониби дон равон шуда, дар болои дон фуромаданд. Сардори кабутарҳо нафаромада ҳайрон шуда гуфт, ки:

[РАССКАЗ О ПРЕДВОДИТЕЛЕ ГОЛУБЕЙ]

В одном городе была стая голубей. Они уже много лет жили в этом городе. И вот в этом городе все страшно подорожало. Долго не было ни снега, ни дождя, пшеница и другие посевы высохли. Жители этого города почти погибали. Голуби все сразу пришли к предводителю голубей и пожаловались:

— В этом городе мы совсем погибаем от голода. Если разрешите, мы все уйдем отсюда и переберемся в другой город, где есть зерно и пища.

Предводитель голубей сказал:

— Если существует для нас пища, то она должна быть и в этом городе. А если нет, то в какой бы город мы ни перебрались, всюду, как и в этом городе, мы будем бедствовать.

Голуби сказали:

— Если мы будем сидеть на одном месте и ждать, никто, ни одна живая душа не принесет нам еду. Если действовать, то будет и результат. Чтобы иметь пропитание, нужно позаботиться об этом и перебраться в благоустроенный плодородный город.

Предводитель голубей поневоле согласился с этими словами голубей и сказал:

— Я дам вам один совет. Если согласитесь и последуете моему совету, я полечу вместе с вами.

Голуби спросили:

— Какой дадите совет?

Предводитель голубей ответил:

— Вы уже давно голодаете. Пока вы долетите до другого города, по дороге увидите много ловушек, расставленных охотниками, где насыпано зерно. Если вы обещаете не клевать зерна в тех ловушках, несмотря на голод, то я полечу вместе с вами.

Голуби ответили:

— Вы наш предводитель, воля ваша. Без вашего разрешения мы ничего не будем делать.

Так порешив, все голуби сразу взлетели в небо, долго летели и достигли одного города. В то время один охотник поставил там ловушку и насыпал зерна. Все голуби сразу увидели то место. От голода они не смогли терпеть. Один за другим полетели они в ту сторону и опустились на капкан. В небе остался один предводитель голубей, который удивился и сказал:

— Что будет с этими голубями, то будет и со мной.

Он тоже опустился на капкан. Все голуби вместе со своим предводителем сразу попались в ловушку. Голубям было очень стыдно

— Ҳамин кабутарҳо бо кадом аҳвол шаванд, ман ҳам мешавам.

Дар болои ҳамон дон фаромад. Тамоми кабутарҳо бо ҳамроҳии сардор дар банди сайёд якбора банд шуданд. Кабутарҳо дар пеши сардор дар хиҷолат монда, чизе намегуфтанд. Бутун шарманда шуданд. Сардори кабутарҳо гуфт, ки:

— Ман дар шумоён ҳамин аҳвол шуданро пеш гуфтам. Шумоён сабр, тоқат карда натавонистетон. Дар насиҳати ман хилоф кардетон. Акнун илоҷи аз банд халос шуданро кардан даркор. Агар аз ҳамин банд халос шавем, ман бо ҳамроҳии подшоҳи мушҳо алоқаи дӯстӣ дорам. Дар назди ҳамон меравем. Илоҷи мушкили моёнро ҳамон ҳал мекунад. Кабутарҳо гуфтанд, ки:

— Аз ин банд чӣ ранг халос мешавем?

Сардори кабутарҳо маслиҳат дод, ки:

— Ҳамаи моён якбора зӯр карда, дар ҳаво париданӣ мешавем. Бандҳои тузоқ суст мешавад. Дар зери замин будагӣ мехҳои тузоқ аз ҷояш мехезад, ба ҳамин тариқа аз банд халос шудан мумкин.

Ин суханҳоро кабутарҳо аз сардор шуниданд. Сардори кабутарҳо рухсат дод, якбора зӯр карда, дар ҳаво париданӣ шуданд. Бандҳо банд аз банд ҷудо шуда, мехҳои зери замин будагӣ холӣ шуд. Кабутарҳо якбора банди тузоқро дар гардан гирифта, дар ҳаво париданд. Бисьёр роҳ рафта, дар манзили подшоҳи мушҳо наздик расиданд. Омадани инҳоро дониста, подшоҳи мушҳо пешвоз баромада, кабутарҳоро бо ҳамроҳии сардор дар кулбаи худ овард. Аҳволпурсӣ карда шуда, гузаштагӣ воқеаҳоро сардор баён кард. Муш мехост, ки бандро аз гардани сардори кабутарҳо во кунад. Сардор рухсат надод. Гуфт, ки:

— Ман калон ва сардори ин кабутарҳо мебошам, аввал аз гардани фуқароҳои ман бандро яла кун, сонӣ аз гардани ман.

Муш ин сухан аз сардор шунид, қабул кард.

— Офарин дар мардигарии сардор! — гуфта, тамоми кабутарҳоро якта-якта аз банд халос кард. Сонӣ сардорҳоро халос кард.

Кабутарҳо ба ҳамин тариқа чандин рӯз дар кулбаи муш зиёфатхӯрӣ ва истиқомат карданд. Баъд аз чанд рӯз кӯчида, дар як шаҳри озод рафта расиданд. Чандин сол дар ҳамон шаҳр умр гузаронида, дар муроду мақсад расиданд. Тамом.

перед предводителем, и они молчали. Все они опозорились. Предводитель голубей сказал:

— Я еще раньше предупреждал вас, что это может случиться. У вас не хватило терпения, и вы нарушили данное мне обещание. Теперь нужно искать пути освобождения из плена. У меня дружба с падишахом мышей. Если мы сумеем освободиться, то пойдем к нему. Он нам поможет.

Голуби спросили:

— Как мы освободимся из этого плена?

Предводитель голубей дал такой совет:

— Все мы поднатужимся и одновременно попытаемся взлететь в небо. Веревки капкана ослабнут, гвозди, забитые в землю, вылезут, и таким путем мы сможем освободиться.

Такие слова услышали голуби от своего предводителя. Когда он разрешил, они одновременно поднатужились и попытались взлететь. Веревки капкана развязались, гвозди вылезли из земли. С веревками на шеях голуби одновременно взлетели в небо и полетели. Долго они летели, пока достигли дома падишаха мышей. Падишах мышей уже знал об их прибытии и вышел навстречу. Голубей, вместе с предводителем, падишах мышей привел в свою хижину. Расспросив о здоровье, предводитель голубей рассказал о происшествиях в пути. Падишах мышей хотел снять веревку с шеи предводителя, но тот не разрешил.

— Я самый старший из голубей и их предводитель. Сначала развяжи веревки на шеях моих подданных, а потом на моей,— сказал он.

Услышав эти слова от предводителя, падишах мышей согласился.

— Честь и хвала мужеству предводителя! — сказал он и одного за другим освободил всех голубей от веревок. После этого он освободил предводителя.

Несколько дней голуби гостили в хижине падишаха мышей. А потом они пустились в путь и прилетели в один большой город. В этом городе они прожили много лет и достигли исполнения своих желаний. Конец.

[ҲИКОЯТИ ҚИРҒӢ ВА КАБК]

Дар болои як тоғи баланд як дона кайлик хониш карда истода буд. Дар ҳамин вақт як дона қирғӣ дар ҳаво парида рафта истода буд. Овози хониши кайлик дар қирғӣ бисьёр маъқул шуд, ӯйла карда гуфт, ки: «Ин ҷонвар чӣ хел ҷонвар бошад, ба овози мӯътадил хониш мекунад? Бо ҳамроҳии ҳамин ҷонвар сӯҳбат кардани ман даркор»,— гуфта аз ҳаво дар поён нигоҳ карда, дар болои тоғ ба наздики кайлик омад.

Кайлик қирғиро дидан баробар гурехта, дар хонаи худ рафт. Чунки, қирғӣ душмани тамоми ҷонварҳо буд. Аз ҳамин хусус кайлик тарсида, гурехт. Қирғӣ дар наздикии хонаи кайлик омада, овоз кард, ки:

— Э ҷонвар, ман бо ҳамроҳии ту сӯҳбат кардан мехоҳам. Ту аз барои чӣ гурехтӣ?

Кайлик гуфт, ки:

— Ту душмани қаттоли ман мешавӣ. Аз барои ҳамин, ман туро дидан баробар гурехтам.

Қирғӣ гуфт, ки:

— Гарчанде, ки ман ба тамоми ҷонварҳо душман бошам ҳам, бо ҳамроҳии ту ҳеҷ душманӣ надорам, дӯстӣ карданро мехоҳам. Аз хонаи худ баро!

Кайлик аз хонаи худ баромаданро нахост, тарсид. Қирғӣ чандин хел қасам хӯрд, ки:

— Ман ба ту ҳеҷ дахл намекунам.

Кайлик ноилоҷ аз хонаи худ баромада, бо ҳамроҳи қирғӣ пурсупос кард, ошно шуданд. Бо ҳам дар хонаи қирғӣ рафтанд. Ба ҳамин тариқа, кайлик ва қирғӣ ошнобозӣ карда, қирғӣ ҳар чизе, ки ёбад бо ҳамроҳии кайлик бо ҳам медиданд.

Як вақт қирғӣ касал шуд. Чандин рӯз касал хоб кард. Мадори парвоз карда, шикор карданаш намонд. Дар худаш ӯйла карда гуфт, ки: «Ба ғайр аз ҳамин кайликро хӯрдан дигар илоҷ нест». Ба кадом ранг гунаҳгор карда, хӯрданро ӯйла кард.

Шаб хоб карда буд. Рӯшноии моҳ дар рӯяш афтод, дар кайлик гуфт, ки:

— Ман касал дар офтоб хобонда мондӣ, ту саҳат дар соя нишастӣ?!

Кайлик гуфт, ки:

— Эй бародар, ту саҳв кардӣ, ин рӯшноӣ шӯълаи офтоб не, рӯшноии маҳтоб мебошад.

Ба ҳамин тариқа, дар мобайни кайлик ва қирғӣ ҷанҷол пайдо шуд.

Бинобар, ҳеҷ як вақт душман дӯстӣ накарданаш маълум шуд.

Қирғӣ кайликро хӯрд, ба муроду мақсадаш расид.

[РАССКАЗ О ЯСТРЕБЕ И КУРОПАТКЕ]

На высокой горе пела куропатка. В это время пролетал там ястреб. Очень понравилось ястребу пенье куропатки, и он подумал: «Что это за живое существо (птица), которое поет так мелодично? Мне хочется поговорить с ним». С этими мыслями опустился он на вершину горы и приблизился к куропатке.

Увидя ястреба, куропатка бросилась бежать и спряталась в своем доме, потому что ястреб был врагом всех птиц. Подошел ястреб к дому куропатки и заговорил:

— О птица, я хочу поговорить с тобой. Почему ты убежала от меня?

Куропатка сказала:

— Ты мой самый страшный враг. Поэтому я убежала, как только увидела тебя.

Ястреб сказал:

— Хотя я враг всем птицам, но к тебе у меня нет никакой вражды. Я хочу подружиться с тобой. Выйди из своего дома!

Но куропатка боялась его и отказалась выйти из дома.

Тогда ястреб несколько раз поклялся:

— Я тебя не трону и не обижу.

Пришлось куропатке выйти из своего дома. Разговорилась она с ястребом, познакомилась с ним и подружилась. Вот так ястреб и куропатка стали друзьями. Все, что ни добывал ястреб, он съедал вместе с куропаткой.

Как-то ястреб заболел. Несколько дней проболел он. Не было у него сил летать и не мог он отправиться на охоту. И подумал он тогда про себя: «Нет у меня другого выхода, придется мне съесть куропатку». И решил он любым способом обвинить ее в чем-нибудь и съесть.

Ночью ястреб спал. Лунный свет упал на него, и сказал он куропатке:

— Я болен, а ты оставила меня спать на солнце, а сама здоровая легла в тень.

Куропатка ответила:

— О брат мой, ты ошибся, это не солнечный свет, это лунный свет.

Вот так поссорились ястреб и куропатка.

Теперь ясно, что с врагом никогда не следует заводить дружбу.

Ястреб съел куропатку и достиг исполнения своих желаний.

[АФСОНАИ ГУНҶИШК]

Я сағира будаст, як гундишк доштаст, дар гардани гундишк мура сахт караст. Гундишка ҳуй кард, шуст дар сари яг хор. Мураош сахт шид, кандан, рехтан дар вехи хор. Сағира ума, гундишкаша гирифт, мураош не.

Гуфт:

— Мерам алова меёрум, хора месузум!

Ба пеши алов рафта гуфт:

— Рафтем, хорро суз!

Алов гуфт:

— Мун езуми арчагии қоқа мемонум мерам, бай хори таракида пис-пис мекунум?

Гуфт сағира:

— Мерам, ова мегум, то биёя букушат!

Рафт, бай овунда гуфт:

— Биё, бурем, алова куш!

Гуфт [об]:

— Мун шарфай баланда мемонуму мерам, бай алова фулах-фулах кунум?

Гуфт:

— Мерам калгова мегум, то биёя буқутат.

Рафт бай калговунда гуфт:

— Биё, бирем, калгов, ова буқут.

Гуфт [калгов]:

— Мун тарити ҳалу пала мемонум, мерам, бай ови хунукунда, то дандоном бурезан?

Гуфт:

— Мерам, гурга мегум, то биёя бухурат!

Рафт, бай гурганда:

— Биё, бирем, калгова бухур!

Гург гуфт:

— Сайдаки ҳалу пала мемонум, мерам бай калговунда қрапоқрап кунум?

Гуфт:

— Мерам, палауна мегум, то биёя тирут зана!

Рафт, палаунда гуфт:

— Биё, бирем, палаун, гурга тир зан!

Палаун гуфт:

— Ма тиру дорума бай гурга ҳайф накуname!

Гуфт:

— Мерам, муша мегум, биёят, тиру дорута будузда.

Рафт, мушунда:

— Биё, бирем, тиру доруи палауна бидузд!

Гуфт [муш]:

— Мун маизу чормағза мемонуму мерам бай тиру доруи палауна?

Гуфт:

— Мерам, пишука мегум, то биёя бигират!

Рафт, бай пишукунда, гуфт:

— Биё, бирем, пишук, муша бигир!

Пишук гуфтай:

[СКАЗКА О ВОРОБЬЕ]

Был один сирота, у него был воробей. На шейку воробья он надел ожерелье. Выпустил он воробья, тот сел на колючий куст. Ожерелье зацепилось за колючки, разорвалось и рассыпалось у подножия куста. Пришел сирота, взял воробья, а ожерелья-то нет. «Пойду я, приведу огонь и сожгу куст»,— сказал сирота.

Пошел он к огню и сказал ему:

— Пойдем, сожжешь колючий куст!

Огонь отвечает:

— Что же это я, оставлю сухие арчевые дрова и пойду жечь сырую колючку, что шипит, а не горит?

Сирота сказал:

— Тогда пойду скажу воде, пусть она зальет тебя.

Пошел он к воде и сказал:

— Пойдем, потуши огонь!

Вода сказала:

— Что же я, оставлю шум большой реки и пойду к огню, едва тлеющему?

Сирота сказал:

— Пойду к безрогому быку! Скажу ему, пусть он выпьет тебя.

Пошел к безрогому быку и сказал:

— Пойдем, безрогий бык, выпей-ка воду.

Бык сказал:

— Что же это я, оставлю теплое месиво и пойду пить холодную воду, чтобы у меня зубы выпали?

Сирота сказал:

— Пойду найду волка, пусть он придет и съест тебя.

Пошел к волку:

— Пойдем, съешь безрогого быка!

Волк сказал:

— Что же это я, оставлю мягкую дичь и пойду глодать кости безрогого быка?

Сирота сказал:

— Пойду позову охотника, пусть он застрелит тебя!

Пошел к охотнику и сказал:

— Пойдем, охотник, застрели волка!

Охотник сказал:

— Не стану тратить я на волка своих пуль и пороха.

Сирота сказал:

— Пойду позову мышь, пусть она украдет у тебя пули и порох.

Пошел он к мыши:

— Пойдем, укради пули и порох охотника.

Мышь сказала:

— Что же это я, оставлю сушеный кишмиш и орехи и пойду за пулями и порохом охотника?

— Мун вехи куни кампира ут мекунуму мерам бай мушунда?

Гуфт:

— Мерам, кампира мегум, биёя, сангут зана!

Рафт, бай кампирунда гуфт:

— Биё, бирем кампир, пишука санг зан.

Кампир гуфт:

— Мун пишукма нарасаме.

Гуфт:

— Мерам, шамола мегум, пашмакта бара!

Рафт, бай шамолунда гуфт:

— Биё, бирем, шамол, пашмакой кампира бигир, бура.

Шамол ума, пашмҳои кампирро бурд, кампир омад, пишука санг зад, пишук ума, муша гирифт, муш ума, тиру доруи палауна дуздид, палаун ума, гурга зад, гург ума калгова хурд, калгов ума, ова хурд, ов ума, алова кушт, алов ума, хора сухт. Мураора чинда, дар гарани гундишк сах кард. Гирифта бурафт бай хунаш, мо ин ҷо умадим.

Сирота сказал:

— Пойду позову кошку, пусть она придет и схватит тебя.

Пошел он к кошке и сказал:

— Пойдем, кошка, схвати мышь!

Кошка сказала:

— Что же это я, брошу свое местечко под боком у старухи и пойду к мышам?

Сирота сказал:

Пойду скажу старухе, пусть придет побьет тебя камнями.

Пошел к старухе и сказал:

— Пойдем, старуха, побей кошку камнями.

Старуха сказала:

— Я пряду шерсть.

Сирота сказал:

— Пойду позову ветер, пусть унесет твою шерсть.

Пошел он к ветру и говорит:

— Пойдем, ветер, унеси и развей шерсть у старухи.

Ветер пришел, унес у старухи шерсть, старуха пришла, ударила камнем кошку, кошка пришла, схватила мышь, мышь пришла, украла пули и порох охотника, охотник пришел, застрелил волка, волк пришел, съел быка, безрогий бык пришел, выпил воду, вода пришла, погасила огонь, огонь пришел, сжег колючий куст. Сирота ожерелье собрал, надел его на шейку воробья, забрал его и пошел к себе домой, а мы пришли сюда.

[КӢ АЗ ҲАМА ЗӮРТАР АСТ?]

Руба рафт, бай шера гуфт, ки:

— Эй шер, ту чӣ шерӣ? Яг ҷундор номуш одамай, мега, ки: «Шера биёвум қайлакабобуш мекинум мехурум».

Қаруш хест шер, раҳакӣ шид. Ума дар куҷое, ки яг шутури ката, шашта ҷувол да болош. Шер гуфт, ки: «Албатта одам аминай, ки иқа зурай».

Убартар рафт, дид, ки дута барзагов дар таи йуған, соҳибшун нест, гуфт: «Албатта, ки амино одаман, ки замина иқа кофтан».

Убартар рафт, дид, ки яг хар дар яккамех бастагӣ, хари ҷавмаст ҳартаст мекуна, ҳанг мезана, сара дар замин мезана, кун мепартова, шер гуфт: «Албатта, ки одам амин боша, ки иқа ҳартасту ҳангаст мезана!»

Убартар рафт, дид, ки як мардак дар як ҷангал таи изорай, яг тавар дар дастуш, як кундаи ката дар пешуш, амура мешикана. Шер гуфт, ки: «Албатта, ки одам аминай, ки иқа дар ҷалай».

Шер рафт бай пеши одам, рафт дар пешуш истод. Шер гуфт, ки:

— Аму одаме, ки меган амӣ туӣ?

Гуфт:

— Мун.

Шер гуфт, ки:

— Умадам, ки фанду макрата нишон бутӣ!

— Фанду макрум бай худум нестай, бай хунам, ту аминҷа бест, то мун бурам, фанду макра бигирум, биём!

Рафт мини ра, гашт одам гуфт:

— Шер, дилум бовар намекуна, мегурезӣ, биёда дар танай амӣ дарахтут бубандум, ки дилум бовар намекуна!

Шер гуфт:

— Мун шер ном дорум, мун намегурезум!

Одам гуфт, ки:

— Ҳар чи боша бубандумут.

Шер гуфт:

— Хуб.

Одам яг банда гирифт дар танай дурахт маҳкамуш баст.

Гуфт:

— Мун аму одамум, ги гуфтӣ: «Одама бубинум қайлакабобуш мекунум, мехурум». Олӣ мун қайлат мекунум, намехурумут.

Одам тавар гирифт ай куни пош, ки қайла кард то тори саруш.

[КТО САМЫЙ СИЛЬНЫЙ?]

Пришла лиса ко льву и говорит:

— Эй, лев, что ты за лев? Есть одно существо по имени человек, он говорит: «Найду льва, сделаю из него жаркое и съем».

Рассердился лев и пошел. Пришел куда-то, а там большой верблюд, на нем навьючено шесть больших мешков. Лев сказал: «Конечно, это и есть человек, вон он какой сильный!»

Пошел он дальше и увидел, что два быка запряжены в ярмо, а хозяина их нет. Сказал: «Конечно, это люди, вон как они землю перекопали».

Пошел дальше, видит — какой-то осел привязан на приколе, осел, откормленный ячменем, кричит, ревет и головой об землю бьется и лягается. Лев сказал: «Наверно, это и есть человек, вон как орет!»

Пошел дальше, видит — какой-то мужик в лесу в одних штанах с топором в руках огромное бревно раскалывает. Лев сказал: «Конечно, это и есть человек, вон какой он сердитый!»

Лев подошел к человеку, остановился перед ним и сказал:

— Ты и есть человек, о котором все говорят?

Тот сказал:

— Да, это я.

Лев сказал:

— Я пришел, чтобы ты показал свою хитрость!

Человек сказал:

— Мои хитрости не со мной, они у меня дома, ты здесь подожди, а я схожу домой, возьму свои хитрости и приду сюда!

Пошел человек, дошел до середины дороги, вернулся и сказал:

— Лев, я не доверяю тебе, ты убежишь, давай я тебя привяжу к этому дереву, а то не верю я тебе!

Лев сказал:

— Меня зовут лев, я не убегу!

Человек сказал:

— Что бы там ни было, давай я лучше привяжу тебя.

Лев сказал:

— Хорошо.

Человек принес веревку и крепко привязал льва к дереву. Сказал:

— Да, я тот самый человек, про которого ты сказал: «Когда увижу человека, сделаю из него жаркое и съем». А сейчас я разрублю тебя на куски, но не съем.

Человек взял топор и разрубил льва с ног до головы.

[АФСОНАИ РӮБОҲ ВА ГУРГ]

Як гургу як руба ҳардуш ҷураи баланд буд, бад руба гуфт:

— Бисьёр,— гуфтак,— мо пустидузи баландем, панҷ-шашта буз биёрен, мо пустин кунем, да шумо тием.

Гург рафт, гуспандода даромад, шашта гуспанд гирифту, умад, дасти рубада дод. Руба гуспандоя ҳамаша кушту қайла кард, хурда хонашба хов кард.

— Яг мо бад пустинат тайёр меша, гирифта бар,— гургба гуфтак.

Як мо бад гург омадак, файрод кард, ки:

— Пустина бурор.

Ҳар чанд кард, ки ҷавоб надод, ай фарьёд гурга дамош гирифт. Бад руба даҳани хона буромада истод:

— Ассалому алейкум, ҷура! — гуфт руба.

Гург:

— Пустина тайёр кардӣ? — гуфтак ба ҷониби руба.

Руба гуфт, ки:

— Чита гург пустинпуш шуду чита руба пустиндуз шуд? — бад худаша хонаба зад, дига набуромад.

Бад даҳани хона салтав кардан гирифт гург, ҳарчанд кофт, ки рубара наёфт, гург гуфтак:

— Хай, хай, ту ҳамин хел мурдию ман мондум?! — гуфтаку рафт.

Дар ин миёна яг мо гузашт, руба ташнагида аз даст рафт, сухт ай хона набуромада. «Биё, таваккал»,— гуфтак, куза гирифт, овба рафт акун дайро.

Ба тарс ов гирифт, раҳи калонда буромад, яке гург во хурд сур кард, гирифт.

— Ассалому алейкум ҷура,— гуфтак руба ба ҷониби гург,— шумо малол шудед, ба ҳамун пустин? Ҳаминта пустин духтам, ки дар подшо нест. Ҷура,— гуфтак, — ҳавлии подшо туйай, туйда мерем.

Бад гурга гирифта, туйда бурд. Яг овмурида гурга гузарондак.

— Даҳани овмурида шумо истед, ҷура!— гургда гуфтак.

Руба рафт, яг савати бадаста ёфт, даруни вая пури гушт кард, оварду гардани ҷураш андохт:

— Акнун мерем, пеш даро! — гуфт руба.

Рафта, овмурида даромадан, руст шуд гург.

Руба хест, руи девол буромад, баҳ-баҳ кард тозинора. Гурга гирифтан тозино, булак-булак кардан дар ҳавлии подшо. Руба гурехта омад, ба хонаш рафт.

[СКАЗКА О ЛИСЕ И ВОЛКЕ]

Волк с лисой были большими друзьями. Лиса сказала:

— Мы,— сказала она,— искусно шьем шубы, принесите пять-шесть коз, мы сделаем шубу, вам дадим.

Волк пошел, забрался к овцам, шесть овец схватил, отнес их лисе. Лиса всех овец зарезала, мясо их зажарила, съела его и легла спать.

— Через месяц твоя шуба будет готова, тогда заберешь,— сказала она волку.

Через месяц волк пришел, кричит лисе:

— Выноси шубу!

Сколько ни звал он ее, она не ответила, а волк от крика голоса лишился. Тогда лиса вышла из дома.

— Здравствуй, приятель!— сказала лиса.

— Приготовила шубу?— спросил волк.

Лиса сказала:

— Где это видано, чтобы волк шубу носил, а лиса стала бы шубу шить?— и бросилась в дом, и больше не вышла.

Потом волк стал толкать дверь дома, но сколько он ни искал, лису не нашел. Волк сказал:

— Хорошо же, хорошо! Ты натворила, а я так и оставил это дело!— сказал он это и ушел.

Между тем прошел еще месяц. Лиса, не выходя из дома, от жажды погибает, наконец она сказала: «Давай рискну!» Взяла кувшин и пошла за водой к реке.

Со страхом набрала воды и вышла на большую дорогу, вдруг ей навстречу волк, побежал он и поймал ее.

— Здравствуй, приятель,— сказала лиса, обращаясь к волку.— Вы обиделись из-за шубы, а я такую вам шубу сшила, какой у падишаха нет. Приятель,— сказала она,— сегодня у падишаха в доме свадьба, пойдемте на свадьбу!

Взяла она волка и повела на свадьбу. Оставила она там его под стеной у отверстия, через которое протекает арык в сад.

— Постойте здесь, приятель,— сказала лиса волку.

Пошла лиса, нашла корзину с ручкой, наполнила ее мясом, принесла и надела ее на шею своего приятеля:

— Теперь пойдем, иди вперед!— сказала она волку. Они пошли, залезли в арык под стеной, и волк застрял. Лиса поднялась, влезла на стену, поманила гончих собак. Волка схватили собаки, разорвали на части на дворе падишаха. Лиса же убежала к себе домой.

[РӮБОҲ]

Як подшо буд, чорта тозӣ дошт. Як руз ба шикор буромад, якта рубоя дид, тозиёра сар дод. Тозиё қарибгирӣ кардан, руба гуфт: «Ё девонаи Баҳоваддин, ай амин тозӣ анде халос шавум, ҳафт газ карбос нарзи девона и Баҳоваддин мекунум!»

Тозиё қава кардан, аз тозиё халос шуд, гум шуд. «Девона Баҳоваддин ай гуҷои ман мегира?» Яке тозино пасо-пеш сур каран. «Ҳай, девонаи Баҳоваддин,— гуфтак,— газта биёр, газ кун». Тозино гирифта натонистан, руба халос шуд.

Руба ҷузгиру қаламдона гирифт: «Макка Мадина хондан мерум» — гуфт. Ҷузгиру қаламдона дар миён зер кард, равон шуд, як кавке вохурдуш шуд.

— Гуҷо мерӣ, руба? — гуфт.

Руба гуфт, ки:

— Макка Мадина, хонданӣ мерум.

Кавк гуфт, ки:

— Мана ҳамра намегирӣ, ҷура?

— Ҳамра мегирум,— гуфт.

Кавк ҳам қатиш ҳамра шуд.

— Ай якта дута беҳтар,— гуфт, — мерем! Ҳардуш равон шудан. Як зоғ пайдо шуд.

— Гуҷо мерен, ҷураҳо,— гуфтак.

Гуфтан:

— Макка Мадина, хондан рафта истодем.

Зоғ гуфт:

— Мана ҳамра намегирен?

Руба гуфт:

— Ҳамра мегирем,— гуфт,— ай дутара сета бе, мерем гав зада, гав зада,— гуфт.

Руба ҳамра гирифт, зоғам ҳамра шид.

Рада рафтан як алака вохур шуд.

— Гуҷо мерен? — гуфт алака.

Зоғ гуфт, ки:

— Макка Мадина мерем,— гуфт,— хонданӣ!

— Мана ҳамра намегирен? — гуфт алака.

Зоғ гуфт, ки:

— Ҳамра мегирем, ай сета чорта бе,— гуфт. Ҳамра гирифтанша.

Рада рафтан ҷулике пайдо шуд.

— Мара ҳамра намегирен? — гуфт.

— Мегирем,— гуфтан,— ай чортара панҷта бе, гав зада мерем.

Вайам ҳамра шуд, рафтан.

Рафтан, ки боз яг каргас пайдо шуд.

— Гуҷо мерен, ҷура? — гуфт.

— Макка Мадина хонданӣ мерем,— гуфт алака.

— Мана ҳамра намегирен?—гуфт.—Манам мерам китобхонданӣ.

[ЛИСА]

Был один царь, и было у него четыре гончих. Однажды он пошел на охоту, увидел лису, спустил собак. Собаки почти уж поймали лису, лиса сказала: «О святой Бахауддин, если я спасусь от этих собак, даю обет принести семь аршин карбоса в обитель святого Бахауддина!»

Собаки преследовали лису, она спаслась, исчезла. «Откуда я возьму обещанное святому Бахауддину?» — подумала она. Вдруг собаки снова окружили ее. «Эй, святой Бахауддин,— сказала она,— приноси свой аршин, отмеряй карбос!». Собаки не сумели ее поймать, лиса спаслась.

Взяла лиса кожаный футляр для книг и пенал. «Пойду учиться в Мекку и Медину», — сказала она, повесила на пояс футляр и пенал и отправилась. Навстречу ей попадается куропатка.

— Куда ты идешь, лиса? — спрашивает.

Лиса отвечает:

— Иду учиться в Мекку и Медину.

— Не возьмешь ли меня в попутчики, подружка?

Лиса говорит:

— В попутчики возьму.

Куропатка тоже с ней пошла.

— Чем быть одному, вдвоем лучше, пойдем, — сказала лиса. И пошли они вдвоем. Навстречу им ворон:

— Куда вы идете, друзья? — спросил он.

— Мы идем учиться в Мекку и Медину.

Ворон сказал:

— Не возьмете ли меня в попутчики?

Лиса говорит:

— В попутчики возьмем, трое лучше, чем двое, пойдем себе, разговаривая друг с другом.

Взяла лиса его с собой, ворон пошел с ними.

Отправились в путь, по дороге им встретилась сорока.

— Куда вы идете? — спрашивает сорока.

Ворон сказал:

— Мы идем в Мекку и Медину учиться.

— Меня в попутчики не возьмете? — спросила сорока.

Ворон сказал:

— Возьмем в попутчики, четверо лучше, чем трое.— Пошли они все вместе.

По дороге попался им жаворонок.

— Меня в попутчики не возьмете? — сказал жаворонок.

Сорока сказала:

— Возьмем, пятеро лучше, чем четверо, пойдем, разговаривая друг с другом.

Он к ним присоединился, и они пошли.

Когда они шли, попался им навстречу еще коршун.

— Куда вы идете, друзья?— спросил он.

Алака гуфт, ки:

— Ҳамра мегирем.

Каргасам ҳамра шуд, рада рафтан. Чан ҷулу биёбонда рафтан, яг хирс пайдо шуд. Хирс гуфт, ки:

— Ҷура ҳо, гиҷо мерен?

— Макка Мадина хонданӣ мерем,— гуфт ҷулик.

Хирс гуфт:

— Мара ҳамра гирен, манам мерам.

Ҷулик гуфт:

— Ай панҷтара шашта бе, мерем гав зада.

Хирсам равон шуд, шашта шудан, ра рафтан.

Чанд музофот ра рафтан, як гурге пайдо шуд, сонӣ гург гуфт:

— Гуҷо мерӣ, ҷура?

Хирс гуфт:

— Макка Мадина, хонданӣ мерем, ҷура.

Гургам гуфт, ки:

— Манам мерам. Ун гургам ҳамра шуд рафтан.

Як ғор пайдо шуд, дар ҳамун ғор ҳафта даромадан. Хирс даҳани ғора гирифт, шаштара даруни ғор кард. Рубара буроварду кушт, хурд. Боз навбати гург омад, кушт, хурд. Боз навбати ҷулик омад, буровард, ки нокирӣ, саруш дод: «Ин,— гуфт, лоиқи хурдан не».

Кавга буровард хурд, зоға буровард вая хурд, хирс як руз, ду руз истод даҳани дарда, гушна монд, хест як куҳда рафт акнун. Як сурук гуспанд пайдо шуд. Қавати гуспанда мегарда, алдараш мекуна, яг биста гуспанда новут мекуна, нисп ҳалолу нисп ҳаром.

Дамарда сарои зонура мезана, ки: «Ман ба бой чӣ ҷавоб мегум пага». Яг замоне, ки бой хавар шуд. Ай хонаш хесту суи гуспанд шуд, буромад бой ба пеши дамардаҳо расид.

— Читу хови ғафлат бурдатона, ки ин гуспанда хирс хурд?

Даҳмарда гуфт, ки:

— Тағдиру насибаш ҳамин будай.

Хест, даҳмардара лат кард бой. Даҳмард хесту қар кард, чорта даҳмарда ай гуспанд буромадан, рафтан. Бой даҳмардаҳора нагарцонд.

Гуфт:

— Қаророту сухтак, падарналато, буравен,— гуфт.

Охираш даҳмардаҳо тиёқора миён кардан, нишев шудан. Бой худаш даҳмардагӣ кард, бой худаш гуспанда бонӣ кард.

— Мы идем учиться в Мекку и Медину, — сказала сорока.

— Меня в попутчики не возьмете? И я пойду учиться,— сказал коршун.

Сорока сказала:

— В попутчики возьмем.

Коршун тоже присоединился к ним, пошли они по дороге. Прошли они много степей и пустынь, и попадается им навстречу медведь. Медведь сказал:

— Друзья, куда вы идете?

— Мы идем в Мекку и Медину учиться, — говорит жаворонок.

Медведь сказал:

— Возьмите меня с собой, я тоже пойду.

Жаворонок сказал:

— Шестеро лучше, чем пятеро, пойдем, разговаривая друг с другом.

Медведь тоже отправился с ними, стало их шестеро, и пошли они по дороге.

Прошли они несколько стран, попался навстречу им волк. Волк спрашивает:

— Куда вы идете, друзья?

Медведь сказал:

— Идем учиться в Мекку и Медину, друг.

Волк сказал:

— И я тоже пойду.

И пошли они все вместе с волком.

Появилась какая-то пещера, в эту пещеру вошли все семеро. Вход в пещеру захватил медведь, шестерых он загнал внутрь пещеры. Лису вытащил из пещеры, убил и съел. Потом наступила очередь волка, убил он его и съел. Потом наступила очередь жаворонка. Вытащил он жаворонка, видит, что неподходящий он, отпустил его, сказав: «Этого есть не стоит».

Куропатку вытащил — съел, ворона вытащил и его съел. День-два находился медведь у входа в пещеру, проголодался и пошел на какую-то гору. Попадается ему стадо баранов, начинает он ходить среди тех баранов, всех перепутал, около двадцати баранов загубил — половину чистыми [съедобными], половину — нечистыми.

Пастух бьет себя по коленям: «Что я отвечу баю завтра?» А тут баю все стало известно. Пришел он из дома, направился к баранам, дошел до пастухов:

— Как же вы это проспали, что медвель баранов съел?

Пастухи говорят:

— Такова была их судьба.

Бай стал бить пастухов. Пастухи рассердились, четыре пастуха бросили баранов и ушли. Бай не вернул пастухов. Он сказал:

— Ваш договор не действителен, проклятые отцом, убирайтесь!

Потом пастухи заложили за пояс свои палки и спустились с гор. Бай сам стал пастухом, сам стал пасти баранов.

[РӮБОҲ ВА ЛАКЛАК]

Я руба буду я лайлак, ҳардуш бисьёр ҷура шудан, бад лайлак гуфт:

— Биё, боғи бачаи подшоҳ бирем.

Вай лайлак ба осмон парид рафт, руба ба руи замин рафт, ки: «Ман қатии лайлак равум».

Чанд санг ба замин рафт, ки сухт руба, сари санги баланд шишту гуфт: «Лайлак ба осмон мера, ман ба замин мерум, ман гуҷо мерум?»

Лайлак пешаш омад, бад лайлак гуфт, ки:

— Рав, яг оғила ков, як чахт гир, биё.

Бад рафт, яг чахт гирифт, овард, бад гуфт, ки:

— Ҳамин чахта дар даҳанат меандозум.

Ҳамун чахта дар даҳанаш андохт, гуфт, ки:

— Тори осмон мебарамат, агар «воҳ» гӯй мезанӣ, дар [замин] ягмарг мешӣ!

Чахта дар даҳанаш андохт, тори осмон баромад, руба яке «воҳ», гуфт, зад дар та ягмарг шуд, лайлак шишту гирист, гирист, хест ба осмон парид рафт.

[ЛИСА И АИСТ]

Были лиса и аист, очень они подружились. Как-то аист сказал:

— Давай отправимся в сад сына падишаха!

Аист полетел по небу, а лисица по земле пошла, думая: «И я с аистом пойду».

Прошла она несколько сангов по земле, вся испеклась [от жары], села на высокий камень и думает: «Аист-то по небу летит, а я по земле, куда же я пойду?»

Тут аист спустился к ней и говорит:

— Ступай, поищи где-нибудь в хлеву крюк и принеси сюда!

Пошла лиса, нашла крюк, принесла, аист говорит:

— Этот крюк я тебе в рот засуну.

И засунул этот крюк в рот лисицы, потом сказал:

— Я тебя на небо подниму, но если ты крикнешь «ох!» — упадешь вниз и тут же умрешь!

Аист закрепил крюк во рту у лисы и поднялся в небо, лиса как крикнет: «Ох!», упала вниз и сразу умерла. Аист сел и плакал, плакал, плакал, потом поднялся и улетел.

[АЙШАИ ГӮШДАРОЗ]

Будас, набудас, як кулӯл будас. Вай як хар доштас, ҳар рӯзи хок мекашондас, пушти хараш яғер шудас. Хокистарба хар ғел задас. Сӯфӣ омада, кулӯла ошба ҷуғ задас, хараш аз пушташ рафтан гирифтас, як қӯшқор буромадас.

— Ҳа, Айши гӯшдароз, гуҷо мерӣ? — гуфтас.

— Мана соҳибам бисьёр хок кашонд, пуштам яғер шуд, сайлба мерам, яг алафхӯриба мерам,— гуфт.

Қӯшқор гуфтас, ки:

— Манам соҳибам бисьёр ҷанг андохт, шохам пит шуд, манам мерам.

— Якта будим, дута шудим,— гуфт,— рафтан гирифт.

Як хурӯс буромада ҷуғ зад.

— Ҳа, Айши гӯшдароз, гуҷо мерӣ? — гуфт.

— Бисьёр хок кашондам, як алафхӯрӣ мерам, пуштам яғер шуд,— гуфт.

Қӯшқор гуфт, ки:

— Манам соҳибам ҷанг андохт, шохам пит шуд, манам мерам,— гуфт.

Хурӯс гуфт, ки:

— Манам соҳибам ҷанг монд, нӯлам пит шуд.

— Якта будим, дута шудим, дута будим, сета шудим,— гуфта, бурафтан гирифтан.

Як муш буромад ат таги девол.

— Ҳа, Айши гӯшдароз, гуҷо мерӣ? — гуфт.

— Бисьёр соҳибам хок кашонд, пуштам яғер шуд, алафхӯрӣ мерам сайлба!

Муш гуфт, ки:

— Манам хона кофтам, нӯлам пит шуд, манам мерам.

— Якта будим, дута шудим, дута будим, сета шудим, сета будим, чорта шудим,— гуфта, бурафтан гирифтан. Як даштба рафтан, пеши алаф газидагӣ, охираш нагазидагӣ.

Як гург омад.

— Айши гӯшдароз, ним чоряк гӯшти қарзита те! — гуфт.

Хар гуфт, ки:

— Ҳоли ман хароб, гашта биё, ман фарбе шавам сонӣ мегирӣ!

Гург монда бурафт. Хар шутур боин шуд, қӯшқор хар боин шуд, мурғ гӯспанд боин шуд, муш мурғ боин шуд.

Сонӣ гург як даштӣ буромада, улик кашидан гирифт, гурги бисьёр ҷам шуд. Сонӣ гуфт, ки:

— Шумуҳон ҳаминҷа иститон, ман хабар гирам, кани хар ҳай-мӣ?

Рафта гуфт, ки:

[ДЛИННОУХИЙ АЙША]

Был ли, не был ли — был один гончар. У него был осел. Возил он на нем каждый день землю, спина у осла стала в ранах. Вывалялся осел в золе. Пришел суфий, позвал гончара есть плов, осел пошел за ними. Вышел один баран:

— А, длинноухий Айша, куда ты идешь?— сказал осел.

— Меня хозяин заставлял много земли возить, спина стала в ранах, иду на прогулку, иду поесть травки.

Баран сказал:

— Меня также мой хозяин часто посылал в бой, рога у меня пообломались. Я тоже пойду.

— Был один — стало двое,— сказали они и отправились.

Вышел петух, закричал:

— А, длинноухий Айша, куда ты идешь?

Осел сказал:

—Много я земли перетаскал, иду поесть травки — спина стала в ранах.

Баран сказал:

— Меня также мой хозяин часто посылал в бой. Мои рога пообломались, и я иду.

Петух сказал:

— Меня хозяин тоже посылал в бой, у меня сломался клюв.

— Был один — стало двое, было двое — стало трое,— сказали они и пошли.

Вышла из-под стены мышь.

— Эй, длинноухий Айша, куда ты идешь?

— Меня хозяин часто заставлял землю возить, спина в ранах стала, иду на прогулку травы поесть.

Мышь сказала:

— Я тоже рыла дом — поистерся мой нос, я тоже пойду.

— Был один — стало двое, было двое — стало трое, было трое — стало четверо,— сказали они и отправились.

Пришли они в одну степь — впереди трава поедена, а в конце не съедена.

Пришел один волк:

— О длинноухий Айша, отдай мне мой долг — полчетверти мяса.

Осел сказал:

— Я сейчас тощий, приходи попозже, я разжирею, потом возьмешь!

Волк оставил их и ушел. Стал осел как верблюд, баран сделался как осел, петух стал как овца, мышь стала как курица.

Вышел потом волк в степь, начал выть. Много собралось волков. Потом сказал тот волк:

— Қарзита те!

Хар гуфт, ки:

— Аг гуҷом, ки газӣ газ.

Гург ак кӯкракаш газид, хар ду пош катӣ қис кард гурга, қӯшқор омада ду шохаш катӣ задан гирифт гурга, хурӯс а ин теппа ба ин теппа буромада қиғғас карда, ҷуғ задан гирифт. Муш ҳа гуфта, замина кофтан гирифт, хар якбора гурга сар дод, гург гурехта рафт.

Гургоба гуфт, ки:

— Қочинглар, қочинглар, бир қисмини чоғи чоқ акан, ки ҳа деп одамни қисар акан. Бир калта қӯваки бор акан, ки ҳа деп одамни урар акан. Бир сӯфиси бор акан, ки ҳа деп салоти ҷаноза деп бу теппага чиқди, у теппага чиқди, бир гурковӣ бор акан, ки бир дамга мингта гӯр кавлар акан.

Сонӣ-бад вайо бурафтан. Хар хони соибашба бурафт, қӯшқорам хони соибашба монда бурафт, мурғ хони соибашба бурафт, муш хонашба бурафт, ба муроду махсадаш расид.

— Вы здесь побудьте, а я пойду узнаю, там ли осел.

Пошел волк и сказал ослу:

— Отдай мне мясо, которое должен.

Осел сказал:

— Кусай с любого места.

Волк укусил его за грудь. Сдавил осел волка двумя ногами, баран подошел, начал бить волка своими рогами, петух, летая с одного холма на другой, начал кукарекать, начал кричать. Мышь начала рыть землю, отпустил сразу осел волка, пустился волк бежать. Сказал он волкам:

— Бегите! Бегите! Есть там один сжиматель, который здорово сжимает людей. Имеется у них короткая колотушка, которая со всей силой бьет людей. Имеется у них суфий, который, усердно провозгласив молитву по покойнику, взлетает то на один холм, то на другой. Есть у них один могильщик, который в один момент выкапывает тысячу могил.

Потом они отправились. Осел пошел в дом хозяина, и баран ушел в дом своего хозяина, петух пошел в дом к своему хозяину, мышь пошла к себе домой. Достигли своей цели и желания.

[БУЗАКИ ҶИНГИЛОПО]

Будас, набудас, як бузаки ҷингилапо будас. Ду баччеш будас. Яктеш Алӯл, яктеш Булӯл. Хонаҳошон будасу очаҳошон ҳар рӯз наздикашонба об будас, лаби обба авқот мекадас. Ишкамаш, ки сер шут, хонешба омада, таги дарба тақ-тақ мекадас:

— Алӯли ман, Булӯли ман, дарата кушо, ман шохамба алаф, пистонамба шир, даҳанамба об овардам.

Бачаҳош буромада дара мекшону сонӣ алаф, об, шири очеш овардагия мехӯран. Очеш боз гашта мерӯт алафба.

Танҳо мондани бачаҳои буза шағол мефаҳмат. Яг рӯз бузаки ҷингилапо алафхӯрӣ рафтанба шағол омада, авозаша худди бузаки ҷингилапо барин када тақ-тақи дар мекунат. Алӯлу Булӯл: «Очем омат»,— гуфта, дара мекушот. Шағол инҳоя хӯрда, деволҳоя хун карда, дара калон кушода мерӯт.

Буз омада мебинат, ки бачаҳош нест, деволҳо хун. Даррав чизҳои овардагеша партофта болои боми шағол мерӯт. Сонӣ почеш кати бома задан мегират. Шағол ад даруни хона истода, мегӯт:

— Кист, кист дар бомаки ларзонаки мо?
Шӯр шут ошаки явғонаки мо.
Кӯр шут меҳмони азизаки мо?

Буз аз боли бом истода мегӯт:

— Манам, манам бузаки ҷингилапоям,
Мезанам ба ҳар ду поям.
Алӯлама ту хӯрде,
Булӯлама ту хӯрде,
Буро ба ҷанги шохам.

Сонӣ шағол мегӯт, ки:

— Ҷӯра,— мегӯт,— имрӯз меҳмонам ҳаст, пага пеши усто мерем, ту шохата, ман дандонама тез мекунам.

Бузаки ҷингилапо хонешба омада, аш шири худаш ҳафта фатир сохта, тайёр када мемонат. Шағол мебиёт бе фатир. Чӣ гуфтанаша надониста, аз гуи хушшудагеш як латтаба баста мегират.

Сонӣ дуяшон пеши усто мерӯн. Усто фатирои буза гифта шохаша тез мекунат. Чизи шағол бурдагия рехта партофта, дандонҳоша канда, ҷояшба чигит мешинонат. Сонӣ дуяшон аз ҷӯи калон об мехӯран. Дандонҳои шағол ҳаммеш обба буромада мерӯт.

А унҷа дуяшон майдонба омада, ҷанг мекунат. Бузаки ҷингилапо аз дур омада ишками шағола мезанат, бачаҳош буромада, очешба мечаспаду ҳамин катӣ муроду махсадашонба мерасан.

[КОЗОЧКА-МОХНАТЫЕ НОГИ]

То ли было, то ли не было, а была одна козочка-мохнатые ноги. У нее было два детеныша. Один— Алул, один — Булул. У них был дом, а около них была вода, и их мать каждый день ходила на берег кормиться. Когда она наедалась, она приходила домой и стучалась у двери:

— Алул мой, Булул мой, открой свою дверь! Я на рогах своих травы, в вымени своем молока, во рту своем воды принесла.

Детеныши ее выходят, открывают дверь, а потом траву, воду и молоко, принесенное их матерью, едят. Их мать снова уходит за травой.

То, что дети козы остаются одни, узнает шакал. Однажды, когда козочка-мохнатые ноги ушла за травой, шакал приходит и, сделав свой голос как раз таким, как голос козочки-мохнатые ноги, стучит в дверь. Алул и Булул, говоря: «Наша мать пришла»,— открывают дверь. Шакал, обоих их съев, забрызгав стены кровью, широко открыв дверь, уходит.

Коза приходит, видит, что ее детей нет. Стены окровавлены. Быстро бросив принесенное ею, идет на крышу к шакалу. Потом она начинает стучать о крышу ногами. Шакал, находясь в доме, говорит:

— Кто, кто на трясущейся крыше нашей?
Соленым стал наш суп без масла,
Ослеп наш дорогой гость.

Коза с крыши отвечает:

— Я, я, козочка-мохнатые ноги,
Стучу обеими ногами.
Алула моего ты съел,
Булула моего ты съел,
Выходи на бой с моими рогами.

Тогда шакал говорит:

— Друг, сегодня у меня гость, пойдем завтра к мастеру, ты свои рога, а я свои зубы наточим.

Козочка-мохнатые ноги, придя к себе домой, из своего молока готовит семь сдобных лепешек. Шакал приходит без сдобных лепешек. Не зная, что ему взять с собой, он завязывает в тряпку свой высохший помет.

Потом оба они идут к мастеру. Мастер, взяв сдобные лепешки козы, точит ей рога. Потом принесенное шакалом высыпает и выбрасывает, вырывает ему зубы, а на место их садит хлопковые семена. Потом оба они идут и пьют воду из большого арыка. Зубы шакала все уплывают с водой.

Оттуда оба идут на площадь и сражаются. Козочка-мохнатые ноги, разбежавшись издалека, ударяет в живот шакала. Ее дети выходят, цепляются за свою мать и таким образом достигают исполнения своих желаний.

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Аноним
Т011 Т031 Т023 Т027 Т361—Т399

А. Абдуллоев
Т100

Р. Амонов
Т014 Т015 Т016 Т017 Т018 Т032 Т034 Т074 Т075 Т076 Т079 Т081

Амонов, Раджаб (р. 1923, Ура-Тюбе).

1939—1947 — Педагогический институт в Душанбе, затем аспирантура; тогда же начал сбор фольклора в Кулябе и других местах Таджикистана. Организатор и руководитель Отдела фольклора Института языка и литературы им. Рудаки в Душанбе. Доктор филологических наук, профессор. Член-корреспондент АН ТаджССР.

Сведения из кн. «Писатели Таджикистана», Душанбе, 1966, стр. 39—41; библиографию печатных работ см.: М. Негматов, Фольклористика Таджикистана, Душанбе, 1971 (дисс. на тадж. яз.)

М. С. Андреев
Т392 Т393

Андреев, Михаил Степанович (1873, Ташкент — 1948, Душанбе).

1883—1889 — Гимназия и учительская семинария в Ташкенте. С конца XIX в. участвовал в этнографических экспедициях в Индии, Афганистане, Таджикистане и Узбекистане. Удостоен ряда научных и почетных званий как автор многочисленных трудов.

Сведения в кн. «Памяти Михаила Степановича Андреева», Сталинабад, 1960, стр. 3—20, где имеется и библиография. Н. М. и Х. Ф. Акрамовы, Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк), Душанбе, 1973.

Р. Ахмадов
Т115 Т122 Т190

У. Ахмадова
Т262

Д. Аюбова
Т142

Ф. Бахриев
Т179

Н. Бехбуди
Т279 Т280

А. Гафуров
Т186 Т187 Т188

С. Гозиев
Т186 Т186 Т187 Т188

Г. А. Дзагуров
Т376 Т377 Т378 Т380 Т384 Т386 Т388

Дзагуров, Григорий Алексеевич (1888, Осетия—1979, Орджоникидзе).

В 1912 г. окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Еще в студенческие годы начал собирать фольклорные материалы в Осетии. В годы Великой Отечественной войны, оказавшись вблизи Ташкента, стал записывать сказки от таджиков, родственный язык которых он понимал. Эта коллекция позднее была приобретена Институтом языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР, где она хранится как персональный фонд [ФД] выдающегося советского собирателя.

Жизнь и деятельность ученого описаны им самим в книге «Осетинские народные сказки», М., 1973.

Ф. Зехниева
Т047 Т101 Т102 Т105 Т106 Т113

Р. Ёров
Т296

К. Иноятов
Т284 Т305

Х. Караев
Т039

Р. Кодиров
Т369 Т371 Т372

З. Кодирова
Т140

Ф. Курбонов
Т174

С. Маликов
Т360 Т362 Т363 Т365

А. Мамадюнусов
Т320

Б. Мансуров
Т251

Н. Мансуров
Т141

Н. Масуми
Т133

С. Махдиев
Т347

М. Миркамолова
Т096

Ф. Муродов
Т255 Т300

А. Назарова
Т092

Б. Ниёзмухаммадов
Т258 Т417 Т418 Т419

С. Норматов
Т225 Т227 Т228 Т229 Т230 Т237

Д. Носирова
Т157

Е. М. Пещерева
Т394 Т395 Т396

Пещерева, Елена Михайловна (р. 1897, в Петро-

алаксандровске, ныне Турткуль, Каракалпакской АССР).

1919—1925 — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент), тогда же начала сбор фольклора в горном Таджикистане под руководством М. С. Андреева. 1929—1937—старший преподаватель таджикского и персидского языков в Ленинградском государственном университете. Затем до 1966 старший научный сотрудник Ленинградского отделения Ииститута этнографии АН СССР. Доктор исторических наук. Имеет исследования, преимущественно по этнографии и диалектологии.

Сведения: Р. Ахмадов в газ. «Маориф ва маданият» (Душанбе) от 13.6.1972 и устная информация автора. Библиографию см.: Б. В. Лунин, Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, т. II, Ташкент, 1977, стр. 23—25.

Д. Рабиев
T203 T207 T208 T211 T212 T213

Х. Рахматов
T064 T083

Г. Рахматова
T052 T215 T217

Б. Рахимзода
T133

Н. Рахимов
T133

Б. Рахимова
T338

Н. Сафоев
T245

Б. Собиров
T062

М. Султонов
T288 T291 T346

О. А. Сухарева
T001 T004 T412

Сухарева, Ольга Александровна (р. 1903, Самарканд).

1921—1927 — Среднеазиатский государственный университет (Ташкент), тогда же начала сбор фольклора в окрестностях Самарканда, Шахристана и Бухары. 1934—1946—научный сотрудник Музея истории культуры Самарканда. 1946—1968—старший научный сотрудник Института истории и археологии АН УзбССР. С 1969 старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР в Москве. Доктор исторических наук.

Сведения: М. Негматов, Фольклористика Таджикистана, Душанбе, 1972 (дисс. на тадж. яз.). Библиографию см.: Б. В. Лунин, Биобиблиографическне очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, т. II, Ташкент, 1977, стр. 157—160.

У. Тураев
T108

Н. Убайдуллоев
T153

М. Халилова
T144

Н. Хидоева
T327

К. Хисомов
T053 T054

М. Холов
T042 T043 T049 T240

М. Худоёров
T120

Н. Шакармамадов
T044

А. Шарофов
T348 T352 T354

Б. Шермухаммадов
T116

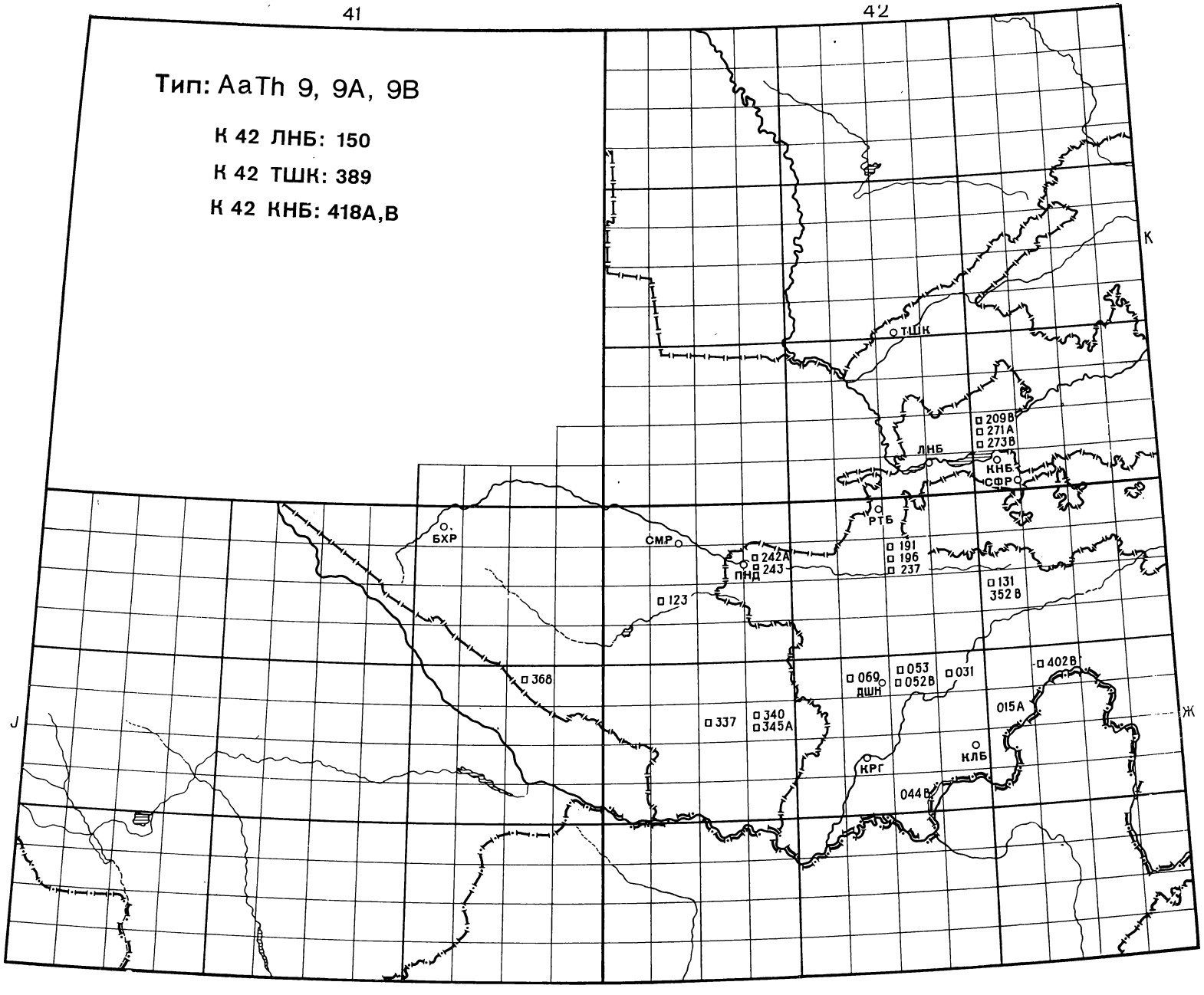
СПИСОК РАССКАЗЧИКОВ ПУБЛИКУЕМЫХ ТЕКСТОВ

Аноним К42 903б
Т142
Аноним К42 ТШК
Т392 Т393
Аноним Ж42 107г
Т001 Т004
Аноним Ж42 503
Т394 Т395 Т396
Аноним Ж42 514а
Т296
Аноним Ж42 РТБ
Т262
Абдукадирходжа К42 СФР
Т187
Абдуллоев Арслон Ж42 СМР
Т100
Азизов Мухаббат Ж42 602а
Т133
Азизов Хомид Ж42 503
Т280
Алиев Раджаб Ж42 515б
Т042 Т043
Алиматов Гулшан К42 909б
Т174
Амонов Устосаид К42 811г
Т284
Ахмадов Мамад Ж42 СМР
Т116
Богирова М. К42 СФР
Т188
Валиев Мирзо Ж42 605в
Т018
Гурезов Чилла Ж42 503в
Т053 Т054
Давлатов Савзали Ж42 515б
Т044
Джабборов Бобоназар К41 912
Т415
Девонаев Файзулло Ж42 309
Т352
Дустова Хиромонгул Ж42 601в
Т096
Исмаилова Ёкут Ж42 107
Т106
Каландаров Зайдулло Ж42 504г
Т031
Косимов Абдурашид Ж42 309г
Т354
Мавлонов Субхонберди Ж42 207б
Т227
Маликова Ф. Ж42 207б
Т362
Мамадюнусов А. К42 901в
Т320
Мансуров Ботур Ж42 ДШН
Т251
Махмудов Юнус Ж42 РТБ
Т206
Мирзоев Абдулхай Ж42 601в
Т011
Мирзоев Мухтор Ж42 111в
Т371 Т372
Мирзоалиев Эрали К42 909б
Т240
Миррахим Ж42 РТБ
Т399
Мирумаров Мирраби Ж42 РТБ
Т212
Мирумарова Тоджинисо Ж42 РТБ
Т207 Т208 Т231
Муродов Нурали Ж42 ДШН
Т047 Т300
Муродова Бибималика Ж42 501б
Т081
Муродова Мухаббат Ж42 502в
Т092
Наджмиддинходжа К42 СФР
Т186
Назаров Авазбадал Ж42 206в
Т190
Назаров Гоиб Ж42 207б
Т360
Назаров К. К42 ЛНБ
Т140
Наимов Халил Ж42 107а
Т101 Т102
Насриддинов Камол Ж42 503
Т279
Неъматуллоев Джума Ж42 605
Т015 Т016 Т017
Неъматуллозода Шоим К42 ТШК
Т376 Т377 Т378 Т380 Т384
Т386 Т388
Нишонова Шохлар Ж42 303а
Т215 Т217
Нозимов Абдулхафиз К42 811г
Т305
Норова Холчучук Ж42 107а
Т105
Носиров Абдугаффор К42 ЛНБ
Т157
Нуралиев Джалил Ж42 601в
Т032 Т034
Обидова Бахри К42 ЛНБ
Т144
Одинаев Иброхим Ж42 605в
Т023 Т361
Одинаев Нор Ж42 207б
Т288
Одинаходжаев Джура Ж42 207б
Т237
Олимов Ахмад К42 816а
Т153
Паршиев Муллокаро К42 907а
Т211
Пирмухаммадзода Ж42 СМР
Т412
Пирмуродова Зеварой Ж42 503г
Т052
Почоев Абдусалом Ж42 207а
Т209 Т230
Рахимов Сафарали Ж42 515б
Т049
Рахимов Хаким Ж42 103в
Т108
Рахимов Халил Ж42 502в
Т083
Рахимова Барфи Ж42 408
Т338
Рахматов Иззат Ж42 502
Т064
Ризо Ж42 ДШН
Т245
Рустамов Бахром К42 816а
Т179
Саидов Бури Ж42 502а
Т079
Саидалиев Хикмат Ж42 504
Т039
Саидмуродова Хурмат Ж42 502а
Т075
Салимов Сунъат Ж42 502а
Т076
Сангинов К42 КНБ
Т258
Сангинова Бихалима К42 816
Т141
Солехова Бибираджаб Ж42 207
Т365
Султонов Махмадмурод Ж42 507
Т288 Т291 Т346
Тиллоев Убайд Ж42 601в
Т014
Тошев Ходжа Ж42 207б
Т363
Хайдарова Мусаввара Ж42 СМР
Т113
Хамроев Юсуф Ж41 603б
Т369
Хафизов Мирзо Ж42 605в
Т027
Хидоева Назокат Ж42 408
Т327
Хикмат Ризо Ж42 ДШН
Т255
Хомидов Бахриддин Ж42 502а
Т074
Худоёров Махмуд Ж42 107
Т120
Худойбердиева Зухро Ж42 110г
Т122
Шарифов Абдурахмон Ж42 309г
Т348
Шарифов Мирзо Ж42 503
Т062
Шодиев Гаффор Ж42 207б
Т225
Шомуродов Иброхим К42 902в
Т331
Юнусов Ю. Ж42 502
Т347

ХРОНОСОЦИОГРАММЫ И КАРТОГРАММЫ
КОДИФИКАТОР СТИЛИСТИКИ
УКАЗАТЕЛЬ СТИЛИСТИКИ
КАТАЛОГ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ
(TYPENREGISTER)
УКАЗАТЕЛЬ МОТИВОВ

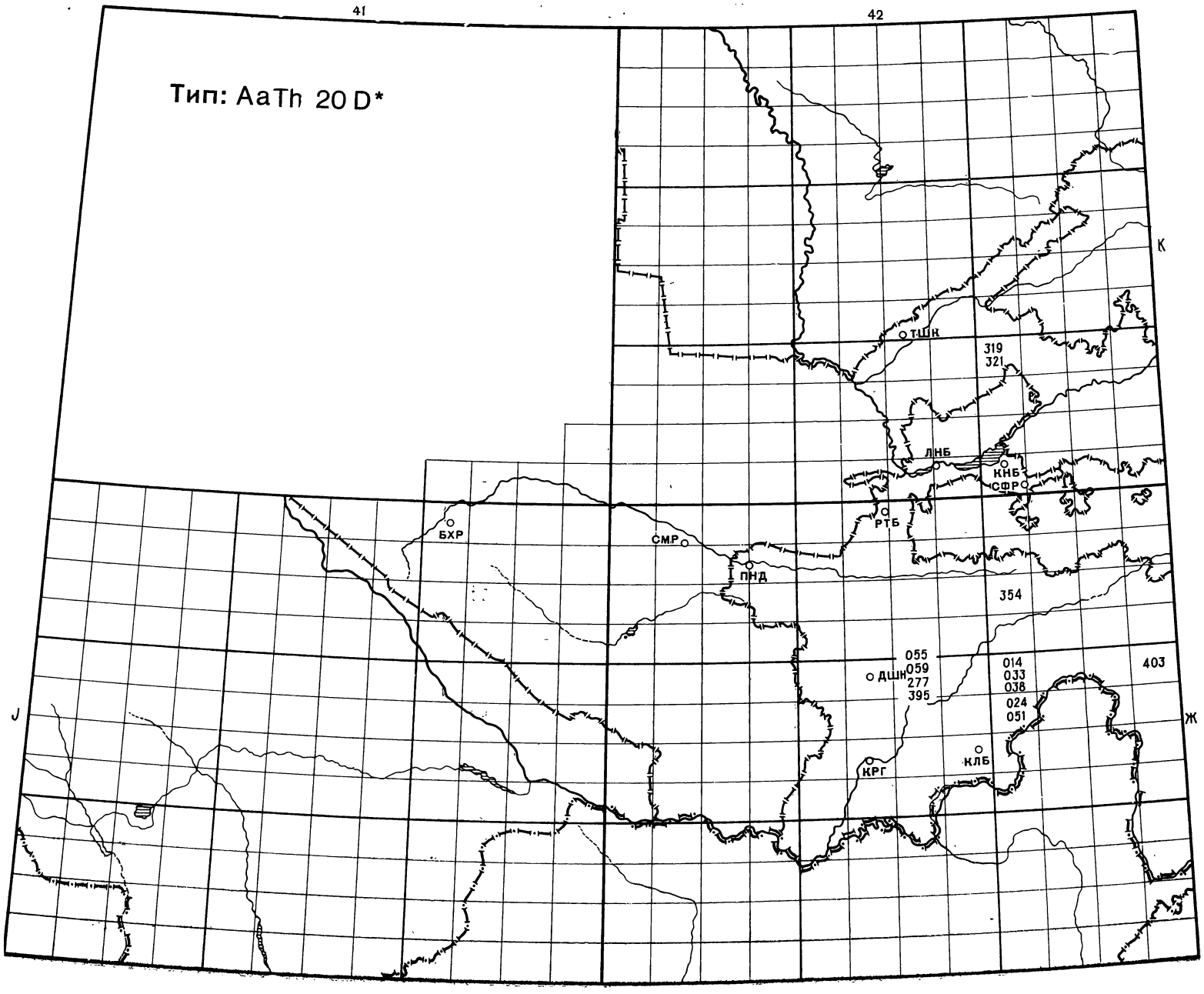
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 9, 9A, 9B

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1936	1	T418									Х М Ж	1
1947	2	T131					T389				Х М Ж	2
1949	1		T402								Х М Ж	1
1950	2		T031	T015							Х М Ж	2
1956	2	T242 T243									Х М Ж	2
1958	2				T196	T368					Х М Ж	2
1959	3		T191			T069			T123		Х М Ж	1 2
1960	1					T044					Х М Ж	1
1961	4	T271 T273	T052						T053		Х М Ж	3 1
1964	1						T209				Х М Ж	1
1966	6		T337 T340 T345			T237 T352		T150			Х М Ж	5 1
ИТОГ	25	6	7	1	1	5	2	1	2		Х М Ж	3 18 4

41
42
Тип: AaTh 9, 9A, 9B
К 42 ЛНБ: 150
К 42 ТШК: 389
К 42 КНБ: 418A,B
К
Ж
ТШК
209B
271A
273B
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
242A
243
ПНД
191
196
237
131
352 B
123
368
069
ДШН
053
052B
031
402B
015A
337
340
345A
КРГ
КЛБ
044B

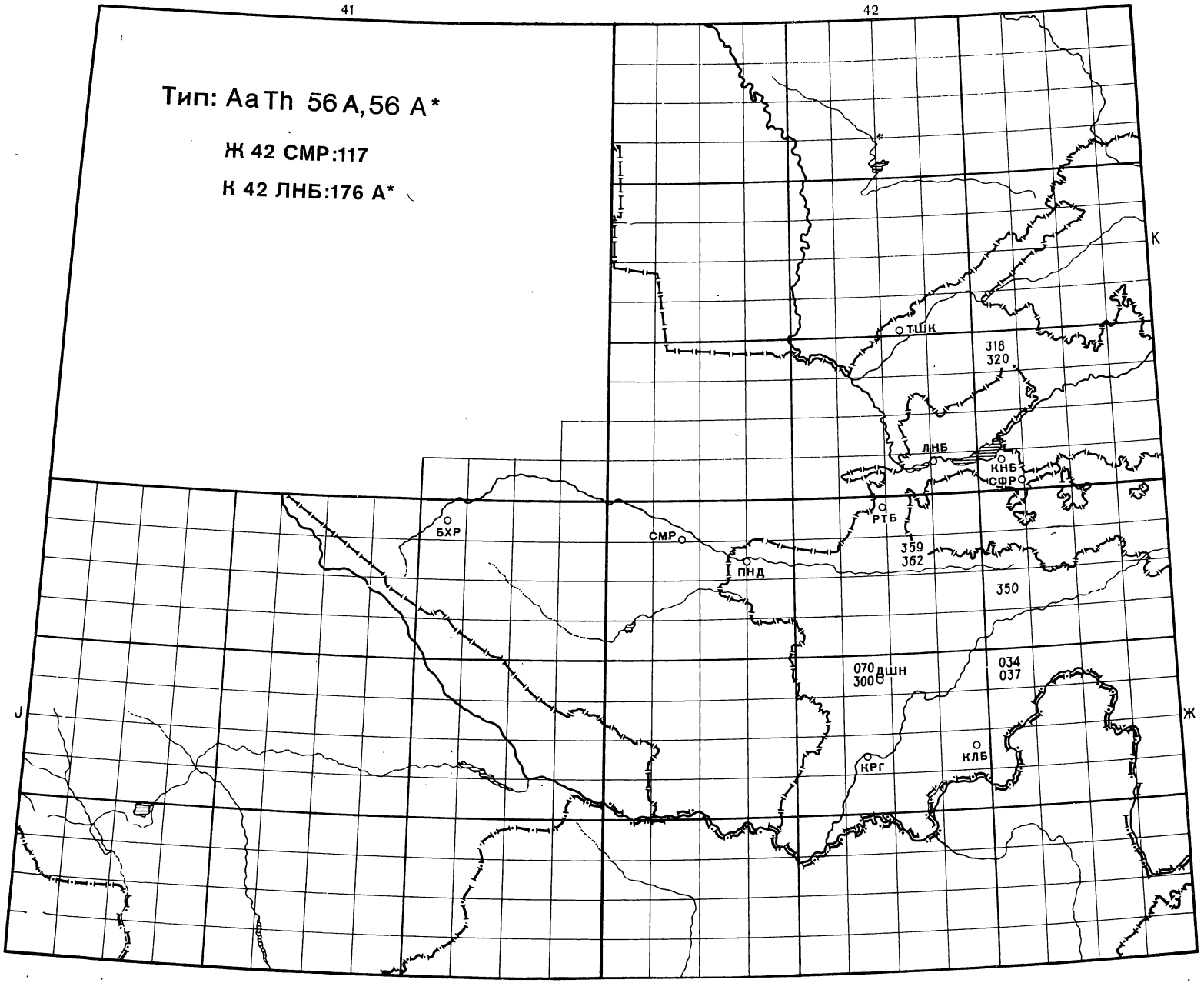
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 20D*

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОП	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1924	1	T395									Х М Ж	1
1948	1								T033		Х М Ж	1
1950	3	T014	T024		T038						Х М Ж	3
1957	1								T403		Х М Ж	1
1960	2	T321							T051		Х М Ж	2
1961	3	T319							T055 T277		Х М Ж	3
1962	1								T059		Х М Ж	1
1966	1						T354				Х М Ж	1
ИТОГ	13	4	1		1		1		6		Х М Ж	1 12

Тип: AaTh 20 D*
41
42
К
Ж
Т.ШК
319
321
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
354
055
059
277
395
ДШН
014
033
038
024
051
403
КЛБ
КРГ

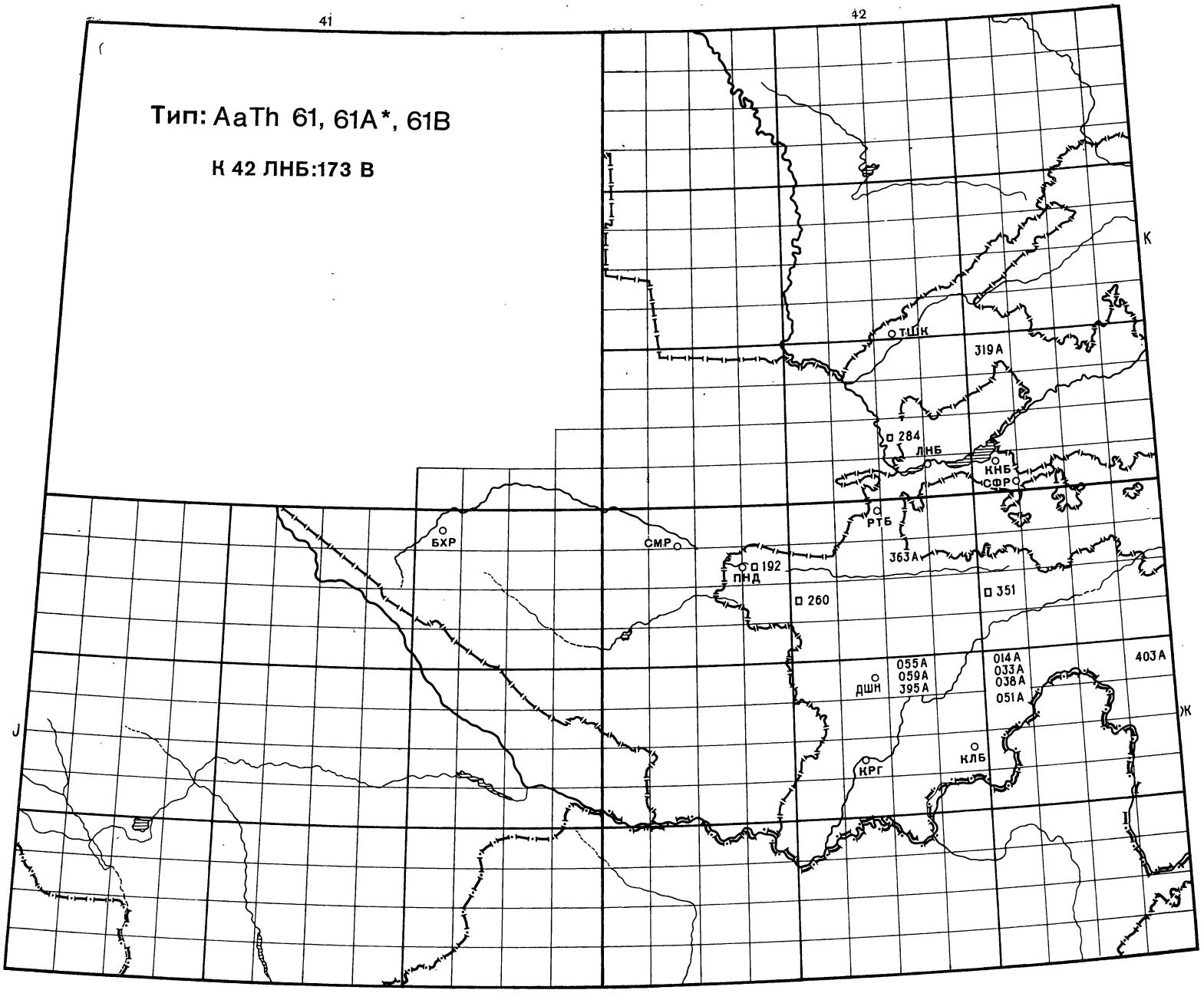
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh_56A, 56A*

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1948	1								T034		Х М Ж	1
1950	1				T037						Х М Ж	1
1959	2		T070 T117								Х М Ж	2
1961	2	T318 T320									Х М Ж	2
1965	1	T300									Х М Ж	1
1966	4				T176			T350	T359	T362	Х М Ж	3 1
ИТОГ	11	3	2		2			1	2	1	Х М Ж	10 1

Тип: Aa Th 56 A, 56 A*
Ж 42 СМР:117
К 42 ЛНБ:176 А*
41
42
К
Ж
ТШК
318
320
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
359
362
350
070
300
ДШН
034
037
КРГ
КЛБ

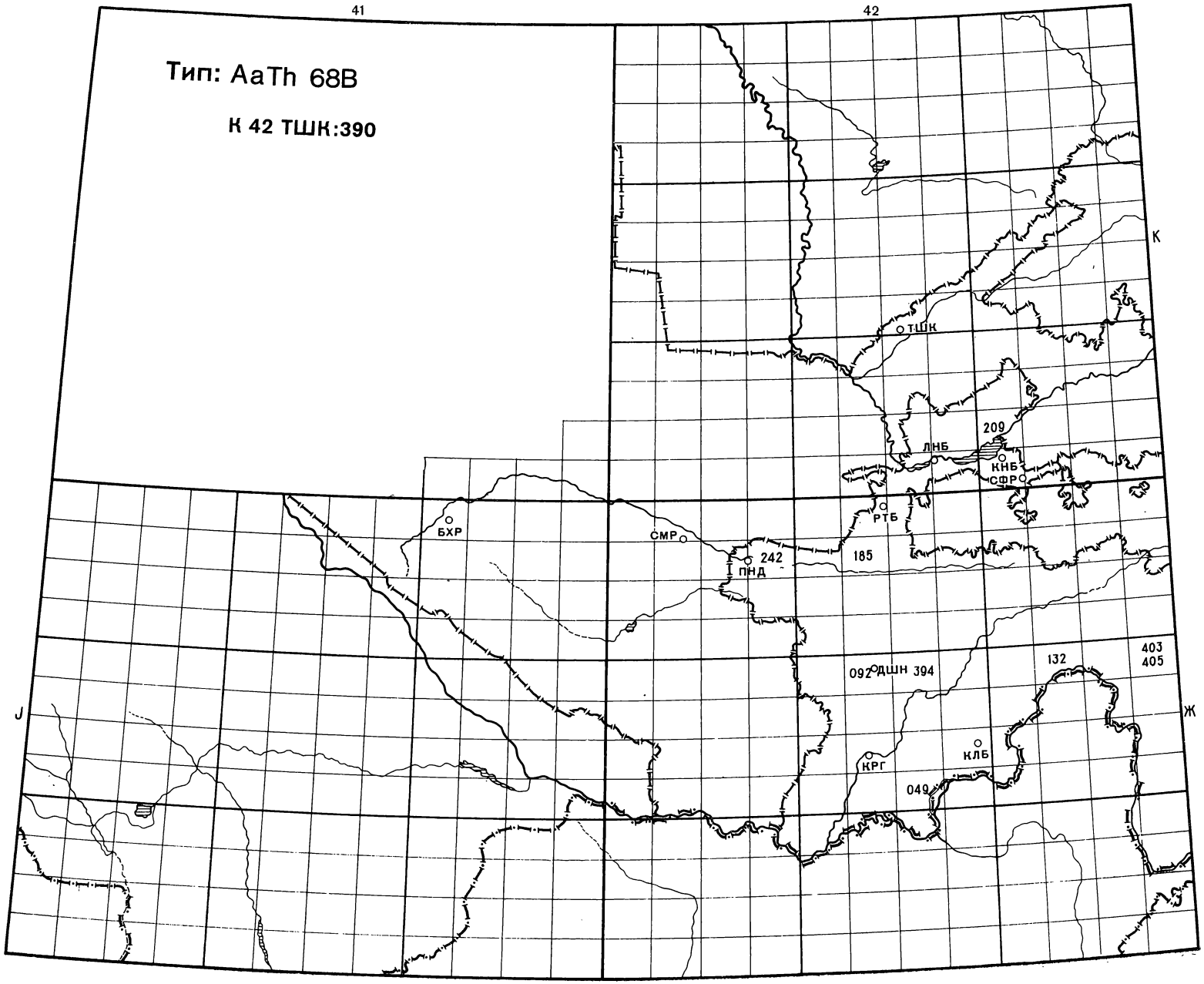
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 61, 61A*, 61B

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОП	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1924	1	T395									Х М Ж	1
1948	1								T033		Х М Ж	1
1950	2	T014			T038						Х М Ж	2
1955	1								T192		Х М Ж	1
1956	1		T260								Х М Ж	1
1957	1								T403		Х М Ж	1
1960	1								T051		Х М Ж	1
1961	2	T319							T055		Х М Ж	2
1962	2								T059	T284	Х М Ж	2
1966	3	T173			T351				T363		Х М Ж	2 1
ИТОГ	15	4	1		2				7	1	Х М Ж	1 13 1

Тип: AaTh 61, 61A*, 61B
К 42 ЛНБ:173 В
41
42
К
Ж
ТШК
319А
284
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
192
ПНД
260
363А
351
055А
059А
395А
ДШН
014А
033А
038А
051А
403А
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh_68B

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1924	1		T394								Х М Ж	1
1947	1						T132				Х М Ж	1
1948	1						T390				Х М Ж	1
1955	1		T185								Х М Ж	1
1956	1	T242									Х М Ж	1
1957	2			T405					T403		Х М Ж	1 1
1960	1					T049					Х М Ж	1
1964	2				T092		T209				Х М Ж	1 1
ИТОГ	10	1	2	1	1	1	3		1		Х М Ж	8 2

Тип: AaTh 68B
К 42 ТШК:390
41
42
К
Ж
Д
I
ТШК
209
ЛНБ
КНБ
СФРО
РТБ
БХР
СМР
242
ПНД
185
092
ДШН 394
132
403
405
КРГ
КЛБ
049

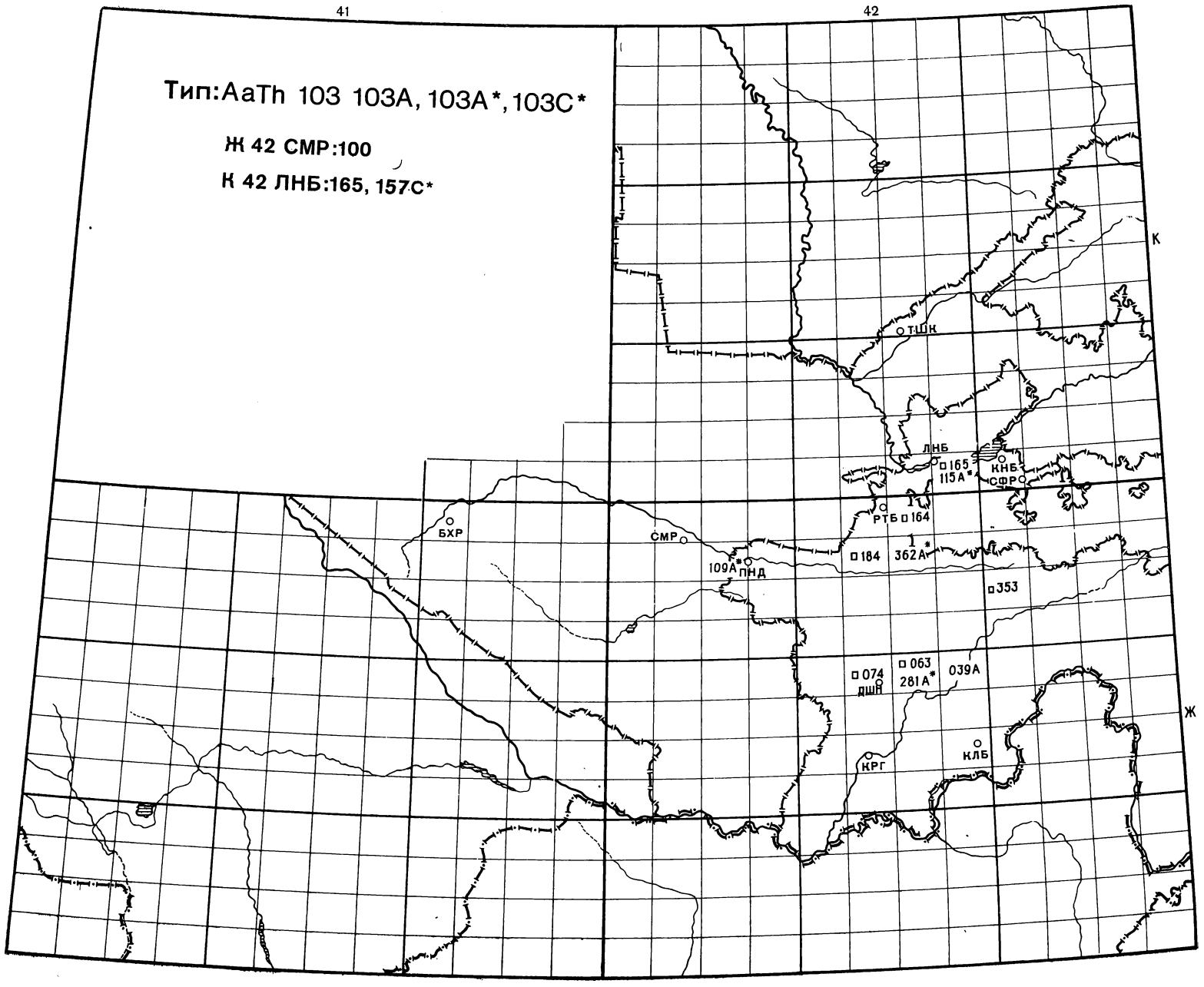
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 92

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1951	2					T079			T088		Х М Ж	2
1955	1	T187									Х М Ж	1
1962	1	T252									Х М Ж	1
1966	3				T179				T232 T365		Х М Ж	2 1
ИТОГ	7	2			1	1			3		Х М Ж	6 1

Тип: AaTh 92
К 42 СФР:137
Ж 42 ДШН:252
К
Ж
42
41
ТШК
ЛНБ
КНБ
СФР
179
РТБ
232
365
ПНД
СМР
088
079
ДШН
КЛБ
КРГ
БХР

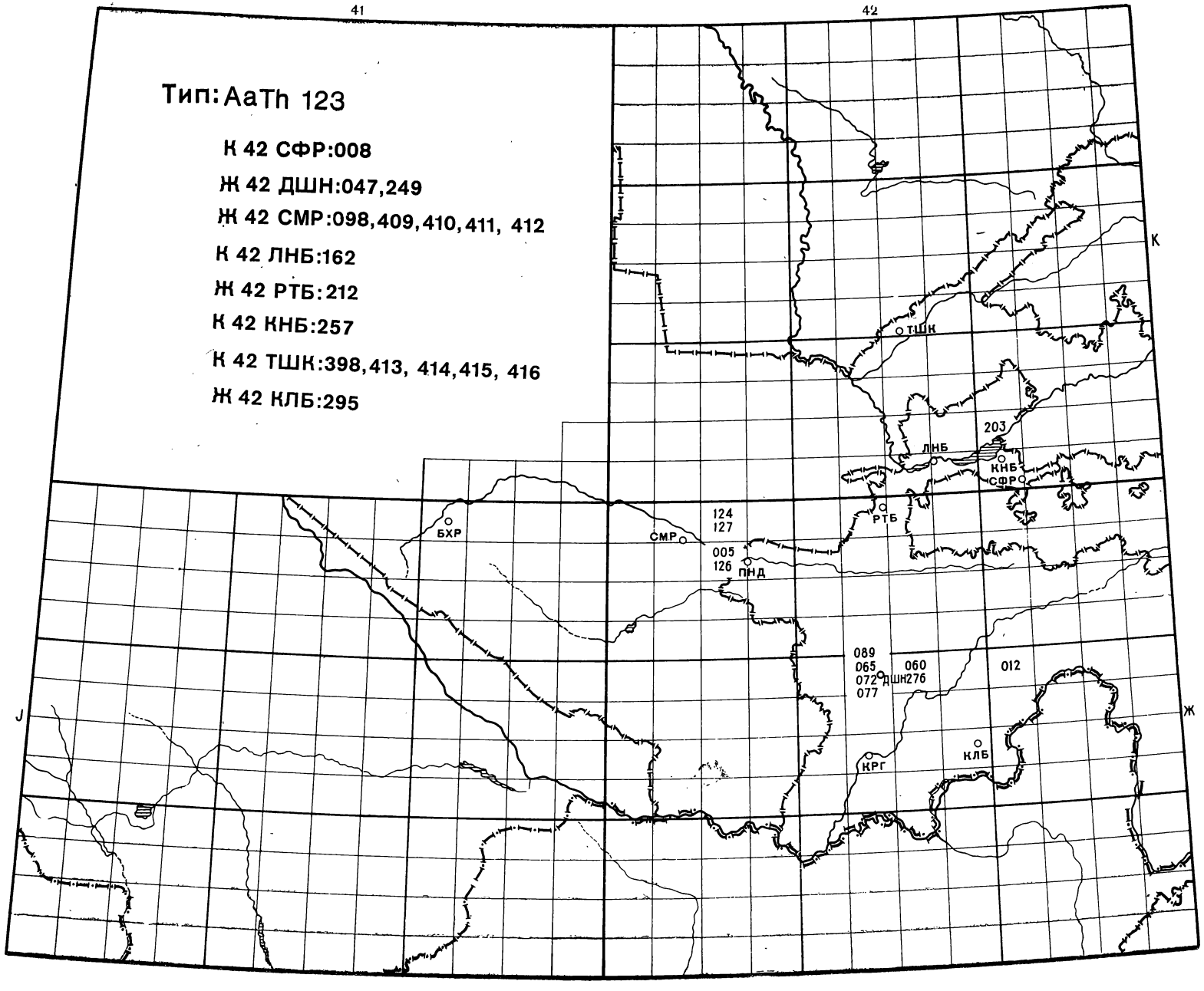
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 103, 103A, 103A*, 103C*

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1950	1		T039								Х М Ж	1
1951	1		T074								Х М Ж	1
1955	1		T184								Х М Ж	1
1958	2	T100		T109							Х М Ж	1 1
1959	1					T063					Х М Ж	1
1961	1	T281									Х М Ж	1
1966	6					T164	T151 T353 T165		T157	T362	Х М Ж	3 3
ИТОГ	13	2	3	1		2	3		1	1	Х М Ж	8 5

41
42
Тип:AaTh 103 103A, 103A*, 103C*
Ж 42 СМР:100
К 42 ЛНБ:165, 157С*
К
Ж
ТШК
ЛНБ
165
115А*
КНБ
СФР
РТБ
164
184
362А*
353
БХР
СМР
109А*
ПНД
074
ДШБ
063
281А*
039А
КРГ
КЛБ

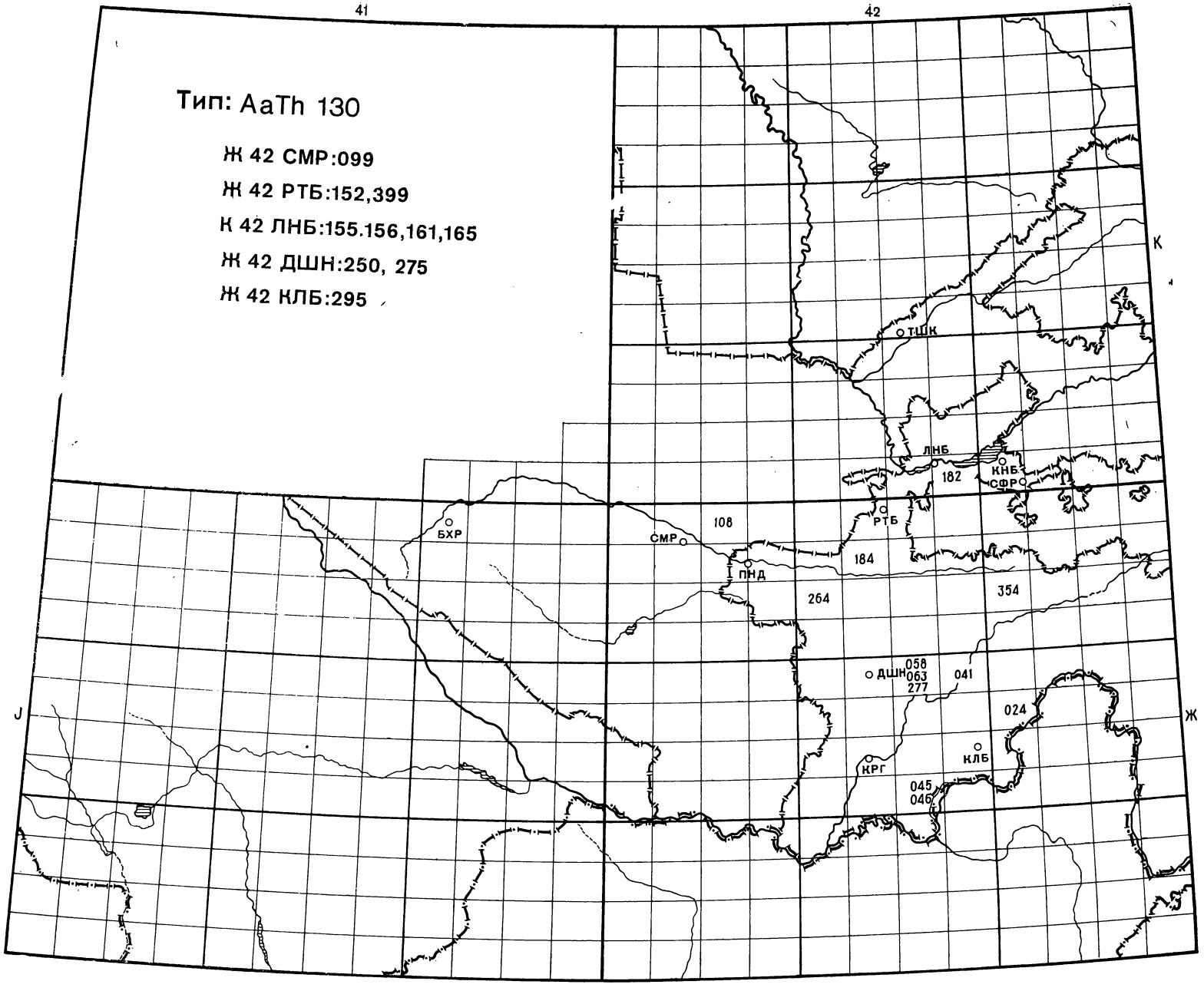
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 123

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1923	1	T410									Ж	1
1925	4	T414 T415	T413 T416								Ж	4
1928	1	T398									Ж	1
1932	1	T409									Ж	1
1933	2	T411 T412									Ж	1 1
1935	1	T008									Ж	1
1937	1	T257									Ж	1
1940	1	T005									Ж	1
1948	1								T012		Ж	1
1951	1	T077									Ж	1
1956	1						T098				Ж	1
1958	1							T203			Ж	1
1959	2		T065		T072						Ж	1 1
1960	6	T295	T089		T047		T124 T126 T127				Ж	1 2 3
1961	1	T276									Ж	1
1962	2	T060 T249									Ж	2
1964	1								T212		Ж	1
1966	1	T162									Ж	1
ИТОГ	29	16	4		2		4		2		Ж	4 16 9

Тип: AaTh 123
К 42 СФР:008
Ж 42 ДШН:047,249
Ж 42 СМР:098,409,410,411, 412
К 42 ЛНБ:162
Ж 42 РТБ:212
К 42 КНБ:257
К 42 ТШК:398,413, 414,415, 416
Ж 42 КЛБ:295
41
42
К
Ж
ТШК
203
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
124
127
005
126
ПНД
089
065
072
077
ДШН276
060
012
КРГ
КЛБ

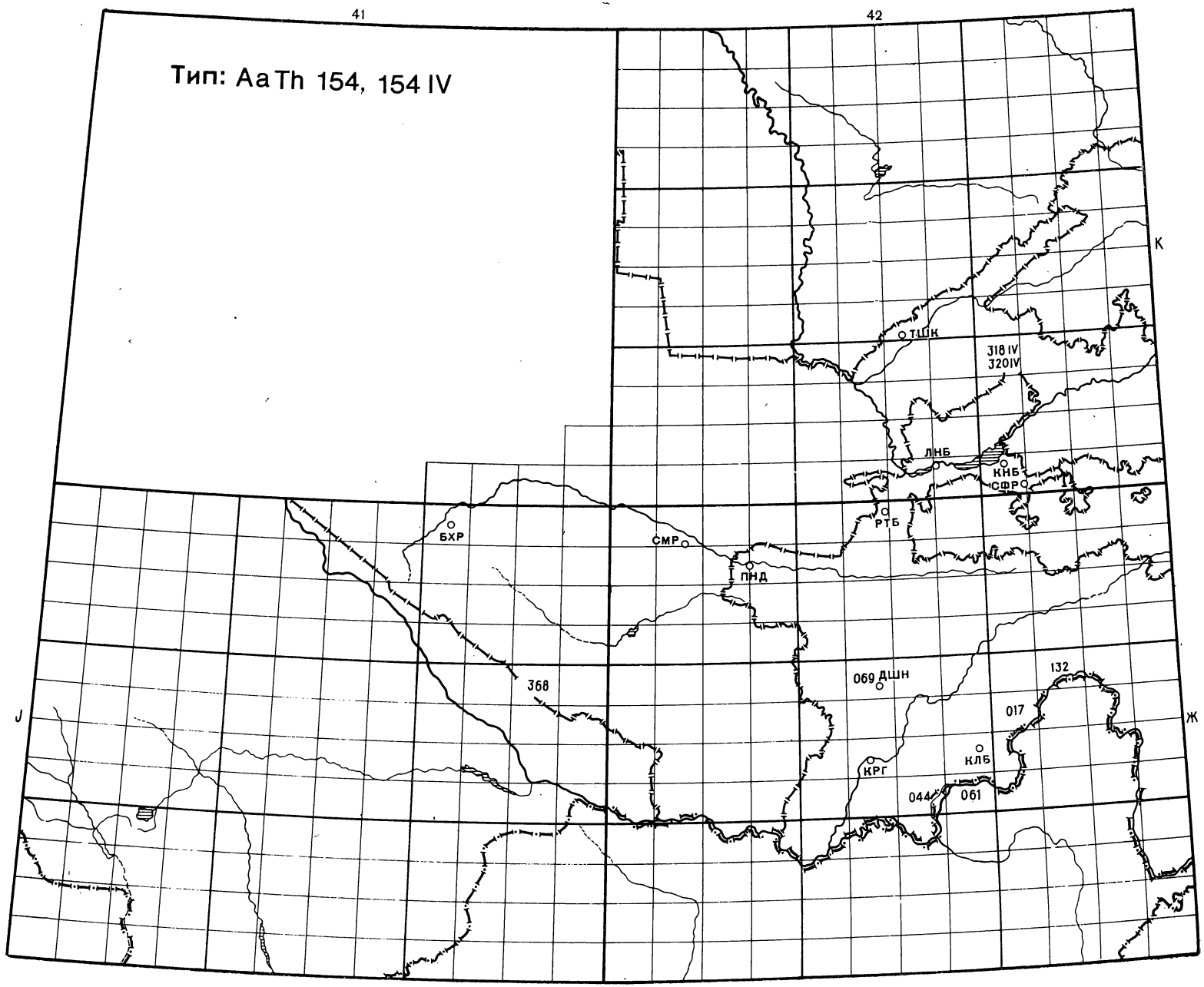
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 130

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОП	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1927	1		T399								Х М Ж	1
1950	1		T024								Х М Ж	1
1955	1		T184								Х М Ж	1
1956	1		T264								Х М Ж	1
1958	1							T108			Х М Ж	1
1959	2	T099				T063					Х М Ж	2
1960	4	T295	T045 T046				T041				Х М Ж	1 3
1961	2								T058 T277		Х М Ж	2
1962	1	T250									Х М Ж	1
1963	1			T275							Х М Ж	1
1966	7	T161 T182				T152	T155 T156 T354 T165				Х М Ж	1 5 1
ИТОГ	22	5	6	1		2	5	1	2		Х М Ж	2 17 3

Тип: AaTh 130
Ж 42 СМР:099
Ж 42 РТБ:152,399
К 42 ЛНБ:155.156,161,165
Ж 42 ДШН:250, 275
Ж 42 КЛБ:295
41
42
К
Ж
БХР
СМР
ПНД
РТБ
ТШК
ЛНБ
КНБ
СФР
ДШН
КРГ
КЛБ
108
184
264
182
354
058
063
277
041
024
045
046

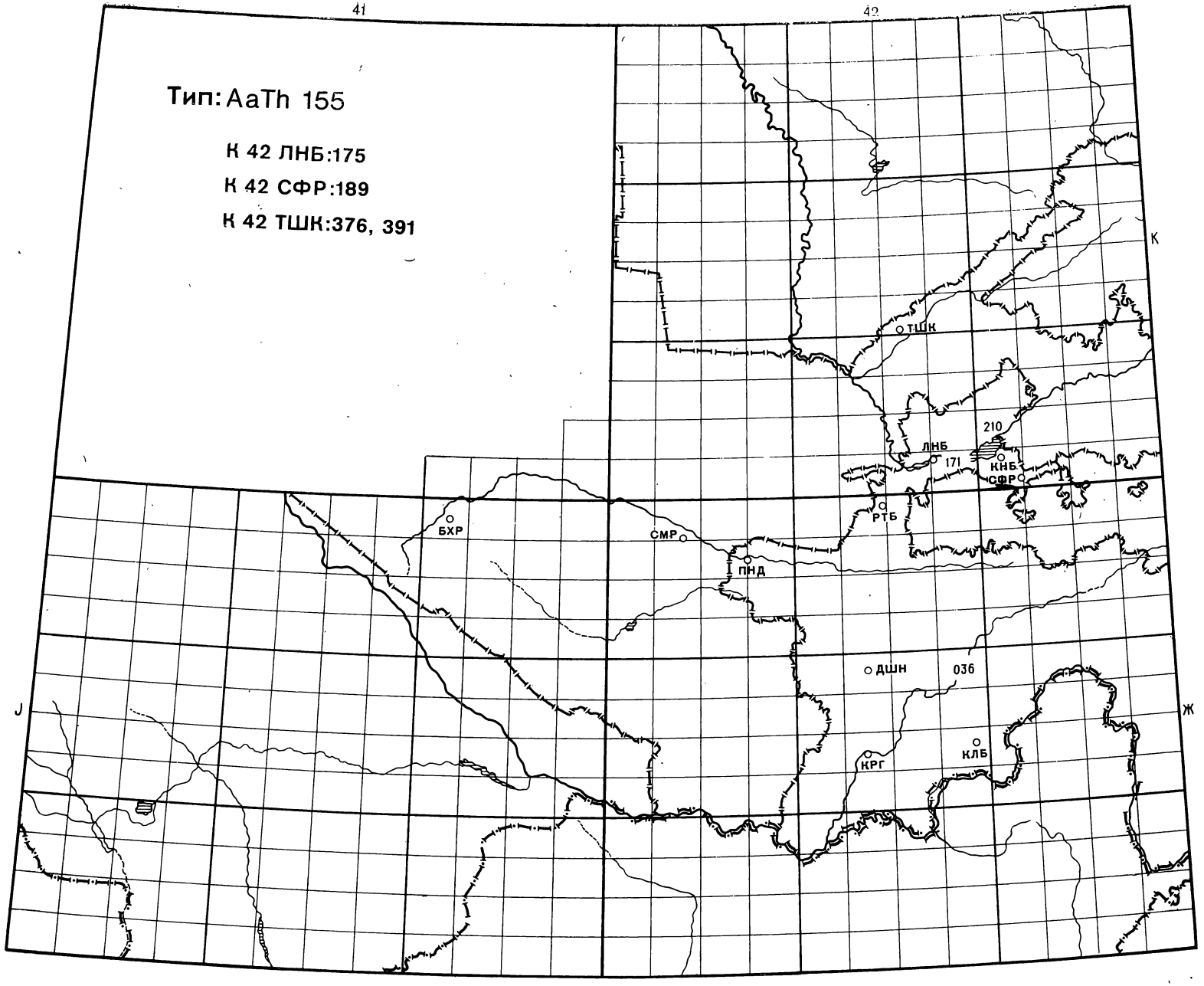
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 154, 154 IV

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0		1	2		4	5	6	7	8	
1947	1							T132				Х М Ж 1
1949	1				T017							Х М Ж 1
1958	1						T368					Х М Ж 1
1959	1						T069					Х М Ж 1
1960	2						T044		T061			Х М Ж 2
1961	2	T318 T320										Х М Ж 2
ИТОГ	8	2			1		3	1	1			Х М Ж 7 1

Тип: Aa Th 154, 154 IV
41
42
К
Ж
ТШК
318 IV
320 IV
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
368
069 ДШН
132
017
КЛБ
КРГ
044
061

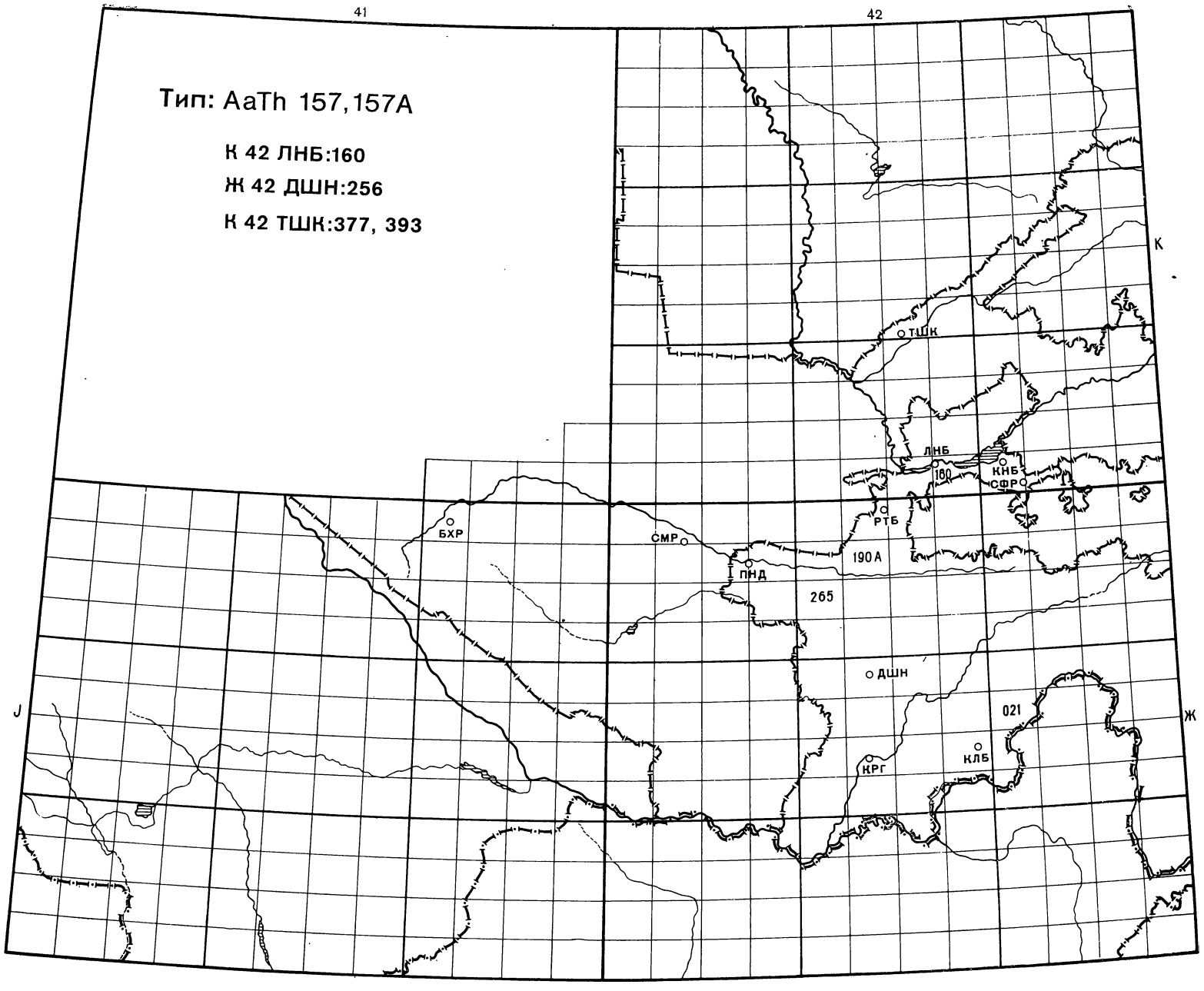
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 155

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7			
1947	1						T376				Х М Ж	1
1948	1							T391			Х М Ж	1
1950	1		T036								Х М Ж	1
1955	1					T189					Х М Ж	1
1964	1								T210		Х М Ж	1
1966	2	T175							T171		Х М Ж	2
ИТОГ	7	1	1			1	1	1	2		Х М Ж	4 3

Тип: AaTh 155
К 42 ЛНБ:175
К 42 СФР:189
К 42 ТШК:376, 391
41
42
К
Ж
ТШК
210
ЛНБ
171
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
ДШН
036
КРГ
КЛБ

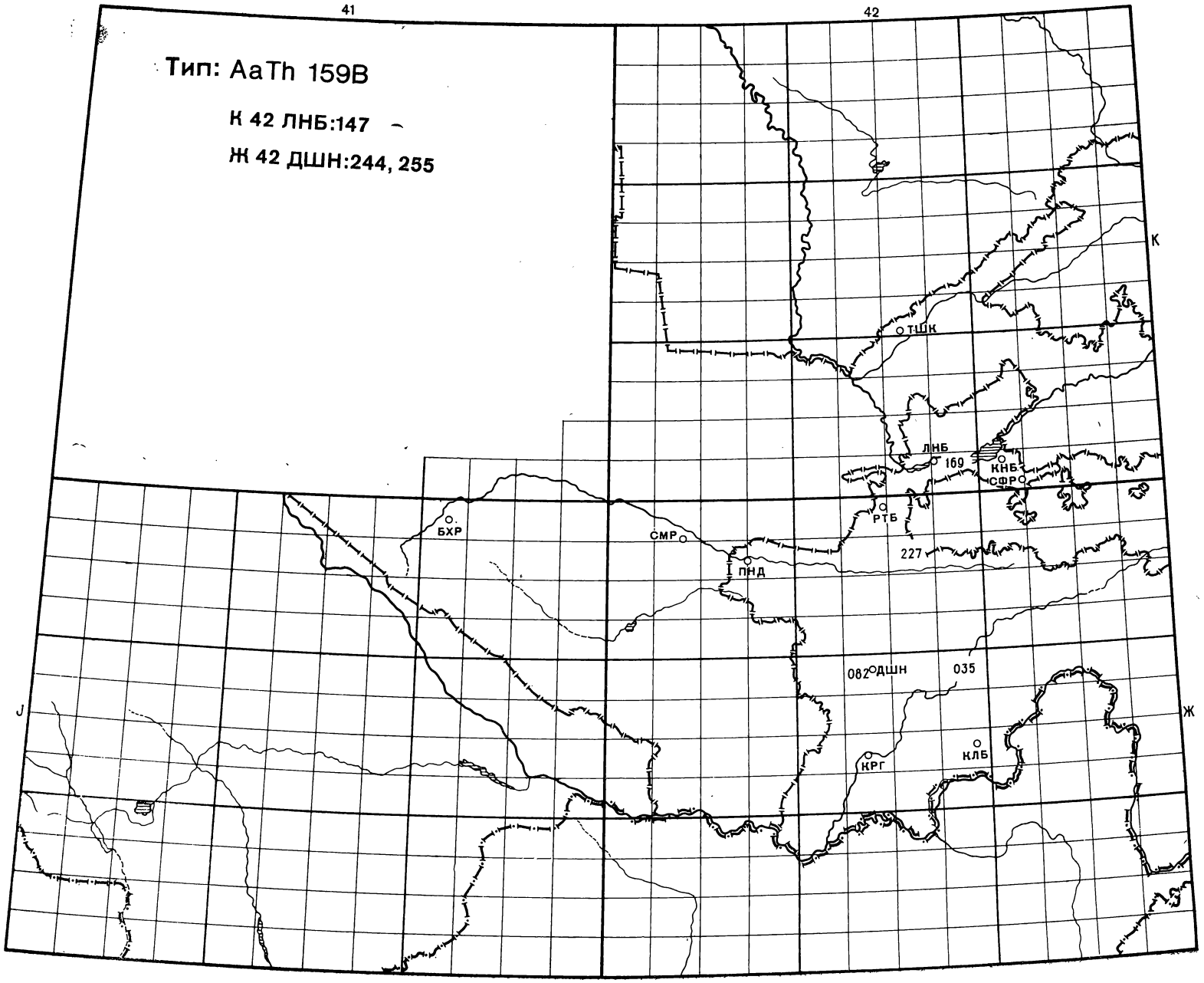
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 157, 157A

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОП	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1928	1	T393									Х М Ж	1
1947	1						T377				Х М Ж	1
1949	1		T021								Х М Ж	1
1955	1						T190				Х М Ж	1
1956	1						T265				Х М Ж	1
1960	1									T256	Х М Ж	1
1961	1	T160									Х М Ж	1
1966	1									T180	Х М Ж	1
ИТОГ	8	2	1				3			2	Х М Ж	8

41
42
Тип: AaTh 157,157A
К 42 ЛНБ:160
Ж 42 ДШН:256
К 42 ТШК:377, 393
К
Ж
Л
ТШК
ЛНБ
160
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
190А
265
ДШН
021
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 159B

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1950	1		T035								Х М Ж	1
1960	2								T082	T255	Х М Ж	2
1962	1				T244						Х М Ж	1
1966	3							T169 T227		T147	Х М Ж	3
ИТОГ	7		1		1				1	2	Х М Ж	6 1

41
42
Тип: AaTh 159B
К 42 ЛНБ:147
Ж 42 ДШН:244, 255
К
Ж
J
ТШК
ЛНБ
160
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
227
082
ДШН
035
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 223

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1947	2						T132 T383				Х М Ж	2
1949	1			T016							Х М Ж	1
1957	1			T405							Х М Ж	1
1958	1				T239						Х М Ж	1
1961	3	T318 T320	T130								Х М Ж	3
1962	1	T247									Х М Ж	1
1963	1									T289	Х М Ж	1
1966	2				T356	T355					Х М Ж	2
ИТОГ	12	3	1	2	2	1	2			1	Х М Ж	11 1

Тип: AaTh 223
Ж 42 ДШН:247
Ж 42 КРГ:289
К 42 ТШК:383
42
41
К
Ж
J
ТШК
ДНБ
КНБ
СФР
РТБ
ПНД
СМР
БХР
ДШН
КРГ
КЛБ
318
320
239
130
355
356
132
016
405

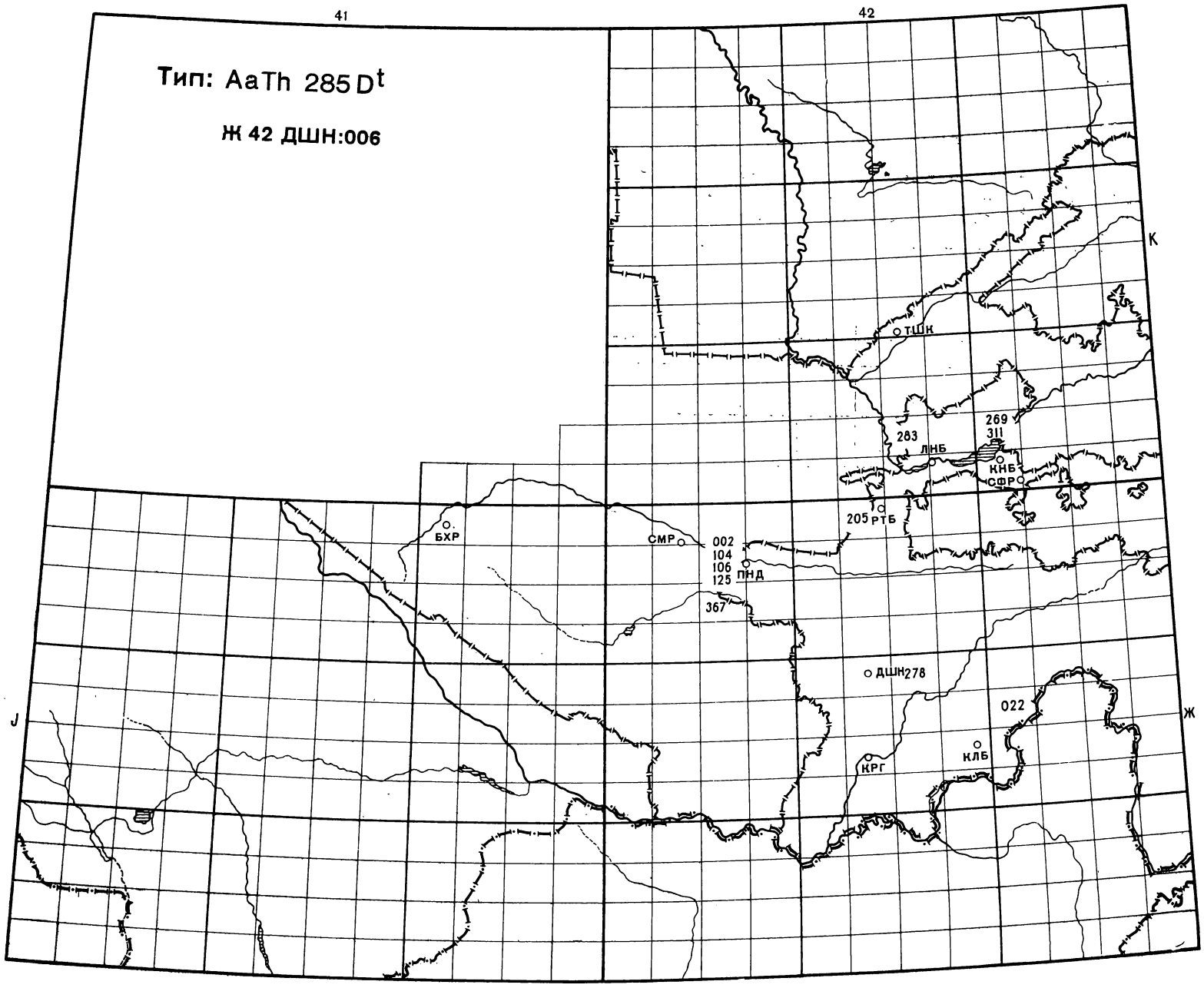
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 275

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1947	2	T131					T382				Х М Ж	2
1950	1			T015							Х М Ж	1
1956	1	T242									Х М Ж	1
1958	1					T368					Х М Ж	1
1959	1								T123		Х М Ж	1
1960	1								T302		Х М Ж	1
1961	2	T271							T053		Х М Ж	2
1966	2		T337 T345								Х М Ж	1 1
ИТОГ	11	3	2	1		1	1		3		Х М Ж	10 1

Тип: AaTh 275
42
41
К
Ж
J
ТШК
ЛНБ
271
КНБ
СФР
РТБ
131
015
КЛБ
ДШН
053
302
КРГ
242
ПНД
СМР
123
345
337
368
БХР

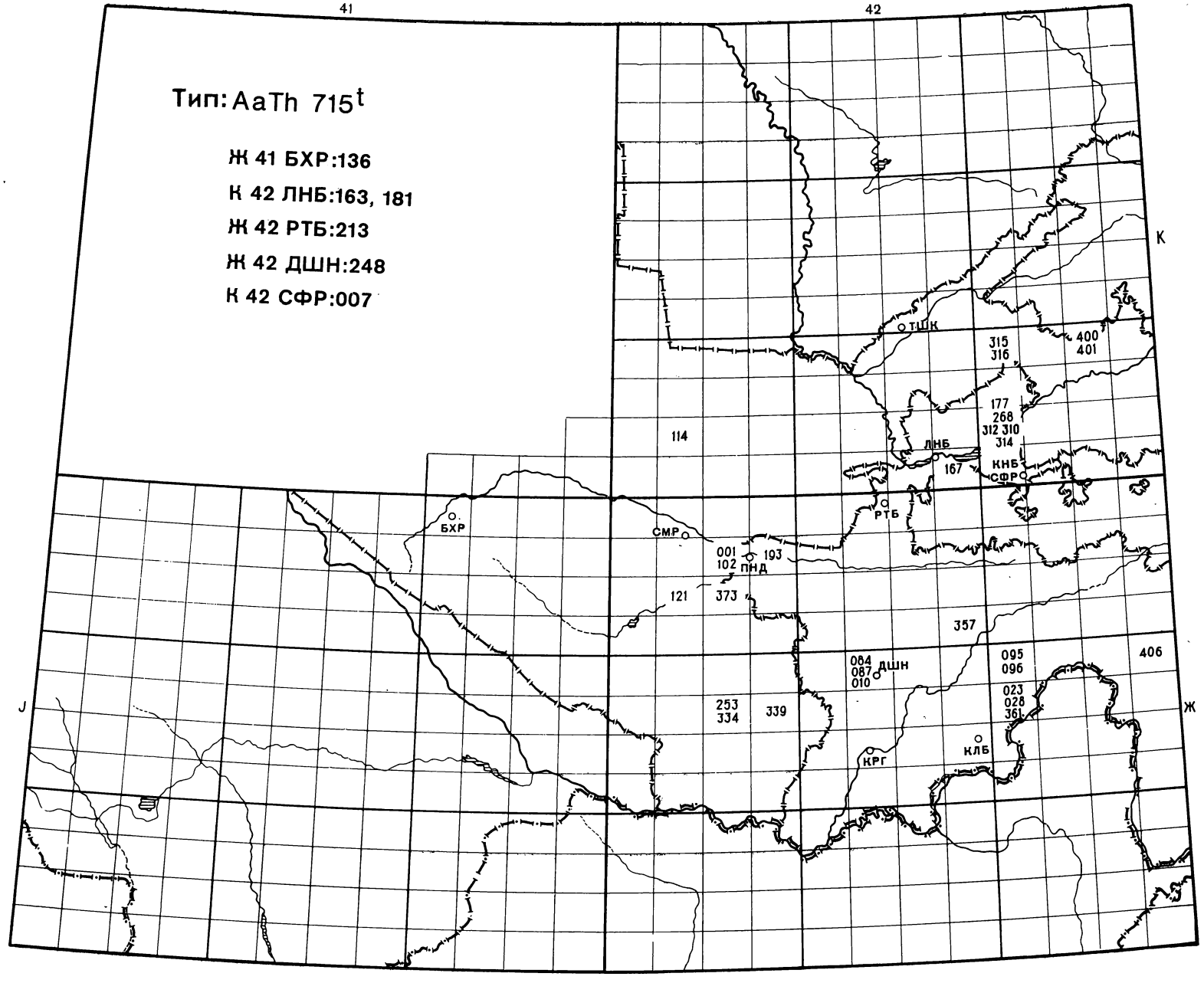
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh$_{1}^{1}$285D^{t}

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1929	1	T006									Х М Ж	1
1940	1	T002									Х М Ж	1
1950	1	T022									Х М Ж	1
1958	3				T367		T104 T106				Х М Ж	1 2
1960	1								T125		Х М Ж	1
1961	3				T278				T269 T311		Х М Ж	3
1962	2		T283					T205			Х М Ж	1 1
ИТОГ	12	3	1		2		2	1	3		Х М Ж	4 8

Тип: AaTh 285 Dt
Ж 42 ДШН:006
41
42
К
Л
Ж
ТШК
269
311
283
ЛНБ
КНБ
СФР
205
РТБ
БХР
СМР
002
104
106
125
ПНД
367
ДШН
278
022
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: AaTh 715[1]

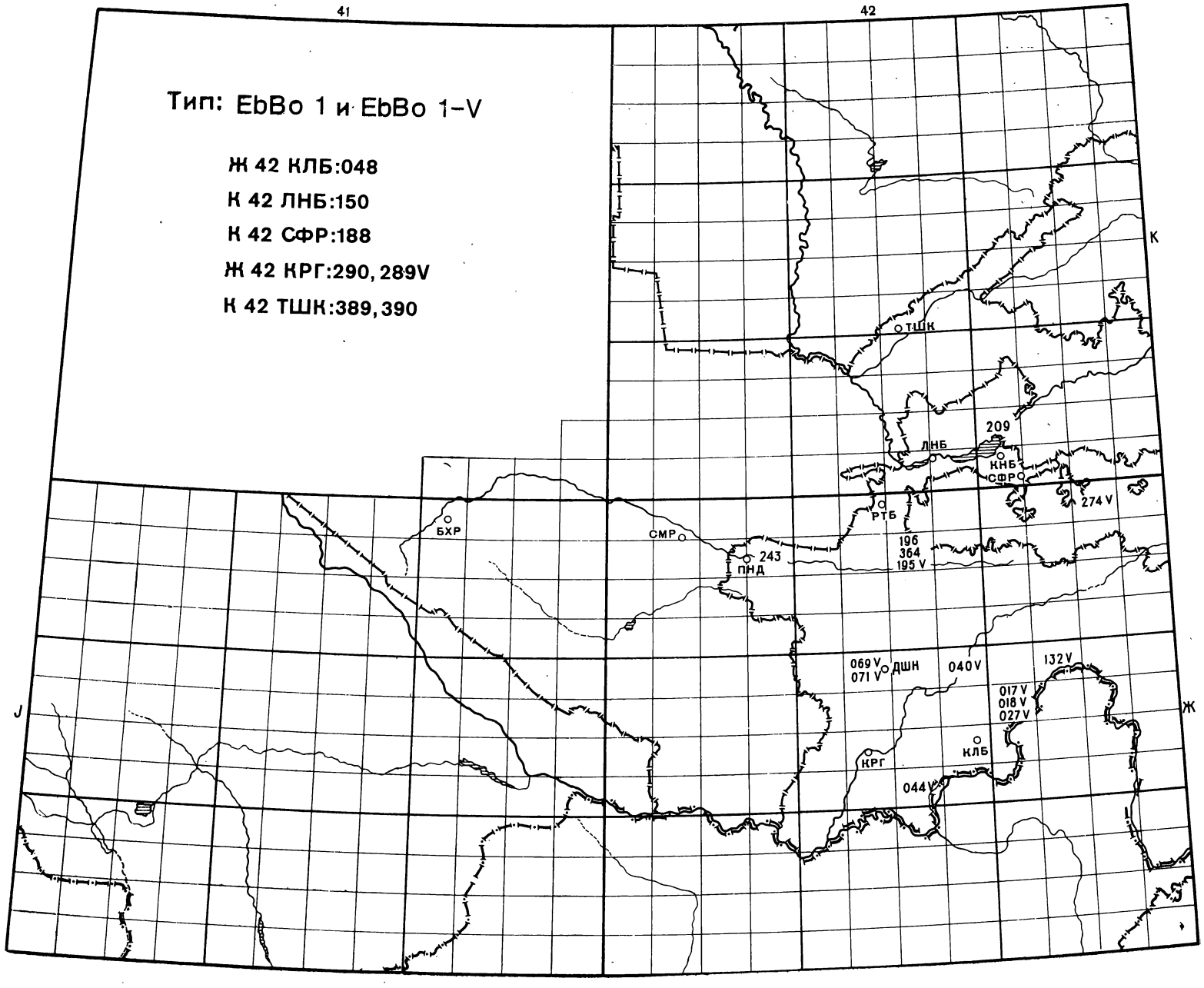
ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1928	1	T400									Х М Ж	1
1935	1	T007									Х М Ж	1
1940	1	T001									Х М Ж	1
1941	1		T010								Х М Ж	1
1950	2		T023 T028								Х М Ж	2
1956	1								T193		Х М Ж	1
1957	2		T373 T406								Х М Ж	2
1958	2		T102 T253								Х М Ж	1 1
1959	2		T121 T114								Х М Ж	1 1
1960	2			T084		T087					Х М Ж	1 1
1961	6	T136 T316	T268 T315				T312		T310		Х М Ж	1 5
1962	2	T248 T314									Х М Ж	1 1
1963	2		T095			T096					Х М Ж	1 1
1964	2						T401		T213		Х М Ж	2
1966	7	T163	T339	T361	T357 T181				T167 T334 T177		Х М Ж	5 3
ИТОГ	35	8	13	2	2	2	2		6		Х М Ж	16 19

Тип: AaTh 715t
Ж 41 БХР:136
К 42 ЛНБ:163, 181
Ж 42 РТБ:213
Ж 42 ДШН:248
К 42 СФР:007
41
42
К
Ж
Л
ТШК
315
316
400
401
177
268
312 310
314
ЛНБ
КНБ
СФР
167
114
РТБ
БХР
СМР
001
102
ПНД
193
121
373
357
084
087
010
ДШН
095
096
406
023
028
361
253
334
339
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА

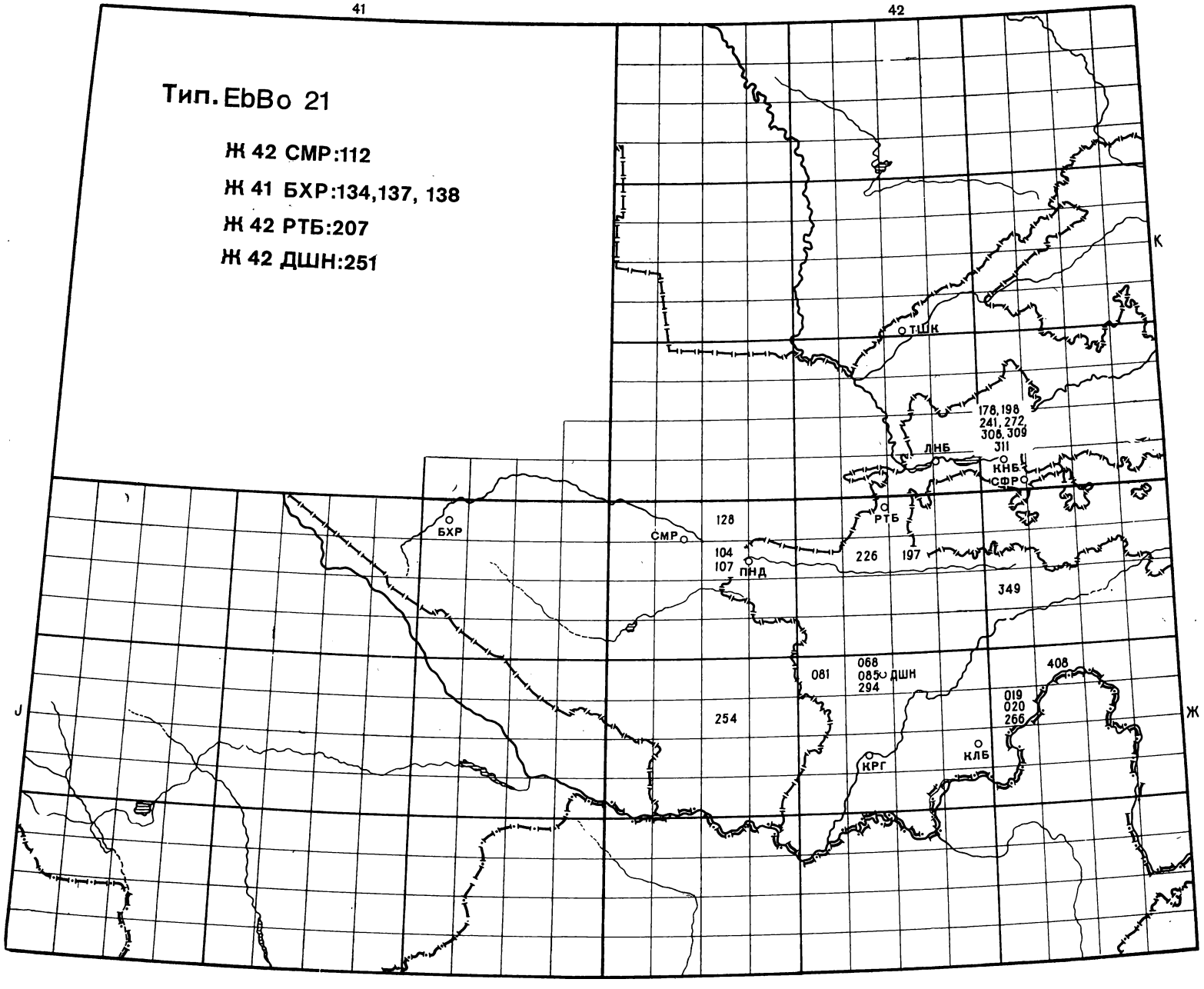
Тип: EbBo 1, EbBo 1—V

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1947	2						T132 T389				Х М Ж	2
1948	1						T390				Х М Ж	1
1949	1					T018					Х М Ж	1
1950	2		T027	T017							Х М Ж	2
1955	1	T188									Х М Ж	1
1956	1	T243									Х М Ж	1
1958	2				T196	T195					Х М Ж	2
1959	2					T069				T071	Х М Ж	1 1
1960	3	T048				T044				T040	Х М Ж	1 1 1
1961	1		T274								Х М Ж	1
1963	2									T289 T290	Х М Ж	1 1
1964	1						T209				Х М Ж	1
1966								T150	T364		Х М Ж	2
ИТОГ	21	3	2	1	1	4	4	1	1	4	Х М Ж	3 15 3

Тип: EbBo 1 и EbBo 1-V
Ж 42 КЛБ:048
К 42 ЛНБ:150
К 42 СФР:188
Ж 42 КРГ:290, 289V
К 42 ТШК:389, 390
41
42
К
Ж
ТШК
209
ЛНБ
КНБ
СФР
274 V
РТБ
196
364
195 V
БХР
СМР
243
ПНД
069 V
071 V
ДШН
040 V
132 V
017 V
018 V
027 V
КЛБ
КРГ
044 V

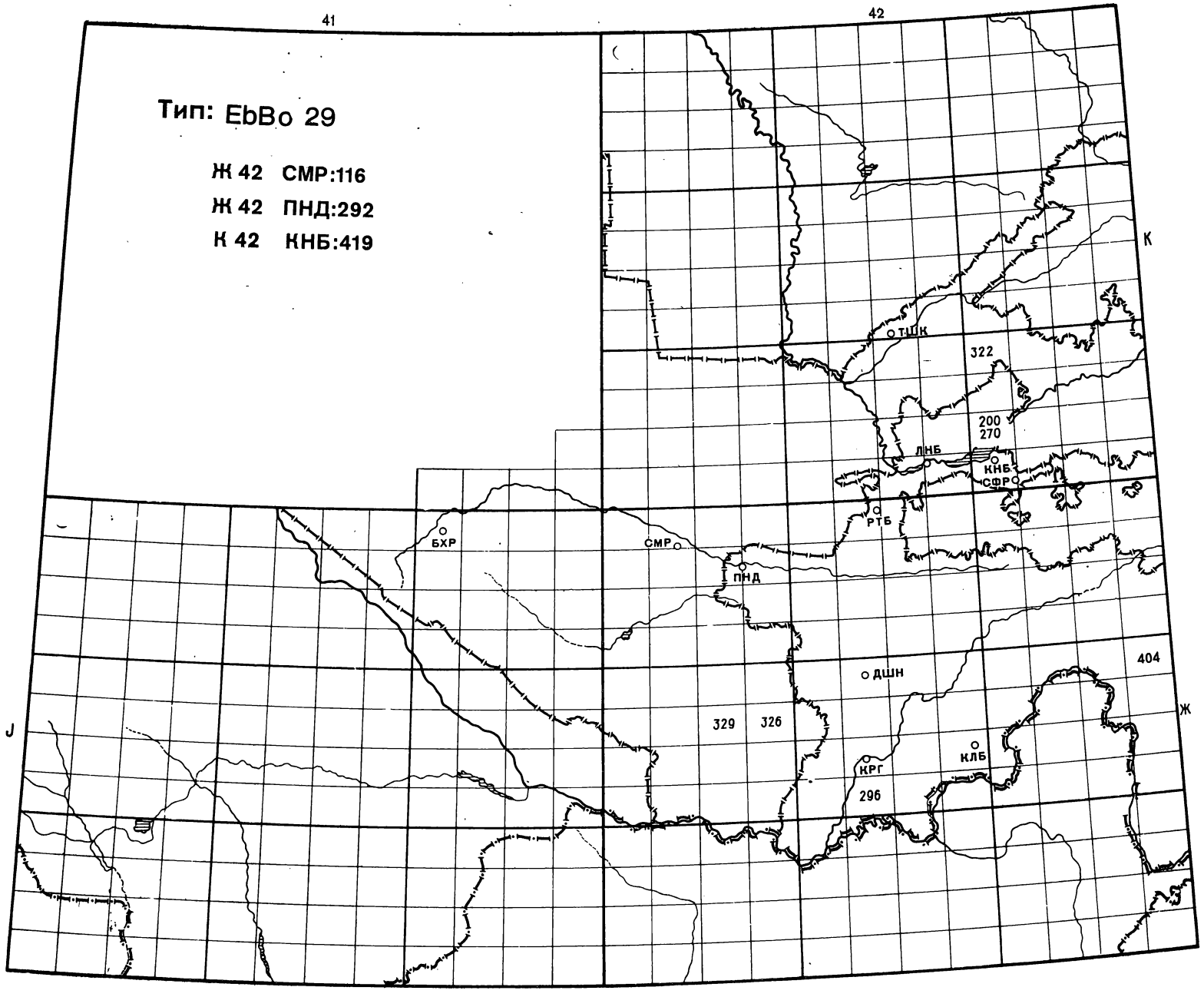
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: EbBo 21

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1949	2	T019			T020						Х М Ж	2
1951	1					T081					Х М Ж	
1953	1	T408									Х М Ж	1
1957	1				T266						Х М Ж	1
1958	6		T241 T254		T197 T107		T104 T198				Х М Ж	3 3
1959	2	T068			T112						Х М Ж	1 1
1960	3					T134		T085 T128			Х М Ж	3
1961	5	T272					T137		T308 T309 T311		Х М Ж	2 3
1962	1	T251									Х М Ж	1
1964	3	T294					T138		T207		Х М Ж	1 2
1966	3					T349			T226 T178		Х М Ж	2 1
ИТОГ	28	6	2		5	3	4	2	6		Х М Ж	13 15

41
42
Тип. EbBo 21
Ж 42 СМР:112
Ж 41 БХР:134,137, 138
Ж 42 РТБ:207
Ж 42 ДШН:251
К
Ж
ТШК
178, 198
241, 272
306, 309
311
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
128
104
107
ПНД
226
197
349
081
068
085
294
ДШН
408
019
020
266
254
КРГ
КЛБ

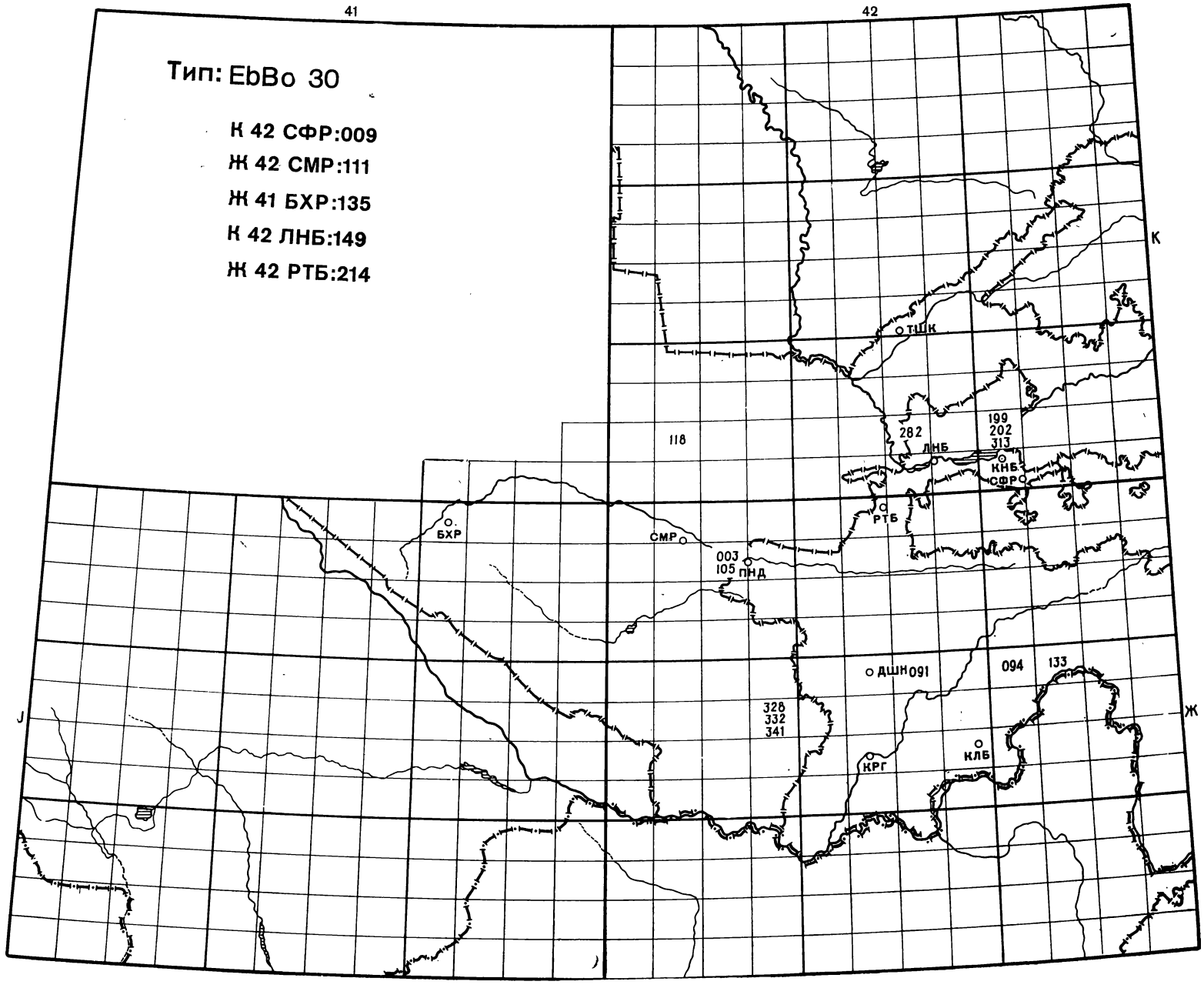
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: EbBo 29

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1936	1	T419									Х М Ж	1
1957	1								T404		Х М Ж	1
1958	2				T200					T296	Х М Ж	1 1
1959	1		T116								Х М Ж	1
1960	1	T322									Х М Ж	1
1961	1	T270									Х М Ж	1
1963	1		T292								Х М Ж	1
1966	2	T329	T326								Х М Ж	2
ИТОГ	10	4	3		1				1	1	Х М Ж	1 7 2

Тип: EbBo 29
Ж 42 СМР:116
Ж 42 ПНД:292
К 42 КНБ:419
41
42
К
Ж
ТШК
322
200
270
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
ДШН
404
329
326
КЛБ
КРГ
296

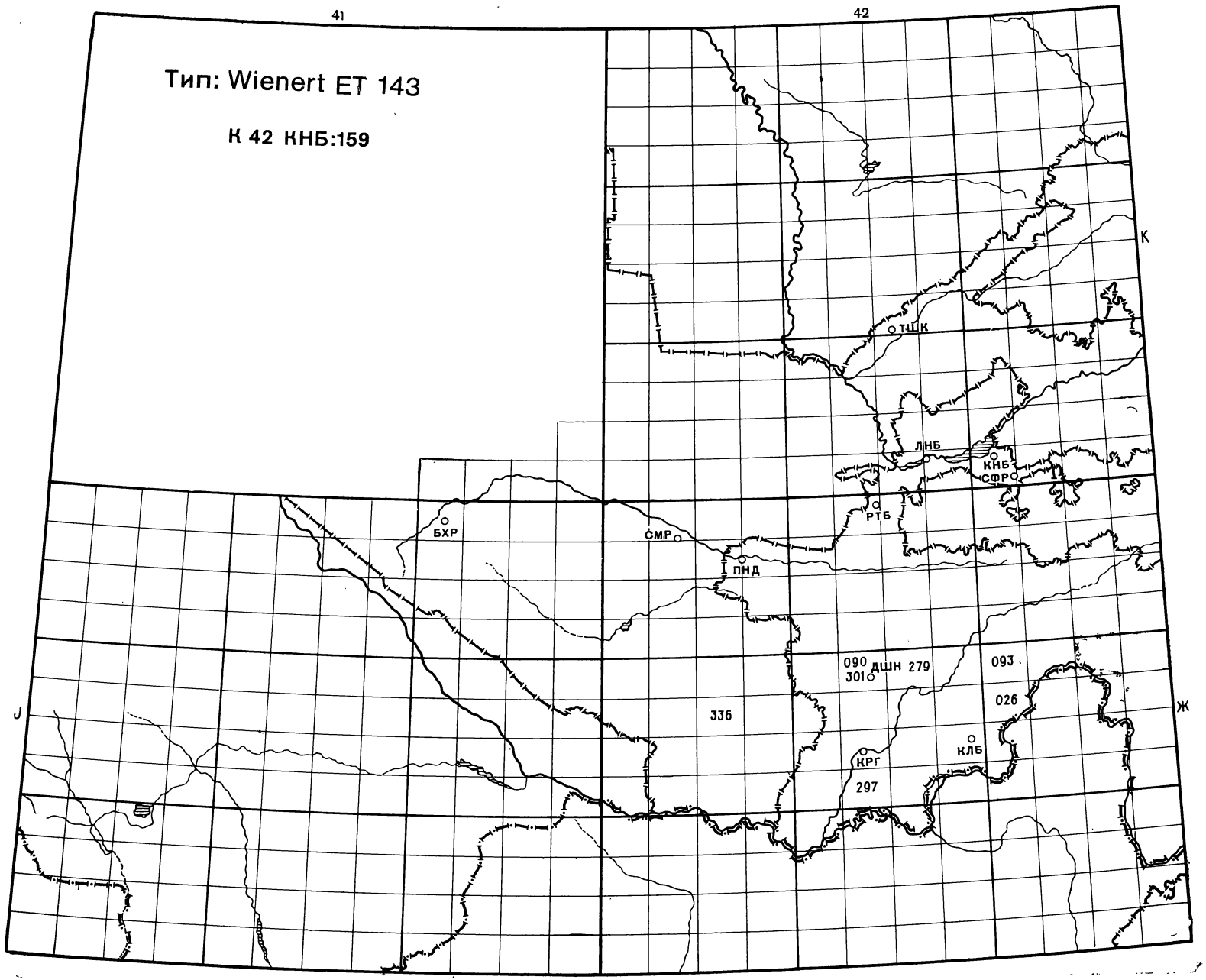
ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: EbBo 30

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
1935	1	T009									Х М Ж	1
1940	1	T003									Х М Ж	1
1947	1						133				Х М Ж	1
1958	3				T202	T105	T199				Х М Ж	3
1959	2		T118		T111						Х М Ж	1 1
1960	1					T135					Х М Ж	1
1961	1	T313									Х М Ж	1
1962	2		T282		T091						Х М Ж	2
1963	1		T094								Х М Ж	1
1965	1								T214		Х М Ж	1
1966		T149	T328 T341							T332	Х М Ж	2 2
ИТОГ	18	4	5		3	2	2			1	Х М Ж	7 11

Тип: EbBo 30
К 42 СФР:009
Ж 42 СМР:111
Ж 41 БХР:135
К 42 ЛНБ:149
Ж 42 РТБ:214
41
42
К
Ж
J
ТШК
199
202
313
282
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
118
БХР
СМР
003
105
ПНД
ДШН
091
094
133
328
332
341
КРГ
КЛБ

ХРОНОСОЦИОГРАММА
Тип: Wienert ET 143

ГОД	ИТОГ	ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ									ПОЛ	ИТОГ
		0	1	2	3	4	5	6	7	8		
0	1									T159	Х М Ж	1
1950	1								T026		Х М Ж	1
1958	1	T297									Х М Ж	1
1960	1			T301							Х М Ж	1
1961	1	T279									Х М Ж	1
1962	1				T090						Х М Ж	1
1963	1		T093								Х М Ж	1
1966	1		T336								Х М Ж	1
ИТОГ	8	2	2	1	1				1	1	Х М Ж	6 2

Тип: Wienert ET 143
К 42 КНБ:159
41
42
К
Ж
Л
ТШК
ЛНБ
КНБ
СФР
РТБ
БХР
СМР
ПНД
090
301
ДШН 279
093
026
336
КРГ
297
КЛБ

I. НАЧАЛА РАССКАЗОВ (ИНДЕКС Н)

Н0.0.0	НАЧАЛА неясные	нет!
Н1.0	ПРЕДФАБУЛЬНЫЕ ЗАЧИНЫ неясные	нет!
Н1.1	Персонажи / свидетели заверяют достоверность рассказа	нет!
Н1.1.1	формулой «овардаанд...ки» («передают»)	2 текста (0,48%)
Н1.1.1*	формулой «мегуянд» («говорят») и т. п.	нет!
Н1.1	рассказчик выдает себя свидетелем и заверяет достоверность	нет!
Н1.1*1	формулой	нет!
Н1.2	локализация (определение места действия)	нет!
Н1.2.1	формулой	нет!
Н1.3	датировка (определение времени действия)	нет!
Н1.3.1	формулой «дар солои сол» («в один из годов»)	2 текста (0,48%)
Н1.3.1*	формулой «рӯзе» («однажды») и т. п.	нет!
Н1.4	действие, определяется его реальность	нет!
Н1.4.1	формулой «буд на буд» («было — не было») (краткая!)	193 текста (46,06%)
Н1.4.1*	формулой *терма, текерлема*	5 текстов (1,19%)
Н2.0	ФАБУЛЬНЫЕ НАЧАЛА неясные	нет!
Н2.1	Персонаж экспонируется	67 текстов (15,99%)
Н2.2	локализация (определяется место действия)	19 текстов (4,53%)
Н2.3	время действия определяется	31 текст (7,39%)
Н2.4	действие развертывается	104 текста (24,82%)

Примечание: Нхх1 всегда означает формулу!

II. ОКОНЧАНИЯ РАССКАЗОВ (ИНДЕКС Ф)

Ф0.0.0	ОКОНЧАНИЯ неясные, фрагментарные	4 текста (0,95%)
Ф1.0	ЗАФАБУЛЬНЫЕ КОНЦОВКИ неясные	нет!
Ф1.1	Персонаж свидетельствует	нет!
Ф1.1.1	формулой «ва тамом» («на этом конец») и т. п.	32 текста (7,64%)
Ф1.1.1*	рассказчик свидетельствует	нет!
Ф1.1.1	формулой «три яблока» или просит о награде	1 текст (0,24%)
Ф1.2	локализация, сообщение о месте событий	нет!
Ф1.2.1	формулой: «они там были, и мы придем» и т. п.	5 текстов (1,19%)
Ф1.3	датировка, сообщение о времени событий	нет!
Ф1.3.1	формулой «карам низом шуд, шайтон гулом шуд»	нет!
Ф1.4	действие, определяется реальность, надежда	нет!
Ф1.4.1	формулой «они достигли своих желаний»	64 текста (15,27%)
Ф1.4.1*	формулой «они... и мы достигнем» и т. д. (длинная)	6 текстов (1,43%)

Ф1.5	р е з ю м е, излагает рассказчик от себя, комментируя	41 текст (9,79%)
Ф1.6	н у к т а, излагает рассказчик от себя, акцентируя	нет!
Ф1.7	э т и о л о г и я, объясняющая нынешнее состояние	9 текстов (2,15%)
Ф1.8	з а г а д к а / ш у т к а, уловка, адресованная слушателям	нет!
Ф1.9	к у м у л я ц и я	33 текста (7,88%)
Ф1.9*	бесконечная, «докучная» сказка	нет!
Ф2.0	ФАБУЛЬНЫЕ окончания неясные	нет!
Ф2.1	сведения о п е р с о н а ж е, его биографии в дальнейшем	46 текстов (10,98%)
Ф2.2	сведения о м е с т е событий (но не этиология!)	нет!
Ф2.3	сведения о в р е м е н и событий	нет!
Ф2.4.0	д е й с т в и я (а именно: неясные) завершающие рассказ	3 текста (0,72%)
Ф2.4.1	сделал	12 текстов (2,86%)
Ф2.4.2	уничтожил	16 текстов (3,82%)
Ф2.4.3	спасся, спасал	23 текста (5,49%)
Ф2.4.4	погиб	47 текстов (11,22%)
Ф2.4.5	ушел	38 текстов (9,07%)
Ф2.4.6	вернулся	21 текст (5,01%)
Ф2.4.7	получил преимущество, взял что-то	5 текстов (1,19%)
Ф2.4.8	потерял преимущество, бывшее в начале, отдал, проиграл	нет!
Ф2.4.9	достиг и счастлив!	3 текста (0,72%)
Ф2.5	р е з ю м е, излагает персонаж, комментируя события	49 текстов (11,93%)
Ф2.6	н у к т а, излагает персонаж, обращаясь к персонажам или слушателям	4 текста (0,95%)

III. ОБЪЕМ (ИНДЕКС Б)

Б1	сверхкраткие: до 1000 печ. знаков	79 текстов (19%)
Б2	краткие: от 1000 до 3000 печ. знаков	206 текстов (49,3%)
Б3	длинные: от 3000 до 10 000 печ. знаков	114 текстов (26,8%)
Б4	сверхдлинные: свыше 10 000 печ. знаков	20 текстов (4,9%)

IV. ЯЗЫК (СТЕПЕНЬ ЛИТЕРАТУРНОСТИ) (ИНДЕКС Я)

Я1	преимущественно д и а л е к т н ы й язык	258 текстов (61,6%)
Я2	преимущественно недиалектный, л и т е р а т у р н ы й	33 текста (7,9%)
Я3	смешанный язык	128 текстов (30,5%)
Ях	наличие с т и х о в	64 текста (15%)
Ях1	на диалекте	61 текст (14,4%)
Ях2	на литературном языке	нет данных
Ях3	на смешанном языке	3 текста (0,6%)
Яхх	у[збекский]	4 текста (0,8%)

Н1.1.1 — 2 текста
Т057 Т346

Н1.3.1 — 2 текста
Т013 Т241

Н1.4.1 — 193 текста
Т001 Т003 Т004 Т005 Т007 Т008 Т009
Т012 Т013 Т014 Т015 Т016 Т019 Т021
Т023 Т025 Т028 Т029 Т030 Т036 Т037
Т045 Т046 Т047 Т052 Т062 Т063 Т065
Т066 Т067 Т070 Т072 Т074 Т076 Т077
Т084 Т085 Т091 Т093 Т095 Т096 Т098
Т099 Т103 Т104 Т105 Т111 Т112 Т113
Т114 Т116 Т117 Т118 Т118 Т121 Т123
Т124 Т126 Т127 Т128 Т129 Т130 Т134
Т136 Т139 Т141 Т143 Т144 Т145 Т147
Т148 Т149 Т150 Т152 Т154 Т157 Т158
Т159 Т162 Т165 Т166 Т167 Т169 Т171
Т172 Т173 Т174 Т176 Т177 Т178 Т181
Т183 Т191 Т195 Т196 Т197 Т198 Т199
Т202 Т203 Т206 Т207 Т208 Т209 Т210
Т212 Т213 Т214 Т218 Т219 Т220 Т221
Т223 Т228 Т244 Т253 Т254 Т257 Т258
Т259 Т262 Т266 Т268 Т269 Т270 Т272
Т275 Т278 Т279 Т289 Т290 Т292 Т295
Т296 Т297 Т298 Т301 Т304 Т308 Т309
Т310 Т311 Т312 Т313 Т314 Т315 Т316
Т317 Т318 Т319 Т320 Т321 Т322 Т323
Т324 Т326 Т327 Т331 Т332 Т333 Т334
Т335 Т336 Т337 Т338 Т341 Т343 Т344
Т345 Т348 Т349 Т350 Т351 Т352 Т353
Т356 Т358 Т359 Т361 Т362 Т363 Т373
Т390 Т397 Т398 Т399 Т400 Т401 Т409
Т412 Т417 Т418 Т419

Н1.4.1* — 5 текстов
Т002 Т120 Т123 Т194 Т195

Н2.1 — 68 текстов
Т002 Т006 Т010 Т017 Т018 Т020 Т022
Т024 Т026 Т027 Т032 Т033 Т034 Т035
Т040 Т041 Т044 Т051 Т053 Т054 Т059
Т061 Т073 Т078 Т080 Т082 Т086 Т101
Т102 Т106 Т109 Т129 Т146 Т151 Т180
Т190 Т193 Т194 Т200 Т201 Т204 Т242
Т255 Т256 Т271 Т281 Т282 Т285 Т287
Т294 Т300 Т360 Т374 Т376 Т379 Т381
Т384 Т385 Т391 Т392 Т395 Т396 Т402
Т405 Т410 Т411 Т414 Т415

Н2.2 — 19 текстов
Т011 Т043 Т050 Т079 Т088 Т120 Т156
Т168 Т179 Т225 Т227 Т238 Т245 Т252
Т264 Т303 Т328 Т375 Т386

Н2.3 — 32 текста
Т031 Т042 Т056 Т068 Т075 Т081 Т107
Т108 Т110 Т115 Т155 Т163 Т164 Т164
Т175 Т182 Т185 Т205 Т211 Т222 Т229
Т236 Т240 Т246 Т251 Т260 Т261 Т263
Т267 Т273 Т299 Т408

Н2.4 — 104 текста
Т038 Т039 Т048 Т049 Т055 Т058 Т060
Т064 Т069 Т071 Т083 Т089 Т090 Т092
Т094 Т097 Т100 Т122 Т131 Т132 Т133
Т135 Т137 Т138 Т140 Т142 Т153 Т160
Т161 Т170 Т184 Т186 Т187 Т188 Т189
Т192 Т215 Т216 Т217 Т224 Т226 Т230
Т231 Т232 Т233 Т234 Т235 Т237 Т239
Т242 Т243 Т247 Т248 Т250 Т265 Т274
Т276 Т277 Т280 Т283 Т284 Т286 Т288
Т291 Т293 Т302 Т305 Т306 Т307 Т325
Т329 Т330 Т339 Т340 Т342 Т347 Т354
Т355 Т357 Т364 Т365 Т366 Т367 Т368
Т369 Т370 Т371 Т372 Т377 Т378 Т380
Т382 Т383 Т387 Т388 Т389 Т393 Т394
Т403 Т404 Т406 Т407 Т413 Т416

Ф0.0.0 — 4 текста (фрагментарные)
Т031 Т058 Т313 Т315

Ф1.1.1 — 32 текста
Т043 Т086 Т116 Т117 Т120 Т139 Т165
Т192 Т207 Т209 Т229 Т232 Т270 Т327
Т341 Т374 Т375 Т376 Т377 Т378 Т380
Т381 Т382 Т383 Т384 Т385 Т386 Т387
Т388 Т389 Т390 Т391

Ф1.1.1* — 1 текст
Т416

Ф1.2.1 — 5 текстов
Т131 Т132 Т289 Т294 Т405

Ф1.4.1 — 64 текста
Т001 Т004 Т005 Т008 Т064 Т075 Т081
Т085 Т098 Т102 Т103 Т108 Т119 Т121
Т127 Т128 Т134 Т137 Т138 Т155 Т156
Т158 Т159 Т160 Т165 Т185 Т193 Т194
Т195 Т198 Т203 Т206 Т212 Т213 Т218
Т269 Т270 Т272 Т311 Т322 Т323 Т328
Т332 Т338 Т349 Т351 Т353 Т368 Т377
Т378 Т385 Т386 Т387 Т388 Т389 Т390
Т397 Т398 Т399 Т400 Т409 Т410 Т412
Т415

Ф1.4.1* — 6 текстов
Т047 Т126 Т133 Т199 Т350 Т408

Ф1.5 — 40 текстов
Т033 Т050 Т052 Т107 Т142 Т147 Т153
Т175 Т186 Т187 Т197 Т202 Т208 Т214
Т220 Т224 Т235 Т237 Т239 Т246 Т258
Т262 Т277 Т287 Т292 Т293 Т296 Т301
Т305 Т324 Т326 Т330 Т356 Т357 Т363
Т366 Т367 Т372 Т374 Т391

Ф1.7 — 9 текстов
Т010 Т016 Т087 Т157 Т163 Т171 Т234
Т299 Т352

Ф1.9 — 33 текста
Т001 Т003 Т009 Т091 Т094 Т105 Т111
Т116 Т118 Т133 Т135 Т149 Т199 Т200
Т202 Т208 Т214 Т270 Т282 Т292 Т296
Т313 Т322 Т326 Т328 Т329 Т332 Т333
Т341 Т360 Т392 Т404 Т419

Ф2.1 — 46 текстов
Т012 Т017 Т020 Т024 Т025 Т032 Т039
Т040 Т041 Т048 Т065 Т071 Т074 Т089
Т091 Т092 Т099 Т124 Т148 Т150 Т152
Т164 Т168 Т174 Т178 Т179 Т183 Т227
Т230 Т250 Т251 Т259 Т260 Т264 Т271
Т275 Т298 Т304 Т308 Т359 Т360 Т395
Т401 Т407 Т411 Т418

Ф2.4.0 — 3 текста
Т003 Т135 Т362

Ф2.4.1 — 12 текстов
Т006 Т063 Т066 Т105 Т106 Т130 Т191
Т200 Т261 Т295 Т379 Т419

Ф2.4.2 — 16 текстов
Т018 Т037 Т038 Т045 Т046 Т069 Т114
Т145 Т170 Т222 Т279 Т314 Т331 Т346
Т369 Т414

Ф2.4.3 — 23 текста
Т044 Т054 Т067 Т070 Т079 Т080 Т109
Т144 Т177 Т188 Т231 Т247 Т252 Т257
Т263 Т274 Т284 Т300 Т306 Т354 Т376
Т383 Т394

Ф2.4.4 — 47 текстов
Т027 Т029 Т034 Т049 Т056 Т060 Т061
Т062 Т076 Т083 Т090 Т093 Т096 Т104
Т113 Т140 Т146 Т172 Т176 Т184 Т188
Т196 Т204 Т207 Т223 Т236 Т238 Т242
Т243 Т245 Т248 Т254 Т267 Т268 Т291
Т297 Т302 Т320 Т331 Т358 Т365 Т368
Т370 Т371 Т393 Т402 Т403

Ф2.4.5 — 38 текстов
Т007 Т009 Т011 Т014 Т053 Т059 Т072
Т077 Т082 Т088 Т097 Т100 Т115 Т141
Т161 Т167 Т189 Т190 Т196 Т201 Т212
Т216 Т221 Т233 Т244 Т253 Т281 Т303
Т316 Т321 Т322 Т335 Т345 Т361 Т384
Т396 Т406 Т417

Ф2.4.6 — 21 текст.
Т030 Т068 Т073 Т162 Т166 Т173 Т182
Т210 Т215 Т249 Т255 Т273 Т276 Т318
Т342 Т343 Т347 Т354 Т375 Т381 Т382

Ф2.4.7 — 5 текстов
Т015 Т036 Т123 Т302 Т364

Ф2.4.9 — 3 текста
Т013 Т317 Т413

Ф2.5 — 49 текстов
Т019 Т021 Т022 Т023 Т026 Т028 Т035
Т055 Т057 Т078 Т086 Т095 Т101 Т110
Т112 Т122 Т136 Т143 Т151 Т154 Т169
Т180 Т181 Т192 Т205 Т217 Т219 Т226
Т228 Т240 Т256 Т266 Т280 Т288 Т290
Т307 Т309 Т310 Т313 Т318 Т319 Т325
Т334 Т336 Т339 Т340 Т344 Т348 Т373

Ф2.6 — 4 текста
Т042 Т221 Т283 Т355

Б1—79 текстов
Т007 Т019 Т046 Т049 Т052 Т053 Т067
Т073 Т076 Т080 Т090 Т093 Т106 Т114
Т118 Т122 Т123 Т130 Т131 Т145 Т146
Т152 Т154 Т155 Т156 Т163 Т168 Т169
Т171 Т176 Т177 Т179 Т186 Т187 Т188
Т192 Т200 Т205 Т211 Т215 Т219 Т224
Т228 Т232 Т234 Т235 Т236 Т237 Т240
Т245 Т252 Т266 Т268 Т273 Т276 Т279
Т281 Т282 Т283 Т284 Т286 Т287 Т288
Т290 Т291 Т301 Т302 Т303 Т305 Т312
Т325 Т330 Т334 Т336 Т337 Т344 Т346

Б2—206 текстов
Т001 Т003 Т004 Т005 Т006 Т008 Т009
Т011 Т018 Т020 Т021 Т024 Т025 Т026
Т027 Т028 Т029 Т030 Т031 Т035 Т036
Т037 Т038 Т039 Т042 Т043 Т044 Т045
Т048 Т050 Т054 Т058 Т059 Т060 Т061
Т062 Т063 Т066 Т069 Т072 Т075 Т077
Т078 Т079 Т081 Т082 Т083 Т084 Т086
Т088 Т091 Т095 Т097 Т099 Т101 Т102
Т106 Т107 Т109 Т110 Т113 Т115 Т117
Т119 Т121 Т124 Т125 Т128 Т135 Т143
Т147 Т148 Т149 Т151 Т158 Т159 Т160

Т161 Т162 Т164 Т166 Т167 Т170 Т172
Т173 Т174 Т175 Т178 Т180 Т181 Т184
Т185 Т189 Т190 Т191 Т194 Т195 Т198
Т199 Т201 Т203 Т204 Т213 Т217 Т220
Т221 Т222 Т223 Т225 Т226 Т229 Т230
Т231 Т233 Т238 Т239 Т241 Т246 Т247
Т248 Т253 Т254 Т257 Т258 Т259 Т260
Т262 Т263 Т264 Т267 Т269 Т270 Т271
Т272 Т274 Т277 Т278 Т280 Т285 Т289
Т292 Т293 Т294 Т297 Т298 Т304 Т307
Т309 Т313 Т314 Т315 Т316 Т318 Т320
Т321 Т324 Т326 Т331 Т332 Т335 Т338
Т339 Т340 Т341 Т342 Т345 Т348 Т350
Т351 Т352 Т353 Т356 Т358 Т360 Т363
Т364 Т367 Т369 Т370 Т374 Т375 Т379
Т380 Т381 Т382 Т383 Т384 Т385 Т387
Т388 Т393 Т394 Т396 Т397 Т400 Т402
Т406 Т407 Т411 Т412 Т413 Т415 Т416
Т417 Т418 Т419

Б3—114 текстов

Т002 Т010 Т013 Т014 Т015 Т016 Т017
Т023 Т032 Т033 Т034 Т041 Т051 Т055
Т056 Т057 Т064 Т065 Т068 Т070 Т071
Т074 Т085 Т087 Т089 Т096 Т098 Т100
Т108 Т111 Т112 Т116 Т126 Т127 Т129
Т136 Т137 Т138 Т139 Т140 Т141 Т142
Т144 Т150 Т153 Т157 Т165 Т182 Т183
Т193 Т196 Т197 Т202 Т206 Т207 Т208
Т212 Т214 Т216 Т218 Т227 Т242 Т243
Т244 Т249 Т250 Т251 Т261 Т265 Т275
Т295 Т296 Т299 Т300 Т30 Т308 Т311
Т317 Т319 Т322 Т323 Т327 Т328 Т32
Т333 Т343 Т349 Т354 Т355 Т357 Т359
Т361 Т362 Т365 Т366 Т368 Т371 Т372
Т373 Т377 Т378 Т386 Т389 Т390 Т391
Т392 Т398 Т399 Т403 Т404 Т405 Т408
Т409 Т414

Б4—20 текстов

Т012 Т022 Т040 Т047 Т092 Т094 Т104
Т105 Т120 Т13 Т133 Т134 Т209 Т210
Т255 Т256 Т31 Т376 Т395 Т410

Я1 — 258 текстов

Т001 Т002 Т003 Т004 Т005 Т006 Т007
Т008 Т009 Т011 Т012 Т013 Т014 Т015
Т016 Т017 Т018 Т019 Т020 Т021 Т023
Т024 Т026 Т027 Т028 Т029 Т030 Т031
Т032 Т033 Т034 Т035 Т036 Т037 Т038
Т039 Т040 Т042 Т043 Т044 Т045 Т046
Т047 Т049 Т051 Т052 Т053 Т054 Т055
Т056 Т058 Т059 Т060 Т061 Т063 Т064
Т065 Т066 Т067 Т068 Т069 Т070 Т071
Т072 Т073 Т074 Т075 Т076 Т077 Т082
Т083 Т084 Т085 Т086 Т087 Т089 Т090
Т091 Т092 Т093 Т094 Т095 Т096 Т097
Т098 Т101 Т102 Т103 Т105 Т106 Т108
Т111 Т112 Т113 Т114 Т115 Т116 Т117
Т119 Т121 Т123 Т124 Т125 Т126 Т127
Т128 Т129 Т130 Т131 Т132 Т133 Т134
Т135 Т136 Т137 Т138 Т140 Т144 Т154
Т175 Т187 Т188 Т189 Т190 Т192 Т193
Т194 Т195 Т196 Т197 Т198 Т199 Т200
Т201 Т202 Т203 Т204 Т205 Т206 Т207
Т208 Т209 Т210 Т211 Т212 Т213 Т214
Т215 Т216 Т217 Т218 Т221 Т222 Т224
Т225 Т226 Т227 Т228 Т229 Т230 Т231
Т232 Т233 Т234 Т235 Т236 Т237 Т238
Т241 Т253 Т254 Т255 Т256 Т262 Т265
Т266 Т268 Т271 Т274 Т276 Т277 Т278
Т279 Т280 Т281 Т282 Т284 Т285 Т286
Т287 Т288 Т289 Т290 Т292 Т293 Т294
Т295 Т300 Т302 Т303 Т309 Т310 Т311
Т312 Т314 Т315 Т324 Т325 Т326 Т330
Т331 Т333 Т337 Т341 Т343 Т344 Т354
Т358 Т359 Т360 Т361 Т362 Т363 Т364
Т365 Т366 Т368 Т371 Т372 Т373 Т392
Т393 Т394 Т395 Т396 Т397 Т398 Т399
Т400 Т401 Т402 Т403 Т404 Т405 Т406
Т407 Т408 Т409 Т410 Т411 Т412 Т413
Т414 Т415 Т416 Т417 Т418 Т419

Я2 — 33 текста

Т057 Т078 Т088 Т099 Т100 Т150 Т152
Т156 Т157 Т164 Т220 Т244 Т245 Т246
Т260 Т261 Т299 Т374 Т375 Т376 Т377
Т378 Т379 Т380 Т381 Т382 Т383 Т384
Т385 Т386 Т387 Т388 Т389

Я3 — 128 текстов

Т010 Т022 Т025 Т041 Т048 Т050 Т062
Т079 Т080 Т081 Т104 Т107 Т109 Т110
Т118 Т120 Т122 Т139 Т141 Т142 Т143
Т145 Т146 Т147 Т148 Т149 Т151 Т153
Т155 Т158 Т159 Т160 Т161 Т162 Т163
Т165 Т166 Т167 Т168 Т169 Т170 Т171
Т172 Т173 Т174 Т176 Т177 Т178 Т179
Т180 Т181 Т182 Т183 Т184 Т185 Т186
Т191 Т219 Т223 Т239 Т240 Т242 Т243
Т247 Т248 Т249 Т250 Т251 Т252 Т257
Т258 Т259 Т263 Т264 Т267 Т269 Т270
Т272 Т273 Т275 Т283 Т291 Т296 Т297
Т298 Т301 Т304 Т305 Т306 Т307 Т308
Т313 Т316 Т317 Т318 Т319 Т320 Т321
Т322 Т323 Т327 Т328 Т329 Т332 Т334
Т335 Т336 Т338 Т339 Т340 Т342 Т345
Т346 Т347 Т348 Т349 Т350 Т351 Т352
Т353 Т355 Т356 Т357 Т367 Т369 Т370
Т390 Т391

Я×1 — 61 текст

Т005 Т006 Т011 Т012 Т019 Т020 Т059
Т060 Т065 Т066 Т068 Т072 Т077 Т085

Т086 Т089 Т096 Т101 Т103 Т104 Т105
Т106 Т107 Т108 Т111 Т112 Т114 Т121
Т124 Т125 Т126 Т127 Т128 Т134 Т136
Т137 Т138 Т144 Т149 Т178 Т181 Т193
Т198 Т205 Т207 Т212 Т213 Т226 Т248
Т249 Т251 Т269 Т270 Т278 Т282 Т308
Т314 Т315 Т32ь Т331 Т373

Я × 2— не имеется

Я × 3—3 текста
Т173
Т323
Т335

Я × X[y] — 4 текста
Т144 Т323
Т173 Т331

КАТАЛОГ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТИПОВ
TYPENREGISTER

СОКРАЩЕНИЯ

AaTh.— The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC N 3). Translated and Enlarged by S. Thompson, Helsinki, 1961 (= FFC 184).

Bødker.— L. Bødker, Indian animal tales, Helsinki, 1957 (= FFC 170).

BP.— J. Bolte, G. Polívka, Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd 1—5, Leipzig, 1913—1931.

EbBo.— Typen türkischer Volksmärchen von Wolfram Eberhard und Pertev Naili Boratav, Wiesbaden, 1953.

Kovács.— A. Kovács, Magyar Allatmesék Tipusmutatoja, Budapest, 1958.

Medne.— A. Medne, Latviešu dzīvnieku pasakas, Rīgā, 1940.

Schullerus.— A. Schullerus, Verzeichnis der rumänischen Märchen, Helsinki, 1928 (= FFC, 78).

ThMot.— S. Thompson, Motif-Index of Folk-Literature, I—VI, Copenhagen—Bloomington, 1955—1958.

Wienert.— W. Wienert, Die Typen der griechischen Fabel, Helsinki, 1925 (= FFC 56).

AaTh 2
T217

AaTh 3
T011 (T196)

AaTh 4
T011 (T196) T365

AaTh 6
T016 T034 T037 (T132) T239 T355

AaTh 9
T031 *T052* T053 T069 (T123) (T131) T150 (T191) (T196) T209 *T237* T242 T243, T271 T273, T337 T340 T345 (T368) (T389) T402 T418

AaTh 9A
T015 T242 T271 T345

AaTh 9B
T052 T209 T273 *T352* (T389) T402 T418

AaTh 15
T018 *T327* (T340)

AaTh 20C
T365

AaTh 20D*
T014 T024 T033 T038 T051 T055 (T059) (T277) (T319) T321 (T354) *T395* T403

AaTh 20E*
(T176) (T281)

AaTh 21
T369

AaTh 33
T389 (T405)

AaTh 34 → AaTh 92
T232 T381

AaTh 35B*
T*215*

AaTh 36
T018 T027 (T071) (T132) (T274) T290 *T394*

AaTh 38
T377

AaTh 43
T058 (*T062*) (T066) T099 (T156) (T264)

AaTh 47A
T145

AaTh 47C
(T139)

AaTh 47D
T267 T307 *T371*

Примечание: курсивом набраны номера текстов, опубликованных в настоящем томе.

AaTh 47D^{t} → AaTh 30
T154 T194 *T258* T344

AaTh 47E
‖ T335

AaTh 50
(T216) *T372*

AaTh 51
T187 (T224) ‖ (T235)

AaTh 51A
T378

AaTh 56A
T034 T037 T070 T117 T300 (T318) ‖ (T320) T350 ‖ (T359) *T362*

AaTh 56A*
T176

AaTh 60
T129 *T380*

AaTh 61
T192 ‖ (T260) *T284* T351

AaTh 61A
(*T014*) T033 T038 T051 T055 (T059) T319 *T363* *T395* T403

AaTh 61B
T173

AaTh 62
T054

AaTh 64* — II (b)
‖ *T206* T354

AaTh 68B
T049 (*T092*) (T132) ‖ (T185) T209 (T242) ‖ (T390) *T394* T403 T405

AaTh 75
T230 ‖ (T375)

AaTh 92
T079 T088 *T179* *T187* (T232) T252 (T365)

AaTh 102
T092 (T129) (T145) T185 (T306) T390 *T394*

AaTh 103
T063 (*T074*) (T100) (T164) (T165) (T184) (T353)

AaTh 103A
T039

AaTh 103A*
T109 (T151) (T281) (*T362*)

AaTh 103 C*
(T157)

AaTh 110
(*T384*)

AaTh 111
(*T141*)

AaTh 122
T142 T170

AaTh 122A
T031 T335

AaTh 122B*
T142 T192 ‖ (*T211*) T239 ‖ (*T284*) T351

AaTh 122C
T140 *T142* ‖ (T148) *T228* T335

AaTh 122D
‖ (T059) T067 *T076* T141 T146 ‖ T168 T221 *T225* T323 T359

AaTh 122D*^{t}
T070 T117 *T300* T350 T359

AaTh 122F
T142 *T291* (T335)

AaTh 122J
T076 (T139) T146 (T182) T221

AaTh 122N*
T080 T109 *T115* (T145) T184 T236 T250 T353 (T354) ‖ (*T362*)

AaTh 122Z^{t}
T142 T221 T335

AaTh 123
(T005) T008 T012 (*T047*) (T060) (T065) (T072) (T077) (T089) (T098) (T124) (T126) (T127) (T162) (T203) (*T212*) (T249) T257 T276 (T295) (T398) T409 T410 T411 *T412* T413 T414 T415 T416

AaTh 125
(*T074*) (*T108*) (T218) T259 T293 T385 T397

AaTh 125B*
T157

AaTh 126
T073 (T074) T100 (*T108*) T165 (*T174*) T218 (T259) (T293) (T385) (T397)

AaTh 130
‖ *T024* T041 T045 T046 ‖ (T058) T063 ‖ (T099) (*T108*) ‖ T152 T155 T156 T161 (T165) ‖ T182 ‖ (T184) T250 T264 T275 T277 (T295) ‖ *T(354)* *T399*

AaTh 133*
T043 ‖ T048 ‖ (T231)

AaTh 150
T122

AaTh 154
T017 *T044* (T061) (T069) (T132) T368

AaTh 154 — IV
T318 *T320*

AaTh 155
T036 (T171) (T175) T189 T210 *T376* (T391)

AaTh 157
(T021) ‖ (T160) T180 ‖ (T256) T265 (*T377*) *T393*

AaTh 157A
T190

AaTh 159B
T035 T082 T147 T169 *T227* T244 *T255*

AaTh 163A*
T057 *T075*

AaTh 175
T325 *T338*

AaTh 180 → AaTh 2045B*

AaTh 182
(*T360*)

AaTh 202
(*T245*)

AaTh 203 A*
‖ (*T219*)

AaTh 210
‖ T025

AaTh 221
‖ ‖ (T056)

AaTh 222A
T299

AaTh 222B
‖ (T056) ‖ (T220) ‖ (T261)

AaTh 223
(*T016*) (T130) (T132) ‖ (T239) (T247) (T289)

(T318) (*T320*) T355 T356 (T383) T405

AaTh 225
(T097) T129 (T223) (T303) *T396*

AaTh 233A
T153

AaTh 233B
(T022) *T386*

AaTh 238
‖ (T078)

AaTh 248A
T083 ‖ T246 T407

AaTh 275
T015 T053 T123 T131 (T242) (T271) T302 T337 T345 T368 T382

AaTh 278
T110 *T229 T280* T330 ‖ T367 T387

AaTh 280A
‖ *T240*

AaTh 281*
(T358)

AaTh 282 C*
(T286)

AaTh 285D
T022 ‖ (T367)

AaTh 285D^{t}
T002 T006 T022 T104 *T106* T125 ‖ (T205) (T269) ‖ (T278) ‖ (T283) T311 T367

AaTh 295
T262

AaTh 715^{t}
T001 T007 (T010) (*T023*) (T028) T084 T087 T095 *T096* (T102) (T114) (T121) (T136) ‖ (T163) (T167) (T177) T181 (T193) *T213* T248 T253 (T268) (T310) T312 T134 (T315) (T316) T334 (T339) (T357) *T361* T373 (T400) ‖ (T401) ‖ (T406)

AaTh 1060
(*T157*)

AaTh 1122
(*T206*)

AaTh 1149
(T040)

AaTh 2025
T331

AaTh 2025^{t}
T004 T304

AaTh 2028^{t}
T113 T166 T172 T342

AaTh 2030B
T144 ‖ (T158) T238

AaTh 2031
T208

AaTh 2045B* → AaTh 180
T120 (T152) ‖ T233 T256 *T305* ‖ T374

Bødker 15
(T056) *T186* T204 T299

Bødker 246
(T298)

Bødker 741
‖ T375

BP 3,546
‖ *T347*

EbBo 1
‖ T048 ‖ (T150) *T188* (T196) T209 (T243) (T290) (T364) T389 ‖ (T390)

EbBo I—V → AaTh 36
(T017) ‖ (*T018*) *T027* ‖ T040 *T044* (T069) T071 T132 (T195) (T274) T289

EbBo 3
(T029) *T032* T086 ‖ (T092) (T129) T185 (T209) (*T215*) (T243) (T306) (T390)

EbBo 12
‖ (T298)

EbBo 18
‖ (T287)

EbBo 19
(*T101*) (T103)

EbBo 19 — IV
T119 T317

EbBo 21
T019 T020 T068 *T081* T085 T104 T107 T112 T128 T134 T137 T138 T178 T197 T198 *T207* T226 T241 *T251* T254 (T266) T272 T294 T308 T309 T311 T349 T408

EbBo 24
T013 *T064* T183 T201 T285 T333 T343 *T392* T417

EbBo 29
T116 ‖ (T200) T270 T292 ‖ (T296) T322 T326 T329 (T404) T419

EbBo 30
T003 T009 T091 T094 *T105* T111 T118 *T133* T135 T149 T199 T202 T214 (T282) T313 T328 T332 T341

EbBo 44 — V
T360

EbBo Anlage C—7
T051 T389

Kovács 67*
(T325)

Kovács 216* → Wienert ET 170 + 191
T288

Medne *68
T042

Medne **81
‖ (T264)

Medne *156 A
T234

Medne *201 B
T381

Medne **232
‖ T379

Medne *235
T263

Medne *237
T261

Medne **282
‖ T143

Schullerus 103-I*
T027 T030 *T044* T071 T132 T195 ‖ (T222) T289 (T323)

Schullerus 157,4
(T160) *T393*

Schullerus 216
T348

ThMot J429
T022 T050 *T388*

ThMot K525.5
T325

ThMot K1613
T263
ThMot K1771
T324 *T346*
ThMot U30 f.
T022 T050 *T388*

Wienert ET 61—63
‖ (T366)
Wienert ET 143′
‖ T336
Wienert ET 508
T370

Wienert ST 21*
‖(T026) T090 T093 T159
T279 T297 T301
Wienert ST 229′ — 230′
T347
Wienert ST 366′
T233

Исидор Левин

ПРЕДМЕТНЫЙ КЛЮЧ

(В ключе перечислены начальные слова мотивов, расположенных по алфавиту)

1. КОСМОС. 2. РАСТЕНИЯ. 3. ЖИВОТНЫЕ. 4. ПТИЦЫ. 5. НАСЕКОМЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ. 6. РЫБЫ. 7. ЧЕЛОВЕК. 8. ПИЩА, ОДЕЖДА, ОРУДИЯ. 9. АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ; РЕЛИГИЯ.

1. КОСМОС; ЛАНДШАФТ; СТРАНЫ

1.1 Ветер; Вода; Гора; Дождь; Землетрясение; Земля; Костер; Лужайка; Луна; Медина; Мекка; Облако; Огонь; Сад; Снег; Солнце; Хабаш.

1.2 Водоемы: Арык; Канал; Колодец; Озеро; Река; Хауз.

1.3 Минералы: Алмаз; Железо; Золото; Камень; Комочек; Кораллы; Красная глина; Серебро; Синяя краска; Уголь.

2. РАСТЕНИЯ

2.0 Части: Вершки; Ветка; Корешки; Листочек.

2.1 Несъедобные: Арча; Дерево; Заноза; Колючка; Куст; Лен; Соломинка; Трава; Хлопковые семена; Хлопок; Чинар.

2.2 Съедобные: Алыча; Боярышник; Виноград; Горошина; Зерно; Кукуруза; Кунжут; Лук; Морковь; Орех; Орешник; Просо; Пшеница; Пшено; Репа; Рис; Свекла; Тыква; Яблоки; Ячмень (см. 8. Пища).

3. ЖИВОТНЫЕ

3.0 Части тела: Брюхо; Глаза; Голова; Зад; Зубы; Кишки; Курдюк; Лапа; Лапка; Ляжка; Мясо; Ноги; Нос; Поясница; Рога; Хвост; Шкура, Язык.

3.1 Дикие: Волк/Волчата; Дикобраз; Еж; Заяц; Звери; Карокулак; Крот; Крыса; Лань; Лев/Львица; Леопард; Лис/Лиса, Лисята; Медведи/Медведица, Медведь, Медвежата; Мыши/Мышонок, Мышь; Обезьяна; Олень; Слон; Тигр; Шакал.

3.2 Домашние: Баран/Овцы; Бык; Верблюд; Жеребенок; Жеребец/Конь, Лошадь; Коза/Козел, Козлик, Козленок, Козлята; Кляча/Конь, Лошадь; Корова/Теленок; Кот/Кошка; Овцы; Осел; Собака.

4. ПТИЦЫ

4.1 Дикие: Аист; Воробей; Ворон/Ворона; Голуби; Горлинка; Дятел; Жаворонок; Журавль; Калот; Калькут; Карчаг; Коршун; Куропатка; Ласточка; Муйланг; Орел; Перепелка; Птица/Птичка; Симак; Скворец; Совы; Сокол; Соловей; Сорока; Удод; Чиж; Ястреб.

4.2 Домашние: Курица; Петух/Петушок; Утка.

5. НАСЕКОМЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

5.1 Насекомые: Блоха/Блошка; Букашка; Вошь; Жук; Клещ; Клоп; Мольчекак; Муравей/Муравейник; Муха; Оса; Пчелы; Саранча; Солчекак; Тля.

5.2 Пресмыкающиеся: Гусеница; Скорпион; Лягушка; Черепаха; Змея; Червяк.

6. РЫБЫ

7. ЧЕЛОВЕК

7.0.1 Части тела: Зад/Ползада; Губа; Живот; Ползада; Рана.

7.0.2 Выделения: Кизяк; Моча; Навоз.

7.0.3 Общее: Бай; Битый; Верхом/Всадник; Мужик; Плешивец; Собрание; Хозяин; Человек; Цыгане.

7.1 Имена собственные: Баховаддин; Бахтиёр; Буйрак; Имя; Кенджа; Мунаввар.

7.2 Родственность, поло-возрастные отношения: Гость; Девочка/Девушка/Дочь; Дети; Дочь; Жена/Вторая жена; Женщина; Мать/Мачеха; Мальчик; Невеста; Ребята; Сирота; Сестра; Сосед/Соседка; Старик/Старуха; Сын.

7.3 Профессии: Арбакеш; Водонос; Войска; Гончар; Дехкане/Дехканин; Дровосек; Закройщик; Йеменский падишах; Казий; Колхозники; Кузнец; Лавочник; Мастер; Мельник; Молотильщик; Мусорщик; Мясник; Охотник; Падишах/Йеменский па-

дишах; Пастух; Портной; Продавец; Прядильщик; Разбойники; Садовник; Сапожник; Скотовод; Служанка; Стража; Ткач; Точильщик; Шахтер.

8. ПИЩА, ОДЕЖДА, ОРУДИЯ

8.1 Пища: Атола; Блины; Блюда; Жир; Кавардак; Катульма; Катык; Кипяток; Кислое молоко; Колобок; Курмоч; Курут; Лепешки; Масло; Молоко; Мука; Пища; Хлеб; Яйца.

8.1.1 Наркотики: Анаша; Банг; Опий; Яд.

8.2 Одежда, украшения: Ворот; Одежда; Ожерелье; Платье; Пуговицы; Сапоги; Ситец; Ткань; Чалма; Шуба.

8.3 Жилье и сосуды: Гнездо; Горшок; Дом; Клетка; Ковш; Кувшин; Мешок; Мышиная нора; Хурджин.

8.4 Орудия, инструменты: Веретено; Гвоздь; Дутар; Желоб; Жернов; Звонок; Инструменты; Капкан; Кетмень; Колесо; Кошма; Лестница; Лопата; Маслобойка; Мельница; Мельничный желоб; Мельничный ящик; Ниточка; Обод; Палка; Печь; Плот; Подушка; Порох; Пузырь; Пули; Ружье; Ручка; Серп; Сети; Силок; Сито; Спички; Шило; Шумовка; Чучело.

9. АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ; РЕЛИГИЯ

9.0.1 Бабки (игра); Бег; Война; Добро; Зло; Отражение; Отсрочка; Сила; Советы; Соревнование; Тайна; Угроза; Хитрость.

9.0.2 «Накормить»; «Напугать»; «Насмешить».

9.1 Числа: Три/Трех; Четыре/Четверых; Пятерых (козлят); Шестерых; Семь/Семеро (волков); Десять (лепешек); Сорок; Сто.

9.2 Деньги, богатство: Тин; Сокровище; Казна; Деньги.

9.3 Религиозные понятия, письменность: Бог; Див (сад); Домулло; Заупокойная молитва; Ишан; Кааба; Казий; Медина; Мекка; Мечеть; Молитва/Заупокойная молитва; Надпись; Пятница; Синяя краска; Суфий; Хадж; Четки; Шейх.

УКАЗАТЕЛЬ

Аист берет в полет лягушку, которая держится ртом за палку Т097
Аист, попросив у лисы отсрочку, привел собак **Т067**
Аист сбрасывает своих птенцов лисе **Т037**
«Алмаз с куриное яйцо у меня в желудке», — сказал воробей охотнику **Т122**
Алмаза половину нашел петушок **Т102**
Алычу есть велел казий волку Т089
Анашу курить захотелось козе **Т108**
Арбакеш ударил по бочке с рыбой вместо воробья Т318 **Т320**
Арбакеш предлагает букашке выйти за него замуж Т178
Арбакеша съела курица **Т004**
Арча дает уголь Т270 Т322
Арык, чтоб пустить воду **Т346**
Атолу из глины и мочи отнес волк мастеру **Т126**

Бабки, в них лиса обыграла медвежат Т132
Бай отнял половину алмаза у петушка Т102
Банг и опий курили ребята Т183
Баран в шкуре волка Т259 Т397
Баран вытащил колючку у осла Т183
Баран, козел и теленок прогнали волков и продали волка вместо племенного барана Т155 Т389
Баран обещает волку прыгнуть со скалы ему в пасть [спасается] Т170
Баран, осел, петух, еж, теленок отправились в поле, заблудились в лесу Т025 Т073 **Т074** **Т108** **Т174** Т182 Т184 Т250 Т259 **Т399**
Баран отказался вынуть колючку из лапки мухи, его съел волк Т343
Баран, петух, крыса, калькут и осел отправились к Каабе в хадж/пугают волка Т041 Т277 **Т354**
Баран, петух, лиса, козел устроили собрание Т058
Баран послал ворону/волка пополоскать рот Т144 (Т158) Т238
Баран построил дом, зимой пустил туда петуха и козла Т580
Баран сказал, что хозяин ценит его больше, чем собаку и корову **Т348**
Баран сломал рога [траур] Т199 Т202
Баран ударил рогами волка/шакала Т041 Т250 Т259 Т277 (Т385) **Т399**
Барана выменял воробей на невесту **Т101** Т119
Баховаддину лис обещал ячмень за спасение от собак **Т014** Т038 **Т395**
Бахтиёр укатил в тыкве от льва, волка и лисы Т342
Бег наперегонки, клещ/лиса/черепаха **Т015** Т053 Т123 Т131 Т242, Т271 Т302 Т337 Т345 Т368 Т382
Белый медведь, отгоняя мух, кладет садовнику камень в рот **Т075**
«Битый небитого везет», — поет лиса верхом на волке Т011
Блины съели старик со старухой, залезли в тыкву Т030
Блоха и лиса/лягушка посеяли пшеницу Т131 Т271 Т340
Блоха, лягушка и лиса легли на солнцепеке, чтобы узнать, кто съел кавардак Т340
Блоха пошла с лисом в хадж **Т395**
Блоха прицепилась к хвосту лисы [бег наперегонки] **Т053** Т131 Т271
Блоха хотела попасть в руки зрячего Т286
Блохи впились в лису, чтобы спасти курицу Т358
Блошка в трауре Т003 Т009 Т135 Т149 Т199 Т202 Т214 Т313
Блошка умерла [траур] Т010 Т111 Т118
Блюда плоские, в них угощение журавлю положила лиса **Т380**
Бога поблагодарить/перед едой просила куропатка волка, лису [спасается] **Т142** Т192 **Т211** **Т 84** Т351

Примечание: полужирным шрифтом набраны номера текстов, публикуемых в настоящем томе. Эти номера проставлены над чертой вверху страницы в разделе «Тексты».

Боярышник, орешник просит коза пустить к ним в дупло, получает отказ Т295
Брюхо волку распорола коза Т005 Т008 Т012 **Т047** Т060 Т065 Т077 Т098 Т124 Т126 Т127 Т162 **Т212** Т249 Т257 Т276 Т398 Т409 Т410 (Т412) Т413 Т414 Т415 Т416
Букашка заставила мышонка пойти к казиюкоту рассудить их спор Т112
Букашка отказывается лечь у мышонка в ногах [холодно], в голове [будут кусать вши], ложится у него на груди (Т159) (Т200) **Т251**
Букашка, упав в костер, на котором ее хотел высушить мышонок, сгорела **Т207**
Букашка преждевременно родила сына Т226
Букашка упала в воду Т019 Т020 Т068 **Т081** Т085 Т104 Т107 (Т112) Т128 Т134 Т137 Т138 Т178 Т197 Т198 **Т207** Т226 Т241 **Т251** Т254 Т266 Т272 Т294 Т308 Т309 Т311 Т349 Т408
Букашка сказала, что сын человека уродлив Т226
Букашка просит передать мышонку, что она упала в воду [с угрозой] Т068 Т128 Т138 Т178 Т198 **Т251** Т308 Т349 Т408
Букашка просит передать мышонку, что она упала в воду [без угрозы] Т019 **Т081** Т085 Т104 Т112 Т134 Т137 **Т207** Т226 Т241 Т266 Т294 Т311
Букашке делает предложение пастух, дехканин, мышонок, ёж, собака, кот, скорпион, осел арбакеш, крыса, калот, всадник Т085 Т104 Т107 Т112 Т134 Т137 Т138 Т178 Т197 Т198 **Т207** **Т251** Т254 Т294 Т308 Т309 Т311 Т349
Буйрака-богатыря съела курица **Т004**
Бык выпил воду **Т064** Т201 Т285 Т333 **Т392** Т417
Бык, жеребенок, петух и козел отправились странствовать, на них напали волки Т063
Бык и верблюд посеяли пшеницу [вершки-корешки] Т389
Бык, убежав от хозяина, надел на себя шкуру волка **Т074**
Бык послал к огню воробышка Т013
Бык считает, что за добро платят злом Т189
Быков, золото, серебро получает воробей от хана за молчание Т401
Верблюд ел пшеницу, которую посеяли волк и лиса **Т031**
Верблюд и бык посеяли пшеницу [вершки-корешки] Т389
Верблюд сказал, что у льва дурно пахнет изо рта [был съеден за оскорбление] **Т378**
Верблюд, съев ветки дерева, разрушил гнездо; птица, лягушка и жаба убивают его Т407
Веретено/колесо прялки в носу у старухи/хозяйки/жены падишаха [траур] Т003 **Т105** Т111 Т135 Т214 Т332 Т341
Веретено на спине старухи [траур] **Т133**
Верхом прокатиться предложил волку осел [завозит к собакам, спасается] **Т115** (Т145) Т184 Т236 Т250 Т353 **Т354**
Вершки взял себе медведь/коза/волк/лиса/бык/верблюд **Т052** Т150 Т196 Т209 **Т237** Т243 Т273 **Т352** Т389 Т402 Т418
Ветер пошел к огню Т013
Ветер прогнал лису из дома зайца Т156
Ветер развеял хлопок старухи **Т064** Т392
Ветер унес листочек Т093 **Т279** Т336
Ветка вскопала землю **Т144**
Виноград пошли воровать лиса и волк Т418
Вода бьет осла, который хотел в нее броситься, он уходит обратно к хозяину Т287
Вода источника Зам-зам, в ней намочить козе рога велел казий Т410
Вода не разрешает умыться волку, вороне **Т144** Т158 Т238
Вода погасила огонь **Т064** Т201 Т285 Т333 **Т392** Т417
Вода погналась за охотником Т013
Вода помутнела [траур] Т003 Т009 Т094 **Т105** **Т133** Т135 Т149 Т199 Т202 Т214 Т328 Т341
Вода считает, что за добро платят злом **Т376**
Вода, чтобы вырастить дерево **Т346**
Воду земле, траве **Т116** Т270 Т292 **Т296** Т322 Т419
Воду пить приказал волку казий Т072 **Т212** Т249
Воду проглотил, затем выпустил петушок **Т096** Т357 **Т361**
Воду просит воробышек найти ожерелье Т013
Водонос дает воду **Т116** Т419
Война ворон и сов **Т186** Т204 Т299
Войска эмира разыскивают барсов Т274
Волк бежал от осла, выкопавшего «кишки» и «мочу» из земли Т157
Волк бежал от кота/петуха/быка/козы/барана/зайца/теленка **Т039** Т073 **Т074** **Т108** Т164 Т218 Т293 Т385 Т397 **Т399**
Волк бежал, испугавшись звона пиалушки **Т222**
Волк верхом на осле **Т115** (Т145 на верблюде), Т236 Т250 **Т354**

Волк вставил себе зубы T249 T411
Волк встретил осла, хотел его съесть T184 T236
Волк входит петушку в зад, затем выходит, съедает баранов **T096**
Волк, выпив перед боем много воды, распух **T212** T249
Волк выкопал канаву, пустил воду, скосил кукурузу, отвез на себе зерно лисе T209
Волк делит добычу по справедливости, его убивает лев **T187**
Волк запел стихи отца по просьбе козы **T108** T218 T228 (T259)
Волк застрял в мельничном желобе **T011** **T018** T072 (T274 барс)
Волк засунул голову в пасть верблюда, чтобы прочесть письмо у него под языком **T031**
Волк и коза во время битвы сломали зубы T203 **T212**
Волк и лиса крадут казну падишаха T367
Волк и лиса приготовили кавардак **T018** **T327**
Волк и лиса убежали, испугавшись «собак» [урчания в животе у старика] T071
Волк и медведь упали с обрыва, испугавшись старика T040
Волк, испугавшись угрозы дехканина, попадает в мешок, поставленный у норы T324 **T346**
Волк испугался осла/калькута/барана/петуха/крысы/мыши/козы (**T024**) T041 T161 T165 T277 T354
Волк, лиса, воробей попросились к старухе в садовники T087
Волк/лиса/клещ посеяли пшеницу/морковь/кукурузу/свеклу **T031** T196 T200 **T237** T243 T273 **T327** T418
Волк, лиса и лев отправляются на охоту [делят добычу] **T187** **T228** T235
Волк, наевшись винограда, не смог вылезти из виноградника T189 T243 T418
Волк, на нем едет верхом лиса и поет **T011**
Волк напал на баранов бая, за ним бросились собаки гончара, ткача, бая **T347**
Волк напал на петуха/барана/осла/ежа/теленка/козла/жеребенка T063 **T064** T073 T182 T183 T201 T285 **T392**
Волк обещал старику баранов за сохранение тайны T071
Волк опускает хвост в реку, примерзает **T217**
Волк отнес мастеру/казию/падишаху плохое подношение T005 T065 T072 T077 T089 T098 T124 T126 T127 T162 **T212** T410 T413 T414
Волк, от него в тыкве укатил сын падишаха/заяц/Бахтиёр/Кенджа/старик со старухой T030 **T113** T166 T172 T342
Волк оторвал лисе хвост T129
Волк оттрепал осла за уши T145
Волк поблагодарил свои глаза за то, что они спасли его от собак T318
Волк повез на себе лису **T011** T031
Волк подумал, что его дело быть мясником, а не петь **T140**
Волк, помянув родителей, выпустил перепелку T239
Волк попал в капкан из-за лисы T029 **T032** T086 **T215**
Волк попросил лису/обезьяну сшить ему шубу, носит ей коз/ягнят **T092** T129 T185 T306 T390 **T394**
Волк послал к огню воробышка T013
Волк поставил около норы лисы/обезьяны кувшин/камень **T092** T209 T247 T390
Волк покрасился под цвет козы, чтобы съесть козлят **T047** T257
Волк потребовал птенцов у воробышка, тот обещал накормить, насмешить, напугать T318
Волк потребовал у осла мясо, взятое в долг T184 **T354**
Волк потребовал, чтобы пшеница и лен оставили ему катульму T222
Волк пошел с лисом в хадж **T395**
Волк принес дехканину ляжку барана и пригнал его осла **T234**
Волк, проданный как племенной баран, сожрал всех баранов T155 T389
Волк проникает в дом зайца T099
Волк просит лису помочь ему вытащить из себя кишки, умирает **T369**
Волк прыгает через огонь, погибает T295
Волк прыгнул с обрыва, испугавшись собак **T140** T362
Волк сильней, он пожирает ягнят и козлят **T208**
Волк собрался съесть козу/куропатку/лошадь/ягненка/барана/козленка/осла/теленка [они спасаются] **T076** **T142** **T170** **T219** **T228** **T335**
Волк схватил лошадь зз хвост T145
Волк съел барана и козу, отказавшихся вынуть занозу у мухи T343
Волк съел девушку/служанку [траур] T341
Волк съел колобок **T331**
Волк съел козлят, когда козы не было дома T005 T008 T012 **T047** T060 T065 T072

T077 T089 T098 T124 T126 T127 T162 T203 **T212**
Волк съел пять коз, жеребенка, собаку, кошку, старика и схватил старуху T323
Волк убил лису и был убит львом за предательство T235
Волк/барс убил пахаря за то, что он открыл жене «тайну» **T018** T274
Волк, упустив зайца, пошел к отаре овец, его разодрали собаки T148
Волка взяла с собой лиса «на тот свет», заставила прыгнуть в воду, он гибнет T339
Волка вызвала на бой коза T008 T089 T249 T398 T409 T410 T416
Волка лягнула лошадь, когда он начал есть ее с ног (**T076**) **T142** T221 T335
Волка сожгла коза, разведя огонь под циновкой T411
Волкам предложил осел соревнование: кто выбьет мочу и жилы земли **T157**
Волки запели, что пришло мясо T165 **T174**
Волки остолбенели, когда петух взял дутар и заиграл T063
Волки пели о том, что съедят гостей T259
Волку брюхо распорола коза T008 T060 T249 T398 T408 T410 T415 T416
Волку вырвали зубы T005 T398
Волку достались вершки, корешки T196 T209 **T237** T243 T273 T418
Волку казий/мастер велел перед боем есть алычу/кислые яблоки/пить много воды T065 T072 T089 T410
Волку мастер вставил вместо зубов семена хлопка/зубы из дерева T060 T077 T414
Волку мастер обрезал язык T295
Волку осел должен был мясо T184 T354
Волку хвост оторвала лиса **T018**
Волчата съели лисят T389
Воробей вылетел из зада падишаха **T023** T084 T095 T121 (T136) T163 T167 T248 T253 **T372**
Воробей выменял барана на невесту, колючку на лепешки **T101** (T103) T119
Воробей дразнил падишаха/жену падишаха **T001** T095 T136 T163 T167 **T217** T253 T314 T401
Воробей накормил, насмешил, напугал волка T318 **T320**
Воробей нашел коробочку хлопка, отдал очистить, спрясть, соткать, покрасить, скроить, сшить себе платье. Оделся и пошел дразнить падишаха/дочь падишаха/хана **T001** (T007) (T010) T095 (T103) T121 T136 T167 T177 T181 (T193) **T213** T248 T268 T310 T314 (T315) T339 T372 T400 T401 T406
Воробей нашел кусок ткани, заставил старух сшить платье, пошел дразнить падишаха T114
Воробей нашел шелковую ниточку, отдал старухе спрясть, соткать, разрезать ткань T253
Воробей обещал охотнику за свою свободу три совета **T122**
Воробей отказался строить дом, попросился зимой в дом к вороне **T062** T066
Воробей отправился гулять верхом на лисе, когда лиса хотела его съесть, пожаловался льву T321
Воробей подпрыгивает от того, что сорока некогда связала ему ноги T010
Воробей поскользнулся на льду и сломал себе лапку **T208**
Воробей портит деревья обезьяны, дерево ломается, он падает, умирает [возмездие] **T120**
Воробей потерял ожерелье в кустарнике, просит его найти (T013) **T392** T417
Воробей принес деду дров, просил сварить плов, сломал крышу, взял 10 рублей, купил ткань, попросил соседа скроить, сшить, надеть на него платье T316
Воробей ругает старуху за то, что она сделала игрушечного воробья, уносит наперсток T401
Воробей-садовник в саду старухи **T023** T028 T087
Воробей свил себе красивое гнездо, туда проникла змея T261
Воробей хотел съесть гусеницу, та просит отсрочку, чтобы растолстеть **T291**
Воробью в лапку попала колючка **T064** T285
Воробья съела курица **T004**
Воробья съела кошка, пока он спал под крышей **T062**
Воробья убили, ощипали, посолили, поджарили, съели [но он продолжал дразнить] **T001** **T023** T028 T084 T087 (T095) (T136) T163 T167 **T372**
Ворон осыпал перья [траур] T003 T009 (T091 сорока) **T105** T111 (горлинка T118) **T133** T149 T199 T202 T214 T332 T341
Ворон пошел с лисом в хадж T033 T051 T055 **T395**
Ворон просил его ранить, бросить в лагерь врагов, чтобы разведать, как их уничтожить T056 **T186** T204 T299
Ворон просит лису сбросить его с горы, чтобы его мясо стало мягким [спасается] T070 (T117) **T300** T350

Ворон сломал клюв, поломал себе ноги [траур] T094 T313 T328
Ворона и лань увели охотника от черепахи **T230**
Ворона/сорока научила птицу не бросать лисе своих птенцов **T034** T037 T070 (T117) **T300** T350
Ворона попросилась к старухе в садовники **T023** T028
Ворона предложила воробью построить дом **T062** T066
Ворона предложила лисице поиграть на берегу T176
Ворона привела к лисе охотника T059
Ворона просит дехканина сказать его жене, чтобы та вышла замуж, родила сына T324
Ворона пустила воробья сначала к печке, потом к ногам, потом к голове T066
Ворона съела курицу **T004**
Ворона хотела съесть барана, тот посылает ее пополоскать рот **T144** T238
Вороне осел предлагает начать кушать его с зада и втягивает голову вороны в свой зад T250
Ворону попросила лиса взять ее с собой в полет, ворона сбрасывает ее T129
Ворону увидела мышь позади себя T375
Вороны, проникнув в лагерь, сжигали сов [война] (T056) **T186** T204 T299
Ворот платья просит закройщика вырезать воробышек T406
Вошь выскользнула из дрожащих рук слепого T286
Всадник/старик забрал шкуру леопарда/тигра у охотника [возмездие] **T120** T256
Всадник заговорил задом **T207**
Всадник предлагает букашке выйти за него замуж T257 T309
Всадника просит букашка передать мышонку, что она упала в воду [без угрозы] T085 T112 T134 T241 T266 T311
Всадника просит букашка передать мышонку, что она упала в воду [с угрозой] (T068) T128 T138 (T197) **T251** T349 T408
Вторая жена мышонка ударила букашку по голове раскаленным железом T104
Вшей жареных вместо пшеницы дала старуха охотнику T323
Гвоздь в заду хозяйки [траур] T214
Глаза свои благодарит волк/лиса за то, что они спасли его/её от собак T318 **T320**
Гнездо змеи разметала буря, та забралась в гнездо воробья, оно падает и разбивается T261
Голову отрезал вороне серп T238
Голову сметаной вымазала лиса **T011**
Голуби попадают в сеть охотника T022 (T153) T379 **T386**
Голубь посоветовал куропатке вить гнездо в другом месте, был схвачен за это лисой [спасается] T359
Голубь предлагает мышке свою дружбу T022
Голубя ночью обвинил сокол в том, что он заслоняет ему солнце, и съел его T050 (**T388**)
Голубя подстрелил сын садовника T379
Гончара сделать горшок просит ворона/волк **T144** T158 T238
Горлинка взяла у мальчика ружье и убила собаку T201
Горлинка занозила лапку колючкой, променяла ее на лепешки, их на козлят, их на невесту, ее на дутар T317
Горлинка просит огонь сжечь колючку T201
Горлинка просит старуху спрясть для нее ткань, затем дразнит падишаха, он ее зажарил и съел, а она вылетела из зада падишаха T334
Горлинка сбрасывает своих птенцов лисе T117 **T362**
Горлинке в лапку попала колючка, она просит ее вынуть T201
Горлинку прогнал сокол [возмездие] **T305**
Горошина покатилась, встретила соломинку **T262**
Гору поддерживает лиса **T015** T242 T271 T345
Горы затряслись [траур] T328
Горы свернуть может муравей **T208**
Горшок, чтоб зачерпнуть воды для вороны/волка **T144** T158
Гостя попросила букашка передать мышонку, что она упала в воду T294
Губу падишаха отрубили слуги, когда он выплюнул воробья T095
Гурдак поглотил Буйрака, старика, осла, лошадь, верблюда, ворону, девочек, ребятишек T330
Гусеница, жук, дождь и лягушка — каждый хочет стать шахом [сожрали друг друга] T366
Гусеница просит у воробья/скворца отсрочки, чтобы растолстеть [спасается] T009 **T291**

Двух козлят имела коза **T212** T398 T400 **T412** T413
Девочка потребовала за кувшин кораллы T329
Девушка/служанка/жена дехканина опрокинула на голову кислое молоко [траур] T094 **T111** **T133** T332 T341

Девушка, женщина с огнем на голове [траур] T094 **T133**
Девушка послала к огню воробышка T031
Девушка приложила к лицу лепешку [траур] T149
Девушка/служанка пришила к заду подушку/для выпечки лепешек/[траур] T214
Деньги вошли петушку в зад **T096**
Деньги на сладости для мыши тратил дровосек **T106**
Деньги отнесла коза спичкам T322
Дерево для ручки кетменя T324 **T346**
Дерево, к нему привязал человек льва/медведя T180 T265 (T377)
Дерево осыпало листву [траур] T094 T111 T118 **T133** T135 (T214) (T341)
Дерево/ива/чинар считает, что за добро платят злом T175 T189 T210 **T376** T391
Десять лепешек за колючку выменял воробей на одного барана **T101** T119
Десять метров ткани купил воробей T316
Десять рублей потребовал воробей у деда T316
Десять тин, отданные падишахом, вошли петушку в зад **T096**
Дети разожгли костер, прыгая через него, умерла тля [траур] T009
Дети, оставив на земле еду, погнались за перепелкой/собакой **T016** T132 T183 T289 T333 T356 T383
Дехкане поймали скворцов и пустили на свои огороды поедать саранчу T298
Дехканин бросил свои инструменты [траур] T149
Дехканин давал лепешки волчатам, а волк принес ему ляжку барана, пригнал осла T234
Дехканин/дед/старик задом на лопате [траур] T003 T009 T094 **T105** T111 **T133** T202 T214 T313
Дехканин напугал лису/медведицу урчанием в животе/собаками **T027** **T044** T071 T132 T195 T289
Дехканин обрезал медведю уши, ноги, голову T044
Дехканин поставил капкан, туда попался волк вместо лисы, его убивают T029 **T032** T086 **(T215)**
Дехканин поставил мешок у норы волка [угрожает ему] T324 **T346**
Дехканин предложил букашке выйти за него замуж T085 T178 T308
Дехканин просит кошку поймать мышь, за это дает зерно T326
Дехканин сеял, жал пшеницу T049
Дехканин сжег медведя в стоге сена **T044** T061
Дивов сад T250 **T399**
Дикобраза перевез через реку осел T048
«Добро за зло» T036 (T120) (T171) T175 T189 T210 (T374) **T376** T391
Дождь и снег сильнее, они прорывают облако **T208**
Дождь, лягушка, гусеница и жук — каждый хочет стать шахом [сожрали друг друга] T366
Дождь размочил комочек T093 T159 **T279** T336
Дом, в котором жили сорок богатырей, увидели осел, собака, кошка, петух T275
Дом построили себе ворона, баран, заяц T058 **T062** T066 T099 T152 T156
Домулло прогнал сапожника, от которого воняло, после того как на него опросталась кошка **T116**
Дочь падишаха дразнил воробей T181 T310
Дочь падишаха решила поймать мышонка-вора T349
Дровосек влюбился в мышь **T106** T125 T269
Дровосек сказал, что изо рта у медведя дурно пахнет T082
Дровосек/мужик/старик/ишан оскорбляет медведя/льва, ранит топором [рана заживает], слово остается T035 T082 (T147) T169 **T227** T244 **T255**
Дутар взял петух и заиграл так, что волки остолбенели T063
Дутар на невесту выменял воробей, горлинка **T101** T317
Дятел, куропатка, петух и жаворонок пошли с лисой в хадж **T014** T038
Дятел обещает лисе привести свидетелей своей невиновности, приводит собак **T014** T038

Еж, баран, осел, петух отправились в поле T182
Еж выкрасил зайца под леопарда (T152) T164
Еж и ласточка убивают змею, проникшую в теплый дом зайца T152
Еж предлагает букашке выйти за него замуж T104 T107 T134
Еж съел змею [возмездие] **T120** T374 T389
Еж может вылечить больного льва T216

Жаворонок, куропатка, дятел, петух, ворон, перепелка пошли с лисом в хадж T033 T038 **T395**
Жаворонок предложил лису закрыть глаза

и открыть рот, обещая влететь туда Т033
Жена мышонка била букашку раскаленным железом Т311
Жена дехканина пугает медведя **Т017** Т061
Жена дровосека/мужика/старика обидела злым словом гостя-медведя Т035 **Т227** Т244 **Т255**
Жена дровосека/человека/падишаха обожгла мышь **Т106** Т125 Т278 Т283
Жена, погнавшись за перепелкой, оставила обед, бросила поварешку в котел, ударила мужа/женщину по голове Т130 (Т247) (Т289) Т356 Т405
Жена пусть родит сына, он посадит дерево для ручки кетменя, которым дехканин разрушит нору волка Т324
Женщина-косарь дает траву Т326
Женщина испекла лепешку, она укатилась **Т331**
Женщина повесила на шею сито [траур] Т202
Женщина с колесом в заду [траур] Т094
Женщину просит букашка передать мышонку, что она упала в воду Т137
Железо мастеру Т270
Железо наточил мастер и привязал к рогам козы Т060
Железом раскаленным побила жена мышь/букашку Т104 Т125
Желоб мельничный, в нем застряли волк/лиса/ медведь **Т011 Т018 Т027** Т071 Т132 (**Т188**) Т274
Жеребенок, петух, козел и бык отправились странствовать, на них напали волки Т063
Жеребец считает, что за добро платят злом Т036
Жернов мельничный петушок положил в хурджин Т357
Живот падишаха, в нем кричит воробей **Т001** Т163
Жир медведя нужен табибу Т061 Т132
Жук, дождь, лягушка и гусеница — каждый хочет стать шахом [сожрали друг друга] Т366
Жук, клещ и лиса посеяли пшеницу [бег наперегонки] Т123
Жук улетел [траур] Т009
Жука просит букашка передать мышонку, что она упала в воду Т226
Журавль угостил лису из кувшина с тонким горлышком **Т380**

Зад, в него гвоздь засунула женщина [траур] Т214
Зад всадника/старика приклеился к кошме, за то, что они не передали поручение букашки мышонку Т068 Т085 Т138
Зад горлинки, в него попала колючка Т201
Зад зашил кошке сапожник, пришивая ей хвост **Т116**
Зад и голову мышке прижгла раскаленной поварешкой старуха Т002
Зад, к нему пришила служанка подушку [траур] Т214
Зад лисы, из него вышло сало Т340
Зад медведицы, по нему бьет лисица, это видит дехканин **Т027**
Зад падишаха/казия, из него вылетел воробей/горлинка **Т001 Т023** Т084 Т087 Т121 (Т136) Т248 Т334 **Т372**
Зад падишаха, к нему приложили кошму Т028
Зад петушка, туда вошли вода, волк **Т096**
Зад себе разорвала мышь [траур] Т009
Задом заговорил всадник **Т207**
Задом на лопате старик [траур] Т003 Т094 **Т105** Т111 **Т133** Т135 Т199 7202 Т214 Т313

Закройщика просит воробей сшить ему платье Т406

Занозу вынуть из ноги просит осел леопарда Т139 Т146 Т182 Т221

Заупокойную молитву поет петух **Т024** Т041 Т250

Зайцев поедал лев Т252
Зайцы встретились с лисой **Т179**
Заяц, выкрашенный под леопарда, от него бежит волк Т164 (Т293)
Заяц и кошка жили в одной норе Т264
Заяц имел дом, его прогоняет лиса/волк/ветер Т099 Т152 Т156
Заяц, надев на теленка шкуру льва, напугал волка Т293
Заяц поджег лису, а потом утопил ее в реке **Т206**
Заяц подсунул лисе отравленную ею пищу Т263
Заяц показывает льву отражение зайца/льва в колодце Т079 Т088 Т179 **Т187** Т232 Т236 Т252
Заяц просит у лисы отсрочку, чтобы накормить детей [спасается] Т146 Т148
Заяц укатил в тыкве от волка, шакала, льва Т166
Заяц хотел съесть колобок, тот прочел стишок и ушел **Т331**

Звери ежедневно отдают льву на съедение кого-нибудь из них **Т079** Т088
Звери убили льва-падишаха **Т378**

Звонок кошке на шею постановили повесить мыши **T384**
«Землетрясение», — подумала лиса, услышав бурчание в животе Мунаввара T195
Землю — гончару T158 T238
Земля за воду дает траву **T296** T419
Земля послала волка к кузнецу, чтобы тот сделал ему тешу T158
Земля сильнее, она поглощает дождь и снег **T208**
Зерно курице **T116** T326
Зерно нашла курица T191
Зёрна из тыквы вместо зубов T203
Зло за добро T036 (**T120**) (T171) T175 T189 T210 (T374) **T376** T391
Змея дикая отравила хлеб, уговорила приручённую змею убить своего хозяина, но его спасла кошка **T360**
Змея забралась в гнездо воробья, но оно упало под ее тяжестью T261
Змея проникла в теплый дом зайца, ее убивают еж и ласточка T152 (T261)
Змея, спасенная из огня, хочет отплатить злом за добро спасителю T036 (T171) T175 T189 T210 **T376**
Змея съела мышь/лису [возмездие] T120 T374 T389
Змея съела птенцов ласточки, хозяин дома убил ее T220
Змея укусила охотника, целившегося в горлинку [возмездие] **T305**
Золото, быков и серебро получает воробей от хана за молчание T401
Золото и серебро отдал падишах мышке, в которую он влюбился T278
Золото и серебро петушок положил в хурджин и отнес хозяину T357
Золото приносила мышь человеку, который давал ей сладости T283
Зубодер вырвал зубы волку T398
Зубы волку затупил/вырвал мастер/зубодер (T005) T012 T162 T398 T415
Зубы из дерева сделал мастер волку T414
Зубы из железа, стали **T212** T411
Зубы из хлопкового семени вставлены волку T098 T126 **T212** T249 T276 T411 **T412**
Зубы козе выбил волк T203
Зубы козе мастер сделал из золота T276

Имя дали новорожденному **T018** T132 **T327** T340
Инструменты для поливки бросил крестьянин [траур] T149
Ишан обругал льва, который напугал его гостей T147

Йеменскому падишаху визирь рассказывает историю о львице [возмездие] **T120**

Кааба, поклониться ей отправились баран, петух, крыса, калькут и осел **T354**
Кавардак **T018** **T327** T340
Казий велел волку перед боем есть алычу/кислые яблоки/ вставить вместо зубов хлопковые семена/ тыквенные зерна/ пить много воды T012 T072, T089 T127 T203 T410 T413
Казий велел волку и лисе лечь на солнцепеке **T327**
Казий козе наточил рога, велел намочить их в воде Зам-зам, сделал стальные рога, велел пить мало воды T012 T072 T089 T127 T410 T413
Казий-кот съел мышонка T112
Казий убил, зажарил, съел воробышка T248
Казию подношения несут волк, коза **T047** T089 T410 T413
Казия убили, когда стреляли в воробья, вылетевшего из его зада T248
Казну падишаха крадут волк и лиса T367
Калот-пастух предложил букашке выйти за него замуж T198
Калькут, осел, баран, петух, крыса отправились поклониться Каабе **T354**
Камнем убил медведь воспитателя, отгоняя от него мух T057
Канал дает воду **T296**
Капкан, в него попал волк вместо лисы T029 **T032** T086 **T215**
Карокулак рассказывает льву историю [возмездие] **T120** T256 T374
Карчаг-птицу, по совету вороны, выбрали падишахом птиц T056
Катульму потребовал от пшеницы и льна волк T222
Катык отнесла коза мастеру T005
Кенджа укатил в тыкве от собаки, волка, лисы T172
Кетмень арыку, воде T270 **T296** T322
Кетмень, чтоб разрушить нору волка (T296) T324 **T346**
Кизяк отнес волк мастеру T414
Кипятком обварила мышку старуха (T269) T278
Кислое молоко опрокинула на голову девушка [траур] T094 T111 **T133** T332 T341
«Кишки земли» — старые нитки выкопал из земли осёл **T157**
Кишки осла пожирает лиса **T369**
Клетка, в нее человек заманил льва T190
Клещ выиграл бег наперегонки, прицепившись

к ноге лисы, к хвосту волка / лисы T123 T302 T337 (T382)
Клещ/лиса/жук/черепаха/волк сеяли пшеницу T123 T302 T337 (T382)
Клещ плакал, сел на ветку [траур] T328
Клещ умер [траур] T332 T341
Клоп расцарапал себе лицо [траур] T094
Клоп умер [траур] T091
Клячу дохлую волк отнес казию T413
Ковш на голову надела служанка [траур] T009 T105
Коз на невесту выменяла горлинка T317
Коза, баран и теленок нашли шкуру волка T259
Коза и волк во время битвы сломали зубы T203 **T212**
Коза велит козлятам не пускать никого в дом T295
Коза вышла на бой с волком T005 T008 T012 T089 T249 T276 T398 T409 7410 T411 T416
Коза запела, что убьет волка, тот испугался **T108 T174** T259 T385
Коза и лиса сеяли морковь T150
Коза имела двух козлят T005 **T047** T295 T398 **T412** T413
Коза имела трех козлят T065 T072 T077, T089 T098 T126 T162 T249
Коза имела четырех козлят T008 T124 T409
Коза имела пятерых козлят T414 T415
Коза имела шестерых козлят T203 T410 T411 T414 T415
Коза имела семерых козлят T012 **T212** T257 T416
Коза не захотела идти в хлев T333
Коза оставила шкуру волка у дверей дома волков T259
Коза отказалась вынуть колючку из лапки мухи, ее съел волк T343
Коза отнесла мастеру/казию/падишаху хорошее подношение T005 T065 T072 T077 T089 T098 T124 T126 T127 T162 **T212** T410 **T412** T413 T414
Коза пила мало воды, чтобы легче было бороться **T212** T249
Коза привела лису в виноградник, позвала хозяина сада **T150**
Коза приглашает лису и волка в гости, разводит огонь, чтобы прыгать через него T295
Коза просит траву за молоко T270 **T296** T322 T404
Коза просит у волка отсрочку, чтоб накормить козлят/ принести приправу [спасается] **T076** T170 T221 T335
Коза развела огонь под циновкой и сожгла волка T411
Коза распорола брюхо волку [оттуда вышли козлята] T005 T008, T012 **T047** T060 T065 T077 T089 T098 T124 T127 T162 **T212** T249 T257 T276 **T412** T413 T414
Коза сделала зубы из хлопкового семени T411
Коза сделала себе рога из стали T149
Коза спрашивает у лисы/шакала/черепахи, кто съел ее козлят T005 T012 T089 T126 T249 T416
Коза убежала от хозяина/мясника **T074 T108** T161 **T174** T218 T259
Коза убила волка T072
Коза ударила волка рогами в живот T156 T161 T165
Коза ходила за дровами T282
Козе велел казий намочить рога в воде источника Зам-зам T410
Козе захотелось покурить анашу, и она направилась к дому волков **T108**
Козе рога наточил/сделал из железа/ из стали мастер/падишах/казий T065 T098 T124 T126 **T412** T413 T414 T415
Козу прикрепили на длинной привязи, ее съели T040
Козу хотел съесть волк, та просит его спеть [спасается] (**T076**) **T140 T142 T228** (T335)
Козел, баран, петух, лиса устроили собрание T058
Козел, баран и теленок прогнали волков и продали волка вместо племенного барана T155 (T389)
Козел, бык, жеребенок и петух отправились странствовать, на них напали волки T063
Козел обломал рога/вырвал себе шерсть/ бороду/отрубил хвост [траур] T003 T091 T094 **T105** T118 **T133** T149 T202 T214 T313 T332 T341
Козел отказался строить дом, попросился в дом к барану T058
Козел умер [траур] T282
Козленка съедает волк, когда козы нет дома T295
Козленок и теленок отправились без спросу гулять, на них напали волки T219
Козленок попросил у волка разрешения напиться, чтоб мясо стало вкуснее [спасается] T335
Козлята вышли из брюха волка T005, T008 T012 **T047** T065 T077 T089 T098 T124 T126 T127 T162 **T212** T249 T257

Т276 Т398 Т409 Т410 (**Т412**) Т413 Т414 Т415
Колесо в заду падишаха [траур] Т094
Колобок испекла женщина, он укатил, его съел волк **Т331**
Колодцу кувшин Т329
Колючка попала в лапку/в зад/ в ногу/ мухи воробышка/горлинки/осла **Т064** Т183 Т201 Т285 Т343
Колючку на лепешки выменял воробей/ горлинка **Т101** Т119 Т317
Колхозники, у них украла кошка зерно для курицы **Т116**
Коня продает человек и его сбрую навьючивает на осла **Т288**
Комочек прикрывает листочек от ветра, поссорившись, оба погибают Т090 Т093 Т159 Т279 Т297 Т301 Т336
Кораллы, за них продавец потребовал яйца Т329
Корешки взяла лиса/волк/бык/верблюд **Т052** Т150 Т196 Т209 **Т237** Т243 Т273 **Т352** Т389 Т402 Т418
Корова дает молоко **Т116**, Т292 Т326 Т329 Т419
Корова сказала, что хозяин ценит ее больше, чем собаку и барана **Т348**
Корова считает, что за добро платят злом Т036 Т210 **Т376** Т391
Корова, у нее просят молоко Т238
Коршун пошел с лисом в хадж **Т395**
Костер разожгли дети, прыгая через который сгорела тля [траур] Т009
Кот женился на лисе, напугал волка и медведя **Т039**
Кот — казий Т112
Кот предлагает букашке выйти за него замуж Т112 Т138 Т349
Кошка выпила молоко у женщины/старухи, та отрубила ей хвост **Т116** Т270 Т292 Т326
Кошка дважды спасла петуха от лисы Т173
Кошка, которую прогнал хозяин, отправляется в хадж **Т024** Т045 Т275
Кошка и заяц жили в одной норе Т264
Кошка и петух ушли в лес Т173
Кошка крадет мясо Т200 (Т333)
Кошка напала на мышь **Т064** Т183 **Т392**
Кошка опросталась в лицо сапожнику, когда он хотел распороть ей зад **Т116**
Кошка, петух, осел, собака напугали волка/разбойников Т045 Т275
Кошка попросила мышь освободить ее из силка, мышь перегрызла все нити, кроме последней Т375
Кошка пожаловалась льву на человека, сказав, что человечье мясо самое вкусное, показала человека, сидящего на дереве (**Т190**) Т265 **Т377**
Кошка поймала мышь, та просит отсрочки [спасается] **Т141 Т225**
Кошка поймала мышь, тогда дехканин дал ей зерно Т326
Кошка сказала, что мать не научила ее распознавать запахи [спаслась] **Т378**
Кошка спасла хозяина от прирученной змеи **Т360**
Кошка ссорит ястреба и лису Т026
Кошка съела воробья, пока он спал под крышей дома **Т062**
Кошке повесить звонок на шею постановили мыши на собрании **Т384**
Кошке предлагает старуха лечь спать за дверью, в головах, за спиной, на груди Т200
Кошму приложили к заду падишаха Т028
Красная глина, в ней вывалялась лиса и назвала себя суфием Т033
Крот пошел с петухом и ослом, копает могилу Т161
Крыса, калькут, осел, баран и петух отправились поклониться Каабе **Т354**
Кувшин, в нем голова лисы [лиса его топит и тонет] **Т049**
Кувшин дерьмом наполнила лиса, съев из него мясо **Т327**
Кувшин поставил волк/перепелка/удод/ лягушка/муравей/у дома лисы, обезьяны **Т092** Т242 Т390 Т403 Т405
Кувшин привязала себе к хвосту лиса/ обезьяна, черпая воду, оторвала хвост **Т092** Т132 (Т185) (Т390) (Т403) Т405
Кувшин с узким горлышком, в него журавль положил угощение лисе **Т380**
Кузнец бросил волка в огонь Т158
Кузнец затупил волку зубы, наточил рога козе Т415
Кузнец послал ворону к шахтеру за железом Т238
Кузнец сделал серп вороне **Т144**
Кузнец ударил молотом по голове, чтобы убить жаворонка [насмешил лису] **Т016** Т247 (Т356) (Т383) (Т405)
Кукуруза Т209 Т250
Кунжут перепутала и бросила в воду соседка [траур] Т111
Курдюк обещала кошке мышь, если она ее отпустит **Т141**
Курица дает яйцо Т116 Т292 Т326 Т329
Курица нашла зерно, отнесла на мельницу, сделала тесто, спекла хлеб Т069

Курица отправляется с лисой в сад T319 T321
Курица подружилась с блохами, которые спасают ее от лисы T358
Курица просит отсрочку у лисы, обещая принести яйца [спасается] T168
Курица съела арбакеша, ворону, сороку, воробья, Буйрака-богатыря, ее убила старуха **T004**
Курица, утка и мышь жили вместе T191
Курмоч (жареную пшеницу) обещала старуха охотнику T323
Куропатка, лис, ворон идут в хадж T038 T051 T059
Куропатка просит лису/волка поблагодарить бога перед едой [спасается] **T142** T192 (T260) **T284** T351
Куропатка предлагает свою дружбу мышке T022
Куропатку/голубя съедает ястреб, обвинив в том, что она закрыла ему солнце T050 T388
Курут съел с могилы букашки всадник (заговорил задом) **T207**
Куст держит муху во время ветра T143

Лавочник дал шакалу яйца за шкуру T419
Лань и ворона увели охотника от черепахи **T230**
Лапка мухи/воробья/горлинки, в нее попала колючка T201 T285 T343
Лапку сломал себе воробей на льду **T208**
Лапу льву защемил человек в расщелине дерева **T377**
Ласточка вывела птенцов, их съела змея T220
Ласточка и еж убивают змею, проникшую в теплый дом зайца T152
Лев, волк и лиса отправляются на охоту [делят добычу] **T187** **T228** T235
Лев, встретив осла, заревел чуть слышно T046
Лев и лиса встретились посреди реки и утонули, не уступив друг другу дорогу **T245**
Лев и осел решили переплыть реку на соревнование T281
Лев испугался ослиного рева и убежал (T046) T109 T184 T353 **T354**
Лев, от него в тыкве укатил Бахтиёр T166 T342
Лев оторвал лисе хвост, когда она таскала еду у львят T404
Лев отправился на охоту с лисой и волком [разделил добычу] T224 T235
Лев повез на своей спине притворившуюся больной лису **T267**
Лев подружился с лисой, убил ее после того, как она без нужды звала его на помощь T370
Лев по просьбе лисы прыгает через овраг [разбивается] T154 T194 **T258** T344
Лев пожирал в лесу зверей/зайцев **T079** T088 **T179** T252
Лев предлагает лисе начать есть его с ушей T154 T194
Лев предлагает человеку состязаться в силе [его привязывают к дереву/заманивают в клетку] (T021) T160 **T190** (T265) **(T369)** **(T377)** T393
Лев прыгнул в воду за своим отражением **T079** T088 **T179** **T187** T232 (T236) T252
Лев разорвал лису по просьбе воробья T321
Лев сказал тигру, чтобы он никогда не попадался на глаза человеку T160
Лев спросил у верблюда, слона, кошки, пахнет ли у него изо рта **T378**
Лев съел лосят, был наказан охотником, убившим львят [возмездие] T233
Лев съел собаку [возмездие] T374
Лев убил волка за то, что он предал и убил лису [возмездие] T235
Лев убил лошадь и накормил лису T267
Лев хотел съесть кошку, она ему сказала, что самое вкусное мясо — человеческое (T100) **T377**
Лев хочет съесть охотника, который спас его из клетки T391
Льва-падишаха убили звери за нарушение обещания не есть их **T378**
Льву рассказывает карокулак историю о львице, о том, что человек сильнее [возмездие] **T120** T256 T374
Льву сказала лиса, что его исцелит шкура волка T216 T373
Льву сказала лиса, что человек сильнее его **T369**
Львы, волки и леопарды испугались упавшего с дерева теленка в шкуре волка T218
Львица охотится на газель / на детей человека, охотник тем временем убивает ее львят [возмездие] **T120** T374
Леопард бежал от осла, сказавшего, что он племянник льва T151
Леопард, от него в тыкве укатил сын падишаха **T113**
Леопард разодрал гончую собаку [возмездие] T256
Леопард хотел съесть осла, но тот его ударил задней ногой [надпись] T139

Леопарда обманул олененок, сказав, что после каждого убитого леопарда на его шкуре появляется пятно **T100**

Леопарды, волки и львы испугались упавшего с дерева теленка в шкуре волка T218

Лен повезли старик со старухой на маслобойку T030

Лен пошел на маслобойку жать масло T222

Лепешки воробей/горлинка променял на барана/коз **T101** T119 T317

Лепешки, замешенные на молоке, отнесла коза казию-мастеру T072 T089 T124 T162 T410 **T412** T413 T414

Лепешки из навоза T065 T089 T162

Лепешку приложила к лицу девушка [траур] T149

Лестница золотая/серебряная/грязная, по ней букашка соглашается вылезти из хауза T134 T138

Лис выкрасился в синий/красный/белый/желтый цвет [хадж] **T014** T033 T038 (T055) T059 (**T363**)

Лис, его разодрали собаки [хадж] **T014** T038 (**T320**)

Лис обвиняет перепелку в том, что она пугала коня под всадником и клевала зерно, посеянное мусульманами T403

Лис обвиняет петуха в том, что он будит мусульман, и съедает его T211

Лис, обещав за свое спасение святому Баховаддину блюдо ячменя, обманывает его **T014** T038 (**T395**)

Лис по дороге в хадж съел петуха, перепелку, жаворонка, дятла, куропатку, ворона **T014** T033 T038 T051 T059

Лис притворился суфием [хадж] **T014** T033 T038 T051 T059

Лис прыгнул в гнездо чижа и разбился **T365**

Лис сказал волку, что по пятницам он не ест мяса, и заманил его в капкан **T215**

Лис сказал петуху, что собаки не знают о решении собрания [мир зверей] **T054**

Лис с петухом/вороном/куропаткой/жаворонком/дятлом/перепелкой/муилангом пошел в хадж **T014** T033 T038 T047 T051 T055 T059 **T395**

Лис, украв платье человека, надел его, пошел в мечеть молиться, его приглашают в гости, он ворует кур (T206) **T363**

Лиса, бесхвостая, заманив лисиц в виноградник, оборвала им хвосты **T092** T129 T209 T243 T306 (T390)

Лиса избила медведя/барса, застрявших в желобе **T018** **T027** T069 T132 T274

Лиса/блоха/ клещ/жук/муравей/лягушка/мышь/черепаха бежали наперегонки **T015** **T053** T123 T131 T242 T271 T345 T368

Лиса/волк/медведь/клещ/жук/коза/лягушка/муравей/блоха/мышь/черепаха посеяли пшеницу/морковь/свеклу/лук/кукурузу **T031** **T052** (**T053**) T069 T123 T150 T196 T209 **T237** T242 T243 T271 T273 T302 **T327** T340 T345 T368 (T382) T389 T402 T418

Лиса верхом на волке/леопарде/осле/льве **T100** T196 T265 T267 **T362**

Лиса верхом на волке поет: «битый небитого везет» **T011** (T196)

Лиса взяла волка, медведя «на тот свет» T339

Лиса поблагодарила бога перед едой и выпустила куропатку/петуха/сороку **T034** **T211** **T284** T351

Лиса, волк, воробей попросились к старухе в садовники T087

Лиса, волк и лев отправляются на охоту [делят добычу] **T187** T224 T235

Лиса приклеилась к смоляному чучелу, она заманила на свое место собаку **T338**

Лиса вошла в дом к волкам T165

Лиса выкрасилась, чтобы съесть козлят **T047**

Лиса, вымазав голову сметаной, легла на дороге **T011**

Лиса вымазала жиром волка **T327**

Лиса выпила молоко у старухи, та отрубает ей хвост T296 T322 T329

Лиса вытащила петуха через окно, его спасла кошка T173

Лиса вышла замуж за кота, потребовала, чтобы звери принесли ему мясо **T039**

Лиса дает курице отсрочку, чтоб принести яйца T168

Лиса забралась в мельничный желоб T071

Лиса завела волка/медведя в виноградник (T150) **T188** T209 T243 T290 T389 (T390)

Лиса заманила волка в капкан T029 **T032** **T096** (**T215**)

Лиса, засунув в нос виноградины, заманила в виноградник обезьян, волка, (оборвала им хвосты) (**T188**) T390

Лиса захотела съесть аиста, он просит отсрочку [спасается] T067

Лиса и волк приготовили кавардак, она съела все мясо **T018** **T327** T340

Лиса, играя на берегу по предложению вороны, упала в воду T176

Лиса и лев встретились посреди реки и утонули, не уступив друг другу дорогу **Т245**
Лиса, козел, баран, петух устроили собрание Т058
Лиса назвала имя «новорожденного» **Т018** **Т327** Т340
Лиса начинает есть льва с хвоста **Т154** Т194
Лиса нашла шкуру/шубу, надела ее на себя Т129 Т306
Лиса обыграла медвежат в бабки (напугала их) **Т027** Т132
Лиса опустила кувшин с хвостом в воду, хвост оторвался/тонет сама **Т092** Т132 Т209 Т242 Т403 Т405
Лиса, от нее в тыкве укатил Бахтиёр/Кенджа Т172 Т342
Лиса пахала на волке Т209
Лиса пела газели и играла на домбре **Т074**
Лиса, петух и аист пошли в сад, лиса захотела съесть аиста Т067
Лиса, поблагодарив глаза и ноги за помощь в бегстве, отдала хвост собакам **Т320**
Лиса повела в чудесный сад курицу, петуха, перепелку Т319
Лиса, подражая льву, леопарду, напала на лошадь, та лягнула ее Т267 Т307 **Т371**
Лиса «поддерживала» камень/гору **Т015** Т242 Т271 Т345
Лиса поедала у курицы цыплят, в нее впились блохи, она содрала с себя шкуру и сдохла Т358
Лиса поет, что задерет всех волков Т265
Лиса пожирает кишки осла **Т369**
Лиса позвала сторожей, пока волк/медведь ел виноград, его убили **Т188** Т196 Т290 Т418
Лиса поймала голубя/куропатку **Т362** **Т369**
Лиса показала льву его отражение в воде [прыгает]] Т079 (**Т179**) **Т187**
Лиса получила вершки/корешки **Т052** Т150 Т196 Т209 **Т237** Т243 Т418
Лиса попросила ворон/аистов взять ее с собой в полет, падает Т129 **Т296**
Лиса потребовала, чтобы птицы Симак/каликардж/горлинка/аист сбросили ей птенцов **Т034** Т037 Т070 Т117 (Т195) **Т300** **Т320** Т350 **Т362**
Лиса поссорила комочек и листочек, они погибают **Т297**
Лиса предложила волку вместе украсть казну падишаха, она выдает его сторожам, казну оставляет себе Т364 (Т389)
Лиса пригласила волка к падишаху на свадьбу и натравила на него собак **Т394**
Лиса пригласила журавлей в гости, положила угощение на плоские блюда **Т380**
Лиса пригласила зайца в гости и отравила пищу Т263
Лиса притворилась мертвой, чтобы поймать ворону/сороку/голубей **Т034** Т037 Т070 Т117 Т176 **Т300** Т350 **Т362** Т389
Лиса прогнала зайца, козу и петуха, которые хотели выгнать ее из дома зайца Т156
Лиса просит волка/льва прыгнуть, как прыгал его отец Т154 Т194 **Т258** Т344 **Т362**
Лиса просит ворону начинать есть ее с ушей Т037
Лиса просит куропатку петь с закрытыми глазами [хватает ее] Т192 (Т260) **Т284** Т351
Лиса просит перепелку/жаворонка насмешить, накормить и напугать ее **Т016** Т130 Т132 Т247 Т355 (Т356 Т383) Т405
Лиса просила сороку начинать есть ее с хвоста **Т034**
Лиса прыгает с горы вслед за вороном, брошенным ею, и разбивается Т300 Т350
Лиса пыталась съесть козлят, ее не пустили в дом **Т047** Т077 Т162
Лиса разбилась, прыгнув вслед за вороной с обрыва **Т034**
Лиса сказала больному льву, что его исцелит шкура/ляжка волка/мясо ежа Т216 Т373
Лиса сказала волку, что лев заберет себе бóльшую часть добычи, ее убивает волк, чтобы не пришлось с ней делиться Т235
Лиса сказала другой лисе, что встретиться им доведется на пушном базаре **Т042**
Лиса сказала льву, что человек сильнее его **Т369**
Лиса спасает дехканина от медведя/барса **Т044** Т132 Т274
Лиса спряталась в мешок Т368
Лиса сунула голову в кувшин, топит его и тонет сама **Т049**
Лиса, считая, что за добро платят злом, заманивает спасенных змею/льва обратно в мешок/клетку Т036 Т175 Т189 Т210 **Т376** Т391
Лиса съедает у львят еду, за это лев отрубает ей хвост Т404
Лиса съедала птенцов куропатки Т359
Лиса съела ежа [возмездие] **Т120** Т256 Т374 (Т389)

Лиса без нужды звала на помощь льва, за что была им убита T370
Лиса убежала от верблюда **T031** (T345)
Лиса увела осла у цыган/людей **T365** T389
Лиса увела с собой воробья, перепелку, курицу, пыталась съесть воробья T321
Лиса уговорила волка опустить хвост в реку, и он примерз **T217**
Лиса поселилась в теплом доме зайца T156
Лиса хватает перепелку/жаворонка/ворону, каждый заставляет ее открыть рот [спасается] **T016** T037 T132
Лиса хотела схватить петуха, с нее спустили шкуру козел, баран, жеребенок T063
Лиса хотела съесть петуха за то, что он многоженец **T211** (T403)
Лису выбросило на берег, ее подобрал человек (T389) T405
Лису застрелили охотники T196
Лису и волка пригласила коза в гости, разводит огонь, чтобы через него прыгать T295
Лису петушок взял с собой к падишаху T357
Лису поймал мужик, принес ее домой, она отрубила жене голову, ее поджег заяц и утопил в реке **T206**
Лису положил человек себе за спину в хурджин, она, отогревшись, начала его щипать T389 T405
Лису попросил волк сшить ему шубу **T092** T129 T185 T306 (T390) **T394**
Лису посылает падишах за ситом, она выпивает молоко **T296**
Лису разорвал лев по просьбе воробья T321
Лису с ястребом ссорит кошка T026
Лису схватили козел, баран, жеребенок и спустили с нее шкуру T063
Лисят съели волчата T389
Листочек прикрывает комочек от дождя, поссорившись, погибают оба T090 T093 T159 **T279** T297 T301 T336
Лопата, на ней задом старик [траур] T003 T009 T094 **T105** T111 **T113** T135 (T199) T202 T214 T313
Лопата на плече [траур] T341
Лошадь лягнула волка, когда он начал есть ее с ног [надпись на копыте] **T076** **T142** T221 T335
Лошадь лягнула лису, которая, подражая льву/леопарду, напала на нее T267 T307 **T371**
Лошадь споткнулась, всадник упал и умер [возмездие] **T120** T256 T374
Лошадь упала и разбила морду T145
Лужайка потребовала воды за траву T329
Лук, пшеницу и свеклу сеяли лиса и медведь **T052**
Луну просит воробей найти ожерелье T013
Лягушка, гусеница, жук, дождь — каждый хочет стать шахом [сожрали друг друга] T366
Лягушка и муравей поставили кувшин у норы лисы T242
Лягушка и мышь связались веревкой, их подхватил ястреб/орел T110 **T229** T280 T330 T367 T387
Лягушка кваканьем заманила слепого слона к обрыву T083 (T407)
Лягушка летит, держась ртом за палку, которую несут аисты/утки, раскрыв рот, она падает T097 T223
Лягушка, лиса и блоха легли на солнцепеке, чтобы узнать, кто съел кавардак T340
Лягушка, лиса, блоха, муравей посеяли пшеницу T242 T271 T340
Лягушка перевозила червяка через реку, нырнула, когда он стал ковырять ей спину T231
Лягушка проквакала всю весну, а зимой пошла к муравью за зерном **T240**
Ляжка волка исцелит больного льва, сказала лиса T126
Ляжку осла отнес волк мастеру T005

Мальчик, у него горлинка взяла ружье и убила собаку T201
Масло жать пошел лен T222
Маслобойка, туда везут лен старик со старухой T030
Маслобойка, туда пошел лен жать масло T222
Мастер волку вставил зубы из хлопковых семян/из дерева/вырвал зубы/затупил зубы/обрезал язык/посоветовал поесть кислых яблок T005 T060 T065 **T077** T098 T126 T162 **T212** T295 (**T412**) T414
Мастер дает серп/кетмень T270 T322 T404
Мастер козе заточил/укрепил рога/сделал крепкими рога/вставил зубы из стали T005 T060 T065 T077 T098 T126 **T162** (**7212**) T412
Мастер пришил кошке хвост T292
Мастеру несут подношение коза, волк/шакал **T412** T414
Мать потребовала, чтобы горлинка принесла колючку обратно T317
Мачеха/мать, разрезав пополам тыкву, в которой спрятался сын, убила его **T113** T172

Медведи пожирали еду у обезьян, к ним в лагерь хитростью проник падишах обезьян T204
Медведица погналась за лисой, которая напугала/обыграла в бабки медвежат **T027** T132
Медведь вез на себе лису **T365**
Медведь и волк упали с обрыва, испугавшись старика T040
Медведь, испугавшись кота, свалился с дерева **T039**
Медведь/лиса/старик сеяли лук/репу/пшеницу [вершки-корешки] **T052** T069 **T352** T402
Медведь помогает дровосеку/мужику/старику/ишану собирать дрова, его оскорбляют, ранят топором [рана заживает — слово остается] T035 T082 (T147) T169 **T227** T244 **T255**
Медведь потребовал у дехканина долю урожая **T017** **T044** T061
Медведь пошел в Мекку с лисой, волком, куропаткой, вороном, жаворонком [съедает всех, кроме жаворонка] **T395**
Медведь предлагает человеку состязаться в силе/его привязывают к дереву T021 T160 **T190** T265 **T369** T377 **T393**
Медведь просит дехканина спрятать его **T017** **T044** T061
Медведь застрял в желобе, был избит лисой, просил мужика сохранить это в тайне, обещав баранов (**T018**) **T027** T069 T132 (T274).
Медведю мельник обрезает уши, ноги, шею T132
Медведя сжег дехканин **T044** T061
Медведя белого взял себе садовник в помощники, он положил в рот садовнику камень, чтобы убить мух T057 **T075**
Медведя взяла с собой лиса «на тот свет», заставила прыгнуть в воду, он гибнет T339
Медведя завела лиса в виноградник и позвала сторожей T290
Медвежат обыграла лиса в бабки/напугала их **T027** T132
Медина [хадж] T395
Мекка [хадж] T024 T395
Мельник открывает жене тайну [лиса кусала медведя за хвост] **T132**
Мельница, в ней спрятался медведь T069
Мельничный желоб, в нем застряли волк/лиса/медведь **T011** **T018** **T027** T071 T132 (T188 сточный) T274
Мельничный ящик [траур] **T133**
Мечеть, туда пошел молиться лис, одетый в платье человека **T363**
Мешок установил дехканин у норы волка T324 T346
Молотильщик дал лисе зерно T329
Молитву заупокойную поет петух **T024** T041 T250
Молоко выпили кошка/шакал/лиса у старухи, та отрубает хвост **T116** T270 T292 **T296** T322 T326 T329 (T404) T419
Мольчекак расцарапала себе лицо [траур] T133
Морковь посеяли волк и лиса [вершки-корешки] (T150) T196 T209 **T237** T243 T273 T418
Моча старухи оросила землю, и там вырос сад **T023** T084
Мочой наполнил котел петух T218
«Мочу земли» — кислое молоко выбил осел из земли **T157**
Мужик открыл жене тайну [лиса избила медведя] **T018** **T027** T069 T071 (**T132**)
Мужик, погнавшись за перепелкой, бросил в нее котел и сломал ружье T405
Мужик поймал лису и принес ее домой **T206**
Муиланг, пообещав лисе двух коров-свидетелей, привел двух собак [хадж] T051
Муку молоть пошла пшеница T222
Мунаввар, когда у него забурчало в животе, он сказал лисе, что это идут собаки T195
Муравей и лягушка поставили кувшин у норы лисы T242
Муравей и ястреб поспорили, кто лучше видит T078
Муравей, лиса и лягушка сеяли пшеницу [бег наперегонки] **T015** T242 T345
Муравей отказал лягушке в пище, сказав, что ей надо было не квакать, а собирать зерно **T240**
Муравей расцарапал себе лицо, прочел стихи на смерть козла [траур] T091 T282 T332 T341
Муравей позвал на помощь муравьев избить осла палками T246
Муравей умер [траур] T094 T328
Муравьи самые сильные, они воруют дробь у охотников T208
Муравейник проглотил, затем изрыгнул петух **T361**
Мусорщик дал лисе уголек T404
Мух отгонял от садовника белый медведь и убил его **T075**
Муха занозила лапку, попросила барана, козу вынуть колючку T343
Муха прицепилась к кусту, когда подул ветер T143
Мыши постановили повесить кошке на шею звонок **T384**

Мыши предлагает свою дружбу куропатка T022
Мышиная нора, из нее человек забрал сокровища T022 T367
Мышонок воровал казну падишаха **T019** T266 T349
Мышонок помог выбраться букашке из воды T020 T068 **T081** T085 T107 T128 T137 T178 T198 T207 T226 T241 T256 T272 T294 T308 T309 T311 T349
Мышонок положил на могилу букашки курут с угрозой, что тот, кто съест курут, заговорит задом **T207**
Мышонок предлагает букашке выйти за него замуж T020 **T081** T085 T104 T107 T112 T134 T137 P138 T178 T197 T198 **T207** T241 **T251** T254 T272 T294 (T308) T309 T311 T349
Мышонок пригласил букашку лечь в ногах, на груди, в головах **T251**
Мышонок протянул букашке золотую/серебряную/грязную лестницу T134 T138
Мышонок ушел на туй T020 T068 **T081** T085 T104 T107 T112 T128 T134 T137 T138 **T179** T196 T198 **T207** T242 **T251** T254 T272 T294 T308 T309 T311 T349 T408
Мышь, в нее влюбился человек/плешивец/старик/дровосек/падишах T002 T006 **T106** T125 T269 T278 T283
Мышь воровала у человека/старика пищу T022 T367
Мышь грызет корень фруктового дерева/тростника [возмездие] **T120** T374
Мышь и лягушка связались веревкой, их схватил ястреб/орел T110 **T229** T280 T330 T367 T387
Мышь испугалась ослиного рева T184
Мышь, курица и утка жили вместе T191
Мышь научила осла, как сбежать от старухи **T157**
Мышь носила человеку золото, а он приносил ей сладости T283
Мышь обожгла старуха раскаленной поварешкой / горячей золой / раскаленным железом T002 T006 T125
Мышь освобождает голубей/черепаху из сети T022 **T230** (T375) T386 (T417)
Мышь, осел, петух и баран пришли в сад дивов T250 **T399**
Мышь отказалась от дружбы с куропаткой, рассказав притчи T022
Мышь перегрызла платье охотника/ремни мясника **T064** T183 T285 T417
Мышь поймала кошка, за это дехканин дал кошке зерно T326
Мышь пошла в хадж с ослом, петухом и бараном T041 T277
Мышь просит у кошки отсрочку, чтобы привести к ней мышей/принести курдюк/рассказать сказку [спасается] **T141** **T225**
Мышь/птица и жаба притащили верблюда/слона за хвост на край обрыва T407
Мышь разорвала себе зад [траур] T009
Мышь стала рыть землю, волк в страхе убегает T041 T250 T277 **T399**
Мышь из страны Хабаш, освобождая кошку из силка, перегрызла все нити, кроме последней T375
Мышь украла у охотника пули и порох T392
Мышь, черепаха и лиса посеяли пшеницу [бег наперегонки] **T368**
Мясник зарезал быка (T111) **T333** T417
Мясо ежа исцелит больного льва T216
Мясо человеческое вкуснее **T377**

Навоз отнес волк мастеру T410 **T412** T413
Надпись на подкове/на языке просил волка/леопарда прочесть верблюд/осел (T031) (**T076**) (**T142** T221) T139 T335
«Накормить», «напугать», «насмешить» **T016** T130 T132 T239 T247 T289 T318 **T320** T355 T356 T383 T405
Небо ногами держит муха/чиж T143 **T365**
Невесту на дутар/барана променяли воробей/горлинка **T101** T119 T317
Ниточку шелка нашел воробей T253
Ноги и глаза поблагодарила лиса за то, что они помогли ей убежать от собак **T320**
Нос лисы, в него засунуты виноградины **T188**
Обезьяна спасает и кормит воробья, он отвечает ей злом [возмездие] T120
Обезьяну/лису попросил волк сшить ему шубу T092 T129 T185 T306 T390 T394
Обезьяны, их пищу поедали медведи — падишах обезьян пробрался в лагерь медведей T204
Облако сильнее, оно закрывает солнце **T208**
Обод на голове у старухи [траур] T199
Овцы со сбитой шерстью [траур] T135
Огонь, за ним старуха посылает кошку T200
Огонь на голове у женщины [траур] T094 **T133**
Огонь сжег кустарник, колючку T013 **T064** T201 T285 **T392** T417 (T333)
Огонь, в него бросают петушка T357
Одежду синюю надела блоха [траур] T149
Ожерелье потерял воробей в кустарнике, просит его найти (T013) **T392** T417

Озеро послало волка к гончару за кувшином T158
Олень сказал леопарду, что у него рога, чтобы разрывать леопардов **T100**
Опий и банг курили ребята, которые отказались вытащить колючку у осла T183
Орел схватил мышь и потащил привязанную к ней веревкой лягушку **T280**
Орех вставили волку вместо зубов **T047**
Орех сбросил все листья [траур] T332
Орешник, боярышник просит коза пустить к ним в дупло, получает отказ T295
Оса залезла в ухо слону и начала там жужжать **T083** (7407)
Оса предлагает мышонку жениться на ней **T241**
Оса убила гусеницу за то, что та разрушила ее дом **T291**
Осел/баран/петух/ крыса / калькут/кошка / собака напугали волка/шакала/разбойников 7045 T161 T165 T250 (T275) **T354** **T399**
Осел/баран/еж/петух отправились в поле T045 T182 T184
Осел/баран/петух/крыса/калькут отправились к Каабе/в Мекку/в хадж **T024** T041 T277 **T354**
Осел, встретив льва, заревел так, что весь мир содрогнулся T046
Осел выкопал «мочу земли», «жилы/кишки земли» **T157**
Осел, его хотел съесть волк, он попросил разрешения сыграть на карнае [спасается] T335
Осел завидует красивой сбруе коня, когда коня продают, человек навьючивает сбрую на осла **T288**
Осел задел муравья по голове, его избили муравьи палками T246
Осел задолжал волку мясо T184
Осел и лев решили на соревнование переплыть реку T281
Осел лягнул волка, льва T041 T250 T277
Осел перевез дикобраза через реку T048
Осел предлагает волку прокатиться верхом/завозит к собакам T080 T109 **T115** T250
Осел предлагает букашке выйти за него замуж T137
Осел предлагает волкам соревнование T157
Осел притворился мертвым, чтобы схватить ногами волка T041
Осел просил леопарда/волка вынуть занозу из ноги [спасается] T139 T192
Осел-сапожник не сшил волку сапог T145
Осел сказал, что он наелся рыбы в реке, пугает льва T281 T287
Осел сказал, что он племянник льва [его пугаются] T109 T151 T281 T353 **T354**
Осел считает, что за добро платят злом T036 T175
Осел убежал от хозяина/хозяйки T025 T151 **T157** T161 (**T190**) (T250) T275 T281 (**T399**)
Осел хочет, чтобы его съели звери, рыбы T287
Ослу в ногу вонзилась колючка T183
Отражение свое увидев в воде, лев прыгает и гибнет **T079** T088 **T179** **T187** T232 T252
Отсрочку просит ягненок/осел/мышь у волка/леопарда/кошки **T076** T139 **T141** **T142** T146 T168 T170 T221 (T225) T291
Охотник воспитал медвежонка T057
Охотник сделал смоляное чучело, поставил чучело из своей одежды, чтобы поймать лису T325 **T338**
Охотник застрелил детей льва, съевшего лосят [возмездие] T233
Охотник напал на волка T013 **T064** T183 (T219) T285 **T392**
Охотник/человек освободил из клетки льва T391
Охотник поймал воробья, тот предлагает за свою свободу три совета **T122**
Охотник сильнее, он стреляет волков T208
Охотник стрелял в воробья T087
Охотник убил волка, спас старуху T323
Охотник убил львят/льва/тигра/леопарда [возмездие] T120 T256 T374
Охотник целился в горлинку, его укусила змея [возмездие] T305
Охотника привела к лисе ворона T059
Охотники застрелили лису, которая ехала верхом на волке T196
Охотники поймали черепаху, ее освобождает из силка мышь **T230**
Охотников натравил человек на лису, сказавшую, что за добро платят злом, хотя она спасла его T036
Охотником переоделась жена дехканина, пугает медведя T061

Падишах бросил петушка в хлев/в цементный дом/в просо **T096** **T361**
Падишах велел волку есть кислые яблоки T124
Падишах влюбился в мышь, носил ей золото и серебро T278
Падишах забрал у петушка десять тин T096
Падишах застрелил горлинку/воробья, дразнившего его T314 T334

Падишах, из него вылетел воробей **T023** T028 T084 T095 T121 (T136) (T163) T167 T248 T253 **T372**
Падишах Йемена просит визиря рассказать ему историю о львице [возмездие] **T120**
Падишах наточил козе рога T124
Падишах посылает лису за ситом **T296**
Падишах приказал убить/ощипать/посолить/поджарить воробья, дразнившего его, съел воробья, который продолжал кричать в животе **T001 T023** T084 T087 T095 T114 T121 T163 T167 (T177) T253 T268 **T372**
Падишаха просит букашка передать мышонку, что она упала в воду T178
Падишах, у него петушок забрал свою сестру **T361**
Падишаху отстрелили ползада/губу, когда из него вылетел воробей T028 T095
Палка, в нее вцепилась ртом лягушка/черепаха/лиса, ее несут аисты/утки [открывает рот, падает] T097, T223 T301 (T396)
Пастух предлагает букашке выйти за него замуж **T081** T085 T104 T112 T137 T197 T198 **T207 T251** T254 T294 T308 T309 T311
Пастух, у него просит лиса козу, чтобы взять молоко **T032**
Перепелка заставила лису/волка открыть рот [спасается] **T016** T051 T132 T239 T355
Перепелка накормила, насмешила, напугала лису (T016) (T130) T132 (T239) T247 (T289) T355 T356 (T383) T405
Перепелка попала в сети, ее спасает другая **T153**
Перепелка поставила кувшин перед норой лисы, который звенел и пугал лису T405
Перепелка пошла с лисом в хадж **T014** T033 T051 T055 (T319) T403
Перепелка, усевшись на лису, отправилась гулять T321
Перепелку обвиняет лис в том, что она пугает коня под всадником и клюет зерно, посеянное мусульманами T403
Петух, осел, баран, еж, теленок отправились в поле/заблудились в лесу/отправились странствовать T045 T063 T073 T182
Петух/крыса/калькут/осел и баран/собака/кошка отправились к Каабе/в Мекку/в хадж **T024** T041 T277 **T354**
Петух закукарекал [напугал волков] (T156) T161 T165 (T218) **T399**
Петух, запев заупокойную молитву, пугает волка/шакала **T024** T041 (T165) T250
Петух запел, что спустит шкуру с волка [волки испугались] T045 T063 T073 T277
Петух и аист пошли с лисой в сад T067 T319
Петух и кошка ушли в лес T713
Петух, куропатка и ворон пошли с лисом в хадж T059
Петух, лиса, козел, баран устроили собрание T058
Петух наполнил котел мочой T218
Петух попал в лапы лисы, но его спасла кошка T173
Петух пошел с лисом в хадж **T014** T038 T055 T403
Петух приказал привести к нему соловья T266
Петух просится зимой в дом к барану T058
Петух убежал от хозяина T025 **T074** T108 T161 T218 T250 T275 **T399**
Петух, увидя лису, взлетел на стену и сказал ей, что к ним бегут охотничьи собаки **T054**
Петуха обвиняет лис в том, что он будит мусульман, съедает его T403
Петуха пригласил волк на охоту T139
Петуха схватила лиса, он предложил ей поблагодарить бога перед едой [спасается] **T211**
Петуха хотела схватить лиса, с нее спустили шкуру T063
Петушка бросили в печь/огонь/просо/хлев/курятник/котел с кипящей водой T357 **T361**
Петушка выгнал хозяин из дома за то, что он не нес яиц T357
Петушка посадил падишах на гору золота и серебра T357
Петушок залил водой дом/огонь **T096** T357 **T361**
Петушок нашел половину алмаза, его отнял бай T102
Петушок поглотил воду/реку, волка, муравейник **T096** T357 **T361**
Петушок положил волка, лису и мельничный жернов в хурджин T357
Петушок получил на похоронах десять тин, их отнял падишах **T096**
Петушок спрятал пчел под крылья T102
Печь, в нее бросают петушка **T361**
Пища, отравленная лисой, ею же была съедена T263
Пищу воровала мышь у человека T022 T367
Платье сшить, надеть просит воробышек T007 **T213** T310 T312 T316 T324 **T372** T401 T406

Платье человека надел лис (Т206) **Т363** Т364 (Т389)
Плешивец влюбился в мышь и тратил деньги на сладости для нее Т002
Плот глиняный, деревянный, на них плыли лиса и заяц, глиняный плот размяк, лиса утонула **Т206**
Подушку пришила к заду служанка [траур] Т214
Ползада отрубили падишаху, когда оттуда вылетел воробей **Т001** **Т023** Т028 Т084 Т087 (Т136)
Порох и пули украла мышь у охотника **Т392**
Портного просит воробышек сшить платье Т312 Т406
Поясница, — если муравей обвяжет ее веревкой, то он сможет свернуть гору Т208
Продавец потребовал за кораллы яйца Т329
Просо, в него бросают петушка **Т361**
Просо завяло [траур] Т202
Просо и пшеницу достали для петуха шило, осел и птица Санг-дунг дунг Т025
Просо согнулось, у него переплелись стебли, перепутались усики [траур] Т009 Т094 **Т105** Т135 Т214 Т313 (Т341)
Прядильщика просит воробей спрясть нитки из хлопка Т312 Т406
Птица Каликардж сбрасывает своих птенцов лисе (**Т034**) (Т037) Т300
Птица Карчаг Т056
Птица ослепила слона **Т083** Т407
Птица Санг-дунг дунг, осел, баран и петух остались жить на лугу Т025
Птица Симак, ее птенцов съедает лиса Т070 Т350
Птицы на собрании избрали падишахом шакала/птицу Карчаг Т056
Птичка-невеличка, подняв лапки, поддерживает небо Т295
Птица Питакак Т019 Т130
Пуговицы просил пришить воробей Т010
Пузырь съел курицу, кошку, собаку, верблюда с верблюжонком Т304
Пули и порох украла мышь у охотника Т392
Пчёл под крылья спрятал петушок Т102
Пшеница и лен съели катальму, оставленную волку Т222
Пшеницу и просо достали для петуха шило, осел и Санг-дунг дунг Т025
Пшеницу посеяли волк/лиса/медведь/блоха/ клещ/ лягушка/ муравей/ мышь/ черепаха/старик/бык/верблюд **Т015** **Т031** (**Т049**) **Т052** (**Т053**) Т069 Т123 Т131 (Т209) Т242 Т243 Т271 **Т327** Т340 Т345 **Т352** Т368 Т389 Т402 Т418
Пшеница пошла на мельницу молоть муку Т222
Пшеницу тащил муравей Т246
Пшено курице Т292
Пятница, в этот день лис не ест мяса **Т215**
Пятерых козлят имела коза Т414 Т415

Разбойники, испугавшись петуха/осла/собаки/кошки, бегут из дома **Т024** Т345
Рана от топора зажила, а от слова осталась Т035 Т082 Т147 Т169 **Т227** Т244 **Т255**
Ребята курили банг и опий Т183
Река/озеро послала волка/ворона за горшком **Т144** Т158 Т238
Репу, пшеницу посеяли старик, медведь [вершки-корешки] **Т352**
Рис перепутался [траур] Т149
Рис потребовал у дехканина медведь **Т017**
Рога крепкие/стальные сделал козе мастер Т065 Т126 Т249 Т413 Т414
Рога козе наточил/казий/мастер/падишах/точильщик/кузнец Т012 (Т060) Т077 Т089 Т098 Т124 Т398 **Т412** Т414 Т415
Рога намочить в воде источника Зам-зам велел казий козе Т410
Рога у олененка, чтобы разрывать леопардов **Т100**
Ружье сломал мужик, бросив в перепелку камень Т405
Ружье у мальчика взяла горлинка и убила собаку Т201
Ручка для кетменя, которым дехканин разрушит нору волка (Т296) Т324 **Т346**
Рыбам на съедение хотел броситься осел Т287 (Т318)

Сад дивов, туда пришли баран, мышь, осел и петух Т250
Садовник дает траву/пшено **Т116** Т292 Т404
Садовник в одежде своей дочери пришел в дом скотовода, продал волка вместо племенного барана Т389
Садовника убил белый медведь, отгоняя мух **Т075**
Сапоги волку сшил осел-сапожник Т145
Сапожник, пришивая хвост кошке, зашил ей зад **Т116**
Сапожник пришил шакалу хвост Т419
Саранча напала на кишлак Т298
Свеклу/лук/пшеницу/морковь сеяли лиса/медведь/волк[вершки-корешки] **Т052** **Т237** Т402
Семеро волков набросились на козла/барана/жеребенка/петуха/быка Т063 Т073
Семь баранов отнес волк лисе на шубу Т306

Семерых козлят имела коза **T212** T257 T416
Семь лепешек **T412**
Семь лисиц связала хвостами бесхвостая лиса и оторвала их T306
Серебро, золото и быков получает воробей от хана за молчание T401
Серебро и золото отдал падишах мышке, в которую он влюбился T278
Серебро и золото петушок положил в хурджин и отнес хозяину T357
Серп отрезал вороне правое крыло, голову, потом левое T238
Серп отрезал ветки дерева **T144**
Серп садовнику T404
Сестру свою забрал петушок у падишаха **T361**
Сети охотника, туда попадают голуби, перепёлка T022, **T153** T379 **T386**
«Сила осталась дома», — сказал человек льву/медведю T160
Силка не заметил ястреб, разглядев за два километра зерно T078
Синяя краска, упав в нее, лис назвал себя суфием **T014** (T055)
Синяя одежда [траур] T149
Симак, птица, ее птенцов съедает лиса T070 T350
Сирота надел ожерелье на шею воробья **T392**
Сито подвесила женщина на шею [траур] T202
Ситца кусок нашел Питакак, заставил его скроить, сшить, надеть на него T130
Скворец, умный, не торопился и долго питался саранчой, а глупый скворец быстро уничтожил всю саранчу и умер с голоду T298
Скворец хотел съесть гусеницу, та просит отсрочку [спасается] **T291**
Скорпион предлагает букашке выйти за него замуж T134
Скорпион ужалил черепаху, которая перевозила его через реку **T043**
Скотовод убил садовника, проникшего к нему в дом в одежде своей дочери T389
Слон сказал, что у льва изо рта пахнет духами, был съеден за ложь **T378**
Слон чесался о дерево, и птенцы падали на землю, его убивают птица/оса/лягушка T083 (T407)
Служанка надела ковш на голову [траур] **T105**
Снег и дождь сильнее, они прорывают облако **T208**
Собак к лисе привел аист/перепелка T067 T132 (T318) (T320) T405
Собака бая не смогла справиться с волком, после того как собаки гончара и ткача убежали **T347**
Собака бросилась за кошкой T183
Собака, выгнанная хозяином, пошла в хадж **T024** T045 T275
Собака гончая задрала лису [возмездие] T256 T374
Собака/кошка/петух/осел напугали разбойников T045 T275
Собака предлагает букашке выйти за нее замуж T107 T138 T254
Собака пыталась съесть козлят, пока козы не было дома, ее не пустили T065 T077 T162
Собака сказала, что хозяин ценит ее больше, чем корову и барана T348
Собака хотела съесть Кенджу, он укатил от нее в тыкве T172
Собаки были у гончара, их пас собаковод, попросил для них молока T238
Собаки искусали волка T080 T140 T148 T228 (T318) **T362**
Собаки, натравленные лисой, разорвали волка **T394**
«Собаки ничего не знают о решении собрания», — сказала лиса петуху **T054**
Собаки охотника погнались за лисой **T016**
Собаки отгоняют шакалов T303
Собаки разодрали лису **T014** T038 (**T320**)
Собаку заманила лиса под корзину вместо себя **T338**
Собаку побил человек, она пожаловалась на него льву T180
Собаку просит горлинка прогнать волка T201 T333
Собрание козла, барана, петуха, лисы [строили дом] T058
Собрание птиц [выборы падишаха] T056
«Собрание решило, чтобы лиса водилась с с петухом, а волк с бараном», — говорит лиса петуху **T054**
Советы воробья охотнику **T122**
Совы пожирали ворон [война] **T186** T204 T299
Сокол ночью обвинил голубя в том, что он заслоняет ему солнце, и съел его T050 (**T388**)
Сокол погнался за перепелкой T132
Сокол прогнал горлинку, его застрелил охотник [возмездие] **T305**
Сокровище из мышиной норы забрал гость/шейх T022 T367
Солнце сильнее, оно растапливает лед **T208**
Соловей позвал петухов позавтракать с ним, предложил им закрыть глаза, завел их в ров с водой T266
Соломинку встретила горошина T262

Сольчекак упала в мельничный ящик [траур] Т133
Сорок богатырей жили в доме, который увидели осел, собака, кошка, петух Т275
Сорок ягнят на шубу дал волк лисе и обезьяне Т390
Сорока некогда украла у воробья платье, связала воробью ноги, и поэтому он подпрыгивает Т010
Сорока пошла с лисом, вороном, блохой в хадж **Т395**
Сорока просит лису сбросить ее с горы, чтобы ее мясо стало мягким [спасается] (Т070) Т117 (**Т300**) (Т350)
Сорока спросила у лисы имя [спасается] **Т034** Т037
Сорока стала рябая оттого, что она надела на свое черное тело белое платье, украденное у воробья Т010
Сорока съела курицу **Т004**
Соревнование: выбить из земли мочу и кишки **Т157**
Соревнование: переплыть реку [лев и осел] Т281
Соревноваться в силе с человеком пытается лев/медведь, не знающие человека, их привязывают к дереву и избивают Т160 Т180 (**Т190**) Т265 (**Т377**) (**Т393**)
Соседа просил воробей сшить платье Т316
Соседка засунула гвоздь в зад [траур] Т214
Соседка, перепутав кунжут, бросила его в воду [траур] Т111
Спичкам деньги отнесла коза Т322
Старик влюбился в мышь Т006 (**Т106**) Т125 Т209 Т269
Старик и медведь посеяли пшеницу, репу [вершки-корешки] **Т352**
Старик и старуха повезли лен на маслобойку, укатили в тыкве от волка, которому они не дали блинов Т030
Старик, найдя вместо козы ее кости, пришел в дом к медведю и спросил, не он ли съел их козу Т040
Старик обварил старуху кипятком за то, что она обварила мышь Т269
Старик поймал лису при помощи смоляного чучела **Т338**
Старик продал шкуры медведя и волка Т040
Старик с лопатой на плече [траур] Т341
Старуха вытащила колючку из лапки и сожгла Т317
Старуха заставляла осла много работать, он сбежал **Т157**
Старуха и старик повезли лен на маслобойку, укатили в тыкве от волка, которому они не дали блинов Т030
Старуха напала на детей Т183
Старуха напала на кошку **Т064 Т392**
Старуха обожгла мышь раскаленной шумовкой/горячей золой/кипятком Т002 Т006 Т269 Т278
Старуха/женщина отрубает кошке хвост **Т116** Т270 Т292 **Т296** Т322 Т329 (**Т404**) Т419
Старуху попросил воробышек вытащить хлопок Т315
Старуха убила курицу, положила на живот Гурдака раскаленный камень, прижгла пузырь кочергой и всех съеденных выпустила **Т004** Т304 Т330
Старуха попросила охотника спасти ее от волка, обещала ему жареную пшеницу/курмоч Т323
Старуха посылает кошку за огнем к соседке Т200
Старуха предлагает кошке/листку лечь спать за дверью/к очагу в головах, за спиной, к ногам, на груди Т066 Т159 Т200 **Т251**
Старуха просила волка съесть козу Т333
Старуха с веретеном в носу [траур] Т003 Т009 **Т105** (Т111) (Т135) Т202 (Т214) Т332 Т341
Старуха сделала игрушечного воробья Т401
Старуха с ободом на голове [траур] Т199
Старуха с прялкой на спине [траур] **Т133**
Сто метров Т189
Сто двадцать коз на шубу потребовали у волка лиса и обезьяна Т390
Стража поймала волка, когда он перенес всю казну лисе, выдавшей его Т364
Суфием назвал себя лис [хадж] **Т014** Т033 Т038 Т051 Т059
Сын — чтоб вырыл арык, пустил воду, посадил дерево для ручки кетменя, которым дехканин разрушит нору волка Т324 Т346
Сына падишаха просит букашка передать мышонку, что она упала в воду Т198 Т308
Сын падишаха убил охотника и забрал шкуру убитого им льва [возмездие] Т374
Сын падишаха укатился в тыкве от волка **Т113**
Сын садовника подстрелил голубя Т379
Сын садовника убил ежа [возмездие] Т389
Тайна **Т018** Т069 Т071 Т132
Теленок, баран и козел прогнали волков и

продали волка вместо племенного барана T155 (T389)
Теленок в шкуре волка, льва **T108** T218 T259 T293 T385
Теленок и козленок убежали без спросу гулять, на них напали волки T219
Теленок, коза, баран и петух уходят от хозяина T073 **T108** **T174** T218 T259 T293
Тигр съел лису [возмездие] **T120**
Тин десять получил петушок, падишах отнял, они вошли петушку в зад **T096**
Ткань хлопковую горлинка заставила женщину надеть на нее T337
Ткача просит воробей соткать ткань T312 T406
Тля умерла [траур] T003 T009 (T105) (T111) T118 T135 T149 T199 T202 T214 T313
Точильщик наточил рога козе T398
Трава корове/козе **T116** T270 T292 **T296** T322 T326 T329 T404 T419
Трава сильнее, она пробивает землю **T208**
Трех козлят имела коза T065 T072 T077 T098 T126 T127 T249 T409
Три собаки бросились за волком **T347**
Три совета обещал охотнику воробей за свою свободу **T122**
Тыква, в ней Кенджа/Бахтиёр/сын падишаха/заяц/ старик со старухой укатили от лисы/леопарда/волка/шакала/собаки T030 **T113** T166 T172 T342

Уголь кузнецу/мастеру/железу **T144** T270 T322 T404
Угроза: зубы заболят, если не передадут мышонку, что букашка упала в воду (T178) T198 T308 T349
Угроза: заговорить задом **T207**
Угроза: прилипнуть к кошме, если не передадут, что букашка упала в воду T068 T128 T138 **T251** T349 T408
Удод пошел в хадж с лисой, перепелкой и петухом, привел к лисе собак, установил у норы лисы кувшин T403
Утка, курица и мышь жили вместе T191
Утки берут с собой лягушку/черепаху, которые держатся ртом за палку T223 T301

Формулы T003 T007 T009 T010 T011 T013 T064 T091 T094 T101 T103 **T105** T111 **T116** T118 T119 **T133** T135 T144 T149 T158 T183 T193 T199 T201 T202 T214 T238 T270 T285 T292 **T296** T310 T313 T315 T317 T322 T326 T328 T329 T332 T339 T341 T343 **T392** T401 T404 T406 T417 T419

Хабаш — страна, там жила мудрая мышь T375
Хадж вороны/петуха/куропатки/лисы/дятла/жаворонка/осла/мыши/калькута/удода/барана/кошки/собаки **T014** **T024** T033 T038 T041 **T047** T051 T055 T059 T277 **T354** **T395** T403
Хана падишаха дразнит воробей T401
Хауз бултыхается [траур] T313
Хвост волка примерз T217
Хвост волку оторвала лиса **T018**
Хвост кошке/шакалу прищемляет сапожник **T116** T419
Хвост лисы/волка/ в него вцепился клещ/блоха/муравей **T015** **(T053)** **T123** T131 T242 T271 T302 T337 T345 T382
Хвост лисы/обезьяны обрывается, к нему привязан кувшин **T092** (T185) (T390) T405
Хвост льва съедает лиса после того, как лев прыгает за своим отражением в колодец **T187**
Хвост отдала лиса собакам за то, что он мешал ей бежать от них **T320**
Хвост оторвал лисе волк T129 T243
Хвост отрубила старуха кошке/лисе/шакалу за выпитое молоко **T116** **T229** T270 T292 **T296** T322 T326 T329 (T404) T419
Хвост протягивает мышонок букашке и спасает ее из воды T137
Хвосты лисицам оборвала бесхвостая лиса, заманив их в виноградник **T092** T129 T209 T243 T306 (T390)
Хлеб отравила змея T360
Хлопковые семена вставлены вместо зубов T012 T060 T077 T098 T126 **T212** T249 T276 T411 **T412** T413
Хлопковую ткань разрезала воробышку мать Барно **T213**
Хлопок вытащить, соткать, сшить попросил воробей **T372**
Хлопка коробочку нашел воробей **T001** T007 T010 T095 T103 T110 T121 T136 T167 T177 T181 T193 **T213** T248 T268 T310 (T312) T314 T315 T339 **T372** T400 T401 T406
Хлопка коробочку нашла горлинка T334
Хлопок из коробочки вытянула воробышку Маасума **T213**
Хлопок нашла старуха, спряла, сшила из него платье T023 T028 T084
Хлопок распутала воробышку мать Мусанида, соткала мать Солиджона, спряла тетушка Мушарраф **T213**
Хлопок старухи развеял ветер **T064** T392
Хитрость осталась дома, сказал человек льву **T393**

Хозяин виноградника убил волка, которого завела лиса **Т188**
Хозяин дома убил змею, которая съела птенцов ласточки Т220
Хозяин прогнал/осла/барана/петуха/собаку/кошку/птицу Санг-дунг дунг Т024 Т025 Т045 Т073 **Т108** Т109 **Т174** Т218 (Т250) Т275 Т277
Хозяин прогнал петушка из дома за то, что он не нес яиц Т357
Хозяин сказал, что собака, корова и баран имеют для него одинаковую ценность **Т348**
Хозяина пыталась убить приручённая им змея по навету дикой, кошка его спасла **Т360**
Хурджин, в него петушок положил волка, мельничный жернов, золото и серебро Т357

Цыгане, у них лиса увела осла **Т365**

Чакон — козе Т270
Чалма голубая/белая Т137 Т138
Человек взял у ивы сук и сделал ручку **Т296**
Человек натравил охотников на лису, сказавшую, что за добро платят злом Т036 Т210
Человек/дехканин побил собаку/кошку Т180 Т265
Человек положил лису себе за спину в хурджин, она, отогревшись, начала его щипать Т389 Т405
Человек получал от мыши сокровища Т022 Т283
Человек продает коня и навьючивает сбрую на осла, завидовавшего коню **Т288**
Человек/дровосек/старик сильнее всех, он состязается со львом/медведем и побеждает их хитростью Т021 Т160 Т180 **Т190** Т265 **Т377 Т393**
Человек сказал, что сын букашки уродлив Т226
Человек/дехканин/дровосек/погонщик верблюдов/охотник спас змею/льва, которые затем хотят его убить Т036 Т171 Т175 Т189 Т210 **Т376** Т391
Человеческое мясо вкуснее **Т377**
Червяк стал ковырять спину лягушки, она нырнула, он утонул Т231
Черепаха залезла в нору зайца и кошки и там застряла Т264
Черепаха/лиса/мышь/клещ сеяли пшеницу [бег наперегонки] **Т015** Т302 (Т345) Т368
Черепаха перевозила скорпиона через реку, нырнула, когда он ужалил ее **Т043**
Черепаху освободила мышь от силка **Т230**
Черепаху спросила коза, не она ли съела ее козлят Т416
Черный платочек надела тля [траур] Т105
Четверых козлят имела коза Т124 Т409
Четыре лепешки на две козы выменяла горлинка Т317
Четки надел лис и притворился мусульманином **Т014**
Чиж поддерживает небо **Т365**
Чинар осыпался [траур] Т003 Т009 Т091 **Т105** Т149 Т199 Т202 Т313 Т328
Чучело смоляное из своей одежды сделал охотник, чтобы поймать лису Т325 **Т338**

Шакал выпил молоко у старухи, та отрубает ему хвост Т419
Шакал пригласил на охоту петуха, напал на козу, попал между рогов двух коз Т139
Шакал, от него укатил в тыкве сын падишаха/заяц **Т113** Т166
Шакал пытался съесть козлят Т065 Т089
Шакал сказал льву, что гибель его львят — это возмездие за убийство лосят Т233
Шакал хотел съесть осла, его пугают осел, петух, мышь, баран Т250
Шакала избрали падишахом птиц, он съел одну ворону и поссорился с воронами Т056
Шакала спросила коза, не ел ли он ее козлят Т249 Т416
Шакалу брюхо распорола коза **Т412**
Шакалы отправляются в кишлак за курами, бегут, испугавшись собак Т303
Шахтер дал уголь вороне Т238
Шейх и гость, раскопав мышиную нору, забрали золото Т367
Шестерых козлят имела коза Т257 Т410 Т411 Т414 Т415
Шесть овец отнес на шубу волк лисе **Т394**
Шило, осел и птица Санг-дунг дунг достали для петуха просо и пшеницу Т025
Шкура волка исцелит льва Т373
Шкуру волка/льва/леопарда надели на теленка/барана/зайца/козу **Т074 Т108** Т218 Т259 Т293 Т385 Т397
Шкуру волка и лисы нашли бык, баран, петух и коза и оставили перед домом **Т074**
Шкуру леопарда/тигра забрал всадник [возмездие] **Т120** Т256
Шкуру найденную надела на себя лиса Т129 Т306

Шкуру своей матери дал медведь старику для продажи T040
Шкуру спустили с лисы, с волков козел, баран и жеребенок T063
Шкуру с себя содрала лиса, когда в нее вцепились блохи T358
Шкуру сторожить поручил мальчик шакалу T419
Шубу просил лису/обезьяну сшить волк, дает баранов/коз **T092** T129 T185 T306 (T390) T394
Шумовкой раскаленной избила жена мышку T002 T106

Яблоки кислые велел волку съесть казий/падишах T124 T127 T410
Ягненка/овцу хотел съесть волк, тот обещает принести приправу [спасается] **T076** **T142** T221
Яд положила лиса в пищу для зайца T263
Язык обрезать просит волк мастера, чтоб голос у него стал, как у козы T295
Яйца водоносу/женщине/косарю **T116** T292 T326 T419
Ястреб ночью обвинил куропатку в том, что она заслоняет ему солнце, и съел ее (T050) **T388**
Ястреб поспорил с муравьем, кто лучше видит T078
Ястреб схватил мышь и потащил привязанную к ней веревкой лягушку (T110) **T229** (**T280**) T330 T367
Ястреба на дереве увидела мышь T375
Ястребу сказала кошка, что лиса хочет съесть его птенцов T026
Ячмень обещал лис святому Баховаддину за спасение от собак **T014** T038 **T395**

СВОД ТАДЖИКСКОГО ФОЛЬКЛОРА
Т. I.
Басни и сказки о животных

Утверждено к печати
Институтом языка и литературы
им. Рудаки АН ТаджССР

Редактор *С. С. Цельникер*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13762

Сдано в набор 19.04.78. Подписано к печати 14.07.80 А-01864. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 41,16. Уч.-изд. л. 37,02. Тираж 10000 экз. Изд. № 3164. Тип. зак. 428. Цена 3 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 10